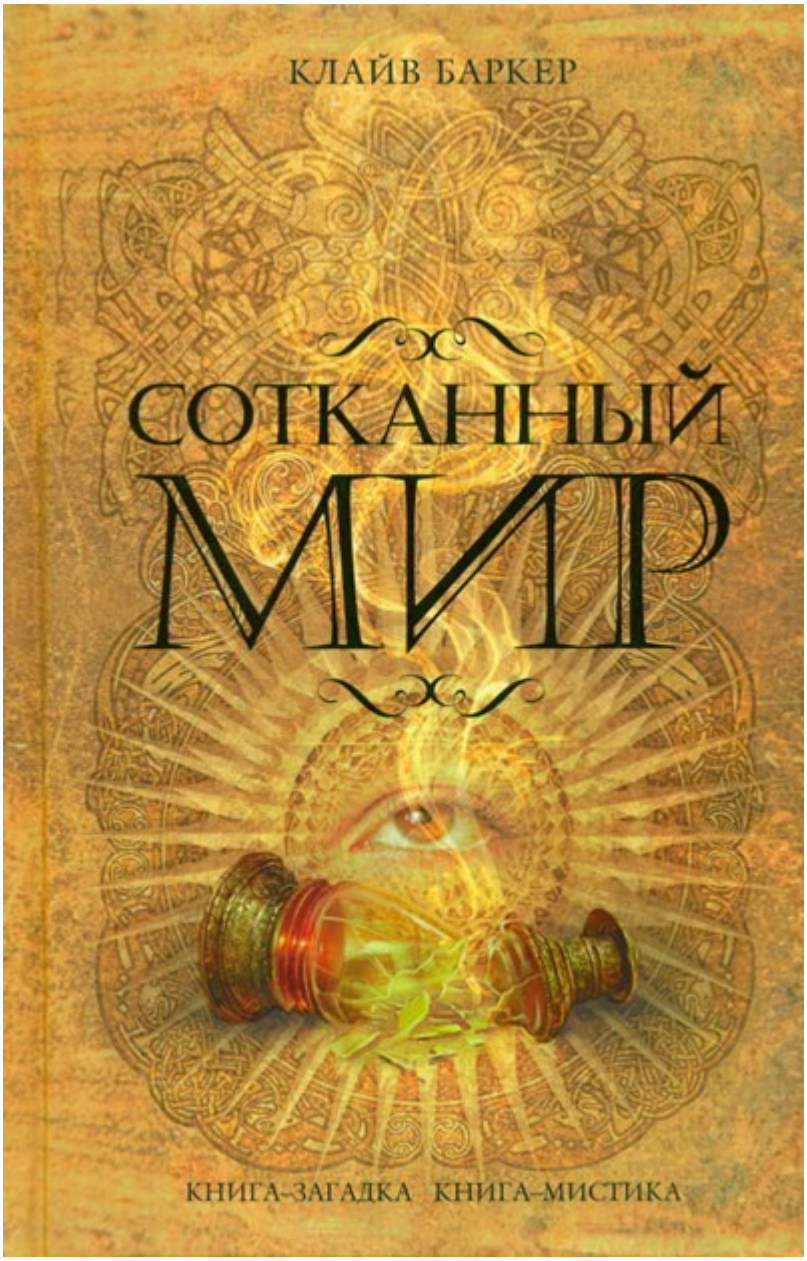
Клайв Баркер
Сотканный мир



Аннотация

На двадцать шестом году жизни Кэлхоун Муни в поисках сбежавшего голубя попадает на незнакомый двор, куда рабочие выносят вещи умирающей в больнице хозяйки дома. Случайно взглянув на выброшенный ковер, Муни видит сменяющиеся пейзажи чудесной страны. Ему пока еще невдомек, что хозяйка ковра, старая Мими Лащенски, — хранительница Сотканного мира, вселенной, куда заключена волшебная земля Фуга, страна Ясновидцев Тем более он не знает, что Фугой хотят завладеть ее враги: изгнанная Ясновидцами колдунья Иммаколата с двумя своими сестрами-призраками и помощником Шедуэллом, а также Бич, чудовищный демон пустыни, сеющий всюду смерть.

Блестящая фантасмагория от Клайва Баркера, великого создателя чарующих и страшных миров.

Клайв Баркер
«Сотканный мир»

Посвящается Д. Аж. Д

У души имеется родина, это царство значений вещей.
Антуан де Сент-Экзюпери. Цитадель

Предисловие

Помню окно в фермерском доме в Северном Уэльсе, у которого был подоконник из побеленного камня, такой глубокий, что я до шести лет умещался на нем целиком и сидел, подтянув колени к подбородку. Из этого потаенного места мне открывался вид на яблоневый сад за домом. В то время сад казался мне большим, хотя, оглядываясь назад, я понимаю, что там было не больше двадцати деревьев. В жаркие дни после полудня фермерские кошки, утомленные ночной охотой, приходили туда подремать, а я высматривал в высокой траве яйца, оставленные заблудившимися курами. За садом была невысокая стена, поросшая старым мхом, за стеной — широкий колышущийся луг, где паслись овцы, и совсем уже вдалеке таинственно синело море.

Понятия не имею, несколько эти воспоминания соответствуют действительности. С той поры, когда я мог поместиться в оконной нише, прошло почти сорок лет. Фотографии, сделанные моими родителями в то далекое лето, все еще смотрят с ветхих страниц их фотоальбома, но они маленькие, черно-белые и не всегда четкие. Есть даже пара снимков со спящими кошками. Но нет ни сада, ни стены, ни луга. И окна, на котором я сидел, тоже нет.

Возможно, на самом деле не так уж важно, верны ли мои воспоминания; важно то, как сильно они меня трогают. Я до сих пор вижу это место во сне, а когда просыпаюсь, явственно помню каждую деталь. Запах ночника, который мать ставила на комод в моей спальне, тени под деревьями, тепло и тяжесть яйца, найденного в траве и доставленного на кухню, словно драгоценное сокровище. Эти сны представляют все доказательства, которые мне нужны. Я уже был там однажды, безгранично счастливый. И я верю, что окажусь там снова, хотя не могу объяснить, каким образом.

Того фермерского дома больше нет, кошки умерли, сад выкорчевали. Но я все равно попаду туда.

* * *

Если вы уже прочитали книгу, вы уловили сходство ее идей с этим отрывком автобиографии. Да, конечно, в романе говорится и о магии, и о пустых обещаниях, и об ангельском суде, однако суть истории в том, что герои вспоминают — или не могут вспомнить — увиденный мельком рай.

Вот, например, Муни, наш герой:

> «И только когда в разгар очередного безотрадного дня какая-то мелочь, какой-то запах или звук напоминали ему о том, что он бывал в ином мире, дышал его воздухом, встречался с живущими там созданиями, — тогда Кэл сознавал, насколько призрачны его воспоминания. И чем упорнее он пытался вспомнить забытое, тем увереннее оно ускользало от него.
>
> Чудеса Фуги стали пустыми словами, реальностью, куда он больше не имел доступа. Он думал о фруктовом саде, и с каждым разом ему представлялось все более и более прозаическое место, где он ночевал (где он спал, и ему снилось, что его нынешняя жизнь это всего лишь сон), с еще более прозаическими яблоневыми деревьями…

Наверное, вот так человек умирает, думал он: теряет все, что ему дорого, и не может предотвратить потерю».

Этот роман — не просто о бегстве в Эдем. Он о том, как знание об Эдеме ускользает от нас, и о том, какие средства мы изобретаем, чтобы удержать его. Мне кажется, подобное переживают все повсеместно, именно поэтому книга продолжает находить своих читателей. Недавно я предпринял шестинедельную поездку по стране в поддержку нового романа и, подписывая книги, заметил, что люди приносят потрепанные, но горячо любимые томики «Сотканного мира». Несколько раз мне говорили, что книга помогла преодолеть очень тяжелые периоды жизни. Для автора нет ничего более радостного, чем надписывать свою книгу, обросшую историей: побывавшую у друзей, падавшую в ванну, испачканную пролитым кофе и пожелтевшую от солнца. У меня в библиотеке есть очень старые издания — Мелвилла, По, Блейка, — которые я обожаю, хотя их внешний вид делается все хуже. Я знаю, как можно сродниться с книгой, чьи пятна и потертости стали знаками вашей общей истории. Что может быть прекраснее такого союза формы и содержания, чем роман о воспоминаниях, вроде «Сотканного мира», отмеченный следами пережитых вместе с ним событий?

* * *

Книга вышла в 1987 году, как и первый фильм «Восставший из ада», и представляла собой значительное отступление от запредельного ужаса, с которым мое имя ассоциировалось на тот момент. Критики заявляли, что я отказываюсь от стиля, что мое воображение слишком мрачно для того жанра, в котором я пытаюсь писать, и что лучше бы мне оставаться в нише «хоррора». Однако реакция читателей, включая и любителей моих ранних работ, была на удивление положительной. Книга прекрасно продавалась и продолжает продаваться до сих пор, теперь уже на разных языках. Благодаря ей родились другие произведения искусств, созданные читателями, пожелавшими рассказать историю по-своему картины, стихи, музыка и даже опера, которую собирались ставить в Париже. Я пришел к выводу, что жуть, привнесенная мной в сюжет, вовсе не создает сложностей, а, наоборот, способствует достижению цели. Конечно, в книге есть магия и красочные фантазии. Однако Фуге — волшебным небесам из романа — грозит безвозвратная гибель, и силы, что надвигаются на нее, это вовсе не дешевые страшилки. Это извечная человеческая жестокость и извечное человеческое отчаяние.

* * *

Конечно, сказки о потерянном рае лежат в основе нашей культуры; ведь все мы изгнаны из некоего благословенного места.

Что же это за место? Память о состоянии полного довольства, оставшаяся от того времени, когда мы считали себя цельными, поскольку еще не сознавали факта своего физического отделения от матери? Или же религиозные представления, слишком глубоко засевшие в наших клетках и потому не поддающиеся интеллектуальному исследованию, изучающему наши связи с планетой, с животным миром, со светилами? Может быть, это вера? Или же благословенная уверенность?

Разумеется, рассказчику нет необходимости знать ответы на все поставленные вопросы. От него требуется лишь заинтересованность, чтобы их задавать. «Сотканный мир» полон неразгаданных загадок. Отчего Иммаколата так сильно ненавидит ясновидцев? Существо из Пустой четверти — это ангел или же нет? И если сад из песка, где он несет свою безумную вахту, не является райским садом, откуда тогда взялись ясновидцы? Конечно, разгадки можно было бы отыскать и записать, но я уверен, что они поставили бы новые вопросы, а ответы в свою очередь породили еще вопросы. Так что, при всем масштабе и разветвленности сюжета, в романе нет попыток заполнить все пробелы придуманной истории. «Ничто нигде не

начинается», — говорится в первой фразе. Подобные фразы есть во множестве уже написанных историй, и их напишут еще не раз. Меня не раз просили сочинить продолжение, но я не стану этого делать. История не завершена, но я сказал все, что мог.

Это не значит, что мое отношение к роману не меняется. За прошедшие десять лет я переживал периоды, когда он совершенно переставал мне нравиться. Временами меня даже раздражало, что книга в таком почете у читателей, хотя существуют и другие, гораздо более интересные работы. И вот когда мое раздражение достигало верхней точки, я опрометчиво начинал осуждать фантастическую литературу в целом. Я поносил ее за элементы эскапизма, выделяя склонность фантастов доносить до читателя социальные, моральные и даже философские выкладки за счет прославления добродетелей героев. Я делал это из искреннего желания защитить любимый жанр от обвинений в тривиальности и банальности, однако мое рвение увело меня в сторону. Да, сюжеты фэнтези замысловато вплетаются в ткань повседневной жизни, преподнося самые важные идеи в иносказательной форме. Но эти книги хотя бы на время выводят читателей за рамки нашего обыденного «я», освобождают от мира, который ранит и разочаровывает нас, позволяют побродить там, где живет магия и возможно перерождение. Хотя в своих последних работах я все больше сосредоточиваюсь на реальности, которая причиняет боль и разочаровывает, как читатель я заново открыл для себя радости бесстыдного эскапизма: рассказы лорда Дансэни, ранние произведения Йейтса, живопись Сэмуэля Палмера и Эрнста Фукса.

Однако автор, написавший «Сотканный мир», исчез. Я не потерял веру в очарование фэнтези, но в той книге есть беззаботная сладостность, больше (по крайней мере, в настоящий момент) не присущая моему перу. Должно быть, наступило другое время года, а «Сотканный мир» был написан ароматной весной. Возможно, придет новая весна. Но те нежные выдумки очень далеки от человека, пишущего сейчас эти слова.

Может быть, именно поэтому сегодня утром, садясь за работу, я вспомнил подоконник в Северном Уэльсе, и сад, и стену, и луг. Они так же далеки, но одновременно — как томик «Сотканного мира» у меня на столе — всегда со мной; они часть моего прошлого и настоящего.

«То, что можно вообразить, никогда не умрет» — так говорится в книге сказок, которую Мими Лащенски оставляет на сохранение своей внучке. Эта книга становится убежищем еще до того, как заканчивается роман; место, где находит приют уязвимое волшебство. Так внешняя и внутренняя книги, книга сказок и история Фуги, сливаются в одну идею. Ту самую бесценную идею, что приводит читателей с затертыми томиками романа за автографом к автору, а меня возвращает к воспоминаниям о подоконнике и саде за ним, и я делюсь ими с вами. Такая простая мысль, но она до сих пор кажется мне чудесной: в словах мы может сохранить дорогие нам образы и мысли. И не только сохранить, но и передать дальше.

Предаваться мечтам в одиночестве, конечно, здорово; однако мечтать в компании, по-моему, несоизмеримо приятнее.

Клайв Баркер

Книга первая
В королевстве чокнутых

Часть первая
Безумное далёко

Всё я, однако, всечасно крушась и печалясь,
Желаю дом свой увидеть и — сладостный день возвращения встретить.

Гомер. Одиссея[1]

1 Перевод В. Жуковского.

I
Путь домой

1

Ничто нигде не начинается.

Не существует никакого первого мгновения, ни единого слова или места, с которого начинается та или иная история.

Всегда можно вернуться к какой-то более ранней легенде и к предшествовавшим ей рассказам, хотя связь между ними истончается, как только голос рассказчика умолкает, ибо каждое новое поколение желает, чтобы легенда была создана именно им.

Так язычники становятся святыми, трагедия превращается в фарс, великая любовь скукоживается до сентиментальности, а демоны вырождаются до заводных игрушек.

Ничто не привязано к месту. Туда-сюда ходит челнок, факты и фантазии, дела и домыслы сплетаются в узоры, у которых общее только одно: то, что таится внутри них. Та самая филигрань, что со временем превратится в целый мир.

* * *

Должно быть, место, откуда мы начинаем, выбирается случайно.

Где-то между полузабытым прошлым и едва забрезжившим будущим.

* * *

Хотя бы вот такое место.

Этот сад, за которым никто не ухаживает уже три месяца после смерти хозяйки, зарастающий неукротимыми сорняками под слепящим глаза ярким августовским небом. Несобранные фрукты остались на ветках, цветочные бордюры буйно разрослись за лето, пока проливные дожди сменялись знойными днями.

Этот дом, похожий на десятки соседних домов, выстроенный так близко к железнодорожным путям, что во время прохождения почтового поезда Ливерпуль — Кру на подоконнике в столовой подскакивают фарфоровые собачки.

И этот молодой человек, который сейчас выходит из задней двери и направляется по заросшей дорожке к ветхой постройке, откуда доносится приветственное воркование и хлопанье крыльев.

Его зовут Кэлхоун Муни, но все зовут его Кэл. Ему двадцать шесть лет, он пять лет проработал в страховой компании в центре города Работа не приносит ему удовольствия, но уехать из города, где он прожил всю свою жизнь, кажется невозможным, особенно после смерти матери. Наверное, по этой причине на его приятном лице застыло выражение усталости.

Он приближается к голубятне, открывает дверь, и в этот миг — не найдя более подходящего времени — история начинает свой полет.

2

Кэл несколько раз говорил отцу, что дверь голубятни снизу подгнила Это лишь вопрос времени, когда она сгниет окончательно и откроет обитающим вдоль железнодорожных путей громадным крысам доступ к голубям. Но после смерти Эйлин Брендан Муни очень мало интересовался, если вообще интересовался, своими призовыми птицами. И это несмотря на то — а может быть, как раз потому, — что птицы были его непреодолимой

страстью, пока жена была жива. Кэл не раз слышал, как мать жаловалась, что Брендан больше времени проводит со своими драгоценными голубями, чем бывает дома.

Теперь она не могла бы пожаловаться: отец Кэла целыми днями просиживал у окна с видом на сад и наблюдал, как дикая растительность методично поглощает плоды трудов его жены. Он словно надеялся, что эта картина запустения подскажет ему способ забыть собственное горе. Однако, судя по всему, созерцание не принесло ему никакой практической пользы. Каждый раз, когда Кэл возвращался домой на Чериот-стрит (он собирался уйти оттуда еще пять лет назад, но теперь его обязывало возвращаться одиночество отца), ему казалось, что Брендан стал немного ниже ростом. Не сгорбился, а как-то ссохся, словно старался сделаться как можно менее заметным для мира, внезапно ставшего враждебным.

* * *

Пробормотав слова приветствия четырем десяткам голубей в голубятне, Кэл вошел внутрь и застал необычайное волнение. Почти все птицы метались взад-вперед в клетках, на грани истерики. Неужели в голубятню забрались крысы, подумал Кэл. Он огляделся в поисках следов, но не заметил ничего, способного вызвать подобное смятение.

Он никогда не видел птиц такими встревоженными. Добрых полминуты Кэл стоял озадаченный и наблюдал эту возню (от хлопанья крыльев голова шла кругом), прежде чем решил войти в самую большую клетку и вызволить из общей свалки призовых птиц, пока они не покалечились.

Он отодвинул щеколду, приоткрыл клетку на два-три дюйма, и тут один из чемпионов прошлого года, обычно очень спокойный голубь под номером тридцать три (все они были пронумерованы), устремился к щели. Пораженный стремительностью птицы, Кэл не удержал дверь. В считаные секунды между тем мгновением, когда пальцы соскользнули со щеколды, и следующим, когда он снова ухватился за нее, Тридцать третий оказался снаружи.

— Чтоб тебя! — выкрикнул Кэл, проклиная разом и птицу, и себя, поскольку дверь голубятни он тоже оставил приоткрытой. Тридцать третий, совершенно не подозревающий, какой бедой может обернуться для него эта выходка, ринулся на свободу.

Пока Кэл запирал клетку, птица успела вылететь через дверь. Кэл, спотыкаясь, бросился в погоню, но, когда он оказался на улице, Тридцать третий уже хлопал крыльями над садом. Голубь сделал над крышей три расширявшихся круга, словно ориентировался в пространстве. Затем он, кажется, определил, где находится его цель, и полетел в направлении на северо-северо-запад.

Внимание Кэла привлек какой-то стук. Он оглянулся и увидел, что отец стоит у окна и что-то говорит ему. Обеспокоенное лицо Брендана выражало больше чувств, чем за все последние месяцы, словно побег голубя на время вывел его из уныния. Через мгновение он уже стоял у задней двери и спрашивал, что случилось. Кэлу было некогда объяснять.

— Голубь улетел! — выкрикнул он.

И, не сводя глаз с неба, побежал по дорожке вдоль дома.

Когда он достиг парадной двери, голубь еще не пропал из виду. Кэл перепрыгнул изгородь и бегом пересек Чериот-стрит, твердо решив догнать птицу. Затея, как он прекрасно понимал, была безнадежная: при попутном ветре призовой голубь развивает скорость до семидесяти миль в час, и хотя Тридцать третий давно не участвовал в соревнованиях, он все равно с легкостью обгонит бегущего человека. Однако Кэл не мог вернуться к отцу, не попытавшись вернуть беглеца, даже если попытка будет тщетной.

В конце улицы он потерял свою цель за крышами домов, поэтому поднялся на пешеходный мост через Вултон-роуд, перепрыгивая через три-четыре ступеньки. Наверху он был вознагражден за труды отличным видом. Город просматривался до Вултон-хилла на севере, до Оллертона и в сторону Хантс-кросс на востоке и юго-востоке. Ряд за рядом поднимались крыши домов, сверкающие под яростным солнцем знойного полдня, а размеренный «рыбий скелет» тесных улиц быстро уступал место широко раскинутым

промышленным районам Спека.

Кэл разглядел и голубя, хотя тот превратился в стремительно удалявшуюся точку.

Но это было уже неважно, потому что с возвышения стало видно, куда устремился Тридцать третий. Менее чем в двух милях от моста в воздухе кружило множество птиц, без сомнения, привлеченных большим количеством чего-то съедобного. Каждый год случался хотя бы один день, когда популяция муравьев или комаров внезапно резко увеличивалась, и все птицы в городе объединялись, поедая насекомых. Чайки с болотистых берегов Мерси парили крыло к крылу с дроздами, галками и скворцами. Все радостно присоединялись к пиршеству, пока летнее солнце грело спины.

Этот призыв, без сомнения, и услышал Тридцать третий. Заскучавший на сбалансированной диете из кукурузного зерна и пелюшки, уставший от размеренного распорядка голубятни и предсказуемости каждого дня, голубь захотел на волю, в небеса. Денек полноценной жизни: пища, добытая с некоторым трудом, делается только вкуснее, вокруг — крылатые собратья. Все это, как в тумане, промелькнуло в сознании Кэла, пока он наблюдал за снующей стаей.

Совершенно невозможно, понимал он, определить местоположение одной конкретной птицы среди мятежных тысяч. Остается надеяться, что Тридцать третий пресытится полетом, а потом сделает то, чему его учили, — вернется домой. Так или иначе, само по себе зрелище такого множества птиц странным образом завораживало. Кэл перешел мост и направился к эпицентру крылатого циклона.

II
Преследователи

Женщина, стоявшая у окна отеля «Ганновер», отодвинула серую занавеску и посмотрела на улицу внизу.

— Возможно ли?.. — пробормотала она, обращаясь к теням, собравшимся в углу комнаты.

Ответа на ее вопрос не последовало, да в нем и не было нужды. Невероятно, но след совершенно точно вел сюда, в этот до предела измученный город, раскинувшийся вдоль реки. По реке некогда ходили корабли с рабами и хлопком, а теперь она с трудом влекла свои воды к морю. Сюда, в Ливерпуль.

— В таком месте… — произнесла женщина.

Внизу на улице поднялся небольшой пылевой вихрь, взметнувший в воздух какой-то старый мусор.

— А почему это тебя так удивляет? — спросил мужчина.

Он полулежал, полусидел на кровати, откинувшись на подушки всем своим внушительным телом и заложив руки за массивную голову. У него было широкое лицо, черты которого казались чересчур выразительными, как у актеров, играющих на публику и поднаторевших в дешевых эффектах. Из тысячи видов улыбок он отыскал ту, что наиболее подходила к его расслабленному состоянию, и проговорил:

— Они заставили нас хорошенько попотеть. Но мы почти у цели. Разве ты не чувствуешь? Я чувствую.

Женщина поглядела на него. Он снял пиджак — самый дорогой ее подарок — и перебросил через спинку стула. Рубашка под мышками промокла от пота, а лицо мужчины при дневном свете казалось навощенным. Несмотря на то, что она в нем чувствовала, — достаточно, чтобы почувствовать страх, — он был лишь человек и сегодня, в такую жару и с дороги, выглядел на все свои пятьдесят два. Пока они были вместе, преследуя Фугу, она отдавала ему свою силу, а он делился с ней знаниями и опытом жизни в этом мире — в Королевстве чокнутых, как семейства называли убогий мир людей, который она вынуждена терпеть ради осуществления мести.

Но совсем скоро погоня закончится. Шедуэлл — человек на кровати — получит в

награду то, что они вот-вот настигнут, а женщина будет отомщена, когда эту добычу опорочат и продадут в рабство. После чего она с радостью оставит Королевство, чтобы оно и дальше влачило свое убогое существование.

Она опять сосредоточилась на улице внизу. Шедуэлл прав, их заставили хорошенько попотеть. Однако скоро все завершится.

Со своего места Шедуэлл отчетливо видел вырисовывающийся на фоне окна силуэт Иммаколаты. Не в первый раз он задумался над проблемой: как бы ему продать эту женщину. Разумеется, задача чисто теоретическая, но она требовала напряжения всех его способностей.

Он был торговцем. Продавать — это было его ремесло с самого раннего возраста. Больше, чем ремесло: его талант. Он гордился тем, что на свете нет ничего такого, живого или мертвого, для чего он не сумел бы найти покупателя. В свое время он продавал сахар-сырец, торговал по мелочи оружием, куклами, собаками, страховками от несчастного случая, индульгенциями и осветительными приборами. Он занимался контрабандой Лурдской воды и гашиша, для конспирации прикрываясь китайскими ширмами и патентованными лекарствами. Среди этого парада товаров, конечно же, случались подделки и фальсификации, но не было ничего — ничего! — такого, что он рано или поздно не сумел бы всучить покупателям, либо уговорами, либо угрозами.

Однако она — Иммаколата, не совсем женщина, с которой в последние годы он делил всю свою жизнь наяву, — она, насколько он понимал, была не подвластна его дару торговца.

Во-первых, она была парадоксальна, а покупатели редко имеют вкус к подобным вещам. Они хотят то, что лишено какой-либо двусмысленности, простое и безопасное. А Иммаколата не была безопасной, о нет, совсем наоборот — с ее-то жуткими приступами ярости и еще более жуткими приступами восторга. И простой она не была. Ее сияющее красотой лицо, ее глаза, видевшие ход столетий и воспламеняющие кровь, ее смуглая оливковая еврейская кожа — за всем этим таились чувства, способные, если дать им волю, взорвать воздух.

Она слишком своеобразна, чтобы ее продать, заключил Шедуэлл уже не в первый раз и мысленно приказал себе оставить мысли об этом. Тут ему никогда не преуспеть, так зачем же даром ломать голову?

Иммаколата отвернулась от окна.

— Ты уже отдохнул? — спросила она.

— Ты сама хотела спрятаться от солнца, — напомнил Шедуэлл. — Я готов идти, когда скажешь. Хотя я понятия не имею, с чего нам начинать…

— Это не так уж сложно, — отозвалась Иммаколата. — Помнишь, что напророчила моя сестра? События достигли переломного момента.

Когда она произнесла эти слова, тени в углу комнаты снова зашевелились и промелькнули эфирные юбки двух мертвых сестер Иммаколаты. Шедуэлл в их присутствии всегда чувствовал себя неуверенно, а они, со своей стороны, презирали его. Однако Старая Карга, ведьма, несомненно обладала даром предвидения. То, что она видела в последах своей сестры Магдалены, обычно сбывалось.

— Фуга не может скрываться и дальше, — сказала Иммаколата. — А как только она начнет двигаться, возникнут вибрации. Это неизбежно. Ведь столько жизни стиснуто в небольшом пространстве!

— А ты чувствуешь какую-нибудь из этих… вибраций? — спросил Шедуэлл, поднимаясь с кровати на ноги.

Иммаколата покачала головой:

— Нет. Пока еще нет. Но мы должны быть готовы.

Шедуэлл надел свой пиджак. Подкладка заискрилась, рассыпая по комнате лучи соблазна. В мгновенной яркой вспышке он успел заметить Магдалену и Каргу. Старуха прикрыла глаза рукой от света пиджака, опасаясь заключенной в нем силы. Магдалена не обратила внимания на искры — ее веки давным-давно приросли к глазницам, она была слепа от рождения.

— Когда движение начнется, потребуется пара часов, чтобы точно определить место, — сказала Иммаколата.

— Час? — переспросил Шедуэлл.

…И погоня, приведшая их сюда, сегодня казалась длинной, как целая жизнь…

— Час я могу подождать.

III
Кто сдвинул Землю?

Птицы так и кружили над городом, пока Кэл приближался к указанной точке. Если одна улетала, на ее место тут же спешили три-четыре новых и присоединялись к стае.

Этот феномен не остался незамеченным. Люди стояли на мостовой и на ступеньках домов, прикрывали руками глаза от ослепительного блеска и вглядывались в небеса. Они обменивались мнениями о причинах подобного сборища. Кэл не стал останавливаться, чтобы предложить свою версию, а продолжил путь по лабиринту улиц. Время от времени ему приходилось возвращаться назад и искать другую дорогу, но с каждым шагом он приближался к цели.

И когда он подошел, стало очевидно: его первоначальная догадка неверна. Птиц привлек не корм. Они не падали стремительно вниз, не ссорились из-за лакомства, в воздухе под ними не было вкусных насекомых. Птицы просто кружили. Те, что поменьше, воробьи и зяблики, уже устали от полета и расселись на крышах домов и на заборах, отделившись от более крупных собратьев — черных ворон, сорок и чаек, заполнивших небо. Голубей здесь было предостаточно. Дикие сбивались в стаи по полсотни особей и кружили, отбрасывая мелькающие тени на крыши домов. Рядом с ними летали домашние птицы, явно сбежавшие на волю, как Тридцать третий. Канарейки и волнистые попугайчики оторвались от своего проса и колокольчиков, ведомые той же силой, что призвала сюда остальных. Для них пребывание здесь было равно самоубийству. Пока дикие птицы были поглощены происходящим ритуалом, они не обращали внимания на присоединившихся к ним домашних питомцев, но, как только действие заклятия спадет, они потеряют это благодушие. Они станут жестокими и стремительными. Они накинутся на канареек и волнистых попугайчиков, выклюют им глаза и растерзают за то, что те преступно позволили себя приручить.

Но сейчас птичий парламент был спокоен. Птицы поднимались все выше, выше и выше, заполняя весь небосклон.

Следуя за своей целью, Кэл оказался в той части города, куда редко заходил. Здесь простые дома без излишеств, составлявшие муниципальную собственность, уступали место жутковатым запущенным пустырям. Кое-где еще попадались некогда прекрасные трехэтажные дома с террасами, чудом избежавшие сноса, в окружении выровненных площадок. Как островки в море пыли, они дожидались так и не случившегося строительного бума.

Одна из здешних улиц: Рю-стрит, гласила надпись на табличке, — и являлась тем центром, вокруг которого собирались птицы. Вымотанных полетом пернатых здесь было гораздо больше, чем на прилегающих улицах; они щебетали и чистили перья, устроившись на карнизах, печных трубах и телевизионных антеннах.

Кэл внимательно смотрел в небеса и на крыши, шагая по Рю-стрит. И вот (один шанс из тысячи) он увидел свою птицу. Одинокий голубь рассекал стаю воробьев. Кэл долгие годы вглядывался в небо, дожидаясь летящих домой голубей, и приобрел орлиное зрение. Он мог узнать любую знакомую птицу по дюжине особенностей ее полета и теперь нашел Тридцать третьего, без сомнений. Но пока он смотрел, голубь исчез за крышами Рю-стрит.

Кэл снова пустился в погоню по узкому переулку, который почти посередине улицы вклинивался между домами с террасами и выводил в другой переулок, пошире, тянущийся за рядом зданий. Место оказалось порядком запущенным. Всюду громоздились кучи мусора,

одинокие урны были перевернуты, их содержимое разбросано вокруг.

В двадцати ярдах от того места, где находился Кэл, шла работа. Два грузчика выволакивали кресло со двора за домом, а третий стоял и глазел на птиц. Несколько сотен пернатых собрались в том дворе, расселись по стенам, оконным карнизам и перилам. Кэл прошел по переулку, высматривая голубей. Он заметил с дюжину или больше, но беглеца здесь не было.

— Что вы думаете по этому поводу?

Кэл был теперь в десяти ярдах от грузчиков, и один из них — тот, что стоял без дела — обратился к нему с этим вопросом.

— Понятия не имею, — чистосердечно ответил Кэл.

— Может, они собираются улетать? — предположил младший из тех, что тащили кресло. Он опустил на землю свою половину груза и уставился в небо.

— Не говори глупостей, Шейн, — отозвался его напарник, уроженец Западной Индии. Его имя было вышито на спине комбинезона — Гидеон. — С чего бы им улетать посреди клятого лета?

— Слишком жарко, — сказал третий. — Вот в чем причина. Слишком, черт побери, жарко. У них от жары мозги плавятся.

Гидеон тоже отпустил кресло и привалился к стене заднего двора, извлек из нагрудного кармана зажигалку и поднес к наполовину выкуренной сигарете.

— А неплохо быть птицей, — помечтал он вслух. — Пока тепло, болтаешься здесь, а как хвост подморозит, сваливаешь куда-нибудь на юг Франции.

— Птицы живут недолго, — заметил Кэл.

— Правда? — переспросил Гидеон, затягиваясь. Потом пожал плечами. — Недолго, зато весело. Меня вполне бы устроило.

Шейн дернул себя за редкие светлые щетинки, которые, видимо, считал усами.

— А вы разбираетесь в птицах, да? — спросил он у Кэла.

— Только в голубях.

— Гоняете их, что ли?

— Время от времени…

— Мой зять держит гончих, — сообщил третий грузчик, стоявший без дела.

Он посмотрел на Кэла так, будто это совпадение было настоящим чудом, которое можно обсуждать часами. Но Кэлу пришел в голову только один вопрос:

— Собак?

— Точно, — подтвердил грузчик в восторге от того, что они понимают друг друга. — У него их пять. Правда, одна умерла.

— Жаль, — произнес Кэл.

— На самом деле не жаль. Она совсем ослепла на один глаз и ни черта не видела другим.

После этих слов грузчик загоготал, и беседа зашла в тупик. Кэл снова сосредоточился на птицах и улыбнулся, разглядев на самом верхнем карнизе своего голубя.

— Я его вижу, — сказал он.

Гидеон проследил за его взглядом.

— Кого это?

— Моего голубя. Он прилетел сюда. — Кэл указал рукой. — Вон там. Посреди оконного карниза. Видите?

Теперь вверх смотрели все трое.

— Он дорогой? — спросил грузчик-бездельник.

— Тебе-то что за дело, Базо, — заметил Шейн.

— Просто спросил, — ответил Базо.

— Он завоевывал призы, — сообщил Кэл не без гордости.

Он не сводил глаз с Тридцать третьего, но голубь не выказывал желания куда-либо лететь, а просто чистил маховые перья и время от времени косился глазами-бусинками на

небо.

— Сиди там, — вполголоса приказал ему Кэл, — не двигайся. — Затем обратился к Гидеону — Ничего, если я войду? Попробую его подманить?

— Да сколько угодно. Старушенцию, которая здесь жила, увезли в больницу. Мы забираем мебель в счет уплаты долгов.

Кэл вошел во двор, пробрался между кучами старого хлама, вынесенного из дома этой троицей, и шагнул в дверь.

Внутри была сплошная рухлядь. Если бывшая владелица дома и имела что-нибудь ценное, все давно уже вывезли. Оставшиеся на стенах картины ничего не стоили, ветхая мебель еще не настолько устарела, чтобы снова войти в моду, а древние ковры, подушки и занавески годились только для мусорного контейнера. Стены и потолок покрывали пятна копоти, образовавшейся за долгие годы. Источники этой копоти — свечи — стояли на всех шкафах и подоконнике, обросшие сталактитами желтого воска.

Кэл прошел через лабиринт тесных темных комнат и попал в коридор. Здесь было так же безрадостно. Коричневый линолеум вздыбился и потрескался, всюду стоял застарелый запах плесени, пыли и гниения. Хорошо, что хозяйку увезли из этого убогого места, подумал Кэл. Куда бы ее ни отправили, пусть и в больницу, там хотя бы простыни сухие.

Он двинулся по лестнице. Странное чувство охватило его, когда он поднимался в сумрак верхнего этажа, с каждой новой ступенькой видя все хуже и слушая звуки птичьей возни на шиферной крыше, а над ними — приглушенные крики чаек и ворон. Без сомнения, это было самовнушение, но Кэлу почудилось, что голоса птиц расходятся кругами над домом, словно именно он и привлекает их внимание. Перед его мысленным взором возникла картинка, фотография из журнала «Нэшнл джиографик»: звездное небо, снятое с огромной выдержкой. Звезды размером с булавочную головку описывали круги по небу — или лишь казалось, что они движутся, — вокруг Полярной звезды, неподвижно застывшей в середине.

От этого расходящегося кругами звука и вызванной им картинки у Кэла закружилась голова. Он внезапно ощутил слабость и даже испугался.

Сейчас не время раскисать, упрекнул он себя. Нужно подманить голубя, пока тот не улетел снова. Кэл прибавил шаг. На верхней площадке лестницы он обогнул несколько предметов мебели, вынесенной из спальни, и открыл наугад одну из дверей. Это оказалась не та комната — Тридцать третий сидел на карнизе в соседней. Сквозь занавески из окна лился солнечный свет, от изнурительной жары на лбу Кэла выступал пот. Из комнаты уже вынесли мебель, и на память от хозяйки остался лишь календарь за шестьдесят первый год. На нем была напечатана фотография льва под деревом: косматая монолитная голова покоилась на широких лапах, пристальный взгляд.

Кэл вышел обратно на лестничную площадку, открыл другую дверь и на этот раз попал туда, куда нужно. Там, за мутным стеклом, сидел голубь.

Теперь все зависело от правильного выбора тактики. Необходимо действовать осмотрительно, чтобы не вспугнуть птицу. Кэл осторожно приблизился к окну. Тридцать третий, примостившийся на нагретом солнцем карнизе, вскинул голову и моргнул круглым глазом, но не двинулся с места. Кэл задержал дыхание и положил руки на раму, чтобы поднять окно, но оно не сдвинулось с места. Беглый осмотр объяснил почему: рама была намертво заколочена много лет назад. Не меньше дюжины гвоздей глубоко засели в древесине. Этот примитивный способ уберечься от воров, безусловно, добавлял уверенности одинокой пожилой женщине.

Внизу во дворе Кэл услышал голос Гидеона. Троица как раз вытаскивала из дома большой скатанный ковер, и Гидеон давал бестолковые указания.

— Заноси налево, Базо. Налево! Ты что, не знаешь, где лево?

— Я и иду налево.

— Да не на твое лево, идиот! Налево от меня.

Голубя на карнизе нисколько не тревожил этот шум. Он выглядел совершенно счастливым на своем насесте.

Кэл снова вышел на лестницу и на ходу решил, что остается одно — влезть на стену во дворе и попытаться подманить голубя оттуда. Он мысленно выругал себя за то, что не насыпал в карман зерна. Придется обойтись ласковыми словами и посулами.

Когда он снова вышел во двор, раскаленный от солнца, грузчики благополучно вытащили ковер и теперь отдыхали после совершенного подвига.

— Не вышло? — поинтересовался Шейн при виде Кэла.

— Окно не открывается. Попробую достать его отсюда.

Он заметил неодобрительный взгляд Базо.

— Отсюда вам никак не достать эту сволочь, — заявил Базо, почесывая свое пивное брюшко между футболкой и ремнем.

— Постараюсь дотянуться со стены, — сказал Кэл.

— Будьте осторожны… — сказал Гидеон.

— Спасибо.

— Так можно и шею сломать.

По щелям в осыпавшейся штукатурке Кэл забрался на восьмифутовую стену, отделявшую двор от соседнего.

Солнце припекало шею и макушку, и он снова ощутил головокружение, начавшееся на лестнице. Кэл оседлал стену, словно лошадь, и некоторое время привыкал к высоте. Этот насест был шириной в один кирпич — достаточно широко, чтобы пройти по нему ногами, но Кэл никогда не ладил с высотой.

— Судя по виду, отличная ручная работа, — раздался голос Гидеона внизу.

Кэл посмотрел вниз и увидел, что индиец сидит на корточках рядом с ковром, раскатанным так, что стал виден затейливый узор.

Базо подошел к Гидеону и внимательно оглядел ковер. Он уже лысел, и Кэл видел сверху, что его волосы тщательно набриолинены и уложены, прикрывая плешь.

— Жалко, что момент не слишком подходящий, — заметил Шейн.

— Придержи коней, — ответил Базо. — Давай-ка рассмотрим как следует.

Кэл вновь сосредоточился на проблеме перехода в вертикальное положение. Пусть ковер отвлечет их хотя бы на время, мысленно просил он, чтобы успеть подняться на ноги. Ничто не смягчало немилосердный жар солнца, ни единого дуновения ветерка. Кэл чувствовал, как ручейки пота стекают по груди, как прилипает к телу белье. Очень осторожно он начал вставать, уперся в стену одним коленом, обеими руками намертво вцепился в кирпичи.

Снизу доносились радостные возгласы. Их становилось все больше по мере того, как разворачивался ковер.

— Ты только глянь, какая работа, — говорил Гидеон.

— Ты думаешь о том же, что и я? — спросил Базо, понизив голос.

— Откуда я знаю, о чем ты думаешь, если ты мне не говоришь? — отозвался Гидеон.

— Скажем, если снести его в лавку Гилкрайста… Можно получить приличную цену.

— Шеф узнает, что ковер пропал, — возразил Шейн.

— Потише. — Базо напомнил компаньонам о присутствии Кэла.

Но Кэл был слишком сосредоточен на своем нелепом хождении по канату, чтобы уличать кого-то в воровстве. Он сумел встать на стену обеими ногами и теперь готовился подняться во весь рост.

А во дворе продолжался разговор:

— Возьми-ка за тот край, Шейн, раскатаем его целиком…

— Как думаешь, он персидский?

— Не имею ни малейшего понятия.

Очень медленно Кэл встал, раскинув руки в стороны. Он старательно держал равновесие и отважился бросить быстрый взгляд на оконный карниз. Голубь все еще сидел там.

Снизу донесся шорох разворачиваемого ковра Возгласы грузчиков перемежались

словами восхищения.

Изо всех сил стараясь не отвлекаться на них, Кэл сделал первый неуверенный шаг по стене.

— Эй ты, — пробормотал он, обращаясь к птице, — помнишь меня?

Тридцать третий не обратил на него внимания. Кэл сделал следующий мелкий шажок, потом еще один, его уверенность крепла. Теперь он понял, как сохранить равновесие.

— Спустись ко мне, — льстиво произнес этот прозаический Ромео.

Голубь, кажется, узнал голос хозяина и наклонил голову в сторону Кэла.

— Иди сюда, мальчик… — звал Кэл.

Он протянул руку к окну и одновременно отважился сделать еще шаг.

И в этот момент вторая его нога соскользнула, или же под каблуком раскрошился кирпич. Он услышал собственный испуганный крик, от которого сидевших на карнизе птиц охватила паника. Они вспорхнули и улетели, а хлопанье их крыльев стало насмешливыми аплодисментами Кэлу, размахивавшему руками на стене. Он перевел блуждающий от страха взгляд с собственных ног на двор внизу.

Нет, не на двор. Двора не было — Кэл увидел ковер. Ковер был полностью раскатан и заполнил собой двор от стены до стены.

То, что произошло дальше, промелькнуло за пару секунд, но либо разум Кэла был быстр как молния, либо время исчезло, потому что ему показалось, будто в его распоряжении все время на свете…

Этого времени хватило, чтобы разглядеть волнующее хитросплетение узоров раскинувшегося внизу ковра, вселяющее трепет многообразие искусно вытканных деталей. От старости краски поблекли, пурпурный цвет стал розовым, а темно-синий — небесно-голубым, кое-где ковер был протерт до основы, но с того места, откуда смотрел Кэл, впечатление было ошеломляющее.

На каждом дюйме ковра были вытканы свои отдельные мотивы. Даже кайма состояла из разных узоров, немного отличавшихся друг от друга. Но впечатления чрезмерности не возникало, жадный взгляд Кэла явственно различал все фрагменты. Кое-где узоры соединялись и переплетались, а в другом месте разделялись, оставаясь рядом, как равные соперники. Одни оставались внутри границ каймы, а другие выходили за нее, будто желая присоединиться к пиршеству красок в середине.

По всему полю ленты красок выписывали арабески на фоне знойных коричневых и зеленых оттенков. Формы, казавшиеся чистыми абстракциями — как страницы дневника безумца, — вытеснялись стилизованными флорой и фауной. Но это великолепие бледнело в сравнении с центральной частью ковра — гигантским медальоном, ярким, как летний сад. Там замысловато переплетались сотни мелких узоров, и глаз воспринимал их как цветы или формулы, упорядоченность или сумятицу, находя отголосок каждого мотива где-то в другой части грандиозного полотна.

Кэл охватил все это единым чудесным взглядом. Со второго взгляда видение стало меняться.

Краем глаза он заметил, что остальной мир: двор, грузчики, дома, стена, откуда он падал, — внезапно исчезли. Кэл повис в воздухе, и безбрежность раскинутого ковра, его поразительные узоры заполнили его разум.

Он увидел, что узоры движутся. Узлы дрожали, желая развязаться, цвета перетекали друг в друга, и из этого союза красок рождались новые мотивы.

Каким бы невероятным это ни казалось, ковер оживал.

Ландшафт рождался из утка и основы. Точнее, множество ландшафтов, нагроможденных в фантастическом беспорядке. Разве это не гора восстает из облака красок? А это разве не река? Разве он не слышит рев воды, которая пенится и падает в тенистое ущелье? Внизу раскинулся мир.

А Кэл вдруг сделался птицей, бескрылой птицей, замершей на один леденящий кровь миг в потоке упоительного воздуха, напоенного сладкими ароматами. Одинокий свидетель

чуда, дремлющего внизу.

С каждым ударом сердца глаза замечали все больше.

Озеро с мириадами островов, разбросанных по недвижной поверхности воды, как всплывшие на поверхность киты. Пестрое одеяло полей, чьи травы и злаки колыхались на том же ветру, на котором парил Кэл. Бархатные леса взбирались по склонам гладкого холма, а на вершине его возвышалась сторожевая башня. Солнечный свет и тени облаков скользили по ее белым стенам.

По разным признакам, это место было обитаемым, хотя людей Кэл нигде не заметил. Несколько домов виднелись у излучины реки, еще несколько замерли на краю утеса, искушая силу тяготения. Был здесь и город, похожий на кошмар архитектора: половина улиц безнадежно переплелись между собой, а другие заканчивались тупиками.

Столь же нарочитое пренебрежение к порядку Кэл замечал повсюду. Прохладные и жаркие области, плодородные и бесплодные земли сменялись наперекор всем законам, географическим и климатическим, словно все это создал некий бог, имевший слабость к противоречиям.

Как чудесно было бы погулять там, думал Кэл В таком небольшом пространстве заключено такое разнообразие, что никогда не угадаешь, огонь или лед поджидает тебя за поворотом. Подобное многообразие выше понимания картографов. Быть там, в этом мире, значит переживать бесконечное приключение.

А в сердце этих ожидающих пробуждения земель размещалось, пожалуй, самое поразительное. Синевато-серое огромное облако, чья середина пребывала в бесконечном движении, закручиваясь по спирали. Это зрелище напомнило Кэлу птиц, которые кружат над домом на Рю-стрит подобно громадному колесу небес.

Как только Кэл вспомнил об этом, он услышал крики птиц. В тот же миг ветер, поддувавший снизу и поддерживавший его, стих.

От ужаса у Кэла подвело живот: он сейчас упадет.

Крики сделались громче; птицы выражали восторг от его падения. Тот, кто узурпировал их стихию, кто сумел краем глаза узреть чудо, поплатится за это жизнью.

Он хотел закричать, но из-за скорости падения крик не успел сорваться с языка. Ветер ревел в ушах, дергал за волосы. Кэл попытался раскинуть руки, чтобы замедлить падение, но в итоге лишь перевернулся вверх тормашками, потом еще раз и еще, пока не перестал понимать, где небо, а где земля. И это уже милость, смутно подумалось ему. Он хотя бы не заметит приближения смерти. Будет просто кувыркаться и кувыркаться, пока мир не исчезнет.

Он пролетел сквозь тьму, не оживленную светом звезд, — голоса птиц все еще громко звучали у него в ушах — и сильно ударился о землю.

Было больно, и боль не проходила, что казалось странным. Ведь его всегда учили, что забвение лишено боли. И звуков. А здесь звучали голоса.

— Скажите что-нибудь, — требовал один голос. — Ну хотя бы «прощай».

Теперь послышался смех.

Кэл чуть приоткрыл глаза. Солнце светило ослепительно ярко, пока его не заслонил торс Гидеона.

— Вы ничего не сломали? — поинтересовался Гидеон. Кэл открыл глаза пошире. — Скажите что-нибудь, приятель.

Кэл приподнял голову и огляделся вокруг. Он лежал во дворе, на ковре.

— А что случилось?

— Вы свалились со стены, — ответил Шейн.

— Должно быть, оступились, — предположил Гидеон.

— Упал, — произнес Кэл. Он подтянулся и сел, чувствуя тошноту.

— Думаю, никаких серьезных повреждений у вас нет, — сказал Гидеон. — Несколько царапин, только и всего.

Кэл оглядел себя, убеждаясь в правоте грузчика. Он содрал кожу на правой руке от

кисти до локтя и чувствовал слабость во всем теле от удара о землю, но никаких сильных болей не было. Единственное, что пострадало всерьез, — чувство собственного достоинства. Но от этого редко умирают.

Кэл поднялся на ноги, моргая и глядя в землю. Ковер прикинулся неживым. Никакой многозначительной дрожи в сплетении нитей, ни единого намека на скрытые высоты и глубины. И ни малейшего признака того, что остальные видели эти чудеса. Ковер был тем, чем он был: обычным ковром.

Кэл заковылял к воротам, пробормотав Гидеону слова благодарности. Когда он уже выходил в переулок, Базо сказал:

— Ваша птица улетела.

Кэл коротко пожал плечами и двинулся дальше.

Что же он сейчас пережил? Галлюцинацию, вызванную жарой или слишком скудным завтраком? Если так, видение было пугающе реальным. Кэл посмотрел на птиц, по-прежнему круживших над его головой. Они чувствовали что-то в этом месте, потому и собрались здесь. Или у них та же галлюцинация, что и у Кэла.

Он подвел итоги: единственное, в чем он был уверен, это в своих синяках. А еще в том, что находится в двух милях от отцовского дома, в городе, где прожил всю жизнь. И его, как заблудившегося ребенка, охватила тоска по дому.

IV
Контакт

Пересекая отрезок пышущей жаром мостовой между дверью отеля и стоящим в тени «мерседесом» Шедуэлла, Иммаколата внезапно вскрикнула. Она прижала руку к голове и уронила солнечные очки, которые всегда надевала в общественных местах Королевства.

Шедуэлл мгновенно выскочил из машины и распахнул дверцу, но его пассажирка отрицательно покачала головой.

— Слишком светло, — пробормотала она и неловко прошла через вращающуюся дверь обратно в вестибюль отеля.

Там было пусто. Шедуэлл поспешно последовал за ней и увидел, что Иммаколата отошла от двери подальше, насколько ее смогли донести ноги. Сестры-призраки охраняли ее, их присутствие искажало недвижный воздух, но Шедуэлл не мог сдержаться и упустить такую возможность: под видом вполне оправданного беспокойства он протянул руку и коснулся женщины. Подобный контакт был проклятием для нее и радостью для него. Радость усиливалась тем, что была запретной, поэтому он использовал любую возможность выдать прикосновение за непредвиденную случайность.

Недовольство призраков холодило его кожу, однако Иммаколата могла сама отстоять свою неприкосновенность.

Она развернулась в ярости от его наглости. Шедуэлл тотчас отдернул ладонь от ее руки. Его пальцы покалывало. Он считал минуты до того мгновения, когда ему удастся поднести их к губам.

— Прости, — сказал он. — Я забеспокоился.

Раздался чей-то голос. Из своего угла вышел портье с экземпляром «Спортивной жизни» в руке.

— Могу я чем-нибудь помочь? — спросил он.

— Нет, нет, — ответил Шедуэлл.

Однако портье смотрел не на него, а на Иммаколату.

— У нее, случаем, не тепловой удар? — спросил он.

— Может быть, — отозвался Шедуэлл. — Благодарю вас за участие…

Иммаколата отошла к подножию лестницы, подальше от испытующего взгляда портье.

Портье пожал плечами и вернулся в свое кресло. Шедуэлл подошел к Иммаколате. Она отыскала тень, или это тень нашла ее.

— Что случилось? — спросил он. — Просто из-за солнца?

Она не взглянула на него, но снизошла до разговора.

— Я почувствовала Фугу, — произнесла она так тихо, что ему пришлось задержать дыхание, чтобы услышать. — И кое-что еще.

Шедуэлл ждал продолжения, но его не последовало. Когда он уже был готов нарушить молчание, она снова заговорила:

— Где-то в глубине горла… — Она глотнула, словно пыталась избавиться от чего-то горького. — Бич-Бич?

Неужели он правильно услышал ее? Иммаколата почувствовала его сомнения или сама разделяла их, потому что прибавила:

— Он был здесь, Шедуэлл.

При этих словах всего ее выдающегося умения владеть собой оказалось недостаточно, чтобы скрыть дрожь в голосе.

— Наверняка ты ошибаешься.

Она чуть заметно покачала головой.

— Он погиб и канул в прошлое, — сказал он.

Ее лицо казалось высеченным из камня. Двигались только губы, и Шедуэлл тосковал по ним, несмотря на то, что они изрекали.

— Такая сила не умирает, — проговорила она. — Она не может умереть до конца. Она дремлет. Она выжидает.

— Но чего? И зачем?

— Наверное, чтобы Фуга проснулась, — ответила она.

Ее глаза потеряли свой золотой цвет, сделались серебристыми. Капли менструума,[1] словно мерцающие в солнечном луче пылинки, падали с ее ресниц и испарялись. Шедуэлл никогда прежде не видел Иммаколату такой — она была близка к тому, чтобы выдать свои чувства. Зрелище ее уязвимости невероятно возбудило его. Член затвердел до боли. Однако она, судя по всему, оставалась равнодушна к его желанию или предпочитала ничего не замечать. Магдалена, слепая сестра, не была столь безучастной. Она, насколько знал Шедуэлл, жадно интересовалась теми субстанциями, какие проливают мужчины, и использовала их в своих жутких целях. Вот и сейчас ее силуэт, прилипший к углублению в стене, с головы до пят был воплощением этой жадности.

— Я видела пустыню, — произнесла Иммаколата, отвлекая внимание Шедуэлла от движений Магдалены. — Яркое солнце. Жуткое солнце. Самое пустое место на свете.

— Там сейчас находится Бич?

Она кивнула:

— Он спит. Думаю… он забыл, кто он такой.

— Значит, так оно и будет дальше, — сказал Шедуэлл. — Кому, скажи на милость, придет в голову его будить?

Но эти слова не убедили даже его самого.

— Послушай, — продолжил он, — мы отыщем и продадим Фугу раньше, чем он успеет перевернуться на другой бок. Мы зашли слишком далеко, чтобы теперь остановиться.

Иммаколата ничего не ответила. Ее глаза все еще были сосредоточены на том, что она видела, или ощущала, или то и другое разом минуту назад.

Шедуэлл очень смутно понимал, какие силы здесь действуют. В конце концов, он всего лишь чокнутый, его человеческий кругозор ограничен. Сейчас он был этим даже доволен.

Зато одно он отлично понимал. Фуга оставляет следы из легенд. За долгие годы поисков он познакомился с множеством способов, какими она давала о себе знать, — от колыбельной песни до предсмертной исповеди — и давно оставил попытки отделить факты от фантазий. Значение имело только то, что множество людей, в том числе очень могущественных, мечтали о таком месте, молились о нем, в большинстве случаев не подозревая, что оно реально существует или некогда существовало. Если выставить эту мечту на торги, она

---

1 Менструум (в алхимии) — универсальный растворитель.

принесет огромную прибыль. Никогда на свете не было и не будет подобного аукциона! Они не могут бросить дело. Только не из страха перед чем-то затерявшимся во времени и заснувшим.

— Он знает, Шедуэлл, — сказала Иммаколата. — Даже во сне он знает.

Если бы он вдруг нашел доводы, способные рассеять ее страхи, она все равно отнеслась бы к ним с презрением. Поэтому Шедуэлл воззвал к ее прагматизму.

— Чем быстрее мы найдем ковер и избавимся от него, тем лучше будет нам всем, — проговорил он.

Эти слова отвлекли внимание Иммаколаты от видения пустыни.

— Кажется, надо выждать еще немного, — произнесла она и впервые с той минуты, когда они вышли на улицу, подняла на своего спутника мерцающий взор. — И тогда мы отправимся на поиски.

Все следы менструума внезапно исчезли. Момент сомнения прошел, вернулась прежняя уверенность. Она будет идти по следу Фуги до самого конца, как они и планировали. Никакие слухи, даже о Биче, не заставят ее свернуть.

— Мы потеряем след, если не поторопимся.

— Сомневаюсь, — сказала она. — Мы подождем. Подождем, пока спадет жар.

Ага, так вот как его накажут за злонамеренное прикосновение. Насмешливое замечание относилось к жару, охватившему его, а не к жаре на улице. Ему придется дожидаться ее соизволения, как он уже дожидался раньше, молча снося экзекуцию. И не только потому, что одна Иммаколата могла выследить Фугу по вибрациям ее сотканной жизни, но и потому, что провести лишний час в ее обществе, купаясь в аромате ее дыхания, — желанная и счастливая мука.

Для Шедуэлла это был ритуал преступления и наказания, поддерживавший его эрекцию весь оставшийся день.

Для нее же сила его желания оставалась предметом насмешливого любопытства. В конце концов печь остывает, если не добавлять в нее дров. Даже звезды угасают через тысячелетия. Однако похоть чокнутых, как и многие другие свойства их племени, опровергала все правила. Чем меньше ее поощряли, тем жарче она разгоралась.

V
Перед наступлением тьмы

1

Наверное, Сюзанна видела свою бабушку по материнской линии не более десяти раз. В раннем детстве, прежде чем девочка научилась как следует говорить, ей внушили, что доверять бабушке не следует. Никто не объяснил почему, однако это подействовало. Когда Сюзанна выросла — сейчас ей было двадцать четыре, — она научилась критически относиться к предрассудкам родителей и стала подозревать, что их предубеждения относительно бабушки были совершенно иррациональными. Но она не смогла до конца забыть мифы, сопровождавшие образ Мими Лащенски.

Само это имя было камнем преткновения: для ребенка оно звучало как сказочное проклятие. И в самом деле, многие черты пожилой дамы подкрепляли зловещие фантазии. В памяти Сюзанны Мими осталась невысокой, с желтоватой кожей и черными волосами (судя по всему, крашеными), туго зачесанными назад над едва ли способным улыбаться лицом. Наверное, у Мими были причины для вечной скорби. Ее первый муж — кажется, цирковой артист — бесследно пропал перед Первой мировой войной. Если верить семейным сплетням, он сбежал как раз из-за того, что Мими — злая ведьма. Второй супруг, дедушка Сюзанны, погиб от рака легких в начале сороковых, докурившись до смерти. С тех пор бабушка жила в эксцентрическом уединении, чуждая детям и внукам, в собственном доме в Ливерпуле. В

доме, куда Сюзанна должна была явиться с запоздалым визитом, выполняя загадочную просьбу Мими.

Пока Сюзанна ехала на север, она перебирала воспоминания о Мими и ее доме. Особняк был значительно больше и гораздо темнее дома родителей в Бристоле. В последний раз его ремонтировали в допотопные времена. Заплесневелый дом, дом в трауре. Чем больше Сюзанна вспоминала, тем мрачнее она становилась.

В книге ее внутренних переживаний эта поездка к Мими была обозначена как возвращение в болото детства, напоминание не о благословенных беззаботных годах, а о тревожном замутненном состоянии, от которого ее освободило взросление. И Ливерпуль был центром того состояния: город вечных сумерек, где воздух пах холодным дымом и еще более холодной рекой. Когда Сюзанна вспоминала об этом, она снова становилась ребенком, боящимся собственных снов.

Разумеется, она отбросила все это много лет назад. Теперь она другая: прекрасная, уверенная в себе женщина за рулем собственной машины, ее лицо освещено солнцем. Какую власть имеют над ней прежние страхи? Однако по дороге Сюзанна поймала себя на мысли, что цепляется за достижения своей нынешней жизни, как за талисманы, способные уберечь ее от этого города.

Она подумала о своей лондонской студии и о вазах, которые обожжет и покроет глазурью, когда — совсем скоро — вернется туда. Вспомнила Финнегана, с которым флиртовала за ужином два дня назад. Подумала о своих друзьях, простых надежных людях: каждому из них она не задумываясь доверила бы свою жизнь и здоровье. Вооружившись таким количеством ясности, она, без сомнения, сумеет пройтись по темным дорожкам своего детства и не испачкаться. Ее путь широк и светел.

Но воспоминания все-таки не утратили силы.

Среди них были знакомые образы Мими и ее дома, но одно из видений явилось из какой-то потайной ниши памяти. Оно пряталось там, невидимое, с того самого дня, когда Сюзанна заперла его там.

Этот эпизод вспомнился не так, как остальные, фрагмент за фрагментом. Он всплыл весь разом, в ошеломительных подробностях…

Сюзанне было шесть лет. Они с матерью находились в доме Мими, стоял ноябрь — кажется, там всегда ноябрь? — промозглый и холодный. Один из редких визитов к бабушке. Обязанность, от которой вечно отлынивал отец.

Сейчас Сюзанна ясно видела Мими, сидящую в кресле у камина, не нагревавшего даже копоть на решетке. Лицо бабушки, унылое на грани трагизма, было бледным от пудры, брови тщательно выщипаны, глаза сверкали в тусклом свете, проникающем сквозь кружевную занавеску.

Мими заговорила, и ее негромкий голос заглушил собой рев автострады.

— Сюзанна! — Она услышала оклик из прошлого. — У меня для тебя подарок.

Сердце девочки дрогнуло и громко застучало где-то в животе.

— Скажи «спасибо», Сьюзи, — приказала мать.

Она послушалась.

— Он наверху, — продолжала Мими, — у меня в спальне. Ты можешь сама пойти и взять его, правда? Он завернут в бумагу и лежит на дне комода.

— Ступай, Сьюзи.

Она ощутила на плече руку матери, подтолкнувшую ее к двери.

— Поторопись.

Сюзанна поглядела на мать, затем на Мими. Ни от одной из них она не дождется снисхождения, они отправят ее вверх по лестнице, и никакой протест не разжалобит их. Сюзанна вышла из комнаты. Лестница вздымалась перед ней горой, а тьма на верхней площадке вызывала ужас. Ни в одном другом доме она не испытывала такого страха. Но здесь был дом Мими, и темнота в нем — темнота Мими.

Цепляясь за перила, Сюзанна пошла вверх по лестнице. Она была уверена, что нечто

кошмарное поджидает ее на каждой ступеньке. Но ей удалось добраться до самого верха, ее никто не сожрал, и она благополучно пересекла лестничную площадку перед спальней бабушки.

Занавески были чуть приоткрыты, из-за них проникал серый тусклый свет. На каминной полке тикали часы — в четыре раза медленнее пульса девочки. Со стены над часами глядел на кровать с высоким изголовьем овальный портрет: фотография человека в застегнутом под самое горло сюртуке. А слева от камина, по другую сторону ковра, заглушавшего шаги, стоял шкаф раза в два выше Сюзанны.

Она быстро подошла к нему, полная решимости — раз уж добралась до комнаты — сделать дело и бежать, пока тиканье часов не проникло в ее сердце и не замедлило его биение до полной остановки.

Сюзанна подошла к шкафу, повернула холодную ручку. Дверь немного приоткрылась. Изнутри пахнуло нафталином, обувной кожей и лавандовой водой. Не обращая внимания на висящие в сумраке платья, Сюзанна пошарила рукой между коробок и бумажных свертков на дне шкафа в надежде нащупать подарок.

В спешке она широко распахнула дверцу — и какое-то создание с дикими глазами выпрыгнуло на нее из темноты. Девочка закричала. Тварь передразнила ее, испустив такой же крик ей в лицо. Сюзанна помчалась к двери, споткнувшись во время бегства о ковер, и скатилась вниз по лестнице. Мать стояла в прихожей…

— В чем дело, Сьюзи?

Сюзанна не могла выговорить ни слова. Молча она бросилась к матери — хотя та, как обычно, немного поколебалась, прежде чем обнять дочь, — и пробормотала, рыдая, что хочет домой. Ничто не могло ее успокоить, даже когда Мими сходила наверх, вернулась и стала что-то объяснять про зеркало в дверце шкафа.

Вскоре они покинули дом. Насколько Сюзанна могла вспомнить, она больше никогда не бывала в спальне Мими. Что касается подарка, о нем никто не вспоминал.

Это был только костяк воспоминания, но его облекали в плоть и оживляли запахи, звуки, оттенки света. Переживание, вдруг вернувшееся к жизни, обладало большим весом, чем события более свежие и, как казалось, более значимые. Сюзанна совершенно забыла — и вряд ли вспомнит — лицо того парня, кому она подарила свою невинность, но до сих пор явственно чувствовала запах шкафа Мими, словно он все еще заполнял ее легкие.

Память — странная штука.

Такая же странная, как письмо, заставившее ее отправиться в путешествие.

Это была первая весточка от бабушки за все прошедшие годы. Одного этого хватило бы, чтобы оставить студию и поехать. Однако содержание письма, неразборчиво накарябанного на почтовой бумаге, заставило Сюзанну еще сильнее поторопиться. Она выехала из Лондона сразу после того, как получила письмо, как будто знала и любила написавшую его женщину целую вечность.

«Сюзанна», — начиналось письмо. Никакого «дорогая» или «милая». Просто:

> Сюзанна!
>
> Прости за почерк. В данный момент я больна. Бывает, что мне совсем плохо, а иногда получше. Кто знает, как я почувствую себя завтра?
>
> Поэтому я и пишу тебе, Сюзанна. Я боюсь того, что может произойти.
>
> Не могла бы ты приехать ко мне домой? Мне кажется, нам нужно многое сказать друг другу. О том, о чем я не хотела говорить, но теперь просто обязана.
>
> Я знаю, все это звучит для тебя нелепо, но я не могу говорить яснее в письме. Тому есть весомые причины.
>
> Прошу тебя, приезжай. Все вышло не так, как я думала. Мы поговорим, как должны были поговорить еще много лет назад.
>
> С наилучшими пожеланиями,
>
> ***Мими.***

Письмо бабушки походило на летнее озеро. Поверхность гладкая и ровная, но что внизу? Какая тьма? «Все вышло не так, как я думала», — написала Мими. Что она имела в виду? Что жизнь проходит слишком быстро и в солнечной юности нет ни намека на то, как горько быть смертным?

Письмо пришло с задержкой, его передавали по разным почтовым отделениям больше недели. Когда Сюзанна получила его, она позвонила Мими домой, но услышала только гудки. Оставив свои незаконченные вазы, Сюзанна упаковала чемодан и отправилась на север.

2

Она приехала прямо на Рю-стрит, но восемнадцатый дом стоял пустой. В шестнадцатом тоже никого не было, зато в следующем цветущая женщина по имени Виолетта Памфри смогла кое-что объяснить. Мими сильно заболела несколько дней назад и сейчас находится в больнице «Сефтон дженерал». Она при смерти. Ее кредиторы, в числе которых газовая и электрическая компании, а также городской совет, не считая дюжины поставщиков еды и питья, немедленно явились с требованиями возместить убытки.

— Они налетели как стервятники, — сказала миссис Памфри, — хотя она еще не умерла. Стыд и срам. Явились и забрали все, на что сумели наложить лапу. Конечно, она трудный человек… Ничего, что я так откровенно об этом говорю, милочка? Ведь так оно и было. Большую часть времени она сидела взаперти в своем доме. Прямо как в какой-то крепости. Вот потому-то они и выжидали, понимаешь? Момента, когда ее здесь не будет. Если бы они попытались проникнуть в дом при ней, до сих пор топтались бы под дверью.

«Забрали ли они шкаф?» — рассеянно подумала Сюзанна.

Она поблагодарила миссис Памфри за помощь, вернулась еще раз взглянуть на дом номер восемнадцать (его крыша была так усеяна белым птичьим пометом, словно там разыгралась снежная буря), а затем поехала в больницу.

3

Медсестра весьма посредственно изображала сочувствие.

— Боюсь, миссис Лащенски очень серьезно больна. Вы ее близкая родственница?

— Внучка. Кто-нибудь ее навещал?

— Насколько мне известно, нет. Хотя это и не имеет значения. У нее был обширный инфаркт, мисс…

— Пэрриш. Сюзанна Пэрриш.

— Ваша бабушка по большей части находится без сознания. Мне очень жаль.

— Ясно.

— Так что, пожалуйста, не ждите от встречи слишком многого.

Сестра провела Сюзанну по короткому коридору в палату. Там стояла такая тишина, что можно было бы расслышать, как осыпаются цветочные лепестки, вот только не было цветов. Сюзанна уже видела палаты для умирающих: ее мать и отец скончались три года назад, с разницей в полгода. Сюзанна узнала и запах, и эту тишину, едва переступила порог.

— Сегодня она еще не приходила в себя, — сказала сестра, отступая назад и пропуская внучку Мими к кровати.

Сначала Сюзанна подумала, что произошла чудовищная ошибка. Это не может быть Мими. Несчастная женщина на постели была слишком хрупкой, слишком бледной. Сюзанна собиралась высказать свою мысль вслух, но вдруг осознала: она сама ошиблась. Волосы больной так поредели, что между ними просвечивала кожа черепа, а кожа на лице сморщилась, как мокрый муслин; тем не менее это была Мими. Обессиленная, доведенная некой дисфункцией нервов и мышц до непривычной пассивности, но все-таки Мими.

Слезы душили Сюзанну, когда она смотрела на бабушку. Мими укутали в одеяло, как младенца, но она спала в ожидании не нового дня, а бесконечной ночи. Она была такой

порывистой, такой решительной. Теперь вся сила ушла из нее. Ушла навсегда.

— Я оставлю вас пока наедине, — произнесла сестра и удалилась.

Сюзанна прижала руку ко лбу, стараясь сдержать слезы.

Когда она снова посмотрела на бабушку, пронизанные голубыми жилками веки старой женщины затрепетали и открылись.

Сначала казалось, что глаза Мими смотрят на что-то за спиной Сюзанны. Затем взгляд бабушки сосредоточился, и Сюзанна поняла он остался точно таким же пронзительным, каким она его помнила.

Мими раскрыла рот. Губы ее пересохли от жара. Она провела по ним языком. Глубоко потрясенная, Сюзанна приблизилась к кровати.

— Привет, — произнесла она негромко. — Это я, Сюзанна.

Глаза старухи смотрели ей прямо в глаза «Я знаю, кто ты», — говорил этот взгляд.

— Хочешь воды?

Тонкая морщинка прорезала лоб Мими.

— Воды? — повторила Сюзанна, и снова тоненькие морщинки появились на лбу, как ответ.

Они поняли друг друга.

Сюзанна налила в пластиковый стаканчик немного воды из стоявшего на столике кувшина и поднесла питье к губам Мими. Когда она сделала это, Мими оторвала руку от хрустящей простыни и коснулась руки внучки. Прикосновение было легким, как перышко, но от него по всему телу Сюзанны прошла такая дрожь, что она едва не выронила стакан.

Дыхание Мими вдруг сделалось неровным, лицо стало кривиться и подергиваться, рот силился выговорить что-то. В глазах блестели слезы бессилия. Ей удалось издать единственный горловой звук.

— Все хорошо, — произнесла Сюзанна.

Одного взгляда на пергаментное лицо хватило, чтобы получить опровержение.

«Нет, — говорили глаза, — все нехорошо, все совсем не хорошо. Смерть поджидает у дверей, а я даже не могу выразить то, что чувствую».

— В чем дело? — шепотом спросила Сюзанна, наклоняясь к подушке. Пальцы бабушки еще дрожали у нее на руке. От этого прикосновения кожу покалывало, живот крутило. — Как мне тебе помочь?

Вопрос был не самый удачный, но она действовала наугад.

Глаза Мими на мгновение закрылись, а морщина на лбу сделалась резче. Похоже, она оставила попытки выразить мысль словами. Возможно, оставила навсегда.

Но вдруг — Сюзанна даже вскрикнула от неожиданности — пальцы Мими, лежавшие на ее руке, скользнули к запястью. Хватка усилилась до боли. Сюзанна могла бы высвободиться, но не стала. Тонкая смесь запахов заполнила ее мозг: пыль, оберточная бумага, лаванда. Бабушкин шкаф, конечно же, это запах ее шкафа. И вместе с узнаванием пришла уверенность: Мими каким-то образом проникла в голову Сюзанны и оставила там этот запах.

Последовало мгновение паники, инстинктивное желание защитить свою независимость. Но паника отступила перед видением.

Что именно она увидела, Сюзанна не совсем поняла. Какой-то узор, орнамент, он растворялся и изменялся сам собой, снова и снова. Наверное, узор был цветным, но краски так расплывались, что она не могла сказать наверняка. Расплывчатыми были и образы, мелькавшие в том калейдоскопе.

Узоры, как и запахи, были навеяны Мими. Хотя рассудок протестовал, Сюзанна в этом не сомневалась. Внушенный образ был жизненно важен для старой женщины, и она собрала остатки своей воли до последней капли, чтобы Сюзанна увидела его мысленным взором.

Но она не успела повнимательнее рассмотреть видение.

У нее за спиной ахнула сестра:

— О боже!

Ее голос нарушил чары Мими, узоры рассыпались вихрем лепестков и исчезли. Сюзанна смотрела в лицо бабушки, их взгляды встретились еще на мгновение, прежде чем больная потеряла контроль над своим немощным телом. Рука соскользнула с запястья Сюзанны, глаза нелепо блуждали по сторонам, темная слюна текла из угла рта.

— Вам лучше подождать снаружи, — сказала сестра и подошла ближе, чтобы нажать на кнопку звонка рядом с кроватью.

Сюзанна попятилась к двери, потрясенная видом задыхающейся и хрипящей бабушки. Появилась вторая медсестра.

— Вызови доктора Чея, — сказала первая. Затем снова обратилась к Сюзанне: — Прошу вас, подождите в коридоре.

Сюзанна послушалась. Ей и правда нечего было делать в палате, разве что мешать профессионалам. В вестибюле оказалось многолюдно, и ей пришлось отойти от двери палаты метров на двадцать, чтобы найти место и прийти в себя.

Ее мысли походили на слепых бегунов, они бешено метались по сторонам, не приходя к финишу. Снова и снова она вспоминала спальню Мими на Рю-стрит, шкаф, возвышавшийся над ней, как укоряющее привидение. Что же бабушка хотела сказать этим запахом лаванды? И как она сумела устроить невероятный сеанс передачи мыслей? Неужели она всегда обладала этим даром? Если так, какие еще силы заключены в ней?

— Вы Сюзанна Пэрриш?

По крайней мере на этот вопрос Сюзанна могла ответить:

— Да.

— Я доктор Чей.

Лицо напротив нее было круглым, как лепешка, и столь же пресным.

— Ваша бабушка, миссис Лащенски…

— Да?

— Произошли серьезные перемены в состоянии ее здоровья. Вы ее единственная родственница?

— В этой стране — да. Мои родители уже умерли. У нее еще есть сын, он в Канаде.

— Вы могли бы связаться с ним?

— У меня нет с собой номера его телефона… но я могу узнать.

— Полагаю, его следует поставить в известность, — произнес доктор Чей.

— Да, разумеется, — кивнула Сюзанна. — А что мне… То есть не могли бы вы сказать, сколько она еще проживет?

Доктор вздохнул.

— Сложно предсказать, — сказал он. — Когда она поступила к нам, я был уверен, что ей не пережить и ночи. Но она продержалась. А потом еще одну ночь. И еще. Она все еще держится. Ее выносливость просто поразительна. — Он помолчал, пристально глядя на Сюзанну. — Я почему-то уверен, что она дожидалась вас.

— Меня?

— Мне кажется, да. Ваше имя было единственным разборчивым словом, которое она произносила с момента поступления в больницу. Думаю, она хотела продержаться, пока вы не приедете.

— Понятно, — отозвалась Сюзанна.

— Должно быть, вы ей очень дороги, — продолжал доктор. — Хорошо, что вы повидались. Знаете, здесь умирает множество пожилых людей, и кажется, никому нет до них дела. Где вы остановились?

— Я еще не придумала. Наверное, найду гостиницу.

— Может быть, вы дадите нам номер телефона, чтобы в случае чего мы могли с вами связаться?

— Конечно.

Доктор кивнул и оставил Сюзанну наедине с ее слепо мечущимися мыслями. Этот разговор не помог дать им нужное направление.

Мими Лащенски не любила внучку, доктор Чей ошибался. Как она могла ее любить? Мими ничего не знала о том, как живет Сюзанна, они были друг для друга закрытыми книгами. Однако кое-что из слов доктора было похоже на правду. Возможно, Мими действительно ждала и боролась из последних сил, пока дочь ее дочери не подошла к ее постели.

Но ради чего? Чтобы взять Сюзанну за руку и выплеснуть последние капли энергии, показывая ей какой-то гобелен? Прекрасный подарок, но он значит либо слишком много, либо слишком мало. Так или иначе, Сюзанна не понимала его смысла.

Она вернулась в пятую палату. Там сидела дежурная сестра, а старуха лежала на своей подушке неподвижно, как камень. Глаза закрыты, руки вытянуты вдоль тела. Сюзанна вглядывалась в ее лицо, снова безвольно сморщившееся. Это лицо ничего не могло ей поведать.

Сюзанна взяла руку бабушки и на мгновение сжала, затем выпустила. Я вернусь на Рю-стрит, решила Сюзанна. Вдруг пребывание в доме оживит какое-нибудь воспоминание?

Она долго старалась забыть свое детство. Заталкивала его туда, откуда оно уже никак не сможет дурачить с таким трудом добытую взрослость. И вот теперь, когда все ящики заколочены, что она обнаруживает? Тайну, бросающую вызов ее взрослому «я», уговаривающую вернуться в прошлое и отыскать разгадку.

Сюзанна вспомнила лицо в зеркале шкафа, заставившее ее зарыдать и убежать вниз по лестнице.

Оно все еще там? Это до сих пор ее лицо?

VI
Безумный Муни

1

Кэл был напуган, как не пугался ни разу в жизни. Он сидел у себя в комнате за запертой дверью и дрожал от страха.

Дрожь напала на него через несколько минут после случившегося на Рю-стрит. С тех пор прошли сутки, но дрожь не унималась. Время от времени руки начинали трястись так сильно, что Кэл с трудом удерживал стакан виски, который нянчил ночь напролет без сна. А порой он стучал зубами. Но большая часть дрожи не выходила наружу, она была внутри. Как будто в животе его поселились голуби и хлопали там крыльями по внутренностям.

А все потому, что он увидел чудо и понял всем своим существом: его жизнь уже никогда не будет такой, как прежде. Разве это возможно? Он же забрался на небо и смотрел вниз на тайную страну, о которой мечтал с самого детства.

Он рос замкнутым ребенком — и по собственному выбору, и по обстоятельствам. Счастлив он бывал лишь тогда, когда мог выпустить на свободу воображение и позволить ему идти куда глаза глядят. Для таких путешествий требовалось совсем немного. Когда он оглядывался назад, ему казалось, что половину школьных лет он провел, глазея в окно, пока поэтическая строчка, смысл которой он не вполне понимал, или отдаленное приглушенное пение уносили его в мир более красочный и широкий, чем здешний. Запахи того мира приносил странно теплый для декабря ветер, тамошние обитатели платили Кэлу дань, оставляя подношения в ногах постели, и он видел их во сне.

Однако, несмотря на близкое знакомство с тем миром и спокойствие, каким от него веяло, его природа и местоположение оставались неясными. И хотя Кэл прочитал все доступные ему книги, уводившие в некие удивительные земли, он неизменно возвращался из этих путешествий разочарованным. Они слишком идеальны, эти королевства для детишек: сплошной приторный мед и вечное лето.

Он знал, настоящая Страна чудес не такая. В ней столько же тени, сколько солнца, а ее

тайны можно разгадать, лишь применив все свои способности, когда твои мозги готовы лопнуть от натуги.

Теперь его била дрожь, потому что именно так он себя и чувствовал. Как человек, чья голова вот-вот разорвется на части.

2

Он встал рано, спустился вниз, приготовил себе яичницу и сэндвич с беконом, а потом сидел над завтраком, не ощущая никакого желания есть, пока наверху не проснулся отец. Кэл быстро позвонил в свою контору и сказал Уилкоксу, что заболел и сегодня на работу не выйдет. То же самое он сообщил Брендану — тот как раз умывался и не мог увидеть из-за двери серого встревоженного лица сына. Затем, покончив с обязанностями, Кэл вернулся к себе в комнату и сел на кровать, чтобы заново обдумать события на Рю-стрит в надежде, что вчерашняя загадка в итоге разъяснится.

Ничего из этого не вышло. Как только он мысленно возвращался к недавним событиям, они ускользали от рационального объяснения. Оставалось только острое как бритва воспоминание о пережитом опыте, а вместе с ним — болезненная тоска.

Он знал: все, о чем он мечтал, было заключено в том месте. Все, во что его отучали верить, все чудеса, все загадки, все голубые тени и благоуханные призраки. Все, что знал голубь, все, что знал ветер, все, чем владели когда-то люди, да теперь позабыли, — все ожидало Кэла в том месте. Он видел это собственными глазами.

Отчего, возможно, сошел с ума.

А как еще объяснить такую галлюцинацию, сложную и полную деталей? Да, он сошел с ума. Почему бы нет? У них в роду были психи. Отец его отца, Безумный Муни, под конец жизни спятил, как мартовский заяц. Старик, по словам Брендана, был поэтом, хотя на Чериот-стрит о нем предпочитали не говорить. «Прекрати болтать чепуху», — заявляла Эйлин, когда Брендан поминал старика. Кэл так и не понял, на что именно был наложен запрет — на поэзию, на безумие или на все ирландское. Как бы то ни было, отец нарушал этот запрет, стоило жене отвернуться, потому что Брендан обожал Безумного Муни и его стихи. Кэл даже выучил несколько строк со слов отца. И вот теперь он продолжил семейную традицию: его посещают видения, и он рыдает над своим виски.

Вопрос в том, говорить об этом или промолчать. Рассказать о том, что видел, рискуя вызвать смех и косые взгляды, или же сохранить все в тайне. Часть существа Кэла нестерпимо хотела все рассказать, выплеснуть на других (хотя бы на Брендана) и посмотреть, что они будут делать. Но другая часть твердила: спокойно, будь осторожен. Страна чудес приходит не к тем, кто о ней болтает, а к тем, кто умеет держать язык за зубами и ждать. Так он и делал. Сидел, трясся и ждал.

3

Страна чудес не появилась, зато появилась Джеральдин, и у нее не было настроения проникаться безумными бреднями. Внизу в прихожей раздался ее голос, затем голос Брендана: Кэл болен и не хочет, чтобы его тревожили, сказал он, — а Джеральдин ответила, что увидит Кэла, болен тот или нет, и через мгновение уже стояла под его дверью.

— Кэл?

Она подергала ручку, обнаружила, что дверь заперта, и заколотила в нее:

— Кэл? Это я. Проснись!

Он прикинулся, будто туго соображает, чему помог и заплетавшийся от выпитого виски язык.

— Кто это? — переспросил он.

— Почему ты запер дверь? Это я, Джеральдин.

— Я не очень хорошо себя чувствую.

— Впусти меня, Кэл.

Он знал: когда Джеральдин в таком настроении, спорить с ней бесполезно, и повернул ключ.

— Ты жутко выглядишь, — сказала она. Голос ее смягчился, едва она взглянула на него. — Что с тобой стряслось?

— Со мной все в порядке, — запротестовал он. — Правда. Я просто упал.

— Почему ты мне не позвонил? Я вчера весь вечер тебя прождала на репетиции свадьбы. Ты что, забыл?

В следующую субботу сестра Джеральдин, Тереза, собиралась выйти замуж за любовь всей ее жизни — доброго католика, чья способность к продолжению рода не вызывала ни малейшего сомнения: его возлюбленная была уже на четвертом месяце. Однако ее выпирающий живот не испортит предстоящего торжества, свадьба будет грандиозная. Кэл, встречавшийся с Джеральдин два года, был почетным гостем. Возлагались большие надежды на то, что он следующий, кто обменяется клятвами верности с одной из четырех дочерей Нормана Келлуэя. И если он пропустит репетицию, это непременно воспримут как мелкую ересь.

— Я же напоминала тебе, Кэл, — упрекнула Джеральдин. — Ты же знаешь, как это важно для меня.

— Со мной произошла небольшая неприятность, — сказал он. — Я упал со стены.

Она смотрела недоверчиво.

— А с чего ты залез на стену? — спросила она, как будто в его возрасте он должен давно позабыть подобные глупости.

Он вкратце рассказал ей о бегстве Тридцать третьего и о том, как он оказался на Рю-стрит. Это, конечно, был сильно сокращенный рассказ. В нем не упоминалось о ковре и о том, что Кэл на нем увидел.

— Ты нашел голубя? — поинтересовалась Джеральдин, когда он пересказал все этапы погони.

— Можно и так сказать, — ответил он.

На самом деле, когда он пришел на Чериот-стрит, Брендан сообщил ему, что Тридцать третий вернулся после обеда и теперь водворен в клетку к своей пестрой подружке. Это Кэл и рассказал Джеральдин.

— Значит, ты пропустил репетицию, потому что искал голубя, который и сам мог вернуться домой? — спросила она.

Кэл кивнул.

— Ты же знаешь, как отец любит птиц, — сказал он.

Упоминание о Брендане смягчило Джеральдин: они стали друзьями с той минуты, когда Кэл их познакомил. «Она светится! — сказал тогда отец. — Держись за нее, не то уведут». Эйлин не была в этом уверена. Она всегда держалась с девушкой прохладно, отчего Брендан еще щедрее расточал похвалы.

Джеральдин улыбнулась нежно и снисходительно. Кэл очень не хотел впускать ее в комнату, его мечтательный настрой был разрушен, но внезапно он ощутил благодарность за компанию. Даже дрожь немного стихла.

— Здесь ужасно душно, — сказала она. — Тебе нужен свежий воздух. Почему ты не откроешь окно?

Кэл сделал так, как она предлагала. Когда он развернулся, Джеральдин уже сидела на его кровати, скрестив ноги и опершись спиной на коллаж из картинок. Кэл сделал его в ранней юности, а родители так и оставили висеть. «Стена плача», называла этот коллаж Джеральдин: парад кинозвезд, ядерных взрывов, политиков и свиней.

— Платье получилось прекрасное, — сообщила она.

Кэл задумался над этой ремаркой; голова соображала туго.

— Платье Терезы, — подсказала Джеральдин.

— А.

— Иди сюда, Кэл. Сядь.

Он стоял у окна. Благоуханный чистый воздух напомнил ему…

— Что случилось? — спросила она.

Слова были готовы сорваться с губ. «Я видел Страну чудес», — хотел сказать Кэл. В общем, так оно и было. Сопутствующие обстоятельства, подробности — все это не имело значения. Четыре главных слова произнести нетрудно, правда? «Я видел Страну чудес». Если в его жизни и есть кто-то, кому он должен поведать о случившемся, то это как раз Джеральдин.

— Расскажи мне, Кэл, — попросила она. — Ты болен?

Он покачал головой.

— Я видел… — начал он.

Она смотрела на него в полном недоумении.

— Что? — спросила она. — Что ты видел?

— Я видел… — снова начал он, и снова ничего не вышло. Язык не слушался его, слова не выговаривались. Кэл перевел взгляд с лица Джеральдин на «Стену плача».

— Эти картинки, — произнес он наконец, — они просто уродские.

Странная эйфория охватила его: он был так близок к признанию, но все-таки сдержался. Та часть его существа, которая хотела уберечь увиденное в тайне, в этот миг выиграла сражение, а может быть, и всю войну. Он не мог открыться Джеральдин. Ни сейчас, ни потом. Он почувствовал огромное облегчение, когда наконец принял это решение.

«Я Безумный Муни», — подумал он, и мысль не показалась ему ужасной.

— Ты уже выглядишь получше, — заметила Джеральдин. — Должно быть, свежий воздух помог.

4

Чему же он мог научиться у покойного поэта теперь, когда они сделались родственниками по духу? Что бы сделал Безумный Муни на месте Кэла?

Ответ пришел сам собой: он бы следовал правилам игры, а потом, когда мир повернулся бы к нему спиной, начал поиски. Он бы искал до тех пор, пока не нашел свою цель, и нисколько не беспокоился бы о том, что эти поиски ведут к безумию. Он бы отыскал свою мечту, крепко вцепился в нее и никогда уже не отпускал.

* * *

Они еще немного поболтали, а потом Джеральдин объявила, что ей пора идти. Сегодня днем надо сделать еще много всего, связанного со свадьбой.

— Больше никакой беготни за голубями, — велела она Кэлу. — Я хочу, чтобы в субботу ты был там.

Она обняла его.

— Ты такой худой. Придется мне тебя откормить.

«Сейчас она ждет, что ты ее поцелуешь, — шепнул Кэлу в ухо безумный поэт, — сделай леди одолжение. Мы же не хотим, чтобы она подумала, будто ты потерял интерес к спариванию из-за того, что почти поднялся на небеса и свалился обратно. Поцелуй ее и скажи что-нибудь подобающее такому случаю».

Поцелуй более-менее удался. Кэл беспокоился, как бы Джеральдин не заметила, что он действует по чужой подсказке, но все обошлось. Она щедро ответила на его ложную страсть, прижавшись к нему всем телом, теплым и упругим.

«Готово, — сказал поэт. — А теперь найди какие-нибудь воодушевляющие слова, и пусть она уйдет восвояси счастливой».

И тут уверенность оставила Кэла. Он никогда не умел вести любовные разговоры.

— Увидимся в субботу. — Вот и все, что он смог сказать. Но Джеральдин, кажется, это

вполне удовлетворило. Она еще раз поцеловала его и ушла.

Он смотрел из окна и считал ее шаги, пока она не завернула за угол. А когда возлюбленная скрылась из виду, Кэл отправился на поиски своей заветной мечты.

Часть вторая
Рождения, смерти и женитьбы

Ах! Полночь языком своим железным
Двенадцать отсчитала. Спать скорее!
Влюбленные, настал волшебный час.
Шекспир. Сон в летнюю ночь[1]

I
Огни в пиджаке

1

День, в который вышел Кэл, был сырым и душным. Лето уже готовилось уступить свое место осени. Даже ветер казался усталым, и его усталость была заразна. Когда Кэл наконец добрался до квартала, где располагалась Рю-стрит, он чувствовал, что его ноги в ботинках распухли, так же как и мозги.

В довершение страданий, он никак не мог найти чертову улицу. Накануне он шел к тому дому, не сводя глаз с птиц и не глядя на дорогу, поэтому у него осталось весьма смутное впечатление об окружающей местности. Осознав, что так можно бродить часами и не найти нужную улицу, Кэл спросил дорогу у компании шестилеток, игравших в войну на углу. Его уверенно отправили в противоположном направлении. Однако — то ли по злому умыслу, то ли по незнанию — этот путь оказался явно неправильным. Кэл понял, что ходит кругами, и его отчаяние усилилось.

Оставалось надеяться только на шестое чувство — некий инстинкт, который должен привести его прямо в страну грез. Но, судя по всему, в данный момент это чувство отлучилось.

И лишь везение, исключительно везение, привело его в итоге на угол Рю-стрит к дому, некогда принадлежавшему Мими Лащенски.

2

Сюзанна потратила утро на то, что пообещала доктору Чею: она пыталась отыскать в Торонто дядю Чарли. Дело оказалось не из легких. Во-первых, в небольшом отеле, где она остановилась накануне вечером, имелся лишь один общий телефон, и другие постояльцы хотели добраться до него не меньше Сюзанны. Во-вторых, ей пришлось обзвонить нескольких друзей семьи, прежде чем она нашла телефонный номер дяди Чарльза. Все это заняло большую часть утра. Когда она связалась с Чарли, было уже около часа. Единственный сын Мими воспринял известие без малейшего удивления. Он не сказал, что сейчас же бросит работу и примчится к постели матери, а только вежливо попросил Сюзанну позвонить ему, когда будут новости. Надо полагать, он хотел узнать, когда придет время прислать венок. Удивительная сыновняя любовь!

Поговорив с дядей, Сюзанна позвонила в больницу. Состояние больной не изменилось. Она «держится», сказала дежурная медсестра. От этих слов в воображении возник странный образ бабушки в виде альпиниста, вцепившегося в отвесную скалу. Сюзанна воспользовалась

1 Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

возможностью и спросила о личных вещах Мими. Ей ответили, что та поступила в больницу в одной ночной рубашке. Скорее всего, «стервятники», о которых говорила миссис Памфри, уже успели вынести из дома все ценное, включая шкаф, однако Сюзанна все равно решила заехать туда. Вдруг удастся спасти что-нибудь такое, что хоть немного скрасит последние дни Мими.

Недалеко от гостиницы Сюзанна нашла итальянский ресторан, пообедала и поехала на Рю-стрит.

3

Уходя, грузчики прикрыли за собой ведущие во двор ворота, но не заперли их на засов. Кэл распахнул створку и шагнул во двор.

Если он наделся на какое-то откровение, то его ждало разочарование. Он не увидел ничего примечательного. Лишь иссушенные сорняки, пробивавшиеся между булыжниками, да разбросанный хлам, который грузчики сочли ничего не стоящим. Даже тени, где могло бы затаиться блаженство, были пусты и лишены таинственности.

Кэл остановился посреди двора, где ему открылись все переворачивающие сознание тайны, и в первый раз по-настоящему усомнился: а было ли в действительности то, что случилось вчера?

Возможно, что-нибудь найдется внутри дома, сказал он себе. Какой-нибудь обломок кораблекрушения, за который он сумеет уцепиться в этом море сомнений.

Кэл пересек двор, где недавно лежал ковер, и подошел к задней двери. Грузчики оставили ее незапертой, или же замок сломали хулиганы. Как бы то ни было, дверь была приоткрыта. Кэл переступил порог.

Тени здесь были гуще, и хотя бы оставалось место для тайны. Кэл подождал, пока глаза привыкнут к сумраку. Неужели он был здесь всего лишь сутки назад, думал Кэл, окидывая пристальным взглядом мрачный интерьер дома Неужели всего лишь вчера он вошел в этот дом, не имея иных намерений, кроме как поймать улетевшую птицу? Сегодня он хотел найти гораздо больше.

Он миновал прихожую, высматривая повсюду хотя бы намек на то, что пережил накануне. С каждым шагом он ощущал, как рассеиваются надежды. Теней здесь было предостаточно, но в них ничего не таилось. Это место уже показало все свои чудеса. Они ушли вместе с ковром.

На середине ведущей наверх лестницы Кэл остановился. Какой смысл идти дальше? Совершенно очевидно — он упустил свой шанс. Если ему суждено узреть снова то видение, промелькнувшее и исчезнувшее, надо искать в каком-то другом месте. Тем не менее из чистого упрямства (одна из характерных черт Эйлин) он продолжил подъем.

На верхней площадке было так душно, что каждый вдох давался с большим трудом. Из-за этого, а еще из-за того, что он ощущал себя злоумышленником, незваным гостем в чужой гробнице, Кэл хотел поскорее убедиться, что это место лишилось своей магии, и уйти.

Когда он подошел к двери первой спальни, за его спиной что-то шевельнулось. Он обернулся. Грузчики свалили там в кучу различную мебель, а потом, очевидно, решили, что не стоит потеть, стаскивая рухлядь вниз. Комод, несколько стульев и столов. Звук донесся из-за этой свалки. И теперь повторился снова.

Кэл подумал о крысах: звук был такой, словно его производили нескольких пар шустрых лап. Живи сам и дай жить другим, подумал Кэл: у него не больше прав находиться здесь, чем у них. Может быть, даже меньше. Крысы, наверное, обитали в доме на протяжении многих крысиных поколений.

Кэл вернулся к прерванному делу, толкнул дверь и вошел в первую комнату. Окна были грязные, заляпанные кружевные занавески еще плотнее закрывали поток дневного света. На голых досках лежало перевернутое кресло, кто-то выставил на каминную полку три непарные туфли. И больше ничего.

Кэл постоял несколько минут, затем услышал смех с улицы. Пытаясь обрести поддержку в этом смехе, Кэл подошел к окну и отдернул занавески, но оставил попытки найти весельчака прежде, чем успел его увидеть. Он нутром почуял, что кто-то вошел в комнату вслед за ним. Кэл выпустил занавеску и развернулся. Рядом с ним в полумраке стоял широкоплечий человек, скорее пожилой, чем средних лет, и слишком хорошо одетый, чтобы без спросу вторгаться в чужие дома. Ткань его серого пиджака почти светилась. Однако еще больше притягивала взгляд улыбка — заученная улыбка актера или проповедника. В общем и целом это было лицо человека, привыкшего убеждать.

— Могу я чем-нибудь помочь? — произнес вошедший.

Голос его был звучный и мягкий.

От столь неожиданного появления Кэл похолодел.

— Помочь мне? — переспросил он запинаясь.

— Может быть, вы интересуетесь недвижимостью? — продолжал человек.

— Недвижимостью? Нет… я… я просто… знаете ли… осматривался.

— Дом прекрасный, — произнес незнакомец. Его улыбка была настойчива, как рука хирурга, и так же стерильна. — Вы хорошо разбираетесь в домах?

Эту фразу он произнес так же, как и предыдущие, без всякой иронии или злости. Кэл не ответил, и человек сказал:

— Я продавец. Моя фамилия Шедуэлл. — Он стянул лайковую перчатку с толстопалой руки. — А ваша?

— Кэл Муни. Кэлхоун, если точно.

Ладонь без перчатки протянулась к нему. Он на два шага подошел к человеку — тот оказался на добрых четыре дюйма выше Кэла с его пятью Фугами одиннадцатью дюймами — и пожал ему руку. Рука была прохладной, и Кэл понял, что сам он вспотел, как мышь под метлой.

Рукопожатие состоялось, дружище Шедуэлл расстегнул пиджак и распахнул его, чтобы достать из внутреннего кармана ручку. От этого небрежного движения на короткий миг показалась подкладка, и из-за какой-то игры света она вдруг засверкала, будто сотканная из зеркальных нитей.

Шедуэлл заметил выражение лица Кэла. Он заговорил, и слова его были легки как пух:

— Ты увидел что-нибудь, что тебе нравится?

Кэл не верил ему. Улыбка ли, лайковые ли перчатки возбудили в нем подозрения? Как бы то ни было, он хотел как можно скорее покинуть общество этого человека.

Но в пиджаке Шедуэлла что-то было. Оно светилось и заставляло сердце Кэла биться быстрее.

— Пожалуйста… — вкрадчиво произнес Шедуэлл. — Взгляни еще разок.

Его руки снова потянулись к пиджаку и распахнули его.

— Скажи мне, — промурлыкал он, — видишь ли там что-нибудь такое, что занимает твои мысли.

На этот раз он распахнул пиджак полностью, выставив напоказ подкладку. И в самом деле, первое впечатление Кэла было верным: она светилась.

— Как я уже сказал, я продавец, коммивояжер, — объяснял Шедуэлл. — У меня есть золотое правило: всегда носить с собой образчики своих товаров.

Товары. Это слово вертелось в голове Кэла, не сводившего глаз с подкладки пиджака. Что за слово такое — «товары»! И он видел, как там, на подкладке пиджака, оно обретает вес. Это переливаются драгоценные камни. Искусственные бриллианты, ослепительно сверкающие, как сверкают только фальшивки. Кэл сощурился от блеска, стараясь осмыслить то, что видел, а голос Шедуэлла продолжал уговаривать:

— Скажи мне, что ты хочешь, и оно станет твоим. Что может быть справедливее? Такой прекрасный молодой человек должен иметь возможность выбирать и брать. Этот мир лежит перед тобой, как устрица. Я это вижу. Открой его. Забери то, что тебе нравится. Бесплатно, даром, без всякого обмена. Скажи мне, что ты там видишь, и в следующий миг оно окажется

у тебя в руках.

«Отвернись, — говорил кто-то внутри Кэла, — ничего не дается даром. За все надо платить».

Но его взгляд был настолько околдован тайнами, спрятанными в складках пиджака, что он не смог бы отвести от него глаз, даже если бы от этого зависела его жизнь.

— Скажи мне, — повторял Шедуэлл, — что ты видишь…

Ах, в этом-то и заключалась трудность.

— …и оно твое.

Он видел позабытые сокровища. Некогда он всей душой желал обладать этими вещами, уверенный, что если их получить, то не захочется ничего другого. Большинство из них было никчемными безделушками, однако они пробуждали прежние желания. Пара рентгеновских очков — он видел объявление о продаже таких очков на обложке книжки с комиксами («Пронзи взглядом стены! Изуми своих друзей!»), но так и не купил. Они были здесь, пластмассовые линзы поблескивали, и при виде их Кэл вспомнил октябрьские ночи, когда лежал без сна, гадая, как же они действуют.

А что рядом с ними? Еще один фетиш его детства. Фотография женщины, одетой в одни лишь туфли на «шпильках» и сверкающие блестками трусики. Она показывала зрителям свои немыслимые груди. Такая фотография имелась у мальчика, жившего через два дома от Кэла, — похищенная, как тот уверял, из бумажника дядюшки. Кэл так страстно хотел ее заполучить, что едва не умирал от желания. И вот теперь она, потрепанное воспоминание, висела на мерцающей подкладке пиджака Шедуэлла, дожидаясь, пока Кэл попросит.

Но не успела она проявиться, как тоже померкла, а на ее месте возникали все новые соблазнительные сокровища.

— Что ты там видишь, друг мой?

Ключи от машины, которую Кэл давно мечтал купить. Призового голубя, победителя несметного множества соревнований, которого он так сильно хотел заполучить, что с радостью украл бы…

— Только скажи мне, чего ты хочешь. Попроси, и оно твое…

Они мелькали, их было так много. Вещи, на час — а то и на целый день! — становившиеся осью, на которой вращался мир, прятались сейчас в чудесном вместилище этого пиджака.

Но они были скоротечны, все без исключения. Появлялись только для того, чтобы сразу испариться. Было там что-то еще, и оно не позволяло Кэлу сосредоточиться на подобных банальностях дольше чем на мгновенье. Что это такое, он пока не мог разглядеть.

Он смутно осознал, что Шедуэлл снова обращается к нему, и на этот раз тон торговца переменился. Голос звучал как-то озадаченно, в нем звенела злоба.

— Говори же, мой друг… Почему ты не говоришь мне, чего ты хочешь?

— Я не могу… как следует… рассмотреть.

— Так старайся усерднее. Сосредоточься.

Кэл попытался. Образы возникали и исчезали, все та же ничтожная чепуха. Главное по-прежнему ускользало.

— Ты не стараешься, — укорил его Шедуэлл. — Если человек хочет чего-то по-настоящему, он сразу же видит это. Образ явственно запечатлен у него в голове.

Кэл оценил справедливость его слов и удвоил усилия. Он вошел в азарт, стараясь рассмотреть за бесполезным хламом истинное сокровище. Странное чувство сопровождало эти попытки: беспокойное шевеление в груди и горле, словно часть его существа готовилась бежать за его взглядом, прочь от Кэла и дальше. Бежать в пиджак.

За спиной Кэла, в том месте, где позвоночник входил в череп, забормотали предостерегающие голоса. Но он слишком сильно втянулся, чтобы сопротивляться. Что бы ни заключалось в пиджаке, оно дразнило его, не показываясь до конца. Кэл уставился на подкладку, отбросив приличия, и смотрел, пока пот не заструился с висков.

Вкрадчивый монолог Шедуэлла снова обрел уверенное звучание. Сахарная глазурь

треснула и отвалилась. Орех внутри оказался черным и горьким.

— Давай же, — сказал он. — Не будь таким слабаком. Там есть то, чего ты хочешь, верно? Очень сильно хочешь. Давай! Скажи мне. Сознайся. Нет смысла тянуть время. Пока ты выжидаешь, возможность ускользает от тебя.

Наконец-то образ начал проявляться…

— Скажи мне, и оно твое.

Кэл ощутил ветер на лице и вдруг снова взлетел, а под ним расстилалась чудесная страна. Ее долины и горы, ее реки и башни — все было здесь, запечатленное в подкладке пиджака Шедуэлла.

Кэл ахнул при виде ее. Шедуэлл отреагировал со скоростью молнии:

— Что это?

Кэл смотрел во все глаза, потеряв дар речи.

— Что ты видишь?

Кэла охватили противоречивые чувства. Глядя на эту землю, он ощущал восторг и в то же время боялся того, чем ему придется заплатить (может быть, он уже платит, даже не подозревая об этом) за такое пип-шоу. В Шедуэлле было что-то мерзкое, несмотря на улыбки и посулы.

— Скажи мне, — потребовал Шедуэлл.

Кэл попытался удержать слова, вертящиеся на языке. Он не хотел расставаться со своей тайной.

— Что ты видишь?

Этому голосу было трудно противиться. Кэл хотел промолчать, но ответ сам рождался в нем.

— Я… — («Не говори», — предостерег поэт.) — Я вижу. — («Борись. Это опасно».) — Я… вижу…

— Он видит Фугу.

Голос, завершивший за него предложение, принадлежал женщине.

— Ты уверена? — переспросил Шедуэлл.

— Куда уж больше. Посмотри ему в глаза.

Кэл чувствовал себя глупым и никчемным. Все еще зачарованный мерцавшими в подкладке видениями, он не находил сил, чтобы отвести глаза и посмотреть на тех, кто сейчас рассматривал его.

— Он знает, — сказала женщина.

В ее голосе не слышалось ни намека на душевную теплоту. Или хотя бы человечность.

— Значит, ты права, — заметил Шедуэлл. — Она была здесь.

— Разумеется.

— Просто прекрасно, — заявил Шедуэлл, запахивая пиджак.

Для Кэла это стало катастрофой. Когда мир — Фуга, назвала его женщина, — так внезапно ускользнул, он ощутил себя слабым, как младенец. Все силы уходили только на то, чтобы стоять на ногах. Взгляд закатывающихся глаз устремился на женщину.

Она прекрасна, такова была его первая мысль. Одета во что-то красное и пурпурное, цвета очень темные, почти черные. Ткань полностью обтягивала верхнюю часть тела, отчего женщина выглядела целомудренной, спеленатой и укрытой и в то же время подчеркнуто эротичной из-за плотно облегающей материи. Точно так же противоречивы были черты ее лица. Волосы надо лбом были сбриты на два дюйма, а брови — полностью, отчего лицо жутким образом лишалось всякого выражения. Кожа блестела, как намасленная. Несмотря на сбритые волосы и полное отсутствие косметики, способной подчеркнуть достоинства, это лицо так и дышало сексуальностью. Рот слишком правильно очерчен, а глаза — янтарные, золотистые — слишком выразительны, чтобы скрывать чувства. Какие именно чувства, Кэл мог лишь смутно догадываться. Одним из них явно было нетерпение, словно от пребывания здесь женщину тошнило. Еще там клубилась ярость, и Кэл очень не хотел бы увидеть, как она выплеснется наружу. Презрение — скорее всего, к нему — и сильная сосредоточенность,

словно женщина видела сквозь его плоть и была готова заморозить его одной мыслью.

Однако в ее голосе не отразилось никаких противоречий. Он был тверже стали.

— Когда? — требовательно спросила она. — Когда ты в последний раз видел Фугу?

Кэл не мог выдерживать ее взгляд дольше одного мгновения. Он перевел глаза на каминную полку и три непарных туфли.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — произнес он.

— Ты ее видел. И сейчас увидел снова в подкладке. Бессмысленно отрицать.

— Тебе лучше ответить, — посоветовал Шедуэлл.

Кэл перевел взгляд с каминной полки на дверь. Они оставили ее открытой.

— Да пошли вы оба ко всем чертям, — произнес он ровно.

Кажется, Шедуэлл засмеялся? Кэл не был уверен.

— Нам нужен ковер, — заявила женщина.

— Он, видишь ли, принадлежит нам, — сказал Шедуэлл. — У нас есть законные основания, чтобы потребовать его.

— Так что, будь так любезен… — Губы женщины искривились от этих вежливых слов. — Скажи мне, куда делся ковер, и мы покончим с этим делом.

— Какой простой вопрос, — сказал Коммивояжер. — Ответь нам, и мы уйдем.

Притворяться ничего не понимающим не было смысла. Кэл подумал: они знают, что я знаю, и переубедить их не получится. Он в ловушке. Однако, несмотря на серьезность ситуации, он ощущал возрастающее воодушевление. Его мучители подтвердили существование мира, который он видел мельком: это Фуга. Желание как можно скорее избавиться от общества этих людей смешивалось с желанием поводить их за нос. Вдруг они расскажут что-нибудь еще о том видении?

— Может быть, я и видел что-то, — признал Кэл.

— Никаких «может быть», — отрезала женщина.

— Все как в тумане… — сказал он. — Я помню кое-что, но не совсем уверен, что именно.

— Ты не знаешь, что такое Фуга? — спросил Шедуэлл.

— А с чего бы ему знать? — вставила женщина. — Он оказался рядом случайно.

— Но он же видел, — возразил Шедуэлл.

— Многие чокнутые видели кое-что, но это не значит, что они поняли. Он сбит с толку, как и все они.

Кэла возмутил ее снисходительный тон, но, в общем, она была права. Он сбит с толку.

— Что ты видел — не твое дело, — сказала ему женщина. — Просто ответь, куда ты дел ковер, а потом забудь все, что промелькнуло у тебя перед глазами.

— У меня нет ковра, — ответил он.

Лицо женщины потемнело целиком, зрачки стали похожи на луны, излучающие тусклый апокалиптический свет.

Кэл снова услышал на площадке скребущий звук, который он изначально принял за крысиную возню. Теперь он уже сомневался в его происхождении.

— Я больше не буду с тобой вежлива, — произнесла женщина. — Ты обычный вор.

— Нет… — возразил он.

— Да. Ты пришел сюда, чтобы ограбить дом старой женщины, и случайно увидел то, чего не должен был видеть.

— Хватит впустую терять время, — произнес Шедуэлл.

Кэл начал сожалеть о своем желании водить эту пару за нос. Нужно было бежать, пока оставалось хотя бы полшанса. Шум с другой стороны двери усиливался.

— Слышишь? — спросила женщина. — Это бастарды моей сестры. Ее ублюдки.

— Они кошмарны, — вставил Шедуэлл.

Кэл в этом не сомневался.

— Еще раз, — продолжала женщина. — Где ковер?

И он повторил:

— У меня нет ковра. — На этот раз его слова звучали умоляюще, а не уверенно.

— Тогда нам придется заставить тебя говорить, — заключила женщина.

— Осторожнее, Иммаколата, — сказал Шедуэлл.

Если Иммаколата и услышала, то не обратила внимания на его предостережение. Она слегка потерла средним и безымянным пальцами правой руки по ладони левой, и на этот безмолвный призыв тут же явились дети ее сестры.

II
На волосок от гибели

1

Сюзанна приехала на Рю-стрит около трех часов и сначала зашла к миссис Памфри, чтобы рассказать о состоянии здоровья бабушки. Миссис Памфри зазывала ее в дом с такой настойчивостью, что она не смогла отказаться. Они выпили чаю и поговорили минут десять, в основном о Мими. Виолетта Памфри говорила о старой женщине без злобы, однако нарисованный ею портрет был совсем не лестным.

— Газ и электричество отключили в доме много лет назад, — говорила Виолетта. — Она не оплачивала счета. Жила в совершенном убожестве, причем я всегда могла бы помочь ей по-соседски. Но она была груба, и, знаете ли, что касается ее здоровья… — Миссис Памфри чуть понизила голос. — Я понимаю, что не следует так говорить, однако… ваша бабушка была не вполне в своем уме.

Сюзанна пробормотала что-то в ответ, зная, что ее реплику все равно не услышат.

— У нее в доме были только свечи. Ни телевизора, ни холодильника. Одному богу ведомо, чем она питалась.

— Вы не знаете, есть ли у кого ключ от дома?

— О, что вы, она никому бы не дала ключ. У нее на двери больше замков, чем вы за свою жизнь съели обедов. Она, видите ли, никому не доверяла. Никому.

— Я просто хотела заглянуть.

— С тех пор как ее увезли, все время кто-нибудь приходит и уходит, так что дом, скорей всего, открыт нараспашку. Я и сама подумывала заглянуть, но что-то не тянет. Некоторые дома., они как бы не совсем нормальные. Вы меня понимаете?

Сюзанна понимала. Оказавшись наконец на крыльце восемнадцатого дома, она призналась себе, что обрадовалась бы любому срочному делу, позволившему отложить визит. Сцена в больнице подтверждала подозрения родственников относительно Мими. Бабушка была не такая, как все. Она умела передавать видения через прикосновение. Какими бы силами ни обладала старая женщина, чем бы ни была одержима, разве не могло это до сих пор оставаться в доме, где она прожила столько лет?

Сюзанна ощущала, как прошлое усиливает хватку, и теперь оно не казалось таким простым. Она не стояла бы в нерешительности на пороге только из-за страха наткнуться на призраки своего детства. Сюзанна смутно чувствовала: именно здесь, на этой сцене, дожидаются несыгранные драмы, и Мими выбрала ее на главную роль. А она-то думала, что ушла отсюда навсегда.

Сюзанна толкнула дверь. Несмотря на обещания Виолетты, дверь оказалась заперта. Сюзанна заглянула в окно комнаты, полной хлама и пыли. Отсутствие людей странным образом успокаивало. Может быть, ее страхи окажутся беспочвенными? Она зашла за дом. Здесь ей повезло больше. Ворота во двор были открыты, как и задняя дверь дома.

Гостиная была разорена, практически все следы пребывания в доме Мими Лащенски — за исключением свечей и не имеющего ценности мусора — уничтожены. Сюзанну охватили смешанные чувства. С одной стороны, уверенность, что ничего ценного здесь уцелеть не могло и ей придется возвращаться к Мими с пустыми руками, а с другой стороны —

несомненное облегчение от того, что дело обстоит именно так, что сцена пуста.

Воображение Сюзанны развешало по стенам исчезнувшие картины и расставило по местам мебель, но все это осталось лишь у нее в голове. В доме нет ничего, что способно нарушить спокойный и размеренный ритм ее нынешней жизни.

Она прошла через гостиную в прихожую и заглянула в маленькую комнату, прежде чем свернуть к лестнице. Лестница оказалась не такой уж громадной и темной. Но не успела Сюзанна и шага ступить, как услышала шум движения на площадке наверху.

— Кто здесь? — окликнула она.

2

…И этих слов оказалось достаточно, чтобы отвлечь внимание Иммаколаты. Твари, которых она призвала, ублюдки ее сестры, остановили наступление на Кэла, дожидаясь указаний.

Кэл воспользовался случаем и ринулся через комнату, ударив ногой ближайшее к нему существо.

У твари не было тела, четыре руки вырастали прямо из раздутой шеи, под ней болтались многочисленные влажные бурдюки, как печень или легкие. Удар Кэла попал в цель, и один из бурдюков лопнул, выпустив зловонное облако. Другие единоутробные монстры были уже близко. Кэл рванулся к двери, но раненая тварь оказалась проворной. Ублюдок по-крабьи передвигался на руках и плевался на ходу. Один плевок угодил в стену рядом с головой Кэла, и обои пошли волдырями. Ужас придал Кэлу сил. Он в мгновение ока достиг двери.

Шедуэлл двинулся, чтобы перехватить его, но один из ублюдков кинулся ему под ноги, словно ошалевшая собака. Прежде чем торговец сумел восстановить равновесие, Кэл выскочил за дверь на лестничную площадку.

Девушка, задавшая вопрос, стояла у подножия лестницы и глядела наверх. Она была словно ясный день после ночи, едва не поглотившей Кэла в оставшейся за спиной комнате. Большие серо-голубые глаза, лицо обрамляют локоны рыжевато-каштановых золотистых волос, губы собираются произнести слова, замершие на языке от жуткого вида Кэла.

— Уходите отсюда! — закричал он, скатываясь вниз по ступенькам.

Девушка стояла разинув рот.

— Дверь! — выкрикнул Кэл. — Ради всего святого, откройте дверь!

Он не оборачивался, чтобы посмотреть, гонятся ли за ним чудовища, зато услышал донесшийся сверху крик Шедуэлла:

— Держи вора!

Девушка перевела взгляд на Коммивояжера, потом обратно на Кэла, затем на дверь.

— Откройте дверь! — крикнул Кэл, и на этот раз она послушалась.

Либо она не поверила Шедуэллу, раз взглянув на него, либо испытывала слабость к ворам. Как бы то ни было, девушка широко распахнула дверь. Внутрь хлынул солнечный свет, в его лучах заплясали пылинки. Позади слышались протестующие вопли, но девушка не сделала ничего, чтобы задержать убегающего Кэла.

— Уходите отсюда! — призвал он ее на бегу, тут же выскочил за порог и ринулся на улицу.

Он сделал несколько шагов от двери, затем оглянулся посмотреть, следует ли за ним девушка с серо-голубыми глазами. Но она по-прежнему стояла у подножия лестницы.

— Так вы идете? — крикнул он ей.

Она раскрыла рот, чтобы ответить, но Шедуэлл уже добрался до нижней ступеньки и оттолкнул ее с дороги. Кэл не мог больше медлить, его отделяло от Коммивояжера всего несколько шагов. Он побежал.

* * *

Человек с засаленными волосами не пытался преследовать беглеца, когда погоня переместилась на свежий воздух. Молодой человек был поджарым и бегал раза в два быстрее, преследователь же походил на медведя в костюме с Сэвил-роу.[1] Сюзанна с первого взгляда невзлюбила его. И вот теперь он развернулся и спросил:

— Зачем ты это сделала, женщина?

Сюзанна не удостоила его ответом. Во-первых, она все еще пыталась осмыслить то, что сейчас увидела, а во-вторых, ее внимание сосредоточилось уже не на «медведе», а на его спутнице — или хозяйке. На женщине, спускавшейся по ступенькам вслед за ним.

Ее лицо было лишено выражения, как лицо мертвого ребенка, но Сюзанна никогда не видела лица, которое бы настолько завораживало.

— Уйди с дороги, — сказала женщина, дойдя до конца лестницы.

Ноги Сюзанны сами начали выполнять приказ, но она остановила себя и преградила женщине путь к двери. От этого действия волна адреналина захлестнула Сюзанну, как будто она вышла на шоссе перед несущимся грузовиком.

Однако женщина остановилась, ее взгляд крючком зацепил девушку, впился в нее и заставил поднять лицо. Сюзанна поняла, что выброс адреналина тут вполне уместен: она только что разминулась со смертью. Этот взгляд, без сомнений, уже убивал и убьет еще. Но не сейчас. Сейчас женщина с любопытством рассматривала ее.

— Он твой приятель, верно? — произнесла она.

Сюзанна услышала слова, но не увидела, шевельнулись ли губы женщины, чтобы произнести их. «Медведь» возле двери воскликнул:

— Проклятый вор!

Затем он крепко ухватил Сюзанну за плечо.

— Разве ты не слышала, что я кричал тебе? — спросил он.

Сюзанна хотела развернуться и приказать ему убрать руки, но женщина все еще изучала ее, удерживая взглядом.

— Она слышала, — сказала женщина.

На этот раз губы ее шевельнулись, и Сюзанна ощутила, что хватка немного ослабла. Но от одного присутствия этой женщины пробирала дрожь. В паху и груди как будто покалывали крошечные шипы.

— Кто ты такая? — хотела знать женщина.

— Оставь ее в покое, — отозвался «медведь».

— Я хочу знать, кто она такая. И почему она здесь. — Взгляд, на мгновение переместившийся на мужчину, снова впился в Сюзанну. В нем светилось убийственное любопытство.

— Здесь нет ничего, что нам нужно, — продолжал мужчина.

Женщина не обращала на него внимания.

— Пойдем же… Оставь ее…

Его голос звучал так, словно он был на грани истерики. Сюзанна мысленно благодарила его за вмешательство.

— Нас увидят… — говорил он. — Особенно здесь…

Спустя долгий миг — у Сюзанны перехватило дыхание — женщина едва заметно кивнула, соглашаясь с этими доводами. Она вдруг утратила интерес к девушке и отвернулась к лестнице. Сумрак на верхней площадке, где Сюзанне некогда мерещились затаившиеся ужасы, не был статичным. Там шевелились смутные образы, такие неясные, что она не могла понять, в самом ли деле видит их или только ощущает их присутствие. Они сползли по ступеням облаком ядовитого дыма, теряя всякую материальность по мере приближения к открытой двери, и начисто испарились, едва поравнялись с дожидавшейся их женщиной.

Женщина отвернулась от лестницы и прошла мимо Сюзанны к выходу, унося с собой облако холодного и болезнетворного воздуха, как будто призраки, только что

---

1 Сэвил-роу — лондонская улица, где расположены ателье самых дорогих портных.

присоединившиеся к ней, ожерельем легли ей на шею и забились в складки платья. Она несла их, невидимых, через залитый солнцем мир людей туда, где они смогут заново воплотиться.

Мужчина уже вышел на мостовую. Прежде чем подойти к нему, женщина снова обернулась к Сюзанне. Она ничего не сказала, ни губами, ни иным способом. Зато ее глаза были достаточно выразительны и все их обещания — безрадостны.

Сюзанна отвернулась и услышала шаги женщины на крыльце. Когда она снова подняла голову, парочки уже не было. Переведя дух, Сюзанна подошла к двери. Хотя день клонился к вечеру, солнце было еще ярким и теплым.

Неудивительно, что женщина и ее «медведь» перешли на другую сторону, чтобы идти по тенистой стороне улицы.

3

Двадцать четыре года — это треть обычной жизни: вполне достаточный срок, чтобы прийти к определенным выводам по поводу устройства мира. Несколько часов назад Сюзанна могла поклясться, что так оно и есть.

Конечно, в общей картине имелись и пробелы. Какие-то тайны и внутри Сюзанны, и в окружающем мире оставались неразгаданными. Но от этого решимость не поддаваться никаким самообольщениям и чувствам, которые могли бы позволить этим тайнам взять над ней верх, только крепла. Эта истовая решимость влияла и на личную, и на профессиональную жизнь Сюзанны. В любовных делах она усмиряла страсти практицизмом, избегая эмоциональной несдержанности, ведущей, как она часто наблюдала, к жестокости и горечи. В дружеских отношениях она добивалась точно такого же равновесия: ни чрезмерной привязанности, ни отстраненности. Так же дело обстояло и с работой. Самое привлекательное в деле изготовления керамики — прагматичность, когда художественные фантазии сдерживаются функциональностью предмета.

При взгляде на самый изысканный кувшин на свете Сюзанна задалась бы вопросом «А он не протекает?» И такой добротности она добивалась во всех аспектах своей жизни.

И вот возникла проблема, не умещавшаяся в эти простые определения. Она лишала Сюзанну равновесия, доводила до головокружения и сбивала с толку.

Сначала воспоминания. Затем Мими, скорее мертвая, чем живая, но телепатически передающая внучке свои видения.

А теперь эта встреча с женщиной, в чьем взгляде сквозит смерть. Однако благодаря ее взгляду все чувства Сюзанны сделались такими живыми, как никогда раньше.

Последнее противоречие вынудило Сюзанну покинуть дом. Не завершив поисков, она закрыла дверь перед возможными ожидавшими ее драмами. Подчиняясь какому-то инстинкту, она пошла к реке. Там, сидя на солнышке, она собиралась подумать над смыслом происходящих событий.

Кораблей на Мерси не было, зато небо такое ясное, что Сюзанна различала тени облаков над холмами Клайда. Однако внутри нее была не ясность, а сумятица чувств. И все они казались неприятно знакомыми, как будто долгие годы жили внутри, терпеливо дожидались за стеной из прагматизма, которую Сюзанна выстроила, чтобы удержать их подальше от чужих глаз. Словно эхо, спящее до первого крика над горами, они были созданы для отклика.

Сегодня Сюзанна услышала такой крик. Точнее, столкнулась с ним лицом к лицу, в той самой узкой прихожей, где в шестилетнем возрасте стояла и дрожала от страха перед темнотой. Эти противостояния были неразрывно связаны, хотя Сюзанна не понимала как. Она понимала только одно: она вдруг оказалась в пространстве внутри себя самой, где ритм и привычки ее взрослой жизни не имели власти.

Она лишь смутно ощущала проплывавшие в этом пространстве страсти, как кончиками пальцев ощущают туман. Но со временем она изучит их, изучит и страсти, и поступки,

которые они порождают. В этом Сюзанна была абсолютно уверена, как ни в чем другом в последние дни. Она знала их и — помоги ей Господь! — любила, как свои собственные.

III
Весточка из Рая

— Мистер Муни? Мистер Брендан Муни?

— Верно.

— У вас, случайно, нет сына по имени Кэлхоун?

— А какое вам дело? — отозвался Брендан. Затем, не дожидаясь ответа, спросил. — С ним что-то случилось?

Незнакомец отрицательно покачал головой, взял Брендана за руку и стал неистово пожимать ее.

— Простите мне мою дерзость, мистер Муни, но вы счастливчик!

Это, насколько знал Брендан, была ложь.

— Чего вам надо? — спросил он. — Вы что-то продаете? — Он высвободил руку из хватки незнакомого человека. — Что бы это ни было, мне ничего не нужно.

— Продаю? — переспросил Шедуэлл. — Гоните прочь такие мысли. Я дарю, мистер Муни. Ваш сын — умный парень. Он использовал ваше имя, и, о чудо, компьютер выбрал вас победителем…

— Я же сказал, мне ничего не нужно, — перебил Брендан и попытался захлопнуть дверь, но незнакомец успел поставить на порог свою ногу.

— Прошу вас, — вздохнул Брендан, — оставьте меня в покое. Я не хочу ваших призов. Я вообще ничего не хочу.

— Что ж, это означает, что вы весьма необычный человек, — заявил Коммивояжер, открывая дверь шире. — Возможно, даже уникальный. Неужели во всем мире нет ничего такого, чего бы вы хотели? Это изумительно.

Из глубины дома доносилась музыка — запись шедевров Пуччини, которую несколько лет назад подарили Эйлин. Она сама почти не ставила эту пластинку, но после ее смерти Брендан (никогда в жизни не бывавший в опере и гордившийся этим фактом) просто помешался на «Любовном дуэте» из «Мадам Баттерфляй». Он прослушал запись уже сотни раз, и каждый раз слезы наворачивались на глаза. Сейчас он хотел одного: вернуться к музыке, пока она не умолкла. Однако Коммивояжер настаивал на своем:

— Брендан, — сказал он. — Могу я называть вас Бренданом?

— Не надо называть меня никак.

Коммивояжер расстегнул пуговицы пиджака.

— Вообще-то, Брендан, нам с вами есть что обсудить наедине. Для начала, вот ваш приз.

Подкладка пиджака заискрилась, привлекая внимание Брендана. Он никогда в жизни не видел такой ткани.

— Вы уверены, что ничего не хотите? — спросил Коммивояжер. — Абсолютно уверены?

«Любовный дуэт» достиг новых высот, голоса Баттерфляй и Пинкертона побуждали друг друга к новым излияниям страдания. Брендан слушал, но его внимание все сильнее сосредоточивалось на пиджаке. И в самом деле, там было то, чего он хотел.

Шедуэлл смотрел Брендану в глаза и видел, как в них загорелось пламя желания. Этот огонек никогда не обманывал.

— Вы ведь видите что-то, мистер Муни.

— Да, — тихо сознался Брендан.

Он видел, и радость от этого созерцания снимала с его души тяжкий груз.

Эйлин сказала ему однажды (тогда они были молоды, и разговоры о смерти служили лишь для того, чтобы выразить привязанность друг другу): «Если я умру первой, Брендан, я

найду способ рассказать тебе, каково там, на небесах. Клянусь, я сделаю это». А он поцелуями заставил ее замолчать и ответил, что если умрет она, то умрет и он, от разрыва сердца.

Но ведь он не умер. Он прожил три долгих пустых месяца и за это время не раз вспомнил ее легкомысленное обещание. А теперь, когда отчаяние так изменило его, на пороге вдруг появился этот небесный посланник. Какой странный выбор — явиться в облике коммивояжера. Без сомнения, у серафима есть на то причины.

— Вы хотите получить то, что видите? — спросил гость.

— Кто вы? — выдохнул Брендан, охваченный благоговейным трепетом.

— Моя фамилия Шедуэлл.

— И вы принесли это мне?

— Ну конечно. Но вы должны понимать: если вы это возьмете, Брендан, за услугу я захочу получить с вас небольшую плату.

Брендан не сводил глаз с сокровища в пиджаке.

— Все, что пожелаете, — ответил он.

— Например, мы можем попросить вас о помощи, и вы будете обязаны немедленно ее предоставить.

— Разве ангелы нуждаются в помощи?

— Время от времени.

— Ну конечно, — согласился Брендан. — Почту за честь.

— Прекрасно. — Коммивояжер улыбнулся. — Тогда прошу вас… — Он шире распахнул пиджак. — Не стесняйтесь.

Брендан знал, чем пахнет и каково на ощупь письмо от Эйлин, прежде чем оно оказалось у него в руках. И письмо его не разочаровало. Бумага была теплой, как он и ожидал, и от нее веяло ароматом цветов. Конечно, Эйлин писала письмо в саду, в райском саду.

— Итак, мистер Муни. Мы заключили договор, верно?

«Любовный дуэт» завершился, дом за спиной у Брендана погрузился в тишину. Он прижимал письмо к груди, все еще опасаясь, что это сон и он проснется с пустыми руками.

— Все, что пожелаете, — выговорил он отчаянно, в страхе, что у него отнимут это благословение.

— Любезность и благожелательность, — последовал ответ, сопровождавшийся улыбкой. — Чего еще может пожелать мудрый человек? Любезности и благожелательности.

Брендан почти не слушал Он водил пальцами по письму. Его имя было написано на лицевой стороне аккуратным почерком Эйлин.

— Так вот, мистер Муни, — начал серафим, — меня интересует Кэл.

— Кэл?..

— Вы не подскажете, где я могу его найти?

— Он сейчас на свадьбе.

— На свадьбе. Ага. А не могли бы вы назвать мне адрес?

— Да. Разумеется.

— У нас имеется кое-что и для Кэла. Ему повезло.

IV
Бракосочетание

1

Джеральдин потратила немало часов, вбивая в Кэла жизненно важные сведения о своем генеалогическом древе, чтобы на церемонии бракосочетания Терезы он знал, кто есть кто. Дело оказалось не из легких: семейство Келлуэй отличалось поразительной плодовитостью, а

Кэл очень плохо запоминал имена. Неудивительно, что большую часть из ста тридцати гостей, собравшихся в зале для приемов прекрасным субботним вечером, он не знал. Кэла это не очень волновало. Он чувствовал себя в безопасности среди такого множества людей, пускай и незнакомых. Выпивка, лившаяся рекой с четырех часов пополудни, совсем успокоила его тревоги. Кэл даже не возражал, когда Джеральдин представила его веренице своих восторженных тетушек и дядюшек, каждый из которых не преминул спросить, скоро ли он намерен превратить Джеральдин в порядочную замужнюю женщину. Он включился в игру улыбался, очаровывал и делал все возможное, чтобы не показаться безумцем.

Хотя небольшое сумасшествие в такой атмосфере осталось бы незамеченным. Судя по всему, Норман Келлуэй мечтал, чтобы свадьба дочери превосходила все другие свадьбы настолько, насколько ее талия превосходила прежний размер. Грандиозная церемония прошла по всем правилам, но зал для приемов оказался торжеством безрассудства над здравым смыслом. От пола до потолка он был завешен лентами и бумажными фонариками, гирлянды разноцветных лампочек вились по стенам и опутывали деревья снаружи. Пиво, вина и крепкие напитки в баре могли бы свалить с ног небольшую армию; запас закусок был нескончаем, дюжина запаренных официантов разносила их по столам для тех, кто желал просто сидеть и объедаться.

Несмотря на распахнутые окна и двери, в павильоне вскоре сделалось жарко, как в аду. Жару поддавали еще и гости, отбросившие стеснение и пустившиеся в пляс под оглушительную смесь из кантри и рок-н-ролла, причем несколько гостей постарше выделывали такие комические номера, что им горячо аплодировали со всех сторон.

В стороне от толпы, у двери, ведущей в садик, стояли младший брат жениха, два бывших ухажера Терезы и еще один молодой человек, оказавшийся в их компании только потому, что у него были сигареты. Они стояли среди разбросанных жестянок из-под пива и изучали доступные кадры. Выбор был невелик: почти все взрослые девушки либо пришли с кавалерами, либо выглядели настолько непривлекательно, что шаг в их сторону походил бы на выражение отчаяния.

Только Элрою, предпоследнему парню Терезы, этим вечером в некотором роде повезло. С самого начала церемонии он положил глаз на одну из подружек невесты. Ее имени он не знал, но она дважды случайно оказывалась у бара, когда он стоял там: весьма многозначительная статистика. И вот теперь он привалился к двери и наблюдал за объектом своих желаний через задымленную комнату.

Огни в зале приглушили, и характер танцев переменился — от скачков к медленным движениям и томным объятиям.

Как раз подходящий момент, рассудил Элрой, чтобы подойти. Он пригласил бы ее потанцевать, а потом, после пары песен, вывел бы на улицу подышать свежим воздухом. Несколько парочек уже ретировались под сень кустов, дабы предаться тому, что и знаменуют свадьбы. Если отбросить все торжественные клятвы и цветы, люди собрались здесь во имя соития, и будь он проклят, если останется не у дел.

Элрой уже заметил, что Кэл разговаривал с той девушкой, так что проще всего, решил он, попросить Кэла их познакомить. Он пробрался через толпу танцоров туда, где стоял Кэл.

— Как поживаешь, дружище?

Кэл посмотрел на Элроя затуманенным взглядом. Лицо его пылало от выпитого.

— Отлично поживаю.

— Что-то мне не слишком нравится это сборище, — сказал Элрой. — Наверное, у меня аллергия на церкви. Сделай мне одолжение.

— Что именно?

— Я сгораю от страсти.

— К кому?

— К одной из подружек невесты. Она вон там, рядом с баром. Длинные светлые волосы.

— Ты имеешь в виду Лоретту? — уточнил Кэл. — Это кузина Джеральдин.

Как ни странно, чем пьянее он становился, тем больше вспоминал сведений из истории семейства Келлуэй.

— Она чертовски сексуальна. К тому же весь вечер строит мне глазки.

— Неужели?

— Я хотел попросить… не мог бы ты нас познакомить?

Кэл глянул в похотливые глаза Элроя.

— По-моему, ты опоздал, — ответил он.

— Почему?

— Она уже ушла..

Не успел Элрой вслух выразить свою досаду, как Кэл ощутил на плече чью-то руку. Он обернулся и увидел Нормана, отца невесты.

— Отойдем на пару слов, Кэл, мальчик мой? — предложил Норман, искоса взглянув на Элроя.

— Встретимся позже, — сказал Элрой и отошел подальше — на тот случай, если Норман захочет прихватить с собой и его.

— Как ты, веселишься?

— Да, мистер Келлуэй.

— Хватит уже звать меня мистером Келлуэем. Называй меня Норманом.

Он плеснул из бутылки щедрую порцию виски в большой стакан Кэла и затянулся сигарой.

— Так скажи же мне, — начал Норман, — как скоро мне предстоит расстаться с еще одной моей дочуркой? Не подумай, что тороплю тебя, сынок. Вовсе нет. Но одной беременной невесты вполне достаточно.

Кэл поболтал виски на дне стакана, ожидая подсказки от своего поэта. Но ничего не услышал.

— В моем деле есть должность для тебя, — продолжал Норман, нисколько не обескураженный молчанием Кэла. — Я хочу быть уверенным, что моя малышка живет в достатке. Ты славный парень, Кэл. Ее мать тебя очень любит, а я всегда доверял ее чутью. Так что подумай над этим.

Он переложил бутылку в правую руку, в которой уже была зажата сигара, и полез в карман пиджака.

От этого невинного жеста Кэла пробрала дрожь. На мгновение он вернулся обратно на Рю-стрит и заглянул в таинственное хранилище Шедуэлла. Но подарок Келлуэя оказался куда прозаичнее.

— Возьми сигару, — сказал он и пошел дальше, исполнив долг гостеприимства.

2

Элрой взял в баре еще одну банку пива, а затем вышел в сад на поиски Лоретты. Воздух здесь был значительно холоднее, чем в помещении. Вдохнув его, Элрой ощутил себя больным, как блоха под рубахой прокаженного. Он отшвырнул банку с пивом и направился в глубину сада, где можно было незаметно проблеваться.

Ряд цветных лампочек заканчивался в нескольких метрах от павильона, куда протянули провода. Дальше начиналась гостеприимная темнота, куда он и нырнул. Блевать Элрой привык: если за неделю его ни разу не выворачивало из-за того или иного излишества, то неделя была прожита зря. Он успешно изверг содержимое желудка на куст рододендрона, и его мысли снова обратились к прелестной Лоретте.

Недалеко от того места, где он стоял, шевельнулась тень листвы или чего-то, скрывавшегося в ней. Элрой вгляделся повнимательнее, пытаясь понять, что именно видит, но света было недостаточно. Однако он услышал вздох. Вздыхала женщина.

Элрой решил, что в тени дерева укрылась парочка, занятая тем, что и призвана скрывать темнота. А вдруг там Лоретта, с задранной юбкой и спущенными трусиками? Такое

зрелище разобьет ему сердце, но он должен все выяснить.

Как можно тише Элрой приблизился на пару шагов.

На втором шаге что-то облепило ему лицо. Он испуганно вскрикнул, поднял руку и нащупал нити какого-то вещества у себя над головой. Почему-то он подумал о мокроте, о холодных влажных нитях мокроты. Они двигались по его телу, будто были частью чего-то большего.

Это впечатление подтвердилось через мгновение, когда нечто, добравшееся до его ног и торса, опрокинуло его на землю. Он хотел закричать, но липкая дрянь заклеила ему рот. А затем, как будто происходящее и без того уже не было верхом абсурда, он ощутил холод внизу живота. Кто-то раздирал на нем брюки. Он стал бешено отбиваться, но тщетно. На его живот и бедра опустилось что-то тяжелое, и он почувствовал, как его член затянуло в отверстие, которое могло быть плотью, только холодной как труп.

Слезы отчаяния застилали глаза, однако Элрой рассмотрел, что напавшее на него существо имеет очертания человека. Он не видел лица, но груди были тяжелые, как раз такие, какие ему нравились. Хотя все это совершенно не походило на мечтания о Лоретте, Элроя охватило возбуждение, и член отозвался на ледяные авансы удерживавшего его тела.

Элрой приподнял голову, желая получше рассмотреть увесистые груди, и заметил еще одну фигуру, стоявшую позади первой. Полная противоположность зрелой светящейся женщине, оседлавшей его: покрытый пятнами остов с зияющими дырами в тех местах, где должны находиться рот, пупок и влагалище. Дыры такие огромные, что сквозь них можно рассмотреть звезды.

Элрой снова начал сопротивляться, но эти подергивания не сбили с ритма его госпожу. Несмотря на панику, он ощутил в мошонке знакомую дрожь.

В голове Элроя сменяли друг друга дюжины картин, рисуя образ некой чудовищной красавицы: скелетоподобная женщина в свете ожерелья из цветных лампочек, висящего на шее ее сестры, задрала юбки, и рот между ее ногами превратился в рот Лоретты, из него высунулся язык. Элрой больше не мог противиться этой порнографии, его член выплеснул свое содержимое. Он замычал залепленным ртом. Наслаждение было коротким, последовавшая за ним боль — чудовищной.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил кто-то из темноты.

Элрой не сразу осознал, что его крики о помощи услышаны. Он раскрыл глаза. Силуэты деревьев склонялись над ним, и больше ничего.

Он снова закричал, не обращая внимания на то, что валяется в луже дерьма в спущенных до лодыжек штанах. Он хотел получить подтверждение, что все еще принадлежит к миру живых…

3

Кэл заметил первый промельк неприятностей сквозь дно стакана, допивая остатки односолодового виски Нормана. Два набойщика с фабрики Келлуэя, нанятые на вечер вышибалами и стоявшие у входа, вели дружескую беседу с человеком в хорошо пошитом костюме. Человек, смеясь, быстро заглянул в зал. Это был Шедуэлл.

Его пиджак был застегнут на все пуговицы. Судя по всему, сверхъестественный подкуп не понадобился, Коммивояжер получил право входа с помощью личного обаяния. На глазах у Кэла он похлопал одного из вышибал по плечу, словно они дружили с самого детства, и вошел внутрь.

Кэл не знал, оставаться ему на месте в надежде скрыться в толпе или попытаться бежать, рискуя привлечь внимание врага. Но, как оказалось, у него не было выбора Ему на руку легла чья-то рука. Рядом стояла одна из тетушек, которой его уже представила Джеральдин.

— А скажи-ка мне, — потребовала тетушка ни с того ни с сего, — бывал ли ты в Америке?

— Нет, — ответил Кэл, переводя взгляд с ее напудренной физиономии на Коммивояжера.

Тот входил в зал, безукоризненный и самоуверенный, даря улыбки налево и направо. Со всех сторон на него обращались восхищенные взгляды. Кто-то протянул руку для рукопожатия, кто-то спросил, что он будет пить. Шедуэлл без труда обворожил всех, для каждого нашел дружелюбное слово, пока его взгляд блуждал по сторонам, высматривая свою жертву.

Расстояние между ними все сокращалось. Кэл понимал еще немного, и Шедуэлл увидит его. Он вырвал руку из тетушкиной хватки и направился в самую гущу толпы. Его внимание привлекло волнение в дальнем конце зала. Там кого-то принесли из сада — похоже, Элроя. Его одежда была испачкана и в полном беспорядке, челюсть отвисла. Кажется, его состояние никого не встревожило: любое сборище привлекает профессиональных пьяниц. Раздались смешки, последовало несколько неодобрительных взглядов, а затем все вернулись к прерванному веселью.

Кэл обернулся через плечо. Где же Шедуэлл? Все еще рядом с дверью, прокладывает себе дорогу по головам, как начинающий политик? Нет, он куда-то переместился. Кэл нервно оглядел комнату. Веселье и танцы шли своим чередом, но теперь на потных лицах отражалась еще большая жажда счастья: танцоры танцевали, потому что лишь таким образом могли на короткое время забыть об этом мире. В празднике сквозило отчаяние. Шедуэлл с его солидным видом и напускным благодушием знал, как этим воспользоваться, прикинувшись щедрым и добрым.

Кэл сгорал от желания забраться на стол и призвать гуляк остановиться, посмотреть со стороны, как нелепа их попойка и как опасна та акула, которую они пустили к себе.

Но как они воспримут такой призыв? Станут смеяться в кулак и потихоньку говорить друг другу, что у него в роду уже были сумасшедшие?

Здесь ему не найти единомышленников. Это угодья Шедуэлла. Самое безопасное — не привлекая внимания, потихоньку подойти к двери. Потом выбраться наружу и бежать как можно дальше и как можно быстрее.

Он немедленно приступил к осуществлению плана. Благодаря бога за скудное освещение, он скользил между танцующими, высматривая в гуще людей человека в сияющем пиджаке.

За спиной Кэла раздался крик. Он обернулся и среди толпы увидел Элроя, который трясся как эпилептик и кричал «Караул!» Кто-то побежал вызывать врача.

Кэл снова развернулся к двери, и акула вдруг оказалась рядом с ним.

— Кэлхоун, — произнес Шедуэлл мягко и тихо. — Твой отец рассказал, мне, где тебя найти.

Кэл не ответил, притворившись, что ничего не слышит. Коммивояжер наверняка не осмелится выкинуть что-нибудь непотребное в такой толпе, а его пиджак безопасен до тех пор, пока не посмотришь на подкладку.

— Куда ты направился? — спросил Шедуэлл, когда Кэл пошел дальше. — Я хочу с тобой переговорить.

Кэл не останавливался.

— Мы могли бы помочь друг другу…

Кто-то окликнул Кэла и спросил, не знает ли он, что случилось с Элроем. Кэл отрицательно помотал головой и продолжил прокладывать себе путь к двери. План его был прост: попросить вышибал найти отца Джеральдин, а потом вышвырнуть отсюда Шедуэлла.

— Скажи мне, где ковер, — говорил Коммивояжер, — а я прослежу, чтобы сестрички никогда не добрались до тебя. — Его речь была умиротворяющей. — Я не хочу с тобой ссориться. Мне просто нужна информация.

— Я же сказал, — ответил Кэл, понимая, что никакие доводы не помогут. — Я не знаю, куда делся ковер.

Осталась дюжина ярдов до вестибюля, и с каждым новым шагом любезность Шедуэлла

испарялась.

— Они высосут тебя до дна, — обещал он, — эти ее сестры. И я не смогу их остановить, если они примутся за тебя. Они мертвы, а мертвецы не слушают ничьих указаний.

— Мертвы?

— О да. Она их убила, когда все трое были в утробе матери. Задушила собственными пуповинами.

Правда это или нет, но от такой картины становилось не по себе. Еще хуже делалось от мысли о прикосновении сестер. Кэл пытался выбросить из головы и то и другое, продвигаясь к двери. Шедуэлл по-прежнему шагал рядом с ним. Он уже не делал вид, будто ведет переговоры. Теперь он сыпал угрозами:

— Ты сам покойник, Муни, если не сознаешься. Я и пальцем не пошевелю, чтобы тебе помочь…

Кэл был уже на расстоянии окрика от вышибал. Он окликнул их. Они оторвались от выпивки и развернулись в его сторону.

— Что случилось?

— Вот этот человек… — начал Кэл, оборачиваясь к Шедуэллу.

Но Коммивояжера уже не было. За долю секунды он покинул Кэла и смешался с толпой, исчез так же ловко, как и вошел.

— Какие-то проблемы? — поинтересовался тот вышибала, что был крупнее.

Кэл озирался, подыскивая слова. Не стоит и пытаться что-то объяснить, решил он.

— Нет, — ответил Кэл, — все в порядке. Просто нужно глотнуть свежего воздуха.

— Перебрали? — спросил второй вышибала и отступил в сторону, чтобы Кэл мог выйти на улицу.

После удушливой атмосферы зала снаружи было холодно, что и требовалось Кэлу. Он глубоко вдохнул, стараясь прочистить мозги. Затем услышал знакомый голос:

— Ты не хочешь пойти домой?

Это была Джеральдин. Она стояла у двери в наброшенном на плечи пальто.

— Я в порядке, — сказал Кэл. — А где твой отец?

— Не знаю. Зачем он тебе?

— В зале находится кое-кто, кого там быть не должно, — сообщил Кэл, подходя к ней.

Под влиянием алкоголя Джеральдин показалась ему сияющей, как никогда прежде. Ее глаза сверкали, как темные бриллианты.

— Может быть, прогуляемся немного? — предложила она.

— Я должен переговорить с твоим отцом, — настаивал Кэл, но Джеральдин уже шла вперед, жизнерадостно смеясь.

Прежде чем он сумел возразить, она завернула за угол. Он последовал за ней. На улице не горело несколько фонарей, и ее силуэт терялся во тьме. Но Джеральдин смеялась, и он следовал за ее смехом снаружи.

— Куда ты идешь? — спросил он.

В ответ она снова рассмеялась.

На небе мелькали облака, в просветах поблескивали звезды, но их слабый свет не мог осветить то, что происходило на земле. Звезды на мгновение отвлекли Кэла, и когда он снова посмотрел на Джеральдин, девушка уже поворачивалась к нему с каким-то неясным звуком, похожим и на вздох, и на слово.

Ее окутывали густые тени, но они постепенно расступились, и от того, что предстало перед глазами Кэла, у него сжалось сердце. Лицо Джеральдин искривилось, ее черты растеклись, словно тающий воск. И теперь, когда фасад исчез, Кэл разглядел скрывавшуюся за ним женщину. Увидел и узнал: безбровое лицо, не знающий улыбки рот. Кто же еще, как не Иммаколата?

Он мог бы убежать, но тут к его виску прижался холодный металл пистолетного дула. Голос Шедуэлла произнес:

— Один звук — получишь пулю.

Кэл промолчал.

Шедуэлл указал на черный «мерседес», припаркованный в ближайшем переулке.

— Иди, — велел он.

У Кэла не было выбора. Он шел и не верил, что эта сцена разыгралась посреди улицы, на которой он знает каждый булыжник с тех пор, как выучился ходить.

Его усадили на заднее сиденье, где он был отделен от похитителей толстым стеклом. Дверцу заперли. Он не мог ничего сделать. Все, что он мог, — смотреть, как Шедуэлл садится на водительское место, а женщина устраивается рядом.

Он понимал: вероятность, что его отсутствие на вечеринке будет замечено, очень невелика, а вероятность того, что кто-то отправится его искать, еще меньше. Все решат, что ему наскучил праздник и он отправился домой. Кэл оказался во власти врагов, бессильный что-либо предпринять.

«Что бы сделал на моем месте Безумный Муни?» — подумал он.

Вопрос занимал его одно мгновение, и тут же пришел ответ. Кэл вынул праздничную сигару, подарок Нормана, откинулся на кожаное сиденье и закурил.

«Отлично!» — воскликнул поэт.

Получай удовольствие, пока можешь, от всего, от чего можно. Пока ты дышишь.

V
В объятиях Гнойной Мамаши

Одурманенный страхом и сигарным дымом, он вскоре перестал понимать, куда они едут. Когда они наконец остановились, единственным намеком на их местоположение был резкий запах реки. Точнее, широкой полосы черного ила, растянувшейся вдоль линии прилива — обширного пространства, заполненного вязкой жижей. В детстве она наводила на Кэла ужас. Лишь когда он дошел до двузначных цифр в школе, ему разрешили гулять по набережной Бобровой заводи без сопровождения кого-либо из взрослых, который шел обычно между Кэлом и водой.

Коммивояжер приказал ему выйти из машины. Кэл послушался. Трудно не послушаться, когда в лицо тебе смотрит дуло пистолета. Шедуэлл сейчас же вырвал изо рта Кэла сигару и растер подметкой, после чего повел через ворота на обнесенную стеной территорию. Только при виде заваленных мусором оврагов Кэл понял, куда его привезли: муниципальная мусорная свалка. В предыдущие годы на месте городской свалки стали устраивать парк, но теперь у властей не хватало денег, чтобы разбивать здесь газоны. Мусор так и остался мусором. И его вонь — кисло-сладкая вонь разлагающихся овощей — перебивала даже запах реки.

— Стой, — приказал Шедуэлл, когда они достигли какого-то места, на вид ничем не приметного.

Кэл обернулся на голос. Он плохо видел, но Шедуэлл, кажется, убрал свой пистолет. Воспользовавшись моментом, Кэл бросился бежать не разбирая дороги, в слепой надежде на спасение. Он сделал шага четыре, когда что-то спутало ему ноги и он тяжело упал, задыхаясь. Прежде чем ему удалось подняться, со всех сторон на него двинулись тени — беспорядочная масса конечностей и оскаленных пастей. Они могли принадлежать только детям сестры-призрака. Кэл обрадовался темноте: по крайней мере, он не видел их уродства. Но он ощущал на себе их конечности, слышал, как их зубы щелкают рядом с его шеей.

Однако они не собирались его пожирать. Подчинившись некоему знаку, которого Кэл не видел и не слышал, вся их ярость вдруг превратилась в цепкую хватку. Кэла держали, растянув руки-ноги так, что хрустели кости, а в нескольких ярдах от него разыгрывался жуткий спектакль.

Там стояла обнаженная женщина, одна из сестер Иммаколаты — в этом Кэл не сомневался. Она мерцала и дымилась, будто ее внутренности пожирал огонь. Но никаких

внутренностей у нее быть не могло, поскольку совершенно точно не было костей. Ее тело представляло собой столб серого газа, перетянутого окровавленными лохмотьями, и из этого призрачного потока кое-где проступали анатомические подробности: сочащиеся жидкостью груди, раздутый, словно от бесконечно затянувшейся беременности, живот, лоснящееся лицо, сросшиеся до узких щелей глаза. Последнее, без сомнения, объясняло ее неуверенную походку и то, как бесплотные конечности выдвигались из тела, нащупывая дорогу: призрак был слеп.

В призрачном свете этой проклятой матери Кэл яснее разглядел ее детей. Каких только уродов не было среди них. Вывернутые наизнанку тела демонстрировали полный набор внутренностей; органы, словно призванные сочиться или сипеть, свешивались, как груди, с тела одного и громоздились петушиным гребнем на голове другого. Однако, несмотря на их извращенность, все головы были в восхищении повернуты к Гнойной Мамаше. Они не моргали, чтобы не пропустить ни единого мгновения ее присутствия. Она была их матерью, они — ее любящие дети.

Внезапно она испустила крик. Кэл обернулся и снова взглянул на нее. Она присела, широко расставив ноги, и голова ее закинулась назад вместе с криком боли.

Теперь у нее за спиной появился еще один призрак, такой же голый, как и первый. Более того, второе привидение не могло похвастать наличием какой-либо плоти. Эта сестра совершенно иссохла, ее груди болтались пустыми мешочками, вместо лица было беспорядочное нагромождение из волос и выбитых зубов. Она поддерживала сидящую на корточках сестру, вопли которой достигли душераздирающей высоты. Когда выпирающее брюхо было готово взорваться, между ног мамаши повалил пар. Это зрелище дети приветствовали одобрительными возгласами, оно зачаровывало их. Как и оцепеневшего от ужаса Кэла. Гнойная Мамаша рожала.

Вопль перешел в серию ритмичных криков потише, когда ребенок начал свой путь в мир живых. Она не столько родила, сколько испражнилась им, и он вывалился между ног родительницы, словно большой хнычущий кусок дерьма. Не успел он коснуться земли, как за дело взялась призрачная повитуха. Она встала между матерью и зрителями, чтобы очистить тело младенца от обильно покрывавших его выделений. Мать, завершившая труды, поднялась, свет в ее теле угас, и она предоставила ребенка заботам сестрицы.

Шедуэлл снова появился в поле зрения. Посмотрел на Кэла сверху.

— Ты видел? — спросил он шепотом. — Видел, какие ужасы здесь творятся? Я тебя предупреждал. Скажи мне, где ковер, и я позабочусь, чтобы младенец тебя не тронул.

— Я не знаю. Клянусь, не знаю.

Повитуха отошла в сторону. Шедуэлл с выражением притворного сожаления на лице тоже отошел.

В нескольких ярдах от Кэла, в грязи, новый ребенок уже поднимался на ноги. Он был размером с шимпанзе, и с остальными единоутробными братьями его объединяла болезненно извращенная анатомия. Внутренности выпирали из-под кожи, торс местами просвечивал, и кое-где из него торчали наружу кишки. Двойной ряд конечностей свисал с живота, а между ног болталась изрядных размеров мошонка, дымящая, словно кадильница, но лишенная того органа, через который могло бы выплеснуться клокочущее внутри вещество.

Ребенок с самого рождения знал свое предназначение: нагонять ужас.

Хотя его лицо все еще было закрыто последом, слезящиеся глаза отыскали Кэла. Младенец заковылял к нему.

— О господи…

Кэл озирался в поисках Коммивояжера, но тот испарился.

— Я тебе говорил! — прокричал Кэл в темноту. — Я понятия не имею, где этот чертов ковер!

Шедуэлл ничего не ответил. Кэл закричал снова. Отпрыск Гнойной Мамаши уже подобрался к нему.

— Господи, Шедуэлл, выслушай меня, что тебе стоит?

И тут ребеночек Мамаши заговорил.

— Кэл… — произнес он.

Кэл на мгновение перестал биться в цепких лапах и с недоверием посмотрел на младенца.

Он снова заговорил. Произнес тот же слог:

— Кэл…

Повторяя его имя, отпрыск пальцами стащил пленку с головы. Открывшийся взгляду череп был не вполне целым, но в лице младенца безошибочно угадывалось лицо его отца: это Элрой. При виде знакомых черт посреди такого уродства Кэла пробрал ужас. Когда сынок Элроя протянул к нему руку, Кэл снова закричал. Он почти не сознавал, что именно кричит, умоляя Шедуэлла не подпускать к нему эту тварь.

Единственным ответом был его собственный голос, разнесшийся эхом и затихший. Руки ребенка вытянулись вперед, пальцы впились Кэлу в лицо. Он пытался освободиться, но младенец лишь придвигался ближе, прижимаясь всем своим липким телом. Чем энергичнее Кэл сопротивлялся, тем крепче ублюдок к нему прилипал.

Остальные уже отпустили его, оставив новорожденному. Младенец родился лишь несколько минут назад, но сила его была феноменальна, дополнительные руки на животе впивались в кожу Кэла. Объятие было таким крепким, что приходилось бороться за каждый вдох.

Ублюдок снова заговорил. Его лицо находилось в дюйме от лица Кэла, но голос, выходивший из разорванного рта, принадлежал не его отцу, а Иммаколате.

— Признайся, — потребовала она. — Расскажи все, что ты знаешь.

— Я просто увидел место… — сказал Кэл, уворачиваясь от слюны, готовой упасть с подбородка ублюдка.

Увернуться не удалось. Слюна капнула на щеку и обожгла, словно кипящее сало.

— Ты знаешь, что это за место? — продолжала допрос Иммаколата.

— Нет… — произнес он. — Нет, не знаю…

— Но ты мечтал о нем, верно? Тосковал по нему…

Да, был его ответ. Конечно, он мечтал. Кто не мечтает о рае?

Его мысли мгновенно перенеслись от ужаса настоящего момента к пережитой радости. Кэл вспомнил полет над Фугой, и вид Страны чудес внезапно воспламенил в нем желание сопротивляться. Прекрасные образы, вставшие перед его мысленным взором, необходимо оградить от той мерзости, что окружает его сейчас, от тех, кто создает ее и управляет ею. За это не жалко отдать собственную жизнь. Он ничего не знал о том, где сейчас находится ковер, но был готов погибнуть, лишь бы ни единым словом не помочь Шедуэллу. И пока он жив, он изо всех сил будет противостоять им.

Потомок Элроя, похоже, ощутил обретенную решимость Кэла и еще крепче обхватил его руками.

— Я признаюсь! — выкрикнул Кэл ему в лицо. — Я расскажу все, что вы хотите знать!

И тут же начал говорить.

Однако он говорил вовсе не то, что они хотели услышать. Вместо признания он принялся пересказывать расписание поездов, висевшее на станции «Лайм-стрит». Кэл знал его наизусть. Он начал заучивать его в одиннадцать лет, увидев по телевизору человека с фотографической памятью. Тот демонстрировал свои возможности, пересказывая подробности выбранных наудачу футбольных матчей (команды, голы, имена забивших игроков) начиная с тридцатых годов. Это было совершенно бессмысленное умение, но его героический размах сильно впечатлил Кэла. Следующие несколько недель он посвятил запоминанию любой информации, какая попадалась ему на глаза, пока его не осенило, что главное дело его жизни ходит взад-вперед за стеной сада: поезда. Он начал в тот же день с пригородных поездов, и его амбиции возрастали каждый раз, когда ему удавалось без ошибок воспроизвести дневное расписание. Он обновлял имеющуюся информацию в течение нескольких лет, если переделывали расписание движения или отменяли остановки. И в его

голове, с трудом соотносящей имена с лицами, до сих пор хранилась эта бесполезная информация, готовая всплыть по первому требованию.

Именно это он им и выдал. Расписание поездов на Манчестер, Кру, Стаффорд, Вулвергемптон, Бирмингем, Ковентри, курорт Челтенхем, Рединг, Бристоль, Эксетер, Солсбери, Лондон, Колчестер, время прибытия и отправления, а еще примечания, если поезд ходит только по воскресеньям или отменяется в дни праздников.

«Я Безумный Муни», — думал он, скандируя расписание поездов звучным ясным голосом, словно обращаясь к кретину.

Его хулиганская выходка застала монстра врасплох. Младенец таращился на Кэла, не в силах понять, почему пленник вдруг перестал бояться.

Иммаколата проклинала Кэла губами своего племянника, изрыгала новые угрозы, но он почти ничего не слышал. Расписания поездов обладали собственным ритмом, и вскоре он полностью отдался ему. Объятия чудовища делались все крепче, еще немного — и у Кэла треснут кости. Но он продолжал говорить, судорожно втягивая воздух перед каждым новым днем и предоставляя языку делать все остальное.

«Это же поэзия, мальчик мой, — заметил Безумный Муни. — Никогда не слышал ничего подобного. Поэзия в чистом виде».

Возможно, так оно и есть. Заголовки дней, строфы часов превратились в поэзию, потому что все они были выплюнуты в лицо смерти.

Кэл знал: они убьют его за сопротивление, как только осознают, что он больше не скажет им ни одного осмысленного слова. Но в Стране чудес есть ворота для привидений.

Он как раз добрался до шотландского направления: Эдинбург, Глазго, Перт, Инвернесс, Абердин и Данди, — когда краем глаза заметил Шедуэлла. Коммивояжер качал головой, переговариваясь с Иммаколатой. Кажется, о том, что следует побеседовать со старухой. Затем Коммивояжер развернулся и ушел в темноту. Они бросили своего пленника. До coup de grace[1] остались считанные секунды.

Кэл ощутил, что хватка ослабла. Он на мгновение прервал декламацию в предчувствии решающего удара. Но этого не случилось. Наоборот, ублюдок убрал свои руки и заковылял вслед за Шедуэллом, оставив Кэла лежать на земле. Освобожденный, он едва мог пошевелиться: онемевшие конечности свело судорогой.

И вот тогда он понял, что мучения еще не закончены. Кэл почувствовал на лице ледяную испарину, когда к нему двинулась сама мать чудовищного отпрыска Элроя. Он не мог избежать встречи с ней. Она оседлала его, потом наклонилась, придвигая к его лицу свои груди. Мышцы выкручивало судорогами, но боль отошла на задний план, когда Мамаша прижала к его губам сосок. Давно позабытый инстинкт заставил Кэла взять его. Ему в горло брызнула горькая жижа. Он хотел выплюнуть ее, но тело лишилось сил для сопротивления. Хуже того — он чувствовал, что теряет сознание из-за этого последнего извращения.

Кошмар затмила собой мечта. Он лежал на спине в надушенной постели, а женский голос пел ему какую-то колыбельную без слов. Убаюкивающий ритм сочетался с нежным прикосновением к телу. Пальцы ласкали его живот и чресла. Пальцы были холодны, но знали больше приемов, чем опытная шлюха. Эрекция возникла через мгновение, а через две секунды он уже стонал. Он никогда не ощущал подобной беззаботности, доходя до точки, откуда нет возврата. Его стоны перешли в крики, но колыбельная заглушала их, напев из детской насмехался над его мужским естеством. Кэл был беспомощным младенцем, несмотря на эрекцию или благодаря ей. Прикосновения стали более требовательными, его крики — более настойчивыми.

В какой-то миг судороги вырвали его из сна, и Кэл долго моргал, прежде чем осознал, что пребывает в могильных объятиях сестрицы. Затем удушливое оцепенение снова навалилось на него, и он упал в пустоту столь глубокую, что она поглотила не только его семя, но и колыбельную, и поющий голос, и его сон.

---

1 «Удар милосердия», последний добивающий удар (фр.).

* * *

Он проснулся один, в слезах. Осторожно расслабляя каждую мышцу, вытянулся и поднялся на ноги.

На часах было девять минут третьего. Последний вечерний поезд давным-давно отошел от платформы на Лайм-стрит, а до первого воскресного еще много часов.

VI
Больные души

1

Мими то просыпалась, то вновь засыпала Но теперь эти состояния были очень похожи друг на друга: сны расстраивали ее и тревожили, а наяву преследовали обрывки мыслей, которые растворялись, оставляя после себя совершенную чепуху, точно сны. В какое-то мгновение Мими была уверена, что в углу палаты плачет маленький ребенок, пока не вошла медсестра и не утерла слезы с ее собственных глаз. В другой раз она увидела, словно сквозь заляпанное грязью окно, некое место. Мими знала его, но потеряла, и ее старые кости заныли от желания оказаться там.

А затем пришло новое видение. Наперекор всем вероятностям Мими надеялась, что оно-то как раз окажется сном, однако напрасно.

— Мими? — произнесла темная женщина.

Паралич, сковавший Мими, затуманил ее зрение, но все-таки она узнала возникший в изножье кровати силуэт. После стольких лет, проведенных наедине с ее тайной, кто-то из Фуги все-таки разыскал ее. Но этой ночью не будет места для слез и объятий от радости воссоединения ни с этой посетительницей, ни с ее мертвыми сестрами.

Инкантатрикс Иммаколата явилась сюда исполнить обещание, данное еще до того, как была спрятана Фуга: если она не сможет править ясновидцами, то уничтожит их. Иммаколата всегда говорила, что является потомком Лилит и последней прямой наследницей первозданной магии. Значит, ее власть неоспорима. Но они посмеялись над ее самонадеянностью. Они не подчинялись никому и не придавали значения генеалогии. Иммаколата была унижена, а такие женщины, как она, — надо признать, что Иммаколата владела силами куда более действенными, чем большинство сил, — не так легко забывают унижение. И вот теперь она отыскала последнюю из хранителей ковра, а стоит ей добраться до него, как прольется кровь.

Целую вечность назад совет показал Мими кое-какие приемы древней науки, дабы она во всеоружии встретила события, подобные нынешним. Это были самые незначительные тайны, ничего особенного, просто приемы, способные отвлечь внимание врага. Только отвлечь, не сокрушить. На что-то более серьезное у них не хватало времени. Однако Мими была благодарна и за это. В этих уроках она находила хоть немного утешения, учитывая, что впереди ее ждала целая жизнь в Королевстве чокнутых без ее возлюбленного Ромо. Но годы шли, и никто не приходил — ни для того, чтобы рассказать ей, что ожидание окончено, Сотканный мир готов раскрыть свои тайны; ни для того, чтобы забрать Фугу силой. Волнения первых лет, когда Мими осознавала, что охраняет магию от уничтожения, сменились томительным периодом бдительности. Она стала ленивой и забывчивой. Все они стали такими.

Только под конец, когда Мими осталась одна, она осознала свою слабость, стряхнула с себя оцепенение, вызванное жизнью среди чокнутых, и обратила всю силу ума на решение проблемы: как и дальше сохранить тайну, которой посвящена вся ее жизнь. Но к тому времени ее сознание уже расплывалось, и это был первый симптом приближения парализовавшего ее удара. Полтора дня ушло на то, чтобы собраться с мыслями и написать

Сюзанне коротенькое письмо. В этом послании Мими рискнула изложить больше, чем ей хотелось бы, потому что время поджимало и она ощущала близость опасности.

Она оказалась права: вот эта опасность. Иммаколата, должно быть, почувствовала сигналы, которые в те дни посылала Мими: призывы к затерянным среди этого мира ясновидцам, способным прийти ей на помощь. И это, вместе с непредусмотрительностью, стало самой большой ее ошибкой. Маг-инкантатрикс, обладающий силой Иммаколаты, не мог не заметить подобных сигналов.

И вот она явилась навестить Мими, как заблудшее дитя, желающее припасть к смертному одру родителя и заявить права на наследство. Иммаколата тоже увидела этот образ.

— Я сказала медсестре, что я твоя дочь, — сообщила она, — и что мне нужно немного побыть с тобой. Наедине.

Мими сплюнула бы от отвращения, если бы у нее остались силы для плевка.

— Я знаю, что ты умираешь, поэтому пришла попрощаться, хоть и через столько лет. Ты не можешь говорить, так что я не надеюсь услышать, как ты бормочешь признание. Есть и иные способы. Все, что заключено в сознании, можно выставить напоказ и без слов.

Она немного придвинулась к кровати.

Мими понимала, что инкантатрикс права. Тело, даже такое дряхлое и близкое к смерти, можно заставить выдать все его тайны, если знать нужные методы. А Иммаколата их знала. Она, убийца собственных сестер; она, вечная девственница, чье целомудрие открывало доступ к силам, неподвластным любовникам, — она знала способы. Мими придется напоследок придумать какой-то фокус, иначе все потеряно.

Краем глаза Мими видела Каргу, сгнившую сестру Иммаколаты. Она прислонилась к стене, широко раззявив беззубую пасть. Магдалена, вторая сестра, сидела на стуле для посетителей, широко расставив ноги. Они ждали начала потехи.

Мими раскрыла рот, словно пыталась заговорить.

— Хочешь что-то сказать? — поинтересовалась Иммаколата.

Пока инкантатрикс задавала свой вопрос, Мими собрала все силы и развернула левую руку ладонью вверх. Там, в сплетении линий жизни и любви, был символ, нарисованный хной и множество раз обведенный, так что теперь пятно невозможно вывести с кожи. Этот символ показал ей Бабу, один из совета, за несколько часов до того, как началось великое творение Сотканного мира.

Что он означает и как действует, Мими давным-давно забыла (если ей вообще говорили об этом), но он служил для ее защиты, в каком бы состоянии она ни находилась.

Способы Ло требовали физических усилий, а Мими была парализована. Айя пользовались музыкой, а Мими, лишенная музыкального слуха, позабыла их в первую очередь. Ясновидцы Йе-ме, чей гений заключался в способности ткать, вообще не передали ей ни одного способа защиты. В те последние суматошные дни они были слишком заняты своим главным творением — ковром, в котором Фуге предстояло укрыться от взглядов на долгое время.

Да и большая часть того, чему научил ее Бабу, сейчас была не под силу Мими. Словесные способы защиты бессмысленны, если твои губы не могут пошевелиться. Оставалось одно — этот затертый знак, как пятнышко грязи на парализованной руке, не позволявший Иммаколате подойти.

Однако ничего не произошло. Ни выброса силы, ни малейшего выдоха. Мими пыталась вспомнить, что говорил Бабу про начальный толчок, но в голове всплывали лишь его лицо и улыбка. Он улыбался, и сквозь крону дерева у него за головой лились солнечные лучи. Какие прекрасные дни! Она была такой юной, и все казалось настоящим приключением.

Теперь Мими не ждала никаких приключений. Впереди лишь смерть на стылой постели.

И вдруг раздался рев. С ее ладони — быть может, высвобожденная воспоминанием — сорвалась волна силы.

Шарик энергии соскочил с ладони. Иммаколата отошла назад, когда гудящий сгусток света закружился вокруг кровати, удерживая зло на расстоянии.

Инкантатрикс быстро нашлась чем ответить. Из ее ноздрей заструился менструум, поток пронзительной тьмы, живший в ее хрупком теле. Проявления этой силы Мими наблюдала не больше дюжины раз за свою жизнь. Она присуща только женщинам: эфирный растворитель, в котором, как говорили, его обладательница способна утопить весь свой прежний опыт, а потом возродить в образе нынешнего желания. Если древняя наука была магией демократической, доступной для всех, вне зависимости от пола, возраста или моральных устоев, то менструум якобы избирал своих фавориток сам. Многие совершили самоубийство по его требованию или под влиянием вызванных им видений. Вне всяких сомнений, для этой силы или состояния плоти не было никаких границ.

Потребовалось лишь несколько капель: поверхности маленьких сфер заострились в воздухе, разрывая сеть, созданную заклинанием Бабу, чтобы Мими осталась без всякой защиты.

Иммаколата смотрела на пожилую женщину сверху вниз, опасаясь ее дальнейших действий. Без сомнения, совет снабдил хранительницу какими-то особыми заклинаниями, чтобы применить их в экстремальной ситуации. Именно поэтому Иммаколата требовала от Шедуэлла испробовать все возможные способы поиска, чтобы избежать смертельно опасного противостояния. Но все способы привели в тупик. Из дома на Рю-стрит сокровище украли. Муни, единственный свидетель, свихнулся. Иммаколате пришлось явиться сюда и предстать перед хранительницей, подвергаясь опасности не от самой Мими, а от методов защиты, какими совет наверняка оградил ее.

— Давай дальше, — пробормотала она, — переходи к самому худшему.

Старуха не двигалась, а ее взгляд выражал отвращение.

— Нельзя же тянуть вечно, — произнесла Иммаколата. — Если у тебя есть защита, покажи ее.

Мими просто лежала, словно самоуверенный человек, обладающий доступом к безграничной силе.

Иммаколата больше не могла выносить ожидание. Она сделала шаг к кровати в надежде заставить эту суку показать свои способности, каковы бы они ни были. И снова не увидела никакой реакции.

Может быть, она неверно истолковала выражение лица Мими? Может быть, она лежит так спокойно вовсе не от самоуверенности, а от отчаяния? Можно ли надеяться, что хранительница каким-то чудесным образом оказалась беззащитна?

Иммаколата коснулась раскрытой ладони Мими, провела пальцем по затертому рисунку. Сила, заключенная в нем, изошла. Больше ничто не отделяло ее от женщины, лежащей на кровати.

Если до сих пор Иммаколата не знала, что такое удовольствие, то сейчас она это узнала. Невероятно, но хранительница была беспомощна. У нее не нашлось никакого финального разрушительного заклятия. Если она когда-либо и обладала силой, то возраст уничтожил ее.

— Пришло время откровений, — произнесла Иммаколата, позволяя капле из потока взмыть в воздух над трясущейся головой Мими.

2

Дежурная медсестра посмотрела на часы на стене. Прошло полчаса с тех пор, как она вышла из палаты, оставив заплаканную дочь миссис Лащенски с ней наедине. Строго говоря, она должна была перенести этот визит на следующее утро, но женщина добиралась до больницы всю ночь, а кроме того, пациентка могла и не дотянуть до рассвета. Иногда приходится нарушать правила, однако тридцати минут вполне достаточно.

Когда медсестра двинулась по коридору, из палаты пожилой женщины донесся крик и грохот перевернутой мебели. Сестра бросилась к двери. Ручка была липкая и наотрез

отказывалась поворачиваться. Сестра забарабанила в дверь, поскольку шум в палате становился все громче.

— Что у вас происходит? — кричала она.

А в палате инкантатрикс смотрела сверху вниз на мешок старых костей и иссохшей плоти, лежавший на кровати. Откуда эта старуха нашла силу воли, чтобы отказать ей? Сопротивляться колющим иглам вопросов, когда менструум затекал ей в рот, добираясь до каждой ее мысли?

Совет сделал верный выбор, назначив Мими одной из трех хранителей Сотканного мира. Даже теперь, когда менструум снял печати с ее разума, она готовилась к последнему, абсолютному, противостоянию. Она готовилась умереть. Иммаколата видела, что она желает, чтобы смерть пришла до того, как иглы выпустят наружу ее тайны.

Призывы медсестры с другой стороны двери становились все настойчивее и пронзительнее:

— Откройте дверь! Прошу вас, скорее откройте дверь!

Время уходит. Не обращая внимания на крики сестры, Иммаколата закрыла глаза и покопалась в прошлом. Она надеялась, что этот ворох образов продлит жизнь разума старухи достаточно, чтобы иголки успели сделать свое дело. Первую часть видения Иммаколата сотворила быстро: образ смерти из ее единственного настоящего убежища в Королевстве, из усыпальницы. Другая часть была более сложной, поскольку Иммаколата всего раз или два видела мужчину Мими, оставшегося в Фуге. Но менструум имеет свои способы оживлять память. Есть ли лучшее доказательство могущества иллюзии, чем выражение лица старухи, когда ее давно потерянная любовь возникла в ногах кровати и протянула к ней гниющие руки? Иммаколата приготовилась и нацелила вопросы прямо в мозг хранительницы, но, прежде чем она успела отыскать там ковер, Мими последним титаническим усилием вцепилась в простыню непарализованной рукой и оттолкнулась, устремляясь навстречу призраку, красноречивому наваждению инкантатрикс.

После чего упала с кровати и умерла, не успев коснуться пола.

Иммаколата взвизгнула от ярости, и в этот миг медсестра широко распахнула дверь.

О том, что она увидела в шестой палате, она не рассказывала никому до конца своих дней. Отчасти из-за того, что боялась наказания, отчасти потому, что если ее глаза не лгали и в мире действительно существуют такие ужасы, какие она мельком увидела в палате Мими Лащенски, то сами разговоры о них могут приблизить их приход. А она, обычная современная женщина, не умела молиться и не знала никаких способов уберечься от этой тьмы.

Кроме того, кошмар растворился у нее на глазах. Обнаженная женщина и мертвый мужчина в ногах кровати исчезли, будто их никогда не было. В палате осталась только дочь, приговаривающая: «Нет… нет…», и мертвая мать на полу.

Но когда она снова вошла в палату, безутешная дочь уже сказала матери прощальное «прости» и ушла.

3

— Что случилось? — спросил Шедуэлл на обратном пути из больницы.

— Она умерла, — проронила Иммаколата и больше не произнесла ни слова, пока они не удалились на две мили от ворот.

Шедуэлл слишком хорошо знал ее, чтобы настаивать. Она расскажет сама, когда придет время. Что она и сделала.

— У нее не было никакой защиты, Шедуэлл, не считая одного жалкого трюка, которому я научилась еще в колыбели.

— Разве такое возможно?

— Может быть, она просто состарилась, — последовал ответ Иммаколаты. — Ее разум сгнил.

— А что с остальными хранителями?

— Кто знает? Может быть, умерли. Скитаются по Королевству. Под конец она осталась совсем одна. — Инкантатрикс улыбнулась, хотя улыбка была незнакома ее лицу. — Я так осторожничала, так предусмотрительно себя вела, так боялась, что она знакома со смертельными заклинаниями. А у нее не было ничего! Ничегошеньки. Обычная старуха, умирающая на больничной постели.

— Если она последняя, значит, нас больше никто не остановит? Нет никого, кто помешал бы нам добраться до Фуги.

— Похоже, так, — отозвалась Иммаколата, затем снова погрузилась в молчание, с удовольствием наблюдая, как за стеклом скользит спящее Королевство.

Оно по-прежнему забавляло ее, это скорбное место. Не внешними особенностями, а непредсказуемостью.

Они состарились здесь, хранители Сотканного мира. Те, кто любил Фугу так сильно, что посвятил жизнь ее защите, в итоге утомились от вечного бдения и стали забывчивыми.

Зато ненависть все помнит. Ненависть помнит даже тогда, когда любовь потеряла память. Иммаколата — живое тому доказательство. Ее цель — отыскать Фугу и вырвать ее сияющее сердце — была ясна и после поисков, затянувшихся на целую человеческую жизнь.

Поиски скоро завершатся. Фуга будет найдена и выставлена на аукцион, ее земли сделают игровыми площадками для чокнутых, а ее народы, четыре великие семьи, продадут в рабство или обретут на вечное скитание по этому безнадежному миру. Иммаколата оглядела город. Слабый свет омывал асфальт и кирпич, прогоняя остатки очарования, которое придавала улицам ночь.

Магия ясновидцев недолго продержится в таком мире. А кто они без своих заклинаний? Потерянные люди, преследуемые видениями, но не способные их оживить.

Они могли бы о многом поговорить с этим тусклым жалким городом.

VII
Шкаф

1

За восемь часов до смерти Мими в больнице Сюзанна вернулась в дом на Рю-стрит. Спускался вечер, дом был насквозь пронизан лучами янтарного света, его мрачность почти исчезла. Но радость длилась недолго. Солнце закатилось, и Сюзанне пришлось зажечь свечи — они во множестве стояли на подоконниках и шкафах, утопленные в могилах своих предшественников. Иллюминация получилась более яркой, чем ожидалось, и более торжественной. Сюзанна переходила из комнаты в комнату, ощущала запах тающего воска и почти понимала, как Мими могла быть счастлива здесь, в своем коконе.

Того узора, что показала ей бабушка, она не нашла нигде. Ни в рисунке половиц, ни на обоях. Что бы это ни было, оно исчезло. Сюзанна предпочитала не думать о предстоящей печальной необходимости сообщить об этом бабушке.

Зато она нашла тот самый шкаф за горой мебели на лестничной площадке. Ей потребовалось время, чтобы разобрать сложенные перед ним вещи; зато когда она наконец поставила свечу на пол и распахнула дверцы, ее ожидало настоящее откровение.

Стервятники, обчистившие дом, забыли изучить содержимое шкафа. Одежда Мими до сих пор висела на плечиках: пальто, меха, бальные платья — все, кажется, ни разу не надевалось с того дня, когда Сюзанна обнаружила хранившийся здесь клад. Эта мысль напомнила ей о том, что она ищет на этот раз. Сюзанна присела на корточки. Она убеждала себя, что нелепо предполагать, будто ее подарок остался лежать на прежнем месте, и все-таки не сомневалась, что так оно и есть.

Она не была разочарована. Внизу, среди туфель и отрезов ткани, обнаружился сверток,

упакованный в простую оберточную бумагу с надписанным сверху ее именем. Подарок задержался в пути, но не пропал.

У нее задрожали руки. Узел выцветшей ленты долго не поддавался, но все-таки развязался. Сюзанна сняла бумагу.

Внутри оказалась книга. Не новая, судя по обтрепанным уголкам, в красивом кожаном переплете. Сюзанна раскрыла ее. К изумлению девушки, книга оказалась на немецком. «Geschichten der Geheimen Orte», называлась она, и Сюзанна неуверенно перевела это как «Истории о таинственных местах». Но даже если бы она совсем не понимала языка, иллюстрации не оставляли сомнений: это книга сказок.

Сюзанна присела на верхнюю ступеньку, поставив рядом свечу, и принялась внимательно изучать книгу. Сказки, конечно же, были знакомые, она встречала их в том или ином варианте сотни раз. Она видела их вариации в голливудских мультфильмах и эротических легендах, они служили предметом диссертаций и нападок феминисток. Но очарование историй не могла разрушить ни коммерция, ни наука. Ребенок, живущий в душе Сюзанны, желал услышать все эти сказки еще раз, хотя каждый поворот сюжета она помнила наизусть и вспоминала окончание раньше, чем успевала прочесть первую строку. Но это конечно же не имело никакого значения. Ведь их сила отчасти и заключалась в их предсказуемости. Есть истории, которые нисколько не надоедают от пересказов.

Опыт жизни научил ее многому, и большинство полученных знаний касалось чего-то дурного. А эти истории давали совсем другие уроки. Например, в том, что сон похож на смерть, не было ничего поразительного, однако то, что с помощью поцелуев можно смерть превратить в сон… это знание совершенно иного порядка. Ты выдаешь желаемое за действительное, ругала себя Сюзанна. В настоящей жизни нет никаких чудес. Если хищному зверю распороть живот, его жертвы не выйдут оттуда целыми и невредимыми. Крестьянин не станет в одночасье принцем, а зло не рассеется от единения любящих сердец. Все это просто иллюзии, и суровый прагматик, каким воспитала себя Сюзанна, предпочитал держаться от них подальше.

Однако сказки трогали ее сердце. Сюзанна не могла этого отрицать. Такое впечатление производят только истинные ценности. Вовсе не из сентиментальности у нее на глазах выступили слезы. Эти сказки не были сентиментальными. Они были суровыми, даже жестокими. Нет, она плакала, потому что книга напомнила о внутренней жизни, так хорошо знакомой ей в детстве. В той жизни были чудесные спасения и месть, боль и разочарования; она не казалась тошнотворной или непознаваемой. Эту жизнь в выдуманном мире с привидениями и полетами Сюзанна предпочла забыть, когда решила стать взрослой.

Более того, в мифологии сказок она отыскала образы, позволившие ей понять причину нынешнего смятения чувств.

Из-за странной истории, случившейся с ней после приезда в Ливерпуль, все ее прежние убеждения обратились в хаос. Но на страницах книги она увидела возможность бытия, где ничто окончательно не утверждено. Здесь правила магия, несущая с собой превращения и чудеса. Сюзанна уже бродила по такому миру, совершенно не ощущая себя потерянной, и запросто могла сойти за одного из местных жителей. Если бы она сумела поставить это безрассудство выше разума, если бы она позволила ему вести себя через лежащий впереди лабиринт, возможно, ей удалось бы понять те силы, которые — она знала это — затаились рядом и ждут.

Но ей было больно отказываться от своего прагматизма. Он очень поддерживал ее в тяжелые времена. Перед лицом потерь и скорби Сюзанна оставалась хладнокровной и мыслила рационально. Даже когда умерли ее родители, разобщенные неким предательством (о нем не говорилось вслух, и оно не позволяло им даже в самом конце поддерживать друг друга), она справилась с этим, погрузившись с головой в насущные дела, пока не миновало самое худшее.

Теперь же книга манила Сюзанну химерами и волшебством, в ней ее привлекали сплошные неясности и вечное движение, а прагматизм обесценивался. Прагматизм стал

бессмысленным. Несмотря на весь опыт потерь, компромиссов и поражений, Сюзанна снова оказалась здесь, в лесу, где девочки приручают драконов, и у одной из них по-прежнему было ее лицо.

Пробежав глазами три или четыре сказки, она вернулась к началу книги в поисках указаний.

«Для Сюзанны, — гласила дарственная надпись. — С любовью от М. Л.».

Надпись была сделана на одной странице со старинной сентенцией:

«Das, was man sich vorstellt, brauch man nie zu verlieren».

Сюзанна продиралась сквозь фразу, полузабытый немецкий давался ей с трудом. В ее приблизительном переводе фраза звучала так:

«То, что можно вообразить, никогда не умрет».

Получив столь туманное наставление, Сюзанна вернулась к сказкам. Иллюстрации в книге походили на грубоватые гравюры, но при ближайшем рассмотрении там обнаружились многочисленные художественные ухищрения. Рыбы с человеческими лицами выглядывали над гладкой поверхностью пруда, два незнакомца на пиру обменивались репликами, обретавшими контуры в воздухе у них над головами, посреди дремучего леса между деревьями прятались люди, и из ветвей смотрели их бледные выжидающие лица.

Сюзанна забыла о времени. Просмотрев книгу от корки до корки, она на минутку закрыла глаза, чтобы дать им отдых, и ее сморил сон.

Когда она проснулась, оказалось, что ее часы остановились чуть позже двух. Фитиль рядом с ней моргал в луже воска, готовый вот-вот захлебнуться. Она поднялась и похромала по лестничной площадке, пока не отошли затекшие ноги, затем отправилась в дальнюю спальню, чтобы поискать еще свечей.

Одна свечка нашлась на подоконнике. Сюзанна подошла туда и заметила внизу во дворе какое-то движение. Сердце заколотилось, но она стояла совершенно неподвижно, чтобы не привлекать к себе внимания, и наблюдала. Человек был скрыт тенью. Только когда он обогнул угол двора, сияние звезд осветило его, и Сюзанна узнала молодого человека, бежавшего отсюда накануне.

Она взяла новую свечу и пошла вниз. Ей хотелось поговорить с этим человеком, выяснить причину его бегства и узнать, кто такие его преследователи.

Когда Сюзанна вышла во двор, он выскочил из темного угла и метнулся к задним воротам.

— Постойте! — крикнула она ему вслед. — Это Сюзанна.

Ее имя не могло ничего для него значить, но он все-таки остановился.

— Кто? — переспросил он.

— Я видела вас вчера. Вы убегали…

Девушка из прихожей, вспомнил Кэл. Та, которая встала между ним и Коммивояжером.

— Что с вами случилось? — спросила она.

Кэл выглядел ужасно. Одежда разодрана, лицо в грязи и, как показалось Сюзанне, в крови.

— Я не знаю, — ответил он хриплым голосом. — Я больше ничего не знаю.

— Может быть, зайдете в дом?

Кэл не двинулся с места.

— А давно вы здесь? — спросил он.

— Несколько часов.

— И в доме никого нет?

— Кроме меня, никого.

После такого заверения он пошел вслед за ней к задней двери. Сюзанна зажгла еще

несколько свечей. При свете ее предположения подтвердились: он действительно был в крови, и от него разило канализацией.

— Здесь есть проточная вода? — спросил он.

— Не знаю, но можно посмотреть.

Им повезло: водопроводная компания еще не отключила воду. Кухонный кран дергался, трубы стонали, но в конце концов все-таки хлынул поток ледяной воды. Кэл снял пиджак и принялся отмывать руки и лицо.

— Я поищу полотенце, — сказала Сюзанна. — Кстати, как вас зовут?

— Кэл.

Она вышла. Кэл стащил с себя рубаху и вымыл холодной водой грудь, шею и спину. Он еще мылся, когда Сюзанна вернулась с наволочкой в руках.

— Вот единственное подобие полотенца, какое мне удалось отыскать, — сообщила она.

Она принесла в нижнюю гостиную два стула и зажгла в комнате несколько свечей. Они сели рядом и начали разговор.

— Почему вы вернулись? — хотела знать Сюзанна. — После вчерашнего.

— Я кое-что видел здесь, — осторожно пояснил Кэл. — А вы? Что здесь делаете вы?

— Это дом моей бабушки. Она в больнице. Умирает. Я вернулась, чтобы осмотреть дом.

— Те двое, которых я видел вчера… — произнес Кэл. — Они друзья вашей бабушки?

— Сомневаюсь. Чего они от вас хотели?

Кэл знал, что с этого момента ступает на топкую землю. Как рассказать о радостях и страхах, пережитых за последние дни?

— Это непросто… — начал он. — То есть я не уверен, что случившееся со мною имеет какое-то особенное значение.

— Это касается нас обоих, — сказала Сюзанна.

Он смотрел на свои руки, как хиромант, изучающий будущее. Сюзанна рассматривала его. Торс Кэла был покрыт глубокими царапинами, будто он дрался с волками.

Когда он поднял на нее светло-голубые глаза с черными ресницами, то заметил ее пристальный взгляд и слегка покраснел.

— Вы сказали, что видели здесь кое-что, — напомнила она. — Может быть, расскажете, что именно?

Это был простой вопрос, и Кэл не видел причин не отвечать на него. Если она не поверит, это ее проблемы, а не его. Но она поверила. Более того, когда он начал описывать ковер, ее глаза широко раскрылись и тревожно заблестели.

— Ну конечно, — сказала он. — Ковер. Разумеется.

— Вы что-то знаете о нем? — спросил он.

Она рассказала ему, что произошло с ней в больнице, и об орнаменте, который старалась показать ей Мими.

Все сомнения относительно того, стоит ли рассказывать историю полностью, отпали. Кэл поведал о своем приключении начиная с того момента, когда улетел голубь. Рассказал о том, как увидел Фугу, о Шедуэлле и его пиджаке, об Иммаколате, о выродках, об их матери и повитухе, о событиях на свадьбе и после нее. Сюзанна вставляла в его повествование свои собственные интерлюдии: о том, как Мими жила в этом доме с запертыми дверьми и заколоченными гвоздями окнами, будто в крепости в ожидании осады.

— Должно быть, она знала, что рано или поздно кто-то явится за ковром.

— Не за ковром, — поправил Кэл. — За Фугой.

Она видела, как мечтательно заблестели его глаза, и позавидовала тому, что он хотя бы мельком видел это место, его холмы, озера, дремучие леса.

«Не заметил ли ты среди тех деревьев девушек, укрощающих драконов своей песней?» — хотела спросить она.

Но кое-что она должна выяснить сама.

— Так, значит, ковер — это дверь, верно? — спросила Сюзанна.

— Я не знаю, — ответил он.

— Хорошо бы спросить у Мими. Может быть, она…

Не успела она закончить фразу, как Кэл вскочил на ноги.

— О господи! — Только сейчас он вспомнил, как Шедуэлл на свалке говорил о необходимости потолковать со старухой.

Он имел в виду Мими, кого же еще! Натягивая рубаху, Кэл рассказал об этом Сюзанне.

— Нам срочно нужно ехать к ней, — воскликнул он. — Господи! Как же я не подумал?

Его волнение было заразительным. Сюзанна задула свечи и оказалась у входной двери раньше него.

— Думаю, в больнице Мими в полной безопасности, — заметила она.

— Никто не в безопасности, — отозвался Кэл, и она поняла, что он прав.

Уже на лестнице Сюзанна вдруг вспомнила что-то и ушла в дом, вернувшись через минуту с потрепанной книгой в руках.

— Дневник? — спросил Кэл.

— Карта, — ответила она.

VIII
Идя по ниточке

1

Мими умерла.

Ее убийцы пришли, а затем исчезли в ночи, оставив искусно созданную дымовую завесу, чтобы скрыть свое преступление.

— В смерти вашей бабушки нет ничего таинственного, — настаивал доктор Чей. — Болезнь быстро прогрессировала.

— Прошлой ночью здесь кто-то был.

— Верно. Ее дочь.

— У нее только одна дочь — моя мать. И она умерла два с половиной года назад.

— Кто бы здесь ни был, он не причинил миссис Лащенски никакого вреда. Ваша бабушка умерла от естественных причин.

Нет смысла спорить дальше, осознала Сюзанна. Все дальнейшие попытки объяснить, на чем основаны ее подозрения, завершатся конфузом. Кроме того, смерть Мими породила еще один виток загадок. И главная среди них: что знала старая женщина и кем она была, если кто-то ее убрал?

И какую из ее тайн Сюзанна обязана теперь принять на себя? Второй вопрос естественно вытекал из первого, и оба они остались без ответа после смерти Мими. Единственным источником информации может быть существо, не погнушавшееся убить старуху на смертном одре: Иммаколата. А к противостоянию с ней Сюзанна была совершенно не готова.

Они вышли из больницы и пошли пешком. Сюзанну била дрожь.

— Может, нам перекусить? — предложил Кэл.

Было еще только семь утра, но им удалось найти кафе, где подавали завтрак, и они заказали себе гигантские порции. Яичница с беконом, тосты и кофе немного подкрепили обоих, хотя бессонная ночь все еще давала о себе знать.

— Я должна позвонить дяде в Канаду, — сказала Сюзанна. — Сообщить ему о том, что произошло.

— Всё? — спросил Кэл.

— Нет, конечно, — покачала головой Сюзанна. — Это останется между нами.

Кэл был рад это слышать. Ему не нравилась мысль об огласке, а общая тайна их сближала. Сюзанна совершенно не походила на тех женщин, которых он встречал до сих пор. Никаких личин, никаких заигрываний. За одну ночь признаний и это печальное утро они

внезапно стали товарищами по тайне. И даже если эта тайна смертельно опасна, он согласен рискнуть ради возможности находиться в обществе Сюзанны.

— Мими не будут оплакивать, — говорила она. — Ее никто не любил.

— Даже ты?

— Я никогда ее не знала, — ответила Сюзанна и вкратце описала жизнь своей бабушки. — Мими была не такая, как все, — завершила она рассказ. — И теперь мы знаем почему.

— Что снова возвращает нас к ковру. Нам надо пойти по следу тех грузчиков.

— Сначала тебе нужно поспать.

— Нет. У меня открылось второе дыхание. Но я действительно хочу зайти домой. Надо покормить голубей.

— А они не подождут несколько часов?

Кэл нахмурился.

— Если бы не они, — заметил он, — меня бы здесь не было.

— Извини. Не возражаешь, если я пойду с тобой?

— Буду рад. Может, твое присутствие заставит отца улыбнуться.

2

Оказывается, Брендан сегодня только и делал, что улыбался. С того дня, когда заболела Эйлин, Кэл не видел отца таким счастливым. Перемена была разительная. Брендан пригласил сына и его спутницу в дом, просто светясь от радости.

— Хотите кофе? — спросил он и тут же умчался в кухню. — Кстати, Кэл, заходила Джеральдин.

— Зачем?

— Принесла какие-то книги, которые ты ей давал. Сказала, что они ей больше не нужны. — Брендан отвернулся от кофеварки и внимательно посмотрел на Кэла. — Она сказала, что ты вел себя как-то странно.

— Должно быть, голос крови, — произнес Кэл, и отец снова улыбнулся. — Пойду взглянуть на птиц.

— Я уже кормил их сегодня. И чистил клетки.

— Так ты действительно чувствуешь себя лучше?

— Почему бы нет? — отозвался Брендан. — Ведь обо мне заботятся.

Кэл кивнул, не вполне его понимая. Затем повернулся к Сюзанне.

— Хочешь посмотреть на чемпионов? — спросил он, и они вышли из дома.

Начало дня выдалось прекрасное.

— Что-то странное творится с отцом, — заметил Кэл, когда они шли по заросшей тропинке к голубятне. — Два дня назад он был на грани самоубийства.

— Возможно, самое трудное время наконец прошло, — предположила Сюзанна.

— Возможно, — кивнул Кэл, открывая дверь голубятни.

В этот момент загрохотал поезд, и земля затряслась.

— Девять двадцать пять до Пензанса, — объявил Кэл, приглашая девушку войти.

— Неужели это не пугает птиц? — спросила она. — Жить так близко к железной дороге.

— Они привыкли еще в яйце, — ответил Кэл и пошел здороваться с голубями.

Сюзанна наблюдала, как он разговаривает с ними, просовывая пальцы через проволочную сетку. Странный тип, безусловно; но не более странный, наверное, чем она сама. Ее удивляло то спокойствие, с каким они оба принимали странности, внезапно вошедшие в их жизнь. Они стоят, чувствовала Сюзанна, на некоем пороге, а за этим порогом не обойтись без определенных странностей.

Кэл внезапно отвернулся от клетки.

— Гилкрайст, — произнес он с дикой ухмылкой. — Я только что вспомнил. Они

говорили о парне по фамилии Гилкрайст.

— Кто говорил?

— Грузчики. Когда я сидел на стене. Господи, ну да! Я посмотрел на голубей и вспомнил. Я сидел на стене, а они говорили о том, чтобы продать ковер кому-то по фамилии Гилкрайст.

— Значит, он нам и нужен.

Кэл тут же вернулся в дом.

— У нас совсем нет сладкого… — начал Брендан, когда его сын понесся к телефону в прихожей. — Что за спешка?

— Ничего особенного, — успокоила его Сюзанна.

Брендан налил ей чашку кофе, пока Кэл листал справочник.

— Вы ведь нездешняя? — поинтересовался Брендан.

— Я живу в Лондоне.

— Никогда не любил Лондон, — сообщил он. — Бездушное место.

— У меня студия на Мьюсуэлл-хилл. Вам бы там понравилось.

Брендан смотрел озадаченно, и Сюзанна пояснила:

— Я делаю керамику.

— Нашел! — объявил Кэл, держа в руке справочник. — К.У.Гилкрайст, — прочитал он. — Продавец подержанных вещей.

— А что случилось? — поинтересовался Брендан.

— Я позвоню ему, — сказал Кэл.

— Сегодня воскресенье, — напомнила Сюзанна.

— Многие подобные места открыты по воскресеньям, — возразил он и вернулся в прихожую.

— Вы собираетесь что-то купить? — спросил Брендан.

— Можно сказать и так, — ответила Сюзанна.

Кэл набрал номер. Трубку на другом конце взяли тотчас же. Женский голос произнес:

— Гилкрайст.

— Здравствуйте, — сказал Кэл. — Я бы хотел поговорить лично с мистером Гилкрайстом.

Последовала секундная пауза, после чего женщина произнесла:

— Мистер Гилкрайст умер.

Господи, Шедуэлл опередил нас, подумал Кэл. Но секретарша еще не закончила.

— Он умер восемь лет назад, — продолжала она. В ее голосе было меньше эмоций, чем у «говорящих часов». — А по какому вы делу?

— По поводу ковра, — сказал Кэл.

— Вы хотите купить ковер?

— Нет. Не совсем Кажется, один ковер был куплен на вашем аукционе по ошибке…

— По ошибке?

— Вот именно. И я хотел бы вернуть его. Как можно скорее.

— В таком случаю, боюсь, вам необходимо переговорить с мистером Уайльдом.

— А вы не могли бы соединить меня с мистером Уайльдом?

— Он сейчас на острове Уайт.

— Когда он вернется?

— В четверг утром. Перезвоните ему.

— Уверяю вас, мне необходимо…

Он остановился, потому что на другом конце повесили трубку.

— Проклятье, — выругался он. Поднял голову и увидел Сюзанну в дверях кухни. — Там не с кем разговаривать. — Он вздохнул. — И как мы будем теперь действовать?

— Как воры в ночи, — негромко ответила она.

Когда Кэл с приятельницей ушли, Брендан немного посидел, разглядывая сад. Скоро он примется за него; Эйлин в письме журила мужа за то, что он совсем забросил сад.

Мысли о письме неизменно возвращали его к тому, кто его принес, к небесному посланнику мистеру Шедуэллу.

Не задаваясь вопросом, зачем он это делает, Брендан поднялся и подошел к телефону, сверился с карточкой, оставленной ангелом, и набрал номер. Воспоминания о встрече с Шедуэллом почти затмил яркий свет доставленного Коммивояжером подарка, но Брендан помнил твердо, что у них есть уговор и что он как-то касается Кэла.

— Мистер Шедуэлл?

— С кем имею честь говорить?

— Это Брендан Муни.

— О, Брендан. Как я рад слышать ваш голос. Вы хотите мне что-то сообщить? Относительно Кэла?

— Он отправился на склад, где держат мебель и все такое…

— Вот оно как. Значит, мы отыщем его и сделаем счастливым. Он был один?

— Нет. С ним женщина. Чудесная женщина.

— Ее имя?

— Сюзанна Пэрриш.

— А как называется склад?

Смутная тень подозрения коснулась Брендана.

— А зачем вам Кэл?

— Я же рассказывал вам. Приз.

— Ах да. Приз.

— Такой, что Кэл задохнется от счастья. Как же называется склад, Брендан? В конце концов, мы заключили сделку. Уговор есть уговор.

Брендан сунул руку в карман. Письмо все еще хранило тепло. Ведь нет ничего дурного в том, что он заключил договор с ангелом? Что может быть безопаснее?

Брендан сказал название склада.

— Они просто пошли за ковром… — начал он.

В трубке раздались гудки.

— Вы меня слышите? — спросил Брендан.

Но божественный посланник, наверное, уже улетел.

IX
Хранители находок

1

Склад подержанной мебели Гилкрайста был кинотеатром в те годы, когда синематографы походили на нелепые дворцы. Нелепым он и остался: фасад в стиле карикатурного рококо, сверху нахлобучен дурацкий купол, — вот все, что осталось от его былого «великолепия». Он находился на расстоянии полета камня от Док-роуд, единственный действующий объект в этом районе. Все остальные дома либо заколочены досками, либо сгорели.

Кэл стоял на углу Джамайка-стрит, глядел на этот обломок прошлого и гадал: стал бы покойный мистер Гилкрайст гордиться тем, что его имя красуется на гниющем здании? Никакой бизнес не мог бы процветать здесь, разве что такие дела, какие лучше проворачивать подальше от посторонних глаз.

Часы работы склада были обозначены на видавшей виды доске объявлений, где некогда висели афиши идущих в кинотеатре фильмов. По воскресеньям склад работал с половины

десятого до двенадцати. Сейчас была четверть второго. Двустворчатые двери были заперты на засов, а сверху забраны железными решетчатыми воротами — нелепое дополнение к нелепому фасаду.

— Как у тебя со взломом замков? — поинтересовался Кэл у Сюзанны.

— Слабовато, — ответила она. — Но я быстро обучаюсь.

Они перешли Джамайка-стрит, чтобы рассмотреть двери поближе. Не было нужды притворяться, будто они оказались здесь случайно: за все время, пока они стояли на улице, не появилось ни одного прохожего, и транспорт почти не ходил.

— Должен же быть какой-то путь, — сказала Сюзанна. — Пойдем в обход. Ты с той стороны, а я с этой.

— Хорошо. Встретимся там.

Они разошлись. Кэлу досталась теневая сторона, а путь Сюзанны пролегал под ярким солнцем. Странно, но она поймала себя на том, что сожалеет об отсутствии облаков. От жары ее кровь пела, словно настроенная на некую инопланетную радиоволну, и мелодии отдавались в голове.

Сюзанна прислушивалась к этой музыке, когда Кэл появился из-за угла, заставив ее вздрогнуть.

— Я нашел вход, — сообщил он и повел Сюзанну туда, где некогда находился пожарный выход из кинотеатра.

Дверь тоже была заперта, но и цепь и замок сильно проржавели. Кэл уже нашел половинку кирпича и теперь сбивал замок. Осколки кирпича летели во все стороны, но после дюжины ударов цепь поддалась. Кэл навалился на дверь плечом. Изнутри донесся грохот, упало зеркало и еще какие-то сложенные под дверью вещи, но он сумел расширить щель настолько, чтобы они смогли пробраться в помещение.

2

Внутри оказалось некое подобие чистилища, где тысячи предметов домашнего обихода: пыльные кресла, гардеробы, лампы всех размеров, портьеры, ковры — дожидались Судного дня. Пахло обитавшими здесь старыми вещами, страдавшими от древоточцев, крыс и от самого времени. Прекрасная мебель так обветшала, что даже ее создатели не нашли бы ей места в доме.

А за запахом дряхлости скрывался запах более горький и более человеческий. Возможно, это был запах пота, впитавшийся в доски кровати больного, или запах материи от абажура горевшей всю ночь лампы, чей хозяин не дожил до утра. В таком месте не хотелось задерживаться.

Они снова разделились, чтобы сделать все побыстрее.

— Если увидишь хоть что-нибудь, похожее на ковер, — сказал Кэл, — кричи.

Он скрылся за горой мебели.

Жалобное пение в голове Сюзанны не стихло, когда она ушла с солнца. Наоборот, оно усилилось. Может быть, голова кружилась от стоявшей перед ними непосильной задачи, похожей на невероятное задание из сказки: отыскать частицу волшебства среди мерзости запустения.

Та же самая мысль, только иначе сформулированная, преследовала Кэла. Чем дальше, тем больше он сомневался в правильности своих воспоминаний. Может быть, грузчики упоминали вовсе не Гилкрайста? А может быть, они решили, что возможная выручка не стоит того, чтобы тащить сюда ковер.

Когда он завернул за угол, из-за стены мебели донесся царапающий звук.

— Сюзанна? — позвал он.

Слово вылетело и вернулось без ответа. Звук затих за спиной, но волна паники затопила Кэла, и он ускорил шаг, направляясь к следующей горе вещей. До нее оставалось ярдов пять, когда его взгляд упал на свернутый ковер, почти полностью заваленный полудюжиной

стульев и комодом с множеством ящиков. Ни на одном предмете не было ярлыка с ценой. Значит, это недавние, еще не рассортированные поступления.

Кэл опустился на колени и потянул ковер за край, собираясь рассмотреть узор. Край ковра был потертый, нитки старые, и, когда Кэл потянул, он услышал их треск. Но он увидел достаточно, чтобы убедиться: это ковер с Рю-стрит. Ковер, который Мими Лащенски оберегала всю жизнь, пока не умерла, защищая его. Ковер с Фугой.

Кэл поднялся на ноги и начал убирать стулья, не замечая приближающегося звука шагов за спиной.

3

Сюзанна сразу видела тень на полу. Она подняла глаза. Между двумя шкафами возникло лицо и тут же исчезло, прежде чем Сюзанна успела назвать имя. Мими! Это была Мими!

Сюзанна зашла за шкаф. Там не оказалось никого. Неужели она теряет рассудок? Сначала звон в голове, теперь галлюцинации?

Однако как бы они оказались здесь, если б не верили в чудеса? Сомнения утонули во внезапно поднявшейся волне надежды: вдруг мертвец все-таки может вырваться из невидимого мира и вернуться к живым.

Сюзанна негромко позвала бабушку по имени. И получила ответ. Не словами, а запахом лавандовой воды. Слева от нее, по тоннелю из привалившихся друг к другу чайных столов, покатился и остановился комок пыли. Сюзанна пошла к нему — точнее, к источнику дуновения, принесшему его сюда, — и запах становился сильнее с каждым шагом.

4

— Полагаю, эта вещь принадлежит мне, — прозвучал голос позади Кэла.

Он обернулся. В нескольких шагах от него стоял Шедуэлл. Пиджак Коммивояжера был расстегнут.

— Ну-ка отойди в сторонку, Муни, и дай мне забрать то, что мне принадлежит.

Кэл сожалел, что ему не хватило ума вооружиться. Сейчас он без колебаний ткнул бы Шедуэлла ножом прямо в блестящий глаз и считал бы себя героем. Но он явился сюда с пустыми руками. Придется обойтись без оружия.

Он сделал шаг в сторону Шедуэлла, но тут Коммивояжер отступил в сторону. У него за спиной стоял кто-то еще. Наверняка одна из сестричек или какой-нибудь из ублюдков.

Кэл не стал присматриваться, он развернулся и подхватил стул, лежавший поверх ковра. Его движение вызвало небольшую лавину: стулья посыпались на пол между ним и его врагом. Кэл швырнул один в неясную фигуру, занявшую место Шедуэлла. Поднял второй и отправил вслед за первым, но его мишень исчезла в мебельном лабиринте. Как и сам Шедуэлл.

Кэл развернулся и уперся спиной в шатающийся комод. И он преуспел: комод завалился назад, сбив по дороге еще несколько предметов мебели. Кэл надеялся, что грохот услышит Сюзанна. Он потянулся, чтобы забрать ковер, но одновременно с ним кто-то вцепился в ковер с другой стороны. Кэл изо всех сил дернул добычу к себе, и клочок ковра остался у него в руке, а сам он полетел на пол.

Он рухнул в кучу фотографий и картин в затейливых рамах, которые рассыпались и частично разбились. Кэл полежал немного среди осколков, чтобы отдышаться, но задохнулся снова, едва поднял глаза.

Из сумрака на него надвигался ублюдок.

— Вставай! — приказал он Кэлу.

Но Кэл не слышал его. Он не мог отвести взгляда от лица монстра. Чудовище походило на своего отца, но это не был потомок Элроя. Это был сын Кэла.

Кошмар, привидевшийся ему среди мусора и грязи, где он лежал и слушал колыбельную, оказался реальностью. Сестры сумели выжать его семя, и тварь с лицом Кэла служила тому подтверждением.

Сходство между ними было неполным. Голое тело ублюдка было полностью лишено волос и чудовищно искажено в некоторых местах: пальцы одной руки в два раза длиннее обычного, на другой — обрубки в полдюйма, а из лопаток выпирает что-то вроде деформированных крыльев. Должно быть, монстр был пародией на ангелов, которые привиделись Кэлу.

Тем не менее он больше походил на отца, чем все остальные твари. Глядя на его лицо, как на свое собственное, Кэл на миг остановился в сомнении.

Этого мига хватило, чтобы ублюдок начал действовать. Он кинулся на Кэла, вцепился ему в горло рукой с длинными пальцами. В его прикосновении не было ни намека на теплоту. Рот чудовища тянулся ко рту Кэла, чтобы вырвать дыхание жизни из его губ.

Ублюдок явно намеревался совершить отцеубийство, он держал родителя мертвой хваткой. Ноги Кэла подкосились, и ребенок дал ему упасть на колени, опустившись на пол вместе с ним. Кэл нащупал осколки стекла и сделал слабую попытку взять один из них, но между мыслью и делом лишился сил. Оружие выпало из его руки.

Где-то там, в потерянном мире воздуха и света, Кэл услышал смех Шедуэлла. Потом звук оборвался. Кэл глядел в собственное лицо, которое таращилось на него, будто из кривого зеркала. Вот его глаза, ему всегда нравился их цвет; вот рот — в детстве Кэл стеснялся его, считая слишком девчоночьим, но потом, когда того потребовали обстоятельства, научился мужественно сжимать губы и улыбаться (как ему говорили) заразительной улыбкой. Вот его уши, большие и оттопыренные, смешные уши при таком лице, обещавшем что-то более утонченное…

Возможно, большинство людей покидают сей мир с подобными банальными мыслями в голове. Но Кэлу это не подходит.

Когда он подумал про свои уши, его подхватил и повлек за собой поток.

X
Менструум

Сюзанна поняла, что это ошибка, за миг до того, как вошла в фойе бывшего кинотеатра. Она еще могла повернуть назад, но голос Мими звал внучку по имени, и, прежде чем разум заставил ее остановиться, Сюзанна перешагнула порог.

В фойе было темнее, чем на складе, но она видела размытый силуэт бабушки, застывший около заколоченной досками кассы.

— Мими! — позвала Сюзанна.

В голове мелькали противоречивые образы.

— Я здесь, — произнесла пожилая леди, раскрывая ей свои объятия.

Эти объятия тоже были ошибкой, но на этот раз ошибся ее враг. Мими при жизни не любила подобных нежностей, и Сюзанна не находила причин, по которым бабушкины привычки могли бы измениться после смерти.

— Ты не Мими, — сказала она.

— Я знаю, ты очень удивлена, — произнес в ответ призрак голосом тихим, как звук падающего перышка. — Но тебе нечего бояться.

— Кто ты?

— Ты знаешь, кто я, — последовал ответ.

Сюзанна не собиралась выслушивать эти лживые слова и повернулась к выходу. До двери оставалось ярда три, но они вдруг показались милями. Сюзанна попыталась сделать первый шаг на этом длинном пути, но звон в голове внезапно стал оглушительным.

Это существо явно пыталось задержать ее. Оно искало конфронтации, и избежать столкновения вряд ли удастся. Поэтому Сюзанна развернулась и присмотрелась.

Маска таяла, хотя в глазах за ней был не огонь, а ледяной холод. Сюзанна знала это лицо. Она сомневалась, что готова противостоять такой ярости, но ощутила странное воодушевление. Черты Мими окончательно испарились, и перед Сюзанной предстала Иммаколата.

— Моя сестра, — произнесла она, и воздух вокруг нее заплясал, — моя сестра Старая Карга заставила меня сыграть эту роль. Она увидела в твоем лице Мими. Она права? Ты дитя Мими?

— Внучка, — пробормотала Сюзанна.

— Дитя, — последовал уверенный ответ.

Сюзанна вглядывалась в лицо этой женщины, зачарованная зрелищем скрытого в ее чертах горя. Иммаколата вздрогнула от ее пристального взгляда.

— Как ты смеешь меня жалеть? — произнесла она, будто прочитала мысли Сюзанны, и в этот миг что-то слетело с ее лица.

Оно двигалось слишком быстро, и Сюзанна не успела разглядеть, что это. Ей хватило времени только на то, чтобы отскочить в сторону. Стена у нее за спиной вздрогнула, когда это врезалось в нее. В следующее мгновение с лица Иммаколаты слетел новый пучок света.

Сюзанна не испугалась. Демонстрация силы еще больше вдохновила ее. Пока новая молния двигалась своим путем, интуиция взяла верх над сдержанностью и рассудительностью, и Сюзанна протянула руку, словно хотела схватить этот свет.

Ей показалось, что она погрузила руку в ледяной поток. В этом потоке плыли бесчисленные рыбы, они преодолевали силу течения и спешили на нерест. Сюзанна сжала пальцы в кулак, захватила сверкающий поток и потянула.

Ее поступок имел три последствия. Первое: Иммаколата закричала. Второе: звон в голове внезапно затих. Третье: все, что почувствовала рука Сюзанны — холод, движение воды, косяки рыбы, — все это вдруг оказалось внутри нее. Ее тело сделалось потоком. Но не тело из плоти и костей, а некое другое, не материальное, а скорее мысленное и гораздо более древнее. В нападающей Иммаколате оно вдруг узнало себя и очнулось от сна.

Никогда прежде Сюзанна не ощущала себя такой цельной. На фоне этого чувства все прочие мечты — о счастье, об удовольствии, о власти — померкли.

Она снова посмотрела на Иммаколату, и ее новые глаза увидели не врага, а женщину, владеющую тем же потоком, что мчался по ее собственным венам. Женщину измученную и полную тоски, но все-таки очень похожую на саму Сюзанну.

— Это было глупо, — сказала инкантатрикс.

— Что именно? — спросила Сюзанна. Она так не считала.

— Лучше бы ты ничего не знала. Лучше бы никогда не пробовала силы менструума.

— Менструума?

— Теперь ты знаешь больше, чем хотела бы знать, чувствуешь больше, чем когда-либо мечтала почувствовать. — В голосе Иммаколаты слышалось нечто вроде сочувствия. — Так и начинается горе, — продолжала она. — И никогда не заканчивается. Поверь мне. Лучше бы тебе родиться и умереть чокнутой.

— Так, как умерла Мими? — спросила Сюзанна.

Ледяные глаза сверкнули.

— Она знала, какой опасности подвергается. В ней текла кровь ясновидцев, всегда свободная. И в тебе, благодаря твоей бабке, течет та же кровь.

— Ясновидцы? — Как много новых слов! — Это народ Фуги?

— Это народ покойников, — последовал ответ. — Не ищи у них ответов. Они скоро обратятся в прах. Пойдут тем же путем, каким идет все в этом вонючем Королевстве. Прах и посредственность. Мы еще увидим это. Ты одна. Как прежде она.

Это «мы» напомнило Сюзанне о Коммивояжере и о свойствах его пиджака.

— А Шедуэлл тоже из ясновидцев? — спросила она.

— Он? — Такая мысль явно была абсурдной. — Нет. У него только та сила, какую я ему подарила.

— Но зачем? — удивилась Сюзанна.

Она едва знала Иммаколату, но уже поняла, что с Шедуэллом они не пара.

— Он научил меня… — начала инкантатрикс, поднимая руку к лицу. — Он научил меня притворяться. — Она провела рукой по лицу, а когда убрала ладонь, Сюзанна увидела почти дружелюбную улыбку. — Тебе теперь это тоже понадобится.

— И поэтому ты стала его любовницей?

Ответ ее собеседницы немного походил на смех, но только немного.

— Любить я предоставляю Магдалене, моей сестре. У нее есть охота к этому. Спроси Муни…

Кэл. Сюзанна забыла про него.

— …если у него хватит духу ответить.

Сюзанна обернулась на дверь.

— Иди, — сказала Иммаколата, — поищи его. Я не буду тебя останавливать.

Менструум, яркий свет внутри Сюзанны, знал она говорит правду. Этот поток объединял обеих женщин каким-то удивительным способом, о котором Сюзанна и не подозревала.

— Битва уже проиграна, сестра, — пробормотала Иммаколата, когда Сюзанна подошла к порогу. — Пока ты удовлетворяла свое любопытство, Фуга досталась нам.

Сюзанна вернулась на склад, впервые ощутив страх. Не за себя, а за Кэла. Она прокричала во тьму его имя.

— Слишком поздно, — произнесла женщина у нее за спиной.

— Кэл!

Ответа не было. Сюзанна отправилась искать его, время от времени окликая по имени; ее тревога усиливалась с каждым новым безответным криком Это место походило на лабиринт, она дважды оказывалась там, откуда начинала поиски.

Ее внимание привлек блеск битого стекла, а затем она увидела лежащего лицом вверх Кэла. Прежде чем подойти и дотронуться до него, Сюзанна ощутила всю глубину его неподвижности.

«Он был слишком несговорчив, — сообщил ей менструум. — Ты же знаешь, какими бывают эти чокнутые».

Она отринула эти мысли. Они принадлежали не ей.

«Не умирай!»

Вот это ее мысль. Она появилась, когда Сюзанна опустилась на колени рядом с Кэлом и обратилась к безмолвному телу:

— Прошу тебя, ради бога, не умирай!

Она боялась прикоснуться к нему и обнаружить самое худшее. Она понимала, что никто, кроме нее самой, не может сейчас прийти ему на помощь. Кэл лежал лицом вверх, с закрытыми глазами и открытым ртом, откуда вытекала струйка кровавой слюны. Рука Сюзанны инстинктивно потянулась к его волосам, словно она собиралась погладить его и разбудить, однако привычный прагматизм еще не покинул ее, и вместо волос пальцы нащупали пульс на шее. Совсем слабый.

«Так и начинается горе», — сказала ей Иммаколата всего пару минут назад. Знала ли она, что Кэл уже на полпути к смерти?

Конечно же, знала. Знала и приветствовала горе, ожидавшее Сюзанну. Она хотела, чтобы радость от обретения менструума была подпорчена таким открытием; чтобы они сделались сестрами по несчастью.

Эти мысли отвлекли Сюзанну, но она снова сосредоточилась на Кэле и обнаружила, что ее рука опять гладит его по голове. Зачем она это делает? Кэл — не спящий ребенок. Он ранен, ему нужна действенная помощь. Но пока она упрекала себя, менструум начал подниматься из нижней части ее живота, затопляя внутренности, легкие, сердце, и без всяких осознанных указаний стекал по рукам вниз, к Кэлу. Прежде равнодушный к ранениям человека («Ты же знаешь, какими бывают эти чокнутые!»), поток вдруг очистился под

влиянием ее гнева или, может быть, печали. Теперь Сюзанна чувствовала, что силы менструума наполнены ее желанием разбудить Кэла, исцелить его, проникая через ее ладони внутрь его невосприимчивой головы.

Ощущение было одновременно невероятное и совершенно естественное. Когда в самый последний миг поток остановился, словно передумал, она заставила его двигаться дальше. И менструум послушался, хлынул в Кэла. Сюзанна осознала, что может управлять им, и ее захлестнула радость. Затем пришла боль потери, когда неподвижное тело впитало в себя поток.

Кэл жадно поглощал целительный свет. Руки Сюзанны подрагивали, пока менструум вытекал из нее, а в голове дюжиной сирен опять взревела та чужеродная мелодия. Сюзанна пыталась оторвать руку от головы Кэла, но мышцы не слушались. Менструум захватил власть над ее телом. Она поспешила с выводом, что потоком легко управлять. Он намеренно ослаблял себя, а теперь показал свою силу.

Сюзанна уже теряла сознание, когда менструум решил, что хватит, и отпустил ее. Течение резко оборвалось. Сюзанна поднесла трясущиеся руки к лицу. На пальцах остался запах Кэла. Пение в голове постепенно стихало. Слабость отступала.

— Ты в порядке? — спросил ее Кэл.

Она уронила руки и посмотрела на него. Он поднимался с пола, проверяя свой разбитый рот.

— Вроде бы да, — ответила она. — А ты?

— Со мной все будет нормально, — отозвался он. — Не знаю, что здесь произошло… — Кэл не договорил, потому что память возвращалась к нему. На лице его отразилась тревога. — Ковер…

Он вскочил на ноги, озираясь по сторонам.

— Я держал его в руках, — воскликнул он. — Боже мой, ведь я держал его в руках!

— Они забрали его! — сказала Сюзанна.

Его лицо исказилось, словно он готов был заплакать, как подумала Сюзанна. Но на самом деле это была ярость.

— Чертов Шедуэлл! — выкрикнул Кэл, сметая сваленные на комоде настольные лампы. — Я прикончу его! Клянусь…

Сюзанна встала на ноги, все еще ощущая головокружение, и ее взгляд наткнулся на что-то среди осколков стекла на полу. Она снова опустилась и разгребла осколки. Там лежал обрывок ковра.

— Они получили ковер не полностью, — сказала она, протягивая находку Кэлу.

Гневное выражение его лица изменилось. Он взял обрывок почти с благоговением и внимательно рассмотрел его. В узоре этого лоскутка сплеталось с полдюжины мотивов, хотя Кэл не понимал заключенного в них смысла.

Сюзанна наблюдала за ним. Он держал обрывок ковра так осторожно, словно боялся причинить ему боль. Потом он громко чихнул и вытер нос тыльной стороной ладони.

— Чертов Шедуэлл, — повторил он, но уже мягко, без гнева.

— И что нам теперь делать? — спросила Сюзанна.

Кэл посмотрел на нее. Теперь в его глазах стояли слезы.

— Выбираться отсюда, — ответил он. — Посмотрим, что подскажут небеса.

— Что?

Кэл улыбнулся.

— Извини, — сказал он. — Должно быть, это заговорил Безумный Муни.

Часть третья
Изгнанники

Скитаясь между двух миров: одним, умершим,

И вторым, бессильным народиться.
Мэтью Арнольд. Великий картезианец

I
У реки

Они потерпели сокрушительное поражение. Коммивояжер вырвал ковер прямо из рук Кэла. Но хотя праздновать им нечего, они все-таки уцелели. Может быть, именно этот простой факт вызвал у Кэла душевный подъем, когда они вышли из склада на теплый воздух?

Там пахло Мерси: илом и солью. И именно туда, по настоянию Сюзанны, они сейчас направлялись. Они прошли, не произнеся ни слова, по Джамайка-стрит до Док-роуд, затем зашагали вдоль высокой черной стены, огораживающей доки, пока не обнаружили ворота, через которые можно выйти к верфям. Вокруг было пустынно. Прошло много лет с тех пор, когда последний большой корабль заходил сюда на разгрузку. Они брели через призрачный городок заброшенных мастерских. Взгляд Кэла то и дело скользил в сторону, на лицо идущей рядом женщины. Он чувствовал, что с ней произошла некая перемена, появилась какая-то тайна, и он не мог подобрать к этому ключ.

Зато поэту было что сказать.

«Разучился говорить, сынок? — съехидничал он в голове Кэла. — Она странная штучка, верно?»

Конечно же так оно и было. Когда Кэл впервые увидел девушку у подножия лестницы, она показалась ему не от мира сего. Это их и объединяло. В них жила одинаковая целеустремленность, и ее подогревал невысказанный страх потерять след тайны, о которой они так долго мечтали. Или же Кэл обманывал себя, отыскивая в лице Сюзанны следы собственной жизни? Может быть, лишь страстное желание найти союзника заставляет его видеть сходство между ними?

Сюзанна всматривалась в реку, и змейки солнечного света, отражавшегося от воды, пробегали по ее лицу. Кэл знал ее всего одну ночь и один день, но она пробуждала в нем те же противоречивые чувства: неловкость и полный покой, ощущение чего-то знакомого и одновременно неведомого, — какие он испытал при первом взгляде на Фугу.

Кэл хотел сказать ей и об этом, и о многом другом, если бы только мог подобрать слова.

Но первой заговорила Сюзанна.

— Я видела Иммаколату, — сообщила она, — пока ты сражался с Шедуэллом…

— Да?

— И я не знаю, как описать то, что произошло…

Она начала рассказ, запинаясь и не сводя глаз с реки, как будто завороженная ее течением. Кэл с трудом, но понимал, о чем она говорила. Значит, Мими была из ясновидцев, обитателей Фуги, и Сюзанна, ее внучка, по крови тоже принадлежит к этому народу. Но когда речь зашла о менструуме, о силе, перешедшей к ней или по наследству, или как зараза, или то и другое вместе, он совершенно перестал понимать, о чем она толкует. К тому же речь Сюзанны сделалась невнятной, как во сне, и, глядя на нее, мучительно подбирающую нужные слова, Кэл заговорил сам.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Сюзанна умолкла. Она больше не пыталась описать поток менструума, а полностью отдалась ритму волн, плещущих о верфь.

Кэл не понял, услышала ли она его. Она не двигалась и не отвечала.

Наконец она просто произнесла его имя.

Кэл неожиданно ощутил себя полным дураком. Она не хотела выслушивать признаний в любви, ее мысли блуждали где-то далеко. Возможно, в мире Фуги. После откровений этого дня у нее было гораздо больше прав находиться там, чем у него.

— Прости, — пробормотал он, пытаясь прикрыть неловкость другими словами. — Не знаю, зачем я сказал это. Забудь.

Его оправдания вывели Сюзанну из транса. Она отвлеклась от созерцания реки и взглянула ему в лицо. В глазах ее застыла боль, как будто ей было тяжело отрывать взор от сверкающей воды.

— Не говори так, — сказала Сюзанна. — Никогда не говори так.

Она шагнула к нему, обхватила его руками и крепко обняла. Он тоже обнял ее в ответ. Она жарко дышала ему в шею, ставшую влажной от слез, не от поцелуев. Они не говорили ничего, просто замерли на несколько минут, и река бежала рядом.

Потом Кэл произнес:

— Может быть, пойдем домой?

Сюзанна отступила на шаг и посмотрела на Кэла, словно изучала его лицо.

— Все уже закончилось или только начинается? — спросила она.

Он покачал головой.

Она снова бросила быстрый взгляд на реку. Но прежде чем живой поток успел захватить над ней власть, Кэл взял ее за руку и повел обратно, в мир кирпича и бетона.

II
Пробуждение в темноте

Сквозь сумерки, выдававшие приближение осени, они вернулись на Чериот-стрит. Там они поискали на кухне, чем успокоить бурчащие от голода животы, поели и поднялись в комнату Кэла, прихватив с собой купленную на обратном пути бутылку виски. Они собирались обсудить план ближайших действий, однако у них ничего не получилось. Усталость и неловкость, вызванная сценой на берегу реки, заставляли тщательно подбирать слова, они кружили на одном месте, но озарение не приходило. Никто не знал, что делать дальше.

После сегодняшней переделки у них осталась единственная добыча — фрагмент ковра. Но он ничем не мог им помочь.

Диалог становился все более неуверенным, незавершенные фразы сменялись долгими паузами.

Около одиннадцати вернулся Брендан, поприветствовал Кэла снизу и отправился спать. Его приход встревожил Сюзанну.

— Мне пора идти, — сказала она. — Уже поздно.

Кэл представил себе пустую комнату без нее, и у него упало сердце.

— Почему бы тебе не остаться? — спросил он.

— Кровать маленькая, — ответила она.

— Зато удобная.

Она провела рукой по его лицу, дотронулась до синяка вокруг рта.

— Мы не должны становиться любовниками, — сказала она тихо. — Мы слишком похожи друг на друга.

Это было грубо, и слышать это было больно. Однако в тот самый миг, когда мечты о сексе испарились, Кэл ощутил, как окрепла иная, куда более важная надежда. В этом деле они принадлежат друг другу, она, дитя Фуги, и он, случайно вторгшийся в чудесный мир. Вместо короткого удовольствия от занятий любовью он получал удивительное приключение и понимал, несмотря на протесты своего члена, что сделал правильный выбор.

— Тогда давай спать, — сказал он. — Если ты хочешь остаться.

Она улыбнулась.

— Я хочу остаться, — сказала она.

Они стянули с себя грязную одежду и нырнули под одеяло. Сон сморил их раньше, чем успела остыть лампа.

* * *

И они не просто уснули. Им кое-что снилось. Точнее, им снился один и тот же, вполне определенный сон.

Им снился звук. Планета пчел, от громогласного жужжания которых едва не рвались напитанные медом сердца; этот нарастающий гул был музыкой лета.

Им снился запах. Множество запахов: улицы после дождя, выдохшихся духов, ветра, дующего из теплых краев.

Но главное — им снились образы.

Началось все с узора: переплетение бесчисленных нитей, окрашенных в сотни оттенков, дышало такой энергией, так слепило, что сновидцам пришлось закрыть глаза своего воображения.

А затем, как будто узор из гордости решил изменить нынешний порядок вещей, узелки начали развязываться и распадаться. Цвета каждого фрагмента растворялись в воздухе, пока взгляд не потонул в вареве пигментов, где распустившиеся нити провозглашали свободу линиями, запятыми и точками, похожими на мазки кисти мастера каллиграфии. Сначала значки казались совершенно беспорядочными, но по мере того, как каждый из них втягивал в себя цвет и поверх него ложились все новые и новые мазки, становилось очевидно: из хаоса методично рождаются некие формы.

Там, где мгновение назад были лишь уток и основа, из потока возникли очертания пятерых совершенно разных людей, и невидимый художник с безумной скоростью продолжал добавлять детали в их портреты.

Голоса пчел зазвучали громче, выпевая в головах спящих имена появившихся незнакомцев.

Первой из квинтета появилась молодая женщина в длинном темном платье. Ее маленькое личико было бледным, закрытые глаза обрамлены рыжеватыми ресницами. Это, сказали пчелы, Лилия Пеллиция.

Словно пробудившись от звука своего имени, Лилия открыла глаза.

Как только она сделала это, вперед выдвинулся круглый бородатый человек лет пятидесяти в накинутом на плечи пальто и широкополой шляпе. Это Фредерик Каммелл, сообщили пчелы, и глаза за круглыми линзами очков размером с монету открылись. Его рука тотчас потянулась к шляпе, он снял ее, обнажив голову с тщательно подстриженными и набриолиненными волосами.

— Ага, — произнес он и улыбнулся.

Вслед за ним возникли еще трое. Одна из них, нетерпеливо стремившаяся высвободиться из мира красок, уже готовилась к пробуждению. (Куда делось, думали спящие, то буйство красок, какими изначально сверкали нити? Куда спрятались цвета и оттенки под этим траурным одеянием, неужели в нижние юбки попугайской расцветки?) Кислая физиономия третьей гостьи не позволяла заподозрить ее в подобных вольностях.

Апполин Дюбуа, объявили пчелы, и женщина открыла глаза. Усмешка, на миг мелькнувшая на ее лице, обнажила зубы цвета старой слоновой кости.

Последние участники собрания явились вместе. Один из них был негром, чьи тонкие черты даже во сне дышали печалью. Второй — голый младенец на руках первого — пускал слюни на рубаху своего покровителя.

Джерико Сент-Луис, сказали пчелы, и негр открыл глаза. Он тотчас посмотрел на младенца, захныкавшего раньше, чем было произнесено его имя.

Нимрод, назвали его пчелы, и, хотя младенцу, судя по всему, не исполнилось и года, он уже знал два слога своего имени. Он поднял веки, за которыми скрывались глаза ясного золотистого оттенка.

С его пробуждением процесс завершился. Все краски, пчелы и нити исчезли, в комнате Кэла остались пятеро незнакомцев.

Первой заговорила Апполин Дюбуа.

— Так не должно быть, — заявила она, подходя к окну и отдергивая занавески. — Куда мы, черт возьми, угодили?

— И где все остальные? — спросил Фредерик Каммелл.

Он заметил зеркало на стене и принялся изучать в нем свое отражение. Фыркнул, достал из кармана ножницы и стал подстригать какие-то слишком сильно отросшие волоски на щеках.

— Хороший вопрос, — отозвался Джерико. Затем спросил, обращаясь к Апполин: — И как там снаружи?

— Пустынно, — ответила женщина. — Глубокая ночь. И…

— Что?

— Посмотри сам, — сказала она, шумно втягивая слюну между обломков зубов, — чего-то там не хватает. — Она отвернулась от окна. — Все не такое, каким должно быть.

Место Апполин у окна заняла Лилия Пеллиция.

— Она права, — согласилась девушка. — Все совсем не такое.

— И почему здесь только мы? — снова спросил Фредерик. — Вот самый главный вопрос.

— Что-то произошло, — сказала Лилия негромко. — Что-то ужасное.

— Вне всякого сомнения, ты это чуешь нутром, — вставила Апполин. — Как и всегда.

— Ведите себя прилично, мисс Дюбуа. — призвал Фредерик со страдальческим, как у школьного учителя, выражением лица.

— Не смей называть меня «мисс»! — воскликнула Апполин. — Я замужняя дама.

Погруженные в сон, Кэл с Сюзанной прислушивались к перепалке и забавлялись тем, какую чепуху производит воображение. Однако, несмотря на странность этих людей, на их допотопные одеяния, имена и нелепые разговоры, они все равно казались удивительно реальными. Каждая деталь была совершенно отчетливой. И, словно желая еще сильнее смутить спящих, человек по имени Джерико посмотрел на постель и сказал:

— Может быть, они смогут нам что-то объяснить.

Лилия уставилась на спящую парочку своими светлыми глазами.

— Надо их разбудить, — сказала она и протянула руку, чтобы сделать задуманное.

«Так это не сон!» — догадалась Сюзанна, когда рука Лилии приблизилась к ее плечу.

Она почувствовала, что просыпается, и открыла глаза, как только пальцы девушки коснулись ее.

Занавески были отдернуты, как и представлялось во сне. Уличные фонари заливали светом маленькую комнату. Посреди нее, внимательно глядя на кровать, стояли пятеро. Сон претворился в реальность. Сюзанна села. Простыня соскользнула, и Джерико с младенцем Нимродом уставились на ее грудь. Она подтянула простыню к шее, раскрыв таким образом Кэла. Холодный воздух потревожил его. Он взглянул на Сюзанну широко раскрытыми глазами.

— Что происходит? — спросил он хриплым со сна голосом.

— Проснись, — сказала она. — У нас гости.

— Мне снился такой сон… — пробормотал он. Затем переспросил: — Гости? — Поднял на нее глаза, проследил за ее взглядом. — О господи…

Младенец на руках Джерико засмеялся, указывая пухлым пальчиком на поднявший голову член Кэла. Тот схватил подушку и прикрылся.

— Это что, одна из шуточек Шедуэлла? — шепотом спросил он.

— Я так не думаю, — ответила Сюзанна.

— Кто такой Шедуэлл? — хотела знать Апполин.

— Еще один чокнутый, надо полагать, — вставил Фредерик.

Он держал наготове ножницы на случай, если эти двое проявят враждебность.

При слове «чокнутый» Сюзанна начала кое-что понимать. Первой его употребила Иммаколата, имея в виду представителей рода людского.

— Фуга… — произнесла Сюзанна.

Стоило ей сказать это, как все глаза устремились на нее, и Джерико спросил:

— Что ты знаешь о Фуге?

— Не слишком много, — ответила она.

— Ты знаешь, где находятся остальные? — спросил Фредерик.

— Какие остальные?

— И наша земля? — добавила Лилия. — Где вообще все?

Кэл оторвал взгляд от квинтета и посмотрел на стол рядом с кроватью, куда перед сном положил фрагмент Сотканного мира. Он исчез.

— Они вышли из клочка ковра, — сообщил он, не вполне веря собственным словам.

— Именно это мне и снилось.

— Мне тоже это снилось, — сказала Сюзанна.

— Из клочка ковра? — переспросил Фредерик в ужасе. — Вы хотите сказать, что нас разлучили с остальными?

— Да, — ответил Кэл.

— Так где же они? — спросила Апполин. — Отведите нас туда.

— Мы не знаем, где они теперь, — признался Кэл. — Шедуэлл унес ковер.

— Будь прокляты эти чокнутые! — взорвалась дама. — Нельзя верить никому из них. Вечные уловки и надувательство!

— Он действует не один, — сказала Сюзанна. — Он вместе с одной из вас.

— Сомневаюсь, — покачал головой Фредерик.

— Но это правда. С Иммаколатой.

При звуке этого имени Фредерик и Джерико вскрикнули от ужаса. Апполин, хоть и замужняя дама, просто плюнула на пол.

— Разве сучку еще не вздернули? — поинтересовалась она.

— Дважды, я знаю совершенно точно, — ответил Джерико.

— Она воспринимает это как комплимент, — заметила Лилия.

Кэл передернул плечами. Он замерз и устал, он хотел видеть сны о залитых солнцем холмах и блестящих реках, а не траурные лица, искаженные злостью и подозрением. Не обращая внимания на их взгляды, он отбросил в сторону подушку, подошел к куче одежды на полу и стал натягивать рубашку и джинсы.

— А где же тогда хранители? — спросил Фредерик, обращаясь ко всем собравшимся. — Кто-нибудь знает?

— Моя бабушка… — начала Сюзанна. — Мими…

— Да? — нетерпеливо произнес Фредерик. — Где же она?

— Боюсь, она умерла.

— Но есть и другие хранители, — сказала Лилия, заразившись нетерпеливостью Фредерика. — Где они?

— Этого я не знаю.

— Ты права, — произнес Джерико с видом почти трагическим. — Произошло что-то ужасное.

Лилия вернулась к окну и распахнула его.

— Ты сможешь их почуять? — спросил ее Фредерик. — Они где-то рядом?

Лилия отрицательно покачала головой.

— Воздух воняет, — сказала она. — Это не прежнее Королевство. Здесь холодно. Холодно и грязно.

Кэл, уже успевший одеться, протолкнулся между Фредериком и Апполин и взял бутылку виски.

— Хочешь глотнуть? — спросил он Сюзанну.

Она покачала головой. Он налил себе щедрую порцию и выпил.

— Мы должны разыскать этого вашего Шедуэлла, — заявил Сюзанне Джерико, — и забрать у него Сотканный мир.

— К чему такая спешка? — воскликнула Апполин с какой-то нездоровой беззаботностью. Она придвинулась к Кэлу. — Ничего, если я присоединюсь?

Он с неохотой протянул ей бутылку.

— Что ты хочешь сказать? «К чему такая спешка»! — возмутился Фредерик. — Мы проснулись не пойми где, совершенно одни…

— Мы не одни, — возразила Апполин, отхлебывая виски. — Мы нашли друзей. — Она одарила Кэла кривоватой улыбкой. — Как тебя зовут, милый?

— Кэлхоун.

— А ее?

— Сюзанна.

— Я Апполин. Это Фредерик.

Каммелл отвесил официальный поклон.

— Там стоит Лилия Пеллиция, а этот младенец ее брат, Нимрод…

— А я Джерико.

— Итак, — провозгласила Апполин, — мы теперь друзья, верно? Нам вовсе не нужны все остальные. Пусть себе гниют.

— Они наши соотечественники, — напомнил ей Джерико. — Они нуждаются в помощи.

— И поэтому они оставили нас в Кайме? — невесело съехидничала она, снова поднося к губам бутылку с виски. — Нет уж. Они оставили нас там, где мы могли погибнуть, и не пытайтесь найти в этом какой-то высший смысл. Мы для них грязь. Разбойники, негодяи и бог знает кто еще! — Она посмотрела на Кэла. — Да, да. Ты попал в воровскую шайку. Мы — их позор. Каждый из нас. — Затем Апполин обратилась к своим товарищам. — Это даже лучше, что мы разделились. Сможем хорошо повеселиться.

Кэлу показалось, что он заметил всполохи разноцветных красок, промелькнувшие в складках ее вдовьего одеяния, пока она говорила.

— Перед нами целый мир, — продолжала она. — Он наш, будем им наслаждаться.

— Все равно, потерялись так потерялись, — настаивал Джерико.

Апполин в ответ лишь яростно засопела.

— Он прав, — сказал Фредерик. — Без Сотканного мира мы изгнанники. Ты же знаешь, как сильно ненавидят нас чокнутые. Всегда ненавидели. Всегда будут ненавидеть.

— Проклятые дураки, — отозвалась Апполин и вернулась к окну, прихватив с собой виски.

— Мы тут несколько отстали от жизни. — Фредерик повернулся к Кэлу. — Может, вы скажете нам, какой теперь год? Девятьсот десятый? Одиннадцатый?

Кэл засмеялся.

— Накинь еще лет семьдесят, — предложил он.

Фредерик заметно побледнел и отвернулся к стене. Лилия испустила болезненный крик, словно ее ударили. Она задрожала и присела на край кровати.

— Восемьдесят лет… — пробормотал Джерико.

— Почему они так долго ждали? — спросил Фредди, обращаясь к притихшей комнате. — Что случилось, из-за чего им пришлось так долго ждать?

— Прошу вас, прекратите сыпать загадками, — перебила его Сюзанна, — и объяснитесь.

— Мы не можем, — сказал Фредди. — Ты не ясновидец.

— Только не говори глупостей, — отрезала Апполин. — Кому от этого будет вред?

— Расскажи им, Лилия, — попросил Джерико.

— Я протестую, — заявил Фредди.

— Расскажи им столько, сколько они должны знать, — нашла выход Апполин. — Если рассказывать все, ты не закончишь до Судного дня.

Лилия вздохнула.

— Почему я? — спросила она, все еще дрожа. — Почему это я должна рассказывать?

— Потому что ты самая лучшая лгунья, — произнес Джерико с натянутой улыбкой. — У тебя все получится убедительно.

Она бросила на него мрачный взгляд.

— Ладно, — согласилась она и начала рассказывать.

III
Что она рассказала

— Мы не всегда были потерянными, — начала она. — Когда-то мы жили в саду.

Всего две фразы, а Апполин уже перебила.

— Это просто сказка, — сообщила она Кэлу и Сюзанне.

— Так дай ей рассказать, черт тебя подери! — возмутился Джерико.

— Ничему не верьте, — стояла на своем Апполин. — Эта женщина не узнала бы правду, даже если бы та трахнула ее!

В ответ Лилия только показала ей язык и продолжила с того места, где остановилась.

— Это было в саду, — сказала она. — Вот оттуда и происходят семейства.

— Что за семейства? — спросил Кэл.

— Четыре ветви ясновидцев: Ло, Йе-ме, Айя и Бабу. Те семейства, потомками которых мы являемся. Конечно, кое-кто из нас сбивался с пути, — продолжала она, бросив колючий взгляд на Апполин, — но все мы ведем происхождение от одного из четырех семейств. Мы с Нимродом из рода Йе-ме. Наша ветвь соткала ковер.

— И посмотрите, куда это завело, — пробурчал Каммелл. — Хорошенькую службу сослужила нам вера в ткачей. Ловкие пальцы и блуждающие умы. Вот Айя, мой род, владеет настоящим мастерством и знает толк во всем.

— А ты кто? — спросил Кэл Апполин, протягивая руку и забирая у нее бутылку. Там осталось не больше пары глотков.

— Моя мать происходит из Айя, — ответила Апполин. — Вот откуда у меня певучий голос. Что касается моего отца, никто не знает толком, кто он. Он умел творить чары в танце, мой отец…

— Когда бывал трезв, — вставил Фредди.

— Что ты вообще понимаешь? — сморщилась Апполин. — Ты никогда не встречался с моим отцом.

— Зато твоей матери хватило одного раза, — немедленно огрызнулся Фредди.

Младенец громогласно захохотал, хотя для этой шутки был явно маловат.

— Все равно, — сказала Апполин. — Он танцевал, а это значит, в нем было что-то от Ло.

— И от Бабу тоже, судя по тому, как ты говоришь, — заметила Лилия.

Тут в беседу вмешался Джерико.

— Я из семейства Бабу, — заявил он. — И по-моему, дыхание — слишком ценная штука, чтобы растрачивать его впустую.

Дыхание. Танцы. Музыка. Ковры. Кэл постарался запомнить и соотнести эти навыки с названиями семейств, но это было не легче, чем запомнить всех членов клана Келлуэев.

— Суть в том, — продолжала Лилия, — что семейства обладают умениями, каких нет у представителей рода человеческого. Эти силы вы считаете чудесными. А для нас они не более удивительны, чем то, что трава растет. Это лишь способы существования и познания.

— Магические чары? — уточнил Кэл. — Вы так это называете?

— Именно, — подтвердила Лилия. — И мы владеем ими изначально. Мы не задумывались о них. По крайней мере, пока не попали в Королевство. Тогда мы поняли, что ваши люди любят придумывать законы. Любят все определять и устанавливать порядки, что хорошо, а что плохо. А мир, поскольку он вас любит и не хочет разочаровать или обескуражить, потакает вам. Подстраивается, как будто ваши доктрины являются неким абсолютом.

— Это спорная метафизика, — пробормотал Фредди.

— Законы Королевства суть законы чокнутых, — говорила Лилия. — Так сказано в одном из постулатов Капры.

— Капра ошибался, — тотчас ответил Фредди.

— Очень редко, — возразила Лилия. — И не в этот раз. Мир ведет себя так, как предпочитают думать о нем чокнутые. Без снисхождения. Это считается доказанным. До тех пор, пока у кого-то не появится идея получше…

— Погоди минутку, — попросила Сюзанна. — Так вы хотите сказать, что земля каким-то образом прислушивается к нам?

— Таково мнение Капры.

— А кто этот Капра?

— Великий мудрец…

— Или мудрая женщина, — уточнила Апполин.

— Которая жила когда-то, а может быть, и нет, — подхватил Фредди.

— Но даже если Капры никогда не было, — сказала Апполин, — все равно есть что сказать за нее.

— Этот ответ ничего не значит, — заметила Сюзанна.

— Вот вам и Капра, — произнес Каммелл.

— Продолжай, Лилия, — попросил Кэл. — Расскажи историю до конца.

И Лилия заговорила снова.

— Итак, есть вы, человечество, со всеми вашими законами, ограничениями и со всей вашей безграничной завистью. А есть мы, семейства ясновидцев. Мы отличаемся от вас, как день от ночи.

— Ну, не так сильно, — заметил Джерико. — Мы же когда-то жили среди них, вспомни-ка.

— И с нами обращались как с грязью, — ответила Лилия запальчиво.

— Верно, — согласился Джерико.

— Наши способности, — продолжала Лилия, — вы, чокнутые, именуете магией. Некоторые из вас и сами хотели бы обладать ими. Некоторые боялись их. И лишь немногие любили нас за наши таланты. Города тогда были маленькими, как вы, наверное, знаете. В них было трудно спрятаться. Поэтому мы уходили. Уходили в леса и холмы, где, как нам казалось, мы будем в безопасности.

— Но среди нас, между прочим, были и те, кто никогда не якшался с чокнутыми, — напомнил Фредди. — Особенно среди Айя. Поскольку нам нечего им продать, нет смысла мучиться среди чокнутых. Лучше жить на воле среди зеленых лугов.

— Это просто лицемерие, — сказал Джерико. — Вы любите города точно так же, как и все мы.

— Верно, — признал Фредди. — Мне нравится жить среди каменных построек, но я завидую пастуху…

— Его одиночеству или его близости к овцам?

— Его незатейливым радостям, кретин! — отрезал Фредди. Затем добавил, обращаясь к Сюзанне: — Сударыня, вы должны понять, что я не имею ничего общего с этими людьми. Честное слово, не имею! Он, — Фредди ткнул пальцем в сторону Джерико, — убежденный вор. Она, — палец устремился на Апполин, — держала бордель. А эти, — он указал на Лилию, — и она, и ее братец причинили немало горя…

— Ребенок? — изумилась Лилия, взглянув на младенца. — Как ты можешь обвинять невинного…

— Хватит вешать нам лапшу на уши! — возмутился Фредди. — Пусть твой братец и выглядит как грудной младенец, но мы-то всё знаем. Вы оба притворщики. Иначе с чего бы вы оказались в Кайме?

— Я могу задать тебе тот же вопрос, — огрызнулась Лилия.

— Я стал жертвой заговора! — запротестовал Фредди. — Мои руки абсолютно чисты.

— Никогда не доверяла людям с чистыми руками, — пробормотала Апполин.

— Шлюха! — выпалил Фредди.

— Скотина! — ответила она, и перепалка зашла в тупик.

Кэл и Сюзанна недоверчиво переглянулись. Совершенно очевидно, что эти люди не испытывают друг к другу никакой любви.

— Так вот… — произнесла Сюзанна. — Вы рассказывали нам о том, как прятались среди холмов.

— Мы не прятались, — покачал головой Джерико. — Мы жили невидимо.

— А разве есть какая-то разница? — спросил Кэл.

— О, несомненно. Некоторые места, священные для нас, большинство чокнутых не увидит, даже вплотную приблизившись к ним…

— И к тому же мы зачаровывали людей, — добавила Лилия, — если кто-то из них оказывался слишком близко.

— Что происходило время от времени, — подхватил Джерико. — Некоторые проявляли любопытство. Болтались по лесам, выискивая наши следы.

— Так, значит, они знали, кто вы? — спросила Сюзанна.

— Нет, — ответила Апполин. Она сбросила со стула кучу одежды и оседлала его. — Нет, все, что они знали, это сплошные слухи и глупые домыслы. Как нас только не называли! Тенями и сказочными существами. Всякую ерунду выдумывали. Лишь немногие на самом деле видели нас близко. Но только потому, что мы позволили им.

— Кроме того, нас было не так уж много, — вставила Лилия. — Мы никогда не отличались плодовитостью. Никогда не испытывали особой тяги к совокуплению.

— Говори за себя, — бросила Апполин и подмигнула Кэлу.

— В общем, нас редко замечали, и, как сказала Апполин, если мы шли на контакт, то только по своим причинам. Например, если кто-то из вашего рода обладал умениями, из которых мы могли извлечь пользу. Коннозаводчики, виноторговцы… Тем не менее столетия шли, и вы делались все более опасными.

— Верно, — подтвердил Джерико.

— Все связи, какие были между нами, обратились в ничто. Мы предоставили вам вести жизнь, исполненную кровопролития и зависти…

— Почему вы постоянно говорите о зависти? — спросил Кэл.

— Так ведь именно из-за нее о вас идет дурная слава, — сказал Фредди. — Вы вечно стремитесь заполучить то, что вам не принадлежит.

— Ну а вы-то, конечно, совершенные существа? — спросил Кэл. Его уже достали бесконечные упреки в адрес чокнутых.

— Если бы мы были совершенны, — сказал Джерико, — мы были бы невидимы.

Его ответ ужасно расстроил Кэла.

— Нет, мы не совершенны. Мы из плоти и крови, как и вы, — продолжал Джерико. — Но нас это не печалит. А вот вы… вы, видимо, ощущаете трагичность своего положения. Или же вам кажется, что вы живете неполной жизнью.

— Почему же моей бабушке доверили заботу о ковре? — спросила Сюзанна. — Она ведь из чокнутых.

— Не употребляй это слово, — попросил Кэл. — Она была человеком.

— Она была полукровкой, — поправила его Апполин. — Ясновидцем по матери и чокнутой по отцу. Я встречалась с ней пару раз. У нас с ней, видишь ли, было кое-что общее. Смешанные браки. Ее первый муж был ясновидцем, а мой — из племени чокнутых.

— Но она стала одним из хранителей. Единственная женщина и, если я правильно помню, единственная, в ком текла человеческая кровь.

— Нам был нужен хотя бы один хранитель, знающий Королевство и не привлекающий к себе внимания. Мы надеялись, что так нас перестанут замечать, а потом забудут.

— И все это только ради того, чтобы скрыться от человечества? — спросила Сюзанна.

— О нет, — ответил Фредди. — Мы могли бы жить, как жили, на окраинах Королевства… но обстоятельства изменились.

— Я и не помню, в каком году это началось… — произнесла Апполин.

— В тысяча восемьсот девяносто шестом, — подсказала Лилия. — Это был тысяча

восемьсот девяносто шестой, год начала бедствий.

— А что случилось? — спросил Кэл.

— До сих пор никто не понимает. Нечто возникло вдруг из ниоткуда Существо, обуреваемое одним-единственным желанием: сжить нас со света.

— И что это за существо?

Лилия пожала плечами:

— Ни один из тех, кто столкнулся с ним лицом к лицу, не уцелел.

— Это человек? — спросил Кэл.

— Нет. Люди слепы, а оно нет. Оно умело вынюхивать нас. Даже самые изощренные чары не могли обмануть его. А когда Бич проходил мимо, то, на что он бросал взгляд, просто переставало существовать.

— Мы оказались в ловушке, — произнес Джерико. — С одной стороны — человечество, с каждым днем захватывающее новые земли, а с другой — Бич. Так мы назвали это существо, стремившееся уничтожить наш народ. Мы понимали, что рано или поздно Бич истребит нас.

— Что весьма печально, — сухо вставил Фредди.

— Но в жизни были не только мрак и жуть, — заметила Апполин. — Как ни странно, я отлично провела те последние годы. Отчаяние, знаете ли, прекрасный афродизиак. — Она усмехнулась. — Нам удалось отыскать такие места, где Бич не мог нас почуять, и мы на время укрылись в безопасности.

— Не помню, чтобы я чувствовала себя счастливой, — сказала Лилия. — Я помню только кошмары.

— А как же тот холм? — спросила Апполин. — Как он назывался? Холм, где мы провели последнее лето. Я помню, словно это было вчера..

— Лучезарный холм.

— Верно. Лучезарный холм. Я была счастлива там.

— Но сколько бы это продлилось? — проговорил Джерико. — Рано или поздно Бич нашел бы нас.

— Может быть, — сказала Апполин.

— У нас не было выбора, — продолжала Лилия. — Нам требовалось укромное место. Там, где Бич никогда не станет нас искать. Где мы будем спать, пока о нас не забудут.

— Ковер, — произнес Кэл.

— Именно, — подтвердила Лилия. — Именно такое убежище избрал совет.

— После бесконечных споров, — заметил Фредди. — Пока они шли, погибли сотни. В тот год, когда заработал Станок, каждая неделя приносила новые жертвы. Ужасные истории. Кошмарные.

— Мы, разумеется, были уязвимы, — продолжала Лилия. — Отовсюду приходили новые беженцы… приносили с собой клочки своих земель… вещи, спасенные от истребления… Все сосредоточились здесь, в этой стране, в надежде пристроить в ковер свою собственность.

— Какую еще собственность?

— Дома. Участки земли. Обычно они имели дело с добрым Бабу, умевшим превращать поля, дома и что угодно в подобие списка. В таком виде их можно было переносить…

— Нет, я не понимаю, — возразил Кэл. — Объясни.

— Речь идет о вашем семействе, — обратилась Лилия к Джерико. — Тебе и объяснять.

— Мы, Бабу, умеем создавать иероглифы, — начал Джерико, — и держать их в голове. Есть великие мастера, вроде моего учителя Куэкетта. Он мог составить список небольшого города, а потом выговорить его обратно до последней черепицы. — Джерико рассказывал, и его удлиненное лицо светилось счастьем. Но затем воспоминания потушили радостный огонек. — Учитель находился в Нидерландах, когда его отыскал Бич. Он исчез. — Джерико щелкнул пальцами. — Раз — и нету.

— Но почему вы все собрались именно в Англии? — хотела знать Сюзанна.

— Она была самой безопасной страной в мире. Здешние чокнутые, как водится, были озабочены только своей империей. Мы могли затеряться в толпе, пока Фуга превращалась в ковер.

— Что такое Фуга? — спросил Кэл.

— Это все, что нам удалось спасти от уничтожения. Осколки Королевства, которое чокнутые никогда не видели, а значит, не стали бы беспокоиться о его исчезновении. Лесок, пара озер, излучина реки, дельта еще одной. Наши дома, несколько городских площадей, пара улиц. Мы объединили их в некое подобие города.

— Идеал, вот как его называют, — сообщила Апполин. — Дурацкое бессмысленное имя.

— Сначала мы пытались сохранять определенный порядок, — сказал Фредди. — Но вскоре все пошло кувырком из-за беженцев, желавших попасть в ковер. Их прибывало с каждым днем все больше. Люди ночами простаивали под Домом Капры, чтобы получить хотя бы маленькую нишу, где можно спрятаться от Бича.

— Вот почему ушло так много времени, — пояснила Лилия.

— Но никто не был отвергнут, — заметил Джерико. — Так решили с самого начала. Каждый, кто хотел получить место в Сотканном мире, получил его.

— Даже мы, — вставила Апполин, — хотя мы никогда не были непорочно чисты. Нам все равно дали место.

— Но почему именно ковер? — не понимала Сюзанна.

— А что проще всего не заметить? — спросила Лилия в ответ. — Вещь, на которой стоишь. Кроме того, мы владеем этим ремеслом.

— У каждого есть свой узор, — вмешался Фредди. — Если сумеешь его отыскать, можно заключить великое в малое.

— Разумеется, укрыться в ковре захотели не все, — сказала Лилия. — Некоторые предпочли остаться среди чокнутых и попытать счастья самостоятельно. Но большинство согласились.

— И на что это похоже?

— На сон. Сон без сновидений. Мы не старели. Не чувствовали голода. Мы просто ждали момента, когда хранители решат, что вокруг достаточно безопасно, и разбудят нас.

— А птицы? — спросил Кэл.

— О, в ковер вплетено великое множество флоры и фауны…

— Я не о Фуге. Я про своих голубей.

— А при чем тут твои голуби? — удивилась Апполин.

Кэл коротко описал, каким образом он обнаружил ковер.

— А, это сказалось влияние Вихря, — пояснил Джерико.

— Вихря?

— Когда ты увидел Фугу, — сказала Апполин, — помнишь облака в середине? Так это Вихрь. Именно там находится Станок.

— Но как ковер может содержать в себе Станок, соткавший его? — недоумевала Сюзанна.

— Станок это не механизм, — ответил Джерико. — Это состояние созидания. Оно превращает частицы Фуги в наваждение, напоминающее обыкновенный ковер. В основном тут срабатывает ваша человеческая самонадеянность, но чем ближе вы подходите к Фуге, тем больше странностей происходит. Там есть места, где мелькают призраки прошлого и будущего…

— Не надо об этом говорить, — перебила Лилия. — Это к несчастью.

— Какие еще несчастья могут с нами произойти? — возразил Фредди. — Нас осталось так мало…

— Мы разбудим семейства, как только отыщем ковер, — провозгласил Джерико. — Наверное, Вихрь слабеет, иначе как этот человек сумел увидеть Фугу? Сотканный мир не может существовать вечно…

— Он прав, — согласилась Апполин. — Мы просто обязаны что-то предпринять.

— Но сейчас небезопасно, — предупредила Сюзанна.

— Небезопасно для чего?

— Я имею в виду, небезопасно здесь, в мире. В Англии.

— Бич, должно быть, уже забыл о нас, — сказал Фредди, — прошло уже столько лет.

— Тогда почему Мими вас не разбудила?

У Фредди вытянулась физиономия.

— Может, она забыла о нас.

— Забыла? — переспросил Кэл. — Невозможно!

— Легко тебе говорить, — отозвалась Апполин. — Нужно быть очень сильным, чтобы противостоять Королевству. Стоит забраться в него поглубже, и ты уже собственное имя забыл!

— Не верю, что она могла забыть, — сказал Кэл.

— Наша первоочередная задача, — постановил Джерико, не обращая внимания на его протесты, — отыскать ковер. После чего мы выберемся из города и отыщем место, куда Иммаколата не догадается заглянуть.

— А что будет с нами? — спросил Кэл.

— А что с вами?

— Нам дадут посмотреть?

— На что посмотреть?

— На Фугу, черт побери! — воскликнул Кэл, выведенный из себя этими людьми — у них не было ни тени вежливости или признательности.

— Вас это уже не касается, — заявил Фредди.

— Еще как касается! — возмутился Кэл. — Я видел. Едва не погиб из-за этого!

— Лучше держись подальше, — посоветовал Джерико. — Если так печешься о своем здоровье.

— Я не это хотел сказать.

— Кэл… — Сюзанна положила руку ему на плечо.

Она старалась его успокоить, но Кэл распалился еще сильнее:

— Не надо их защищать!

— Дело не в том, кто кого защищает… — начала Сюзанна, но он не утихомирился.

— Тебе-то хорошо! — обиженно говорил Кэл. — У тебя есть родственные связи…

— Ты несправедлив.

— …и этот менструум…

— Что?! — вскричала Апполин, заглушая Кэла. — У тебя?

— Похоже, да, — сказала Сюзанна.

— И он не спалил тебя живьем?

— С чего бы?

— Только не при нем, — произнесла Лилия, взглянув на Кэла.

Это стало последней каплей.

— Ладно, — сказал он. — Не хотите говорить при мне, прекрасно. Катитесь ко всем чертям.

Он пошел к двери, не обращая внимания на попытки Сюзанны остановить его. У него за спиной захихикал Нимрод.

— И ты тоже заткнись на хрен, — бросил он младенцу и вышел из комнаты, оставив ее во власти незваных гостей.

IV
Ночные страхи

1

Шедуэлл очнулся от сна об империи: привычная фантазия, в которой он был владельцем такого огромного магазина, что зал его казался бесконечным. И торговля приносила такую прибыль, что бухгалтеры рыдали от счастья. Груды товаров всех видов громоздились со всех сторон: вазы эпохи Мин, игрушечные обезьянки, говяжьи туши, — а люди осаждали двери, отчаянно желая присоединиться к толпе покупателей.

Но сон, как ни странно, был не о прибыли. Деньги лишились ценности с тех пор, как Шедуэлл встретил Иммаколату, способную извлечь из воздуха все, в чем они нуждались. Нет, это был сон о власти: будучи повелителем товаров, из-за которых люди бились насмерть, Коммивояжер стоял в стороне от толпы и улыбался обворожительной улыбкой.

Но вдруг он проснулся, шум толпы затих, и он услышал чье-то дыхание во тьме комнаты.

Шедуэлл сел на постели. Пот только что пережитого восторженного волнения холодил лоб.

— Иммаколата?

Это была она. Иммаколата стояла у дальней стены, шаря руками по штукатурке в поисках опоры. Глаза ее были широко раскрыты, но она ничего не видела Во всяком случае, ничего, что мог бы заметить Шедуэлл. Он уже наблюдал ее в таком состоянии, в последний раз это случилось дня два-три назад, в фойе того самого отеля.

Шедуэлл выбрался из постели и накинул халат. Иммаколата ощутила его присутствие и пробормотала его имя.

— Я здесь, — ответил он.

— Опять, — сказала она. — Я снова чувствую его.

— Бич? — уточнил он угрюмо.

— Именно. Мы должны продать ковер и покончить с этим делом раз и навсегда.

— Продадим, продадим, — заверил он, медленно приближаясь к ней. — Приготовления идут полным ходом, ты же знаешь.

Он говорил размеренно, успокаивающе. Иммаколата была опасна и в обычном состоянии, но в таком виде Шедуэлл ее особенно боялся.

— Приглашения разосланы, — произнес он. — Покупатели едут. Они только и ждали вестей от нас. Скоро они прибудут, мы заключим сделку, и все останется позади.

— Я видела место, где он обитает, — продолжала она. — Там были стены, громадные стены. И песок, внутри и снаружи. Похоже на край света.

Теперь взгляд Иммаколаты устремился на него, и видение, захватившее ее, постепенно таяло.

— Когда, Шедуэлл? — спросила она.

— Что «когда»?

— Аукцион.

— Послезавтра. Как мы и договаривались.

Она кивнула.

— Странно, — произнесла она, голос ее внезапно сделался совершенно будничным. Скорость, с какой менялись ее настроения, всегда обескураживала его. — Странно, что эти кошмары не проходят.

— Все из-за того, что ты увидела ковер, — сказал Шедуэлл. — Он пробудил воспоминания.

— Нет, дело не только в этом, — возразила она.

Иммаколата подошла к двери в другую комнату апартаментов Шедуэлла и открыла ее. Мебель в той комнате за дверью была сдвинута к стенам, чтобы на полу уместилась их добыча, Сотканный мир. Иммаколата застыла на пороге, разглядывая ковер.

Из какого-то суеверия она не решилась ступить на него босыми ногами и обошла по периметру, пристально вглядываясь в каждый дюйм.

У середины противоположной стороны она остановилась.

— Смотри, — сказала она указывая на Сотканный мир.

Шедуэлл подошел к ней:

— Что там такое?

— Не хватает клочка.

Он проследил за ее взглядом. Иммаколата была права: небольшой кусочек ковра был оторван, скорее всего, во время стычки на складе.

— Ничего страшного, — заметил он. — Наших покупателей это не смутит, поверь мне.

— Меня волнует не цена, — отозвалась она.

— Тогда что же?

— Раскрой глаза, Шедуэлл! Каждый из узоров — это один из ясновидцев.

Шедуэлл опустился на корточки и изучил орнамент на кайме. В узоре трудно было увидеть лица. Скорее пятна краски.

— И это люди? — удивился он.

— Ну да. Самые отбросы. Низшие из низших. Вот почему они помещены на край. Здесь опаснее всего. Но они все равно полезны.

— Чем же?

— Они — первая линия обороны, — ответила Иммаколата, не сводя глаз с дырки в ковре. — Они первыми попадают под удар и первыми…

— Просыпаются, — завершил Шедуэлл.

— Да, просыпаются.

— Так ты думаешь, они уже где-то здесь? — спросил он и перевел взгляд на окно.

Занавески были задернуты, чтобы никто не увидел их сокровище, но Шедуэлл прекрасно представлял ночной город за стеклом. Мысль о том, что где-то там находится высвобожденная магия, неожиданно встревожила его.

— Именно так, — кивнула Иммаколата. — Я думаю, они проснулись. И Бич чует их во сне. Он знает, Шедуэлл.

— Так что же нам делать?

— Мы отыщем их раньше, чем они привлекут к себе внимание. Бич, наверное, уже совсем дряхлый. Может быть, он стал слабым и забывчивым. Однако его сила…

Голос Иммаколаты затих, как будто слова не имели смысла перед лицом подобного ужаса. Она тяжко вздохнула, прежде чем начать снова.

— Каждый день, — сказала она, — с помощью менструума я ищу признаки его приближения. А он придет, Шедуэлл. Наверное, не сегодня ночью. Но придет. И тот день, когда он придет, станет последним днем магии.

— Даже твоей?

— Даже моей.

— Значит, мы должны отыскать их, — решил Шедуэлл.

— Не мы, — возразила Иммаколата. — Нечего нам марать руки. — Она пошла обратно в спальню Шедуэлла. — Они не могли уйти далеко, — говорила она на ходу. — Они чужаки в этом мире.

У двери Иммаколата остановилась и повернулась к нему.

— Ни в коем случае не выходи из этой комнаты, пока мы тебя не позовем, — приказала она. — Я собираюсь кое-кого пригласить в качестве наемного убийцы.

— Кого? — спросил Шедуэлл.

— Ты его не знаешь, — ответила Иммаколата. — Он умер за сотню лет до твоего рождения. Впрочем, у тебя с ним очень много общего.

— И где он находится сейчас?

— В усыпальнице, где и закончилась его жизнь. Он, видишь ли, пытался доказать, что он мне ровня, и соблазнить меня. Поэтому и захотел сделаться некромантом. Может, у него и получилось бы. Он был готов пойти на все. Но дело не заладилось. Он вызвал из какого-то низшего мира Хирургов, а им это совсем не понравилось. Они гоняли его по всему Лондону, и в конце концов он ворвался в усыпальницу. Умолял меня отправить их обратно. —

Иммаколата понизила голос до шепота. — Но разве я могла? Он сам сотворил заклинание. Я могла лишь позволить Хирургам сделать то, что они должны делать. И в конце, когда он превратился в кровавое месиво, он попросил меня: «Забери мою душу».

Она замолчала. Затем продолжила:

— Я так и сделала.

Она посмотрела на Шедуэлла.

— Сиди здесь, — сказала она и закрыла дверь.

Шедуэлл и сам предпочитал держаться подальше от сестер, когда они что-то затевали, а еще лучше — вообще никогда не видеть ни Магдалены, ни Старой Карги. Однако призраки были неотделимы от своей живой сестры, и каждая из них непостижимым образом являлась частью другой. Этот гнусный союз являл собой лишь одну из их тайн, помимо множества других.

Усыпальница, например. Там собирались приверженцы ее культа в те времена, когда Иммаколата была в полном расцвете сил и амбиций. Но она утратила прежнюю власть. Ее желание править Фугой, к тому времени обратившейся в горстку разрозненных селений, не осуществилось. Враги Иммаколаты разоблачали ее, они составили список ее преступлений, начиная с совершенных в материнской утробе. Она вместе со своими приверженцами отвечала ударом на удар. Произошло кровопролитие, хотя Шедуэлл так и не выяснил его подробностей. Но о последствиях он знал: оклеветанной и униженной Иммаколате было запрещено впредь переступать границы магической Фуги.

Она плохо переносила изгнание. Не в силах обуздать свою природу и таким образом затеряться среди чокнутых, она превратила свою жизнь в череду кровавых вылазок, преследований и новых вылазок. Ее до сих пор помнили, ей поклонялись посвященные, придумавшие для нее дюжину имен: черная мадонна, матерь скорбей, матер малифекориум; но она стала жертвой собственной странной непорочности. Безумие привлекало ее как единственное убежище от банальности Королевства, куда она изгнана.

Вот такой была Иммаколата, когда ее встретил Шедуэлл. Безумная, она толковала о том, о чем он никогда прежде не слышал. Если бы он сумел заполучить эти странные вещи, они сделали бы ею могущественным.

И вот теперь они были перед ним, все эти чудеса. Заключенные в прямоугольник ковра.

Шедуэлл вышел на середину, глядя вниз, на спираль стилизованных облаков и молний, именуемых Вихрем. Сколько бессонных ночей он провел, размышляя над этим сгустком энергий? Каково это, быть богом? А может быть, дьяволом?

Его вывел из задумчивости вой, донесшийся из соседней комнаты, и лампа у него над головой внезапно потускнела, как будто весь свет засосало под соседнюю дверь. Предвестие непроглядной тьмы, приближавшейся издалека.

Он отошел подальше от двери и сел.

«Долго ли еще до рассвета?» — подумал он.

2

Еще не рассвело, когда — казалось, много часов спустя — дверь отворилась.

За ней была только тьма. Оттуда раздался голос Иммаколаты:

— Зайди посмотри.

Шедуэлл поднялся и подтащился к двери на онемевших ногах.

Волна жара встретила его на пороге. Ощущение было такое, будто он вошел в печь, где пеклись плюшки из человеческой грязи и крови.

Он смутно видел Иммаколату, стоявшую — или парившую? — недалеко от него. Воздух душил, ужасно хотелось уйти. Но она поманила его.

— Смотри, — приказала она, уставившись в темноту. — Пришел наш наемник. Вот он. Доходяга.

Сначала Шедуэлл ничего не увидел. Затем сгусток текучей энергии взлетел по стене и,

наткнувшись на потолок, скатился вниз полосой гнилостного света.

Теперь он увидел того, кого она назвала Доходягой.

Неужели это существо прежде было человеком? Шедуэлл верил с трудом. Хирурги, о которых говорила Иммаколата, подробно исследовали его анатомию. Он висел в воздухе, как раскроенное пальто, его тело немыслимым образом вытянулось в длину. Затем, словно подхваченное ветром снизу, это тело задергалось и пришло в движение. Его верхние конечности — клочья человеческой плоти, неуклюже скрепленные ниточками подвижных хрящей, — поднялись, подобно рукам распятого. От этого жеста покров, прятавший его голову, упал. Шедуэлл не сдержал крика, когда понял, что именно Хирурги сотворили с Доходягой.

Они изрезали его, как филе. Вынули из тела все кости и сделали из него существо, более подходящее для океанской волны, чем для атмосферы: истерзанный остаток человека, вырванный из лимба и оживленный заклятиями трех сестер. Доходяга покачивался и дрожал, лишенная черепа голова принимала дюжины разных очертаний, пока Шедуэлл смотрел на него. В один миг всю голову занимали выпученные глаза, а в следующий — огромная, воющая от недовольства пасть.

— Тсс… — сказала ему Иммаколата.

Доходяга передернулся и вытянул руки, будто хотел прикончить женщину, сотворившую с ним такое. Но он все-таки замолчал.

— Донвилль, — произнесла Иммаколата. — Ты когда-то признавался мне в любви.

Он закинул голову назад, словно в отчаянии от того, куда привело его желание.

— Ты боишься, мой Доходяга?

Донвилль смотрел на нее, и глаза его походили на кровавые мозоли, готовые лопнуть.

— Мы дали тебе немного жизни, — продолжала Иммаколата. — И достаточно силы, чтобы вывернуть улицы этого города наизнанку. Я хочу, чтобы ты применил свою силу.

Глядя на жуткое существо, Шедуэлл разнервничался.

— А он себя контролирует? — шепотом спросил он. — Вдруг он впадет в неистовство?

— Ну и пускай, — ответила Иммаколата. — Ненавижу этот город. Пусть спалит его дотла. Если он убьет ясновидцев, мне плевать, что он сделает еще. Ему нельзя останавливаться, пока он не исполнит мой приказ. Смерть — лучшее, что ему когда-либо обещали.

Кровавые мозоли глаз Донвилля по-прежнему были устремлены на Иммаколату, и этот взгляд подтверждал ее слова.

— Отлично, — произнес Шедуэлл и развернулся, направляясь обратно в свою комнату.

Он увидел столько магии, сколько может воспринять человек.

Сестры имели к ней вкус. Им нравилось полностью погружаться в такие ритуалы. Что касается Шедуэлла, он был доволен тем, что родился человеком.

Ну, почти доволен.

V
Устами младенца

1

Заря осторожно спускалась на Ливерпуль, словно опасалась того, что может там увидеть. Кэл наблюдал, как свет снимает покров с города, и все вокруг, от дренажных канав до печных труб, казалось ему серым.

Он прожил здесь всю жизнь, это был его мир. В телевизоре и в глянцевых журналах он видел иные просторы, но почему-то до конца не верил в их реальность. Они оставались далеки от его нынешнего жизненного опыта, и даже от того, что он надеялся постичь годам к семидесяти, — как звезды, мерцавшие у него над головой.

А Фуга была иной. На короткий сладостный миг Кэлу почудилось, что это тот самый мир, к которому он по-настоящему принадлежит. Но он смотрел на дело слишком оптимистично. Земля Фуги, возможно, и принимала его, но народ — нет. По их мнению, Кэл был презренным человеческим существом.

Он около часа бродил по улицам, наблюдая, как начинается еще одно ливерпульское утро понедельника.

Неужели они такие плохие, эти самые чокнутые, к племени которых он принадлежал? Люди улыбались, здоровались со своими котами, возвращавшимися после ночных прогулок, обнимали своих детей, расставаясь с ними до вечера. Они завтракали, а их радио пело песни о любви. Кэл смотрел на них и преисполнялся решимости. Пропади все пропадом, но он вернется и скажет ясновидцам, что они просто ханжи.

Подойдя к дому, он заметил, что дверь широко распахнута, а молодая соседка — он знал ее в лицо, но не по имени — стоит на дорожке и вглядывается туда. Только когда до дома осталась пара шагов, Кэл заметил Нимрода. Тот стоял на коврике перед дверью в солнечных очках (он стянул их со столика возле кровати Кэла) и в тоге, сотворенной из хозяйских рубашек.

— Это ваш ребенок? — спросила соседка, когда Кэл открыл калитку.

— До некоторой степени.

— Он барабанил в окно, когда я проходила мимо. Неужели за ним некому присмотреть?

— Теперь уже есть, — заверил Кэл.

Он посмотрел на ребенка, вспомнив слова Фредди: «Он только выглядит как младенец». Сдвинув солнечные очки на лоб, Нимрод одарил соседку взглядом, вполне подтвердившим правоту Каммелла. Однако у Кэла не было иного выбора, кроме как изобразить папашу. Он поднял Нимрода на руки.

— Что ты вытворяешь? — шепотом спросил он младенца.

— Ск'ты! — ответил Нимрод. Ему с трудом удавался младенческий лепет. — Бьюих!

— Кого?

Но не успел Нимрод ответить, как женщина, которая уже прошла по дорожке и остановилась в шаге от двери, заворковала:

— Он просто прелесть!

Кэл хотел извиниться и закрыть дверь, но Нимрод потянулся к ней руками, издавая хорошо отрепетированное гуканье.

— О… — выдохнула женщина. — Деточка!

И выхватила Нимрода из рук Кэла, прежде чем он успел ее остановить.

Кэл заметил, как заблестели глаза Нимрода, когда он прижался к пышной груди женщины.

— А где его мать? — спросила соседка.

— Она вот-вот вернется, — ответил Кэл, пытаясь оторвать Нимрода от его сокровища.

Тот отрываться не желал. Он сиял от счастья в объятиях женщины, его пухлые пальчики шарили по ее груди. Как только Кэл дотронулся до него, он принялся хныкать.

Соседка успокаивала его, прижимая все сильнее, и Нимрод принялся играть с ее сосками, проступавшими под тонкой тканью блузки.

— Прошу извинить нас, — произнес Кэл, разжимая кулачки Нимрода и забирая ребенка от ее груди, пока тот не начал ее сосать.

— Не стоит оставлять его одного. — Женщина рассеянно дотронулась до своей груди там, где ее ласкал Нимрод.

Кэл поблагодарил ее за участие.

— Пока-пока, крошка! — попрощалась она с дитятей.

Нимрод послал ей воздушный поцелуй, и краска смущения залила лицо соседки. Она пошла обратно к воротам, и улыбка, предназначавшаяся ребенку, сошла с ее губ.

— Ну что за идиотизм!

Нимрод ничуть не раскаивался. Он стоял в коридоре, где его опустили на пол, и с вызовом смотрел на Кэла.

— Где остальные? — спросил Кэл.

— Ушли, — ответил Нимрод. — И мы тоже пойдем.

Он уже говорил вполне уверенно. И ходил тоже. Младенец заковылял к парадной двери и потянулся к ручке.

— Мне тут до смерти надоело, — сообщил он. — Слишком много плохих новостей.

Однако его пальцы на пару дюймов не дотягивались до ручки, и после нескольких безуспешных попыток открыть дверь, он заколотил по ней кулаками.

— Я хочу все посмотреть, — заявил он.

— Ладно, — согласился Кэл. — Только придержи язык.

— Вынеси меня на улицу!

Это был крик отчаяния. Нет ничего страшного в том, чтобы совершить с ребенком небольшой тур по окрестностям, решил Кэл. Идея вынести волшебное существо на улицу, на всеобщее обозрение, доставила ему некое извращенное удовольствие. Еще большее удовольствие он ощутил от сознания того, что потешавшийся над ним ребенок будет полностью зависеть от него.

Однако его злость на Нимрода быстро испарялась, поскольку речь младенца делалась все более витиеватой. Очень скоро они увлеклись беседой, не обращая внимания на взгляды, которыми их провожали.

— Они оставили меня одного! — возмущался Нимрод. — Сказали, чтобы я сам о себе позаботился. — Он взмахнул крошечной ладошкой. — Каково? Я тебя спрашиваю: каково?

— Объясни для начала, почему ты так выглядишь? — произнес Кэл.

— В свое время эта мысль казалась весьма удачной, — ответил Нимрод. — За мной гнался разъяренный муж, поэтому я спрятался в самом неожиданном обличье, какое сумел придумать. Думал, несколько часов отсижусь, а потом стану самим собой. Глупо, конечно. Подобные заклятия очень сильны. Сотворение Сотканного мира близилось к завершению, и уже ничего нельзя было сделать. Мне пришлось отправиться в ковер в таком виде.

— И как ты вернешься в нормальное тело?

— Никак. Пока не вернусь в Фугу. Я бессилен здесь.

Он снял солнечные очки, чтобы проводить взглядом проходящую красотку.

— Ты видел, какие у нее бедра? — спросил он.

— Прекрати пускать слюни.

— Младенцам полагается пускать слюни.

— Но не по такому поводу.

Нимрод пожевал губами.

— А тут у вас шумно, в этом мире, — заметил он. — И грязно.

— Грязнее, чем в девяносто шестом?

— Гораздо грязнее. Но мне здесь нравится. Ты должен рассказать о вашем мире.

— О господи, — вздохнул Кэл. — И с чего мне начать?

— С чего хочешь, — ответил Нимрод. — Вот увидишь, я очень быстро схватываю.

Это оказалось правдой. За полчаса прогулки по окрестным улицам Нимрод забросал Кэла самыми неожиданными вопросами — и о том, что он видел на улице, и отвлеченного характера. Сначала они поговорили о Ливерпуле, потом о городах вообще, потом о Нью-Йорке и Голливуде. С разговора об Америке перешли на обсуждение связей между Востоком и Западом, и Кэл перечислил все войны и кровавые события века, какие сумел припомнить. Они вскользь коснулись ирландской темы и курса английской внешней политики, затем поговорили о Мексике, которую оба страстно желали посетить, о Микки-Маусе, об основном принципе аэродинамики, а потом, через ядерные войны и непорочное зачатие, вернулись к излюбленной теме Нимрода: женщинам. Точнее, к тем двум, что привлекли внимание

Нимрода.

В благодарность за краткий обзор жизни в конце двадцатого столетия Нимрод выдал Кэлу основную информацию по Фуге. Сначала он рассказал о Доме Капры, где собирается совет семейств, затем об Ореоле — облаке, скрывающем Вихрь, и о Коридоре Света, ведущем внутрь него. После чего заговорил о Небесном Своде и Заупокойных Ступенях. От одних названий Кэл преисполнился тоски.

Оба собеседника узнали много нового и поняли, что со временем они вполне могли бы подружиться.

— Теперь помолчи, — велел Кэл, когда они завершили круг у ворот дома Муни. — Ты младенец, помнишь?

— Разве такое забудешь? — отозвался Нимрод со страдальческим видом.

Кэл вошел в дверь и позвал отца. Однако во всем доме, от чердака до подвала, было тихо.

— Его здесь нет, — сказал Нимрод. — Ради всего святого, опусти меня на пол.

Кэл поставил младенца на пол в прихожей. Тот немедленно затопал в сторону кухни.

— Мне нужно выпить, — заявил он. — И я говорю не о молоке.

Кэл захохотал.

— Поглядим, что там есть, — сказал он и пошел в дальнюю комнату.

Первая его мысль при виде отца, сидящего в кресле спиной к саду, была такой: Брендан умер. Внутри все перевернулось, Кэл едва не закричал. Потом веки Брендана затрепетали и он поднял глаза на сына.

— Па? — позвал Кэл. — Что случилось?

Слезы катились по щекам Брендана. Он даже не пытался вытереть их, не пытался подавить душащие его рыдания.

— Господи, папа… — Кэл бросился к отцу и присел на корточки рядом с креслом. — Все хорошо… — проговорил он, положив руку на предплечье Брендана. — Ты вспомнил маму?

Брендан отрицательно покачал головой. Слезы душили его. Он не мог говорить. Кэл не стал больше расспрашивать, а просто держал отца за руку. Он-то думал, что меланхолия Брендана начала проходить, что горе понемногу притупилось. Видимо, нет. Наконец отец заговорил:

— У меня… у меня было письмо.

— Письмо?

— От твоей матери. — Брендан смотрел на сына мокрыми глазами. — Я сошел с ума, Кэл? — спросил он.

— Нет, конечно, па. Конечно нет.

— Так вот, клянусь… — Он сунул руку между подушек кресла и вытащил мокрый носовой платок. Высморкался. — Оно лежало здесь, — сказал он, кивая на стол. — Посмотри сам.

Кэл подошел к столу.

— Оно было написано ее почерком, — продолжал Брендан.

На столе и в самом деле лежал листок бумаги. Его много раз разворачивали и снова складывали, а совсем недавно поливали слезами.

— Это было чудесное письмо, — говорил Брендан. — Она писала, что счастлива, что я не должен горевать. Она писала…

Он остановился, потому что снова задохнулся от рыданий. Кэл поднял лист бумаги. Он оказался тоньше любой бумаги, какую он когда-либо видел, и чистый с обеих сторон.

— Она писала, что ждет меня, но что я не должен торопиться, потому что ожидание для нее в радость, и… что я должен просто наслаждаться жизнью здесь, пока меня не призовут.

Бумага была не просто тонкая, понял теперь Кэл. Она становилась все менее материальной, пока он смотрел на нее. Кэл положил лист обратно на стол, волоски у него на шее встали дыбом.

— Я был так счастлив, — говорил Брендан. — Ведь я хотел знать только одно: что она счастлива и однажды я снова окажусь рядом с ней.

— На бумаге ничего не написано, папа, — мягко произнес Кэл. — Лист чистый.

— Но было, Кэл. Клянусь тебе. Было. Там был ее почерк. Я узнал бы его где угодно. А потом, господи боже мой, все просто исчезло.

Он отвернулся от стола и увидел, что отец перегнулся пополам в своем кресле и зарыдал, словно от неутешного горя. Кэл положил ладонь на руку отца, сжимавшую потертый подлокотник.

— Держись, папа, — пробормотал он.

— Это какой-то кошмар, Кэл, — сказал Брендан. — Мне кажется, я потерял ее дважды.

— Ты не потерял ее, папа.

— Но почему же ее слова вот так исчезли?

— Не знаю, па. — Кэл бросил взгляд на письмо. Листок бумаги тоже почти растворился. — А откуда ты взял это письмо?

Старик нахмурился.

— Ты не помнишь?

— Нет… нет, не совсем. Все как в тумане. Помню… кто-то заходил к нам. Точно. Так и было. Кто-то приходил. Он сказал, у него есть кое-что для меня… у него в пиджаке.

«Скажи мне, что ты видишь, и оно станет твоим». Слова Шедуэлла эхом отозвались в голове Кэла. «Бери, что хочешь. Бесплатно, даром, без обмана». Конечно, это была ложь. Одна из множества. Платить приходится всегда.

— Чего он хотел от тебя, папа, взамен? Можешь вспомнить?

Брендан покачал головой, затем нахмурился, пытаясь припомнить.

— Что-то… связанное с тобой. Он сказал… то есть мне кажется, что он говорил… что знает тебя. — Отец поднял глаза на Кэла. — Да, так он сказал. Теперь я вспомнил. Он сказал, что знаком с тобой.

— Это была уловка, папа. Обман.

Брендан сощурился, пытаясь осмыслить слова Кэла. Затем, как будто его внезапно осенило, произнес:

— Я хочу умереть, Кэл.

— Нет, папа.

— Да, хочу. Правда, хочу. Я не хочу больше страдать.

— Тебе просто грустно, — негромко сказал Кэл. — Это пройдет.

— А я не хочу, чтобы проходило, — ответил Брендан. — Не сейчас. Я хочу заснуть и забыть, что когда-то жил.

Кэл потянулся к отцу и обнял за шею. Сначала Брендан сопротивлялся, он никогда не любил проявления чувств. Но затем рыдания снова начали душить его, и он обхватил сына худыми руками. Они крепко обнялись.

— Прости меня, Кэл, — пробормотал Брендан сквозь слезы. — Можешь ли ты меня простить?

— Тише, папа. Не говори ерунды.

— Я подвел тебя. Я никогда не говорил… никогда не говорил о том, что чувствую. И ей тоже. Никогда не говорил ей… как сильно… никогда не говорил ей, как сильно ее люблю.

— Она знала, папа, — заверил Кэл. Теперь слезы застилали глаза и ему. — Поверь мне, она знала.

Они еще некоторое время держали друг друга в объятиях. Утешения это не приносило, но Кэл ощущал в себе жар гнева и знал, что слезы скоро высохнут. Здесь побывал Коммивояжер со своим пиджаком, полным обманов. В складках его пиджака Брендану привиделось письмо из рая, и иллюзия длилась ровно столько, сколько Шедуэллу требовалось. Теперь Брендан не нужен — ковер нашелся. Магия больше не действует. Слова испарились, а за ними и бумага, все вернулось в неведомые пространства между желаемым и осуществленным.

— Я приготовлю чай, па, — сказал Кэл.

Именно так в подобных обстоятельствах поступала мать. Кипятила свежую воду, согревала чайник и отмеривала ложечкой заварку. Защищалась от хаоса домашним порядком, надеясь получить небольшую передышку в этой юдоли слез.

VI
Под крепчающим ветром

1

Выйдя обратно в прихожую, Кэл вспомнил о Нимроде.

Задняя дверь была приоткрыта, и ребенок отправился исследовать заросший сад, где все кусты были выше его. Кэл подошел к двери, чтобы позвать его, но Нимрод был занят: мочился на вьющуюся розу сорта «Суит Уильям». Кэл не стал ему мешать. В нынешнем положении самое лучшее, на что мог рассчитывать Нимрод, — как следует помочиться.

Когда Кэл ставил на огонь чайник, прогрохотал борнмутский поезд (через Ранкорн, Оксфорд, Рединг и Саутгемптон). Секундой позже в дверях появился Нимрод.

— Господи, — сказал он, — как вы здесь спите?

— Дело привычки, — ответил Кэл. — И говори потише. Мой отец тебя услышит.

— Как там с выпивкой?

— Придется пока подождать.

— Я буду плакать, — предупредил Нимрод.

— Давай, плачь.

Поскольку блеф не подействовал, Нимрод пожал плечами и решил продолжить осмотр сада.

— А я могу полюбить этот мир, — объявил он, снова выйдя на солнечный свет.

Кэл взял из раковины грязную чашку и вымыл ее для отца. Затем пошел к холодильнику за молоком. Он не успел достать его, когда Нимрод издал какой-то писк. Кэл развернулся и подошел к окну. Нимрод смотрел в небо, его лицо светилось восторгом. Он, вне всякою сомнения, увидел пролетающий самолет. Кэл вернулся на место. Взял молоко — единственный продукт, хранившийся в холодильнике, — и тут раздался стук в парадную дверь. Кэл поднял голову, и сразу несколько впечатлений поразили его.

Первое: откуда-то внезапно налетел ветер. Второе: Нимрод отступает под сень густого малинника, явно в поисках укрытия. И третье: на лице ребенка был не восторг, а ужас.

Затем стук превратился в грохот. В дверь колотили кулаками.

Когда Кэл пересекал прихожую, он услышал голос отца:

— Кэл, у нас в саду какой-то ребенок.

В саду раздался крик.

— Кэл? Ребенок…

Брендан спустился в кухню, намереваясь выйти в сад.

— Подожди, папа! — крикнул Кэл и открыл входную дверь.

На крыльце стоял Фредди. Однако первой заговорила Лилия, выглянувшая у него из-за спины. Она спросила:

— Где мой брат?

— Он вышел..

«В сад», — хотел сказать Кэл, но то, что происходило на улице, заставило его умолкнуть.

Ветер оторвал от земли все, что не было закреплено: сор, крышки мусорных бачков, садовую мебель, — и кружил в поднебесной тарантелле. Он выдирал цветы из клумб и сдувал почву с грядок, затягивая солнце завесой земли.

Несколько прохожих, застигнутых ураганом, хватались за фонарные столбы и заборы.

Кто-то лежал на земле, обхватив голову руками.

Лилия и Фредди ввалились в двери, а ветер последовал за ними, готовый к новому нападению. Он с ревом пронесся через весь дом и вырвался в сад, его внезапные порывы были так сильны, что Кэл с трудом устоял на ногах.

— Закрой дверь! — прокричал Фредди.

Кэл захлопнул дверь и запер ее. Засов загрохотал, когда ветер ударил в дверь снаружи.

— Боже, — произнес Кэл, — что происходит?

— Оно явилось за нами, — сказал Фредди.

— Что?

— Не знаю точно.

Лилия уже добежала до середины кухни. За открытой задней дверью было почти темно, как ночью, из-за поднятой в воздух почвы. Кэл увидел, что отец шагнул за порог, крича что-то завывавшему, как банши, ветру. На заднем плане, заметный только благодаря своей тоге, Нимрод цеплялся за куст, а ветер пытался оторвать его от земли.

Кэл помчался за Лилией и нагнал ее у двери. На крыше раздался грохот: ветром сорвало несколько черепиц.

Брендан уже стоял в саду, шатаясь под ударами ветра.

— Стой, папа! — прокричал Кэл.

Когда он бежал через кухню, на глаза ему попался чайник и чашка рядом с ним, и невероятная абсурдность всего происходящего поразила его, словно удар молнии.

«Я сплю, — подумал Кэл. — Я свалился со стены и с тех пор сплю. Мир совсем не такой. Мир — это заварочный чайник и чашка, а не заклятия и торнадо».

За этот миг промедления сон обратился в кошмар. За пеленой пыли Кэл увидел Доходягу.

Тот повис в воздухе, отливая серебром под невидимым солнечным светом.

— Это конец, — сказал Фредди.

Его слова побудили Кэла к действию. Он пронесся через заднюю дверь и выскочил в сад раньше, чем Доходяга успел обрушиться на жалкие фигурки внизу.

Кэл смотрел на тварь в изумлении. Он отметил мертвенный цвет кожи, болтающейся и идущей волнами, и снова услышал вой, который принял сначала за завывания ветра. Крик вовсе не был естественным: звук выходил из дюжины отверстий фантома; то ли эта звуковая волна, то ли ветер оторвали от земли и подняли в воздух почти все, что было в саду.

Дождь из растений и камней обрушился на стоявших внизу. Кэл закрыл голову руками, зажмурился и побежал туда, где в последний раз заметил отца. Брендан лежал ничком на земле, тоже закрывшись руками. Нимрода с ним не было.

Кэл знал все дорожки в саду как свои пять пальцев. Выплевывая на бегу землю, он помчался прочь от дома.

Доходяга снова завыл где-то наверху, к счастью, уже невидимый, и Кэл услышал крик Лилии. Но он не оглядывался, он бежал к Нимроду, который добрался до забора и теперь пытался оторвать подгнившие доски. Младенец почти преуспел в этом, несмотря на свои размеры. Кэл втянул голову в плечи, когда сверху обрушился новый поток земли, и рванул мимо голубятни к забору.

Завывания прекратились, но ветер еще не устал. Судя по грохоту с другой стороны дома, Чериот-стрит разрывало на части. Кэл добрался до забора и оглянулся. Солнце пробивалось сквозь завесу пыли, на мгновение открылся кусочек голубого неба, затем какой-то силуэт заслонил небосклон. Кэл попытался перелезть через забор, а тварь надвигалась. Наверху его ремень зацепился за гвоздь. Он остановился, уверенный, что Доходяга уже над ним, но Безумный Муни, должно быть, подтолкнул родственника, потому что Кэл дернул ремень и свалился по другую сторону забора, целый и невредимый.

Он поднялся и понял, в чем дело. Лишенная костей тварь торчала рядом с голубятней, голова ее покачивалась из стороны в сторону, прислушиваясь к возне внутри. Мысленно благословляя птиц, Кэл присел и оторвал доску от забора. Дыра была достаточно широка,

чтобы Нимрод сумел протиснуться наружу.

В детстве Кэл всегда помнил об опасностях, таящихся на ничейной земле между забором и железной дорогой. Теперь прежние опасности казались смехотворными по сравнению с тем, что застыло рядом с голубятней. Подхватив Нимрода на руки, Кэл полез по косогору к железнодорожным прям.

— Беги! — воскликнул Нимрод. — Он у нас за спиной, беги!

Кэл посмотрел в одну сторону, потом в другую. Ветер заметно стих на расстоянии десяти-пятнадцати ярдов в обоих направлениях. Сердце Кэла отчаянно билось, когда он перешагнул первый рельс и вступил в скользкое от мазута пространство между шпалами. Всего здесь было четыре колеи, по две для каждого направления. Он перешагивал второй рельс, когда Нимрод произнес:

— Твою мать!

Кэл развернулся, скрежеща подметками по гравию, и увидел, что их преследователь очнулся от навеянного голубями наваждения и выпрямился над забором.

За спиной монстра Кэл увидел Лилию Пеллицию. Она стояла среди руин садика Муни, рот ее раскрылся, словно в крике, но никакого звука не было; во всяком случае, Кэл его не слышал. Однако чудовище обладало более чутким слухом. Тварь остановилась и обернулась в сторону сада и стоявшей там женщины.

Потом случилось нечто непонятное — и из-за ветра, и из-за Нимрода, который вырывался из рук Кэла, предчувствуя гибель сестры. Кэл лишь заметил, как колеблющийся контур их преследователя резко дернулся, и в следующий миг крик Лилии перешел в воспринимаемый ухом регистр. Это был крик отчаяния, и Нимрод эхом вторил ему. Затем ветер снова потряс сад, и Кэл успел разглядеть, что тело Лилии залил белый огонь. Крик резко оборвался.

Когда это произошло, звон под ногами возвестил о приближении поезда. Куда он следует, по какому пути? Гибель Лилии еще сильнее разъярила ветер. Теперь Кэл видел не дальше чем на десять ярдов.

Он понял, что теперь им не спастись, и отвернулся от сада, когда тварь испустила очередной леденящий душу вой.

«Думай», — приказал он себе.

Несколько мгновений, и Доходяга нагонит их.

Кэл обхватил Нимрода одной рукой и посмотрел на часы. Было двенадцать тридцать восемь.

Куда идет поезд в двенадцать тридцать восемь? На станцию «Лайм-стрит» или от нее?

«Думай!»

Нимрод заплакал. Это был не младенческий плач, а глухие рыдания, идущие от самого сердца.

Дрожь гравия под ногами становилась все отчетливее. Кэл обернулся через плечо и в разрыве пылевой завесы снова увидел сад. Тело Лилии исчезло, но среди разорения стоял отец, и убийца возвышался над ним. Лицо Брендана казалось безразличным. Либо он не сознавал опасности, либо ему было все равно. Он не шевельнул ни единым мускулом.

— Крик! — воскликнул Кэл, поднимая Нимрода ближе к своему лицу. — Этот ее крик…

Нимрод продолжал рыдать.

— Ты умеешь так кричать?

Монстр был уже рядом с Бренданом.

— Кричи! — Кэл встряхнул Нимрода так, что у младенца застучали зубы. — Кричи, а не то я тебя прикончу, черт возьми!

Нимрод поверил в серьезность угрозы.

— Давай! — велел Кэл, и Нимрод разинул рот.

Чудовище услышало звук. Оно развернуло шарообразную голову и снова двинулось к ним.

Все это заняло пару секунд, но за эти секунды реверберация усилилась. На каком расстоянии сейчас поезд? В миле? В четверти мили?

Нимрод оборвал крик и пытался высвободиться.

— Господи! — орал он, вглядываясь сквозь мглу в приближавшийся ужас. — Он нас сейчас убьет!

Кэл старался не обращать внимания на вопли Нимрода. Он рылся в том старинном отсеке памяти, где хранились время отправления и станция назначения поездов.

На каком он пути и откуда движется? У Кэла в мозгу мелькали числа, как на станционном табло, пока он отыскивал поезд, который либо отошел от «Лайм-стрит» в Ливерпуле шесть-семь минут назад, либо прибудет туда через столько же минут.

Доходяга поднимался по гравиевой насыпи. Ветер вздымал рядом с ним тучи пыли, проносился сквозь его растерзанное тело, стенал на лету.

От грохота приближавшегося поезда все внутри дрожало. А числа продолжали выскакивать.

Откуда он? Куда идет? Скорый или почтовый?

«Думай, черт тебя раздери!»

Тварь была уже совсем близко.

«Думай!»

Кэл попятился на шаг. У него за спиной зазвенел дальний путь.

А вместе с этим звоном пришел ответ. Стаффордский поезд, идущий через Ранкорн. Ритм его движения отдавался в ногах Кэла, пока поезд с грохотом несся к пункту назначения.

— Двенадцать сорок шесть из Стаффорда, — объявил Кэл и шагнул на гудящие рельсы.

— Что ты делаешь? — спросил Нимрод.

— Двенадцать сорок шесть, — бормотал он, и эти цифры были молитвой.

Убийца перешел первый путь северного направления. Он не нес в себе ничего, кроме смерти. Ни проклятия, ни приговора, просто смерть.

— Давай-ка, поймай нас! — крикнул ему Кэл.

— Ты свихнулся? — спросил Нимрод.

Вместо ответа Кэл поднял повыше свою приманку. Нимрод захныкал. Голова преследователя вытянулась от желания схватить их.

— Давай же!

Убийца пересек оба пути северного направления и шагал через первый путь южного.

Кэл сделал еще один неуверенный шаг назад, его подошва коснулась второго рельса. От воя твари и сотрясения земли у него едва не выпадали пломбы из зубов.

Когда тварь уже готовилась схватить его, он услышал голос Нимрода. Младенец призывал небесных покровителей в надежде на спасение.

Внезапно, словно в ответ на мольбы, пелена грязного воздуха разорвалась. На них несся поезд. Кэл чувствовал под ногой рельс. Он поднял пятку на дюйм выше, перешагнул и свалился с путей.

Все завершилось через мгновение. Тварь еще секунду стояла на рельсах, широко разевая пасть; ее жажда убийства еще не была удовлетворена. А в следующий миг в нее въехал поезд.

Ни единого вскрика. Никакого торжества при виде поверженного монстра. Только кислая вонь, будто все мертвецы на свете вдруг поднялись и разом выдохнули. Поезд пронесся мимо, смазанные лица мелькнули в окнах.

И так же внезапно, как появился, поезд исчез в облаке пыли, направляясь на юг. Стон в рельсах затих, превратился в шипящий шепот. Потом не стало и его.

Кэл встряхнул Нимрода, отвлекая того от перечисления божеств.

— Все кончилось, — сказал он.

Нимрод не сразу осознал этот факт. Он вглядывался в пыль, ожидая нового нападения Доходяги.

— Все кончилось, — повторил Кэл. — Я его убил.

— Это поезд его убил, — заявил Нимрод. — Опусти меня.

Кэл сделал, как он просил. Нимрод, не глядя по сторонам, побрел через пути обратно в сад, где погибла его сестра. Кэл двинулся следом.

Ветер, сопровождавший бескостное чудовище или порожденный им, совсем затих. Поскольку не было ни малейшего дуновения, чтобы удержать в воздухе поднятую пыль, она начала оседать на землю. Туда же падали мелкие камешки, обломки садовой мебели и изгородей, даже трупы нескольких домашних животных, принесенные ураганом. Дождь из крови и земли; ничего подобного добрые обыватели с Чериот-стрит не чаяли увидеть до самого Судного дня.

VII
Последствия

1

Когда пыль наконец осела, стало возможно оценить размеры причиненного ущерба. Садик был вывернут наизнанку, как и все остальные сады на улице, несколько дюжин черепиц вывалилось из кровли, печная труба наклонилась под опасным углом. Не меньше разрушений было и с парадной стороны дома. Улица лежала в руинах: фонари выдернуты, стены повреждены, стекла машин выбиты летевшими по воздуху предметами. По счастью, никто серьезно не пострадал, отделались порезами, синяками и шоком. Единственной жертвой стала Лилия: от нее не осталось и следа.

— Эту тварь послала Иммаколата. — сказал Нимрод. — Я прикончу ее. Клянусь, прикончу.

Угроза казалась вдвойне пустой, поскольку исходила от крошечного человечка.

— И какая в том польза? — мрачно поинтересовался Кэл.

Он наблюдал в окно, как жители Чериот-стрит потрясенно бродят вокруг, осматривают разрушения и поглядывают на небо, словно надеются увидеть там какое-то объяснение случившемуся.

— Мы одержали сегодня значительную победу, мистер Муни, — сказал Фредерик. — Неужели вы не понимаете? И это ваша заслуга.

— Какая победа?! — горько произнес Кэл. — Мой отец сидит в комнате и не говорит ни слова, Лилия погибла, половина улицы перевернута вверх дном…

— Мы будем бороться дальше, — сказал Фредди, — пока Фуга не окажется в безопасности.

— Бороться? Мы? — переспросил Нимрод. — А где, интересно, ты был, пока эта дрянь тут летала?

Каммелл хотел возмутиться, но передумал, признавая этим молчанием собственную трусость.

В дальнем конце Чериот-стрит появились две «скорые помощи» и полицейские машины. Заслышав сирены, Нимрод подошел к стоявшему у окна Кэлу.

— Люди в форме, — пробормотал он. — Они всегда означают неприятности.

Пока он говорил, дверца первой полицейской машины распахнулась. Оттуда вышел человек в строгом костюме, приглаживая ладонью редеющие волосы. Кэл узнал его по лицу — у него были такие запавшие глаза, будто он не спал много лет, — но, как обычно, не мог добавить к лицу имя.

— Нам надо убираться отсюда, — сказал Нимрод. — Они захотят с нами поговорить…

С полдюжины полицейских уже рассредоточились по улице и начали опрос свидетелей. Интересно, что наговорят их соседи с Чериот-стрит. Заметили ли они существо, убившее Лилию, а если да, признаются ли в этом?

— Я не могу идти, — отозвался Кэл. — Не могу бросить отца.

— Думаешь, они ничего не почуют, когда придут говорить с тобой? — спросил Нимрод. — Не будь идиотом. Пускай твой отец расскажет им все, что должен рассказать. Они ничему не поверят.

Кэл понимал, что это разумно, но все равно не хотел оставлять Брендана одного.

— Что теперь будет с Сюзанной и всеми остальными? — спросил Каммелл, пока Кэл размышлял над проблемой. — Они пошли на склад, чтобы попытаться выследить Шедуэлла, — уточнил он.

— Разве такое возможно? — удивился Кэл.

— Лилия это умела, — пояснил Фредди.

— Ты хочешь сказать, что знаешь, где находится ковер?

— Почти. Понимаешь, мы с Лилией вернулись в дом Лащенски, чтобы начать оттуда. Она сказала, что эхо очень сильное.

— Эхо?

— Эхо идет оттуда, где ковер находится сейчас, туда, где он некогда был.

Фредди покопался в кармане и выудил три новенькие блестящие книжки в бумажных обложках. Одна оказалась «Атласом Ливерпуля и окрестностей», остальные были детективами.

— Позаимствовал у продавца, — пояснил он, — чтобы выследить ковер.

— Но ничего не вышло, — заметил Кэл.

— Я уже сказал, что почти вышло. Мы не закончили, потому что Лилия почувствовала присутствие этой твари, убившей ее.

— Она всегда обладала отменным чутьем, — сказал Нимрод.

— Это верно, — отозвался Фредди. — Как только она ощутила в воздухе запах чудовища, она забыла о ковре. Потребовала, чтобы мы отправились предупредить вас. Это было нашей ошибкой. Надо было идти дальше по следу.

— Тогда он прикончил бы нас по одному, — вставил Нимрод.

— Надеюсь, что он не успел добраться до остальных, — произнес Кэл.

— Нет. Они живы, — заверил Фредди. — Мы почувствовали бы, если бы с ними что-то случилось.

— Он прав, — подтвердил Нимрод. — Мы легко отыщем их след. Но уходить нужно прямо сейчас. Как только эти в мундирах доберутся сюда, мы окажемся в ловушке.

— Ладно, я понял, — согласился Кэл. — Дай мне хотя бы попрощаться с отцом.

Он зашел в соседнюю комнату. Брендан не двинулся с места с той минуты, как Кэл усадил его в кресло.

— Папа… ты меня слышишь?

Брендан отвлекся от своих горестей.

— Не видал такого ветра с самой войны, — произнес он. — Со времен Малайи. Там целые дома обрушивались. Вот не думал, что и здесь будет такое.

Он говорил рассеянно, уставившись в стену.

— На улице полиция, — сообщил Кэл.

— Хоть голубятня устояла, да, — проговорил Брендан. — Какой был ветер… — Голос его затих. Затем он спросил: — Они придут сюда? Полицейские?

— Думаю, да, папа. Ты можешь поговорить с ними? Мне нужно уйти.

— Конечно, иди, — пробормотал Брендан. — Иди, пожалуйста.

— Ты не против, если я возьму машину?

— Бери. Я им скажу… — Он помолчал, прежде чем продолжить мысль. — Не видел такого ветра с самой… ага, с самой войны.

2

Троица вышла из дома через заднюю дверь, перелезла через забор и прошла вдоль железнодорожной насыпи до пешеходного моста в другом конце Чериот-стрит. Отсюда они

смогли оценить размер толпы, уже набежавшей с соседних улиц в надежде на шоу.

Какая-то часть Кэла хотела спуститься к людям и рассказать о том, что он пережил. Сказать: «Мир это не только заварочный чайник и чашка. Я знаю, потому что видел». Но он сдержал свой порыв. Он понимал, как на него посмотрят.

Может быть, еще настанет время, чтобы выразить свою гордость и рассказывать своему народу об ужасах и чудесах мира. Но это время еще не пришло.

VIII
Необходимое зло

Человека в темном костюме — того, что на глазах Кэла вышел из полицейской машины — звали инспектор Хобарт. Он прослужил восемнадцать из своих сорока шести лет, но его звезда засияла лишь недавно, когда весной и летом прошлого года город потрясали волнения.

Причины этих волнений до сих пор были предметом общественных расследований и частных споров, но у Хобарта не было времени заниматься ни тем ни другим. Инспектора интересовал лишь закон и его соблюдение. В тот год гражданской нестабильности именно одержимость законом сделала Хобарта столь значимой фигурой.

Тонкости социологии и гражданского права его не волновали. Сокровенной целью Хобарта было сохранение спокойствия, а его методы — апологеты инспектора именовали их «бескомпромиссными» — снискали одобрение отцов города. За считанные недели он взлетел на верхние ступени служебной лестницы и за закрытыми дверьми получил карт-бланш на то, чтобы разобраться с анархией, уже облегчившей городскую казну на миллионы.

Хобарт разглядел политическую подоплеку подобного маневра. Высшие эшелоны власти, к которым он питал глубочайшее, хотя и безмолвное почтение, не решались сами взяться за кнут — они неминуемо получили бы сдачи. И сам Хобарт, без сомнений, стал бы первой жертвой общественного гнева, если бы его методы провалились.

Но они не провалились. Инспектор сформировал элитный отряд и набрал туда только тех, кто с одобрением относился к его методам. Этот отряд быстро добился успеха. Пока обычные вооруженные силы стояли на улицах и ничего не предпринимали, особое подразделение Хобарта действовало за сценой. Те немногие, кому было об этом известно, называли его «Пожарная бригада». Члены бригады вселяли страх в каждого, кто подозревался в обострении обстановки словом или делом. Через несколько недель волнения утихли, а Джеймс Хобарт внезапно сделался фигурой, с которой приходилось считаться.

Затем последовало несколько спокойных месяцев, и бригада истосковалась. Хобарт осознал: «калиф на час» теряет свое положение, как только этот час проходит. Прошедшая весна и начало лета служили тому подтверждением.

Так было до сего момента. Теперь же инспектор получил надежду на продолжение борьбы. Вокруг царил хаос, и прямо перед Хобартом находились наглядные доказательства беспорядка.

— Доложите обстановку.

Ричардсон, правая рука инспектора, покачал головой.

— Все говорят о каком-то смерче, — сообщил он.

— Смерч? — Хобарт позволил себе улыбнуться от абсурдности этого утверждения. Губы его совсем исчезли, а глаза превратились в узкие щелки. — Злоумышленники обнаружены?

— Нам не сообщили ни об одном. Видимо, это все ветер…

Хобарт оглядел раскинувшуюся перед ним картину разрушений.

— Это Англия, — сказал он. — У нас не бывает смерчей.

— Ну, что-то же было, чтобы натворить такое…

— Кто-то, Брайан. Анархисты. Они похожи на крыс, эти типы. Только найдешь на них отраву, как они тут же привыкают к ней и начинают жиреть. — Он помолчал. — Знаешь, мне кажется, все начинается по новой.

Пока инспектор говорил, к ним подошел еще один полицейский, герой кровопролитных столкновений прошлого года по фамилии Фрайер.

— Сэр. Мы получили сведения о подозреваемых. Их видели, когда они переходили через мост.

— Ступайте за ними, — приказал Хобарт. — Арестуйте их. И вот еще что, Брайан: переговорите с людьми. Я хочу получить показания всех жителей улицы.

Оба полисмена отправились выполнять приказы, а Хобарт продолжал размышлять над проблемой. Он нисколько не сомневался, что все случившееся сотворено людьми. Если не теми же самыми, кому он свернул шеи в прошлом году, то мразью вроде них. За годы службы Хобарт видел этого зверя во множестве разных обличий, и с каждым разом, когда инспектор заглядывал ему в пасть, монстр делался все хитрее и отвратительнее.

Враг не менялся, прятал ли он свою природу за огнем, водой или смерчем. Хобарт понимал это, и понимание давало ему силу. Пусть поле битвы новое, но война старая: война между законом, который представлял инспектор, и червем анархии, поселившимся в человеческом сердце. Хобарт не позволит никакому смерчу прикрыть этот факт.

Война, разумеется, порой вынуждает применять жестокие меры, но разве правое дело не требует от победителя время от времени проявлять жестокость? Хобарт никогда не отказывался от ответственности, не откажется и на этот раз.

Пусть зверь явится снова: какое бы обличье он ни избрал, Хобарт готов к встрече.

IX
О сильных мира сего

Инкантатрикс не взглянула на вошедшего Шедуэлла. Казалось, с прошлой ночи она вообще не сделала ни единого движения. Воздух в номере отеля сгустился от ее дыхания и пота. Шедуэлл глубоко вдохнул.

— Мой бедный вольнодумец, — пробормотала она. — Он уничтожен.

— Как такое возможно? — изумился Шедуэлл.

Образ Доходяги до сих пор стоял у него перед глазами во всем своем ужасающем величии. Как можно убить столь могущественное создание? Особенно если учесть, что оно уже было мертво.

— Это чокнутые, — сказала Иммаколата.

— Муни или девчонка?

— Муни.

— А те, что выползли из ковра?

— Все живы, кроме одного, — ответила Иммаколата. — Я верно говорю, сестра?

Старая Карга сидела на корточках в углу, ее тело расползалось по стене пятном желчи. Она ответила Иммаколате так тихо, что Шедуэлл не расслышал.

— Да, — произнесла инкантатрикс. — Моя сестра видела, что кто-то один из них отправился на тот свет. Остальные спаслись.

— А Бич?

— Я слышу только молчание.

— Хорошо, — отозвался Шедуэлл. — Я перевезу ковер этим вечером.

— И куда?

— В дом за рекой. Он принадлежит человеку, с которым я когда-то вел дела. Его зовут Шерман. Проведем аукцион там. Здесь слишком людно для наших покупателей.

— Так, значит, они едут?

Шедуэлл ухмыльнулся:

— Конечно же едут. Эти люди ждали долгие годы. Ждали хотя бы возможности поторговаться. И я предоставлю им такую возможность.

Его согревала мысль о том, с какой готовностью помчались на его призыв семь влиятельных покупателей, приглашенных на эту Распродажу Распродаж.

Среди избранных было несколько богатейших людей планеты. Их денег хватило бы, чтобы купить целые страны. Их имен публика не знала; их могущество оставалось анонимным, как у всех истинных властителей. Однако Шедуэлл тщательно навел справки и узнал, что у этих семерых имеется кое-что общее помимо несметных богатств. Все они очень интересовались всевозможными чудесами. Вот почему богачи покинули свои замки и пентхаузы, чтобы поспешить в этот мрачный город. От нетерпения у них пересохло в горле и вспотели руки.

У Шедуэлла было то, что каждый из них ценил почти так же, как жизнь, и еще сильнее, чем богатство. Они обладают могуществом. Но разве сегодня он не превзошел их?

X
О человеческом

— Как много страстей, — сказала Апполин Сюзанне, когда они шли по улицам Ливерпуля.

На складе Гилкрайста они не нашли ничего. Их встретили подозрительными взглядами, и они быстро удалились, пока не начались вопросы. Апполин потребовала, чтобы ей показали город, и двинулась вперед, полагаясь на собственное чутье. Она направлялась в самые многолюдные места, какие только могла отыскать. Тротуары были запружены торговцами, детьми и зеваками.

— Страстей? — переспросила Сюзанна. Это было не то слово, которое первым приходило на ум среди грязной улицы.

— Повсюду, — подтвердила Апполин. — Разве ты не видишь?

Она указала на щит с рекламой постельного белья, где изображалась пара любовников, пребывающих в истоме после соития. Рядом реклама автомобиля восхваляла Совершенные Линии, воплощенные в плоти и стали.

— А вон там еще. — Апполин указала на рекламный плакат дезодорантов, где змий искушал очаровательно нагих Адама и Еву, обещая обеспечить им уверенность в обществе.

— Здесь настоящий бордель, — заметила Апполин с явным одобрением.

Только теперь Сюзанна осознала, что они потеряли Джерико. Тот шел в нескольких шагах позади женщин, с тревогой наблюдая парад человеческих существ. А теперь он исчез.

Они вернулись по собственным следам, пробившись через толпу прохожих, и обнаружили Джерико перед магазинчиком, где давали видео напрокат. Он был заворожен стоящими в ряд телевизорами.

— Это пленники? — спросил он, не сводя глаз с говорящих голов.

— Нет, — ответила Сюзанна. — Это такое представление. Как в театре. — Она дернула Джерико за широкий пиджак. — Пойдем же.

Он обернулся, его глаза влажно блестели. Мысль о том, что Джерико до слез тронул вид дюжины телеэкранов, заставила Сюзанну испугаться за его нежную душу.

— Все в порядке, — заверяла она, оттаскивая Джерико от витрины. — Они вполне счастливы.

И Сюзанна взяла его под руку. Его лицо вспыхнуло от удовольствия, и они вместе двинулись сквозь толпу. Джерико дрожал, и нетрудно было представить, какое потрясение он только что испытал. Сюзанна воспринимала родное разнузданное столетие как должное, потому что не знала другого; и вот теперь, глядя чужими глазами и слушая чужими ушами, она увидела свое время в другом свете. Увидела, насколько этот век лишен радостей, насколько он груб, хотя настаивает на собственной изысканности, и начисто лишен очарования, несмотря на рьяное стремление очаровывать.

Однако у Апполин все увиденное вызывало радость. Она брела среди прохожих, подхватив длинные юбки, словно вдовушка на разудалой пирушке после похорон.

— Думаю, нам лучше свернуть с главной улицы, — сказала Сюзанна, когда они туда дошли. — Джерико плохо чувствует себя в толпе.

— Что ж, пусть привыкает, — ответила Апполин, бросив взгляд на Джерико. — Очень скоро этот мир станет нашим миром.

И она двинулась вперед.

— Погоди минутку! — Сюзанна бросилась за ней, пока они не потерялись в уличной суете. — Постой! — сказала она, беря Апполин за руку. — Мы же не можем вечно болтаться по городу. Нам надо найти остальных.

— Ну дай мне развлечься! — воскликнула Апполин. — Я слишком долго спала. Мне необходимо немного веселья.

— Может быть, позже, — сказала Сюзанна. — Когда отыщем ковер.

— К черту ковер! — последовал немедленный ответ Апполин.

Во время спора они перекрыли дорогу потоку прохожих, и на них устремлялись недовольные взгляды и проклятия. Проходивший мимо мальчишка плюнул в Апполин, и она тотчас же с поразительной меткостью ответила ему тем же. Мальчишка ретировался, на его заплеванной физиономии застыло ошарашенное выражение.

— Мне нравится здешний народ, — сообщила Апполин. — Они не прикидываются любезными.

— Мы снова потеряли Джерико, — заметила Сюзанна. — Черт побери, он ведет себя как ребенок.

— Я его вижу.

Апполин указала на Джерико: он стоял, вытягивая шею над толпой, словно боялся утонуть в этом человеческом море.

Сюзанна пошла к нему, двигаясь против течения, и это было непросто. Но Джерико не уходил. Он не сводил тоскливого взгляда с неба над головами толпы. Его толкали, пихали локтями, но он все стоял и смотрел в пустоту.

— Мы тебя едва не потеряли, — сказала Сюзанна, добравшись до него.

Он просто ответил:

— Смотри.

Сюзанна была на несколько дюймов ниже его, и она внимательно проследила за его взглядом.

— Ничего не вижу.

— Ну, в чем дело на сей раз? — спросила Апполин, тоже приблизившись к ним.

— Они такие печальные, — сказал Джерико.

Сюзанна оглядела проплывающие мимо лица. Они были раздраженные, иногда скучные или злые, но очень немногие показались ей печальными.

— Ты видишь? — спросил Джерико, прежде чем она успела возразить. — Эти огни.

— Нет, она их не видит, — уверенно заявила Апполин. — Она же все-таки чокнутая, или ты забыл? Хотя и владеет менструумом. А теперь пошли дальше.

Джерико перевел взгляд на Сюзанну. Теперь он был совсем близок к тому, чтобы заплакать.

— Ты должна увидеть, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты увидела.

— Не делай этого, — предупредила Апполин. — Это неразумно.

— Они разного цвета, — продолжал Джерико.

— Вспомни о постулатах, — настаивала Апполин.

— Цвета? — переспросила Сюзанна.

— Как дым вокруг их голов.

Джерико взял ее за руку.

— Ты что, не слышишь? — надрывалась Апполин. — Третий постулат Капры гласит…

Сюзанна уже не обращала ни на что внимания. Она смотрела на прохожих, крепко вцепившись в руку Джерико.

Теперь она разделяла не только его чувства, но и панику из-за того, что они зажаты этим пышущим жаром стадом. Нарастающая волна клаустрофобии захлестывала Сюзанну. Она закрыла глаза и приказала себе успокоиться.

В темноте она снова услышала Апполин, толкующую о каких-то постулатах. Потом открыла глаза.

То, что она увидела, едва не заставило ее закричать. Небо изменило цвет, будто все дренажные канавы загорелись и улицы заволокло дымом. Однако никто вокруг вроде бы ничего не замечал.

Сюзанна обернулась к Джерико за объяснением и на этот раз действительно вскрикнула. Вокруг его головы фейерверком пылал нимб, из которого поднимался столб света и струйки дыма.

— О господи! — воскликнула Сюзанна. — Что творится?

Апполин взяла ее за плечо и потянула к себе.

— Отойди! — закричала она. — Это заразно! «После трех — множество».

— Что?

— Так гласит постулат!

Однако Сюзанна не поняла этого предостережения. Первое потрясение перешло в опьянение, и она рассматривала толпу. Глаза ее видели то, о чем говорил Джерико. Волны и струи цвета расплывались вокруг людских тел. Почти все цвета были приглушенными, иногда просто серыми, порой походили на тусклую пастель, но у одного или двоих Сюзанна разглядела чистые краски: светящийся оранжевый ореол вокруг головы ребенка, восседавшего на шее отца, и павлинью расцветку девушки, смеявшейся над чем-то со своим кавалером.

Апполин снова потянула ее, и теперь Сюзанна послушалась. Однако не успели они сделать шаг, как в толпе позади них раздался крик, потом еще один, и еще, и вдруг люди слева и справа принялись вскидывать руки и закрывать глаза. Один человек рядом с Сюзанной упал на колени и стал молиться, другого вырвало. Люди хватались за соседей в поисках опоры и обнаруживали, что страх охватил каждого.

— Чтоб тебя! — выругалась Апполин. — Посмотри, что вы наделали.

Сюзанна видела, что цвета ореолов меняются по мере того, как паника охватывает толпу. Сквозь невыразительный серый пробивались дикие пурпурные и зеленые краски. Смешанный гул криков и молитв оглушал.

— Но как это вышло? — спросила Сюзанна.

— Постулаты Капры! — прокричала в ответ Апполин. — После трех — множество!

Теперь Сюзанна уловила мысль. То, что способны утаить двое, становится известно всем, если поделиться знанием с третьим. Как только она увидела то, что видели Апполин и Джерико, то, что было знакомо им с рождения, пожар распространился. Мистическая зараза за секунды обратила улицу в бедлам.

Страх почти мгновенно породил ярость, и толпа принялась отыскивать козлов отпущения — тех, кто вызвал видения. Торговцы всматривались в покупателей и вцеплялись им в глотки; секретари, ломая ногти, впивались в щеки бухгалтеров; взрослые мужчины плакали и пытались выяснить, что случилось, у своих жен и детей.

Потенциальные мистики внезапно обратились в стаю диких собак. Цвета их нимбов потускнели до серых и коричневых оттенков, как экскременты больного.

Но это было лишь начало. Когда завязалась потасовка, одна богато одетая женщина с потекшим в пылу борьбы макияжем направила обвиняющий перст на Джерико.

— Это он! — завизжала она. — Это сделал он!

И она бросилась на виновника бед, готовая выцарапать ему глаза. Джерико отступил в гущу людей, когда она двинулась на него.

— Держите! — выкрикнула женщина. — Держите его!

От ее воплей насколько человек из общей свалки забыли о собственных распрях и сосредоточились на новой мишени.

Кто-то слева от Сюзанны завопил.

— Прикончить его!

Через секунду полетел первый булыжник, ударивший Джерико в плечо. Движение на

улице остановилось, поскольку водители, тормозившие из любопытства, подпали под действие видения. Джерико оказался прижатым к стене автомобилей, когда толпа пошла на него. Сюзанна вдруг поняла, что речь идет о жизни и смерти. Испуганные и сбитые с толку люди страстно желали растерзать Джерико и порвать на куски каждого, кто попытается его спасти.

Еще один камень попал в Джерико, и по щеке у него потекла кровь. Сюзанна рвалась в его сторону, кричала, чтобы он убегал, но он смотрел на приближавшуюся массу народа, словно зачарованный человеческой ненавистью. Сюзанна пробиралась к нему, шагая по капотам и протискиваясь между бамперами. Но главари — женщина с размазанной косметикой и еще пара человек — были уже рядом с Джерико.

— Оставьте его! — выкрикнула Сюзанна.

Но никто не обратил на нее ни малейшего внимания. В том, как вели себя палачи и жертва, проглядывало что-то ритуальное, словно их тела знали все издревле и не в силах были переписать историю.

Заклятие нарушили полицейские сирены. Впервые в жизни Сюзанна ощутила благодарность, услышав этот пронизывающий до кишок вой.

Его воздействие было быстрым и ощутимым. Люди в толпе принялись стонать, словно подражали сиренам; дерущиеся отпускали шеи врагов, остальные с изумлением рассматривали свою растерзанную одежду и окровавленные кулаки. Два человека даже потеряли сознание, поглядев вокруг, а другие снова зарыдали, на этот раз от смущения, а не от страха. Многие рассудили, что свобода лучше ареста, и пустились наутек. После пережитого потрясения они вернулись к привычной слепоте чокнутых и теперь разбегались, тряся головами, чтобы избавиться от последних отблесков видения.

Рядом с Джерико появилась Апполин, успевшая обойти толпу сзади.

Она вывела Джерико из жертвенного транса тычками и криками, а потом потащила прочь. И ее помощь подоспела вовремя: большая часть линчевателей разбежалась, но около дюжины еще не оставили свое намерение. Они жаждали крови и готовы были пролить ее до прибытия властей.

Сюзанна огляделась в поисках путей к спасению. Маленькая боковая улочка рядом с главной улицей вселяла надежду. Сюзанна закричала, подзывая Апполин. Прибытие патрульных машин очень кстати вызвало суматоху — толпа разбегалась.

Однако самые упорные из линчевателей бросились в погоню. Когда Апполин с Джерико добрались до перекрестка, женщина с размазанной косметикой вцепилась в платье Апполин. Та отпустила Джерико, повернулась к обидчице и так двинула кулаком ей в челюсть, что женщина повалилась на землю.

Полицейские заметили погоню и тоже кинулись за беглецами. Но они не успели предотвратить кровопролитие, потому что Джерико споткнулся. Миг — и толпа нагнала его.

Сюзанна протянула ему руку, и в эту секунду, заскрежетав о бордюр, рядом с ней притормозила машина. Дверца распахнулась, и Кэл закричал:

— Садись! Садись скорее!

— Подожди! — ответила Сюзанна.

Она оглянулась и увидела, что Джерико прижимается спиной к кирпичной стене, со всех сторон зажатый преследователями. Апполин уложила еще кого-то из толпы и помчалась к машине. Но Сюзанна не могла бросить Джерико.

Она рванулась обратно в сутолоку тел, не обращая внимания на Кэла, призывавшего ее уйти, пока не поздно. Когда Сюзанна добралась до Джерико, тот уже потерял надежду на спасение. Он сползал по стене, прикрывая голову руками от града плевков и ударов. Сюзанна кричала на этих людей, требовала остановиться, но чьи-то руки оттащили ее в сторону.

Она снова услышала голос Кэла, но теперь не могла вернуться к нему, даже если бы захотела.

— Уезжай! — выкрикнула она, моля бога, чтобы Кэл услышал и послушался.

А потом она бросилась на самых неистовых мучителей Джерико. Но здесь было

слишком много людей, и они тянули ее назад, а некоторые исподтишка лапали, пользуясь общей суматохой. Она отбивалась и кричала, но дело было безнадежное. В отчаянии Сюзанна потянулась к Джерико и повисла на нем, прикрывая голову свободной рукой под усиливающимся градом ударов.

Неожиданно все крики, пинки и толчки прекратились: это двое полицейских прорвались через кольцо линчевателей. Несколько человек из толпы воспользовались возможностью и сбежали, но большинство не выказывало ни малейшего раскаяния. Совсем наоборот они вытирали слюну с губ и звенящими голосами оправдывали свою жестокость.

— Это они начали, господин полицейский, — сказал один из линчевателей. Лысеющий тип, он походил бы на кассира из банка, если бы кровь не испачкала его руки и рубашку.

— Правда? — спросил полицейский, рассматривая чернокожего изгоя и его растерзанную защитницу. — Вы двое, поднимайтесь, — приказал он. — Вам придется ответить на несколько вопросов.

XI
Три виньетки

1

— Нельзя было их оставлять, — сказал Кэл.

Они объехали квартал и снова вернулись на Лорд-стрит, где обнаружили, что улица запружена полицейскими, а Сюзанны с Джерико и след простыл.

— Их арестовали, — произнес он. — Проклятье, нельзя было…

— Рассуждай практически, — посоветовал Нимрод. — У нас не было выбора.

— Нас едва не прикончили! — воскликнула Апполин. Она тяжело дышала, как загнанная лошадь.

— В данных обстоятельствах главное для нас — Сотканный мир, — сказал Нимрод. — Полагаю, с этим согласны все.

— Лилия видела ковер, — пояснил Фредди Апполин. — Из дома Лащенски.

— Так она сейчас там? — спросила Апполин.

Несколько секунд все молчали. Затем заговорил Нимрод.

— Она мертва, — произнес он без выражения.

— Мертва? — поразилась Апполин. — Как это? Ее убил кто-то из чокнутых?

— Нет, — ответил Фредди. — Ее убило нечто, присланное Иммаколатой. Наш добрый Муни победил его раньше, чем оно уничтожило нас всех.

— Значит, Иммаколате известно, что мы проснулись, — заметила Апполин.

Кэл посмотрел на ее отражение в зеркале. Глаза Апполин казались черными камешками на пухлом рыхлом лице.

— Ничего ведь не изменилось? — спросила она. — С одной стороны — люди, с другой — злые заклятия.

— Бич хуже всех заклятий, — сказал Фредди.

— Будить остальных по-прежнему рискованно, — настаивала Апполин. — Чокнутые еще опаснее, чем прежде.

— Если мы не разбудим их, что будет с нами? — спросил Нимрод.

— Мы станем хранителями, — ответила Апполин. — Присмотрим за ковром, пока ситуация не улучшится.

— Если она когда-нибудь улучшится, — уточнил Фредди.

Это замечание было последним. Все надолго умолкли.

2

Хобарт смотрел на кровь, все еще ярко блестевшую на булыжниках Лорд-стрит. Он не сомневался: бесчинство, учиненное анархистами на Чериот-стрит, было лишь прелюдией. Вот здесь произошло кое-что более страшное: спонтанный приступ безумия охватил обычных мирных людей. Волна гнева была спровоцирована двумя мятежниками, которые теперь находились под стражей и ждали допроса.

В прошлом году оружием служили кирпичи и кустарно изготовленные бомбы. В этом году, судя по всему, террористы получили доступ к более изощренному оружию. Здесь, на ничем не примечательной улице, имела место массовая галлюцинация. Самые что ни на есть нормальные граждане говорили, что небо на их глазах меняло цвета. Если провокаторы и диверсанты действительно пустили в ход новое оружие — например, какой-нибудь искажающий сознание газ, — то надо настаивать на применении более жесткой тактики. Необходимо тяжелое вооружение и набор новых людей, способных такое оружие применить. Власти, конечно, станут сопротивляться, однако инспектор знал по опыту: чем больше пролитой крови они увидят, тем убедительнее будут его доводы.

— Эй ты, — позвал Хобарт одного из фоторепортеров и обратил его внимание на кровавые лужицы под ногами. — Покажи своим читателям вот это, — велел он.

Репортер должным образом заснял кровь, а затем перевел объектив на Хобарта. Он не успел сделать снимок, когда к нему шагнул Фрайер и вырвал фотоаппарат.

— Никаких фотографий, — сказал полицейский.

— А вам есть что скрывать? — колко поинтересовался фотограф.

— Верни ему камеру, — велел Хобарт. — Он делает свою работу, как и все мы.

Фотограф забрал камеру и ушел.

— Скотина, — пробормотал Хобарт, когда репортер повернулся к нему спиной. Затем добавил: — Есть новости с Чериот-стрит?

— Мы получили чертовски странные показания.

— Какие?

— Никто ничего не видел, однако в тот момент, когда налетел смерч, наблюдались непонятные явления. Собаки словно взбесились, и все радиоприемники отключились. Там явно произошло что-то странное.

— Как и здесь, — заметил Хобарт. — Полагаю, пора потолковать с нашими подозреваемыми.

3

Все ореолы померкли к тому моменту, когда полицейские распахнули дверцы «черного ворона»[1] перед штаб-квартирой Хобарта и приказали Сюзанне и Джерико выходить. От видения, которое Сюзанна разделила с Апполин и Джерико, остались лишь легкая тошнота и головная боль.

Их направили в мрачное бетонное здание и развели в разные стороны; все вещи, какие были при них, отобрали. Сюзанна беспокоилась только о книге Мими: она постоянно носила ее с собой с тех пор, как нашла. Несмотря на протесты, книгу у нее все равно отняли.

Полицейские коротко обсудили, куда вести Сюзанну, после чего проводили вниз по лестнице в пустую камеру для допросов где-то в недрах здания. Там составили протокол, куда занесли сведения о ней. Сюзанна старательно отвечала на вопросы, хотя мысли ее разбегались: она думала о Кэле, о Джерико, о ковре. Если на рассвете ситуация казалась скверной, то теперь она сделалась гораздо хуже. Сюзанна призвала себя преодолевать препятствия по мере сил, а не терзаться попусту о том, на что все равно нельзя повлиять. Сейчас главная задача — вытащить Джерико из участка. Сюзанна видела его страх и отчаяние, когда их разделили. С ним справится любой, кто обойдется с ним грубо.

Ход мыслей прервался, когда открылась дверь камеры. На Сюзанну смотрел бледный человек в графитно-сером костюме. Выглядел он так, словно очень давно не спал.

---

1 Полицейская машина для перевозки арестантов.

— Благодарю, Стилмен, — произнес он. Полицейский, записывавший показания, освободил стул напротив Сюзанны. — Будьте добры, подождите за дверью.

Полицейский вышел. Дверь захлопнулась.

— Я Хобарт, — сообщил новый человек. — Инспектор Хобарт. Нам с вами есть о чем поговорить.

Сюзанна больше не видела ни малейшего отсвета тех ореолов, но еще раньше, чем Хобарт уселся перед ней, она поняла, какого цвета его душа. И это не радовало.

Часть четвертая
Почем Страна Чудес?

Caveat emptor.
(Пусть покупатель остережется.)
Латинская пословица

I
Продавать значит владеть

1

Это самый важный урок, который усвоил Шедуэлл, занимаясь торговлей. Если ты владеешь чем-то, что страстно желает заполучить другой человек, то ты в равной мере владеешь и этим человеком.

Можно владеть даже принцами. И вот теперь они были здесь; точнее, их современные эквиваленты. Все примчались на его зов: наследники старых и новых состояний, аристократы и выскочки, они глядели друг на друга настороженно и с детским нетерпением ожидали появления сокровища, сражаться за которое приехали.

Пол ван Ньекерк, обладатель самой богатой в мире за пределами Ватикана коллекции эротики; Маргарет Пирс, в нежном возрасте девятнадцати лет после смерти родителей заполучившая самый крупный частный капитал в Европе; Боклер Норрис, король гамбургеров, чья фирма владела несколькими небольшими странами; нефтяной миллиардер Александр А. — в эти часы он умирал в вашингтонском госпитале, но прислал вместо себя на аукцион свою давнюю компаньонку, женщину, отзывавшуюся на обращение «миссис А.»; Микаел Рахим-заде — происхождение его богатств невозможно отследить, но все предыдущие обладатели этого состояния скончались совсем недавно и скоропостижно; Леон Деверо, только что прибывший из Йоханнесбурга с полными карманами золота; и некто безымянный, над чьим лицом хорошо потрудились лучшие хирурги, но глаза все равно выдавали человека невероятной судьбы.

Такой была семерка покупателей.

2

Они начали прибывать в дом Шермана, выстроенный на частной земле на окраине Терстастона, ближе к вечеру. К половине седьмого собрались все. Шедуэлл прекрасно справлялся с ролью радушного хозяина, подносил напитки и изрекал банальности, однако позволил себе несколько намеков относительно того, что ждало гостей впереди.

Ему потребовались долгие годы и множество тонких уловок, чтобы получить доступ к сильным мира сего. Еще больше стараний ушло на то, чтобы выяснить, кто из них мечтает о магии. При необходимости Шедуэлл прибегал к помощи пиджака, искушая людей, вхожих в высшие круги, и вытягивая из них сведения. Часто им нечего было рассказать: их хозяева не

выказывали тоски по потерянному миру. Однако на каждого атеиста находился хоть один верующий: кто-то хотел вернуть забытые детские мечты, кто-то признавался, что искал рай, а нашел лишь слезы и золото.

Из списка верующих Шедуэлл выделил тех, чьи богатства были поистине несметными. После чего, снова прибегнув к помощи пиджака, он перешел от мелких сошек к крупным и встретился со своими элитными клиентами лицом к лицу.

Договориться с ними оказалось проще, чем он предполагал. Похоже, слухи о существовании Фуги давным-давно ходили и в самом низу, и на самом верху общества, а многие члены этого собрания были одинаково хорошо знакомы с обеими крайностями. Благодаря Иммаколате Шедуэлл знал достаточно подробностей о Сотканном мире и легко убедил клиентов в том, что скоро выставит Фугу на торги. Из всего короткого списка кандидатов лишь один отказался от участия в аукционе. Он бурчал, что подобные силы невозможно купить или продать и Шедуэлл пожалеет о своем поступке. Еще один кандидат умер в прошлом году. Остальные были здесь, их денежки трепетали, предвкушая скорую смену владельца.

— Дамы и господа, — объявил Шедуэлл. — Похоже, настало время посмотреть на то, о чем мы говорим.

Он повел их, как стадо овечек, по лабиринту коридоров в комнату на втором этаже, где был расстелен ковер. Занавески были задернуты, одинокая лампа заливала теплым светом Сотканный мир, занимавший почти весь пол.

Сердце Шедуэлла забилось быстрее при виде того, как они изучают ковер. Когда глаза покупателя впервые загораются при виде будущей покупки, это ключевой момент. Именно в эти мгновения и происходит продажа. Дальше начнется обсуждение цены, но никакие витиеватые слова не сравнятся с той первой секундой. Все остальное не имеет значения. Ковер с его замысловатым узором — это всего лишь обычный ковер. И только воображение клиента, распаленное желанием, может разглядеть спрятанные в нем пейзажи.

Шедуэлл всматривался в лица семерки и понимал, что выиграл эту партию. Не всем хватило такта, чтобы скрыть нетерпение, но все до единого они были очарованы.

— Вот он, — произнес Деверо. Его обычная суровость сменилась благоговейным восторгом. — Я и подумать не мог…

— А он настоящий? — поинтересовался Рахим-заде.

— О, вполне настоящий, — заверил Норрис.

Он уже опустился на корточки, чтобы пощупать товар.

— Осторожнее, — предупредил Шедуэлл. — Оно просачивается.

— В каком смысле?

— Фуга хочет проявить себя, — пояснил Шедуэлл. — Она готова, она ждет.

— Да, — произнесла миссис А. — Я это чувствую. — И чувство ей явно не нравилось. — Александр говорил, что мир должен выглядеть как обычный ковер. Насколько я могу судить, так оно и есть. Однако… не знаю, как сказать… в нем есть что-то странное.

— Это из-за движения, — сказал человек с искусственным лицом.

Норрис поднялся.

— Где? — спросил он.

— В центре.

Все взгляды устремились на сложное переплетение узоров в области Вихря. И в самом деле — казалось, что в том месте Сотканный мир слегка колебался. Сам Шедуэлл раньше ничего такого не замечал. Его желание совершить сделку и покончить с этим раз и навсегда усилилось. Настало время продажи.

— У кого-нибудь есть вопросы? — спросил он.

— Можем ли мы быть уверены, — заговорила Маргарет Пирс, — что это тот самый ковер?

— Нет, не можете, — отозвался Шедуэлл. Он предвидел этот вопрос, и ответ был у него наготове. — Либо вы чувствуете всем своим существом, что Фуга дожидается вас в

Сотканном мире, либо уходите. Дверь открыта. Прошу вас. Не стесняйтесь.

Женщина помолчала несколько секунд. Затем сказала:

— Я остаюсь.

— Отлично, — кивнул Шедуэлл. — Тогда начнем?

II
Не лгите мне

Комната, куда привели Сюзанну, была холодной и безрадостной. Должно быть, так влиял на нее человек, усевшийся напротив Сюзанны. Он обращался с ней безукоризненно вежливо, но его манеры никоим образом не утаивали сокрытого под ними железного стержня. За час допроса он ни разу не повысил голоса и не выказал ни малейшего нетерпения, снова и снова задавая одни и те же вопросы.

— Как называется ваша организация?

— Я не вхожу ни в какую организацию, — отвечала она в сотый раз.

— У вас серьезные проблемы, — продолжал он. — Вы сознаете это?

— Я уже просила о присутствии адвоката.

— Никакого адвоката не будет.

— У меня есть права! — запротестовала Сюзанна.

— Вы лишились всех прав на Лорд-стрит, — ответил он. — Итак. Имена ваших сподвижников?

— Нет у меня никаких сподвижников, черт тебя раздери!

Она приказала себе успокоиться, но по-прежнему чувствовала прилив адреналина. Ее собеседник об этом знал.

Он пристально вглядывался в нее своими змеиными глазами. Он будет просто наблюдать, задавать одни и те же вопросы и накручивать ее, пока она не взорвется.

— А что насчет черного… — начал он. — Он принадлежит к той же организации?

— Нет. Нет. Он ничего не знает.

— Значит, вы признаете существование организации.

— Я ничего подобного не говорила.

— Вы только что это признали.

— Вы истолковываете мои слова как хотите.

И снова та же вгоняющая в тоску вежливость:

— Тогда прошу вас… говорите сами.

— Мне нечего сказать.

— У нас есть свидетели, и они утверждают, что вы и черный…

— Прекратите называть его так.

— Что вы и черный находились в эпицентре волнения. Кто снабдил вас химическим оружием?

— Это просто смешно! — возмутилась она. — Все, что вы здесь устраиваете. Смешно!

Сюзанна чувствовала, что щеки ее пылают, а на глаза вот-вот навернутся слезы. Будь он проклят, она не доставит ему удовольствия увидеть ее плачущей.

Должно быть, человек ощутил ее решимость, потому что оставил эту серию вопросов и перешел к другой.

— Расскажите мне о шифре, — сказал он.

Эти слова несказанно озадачили Сюзанну.

— О каком еще шифре?

Он вынул из кармана пиджака книжку Мими и положил на стол, жестом собственника накрыв ее широкой бледной ладонью.

— Что это такое? — спросил он.

— Это книга…

— Не надо принимать меня за дурака.

«А я и не принимаю, — подумала Сюзанна. — Ты опасен, ты пугаешь меня».

Но вслух она ответила:

— Но это обычная книга сказок.

Он раскрыл книгу, полистал страницы.

— Вы читаете по-немецки?

— Немного. Эта подарок. От моей бабушки.

Он время от времени останавливался, просматривая иллюстрации. На одной задержался подольше — дракон с блестящей чешуей в чаще темного леса, — прежде чем листать дальше.

— Вы сознаете, я надеюсь, что чем больше вы мне лжете, тем сильнее осложняете свое положение.

Она не удостоила ответом эту угрозу.

— Я собираюсь уничтожить вашу книгу… — начал он.

— Пожалуйста, не надо…

Сюзанна знала, что ее волнение он сочтет доказательством вины, но все-таки не могла сдержаться.

— Страницу за страницей, — продолжал он. — Слово за словом, если потребуется.

— Там ничего нет, — настаивала Сюзанна. — Это просто книга. И она принадлежит мне.

— Это улика, — поправил человек. — И она что-то означает.

— Сказки…

— Я хочу знать, что именно.

Сюзанна опустила голову, чтобы не дать ему насладиться видом ее боли.

Он поднялся со стула.

— Никуда не уходите, ладно? — сказал он, как будто у нее был выбор. — Я хочу переговорить с вашим черным дружком. Два лучших полицейских нашего города занимаются им… — Человек сделал паузу, чтобы до нее дошел подтекст. — Я уверен, что он уже готов все рассказать мне. Я скоро вернусь.

Сюзанна закрыла рот ладонью, чтобы не начать умолять его поверить. Ничего хорошего из этого бы не вышло.

Человек постучал в дверь. Ему открыли, он вышел в коридор. Дверь заперли.

Сюзанна несколько минут сидела и пыталась понять, что за чувство сжимает ей дыхательное горло и застилает взгляд, мешает дышать и видеть что-либо, кроме воспоминаний. Никогда в жизни она не испытывала ничего похожего.

Потребовалось время, чтобы понять: это ненависть.

III
Так далеко, так близко

1

«Эхо» на Рю-стрит, о котором толковал Каммелл, было все еще отчетливым и громким, когда Кэл наконец доехал туда вместе со своими пассажирами. Апполин принялась вычислять нынешнее местоположение ковра с помощью вырванных из атласа страниц, разбросанных на голых досках в спальне наверху.

Неискушенному глазу Кэла казалось, что она во многом действует как его мать, когда та выбирала лошадей, желая сделать ставку на ежегодном дерби: с закрытыми глазами тыкала наугад булавкой. Оставалось надеяться, что метод Апполин более надежен, потому что Эйлин Муни ни разу в жизни не угадала победителя.

Приблизительно на середине процесс прервала перепалка. Апполин (впавшая в некое подобие транса) выплюнула на пол горстку семечек, Фредди отпустил по этому поводу

ехидное замечание, и от его слов глаза Апполин широко раскрылись.

— Не заткнулись бы вы там? — произнесла она. — Я занимаюсь чертовски сложным делом.

— Неразумно при этом использовать головокружители, — сказал он. — На них нельзя полагаться.

— Хочешь попробовать сам? — с вызовом предложила она.

— Ты же знаешь, у меня нет к этому способностей.

— Тогда прикуси язык, — отрезала она. — И оставь меня в покое, ладно? Уходи! — Она вскочила на ноги и подтолкнула его к двери. — Уходите. Убирайтесь отсюда. Все уходите.

Они вышли на площадку, где Фредди продолжал возмущаться.

— Эта женщина просто лентяйка, — сказал он. — Лилия обходилась без фруктов.

— Лилия была рождена для этого, — отозвался Нимрод, усаживаясь на верхнюю ступеньку. — Пусть она действует как считает нужным, хорошо? Она вовсе не глупа.

Фредди обратился за сочувствием к Кэлу.

— Я не имею ничего общего с этими людьми, — сообщил он. — Это чудовищная ошибка. Я не вор.

— А кто вы по профессии?

— Я мужской парикмахер. А вы?

— Я работаю в страховой компании.

Сама мысль об этом казалась нелепой: конторка, кипы страховок, каракули на промокашке… Это другая планета.

Дверь спальни открылась. В дверном проеме появилась Апполин, держащая в руке один листок из атласа.

— Ну и как? — спросил Фредди.

Апполин передала листок Кэлу.

— Я его нашла! — объявила она.

2

Эхо вибраций повлекло их на другой берег Мерси, через Биркен-Хед и за Ирби-хилл, на окраину общинных земель Терстастона. Кэл совершенно не знал этого района и изумился: это оказалась настоящая деревня в шаге от города.

Они ездили кругами по району, пока Апполин, сидевшая на пассажирском месте с закрытыми глазами, не объявила:

— Вот здесь. Останови здесь.

Кэл затормозил. Большой дом, к которому они подъехали, был погружен в темноту, хотя на подъездной дорожке стояло несколько потрясающих автомобилей. Они вышли из машины, перелезли через ограду и подошли ближе.

— Здесь, — повторила Апполин. — Я, можно сказать, чую Сотканный мир.

Кэл и Фредди дважды обошли здание в поисках какой-нибудь лазейки, позволявшей попасть внутрь, и на втором круге обнаружили окно. Слишком маленькое для взрослого, оно более чем подходило Нимроду.

— Тихо, как можно тише, — говорил Кэл, проталкивая его внутрь. — Мы будем ждать у парадной двери.

— А какова наша тактика? — поинтересовался Каммелл.

— Входим. Берем ковер. Выходим обратно, — ответил Кэл.

Послышался приглушенный удар, когда Нимрод соскочил с подоконника по ту сторону окна. Они выждали немного. Больше никаких звуков. Они вернулись ко входу в дом и замерли в ожидании, в темноте. Прошла минута, и еще одна, и еще. Наконец дверь распахнулась. На пороге стоял светившийся от радости Нимрод.

— Немного заблудился, — шепотом пояснил он.

Они скользнули внутрь. И на первом, и на втором этаже было темно, однако это не успокаивало. Воздух колебался, как будто пыль никак не могла найти место, где осесть.

— Сомневаюсь, что здесь кто-то есть, — заявил Фредди, направляясь к лестнице.

— Вы ошибаетесь, — шепотом ответил Кэл.

Он не сомневался — он знал источник этого холода, разлитого в воздухе.

Фредди не обратил внимания на его слова. Он уже поднялся на две-три ступени. У Кэла мелькнула мысль, что подобное упрямство, явно призванное показать презрение к опасности и компенсировать проявленную на Чериот-стрит трусость, не доведет до добра. Однако Апполин пошла вслед за Фредди наверх, предоставив Кэлу и Нимроду исследовать первый этаж.

Им пришлось пробираться по дому в кромешной темноте. Нимроду, поскольку он был гораздо меньше, это давалось легче, чем Кэлу.

— Пол права, — шептал Нимрод, пока они переходили из комнаты в комнату. — Сотканный мир здесь. Я его чувствую.

Чувствовал его и Кэл. От мысли о близости Фуги он воспрянул духом и расхрабрился. На этот раз он противостоит Шедуэллу не в одиночестве. У него есть союзники, обладающие силой, к тому же внезапность дает им преимущество. Если немного повезет, они умыкнут добычу прямо у Шедуэлла из-под носа.

Затем со второго этажа донесся крик. Вне всякого сомнения, это кричал Фредди, и в голосе его звучала боль. А в следующий миг послышался душераздирающий звук: его тело покатилось вниз по ступенькам. Еще две минуты — и игра закончена.

Нимрод бросился назад тем же путем, каким они пришли, явно не думая о последствиях. Кэл кинулся за ним, но в темноте споткнулся о стол, угол которого угодил ему в пах.

Пока он разгибался, сжимая рукой мошонку, до него донесся голос Иммаколаты. Ее шепот звучал отовсюду сразу, как будто она была везде, даже в стенах.

— Ясновидцы… — прошипела она.

И в следующий миг Кэл ощутил на лице дуновение ледяного воздуха. Он помнил его кислую вонь с той ночи среди мусорных куч у реки. Это был запах порока, запах сестер, и вместе с ним возник призрачный свет, позволивший Кэлу рассмотреть комнату, где он очутился. Нимрода уже не было, он убежал прямо в прихожую, откуда и лился призрачный свет. И вот теперь Кэл услышал его крик. Свет задрожал. Крик замер. Воздух сделался еще холоднее, когда сестры двинулись на поиски новой жертвы. Он должен спрятаться, и как можно скорее. По коридору впереди разливалось свечение. Кэл глядел на него и пятился назад к единственной двери, через которую можно было выйти.

Он переступил порог и оказался в кухне. Прятаться здесь было негде. Мучаясь от боли в паху, он кинулся к черному ходу. Дверь была заперта, ключа не было. Кэл в панике посмотрел назад через проем кухонной двери. Магдалена плыла по комнате, откуда он только что ушел. Ее слепая голова покачивалась взад-вперед, пока она выискивала в воздухе остатки человеческого тепла. Кэл почти чувствовал ее пальцы у себя на шее и ее рот на своих губах.

В отчаянии он еще раз оглядел кухню, и глаза его загорелись при виде холодильника. Магдалена приближалась, а он кинулся к холодильнику и распахнул дверцу. Ему навстречу вырвался арктический холод. Он как можно шире открыл дверцу и окунулся в ледяные испарения.

Магдалена уже стояла на пороге кухни, из ее грудей сочилось ядовитое молоко. Она колебалась, не уверенная, есть здесь кто-нибудь живой или нет.

Кэл стоял совершенно неподвижно, молясь о том, чтобы холодный воздух закрыл тепло его тела. Мышцы у него дрожали, а желание помочиться сделалось почти невыносимым. А Магдалена по-прежнему не двигалась, только поглаживала рукой вечно раздутое брюхо, лаская то, что спало внутри.

А затем из соседней комнаты послышался скрежещущий голос Карги.

— Сестра… — шепотом позвала она.

Карга появилась на пороге. Если она войдет — ему конец.

Магдалена шагнула вперед, и ее голова с жуткой целеустремленностью развернулась в сторону Кэла. Она подлетела поближе. Кэл задержал дыхание.

Теперь тварь была в паре ярдов от него. Голова Магдалены по-прежнему покачивалась взад-вперед на шее из слизи и эфира. Брызги горького молока полетели в него и ударили в лицо. Она что-то чуяла, это было очевидно, но ее сбивал с толку холодный воздух. Кэл сжал челюсти, чтобы нечаянно не застучали зубы, и молил силы небесные помочь ему.

Тень Карги упала в дверной проем.

— Сестра! — позвала она снова. — Мы здесь одни?

Голова Магдалены поплыла вперед, ее шея сделалась гротескно длинной и тонкой, а слепое лицо оказалось в футе от Кэла. Он отчаянным усилием удержал себя, чтобы не побежать.

Затем она пришла к какому-то решению и развернулась к двери.

— Да, мы совершенно одни, — ответила она и поплыла обратно к сестре.

Кэл был уверен, что она вот-вот передумает и развернется, чтобы схватить его. Однако она исчезла в дверном проеме, и обе сестрицы отправились куда-то по своим делам.

Кэл переждал целую минуту, пока последние отблески их свечения не угасли. Потом, шумно хватая ртом воздух, он отошел от холодильника.

Сверху донеслись крики. Он передернулся, представив себе, какого рода веселье там идет. И вздрогнул еще раз, когда осознал, что теперь он остался один.

IV
Нарушив закон

1

Сюзанна нисколько не сомневалась, что слышит голос Джерико. Его бессловесный протест становился все громче. Крик застал ее посреди мрачного подвала, который она уже считала своим после ухода Хобарта. Сюзанна тут же подскочила к двери и заколотила по ней.

— Что происходит? — закричала она.

Ответа от охранника с другой стороны двери не последовало, донесся лишь еще один надрывающий сердце крик Джерико. Что с ним творят?

Она прожила в Англии всю жизнь и, изредка сталкиваясь с законом по каким-нибудь пустячным поводам, считала его вполне здоровым животным. Но вот теперь Сюзанна оказалась у него в брюхе и обнаружила, что зверь болен, серьезно болен.

Она снова заколотила в дверь и снова не получила ответа. Хлынули обжигающие слезы бессилия. Она привалилась спиной к двери и попыталась заглушить рыдания, закрывая рот рукой, но ей это не удалось.

Понимая, что полицейский в коридоре может услышать ее плач, она хотела отойти от двери, но что-то ее не удержало. Затуманенным взглядом она увидела, что слезы, которые она вытирала ладонью, совершенно не похожи на обычные слезы. Они казались серебряными и скатывались в крошечные светящиеся изнутри шарики. Прямо как в сказке из книжки Мими, где женщина плакала живыми слезами. Только это была вовсе не сказка. Видение почему-то оказалось гораздо реальнее бетонных стен, заключивших в себя Сюзанну, и гораздо реальнее боли в глазах, вызванной этими слезами.

Она плакала менструумом. Она не ощущала в себе его проявлений с того мига, когда стояла посреди склада на коленях рядом с Кэлом, а события менялись с такой скоростью, что она и не вспоминала о менструуме. И вот теперь она снова ощутила его течение, и ее захлестнула волна воодушевления.

По коридору снова разнесся крик Джерико, и в тот же момент менструум ослепительно вспыхнул и залил ее хрупкое тело.

Не в силах сдержаться, Сюзанна закричала. Ручеек яркого света превратился в поток, хлынул из ее глаз и ноздрей, из нижней части живота. Ее взгляд упал на стул, на котором сидел Хобарт, и стул тотчас отлетел к противоположной стене, громыхая по бетонному полу, словно в панике спешил убраться отсюда подальше. За ним последовал стол, разлетевшийся в щепки.

За дверью послышались голоса, звенящие от страха. Сюзанне было на них наплевать. Ее сознание растворилось в менструуме и состояло из него, ее взгляд добрался до края потока и обернулся на нее саму — она стояла с дико вытаращенными глазами и улыбкой до ушей. Сюзанна смотрела вниз с потолка, куда поднимались испарения ее растворившегося жидкого «я».

У нее за спиной отпиралась дверь. Они придут с дубинками, подумала она. Эти люди меня боятся. И у них есть на то причины. Я их враг, а они — мои враги.

Сюзанна развернулась. Полицейский, стоявший в двери, казался жалким и хрупким: слабак, мечтающий о силе. Он разинул рот при виде того, что творилось в камере: мебель раздроблена в щепы, по стенам пляшет свет. А затем менструум двинулся на него.

Сюзанна последовала за потоком, и менструум отшвырнул полицейского в сторону. Какая-то часть ее сознания чуть отставала, она выхватила у полицейского дубинку и разломала на куски. Прочие части потока мчались впереди физического тела, заворачивая за углы, заглядывая под двери, выкрикивая имя Джерико…

2

Допрос подозреваемого мужского пола вызвал у Хобарта разочарование. Этот человек либо придурок, либо чертовски хороший актер: в один миг он отвечал вопросом на вопрос, а в следующий начинал говорить загадками. Хобарт отчаялся добиться от узника чего-то осмысленного, поэтому оставил его в обществе Лаверика и Бойса, двух лучших своих людей. Они выбьют из черного правду вместе с зубами.

Хобарт поднялся к себе в кабинет. Он приступил к более внимательному анализу книги с шифрами, когда снизу до него донесся грохот ломающегося дерева. А потом Паттерсон, которого он оставил охранять женщину, завыл.

Хобарт спускался по лестнице, чтобы узнать, в чем дело, и вдруг на него вдруг напало нестерпимое желание опорожнить мочевой пузырь. С каждым шагом это желание усиливалось и превращалось в нестерпимую боль. Он хотел превозмочь боль, однако на нижней ступеньке уже сгибался пополам.

Паттерсон сидел в углу коридора, закрыв руками лицо. Дверь камеры была открыта.

— Встать, я приказываю! — потребовал инспектор, но полицейский в ответ только рыдал как ребенок.

И Хобарт оставил его сидеть.

3

Бойс заметил, что выражение лица подозреваемого изменилось за миг до того, как распахнулась дверь в коридор. Было невыносимо наблюдать лучезарную улыбку на этом лице; Бойс трудился до пота, запугивая черного. Он хотел уже кулаками отучить его улыбаться до самого Второго пришествия, но тут услышал, как Лаверик, наслаждавшийся в углу заслуженной сигареткой, выдохнул:

— Господи Иисусе!

А в следующий миг…

Что же случилось в следующий миг? Сначала дверь загрохотала, будто с другой стороны разразилось землетрясение. Затем Лаверик выронил сигаретку и поднялся, а Бойс, на которого вдруг навалилась смертельная усталость, шагнул вперед, чтобы снова взяться за подозреваемого, кто бы там ни колотил в дверь. Но он не успел. Дверь широко распахнулась,

внутрь хлынул поток света, и Бойс вдруг так ослабел, что едва не свалился. Через мгновение что-то вцепилось в него и завертело, закрутило вокруг оси. Он чувствовал себя беспомощным в этих объятиях и мог только кричать, пока холодная сила бесцеремонно вливалась в него сквозь все поры тела. Потом сила отпустила его так же внезапно, как и вошла. Бойс шмякнулся об пол, а в дверь вошла женщина, показавшаяся ему разом и голой, и одетой. Лаверик тоже увидел ее, он закричал что-то, но из-за шума в ушах — словно голову полоскали в реке — Бойс ничего не расслышал. Женщина нагнала на него ужас, какой он испытывал только во сне. Его разум силился вспомнить ритуал, защищающий от подобного ужаса. Надо действовать быстро, понимал Бойс. Иначе его мозги вот-вот выплеснутся наружу.

Взгляд Сюзанны задержался на мучителях лишь на миг. Ее занимал Джерико. Лицо его было залито кровью и распухло от побоев, но он улыбался своей спасительнице.

— Быстрее, — произнесла она, протягивая ему руку.

Он поднялся, но не стал приближаться к ней. Джерико тоже боится, поняла Сюзанна. Или испытывает почтение.

— Нам надо идти…

Он кивнул. Сюзанна вышла в коридор, уверенная, что Джерико следует за ней. Прошли считанные минуты с того момента, когда менструум растекся по ней, и Сюзанна училась управляться с ним, как невеста учится отпускать и подбирать шлейф своего платья. Выходя из камеры, она мысленно позвала за собой поток энергии, и менструум послушался.

Она обрадовалась его покладистости, потому что в дальнем конце коридора как раз возник Хобарт. Самоуверенность Сюзанны моментально испарилась, однако Хобарту хватило одного взгляда на нее — или на то, что он видел вместо нее, — чтобы замереть на месте. Он, кажется, не верил собственным глазам, потому что принялся энергично трясти головой. Вновь обретя уверенность, Сюзанна пошла к нему по коридору. Огни бешено вращались под потолком. Бетонная стена затрещала, когда она ткнула в нее пальцем, как будто достаточно было единственного усилия, чтобы проломить ее. Эта мысль заставила Сюзанну рассмеяться. Хобарт был не в силах выносить ее смех. Он развернулся и исчез на лестнице.

Больше никто не пытался им помешать. Сюзанна и Джерико поднялись по лестнице, затем прошли через внезапно опустевшую контору. От одного присутствия Сюзанны кипы бумаг взлетали в воздух и кружились, как конфетти.

«Ты обрела свое „я“», — сказал ее разум.

Сюзанна вышла на вечернюю улицу, Джерико следовал за ней на почтительном расстоянии. Он не стал рассыпаться в благодарностях. Просто произнес:

— Ты можешь найти ковер.

— Но я не знаю как.

— Позволь менструуму вести себя.

Этот ответ показался ей не слишком осмысленным, пока Джерико не протянул к ней руку ладонью вверх.

— Я ни у кого еще не видел столь сильного менструума, — сказал он. — Ты сможешь отыскать Фугу. Фуга и я…

Ему не пришлось заканчивать фразу, она поняла. Он и ковер сделаны из одного теста; Сотканный мир — это те, кто в нем скрыт, и наоборот. Сюзанна взяла Джерико за протянутую руку. В здании у них за спиной завыли сирены, но она знала: преследовать их не станут. Пока не станут.

На лице Джерико застыла тоска. Ее прикосновение вовсе не было для него приятным. А в голове Сюзанны свивались спиралями и переплетались нити энергии. Мелькали образы: какой-то дом, комната. И — да, конечно — ковер, во всем своем великолепии открытый жадным взорам. Нити расплывались, другие образы силились привлечь ее внимание. Неужели это кровь так широко залила пол? Это подметки Кэла скользят по ней?

Сюзанна выпустила руку Джерико. Он сжал кулак.

— И что? — спросил он.

Не успела она ответить, как во двор въехала патрульная машина. Напарник водителя услышал сирену, он уже выходил из машины, приказывая беглецам остановиться. Полицейский двинулся в их сторону, но менструум призрачной волной хлынул ему навстречу, подхватил его и выплеснул на улицу. Водитель выскочил из машины и поспешил скрыться за кирпичными стенами, бросив автомобиль на произвол судьбы.

— Книга, — сказала Сюзанна, опускаясь на водительское сиденье. — Моя книга осталась у Хобарта.

— У нас нет времени возвращаться, — сказал Джерико.

Легко сказать. Сюзанну выворачивало при мысли о том, чтобы оставить подарок Мими в руках Хобарта. Но пока она будет искать его и отбирать, можно потерять ковер. Нет выбора, придется оставить книгу в руках врага.

Как ни странно, она знала, что вряд ли отыщет для подарка Мими более надежное хранилище.

4

Хобарт заскочил в уборную и поспешил опорожнить мочевой пузырь, пока не замочил себе брюки. Когда инспектор вышел, он обнаружил, что его образцово-показательный штаб обратился в поле битвы.

Ему доложили, что подозреваемые бежали на патрульной машине. В этом заключалось некое утешение: полицейскую машину легко найти. Сложность не в том, чтобы их отыскать, а в том, чтобы их подчинить. Эта женщина обладает способностью вызывать галлюцинации, и кто знает, какие еще таланты раскроются, если загнать ее в угол? Размышляя над этим вопросом и над дюжиной других, Хобарт спустился вниз к Лаверику и Бойсу.

Под дверью камеры топталось несколько человек, явно не желавших заходить внутрь. Она их прикончила, подумал Хобарт и не смог сдержать дрожь удовольствия: ставки поднялись так высоко. Однако, подойдя к двери поближе, он ощутил не запах крови, а запах экскрементов.

Лаверик и Бойс сорвали с себя форму и с головы до ног вымазались содержимым собственных кишечников. Они ползали по камере, как животные, и улыбались от уха до уха, явно довольные собой.

— Господи боже мой, — произнес Хобарт.

Заслышав голос хозяина, Лаверик поднял голову и попытался выговорить какое-то объяснение. Но язык его не слушался. Тогда он заполз в угол и закрыл голову руками.

— Отмойте их из шланга, — велел Хобарт одному из полицейских. — Нельзя, чтобы жены увидели их в таком виде.

— А что случилось, сэр? — спросил полицейский.

— Пока не знаю.

Из камеры, где держали женщину, вышел Паттерсон, его лицо было мокрым от слез. Он смог кое-что объяснить.

— Она одержимая, сэр, — сказал он. — Когда я открыл дверь, мебель летела в стену.

— Держи свои галлюцинации при себе, — велел ему Хобарт.

— Клянусь вам, сэр, — защищался Паттерсон. — Клянусь! И еще был такой свет…

— Нет, Паттерсон! Ты ничего не видел! — Хобарт обернулся к остальным. — Если обмолвитесь об этом хоть словом, я вас самих заставлю жрать дерьмо. Вы меня поняли?

Все собравшиеся молча закивали головами.

— А что делать с ними? — спросил один, оглянувшись на двоих в камере.

— Я уже сказал. Отмойте их и отвезите по домам.

— Они словно дети, — заметил еще кто-то.

— У нас тут не место для детей, — отрезал Хобарт и пошел наверх, чтобы у себя в кабинете спокойно изучить книгу.

V
На пороге

1

— Что там за шум? — спросил ван Ньекерк.

Шедуэлл улыбнулся своей чарующей улыбкой. Он был раздражен тем, что аукцион прервался, однако задержка еще сильнее подогреет желание покупателей заполучить товар.

— Предотвращена попытка похищения ковра, — сказал он.

— Кто же хотел его похитить? — спросила миссис А.

Шедуэлл указал на кайму ковра.

— Вот в этом месте, как вы можете видеть сами, кусочек Сотканного мира оторван, — признался он. — Он очень мал, но в нем было заключено несколько обитателей Фуги. — Он говорил и следил за лицами покупателей. Их явно встревожили его объяснения, и они отчаянно желали услышать подтверждения реальности своих мечтаний.

— И они пришли сюда? — уточнил Норрис.

— Именно так.

— Покажите нам их, — предложил король гамбургеров. — Если они здесь, давайте на них посмотрим.

Шедуэлл сделал паузу, прежде чем ответить.

— Ну, может быть, на одного, — согласился он.

Он был готов к этой просьбе и уже обсудил с Иммаколатой, кого из пленников они продемонстрируют. Он открыл дверь, и Нимрод, вырвавшийся из объятий Карги, затопал по ковру. Кого бы ни чаяли увидеть покупатели, голый младенец в их список явно не входил.

— Что это такое? — засопел Рахим-заде. — Вы принимаете нас за идиотов?

Нимрод смотрел на Сотканный мир под ногами, а со всех сторон его окружили любопытные. Они рассматривали его. Он быстро поставил бы их на место, но Иммаколата кое-что сделала с его языком, и он не мог даже пикнуть.

— Это один из ясновидцев, — объявил Шедуэлл.

— Это ребенок, — возразила Маргарет Пирс, и в ее голосе звучала нежность. — Бедный ребенок.

Нимрод уставился на женщину: отличная большегрудая особь, решил он.

— Он вовсе не ребенок, — возразила Иммаколата.

Она незаметно проскользнула в комнату, и теперь все глаза были устремлены на нее. Все, кроме глаз Маргарет, все еще смотревшей на Нимрода.

— Некоторые из ясновидцев способны принимать чужие обличья.

— И этот? — спросил ван Ньекерк.

— Безусловно.

— Что за ерунду вы пытаетесь нам внушить, Шедуэлл? — произнес Норрис. — Я не собираюсь…

— Заткнись, — оборвал Шедуэлл.

Норрис замолчал от потрясения; бесчисленное множество бифштексов было съедено с тех пор, когда с ним в последний раз говорили подобным тоном.

— Иммаколата может снять заклятие, — произнес Шедуэлл, посылая по воздуху слово, как «валентинку».

Нимрод видел, как инкантатрикс соединила большой и средний пальцы, через получившееся кольцо резко втянула в себя воздух и небрежно выдохнула заклинание, меняющее облик. По телу Нимрода прошла дрожь, и он даже обрадовался этому, ему осточертела младенческая безволосая кожа. Его колени задрожали, и он повалился на ковер. Вокруг слышались восхищенные шепотки, по мере его разоблачения становившиеся все более громкими и все более изумленными.

Иммаколата возвращала его в прежнее тело без церемоний. Он морщился, пока трансформировалась плоть. Во время поспешного восстановления анатомии был один деликатный момент, когда он ощутил, как опустились на место яички. После того как мужское естество Нимрода приобрело надлежащий вид, накатила вторая волна роста; кожа потрескивала от прораставших на животе и на спине волос. Наконец вместо лика невинности проступило его настоящее лицо, и Нимрод снова стал самим собой, со всеми своими причиндалами.

Шедуэлл посмотрел на лежавшее перед ним существо, чья кожа была голубоватой, а глаза золотыми, потом перевел взгляд на покупателей. Не исключено, что этот спектакль удвоит предполагаемую цену за ковер. Это была магия, магия во плоти, более реальная и более завораживающая, чем он мог ожидать.

— Что ж, вы показали товар лицом, — произнес Норрис безучастным голосом. — Давайте вернемся к цифрам.

Шедуэлл придерживался того же мнения.

— Может быть, ты уведешь нашего гостя? — обратился он к Иммаколате.

Но не успела она шевельнуться, как Нимрод вскочил и упал на колени перед Маргарет Пирс, покрывая поцелуями ее лодыжки.

Это безмолвное, но волнующее представление подействовало. Женщина опустила руку, чтобы провести ладонью по густым волосам Нимрода.

— Оставьте его со мной, — попросила она Иммаколату.

— Почему бы нет? — сказал Шедуэлл. — Пусть смотрит…

Инкантатрикс молча нахмурилась.

— Не будет никакого вреда, — заверил Шедуэлл. — Я смогу его контролировать.

Иммаколата ушла.

— Итак… — произнес Шедуэлл. — Давайте возобновим торги!

2

Где-то между кухней и лестничным пролетом Кэл вспомнил, что безоружен. Он быстро вернулся и обследовал кухонные ящики, пока не наткнулся на широкий нож. Вряд ли эфирные тела сестер можно поразить обычным лезвием, однако тяжесть ножа в руке несколько успокаивала.

Подошвы заскользили по крови, когда он начал подъем, и лишь по счастливой случайности он не свалился вниз, схватившись свободной рукой за перила. Кэл мысленно обругал себя за неуклюжесть и дальше пошел медленнее. Наверху не было заметно исходящего от сестер свечения, но он понимал, что они где-то рядом. Кэл был до смерти напуган, однако не сомневался: какие бы ужасы ни ждали впереди, он отыщет способ прикончить Шедуэлла. Если понадобится свернуть шею негодяю голыми руками, он это сделает. Коммивояжер разбил сердце Брендана и уже заслужил смертную казнь.

Наверху Кэл услышал голос, точнее, несколько голосов: люди о чем-то спорили. Он прислушался внимательнее. Это был вовсе не спор. Они торговались, и голос Шедуэлла звучал отчетливо: он вел торги.

Воспользовавшись шумом, Кэл пересек площадку и приблизился к первой из нескольких дверей. Осторожно приоткрыл ее и вошел. Маленькая комната оказалась пуста, дверь в смежную комнату приотворена, и оттуда просачивался свет. Оставив открытой дверь, ведущую на площадку — на случай, если придется быстро отступать, — Кэл заглянул во вторую комнату.

На полу лежали Фредди и Апполин, Нимрода нигде не было. Кэл внимательно вгляделся в темные углы, убеждаясь, что там никто не затаился, затем открыл дверь шире.

Перебивающие друг друга и делающие ставки голоса носились в воздухе, и под этот шум, заглушавший остальные звуки, Кэл двинулся к пленникам. Они лежали неподвижно, рты их были заткнуты кусками какой-то эфирной ткани, глаза закрыты. Очевидно, кровь на

лестнице принадлежала Фредди: он больше всех пострадал от столкновения с сестрами, от его лица тянуло смрадом их прикосновений. Хуже всего выглядела рана между ребрами, нанесенная его же собственными ножницами. Ножницы до сих пор торчали в ней.

Кэл вынул изо рта Фредди кляп — он зашевелился у него в руке, словно набитый личинками, — и услышал дыхание раненого. Однако тот не приходил в сознание. Тогда Кэл вынул кляп изо рта Апполин; она выказала более ясные признаки жизни: застонала, как будто просыпалась.

Торги в соседней комнате становились все ожесточеннее. Теперь было понятно, что в аукционе участвует довольно много потенциальных покупателей. Может ли Кэл надеяться остановить этот процесс, когда у Шедуэлла столько сторонников, а он совершенно один?

Фредди пошевелился.

Веки его дрогнули и поднялись, но глаза оставались почти безжизненными.

— Кэл… — попытался выговорить он.

Это было скорее движение, чем звук. Кэл склонился к нему ближе, обхватил обеими руками холодное дрожащее тело.

— Я здесь, Фредди, — отозвался он.

Фредди снова попытался заговорить.

— Почти… — произнес он.

Кэл обнял его крепче, словно таким образом мог удержать уходящую жизнь. Но даже сотни рук не удержали бы ее здесь: Фредди ждал лучший мир. И Кэл невольно попросил:

— Не уходи.

Фредди в ответ чуть заметно покачал головой.

— Почти… — повторил он снова. — Почти…

Эти слова истощили его силы. Тело перестало дрожать.

— Фредди…

Кэл провел пальцами по его губам, но не ощутил дыхания. Пока он вглядывался в спокойное лицо, в него вцепилась рука Апполин. Она тоже оказалась холодной. Глаза Апполин были устремлены в потолок, и Кэл проследил за ее взглядом.

Иммаколата распласталась на потолке и смотрела вниз на Кэла. Она была там с самого начала, она упивалась его горем и беспомощностью.

Крик ужаса вырвался раньше, чем Кэл сумел взять себя в руки. В то же мгновение Иммаколата шевельнулась и исходящая от нее темнота двинулась к нему. Однако собственная неловкость сослужила ему хорошую службу: он упал назад раньше, чем когти Иммаколаты впились в него. Дверь за спиной открылась, и Кэл вылетел в смежную комнату, подгоняемый страхом перед ее прикосновением.

— Что это такое?

Вопрос задал Шедуэлл. Кэл ввалился к ним в самый разгар аукциона. Коммивояжер стоял в глубине комнаты, а полдюжины участников торгов, одетые как на бал в «Ритце», толпились в центре. Иммаколата не осмелится убить его на глазах стольких свидетелей. Он может рассчитывать на небольшую отсрочку.

Потом он посмотрел вниз и увидел такое, от чего едва не спятил от счастья.

Он растянулся на ковре, ладонями ощущая основу и уток Сотканного мира. Не поэтому ли он так внезапно и абсурдно ощутил себя в безопасности? Словно все, что он делал до сих пор, было неким испытанием, платой за это сладостное воссоединение.

— Уберите его отсюда, — потребовал один из покупателей.

Шедуэлл сделал шаг в сторону Кэла.

— Убирайтесь, мистер Муни, — велел Коммивояжер. — Мы тут делом занимаемся.

«И я тоже», — подумал Кэл, и, когда Шедуэлл приблизился, он выхватил из кармана нож и направил острием на торговца.

За спиной раздался крик Иммаколаты. У него было несколько секунд. Кэл замахнулся ножом на Шедуэлла, однако, несмотря на свою упитанность, Коммивояжер легко увернулся.

Покупатели зашумели. Кэл принял их выкрики за выражение страха, но, кинув быстрый

взгляд, понял свою ошибку: они взяли торги в свои руки и выкрикивали ставки друг другу в лицо.

Смотреть на них было смешно, но у Кэла не оставалось времени для забав, потому что Шедуэлл распахнул перед ним свой пиджак. Подкладка переливалась.

— Не хочешь ли чего? — поинтересовался Коммивояжер.

С этими словами он приблизился к Кэлу, ослепив его сиянием подкладки, и выбил нож из его руки. Затем перешел к менее деликатной тактике и заехал противнику коленом в пах, отчего Кэл со стоном повалился на пол. Он пролежал так несколько секунд, не в силах двигаться, пережидая приступ тошноты. Сквозь завесу мутного света и боли он видел Иммаколату, поджидавшую в дверях. У нее за спиной стояли сестры. Силы были неравны. Он обезоружен и совершенно одинок…

Но нет, он не одинок. Совсем наоборот.

Под ним целый мир. Спящий мир. Несметные чудеса покоятся в Сотканном мире, на котором он лежит, надо только освободить их.

Но как? Наверняка есть заклятия, пробуждающие Фугу от дремы, но он не знает ни одного. Все, что он может, это лежать на ковре и шептать:

— Проснитесь…

Это самовнушение или в нитях ковра началось какое-то шевеление? Словно заключенные в нем существа силятся выйти оттуда, как спящие пытаются стряхнуть с себя сон, сознавая, что уже наступил день, но не имея сил пошевелиться.

Кэл заметил краем глаза обнаженную фигуру, скорчившуюся у ног одной из покупательниц. Это был, без сомнений, один из ясновидцев, но Кэл не узнавал его. Во всяком случае, не узнавал тело. Зато глаза…

— Нимрод? — вполголоса произнес он.

Тот тоже увидел Кэла и выполз из своего безопасного угла на край ковра. Его перемещения никто не заметил. Шедуэлл уже вернулся к покупателям, пытаясь предотвратить превращение аукциона в кровавую драку. Он забыл о существовании Кэла.

— Это ты? — изумился Кэл.

Нимрод закивал, указывая на свое горло.

— Ты не можешь говорить? Проклятье!

Кэл снова посмотрел на дверь. Иммаколата по-прежнему поджидала его, терпеливая, как хищная птица.

— Ковер… — заговорил Кэл. — Мы должны его разбудить.

Нимрод непонимающе смотрел на него.

— Ты не понимаешь, о чем я говорю?

Прежде чем Нимрод успел как-то ответить, Шедуэлл успокоил покупателей и объявил:

— Мы начинаем сначала.

Затем повернулся к Иммаколате:

— Убери отсюда убийцу.

Еще пара секунд, и инкантатрикс оборвет жизнь Кэла. Он отчаянно оглядывал комнату в поисках пути к отступлению. Здесь было несколько окон, все плотно занавешены. Возможно, если он сумеет добраться до какого-нибудь из них, ему удастся спрыгнуть вниз. Даже если падение прикончит его, это все равно лучшая смерть, чем от прикосновения Иммаколаты.

Но она остановилась, не дойдя до Кэла. Ее взгляд вдруг отклонился в сторону. Она повернулась к Шедуэллу и произнесла одно-единственное слово:

— Менструум.

Пока она говорила, по соседней комнате, где остались Апполин и Фредди, разлилось свечение. Оно выплеснулось через дверь на ковер.

А затем раздался крик Старой Карги, и вслед за ним вспыхнула еще одна спираль света.

Эти явления и звуки отвлекли покупателей от торга. Один из них кинулся к двери — то ли чтобы посмотреть, то ли в надежде спастись бегством — и отскочил назад, закрывая глаза

руками и причитая, что он ослеп. Но никто не поспешил на помощь, остальные участники аукциона отступили в дальний угол комнаты. Волнение у противоположной стены тем временем нарастало.

В дверном проеме возник силуэт, окруженный спиралями из светящихся нитей. Несмотря на все изменения, Кэл тотчас узнал, кто это.

Это была Сюзанна. Жидкий огонь стекал струйками по ее рукам и капал с пальцев, огни танцевали на ее животе, груди, скатывались по ногам, наполняя собой воздух.

Увидев ее такой, Кэл потерял дар речи, а сестры выскочили в дверь вслед за ней. В ходе битвы обе стороны понесли серьезные потери. Даже яркий свет менструума не мог скрыть раны на шее и на теле Сюзанны, а сестры-призраки, хотя и не чувствовали боли, тоже были изрядно потрепаны.

Возможно, у них еще оставались силы, но, когда Иммаколата подняла руку, призраки отступили, оставляя Сюзанну для живой сестры.

— Ты опоздала, — произнесла Иммаколата. — Мы заждались.

— Убей ее, — бросил Шедуэлл.

Кэл всмотрелся в лицо Сюзанны. Как ни старалась, она не могла скрыть свою усталость.

Она почувствовала взгляд Кэла и посмотрела на него. Их глаза встретились, затем Сюзанна перевела взор на его руки, которые все еще упирались ладонями в Сотканный мир. Прочла ли она его мысли, думал Кэл. Осознала ли она, что единственная надежда спит сейчас у них под ногами?

Их глаза снова встретились, и Кэл увидел по ее взгляду, что она поняла.

Сотканный мир под его пальцами подрагивал, как будто через него проходили слабые электрические разряды. Кэл не убирал руки, позволяя энергии использовать себя так, как она считает нужным. Он стал частью процесса, частью круга силы, протянувшегося через ковер от ног Сюзанны к его рукам, потом вверх, к его глазам, и по линии взглядов — обратно к ней.

— Останови их, — сказал Шедуэлл, смутно догадываясь, что происходит что-то скверное.

Когда Иммаколата снова шагнула к Кэлу, кто-то из покупателей произнес:

— Нож…

Кэл не сводил глаз с Сюзанны, а нож теперь висел между ними, словно его подняла в воздух жаркая волна их мыслей.

Сюзанна не больше его понимала, почему и как это произошло, но тоже не отводила глаз. Она смутно чувствовала эту цепь, объединившую их: менструум, ковер, Кэла, ее собственный взгляд. Что бы сейчас ни назревало, у Кэла остались считанные секунды, чтобы сотворить чудо, пока Иммаколата не добралась до него и не разрушила связь.

Нож начал вращаться, ускоряя движение. Кэл ощутил почти болезненную тяжесть в паху. Еще сильнее тревожило другое: ему казалось, что он вышел из собственного тела, как будто его выманили наружу через глаза, чтобы он мог встретить взгляд Сюзанны прямо на лезвии ножа. Нож вращался с такой скоростью, что походил на серебряный шар.

А затем, совершенно неожиданно, нож упал с высоты, как подстреленная птица. Кэл проследил за его падением, пока лезвие со стуком не вонзилось в центр ковра.

И в тот же миг дрожь сотрясла каждый дюйм основы и утка, словно острие ножа разрезало ту нить, от которой зависела целостность творения. Как только эта нить порвалась, Сотканный мир стал распускаться.

3

Это был конец мира и начало новых миров.

Сначала столб рваных облаков, расположенный в центре Вихря, рванулся к потолку. От его удара потолок пошел широкими трещинами, обрушив лавину штукатурки на головы всех, кто был внизу. Кэл мгновенно понял: то, что они с Сюзанной выпустили наружу, им

неподвластно. А потом начались чудеса, и все прочие мысли были забыты.

В тучах сверкнули молнии, косыми лучами заскакали по стенам и полу. Сплетения и узлы ткани ковра оживали и от края до края меняли свое положение, нити вытягивались, словно пшеница в середине лета, выплескивая краски по мере роста. Все было так, как снилось Кэлу и Сюзанне несколькими ночами раньше, только усиленное в сотни раз: стремительные нити расползались, заполняя собой все пространство комнаты.

Огромное давление снизу сбросило Кэла с ковра, когда нити освобождались от переплетений, разбрасывая по сторонам семена всевозможных форм. Одни достигали потолка за доли секунды, другие предпочитали двигаться в сторону окон. Растекаясь полосами красок, они разбивали стекла и выпрыгивали навстречу ночи.

Всюду, куда ни бросишь взгляд, мелькали новые необычайные картины. Сначала взрывы форм были слишком хаотическими, чтобы увидеть в них смысл, однако, когда все пространство оказалось пронизано красками, нити стали формировать более тонкие детали. Теперь растение отличалось от камня, камень от древесины, древесина от плоти. Одна из выделившихся нитей взорвалась под потолком облаком пылинок, и каждая из них упала в почву распадавшегося Сотканною мира, выпустив крошечный росток. Еще одна нить пронеслась через комнату зигзагами, оставляя за собой след сине-зеленого тумана. Третья и четвертая переплелись, и от их союза родились огненные искры. Эти искры превращались в птиц и зверей, а другие нити тотчас окутывали их светом.

Фуга мгновенно заполнила собой комнату. Она разрасталась так быстро, что дом Шермана не мог ее вместить. Доски пола поднимались на дыбы, когда нити выискивали для себя новые территории, потолочные балки разлетались в стороны. Кирпич и цемент оказались столь же ненадежной преградой на пути нитей. То, что они не могли разрушить, они подминали под себя, что не могли подмять — огибали.

Кэл не хотел остаться погребенным здесь. Эти родовые схватки завораживали, но было очевидно, что дом скоро рухнет. Сквозь завесу искр Кэл всматривался в то место, где только что стояла Сюзанна, но она уже исчезла. Покупатели тоже ринулись к выходу, переругиваясь в панике, как свора уличных собак.

Кэл поднялся на ноги и двинулся к двери, но не сделал и пары шагов, когда к нему приблизился Шедуэлл.

— Сволочь! — выкрикнул Коммивояжер. — Я тебе покажу, как совать нос не в свое дело!

Он сунул руку в карман пиджака, выхватил пистолет и нацелил на Кэла.

— Никто не смеет совать мне палки в колеса, Муни! — закричал Шедуэлл и выстрелил.

Не успел он спустить курок, как кто-то на него накинулся. Шедуэлл завалился на бок, и пуля прошла далеко от цели.

Спасителем оказался Нимрод. Он бежал прямо к Кэлу, на его лице отражалась тревога, и не без причины. Дом сотрясался, снизу и сверху звучали скрипы и стоны, означавшие близкий конец. Фуга добралась до фундамента, а ее энергии хватит, чтобы перевернуть здание вверх тормашками.

Нимрод схватил Кэла за руку и потащил за собой, но не к двери, а к окну. Точнее, к той стене, где недавно было окно, поскольку неудержимо разраставшийся мир высадил все стекла. За пределами разваливающегося дома Фуга продолжала рассказывать свою историю, наполняя темноту новой магией.

Нимрод оглянулся.

— Мы что, будем прыгать? — спросил Кэл.

Нимрод усмехнулся и еще крепче сжал его руку. Кэл обернулся и увидел, что Шедуэлл поднял свой пистолет и целится им в спины.

— Стоять! — надрывался он.

Лицо Нимрода сияло. Он надавил рукой на шею Кэла, заставляя того нагнуть голову. В следующий миг Кэл понял почему: от Сотканного мира накатила цветовая волна, и Нимрод кинулся впереди нее, увлекая за собой товарища. Сила подхватила их и вынесла в окно. На

один жуткий миг они зависли в воздухе, после чего волна яркого света затвердела и расширилась под ними. Нимрод и Кэл, словно серфингисты, заскользили вниз по гребню светового потока.

Скольжение быстро завершилось. Несколько секунд, и их бесцеремонно вышвырнуло в поле далеко от дома, а волна растворилась в ночи, порождая на ходу все новые виды флоры и фауны.

Дрожа от восторга, Кэл поднялся на ноги. Он обрадовался, услышав возглас Нимрода:

— Ха!

— Ты можешь говорить?

— Вроде бы, — ответил Нимрод и улыбнулся еще шире. — Здесь я свободен от ее влияния…

— Иммаколаты?

— Ну конечно. Она сняла с меня заклятие, чтобы раззадорить чокнутых. И я их раззадорил. Ты видел ту женщину в синем платье?

— Мельком.

— Она на меня запала с первого взгляда, — заявил Нимрод. — Наверное, надо ее отыскать. Ей нужна капля нежности, особенно после случившегося…

И Нимрод, не говоря больше ни слова, понесся обратно к дому, готовому развалиться. Когда он исчезал в облаке света и пыли, Кэл заметил, что у Нимрода в его истинном обличье имеется хвост.

Было совершенно очевидно, что Нимрод сам постоит за себя, а у Кэла были свои заботы. Например, Сюзанна. Или Апполин, которую он видел в последний раз рядом с Фредди в той первой комнате. Кругом царили хаос и разрушение, но Кэл пошел обратно в надежде найти кого-то из друзей.

Это было все равно что плыть в волнах техниколора. Нити, выскочившие на свет недавно, взлетали и разрывались над ним, некоторые разбивались о его тело. К живой ткани они были куда нежнее, чем к кирпичу. Их прикосновение не причиняло Кэлу вреда, а лишь придавало сил. Тело подрагивало, как будто он только что вышел из ледяного душа. В голове звенело.

Врагов нигде не было видно. Кэл надеялся, что Шедуэлл погребен под руинами, но слишком хорошо знал, как везет злодеям, чтобы всерьез верить в подобную возможность. Ему навстречу попалось несколько покупателей, купавшихся в световых волнах. Они не пытались помочь друг другу, каждый шел своей дорогой, пристально вглядываясь в землю, как будто боялся, что она разверзнется под ногами. Руками они прикрывали слезящиеся глаза.

Когда до дома оставалось ярдов тридцать, произошла новая вспышка. Огромное облако Вихря, плюясь огнями, разнесло сдерживавшие его стены и расплылось во все стороны.

Кэл успел заметить, как облако поглотило одного из покупателей, после чего развернулся и побежал.

Туча пыли подгоняла его, яркие полосы разбегались влево и вправо, как раскатанные ураганом рулоны лент. Через секунду пришла новая волна, на сей раз — из осколков кирпичей и мебели. Дыхание перехватило, ноги подкосились. А потом Кэл покатился кувырком, уже не различая, где небо, где земля.

Он не пытался сопротивляться. Он не стал бы этого делать, даже если бы сопротивление было возможно. Просто позволил скорому поезду везти себя туда, куда он следует.

Книга вторая
Фуга

Часть пятая
Праздник

Перенесись в забытую ты ночь и стань
В царящей темноте моей луною;
Пусть нам твердят хотя бы и о рае настающем,
Здесь, за завесою забвенья, лежит
Наш дом.
Уолтер де ла Мар. Свидание

I
Кэл в Стране Чудес

1

Истинная радость оставляет по себе глубокий след в душе, точно так же, как и истинное горе.

Поэтому, когда подхватившая Кэла пыльная буря наконец затихла, когда он открыл глаза и увидел раскинувшуюся перед ним Фугу, ему показалось, что те редкие и ненадежные мгновения прозрения, которые он переживал за свои двадцать шесть лет — переживал, но неизменно терял, — вернулись к нему, обретенные и соединенные вместе. Раньше он наталкивался только на обрывки. Слышал отголоски, лежа в утробе матери или мечтая о любви, узнавал мотив в напеве колыбельной. Но ни разу до сей поры он не видел всей картины целиком.

Подходящий момент, смутно подумалось Кэлу, чтобы умереть.

И еще более подходящий, чтобы жить дальше, раз перед ним раскинулось столько чудес.

* * *

Он находился на холме. Не очень большом, но достаточно высоком, чтобы служить отличным наблюдательным пунктом. Кэл поднялся на ноги и оглядел только что обретенную землю.

Ковер будет распускаться еще долго, заклинания слишком сложны, чтобы легко повернуть их вспять. Однако общая картина уже определилась: холмы, поля, леса и многое другое.

В прошлый раз Кэл видел этот мир с высоты птичьего полета, но и тогда он показался ему очень неоднородным. Сейчас, в человеческой перспективе, многообразие Фуги граничило с совершенной беспорядочностью. Как будто опрокинули огромный чемодан, собранный в спешке, и его содержимое вывалилось перепутанной грудой. Здешняя география не имела никакой системы и напоминала случайно оказавшиеся рядом лоскуты земли. Словно ясновидцы слишком сильно любили эти места, чтобы бросить их на погибель. Заросли с тучами бабочек и заливные луга, могилы и обнесенные стенами святилища, башни, реки и межевые камни.

Немногие из ландшафтов имели завершенный вид. В основном здесь были обрывки и заплатки, фрагменты Королевства, перенесенные в Фугу за спиной человечества. Населенные привидениями углы знакомых комнат, о которых и по которым никогда не будут скучать или горевать, где детишкам мерещились призраки или святые, где изгнанник находил утешение, сам не зная отчего, а человек на грани самоубийства вдруг решал дать жизни еще один шанс.

Среди этого хаоса во множестве встречались курьезные сочетания. То в центре поля стоял мост, разлученный с речным потоком, то обелиск возвышался посреди пруда, любуясь

своим отражением.

Одно место особенно привлекло внимание Кэла.

Там был склон холма, поднимавшийся почти отвесно до заросшей деревьями вершины. Огоньки сверкали над поверхностью земли, плясали среди ветвей. Понятия не имея, куда надо идти, Кэл выбрал путь прямо на этот холм.

Где-то в ночи играла музыка. Ветер доносил до Кэла отдельные такты и аккорды, барабаны и скрипки — какая-то смесь из Штрауса и индейских мелодий. Время от времени он замечал признаки присутствия людей: шепот среди деревьев, темные фигуры под сенью шатра на поле высокой, до пояса, пшеницы. Но здешние обитатели были слишком стремительны, и Кэл не успевал четко разглядеть их. Почему они убегали — потому что признавали в нем чокнутого или из природной стеснительности? — станет ясно только со временем. Сам Кэл не чувствовал никакой опасности, хотя и был, в некотором смысле, нарушителем границ. Однако он ощущал полную гармонию с этим миром и с самим собой. Настолько полную, что все тревоги о других людях, о Сюзанне, Апполин, Джерико и Нимроде, отошли на второй план. Когда Кэл случайно вспоминал о них, ему представлялось, что все его товарищи тоже бродят среди чудес. Здесь с ними не может произойти ничего дурного. Здесь кончались все неприятности, всякое зло и любая зависть. Разве есть место зависти или похоти, если перед тобой разворачивается живое чудо?

Не дойдя сотни ярдов до холма, Кэл застыл в изумлении. Огоньки, которые он видел издалека, оказались светящимися людьми, бескрылыми, но без труда выписывающими арабески над землей. Кэл не слышал, чтобы они как-то переговаривались, однако они обладали бесшабашной лихостью и совершали маневры на волосок друг от друга.

— Ты, должно быть, Муни.

Голос звучал тихо, но он разрушил сковавшие Кэла чары огней. Кэл посмотрел вправо. Два силуэта стояли в тени арки, их черты скрывала темнота. Он видел лишь два серо-голубых овала вместо лиц, застывшие под аркой, будто два фонаря.

— Да, я Муни, — ответил он. И подумал: «Покажитесь!» — Откуда вам известно мое имя?

— Новости здесь разносятся быстро, — последовал ответ.

Теперь голос звучал чуть мягче и напевнее, но Кэл сомневался, заговорил ли это первый или второй человек.

— Все дело в воздухе, — сообщил ему собеседник. — Он разносит сплетни.

Теперь один из пары вышел вперед, под ночные огни. Мягкие отблески света отбрасывали странные тени, но даже если бы Кэл увидел его при свете дня, он не забыл бы эти черты. Собеседник Кэла был юным, однако совершенно лысым, неровности его кожи скрывал слой пудры, а рот и глаза казались слишком влажными, слишком жалобными для этого лица-маски.

— Я Боуз, — произнес он. — Добро пожаловать, Муни.

Он пожал руку Кэла, и его спутница тоже решилась выйти из тени.

— Ты можешь видеть Амаду? — спросила она.

Кэлу потребовалось несколько мгновений, чтобы отнести второе существо к женскому полу. После чего он усомнился в половой принадлежности Боуза, поскольку эти двое были похожи, как близнецы.

— Меня зовут Ганза, — представилась женщина.

Она была одета в такие же простые черные брюки и свободную тунику, как ее брат, или любовник, или кем он там ей приходился. И она тоже была совершенно лысой. Их безволосые головы и напудренные лица опрокидывали все тендерные стереотипы. Лица были беззащитны, но непроницаемы, нежны, но суровы.

Боуз взглянул на холм, где все еще выделывали пируэты светляки.

— Это скала Первого Несчастья, — сообщил он Кэлу. — Амаду всегда собираются здесь. Тут погибла первая жертва Бича.

Кэл снова взглянул на скалу, но только на мгновение. Боуз и Ганза зачаровывали его

сильнее; чем дольше он смотрел на них, тем сильнее становилось ощущение их двойничества.

— Куда ты собираешься сегодня вечером? — спросила Ганза.

Кэл пожал плечами.

— Понятия не имею, — ответил он. — Я совершенно не знаю этого места.

— Да нет же, — возразила она. — Ты прекрасно с ним знаком.

При разговоре она лениво переплетала и расплетала пальцы рук; во всяком случае, так казалось, пока Кэл не присмотрелся внимательнее. Присмотревшись же, он явственно увидел, что ее пальцы проходят сквозь ладонь: пальцы левой — сквозь правую, пальцы правой — сквозь левую, отрицая плотность материи. Движение было таким обыденным, а иллюзия (если это была иллюзия) — такой быстрой, что Кэл утвердился в правоте своего впечатления.

— Какими ты их видишь? — спросила она.

Он снова посмотрел ей в лицо. Неужели этот фокус с пальцами — проверка его восприятия? Однако Ганза говорила вовсе не о своих пальцах.

— Амаду, — пояснила она. — На кого они, по-твоему, похожи?

Кэл снова посмотрел на скалу.

— На человеческих существ, — ответил он.

Она слабо улыбнулась ему.

— А почему ты спросила? — хотел знать Кэл.

Но она не успела ответить, потому что заговорил Боуз.

— Сейчас собирается совет, — сказал он. — В Доме Капры. Думаю, будут говорить о новом ковре.

— Этого не может быть, — изумился Кэл. — Они хотят загнать Фугу обратно в ковер?

— Так я услышал, — подтвердил Боуз.

Казалось, он получил это известие только что. Может быть, просто выхватил из разносящего сплетни воздуха?

— Времена слишком опасные, так они говорят, — сказал он Кэлу. — Это правда?

— Я не видел никаких других, — отозвался Кэл. — Мне не с чем сравнивать.

— Но хотя бы ночь у нас есть? — спросила Ганза.

— Часть ночи, — ответил Боуз.

— Значит, надо пойти повидать Ло.

— Это место не хуже любого другого, — согласился Боуз. — А ты пойдешь? — спросил он чокнутого.

Кэл посмотрел на Амаду. Мысль остаться и еще немного понаблюдать за ними была соблазнительна, но так он мог остаться без проводника, способного показать все здешние чудеса. А если времени в обрез, надо увидеть как можно больше.

— Да. Я пойду.

Женщина прекратила играть пальцами.

— Тебе понравятся Ло, — заверила она, отворачиваясь и направляясь в ночь.

Он пошел следом. У него были тысячи вопросов, но он понимал: если у них лишь несколько часов на то, чтобы узнать Страну чудес, не стоит тратить время и силы на эти вопросы.

II
На озере и за ним

1

Пока шел аукцион, было одно мгновение, когда Сюзанна решила, что ей конец. Она помогала Апполин спускаться по лестнице, и тут затрещали стены, а дом вокруг них стал

оседать. Даже теперь, когда Сюзанна стояла и глядела на озеро, она не вполне понимала, как они сумели остаться в живых. Возможно, менструум вступился за нее, хотя она ни о чем не просила его сознательно. Ей еще многое предстояло узнать о той силе, которую она унаследовала. В том числе один из главных вопросов: в какой степени он принадлежит ей, а она принадлежит ему? Когда Сюзанна отыщет Апполин, потерявшуюся в общей суматохе, она выяснит все, что той известно.

А пока она любовалась островами с кипарисовыми рощами и утешалась мягким шорохом волн по камням.

— Нам пора идти.

Джерико как можно нежнее прервал поток размышлений Сюзанны, коснувшись ладонью ее шеи. Она оставила его в домике на берегу беседовать с друзьями, которых Джерико не видел целую человеческую жизнь. Им было о чем вспомнить, а для Сюзанны эти воспоминания ни о чем не говорили. К тому же она чувствовала, что остальные не хотят ее присутствия. Какие-то криминальные делишки, безжалостно заключила она и ушла. В конце концов, Джерико все-таки вор.

— Зачем мы сюда пришли? — спросила его Сюзанна.

— Я здесь родился. Я знаю все здешние камни по именам. — Его рука по-прежнему покоилась на ее плече. — Во всяком случае, знал. Я подумал, ты должна увидеть это место…

Она отвернулась от озера и посмотрела на него. У Джерико на лбу залегли морщины.

— Но остаться мы не сможем, — сказал он.

— Почему же?

— Тебя хотят видеть в Доме Капры.

— Меня?

— Ты разрушила Сотканный мир.

— У меня не было выбора, — сказала она. — Или Кэл бы погиб.

Морщины на лбу Джерико углубились.

— Забудь про Кэла, — сказал он суровым тоном. — Муни — чокнутый. А ты — нет.

— Нет, я тоже, — возразила она. — Во всяком случае, я так чувствую, а это самое важное.

Рука Джерико соскользнула с ее плеча. Он внезапно помрачнел.

— Так ты идешь или нет? — спросил он.

— Разумеется, иду.

Он вздохнул.

— Все должно быть иначе, — произнес он, и в его голосе зазвучали прежние мягкие интонации.

Сюзанна не знала точно, о чем он говорит: о роспуске ковра, о своей встрече с озером или о разногласиях между ними. Возможно, понемногу обо всем.

— Наверное, распускать Сотканный мир было ошибкой, — сказала она с непонятной решимостью, — но дело не только во мне. Это менструум.

Джерико удивленно поднял бровь.

— Это же твоя сила, — сказал он не без раздражения. — Управляй ею.

Она смерила его ледяным взглядом.

— До Дома Капры далеко?

— В Фуге все близко, — ответил он. — Бич уничтожил большую часть наших земель. Осталось совсем немного.

— А в Королевстве что-то сохранилось?

— Может быть, но немного. Все, что нам по-настоящему дорого, здесь. Вот почему нам придется снова все спрятать до наступления утра.

Утро. Она совсем забыла, что скоро взойдет солнце, а вместе с ним появятся люди. Мысль о том, что ее соплеменники с их пристрастием к зоопаркам, парадам уродов и карнавалам — эти чокнутые — вторгнутся на территорию Фуги, совсем не обрадовала Сюзанну.

— Ты прав, — согласилась она. — Нам надо поторопиться.

И они вместе пошли от озера к Дому Капры.

2

По дороге Сюзанна получила ответы на кое-какие вопросы, мучившие ее с момента роспуска ковра. Главным среди них был такой: что произошло с той частью Королевства, куда вторглась Фуга? Конечно, это не слишком густонаселенное место: перед домом на много акров протянулся пустырь, а по сторонам от него раскинулись поля. Однако этот район не был совсем безлюдным Неподалеку стояло несколько домов, и плотность населения увеличивалась по направлению к Ирби-Хит. Что же случилось с теми домами? И с их обитателями?

Ответ оказался очень прост: Фуга растеклась между ними, хитроумно приспособившись к местности. Например, ряд уличных фонарей, теперь потухших, украсили цветущие лозы, как на античных колоннах; одна машина почти полностью вошла в бок холма, две другие были поставлены вертикально и привалены друг к другу.

С домами Фуга обошлась не столь безрассудно. Большинство остались нетронуты, лишь пышная растительность подступила к самым дверям, будто ждала приглашения войти.

Что касается чокнутых, то Сюзанна и Джерико встретили нескольких из них. Все были скорее изумлены, чем испуганы. Один человек, одетый только в штаны с подтяжками, жаловался вслух, что потерял своего пса.

— Чертова зверюга, — бормотал он. — Вы его не видали?

Кажется, его никак не взволновал тот факт, что мир вокруг переменился. И только когда он ушел вперед, выкрикивая имя беглеца, Сюзанна задумалась: а видит ли этот тип то же самое, что видит она? Возможно, его поразила та же избирательная слепота, что мешает людям рассмотреть ореолы вокруг собственных голов. Шел ли владелец собаки по знакомым улицам, не способный вырваться из клетки своих предубеждений? Или все-таки краем глаза он видел Фугу, чье сияние будет вспоминать потом в старческом маразме, горько оплакивая потерю?

Джерико не мог ответить на эти вопросы. Он не знает, заявил он, и ему совершенно наплевать.

А картины продолжали разворачиваться. С каждым шагом Сюзанну все сильнее изумляло многообразие пейзажей и предметов, которые ясновидцы спасли от уничтожения. Фуга, как она поняла, была не просто набором рощ и полей, где обитали призраки. Здесь повсюду разливалась святость, она была всеобщим состоянием, она пронизывала самые разные вещи и явления: крошечные и монументальные, природные и созданные человеком. Каждый уголок, каждая ниша приобщали к своим собственным тайнам.

Чтобы сохранить этот мир, потребовалось вырвать из контекста большую часть фрагментов, словно страницы из книги. Их края еще оставались неровными после грубого изъятия из естественных условий, а довольно беспорядочное соединение подчеркивало разнородность. Однако была в этом и положительная сторона. Несоответствие частей друг другу, когда частное смешивалось с общественным, обыденное со сказочным, задавало новый ритм и рождало сюжеты новых историй. Эти разрозненные страницы были готовы поведать их.

Порой по пути встречались совершенно неожиданные элементы, сопротивлявшиеся любой попытке слияния с другими. Собаки гуляли рядом с надгробьем, из треснувшей крышки которого вздымался огненный фонтан и пламя струилось, словно вода. Окно выглядывало из земли, его занавески поднимал к небу ветер, несущий с собой шум моря. Сюзанна не могла разгадать эти загадки, и они производили на нее глубочайшее впечатление. Здесь не было ничего такого, чего она не видела бы раньше: собаки, могилы, окна, огонь, — но в данных обстоятельствах они казались изобретенными заново и волшебными.

Только один раз она заставила Джерико, не желавшего отвечать на вопросы, кое-что

объяснить. Дело касалось Вихря: его облака были видны отовсюду, в ярчайших молниях четко вырисовывались холмы и деревья.

— Там находится храм Ткацкого Станка, — сказал Джерико. — Чем ближе ты подходишь к нему, тем большей опасности подвергаешься.

Сюзанна слышала о чем-то подобном в первую ночь, когда они говорили о ковре. Но сейчас хотела знать больше.

— А что там опасного? — спросила она.

— Заклятия, необходимые для создания Сотканного мира, не имеют себе равных. Чтобы управлять ими и связывать все воедино, требуется великое самопожертвование и огромная чистота. Большая часть мира не способна вынести такое. И теперь сила защищает себя сама, с помощью молний и бурь. Что очень разумно. Если кто-то вмешается в жизнь Вихря, чары Сотканного мира потеряют силу. Все, что мы собрали, распадется и будет уничтожено.

— Уничтожено?

— Так говорят. Я не знаю, правда это или нет. Я никогда не был силен в теориях.

— Но ты можешь творить заклятия.

Это замечание, похоже, обескуражило Джерико.

— Но это не значит, что я могу объяснить тебе, каким образом, — ответил он. — Я просто делаю это.

— Как именно? — спросила Сюзанна.

Она чувствовала себя ребенком, выспрашивающим у иллюзиониста секрет фокуса, но ей очень хотелось узнать, какие силы заключены в нем.

На лице Джерико появилось странное выражение, полное противоречий. На нем отразилось и смущение, и насмешка, и обожание.

— Может быть, я тебе покажу, — пообещал он. — Как-нибудь при случае. Я не умею танцевать или петь, но все-таки кое-чего стою. — Он замолк и остановился.

Сюзанне не потребовались объяснения, потому что она тоже услышала звенящие в воздухе колокольчики. Легкие и мелодичные, они не походили на церковные колокола, но тем не менее они призывали.

— Дом Капры, — сказал Джерико и снова двинулся вперед.

Колокольчики поняли, что их услышали, и не смолкали всю дорогу.

III
Наваждения

1

Бюллетень отдела Хобарта о побеге анархистов не прошел незамеченным, но тревогу забили только около одиннадцати, когда патрули разбирались с ночными потасовками, пьяными водителями и ворами, активизирующимися в этот час. В довершение ко всему на Стил-стрит случилась поножовщина со смертельным исходом, а какой-то трансвестит спровоцировал драку в пабе на Док-роуд. Так что когда на бюллетень наконец обратили внимание, беглецы были уже далеко, ускользнули через тоннель под Мерси и направились к поместью Шермана.

Однако на другом берегу реки, прямо на окраине Биркен-Хеда, их заметил бдительный патрульный по фамилии Дауни. Он оставил своего напарника в китайском ресторане заказывать чоп-суэй и утку по-пекински, а сам бросился в погоню. По радио предупреждали, что эти злоумышленники чрезвычайно опасны и не надо пытаться задержать их в одиночку. Поэтому патрульный Дауни держался на почтительном расстоянии, чему помогало прекрасное знание района.

Когда негодяи достигли пункта своего назначения, стало ясно, что это не обычная

погоня. Как только Дауни доложил о местоположении террористов, из участка ему сообщили, что у них тут ужасный беспорядок — слышит ли он рыдания на заднем плане? — и что делом займется лично инспектор Хобарт. Дауни же должен ждать и наблюдать.

И он принялся ждать и наблюдать, по ходу дела получив еще одно подтверждение, что творится что-то неладное.

Сначала в окнах второго этажа замелькали огни. Затем они вырвались наружу, прихватив с собой стену с окном.

Дауни вышел из машины и направился к дому. В его голове, привычной к составлению рапортов, уже мелькали прилагательные для описания увиденного. Он был безоружен, но это его не остановило. Свечение, вырвавшееся из дома, не было похоже ни на что, виденное им раньше наяву или во сне.

Дауни не был суеверным, поэтому немедленно начал подыскивать рациональное объяснение тому, что видел — или почти видел — вокруг. И он его нашел. Всему причиной НЛО, это очевидно. Дауни читал в газетах, как подобные вещи происходят с самыми обычными людьми, такими как он. И сейчас случилось вовсе не явление бога и не приступ безумия, а визит пришельцев из соседней галактики.

Довольный тем, что ему удалось разобраться в ситуации, патрульный поспешил обратно к машине, собираясь доложить обо всем по рации. Однако у него ничего не вышло. На всех частотах звучали сплошные помехи. Неважно, он ведь уже успел сообщить о своем местонахождении. Подкрепление скоро прибудет. Следовательно, от него требуется только наблюдать за событиями с зоркостью сокола.

Эта задача немедленно усложнилась, потому что пришельцы принялись бомбардировать его необычайными иллюзиями, призванными, очевидно, скрыть их деятельность от человеческих глаз. Волны энергии, расходившиеся от дома, опрокинули машину на бок (по крайней мере, так показалось его глазам, но он не собирался принимать это на веру), после чего вокруг стали резвиться смутные силуэты. Из асфальтированного шоссе у него под ногами полезли цветочки, какие-то звери выделывали акробатические трюки над головой.

Дауни видел, что несколько случайных прохожих тоже попали в сети наваждения. Одни смотрели в небо, другие падали на колени и молились о просветлении.

И оно пришло. Сознавая, что это лишь призраки, Дауни нашел в себе силы сопротивляться. Снова и снова он говорил себе, что все увиденное нереально, и в итоге видения спасовали перед его уверенностью, поблекли и под конец почти полностью рассеялись.

Дауни забрался в перевернутую машину и снова попытался передать сообщение, хотя понятия не имел, слышит его кто-нибудь или нет. Как ни странно, ему было наплевать. Он победил наваждение, и осознание этой победы проливалось бальзамом на сердце. Даже если сейчас за ним явятся чудовища, высадившиеся на землю сегодня вечером, он не испугается. Он скорее выколет собственные глаза, чем позволит им себя одурачить.

2

— Что-нибудь еще?

— Больше ничего, сэр, — сказал Ричардсон. — Только помехи.

— Забудьте о рации, — приказал Хобарт. — Просто ведите машину. Мы выследим их, даже если на это уйдет вся чертова ночь.

Пока они ехали, Хобарт мысленно возвращался к недавним событиям. Его люди превратились в пускающих пузыри идиотов, его камеры заполнены дерьмом и молитвами. У него есть причины разобраться с этими силами тьмы.

В былые времена он не стал бы с такой готовностью браться за роль мстителя. Когда-то он не позволял себе проявлять ни капли личной заинтересованности. Однако жизненный опыт сделал из него честного человека. Теперь — во всяком случае, среди своих людей — он

не делал вид, будто чужд эмоций, а открыто признавал, что жаждет мести.

Ведь в конечном итоге поимка и наказание преступника есть способ плюнуть в глаза тому, кто плюнул в тебя. Закон — всего лишь другое название отмщения.

IV
Вассальная зависимость

1

Около восьмидесяти лет прошло с тех пор, как три сестры в последний раз ходили по землям Фуги. Восемьдесят лет изгнания в Королевстве чокнутых, восемьдесят лет ревностного поклонения, сменяющегося поношением, почти безумие среди потомков Адама, необходимость сносить бесчисленные унижения — и все ради того, чтобы в один прекрасный день мстительно вцепиться в Сотканный мир.

Теперь они зависли в воздухе над этой восхитительной землей — ее прикосновение было настолько противно их природе, что пройтись по ней пешком стало бы настоящей пыткой, — и внимательно исследовали Фугу от края до края.

— Она чересчур уж пахнет жизнью, — заметила Магдалена, поднимая голову навстречу ветру.

— Дай нам время, — отозвалась Иммаколата.

— А как там Шедуэлл? — спросила Карга. — Где он сейчас?

— Надо полагать, высматривает клиентов, — ответила инкантатрикс. — Необходимо его разыскать. Я не хочу, чтобы он бродил здесь сам по себе. Он непредсказуем.

— И что тогда?

— Мы позволим свершиться неизбежному, — ответила Иммаколата, плавно разворачиваясь, чтобы рассмотреть каждый ярд этой священной земли. — Позволим чокнутым растащить Фугу на клочки.

— А как же аукцион?

— Никакого аукциона. Слишком поздно.

— Тогда Шедуэлл поймет, что ты использовала его.

— Не больше, чем он использовал меня. Во всяком случае, хотел бы использовать.

Дрожь прошла по призрачному телу Магдалены.

— А тебе никогда не хотелось отдаться ему? — спросила она осторожно. — Всего разочек.

— Нет. Никогда.

— Тогда позволь мне взяться за него. Я смогла бы его использовать. Представь, какие от него будут дети.

Иммаколата протянула руку и вцепилась в хрупкую шею сестры.

— Ты не посмеешь тронуть его, — сказала она. — Даже пальцем.

Физиономия призрака нелепо вытянулась в гротескном выражении разочарования.

— Я знаю, — согласилась Магдалена. — Он принадлежит тебе. И телом и душой.

Старая Карга засмеялась.

— У этого человека нет души, — заявила она.

Иммаколата выпустила Магдалену, и гнилостные миазмы от призрачного тела сестры протянулись в воздухе между ними.

— О, душа у него есть, — возразила Иммаколата, позволяя гравитации опустить себя вниз. — Но я не хочу даже малой части ее. — Ее ноги коснулись земли. — Когда все закончится, когда ясновидцы окажутся в руках чокнутых, я отпущу его восвояси. Не причинив никакого вреда.

— А мы? — спросила Карга. — Что будет с нами? Нас ты тоже отпустишь?

— Все как мы договаривались.

— Мы сможем кануть в забвение?

— Если вы хотите этого.

— Больше всего на свете, — заверила Карга. — Больше всего.

— Есть вещи и похуже, чем бытие, — заметила Иммаколата.

— Да ну? — удивилась Карга. — Можешь назвать хоть одну?

Иммаколата призадумалась.

— Нет, — признала она с легким вздохом разочарования. — Наверное, ты права, сестрица.

2

Шедуэлл сбежал из распадающегося дома через мгновение после того, как Кэл с Нимродом выскочили в окно, и едва избежал столкновения с облаком, поглотившим Деверо. Шедуэлл упал лицом вниз, рот его был полон пыли и чувствовал горький вкус поражения. Распродажа Распродаж после стольких лет радостного ожидания закончилась разрушением и унижением — от этого впору разрыдаться.

Но Шедуэлл не стал рыдать. Во-первых, по натуре он был оптимистом и в сегодняшней неудаче видел зерно завтрашней сделки. Во-вторых, зрелище Фуги, обретающей очертания, заставило его позабыть обо всех огорчениях. А в-третьих, он нашел того, кому было еще хуже, чем ему.

— Что, черт возьми, происходит?

Это был Норрис, король гамбургеров. Кровь и известковая пыль покрывали правую часть его лица, в эпицентре урагана он потерял половину пиджака, большую часть брюк и один прекрасный итальянский ботинок. Второй ботинок Норрис нес в руках.

— Я с тебя шкуру спущу! — заорал он на Шедуэлла. — Ты, ослиная задница! Только посмотри на меня, твою мать!

Он стал колотить Шедуэлла ботинком, но у Коммивояжера не было настроения получать оплеухи. Он от души дал сдачи. Через секунду они уже сцепились, как двое пьяниц, не обращая внимания на невероятные виды, оживающие рядом с ними. После драки оба задышали еще тяжелее, чем прежде, и еще больше испачкались в крови, однако это никак не способствовало решению их проблем.

— Ты должен был принять меры предосторожности! — выплюнул Норрис.

— Слишком поздно теперь предъявлять обвинения, — ответил Шедуэлл. — Сотканный мир распускается, хотим мы того или нет!

— Я бы и сам распустил его, — сказал Норрис. — Если бы заполучил. Но я был бы наготове, в ожидании. У меня были бы силы войти внутрь и управлять им. А теперь что? Это же хаос! Я даже не знаю, где тут выход!

— Да где захочешь. Фуга не такая уж большая. Если хочешь выйти, иди в любом направлении.

Этот простой совет немного успокоил Норриса. Он обратил внимание на раскинувшийся вокруг ландшафт.

— Впрочем, я не знаю, — произнес он. — Возможно, так оно и лучше. По крайней мере, теперь видно, что я мог бы купить.

— И как оно тебе?

— Все не так, как я себе представлял. Я ожидал чего-то более… прирученного. Честно говоря, теперь я не уверен, что хочу обладать этим местом.

Голос его замер, когда какое-то животное — такого явно не видели ни в одном зоопарке мира — выскочило из путаницы нитей и зарычало, приветствуя мир, а потом умчалось вдаль.

— Видал? — спросил Норрис. — Что это было?

Шедуэлл пожал плечами.

— Я не знаю, — сказал он. — Здесь, наверное, водятся твари, вымершие задолго до нашего рождения.

— Но вот это… — произнес Норрис, глядя вслед составленному из разнородных фрагментов зверю. — Я никогда не видел ничего подобного, даже в книжках. Точно тебе говорю, не нужно мне это гребаное место. Выведи меня отсюда!

— Ты и сам найдешь выход, — заявил Шедуэлл. — У меня здесь дела.

— Никаких дел, — возразил Норрис, тыча в него ботинком. — Мне нужен телохранитель. Ты им и будешь.

Вид короля гамбургеров, превратившегося в неврастеника, позабавил Шедуэлла. Более того, истерика Норриса дала ему ощущение безопасности. Может быть, зря.

— Слушай, — произнес Коммивояжер, смягчаясь. — Мы с тобой вляпались в одно и то же дерьмо…

— Черт, это верно.

— У меня есть кое-что, оно тебе поможет, — продолжал Шедуэлл, распахивая пиджак. — Чтобы подсластить пилюлю.

Норрис смотрел с подозрением.

— Ну и что это?

— Только взгляни, — произнес Шедуэлл, открывая подкладку пиджака. — Что ты там видишь?

Норрис утер кровь, затекающую в левый глаз, и уставился на подкладку. Последовала пауза. Шедуэлл уже засомневался, действует ли пиджак, но затем улыбка медленно расползлась по лицу Норриса, и знакомое, столько раз виденное выражение появилось в его глазах.

— Видишь что-нибудь такое, что тебе нравится? — спросил его Шедуэлл.

— Конечно вижу.

— Так бери. Оно твое. Бесплатно, даром, просто так.

Норрис улыбнулся почти застенчиво.

— Где ты только его нашел? — спросил он, протягивая к пиджаку дрожащую руку. — Прошло столько лет…

С огромной осторожностью он вынул из складок пиджака то, что его соблазняло. Это оказалась заводная игрушка, солдатик с барабаном, настолько преданно и ясно сохранившийся в его памяти, что у иллюзии, которую Норрис сжимал в руке, в надлежащих местах были воссозданы все зазубрины и царапины.

— Мой барабанщик, — произнес Норрис, рыдая от радости, как будто только что заполучил восьмое чудо света, — О, мой барабанщик! — Он перевернул солдатика. — Но тут нет ключика, — сказал он. — У тебя остался ключик?

— Может быть, со временем я найду его для тебя, — пообещал Шедуэлл.

— У него сломана одна рука, — продолжал Норрис, поглаживая солдатика по голове. — Но он все равно барабанит.

— Ты счастлив?

— О да. Да, спасибо тебе.

— Тогда положи его в карман, а то не сможешь меня нести, — сказал Шедуэлл.

— Нести тебя?

— Я очень устал. Мне нужна лошадь.

Норрис не выказал ни малейшего сопротивления, хотя Шедуэлл был гораздо крупнее и тяжелее его. Барабанщик купил его всего с потрохами, и, пока игрушка была при нем, Норрис скорее рискнул бы сломать себе спину, чем ослушаться того, кто вручил ему подарок.

Мысленно смеясь, Шедуэлл вскарабкался на спину Норрису. Пусть сегодня все планы пошли наперекосяк, но, пока люди страстно мечтают о чем-то, Коммивояжер по-прежнему обладает властью над их душами.

— Куда ты хочешь, чтобы я тебя отвез? — спросил его скакун.

— Куда-нибудь повыше, — велел Шедуэлл. — Отвези меня куда-нибудь повыше.

V

Фруктовый сад Лемюэля Ло

1

Ни Боуз, ни Ганза не были словоохотливыми проводниками. Они почти всю дорогу молчали, открывая рот лишь затем, чтобы предупредить Кэла об опасном участке почвы или призвать его держаться поближе при входе в колоннаду, где слышалось сопение собак. В некотором смысле он был даже рад их молчанию. Он не хотел экскурсии по этим землям; только не этой ночью. С той самой минуты, когда он впервые взглянул на Фугу сверху, со стены сада Мими, он знал: эту страну невозможно нанести на карту, невозможно описать и запомнить все, что в ней есть, как он запоминал свои любимые расписания поездов. Надо научиться понимать Сотканный мир совсем иначе, не как факт, а как ощущение. Границы пропасти, разделявшей его сознание и осмысляемый мир, рассеялись в тумане. В этом мире даже у эха имелось эхо. Каждый из них — и мир, и сам Кэл — был мыслью в голове другого. Это знание, которое он никогда не сумел бы выразить словами, превратило путешествие по Фуге в турне по его собственной жизни. Безумный Муни говорил, что стихи каждый слышит по-разному, такова природа поэзии. Такова же, как понял теперь Кэл, и суть географии.

2

Они шли по длинному склону. Кэл думал, что это, наверное, кузнечики откатываются волнами от его ног; земля казалась живой.

С вершины холма открылся вид на поле. К дальней его стороне примыкал фруктовый сад.

— Почти пришли, — сказала Ганза, и они двинулись в сторону сада.

Фруктовый сад показался Кэлу самым крупным из цельных фрагментов, до сих пор попадавшихся ему на глаза. Здесь было три-четыре десятка деревьев, высаженных рядами и заботливо подстриженных, так что ветви едва соприкасались. А под лиственным пологом протянулись коридоры, поросшие ухоженной травой, бархатистой в неровном свете.

— Это сад Лемюэля Ло, — пояснил Боуз, когда они вошли под деревья. Его нежный голос звучал еще мягче, чем прежде. — Сказка даже среди сказок.

Ганза возглавила их процессию под деревьями. Воздух был неподвижный, теплый, сладкий. Ветви отягощены фруктами, названия которых Кэл не знал.

— Это иудины груши, — подсказал ему Боуз. — Они из тех плодов, какими мы никогда не делились с чокнутыми.

— А почему?

— На то есть причины, — заверил Боуз. Он посмотрел на Ганзу, но та уже исчезла в одной из аллей. — Ты угощайся, — сказал он Кэлу, удаляясь от него в поисках своей подруги. — Лем не будет возражать.

Поначалу Кэлу казалось, что сад просматривается насквозь, но глаза его подвели. Боуз отошел от него шага на три и пропал.

Кэл протянул руку к низко склонившейся ветке и потянул к себе плод. Как только он сделал это, в кроне дерева началась возня, а затем что-то скатилось к нему вниз по ветке.

— Только не этот!

Голос звучал как настоящий бас-профундо. А говорила обезьянка.

— Наверху они гораздо слаще, — сообщила она, поднимая на Кэла карие глаза.

Потом обезьянка умчалась туда, откуда пришла, и от ее прыжков на Кэла посыпались листья. Он попытался проследить за ее перемещениями, но зверек двигался слишком быстро. Вскоре обезьянка вернулась обратно с плодами, и не с одним, а двумя. Она уселась на ветку и сбросила плоды Кэлу.

— Очисти их, — предложила она. — По одному на каждого.

Несмотря на название, плоды не были похожи на груши. Они были размером со сливу и покрыты плотной кожицей. Хотя и толстая, эта кожица не могла скрыть аромат, исходящий от заключенной внутри мякоти.

— Чего же ты ждешь? — требовательно спросила обезьянка. — Они вкусные. Это головокружители. Очисти и сам попробуй.

Присутствие говорящей обезьяны — одно это заставило бы Кэла остолбенеть неделю назад — сейчас воспринималось само собой, как часть местного колорита.

— Так вы зовете их головокружителями? — уточнил он.

— Иудины груши, головокружительные фрукты. Это одно и то же.

Обезьянка не спускала глаз с рук Кэла, дожидаясь, пока он очистит грушу. Но чистить их было сложнее, чем любые фрукты, с какими он имел дело раньше; видимо, поэтому обезьянка и заключила с ним договор. Липкий сок брызгал из-под содранной кожицы и стекал по рукам, аромат становился все более соблазнительным. Едва он дочистил первую грушу, как обезьянка выхватила у него фрукт и принялась жадно есть.

— Вкусно… — бормотала она с набитым ртом.

Ее довольному урчанью эхом вторил голос из-под дерева. Кто-то довольно причмокнул, и Кэл отвлекся от своих трудов, увидев под деревом человека. Тот сидел на корточках и сворачивал самокрутку. Кэл посмотрел на обезьянку, затем снова на человека, и голос зверька обрел для него новый смысл.

— Отличный фокус, — заметил Кэл.

Мужчина поднял на него глаза. Черты его лица были совершенно монголоидными, на лице расплылась широкая улыбка, как будто непонимающая.

— Какой еще фокус? — поинтересовался голос из ветвей.

Сбитый с толку этим лицом под деревом, Кэл решил настаивать на своей догадке и адресовал ответ не кукле, а кукловоду:

— С чревовещанием.

Незнакомец по-прежнему улыбался, выказывая полное непонимание. Зато обезьянка громко засмеялась.

— Ты лучше ешь, — сказала она.

Пальцы Кэла быстро содрали с плода кожуру. Головокружитель был очищен, однако какое-то неясное подозрение мешало Кэлу поднести его ко рту.

— Попробуй, — сказала обезьянка. — Они не ядовитые.

Аромат был слишком соблазнительным, чтобы отказаться. Кэл откусил кусочек.

— Во всяком случае, для нас, — добавила обезьянка и снова засмеялась.

На вкус фрукт оказался еще лучше, чем можно было предположить по запаху. Мякоть сочная, а сок густой, как ликер. Кэл облизал пальцы и испачканные ладони.

— Понравилось?

— Очень.

— Еда и питье разом. — Обезьянка посмотрела на человека под деревом. — Хочешь, Смит? — спросила она.

Мужчина поднес к самокрутке спичку и затянулся.

— Ты меня слышишь?

Так и не получив ответа, обезьянка снова убежала на верхние ветви.

Кэл, доедавший свою грушу, обнаружил в середине косточки. Он сжевал и их. Легкая горечь семечек только оттеняла сладость плода.

Теперь он услышал, что где-то между деревьями звучала музыка. То весело и ритмично, то задумчиво.

— Еще одну? — спросила обезьянка, появляясь из ветвей на этот раз не с парой, а с целой пригоршней плодов.

Кэл проглотил последний кусочек.

— Условия сделки прежние, — сказала обезьянка.

Охваченный неожиданной алчностью, Кэл взял три груши и принялся очищать их.

— Здесь есть кто-то еще, — обратился он к кукловоду.

— Ну конечно, — подтвердила обезьянка. — Это место всегда было многолюдным.

— Почему ты все время разговариваешь через животное? — спросил Кэл, когда пальчики обезьянки забирали из его руки грушу.

— Меня зовут Новелло, — сообщила обезьянка. — И кто тебе сказал, что он вообще умеет разговаривать?

Кэл засмеялся — и над собой, и над представлением.

— Дело в том, — продолжала обезьянка, — что ни один из нас уже не понимает, кто есть кто. Но ведь это и есть любовь, ты не находишь?

Она закинула голову назад и сжала грушу в пальцах, так что сок полился ей прямо в горло.

Музыка изменилась, стала по-новому пленительной. Кэлу очень хотелось понять, на каких инструментах ее играют. Кажется, скрипки, а еще флейты и барабаны. Однако до него доносились и другие звуки, происхождение которых он не мог определить.

— Прошу прощения, у нас тут вечеринка, — сказал Новелло.

— Должно быть, большой прием.

— Да уж, пожалуй. Хочешь взглянуть?

— Да.

Обезьянка пробежала по веткам и спустилась по стволу туда, где сидел Смит. Кэл дожевал семечки второго головокружителя, протянул руку между листьями, сорвал еще горсть фруктов, сунул в карман на случай, если потом захочется перекусить, и взялся за очередную грушу.

Звуки обезьяньей болтовни заставили Кэла посмотреть на Новелло и Смита. Зверюшка сидела на груди человека, и они разговаривали друг с другом: сплошь лепет и вскрики. Кэл переводил взгляд с человека на обезьянку и снова на человека. Он не мог понять, кто из них говорит и о чем.

Беседа вдруг резко оборвалась. Смит поднялся, обезьянка теперь сидела у него на плече. Не позвав за собой Кэла, они двинулись между деревьями. Кэл пошел следом, на ходу очищая и откусывая груши.

Люди, гулявшие по саду, занимались тем же: стояли под деревьями и угощались фруктами. Двое даже забрались на деревья и сидели, укрытые ветвями, купаясь в напоенном ароматами воздухе. Другие же, либо равнодушные к фруктам, либо пресытившиеся ими, развалились на траве и негромко переговаривались друг с другом. Атмосфера царила самая миролюбивая.

«Небеса — это цветущий сад, — подумал на ходу Кэл, — а Бог — изобилие».

— Это фрукты в тебе говорят, — сказал Новелло.

Кэл не подозревал, что говорит вслух. Он поглядел на обезьянку, смутно чувствуя, что потерял ориентацию в пространстве.

— Ты поосторожнее, — предупредил зверек, — слишком много иудиных груш тебе повредят.

— У меня крепкий желудок, — ответил Кэл.

— А кто говорит о желудке? — удивилась обезьянка. — Эти плоды не просто так называют головокружителями.

Кэл не обратил внимания на предостережение. Снисходительный тон зверька рассердил его. Он ускорил шаг и обогнал человека с обезьянкой.

— За собой смотри, — бросил он Новелло.

Кто-то промелькнул между деревьями впереди, и до Кэла донесся отголосок смеха. Звук мгновенно сделался видимым, подъем и падение тона стали всплесками света, разлетевшимися в стороны, как лепестки нарциссов на шквальном ветру. Волшебство за волшебством. Очищая на ходу новый чудесный плод Ло, Кэл поспешил на звуки музыки.

И его взгляду открылось зрелище. Сине-желтый ковер был расстелен на земле под деревьями, плавающие в масле фитили мигали по его периметру, а вдоль края выстроились

музыканты, которых он слышал. Их было пятеро: три женщины и двое мужчин в официальных костюмах и платьях темных тонов. В ткань нарядов были вплетены сверкающие узоры, и от малейшего движения материя так переливалась в свете коптилок, что Кэл вспомнил радужных тропических бабочек. Однако более всего поражал тот факт, что у квинтета не было инструментов. Они выпевали партии скрипок, флейт и барабанов, добавляя к этому еще один, совершенно особенный звук, не похожий ни на один из известных. Эта музыка не подражала звукам природы: пению птиц или китов, шуму деревьев или водопада, — но выражала то, что невозможно передать словами, что лежит между биениями сердца, куда не в силах заглянуть разум.

От их музыки волны счастья бежали по спине Кэла.

Представление привлекло около тридцати ясновидцев, и Кэл присоединился к ним. Некоторые заметили его появление и исподтишка бросали в его сторону любопытные взгляды.

Кэл рассматривал публику и пытался понять, к какому из четырех семейств они относятся. Но это оказалось почти невозможным. Поющий оркестр предположительно состоял из Айя — ведь Апполин упоминала, что кровь Айя наделила ее хорошим певческим голосом Но кто остальные? Кто принадлежит, например, к Бабу — роду Джерико? Кто Йе-ме, а кто Ло? Он видел негритянские и кавказские лица, пару физиономий ярко выраженного восточного типа, а некоторые имели и вовсе нечеловеческие черты: у кого-то были золотистые глаза Нимрода (и, надо полагать, хвост), у одной пары по лицу тянулись симметричные узоры, а другие украсили себя — то ли под воздействием моды, то ли из религиозных убеждений — мастерски сделанными татуировками и необыкновенными прическами. То же ошеломляющее многообразие наблюдалось и в одежде. Строгие платья конца девятнадцатого века были перекроены в соответствии со вкусами владельцев, а в расцветке юбок, пиджаков и жилетов проглядывало то же самое радужное многоцветие: по-карнавальному яркие нити только того и ждали, чтобы выделиться из однотонной материи.

Кэл переводил восхищенный взгляд с одного лица на другое и ловил себя на том, что мечтает подружиться с каждым из них, хочет познакомиться с ними, прогуляться, поделиться своими тайнами. Он смутно подозревал должно быть, в нем говорят фрукты. Но раз они так говорят, это мудрые фрукты.

Он уже утолил голод, но все же вынул из кармана еще одну грушу и собирался очистить ее, когда музыка вдруг смолкла. Раздались аплодисменты и свист. Квинтет раскланялся. После чего поднялся бородатый мужчина с морщинистым, словно грецкий орех, лицом, до этого сидевший на стуле у кромки ковра. Он посмотрел прямо на Кэла и произнес:

— Друзья мои, друзья мои… среди нас находится чужестранец…

Аплодисменты смолкли. Все лица повернулись к Кэлу, и он ощутил, как его щеки заливает румянец.

— Идите сюда, мистер Муни! Мистер Кэлхоун Муни!

Ганза говорила правду — здешний воздух разносил слухи.

Человек манил его рукой. Кэл забормотал что-то, отказываясь.

— Идите же сюда. Развлеките нас немного! — сказал человек.

От этих слов сердце Кэла бешено забилось.

— Я не могу, — ответил он.

— Ну конечно вы можете, — широко улыбнулся человек. — Разумеется, можете!

Снова раздались аплодисменты. Сияющие лица улыбались ему. Кто-то коснулся его плеча. Кэл обернулся и увидел Новелло.

— Это мистер Ло, — сообщила обезьянка. — Ты не можешь ему отказать.

— Но я ничего не умею…

— Все что-нибудь да умеют, — возразила обезьянка. — Хотя бы громко пукнуть.

— Ну, идите же! — звал Кэла Лемюэль Ло. — Не стесняйтесь.

Против собственной воли Кэл пробрался сквозь публику к ряду коптилок.

— Честное слово, — сказал он Ло, — я сомневаюсь…

— Вы с аппетитом ели мои фрукты, — отозвался Ло совершенно беззлобно, — и самое меньшее, что вы можете сделать, — развлечь нас.

Кэл огляделся в поисках поддержки, но увидел лишь внимательно глядящие на него лица.

— Я не умею петь, и ноги у меня растут не оттуда, чтобы танцевать, — признался он в надежде, что это самоуничижение поможет ему спастись.

— Ваш прадед был поэтом? — спросил Лемюэль. Он почти укорял Кэла за то, что гость не упомянул о таком факте.

— Верно, — кивнул Кэл.

— Разве вы не можете прочитать нам стихотворение вашего прадеда? — предложил Лемюэль.

Кэл на секунду задумался. Он ясно понял, что ему не дадут выйти из круга, если он не заплатит за свою жадность хотя бы символически, а предложение Лемюэля было не так уж плохо. Много лет назад Брендан научил Кэла паре отрывков из творений Безумного Муни. В то время Кэл нашел в них мало смысла — ему было лет шесть, — однако их ритм завораживал.

— Ковер в вашем распоряжении, — произнес Лемюэль и отступил в сторону, пропуская Кэла на сцену.

Кэл еще не успел мысленно пробежаться по строчкам — все-таки он учил их двадцать лет назад, — как уже стоял на ковре, глядя на зрителей сквозь ряд мерцающих огней.

— Мистер Ло сказал правду, — начал он, полный сомнений. — Мой прадед…

— Погромче! — крикнул кто-то.

— Мой прадед был поэтом. Я попытаюсь прочесть одно его стихотворение. Не знаю, вспомню ли я, но буду стараться.

При этих словах раздались разрозненные аплодисменты, отчего Кэл растерялся еще сильнее, чем прежде.

— А как оно называется, это стихотворение? — спросил Лемюэль.

Кэл напряг память. В названии было еще меньше смысла, чем в самих стихах, когда он заучивал их, однако он все равно запомнил его бездумно, как попугай.

— Стихотворение называется «Шесть банальностей», — произнес он.

Язык Кэла воспроизвел слова быстрее, чем разум успел сдуть с них пыль.

— Читайте же, мой друг, — произнес хозяин сада.

Публика затаила дыхание, только пламя металось в плошках по периметру ковра. Кэл начал.

— Любови часть…

Одно жуткое мгновение разум был абсолютно пуст. Если бы кто-то сейчас окликнул его по имени, он не сумел бы ответить. Два слова, и Кэл начисто лишился дара речи.

В тот панический момент Кэл осознал, что больше всего на свете хочет произвести приятное впечатление на это чудесное собрание, хочет показать, как он счастлив находиться среди них. Но его проклятый язык…

Где-то в глубине мозга поэт произнес:

«Давай, мальчик. Расскажи им, что знаешь. Не пытайся вспоминать. Просто рассказывай!»

Кэл начал снова, на этот раз не запинаясь, а с полной уверенностью, как будто прекрасно помнил все строчки. И, черт побери, так оно и было. Слова легко выходили из его уст, он говорил таким звучным голосом, какого никогда в себе не подозревал. Голосом барда он декламировал:

Любови часть — невинность,
Любови часть есть блуд,
А часть любови — молоко,
Что киснет, как прольют.

Любови часть — сочувствие,
Любови часть — сумах,
А часть любви — предчувствие
Возврата плоти в прах.

Восемь строк, и все они произнесены. Кэл стоял, а слова эхом отдавались у него в голове; он был рад, что сумел дочитать без запинки, и в то же время мечтал, чтобы стихи продолжались. Он поднял глаза на слушателей. Больше никто не улыбался, все странно смотрели на него изумленными глазами. В первую секунду Кэл забеспокоился, не оскорбил ли он их чем-то. Но затем раздались аплодисменты. Все хлопали, поднимая руки над головами. Послышались одобрительные крики и свистки.

— Чудесное стихотворение! — сказал Ло, от души аплодируя. — И чудесно исполнено!

С этими словами он снова вышел из толпы зрителей и дружески обнял Кэла.

«Ты слышал? — спросил Кэл поэта у себя в голове. — Ты им понравился».

И в ответ пришел еще один поэтический отрывок, как будто только что сочиненный Безумным Муни. Кэл не стал читать его вслух, но явственно услышал:

Простите мне мои грехи!
Чтоб вас развлечь, пишу стихи!

До чего же это чудесное занятие — развлекать публику! Кэл тоже обнял Лемюэля.

— Не стесняйтесь, мистер Муни, — предложил хозяин сада, — угощайтесь, ешьте фрукты сколько пожелаете.

— Благодарю, — сказал Кэл.

— А вы были знакомы с поэтом? — спросил Ло.

— Нет, — ответил Кэл. — Он умер до моего рождения.

— Разве умер тот, чьи слова и чувства до сих пор вызывают трепет? — возразил мистер Ло.

— Это правда, — согласился Кэл.

— Конечно, правда. Могу ли я в такую ночь лгать?

Сказав это, Лемюэль вызвал из толпы кого-то еще, и на ковер вышел новый исполнитель. Отступая за ряд огней, Кэл ощутил укол ревности. Он мечтал о повторении того захватывающего мига, желал снова ощутить, как его речи завораживают публику, трогают сердца и оставляют след в душах. Он мысленно пообещал себе выучить что-нибудь еще из стихов Безумного Муни, как только окажется дома. И когда он попадет сюда в следующий раз, у него наготове будут новые чудесные строки.

Его то и дело целовали и жали ему руку, пока он пробирался через толпу. Когда он снова посмотрел на ковер, то с удивлением обнаружил, что следующий номер исполняют Боуз с Ганзой. Еще сильнее он удивился, осознав, что они обнажены. Их нагота была совершенно лишена эротизма — такая же чопорная, как сброшенная ими одежда. Никто из зрителей не выказывал ни малейшей неловкости, все смотрели на пару так же серьезно и выжидающе, как до того на Кэла.

Боуз с Ганзой разошлись на противоположные стороны ковра, постояли мгновение, затем развернулись и начали сходиться. Они медленно сближались, пока не соприкоснулись: нос к носу, губы к губам. У Кэла промелькнула мысль, что это все-таки эротический номер, пусть и не совпадающий с его представлениями об эротике, поскольку партнеры продолжали сближаться. Точнее, если верить глазам, они продолжали вдвигаться друг в друга, лица их исчезали, торсы и конечности сливались, пока не осталось одно тело, а головы не превратились в один гладкий шар.

Иллюзия была полная. Но это еще не все: Боуз и Ганза не останавливались, они двигались вперед, и теперь их лица проступали из затылков друг друга, словно кости их сделались мягкими, как пастила. А они все продолжали движение, пока не стали похожи на

сиамских близнецов, сросшихся спинами. Общая голова разделилась, и возникло два лица.

А потом, словно увиденного было недостаточно, фокус перешел в следующую фазу: во время этого движения оба поменяли пол, чтобы в итоге занять — снова разделившись — места друг друга.

Это и есть любовь, как сказала обезьянка. Теперь Кэл получил доказательство ее слов, воплощенное телесно.

Актеры раскланивались, звучали овации. Кэл отошел от толпы и устремился под деревья. Смутные мысли роились в его голове. Первая: он не может торчать здесь всю ночь, надо отыскать Сюзанну. Вторая: было бы разумно найти себе проводника — может быть, подойдет обезьяна?

Но главное, его внимание снова привлекли склоненные под тяжестью плодов ветки. Он протянул руку, сорвал пригоршню фруктов и стал очищать их от кожуры. Звуки импровизированного водевиля Ло все еще долетали до Кэла. Он услышал смех, потом новые аплодисменты, и опять зазвучала музыка.

Кэл ощутил, что его конечности налились тяжестью, пальцы едва шевелились, веки закрывались. Он подумал, что лучше присесть, пока не упал, и устроился под деревом.

Дремота наваливалась на него, сопротивляться не было сил. Ничего страшного, если он немного поспит. Он здесь в полной безопасности, омытый звездным светом и аплодисментами. Веки Кэла затрепетали и закрылись. Казалось, он видит приближение сна: огни сделались ярче, а голоса громче. Он улыбнулся, приветствуя их.

Ему снилась прежняя жизнь.

Он стоял в комнате с закрытыми ставнями, заключенной у него в мозгу. Забытые дни возникали на стене, как картинки из волшебного фонаря; эпизоды извлекались из груды позабытых воспоминаний. Кэл даже не подозревал об их существовании. Однако сцены, мелькавшие перед ним сейчас, — отрывки из неоконченной книги его жизни — уже не казались реальными. Эта книга была собранием выдумок, а правдивой сделалась, в лучшем случае, только тогда, когда он выпрыгнул из своей банальной истории и заметил проблеск застывшей в ожидании Фуги.

Шум аплодисментов вырвал Кэла из сна, глаза его открылись. Звезды по-прежнему светили меж ветвей фруктовых деревьев, по-прежнему слышался смех, а огни коптилок были совсем близко. Все шло своим чередом на его только что обретенной земле.

«Я не жил до этого момента, — думал Кэл, пока шло представление на ковре. — Просто не жил».

Удовлетворенный этим пониманием, он мысленно очистил очередную грушу Ло и поднес ее ко рту.

Кто-то где-то зааплодировал ему. Кэл поклонился, однако на этот раз уже не проснулся.

VI
В Доме Капры

1

Дом Капры оказался для Сюзанны таким же сильным потрясением, как и все, что она уже видела в Фуге. Это было низкое здание, явно нуждающееся в ремонте: белая штукатурка, некогда белая, осыпалась со стен и обнажила крупные красные кирпичи, изготовленные вручную. Плитки на крыльце потрескались от времени, дверь едва держалась на петлях. Вокруг росли миртовые деревья, а на их ветвях висели мириады колокольчиков, отвечавших на самое слабое дуновение ветра. На этот звон они и пришли. Однако теперь звуки колокольчиков заглушали громкие голоса, доносившиеся из дома. Шум больше походил на мятежные крики, чем на цивилизованную дискуссию.

На пороге стоял стражник; точнее, сидел на корточках, выкладывая на земле зиккурат

из камешков. При их приближении он поднялся на ноги. Росту в нем оказалось добрых семь футов.

— Какое у вас дело? — требовательно спросил он Джерико.

— Нам необходимо попасть на совет…

Сюзанна слышала доносившийся из дома женский голос, звучавший отчетливо и уверенно.

— Я не собираюсь снова ложиться и засыпать! — восклицала женщина.

Ее реплику поддержал одобрительный рев голосов.

— Нам жизненно важно попасть на совет, — повторил Джерико.

— Невозможно, — ответил стражник.

— Это Сюзанна Пэрриш, — пояснил Джерико. — Она…

Ему не было нужды продолжать.

— Я знаю, кто она такая, — проговорил стражник.

— Если ты знаешь, кто я, тогда ты знаешь, что это я разбудила Сотканный мир, — сказала Сюзанна. — И совет должен услышать мое мнение.

— Да, — согласился стражник. — Это я понимаю.

Он обернулся на дверь. Шум все усиливался.

— Но там настоящий сумасшедший дом, — предупредил он. — Тебе повезет, если тебя кто-нибудь услышит.

— Буду кричать во все горло, — пообещала Сюзанна.

Стражник кивнул.

— Не сомневаюсь, — произнес он. — Идите прямо.

И он отступил в сторону, указав на полуоткрытую дверь в конце короткого коридора.

Сюзанна набрала в грудь воздуха, обернулась на Джерико, убеждаясь, что он готов следовать за ней, затем прошла по коридору и толкнула дверь.

Комната была большая и полностью забитая народом. Кто-то сидел, кто-то стоял, некоторые даже влезли на стулья, чтобы лучше видеть главных спорщиков. В центре внимания находилось пять человек. Одна из них — женщина с растрепанными волосами и диким взглядом, Иоланда Дор, как сообщил Джерико. Сторонники Иоланды сбились в кучу у нее за спиной и настойчиво подстрекали ее к продолжению спора. Она наступала на двух мужчин: длинноносого типа со свекольно-красным от крика лицом и его пожилого товарища. Второй пытался успокоить длинноносого, удерживая его за руку. Они явно составляли оппозицию. Между враждующими сторонами находились еще двое: негритянка, страстно увещевавшая спорщиков, и человек восточной внешности, одетый с иголочки. Судя по всему, он был председателем собрания и явно не справлялся со своими обязанностями. Еще несколько мгновений, и в ход пойдут кулаки.

Присутствие новых людей было замечено несколькими участниками совета, однако главные оппоненты продолжали неистовствовать, не слушая доводов друг друга.

— Как зовут мужчину посередине? — спросила у Джерико Сюзанна.

— Танг, — ответил Джерико.

— Спасибо.

Не говоря больше ни слова, Сюзанна шагнула навстречу участникам дискуссии.

— Мистер Танг, — произнесла она.

Человек поглядел на нее, и раздражение на его лице сменилось паникой.

— Кто ты такая? — спросил он.

— Сюзанна Пэрриш.

Одного этого имени оказалось довольно, чтобы все споры тотчас же прекратились. Все поспешно оборачивались и смотрели на Сюзанну.

— Чокнутая! — возвестил старик. — В Доме Капры!

— Заткнись, — велел Танг.

— Так это ты! — изумилась негритянка. — Ты!

— Да?

— Ты понимаешь, что ты сделала?

Этот вопрос вызвал новый всплеск эмоций, отвлекший присутствующих от спора людей в центре комнаты. Вопили все.

Танг, чьи призывы держать себя в руках не были слышны, выдвинул стул, забрался на него и заорал:

— Тихо!

Это подействовало, шум постепенно стих. Танг был трогательно доволен самим собой.

— Ха, — произнес он с чуть заметным самодовольством. — Вот так-то лучше. А теперь… — Он повернулся к старику. — У тебя есть какие-то возражения, Мессимериз?

— Разумеется, есть. — Он ткнул скрюченным от артрита пальцем в сторону Сюзанны. — Ее присутствие противоречит закону. Я требую, чтобы ее удалили отсюда!

Танг хотел что-то ответить, но его опередила Иоланда.

— Сейчас не время соблюдать законодательные тонкости, — сказала она. — Хотим мы того или нет, мы уже проснулись. — Она посмотрела на Сюзанну. — И виновата в этом она.

— Ах так! Я не собираюсь оставаться в одной комнате с чокнутой! — произнес Мессимериз с таким презрением, словно надеялся уничтожить Сюзанну этими словами. — После того, что они с нами сделали! — Он взглянул на своего краснолицего товарища. — Ты идешь, Долфин?

— Конечно иду, — отозвался тот.

— Погодите, — призвала Сюзанна. — Я не хочу нарушать никакие законы…

— Ты уже их нарушила, — заметила Иоланда, — однако стены от этого не рухнули.

— Но долго ли они простоят? — вмешалась негритянка.

— Дом Капры — священное место, — пробормотал Мессимериз.

Без сомнений, он говорил искренне и был до глубины души оскорблен присутствием Сюзанны.

— Я все понимаю, — заверила Сюзанна. — И уважаю ваши правила. Но я несу ответственность…

— Вот именно! — воскликнул Долфин, заново распаляясь. — Только в этом мало толку, верно? Мы проснулись, черт тебя побери! И мы в опасности!

— Я знаю, — сказала Сюзанна. — То, что вы говорите, совершенно справедливо.

Эти слова обезоружили его, ожидавшего возражений.

— Ты согласна со мной? — переспросил Долфин.

— Конечно согласна. Все мы в данный момент в опасности.

— По крайней мере, теперь мы можем защищаться, раз мы проснулись, — вставила Иоланда. — Вместо того чтобы лежать и спать.

— Но у нас были хранители! — напомнил Долфин. — Куда они подевались?

— Они умерли, — ответила Сюзанна.

— Все до единого?

— Откуда ей знать? — усмехнулся Мессимериз. — Не слушайте ее.

— Мими Лащенски была моей бабушкой, — сказала Сюзанна.

В первый раз с того момента, как Сюзанна вмешалась в спор, Мессимериз посмотрел ей прямо в глаза. Он хорошо знал, что такое горе, поняла Сюзанна.

— И что? — спросил он.

— А то, что ее убили, — продолжала Сюзанна, выдержав его взгляд. — Это сделала одна из ваших.

— Не может быть! — возразил Мессимериз безапелляционным тоном.

— Кто? — спросила Иоланда.

— Иммаколата.

— Она не наша! — запротестовал Мессимериз. — Она не из наших!

— Ну, знаете, и не из чокнутых тоже! — возмутилась Сюзанна.

Ее терпение истощалось. Она сделала шаг к Мессимеризу, и тот крепче вцепился в руку Долфина, как будто собирался использовать своего товарища в качестве щита.

— Все мы в опасности, — повторила Сюзанна, — может быть, вы не понимаете, что все ваши священные места — не только Дом Капры, но все без исключения — могут быть уничтожены. Ладно, пусть у вас нет причин доверять мне. Но хотя бы выслушайте!

В комнате воцарилась гробовая тишина.

— Расскажи нам, что тебе известно, — произнес Танг.

— На самом деле мне известно не много, — призналась Сюзанна. — Однако я знаю, что здесь, в Фуге, у вас есть враги, и бог знает сколько их за ее пределами.

— И что ты предлагаешь? — спросил новый голос из толпы сторонников Долфина.

— Мы будем бороться, — провозгласила Иоланда.

— Вы проиграете, — ответила Сюзанна.

Тонкие черты лица ее собеседницы застыли.

— У тебя тоже пораженческое настроение? — спросила она.

— Но это правда. Вы беззащитны перед Королевством.

— У нас есть наши чары, — возразила Иоланда.

— Так вы хотите сделать магию оружием? — изумилась Сюзанна. — Как Иммаколата? Если вы пойдете на это, то можете и самих себя именовать чокнутыми!

Ответом на ее реплику стали согласное бормотание всего собрания и угрюмый взгляд Иоланды.

— Значит, мы должны заново соткать ковер, — заключил Мессимериз с явным удовлетворением. — Именно об этом я и твержу с самого начала.

— Я тоже так думаю, — кивнула Сюзанна.

При этих словах комната опять взорвалась криками, но всех перекрывал голос Иоланды.

— Довольно спать! — кричала она. — Я не хочу спать!

— Тогда вас уничтожат! — закричала в ответ Сюзанна.

Общий шум немного стих.

— Это жестокий век, — проговорила Сюзанна.

— Как и предыдущий, — вставил кто-то. — И все остальные до него.

— Мы не можем вечно прятаться! — обратилась к собранию Иоланда.

Несмотря на вмешательство Сюзанны, у нее оставалось много сторонников. И в самом деле, трудно было отвергнуть ее доводы. После стольких лет забвения мысль о новом погружении в Сотканный мир, в сон без сновидений, едва ли прельщала.

— Я не говорю, что вы надолго останетесь в ковре, — продолжила Сюзанна. — Только до тех пор, пока не найдется безопасное место и…

— Я слышала такое и раньше, — перебила ее Иоланда. — «Мы подождем, мы будем сидеть тише воды ниже травы, пока не минует угроза».

— Есть разные угрозы, — произнес кто-то из-за спин собравшихся.

Этот голос без труда перекрыл общий гул, хотя был немного громче шепота. Его оказалось довольно, чтобы споры прекратились.

Сюзанна посмотрела в ту сторону, откуда донесся голос, но пока не разглядела его обладателя. А голос продолжил:

— Если Королевство уничтожит вас, значит, все страдания моей Мими были напрасны…

Участники совета расступились, когда говоривший двинулся через толпу в центр комнаты. Теперь он был на виду. Сюзанне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: она уже видела это лицо. И еще мгновение, чтобы вспомнить, где именно: на портрете в спальне Мими. Однако выцветшая фотография передавала лишь бледное подобие его физической красоты. Глядя в его сияющие глаза, на абрис его головы с коротко остриженными волосами, становилось понятно, почему Мими всю свою одинокую жизнь спала под взглядом того портрета. Этого человека она любила. Это…

— Ромо, — представился он, обращаясь к Сюзанне. — Первый муж твоей бабушки.

Как же он мог узнать, находясь в Сотканном мире, во сне, что Мими второй раз вышла

замуж? Или воздух передал ему этот слух сегодня ночью?

— Что тебе здесь нужно? — спросил Танг. — У нас здесь не ярмарка.

— Я хочу выступить в защиту своей жены. Я знаю ее сердце лучше, чем кто-либо из вас.

— Это было много лет назад, Ромо. В другой жизни.

Ромо кивнул.

— Да… — произнес он. — Все кончилось, я знаю. Точно так же, как знала она. Тем больше причин защищать ее.

Никто не пытался ему помешать.

— Она умерла в Королевстве, — начал он, — оберегая нас от беды. Она погибла, не попытавшись разбудить нас. Почему так произошло? У нее были все причины желать роспуска Сотканного мира. Чтобы освободиться от своих обязанностей… и вернуться ко мне.

— Не обязательно… — произнес Мессимериз.

Ромо улыбнулся.

— Потому что она была замужем? — спросил он. — Так иного я и не ожидал. Или потому что она нас позабыла? Нет. Никогда. — Он говорил таким властным тоном и в то же время так тихо, что внимание всех присутствующих было приковано к нему. — Она не забыла о нас. Но она понимала то, что понимает сейчас ее внучка. Это небезопасно.

Иоланда хотела перебить его, но Ромо вскинул руку.

— Еще минуту внимания, — сказал он. — А потом я уйду. Меня ждут дела.

Иоланда закрыла рот.

— Я знал Мими лучше, чем кто-либо из вас. Если на то пошло, мы расстались с ней только вчера. Я знаю, что она оберегала Сотканный мир до последнего вздоха. Не надо предавать ее память и идти прямо в руки врагов только потому, что вы почуяли воздух свободы.

— Тебе легко говорить, — отозвалась Иоланда.

— Я точно так же, как ты, хочу жить снова, — ответил ей Ромо. — Я остался здесь ради своих детей. Я думал — как и все мы, — что проснусь через пару лет. И что получилось? Мы открыли глаза, а мир переменился. Моя Мими состарилась и умерла, а дочь ее дочери заняла ее место, чтобы рассказать нам, что мы по-прежнему близки к гибели. Я уверен, она говорит с благословения Мими. Нам стоит прислушаться к ней.

— И что ты нам посоветуешь? — спросил Танг.

— Посоветует? — воскликнула Иоланда. — Да он же укротитель львов, с чего нам слушать его советы?

— Я предлагаю заново соткать ковер, — ответил Ромо, не обращая внимания на ее гнев. — Соткать заново, пока чокнутые не явились сюда. А потом мы отыщем какое-нибудь безопасное место, чтобы в свое время проснуться там, где нас не будут поджидать чокнутые. Иоланда права. — Он поглядел на женщину. — Мы не можем прятаться вечно. Однако вернуться к жизни в нынешнем сумбурном состоянии — не храбрость, а самоубийство.

Оспорить эти доводы было трудно. Речь Ромо произвела сильное впечатление на многих членов собрания.

— А если мы так и сделаем? — спросил кто-то из сторонников Иоланды. — Кто будет оберегать ковер?

— Она, — ответил Ромо, указывая на Сюзанну. — Она знает Королевство лучше многих. И если верить слухам, она обладает менструумом.

— Это правда? — спросил Танг.

Сюзанна кивнула. Танг отодвинулся от нее на полшага. Волна пересудов снова прокатилась по комнате, люди задавали вопросы Ромо. Однако он не стал никому отвечать.

— Я уже сказал все, что хотел, — объявил он. — Я больше не могу заставлять детей ждать.

С этими словами Ромо развернулся и пошел обратно тем же путем, каким явился сюда. Сюзанна бросилась за ним, пока споры не разгорелись с новой силой.

— Ромо! — окликнула она его.

Он остановился и повернулся к ней.

— Помоги мне, — попросила она. — Останься.

— Времени нет, — отозвался он. — У меня назначена встреча. В память о твоей бабушке.

— Но я многого не понимаю…

— Разве Мими не оставила тебе указания? — удивился Ромо.

— Я приехала слишком поздно. Когда мы с ней встретились, она не могла… — Сюзанна запнулась. Горло сдавило, скорбь утраты охватила девушку. — Не могла говорить. Она оставила мне только одно — книгу.

— Так загляни туда, — предложил Ромо. — Мими знала, что делает.

— Книгу у меня отняли, — сказала Сюзанна.

— Значит, ты должна вернуть ее. А ответы, которых ты не найдешь в книге, ищи в себе.

Последнее наставление совершенно сбило Сюзанну с толку, но не успела она задать вопрос, как Ромо заговорил снова.

— Ищи между, — сказал он. — Это лучший совет, какой я могу тебе дать.

— Между чем и чем?

Ромо нахмурился.

— Просто между, — проговорил он, как будто смысл слов был очевиден. — Я знаю, что ты на это способна. Ты же потомок Мими.

Он наклонился и поцеловал Сюзанну.

— У тебя ее взгляд, — заметил он, дрожащей рукой касаясь ее щеки.

Сюзанна внезапно ощутила, что это не просто дружеское прикосновение. Она испытывала к Ромо какое-то неправильное чувство, нечто странное происходило между ней и мужем бабушки. Они отступили друг от друга, напуганные собственными чувствами.

Ромо пошел к двери, пожелав Сюзанне доброй ночи. Она сделала пару шагов за ним, но больше не пыталась его задерживать. У него же дела, он сказал. Когда Ромо распахнул дверь, из темноты послышался рык, и сердце Сюзанны дрогнуло: его окружили звери. Однако это было не нападение. Он говорил о своих детях, вот они и пришли. Полдюжины или даже больше львов приветствовали Ромо рычанием. Их золотистые глаза устремились на него, как будто зверям не терпелось оказаться как можно ближе к своему отцу. Дверь захлопнулась, и львы скрылись из виду.

— Они хотят, чтобы мы ушли.

В коридоре за спиной Сюзанны стоял Джерико. Она еще мгновение смотрела на закрытую дверь, слушала затихающий львиный рык, а затем повернулась к нему.

— Нас выгоняют? — спросил она.

— Нет. Они просто хотят обсудить все еще раз, — сказал он. — Без нас.

Сюзанна кивнула.

— Давай немного прогуляемся.

Когда они открыли дверь, Ромо со своими львами уже ушел. Его ожидало дело, связанное с Мими.

2

Они отправились на прогулку.

Джерико молчал, Сюзанна тоже. Так много чувств нужно было понять и выразить. Мысли Сюзанны возвращались обратно к Мими, к ее жертве: ведь она знала, что Ромо, прекрасный укротитель львов, спит там, куда ей заказан вход.

«Гладила ли она ковер, где он был заточен? — думала Сюзанна. — Опускалась ли на колени, шепча слова любви ему, заключенному в Сотканном мире?»

Неудивительно, что бабушка была такой стоически строгой. Она в одиночестве стояла на страже ворот рая, не имея права ни словом обмолвиться о нем. Она опасалась безумия и

смерти.

— Не надо бояться, — произнес наконец Джерико.

— А я не боюсь, — солгала Сюзанна но тут же вспомнила, что цветной ореол над ее головой, должно быть, опровергает эти слова, и добавила: — То есть… боюсь немного. Я не могу быть хранителем, Джерико. Я недостойна.

Они прошли через миртовую рощу и вышли в поле. Несколько огромных мраморных животных стояли в высокой траве. Все они были либо фантастическими, либо вымершими, однако скульптор любовно воссоздал их до последней детали, до последней щетинки, уса или маленького глаза. Сюзанна прислонилась к одной из статуй и уставилась в землю. Они не слышали ни криков спорщиков, ни звона колокольчиков на ветвях, лишь шуршанье ночных насекомых, живущих своей таинственной жизнью в тени каменных зверей.

Джерико не сводил с Сюзанны глаз. Она чувствовала это, но не находила сил поднять голову и встретиться с ним взглядом.

— Я подумал, может быть… — начал он и запнулся.

Кузнечики стрекотали, насмехаясь над его косноязычием.

Он заговорил снова:

— Я хотел сказать, что точно знаю, ты достойна многого.

Она ответила улыбкой на его слова, но Джерико продолжил:

— Нет. Я не то хотел сказать. — Он набрал в грудь воздуха, а затем выдохнул: — Я хочу пойти с тобой.

— Со мной?

— Когда ты отправишься обратно в Королевство. С ковром или без ковра, но я хочу быть с тобой.

Теперь она подняла голову. Застывшее выражение лица Джерико было как у подсудимого, который дожидается вынесения приговора. Он следил за каждым взмахом ее ресниц.

Сюзанна улыбнулась, подыскивая ответ. Затем произнесла:

— Ну конечно. Конечно. Я буду рада.

— Правда? — изумился он. — В самом деле?

Все признаки тревоги исчезли, и его лицо расцвело лучезарной улыбкой.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Я так хочу, чтобы мы стали друзьями.

— Значит, мы станем друзьями, — ответила она.

Камень холодил спину Сюзанны, а стоящий перед ней Джерико излучал тепло. Вот она и оказалась там, где ей советовал быть Ромо: между.

VII
Шедуэлл на высоте

— Опусти меня, — приказал Коммивояжер своему загнанному скакуну.

Они забрались на крутой холм, самый высокий, какой удалось высмотреть Шедуэллу. Вид сверху открывался впечатляющий.

Однако Норрис не слишком интересовался видами. Он уселся, с трудом восстанавливая дыхание, и прижал к груди своего однорукого барабанщика, предоставив Шедуэллу в одиночестве стоять на выступе скалы и восхищаться пейзажем внизу, залитым лунным светом.

По пути сюда им встретилось множество удивительных существ. Обитатели этой части города явно относились к видам, живущим за пределами Фуги, но каким-то магическим образом они обрели новые формы. А как иначе объяснить существование бабочек в пять раз крупнее ладони Шедуэлла, поющих, словно мартовские коты, в кронах деревьев? Или переливающихся змей, растекающихся огнями по трещинам в скалах? Или кустарника, на шипах которого распускались цветы?

Такие диковины встречались повсюду. Когда Шедуэлл завлекал покупателей на

аукцион, его рассказы были весьма красочны, однако они не дотягивали до реальности. Фуга оказалась гораздо необъяснимее всех слов, ее объясняющих; необъяснимее и страшнее.

Именно это он почувствовал, глядя вниз с вершины холма: страх. Ощущение усиливалось, пока они добирались сюда. Сначала оно походило на несварение и постепенно дошло до такой степени, что Шедуэлла охватило некое подобие ужаса. Сначала он отказывался признаваться в этом даже самому себе, но игнорировать нарастающий страх было невозможно.

А причина была в алчности, зародившейся внутри него, той самой жажде обладания, которой никогда не потакает истинный Коммивояжер. Шедуэлл старался заглушить боль, осматривая ландшафт с исключительно коммерческой точки зрения: сколько можно было бы получить за тот фруктовый сад? А за островок на озере? Или за этих бабочек? И впервые этот прием его подвел. Шедуэлл смотрел на Фугу, и все мысли о коммерции исчезали из его головы.

Нет смысла сопротивляться, придется признать горькую правду: он совершил роковую ошибку, попытавшись продать это место.

Ни за какие деньги невозможно купить такое безумное, сводящее с ума великолепие. Ни у одного богача не хватит на это средств.

И вот он стоял и смотрел вниз, на величайшее собрание чудес, какие только бывают на свете, и в нем крепло желание завладеть Фугой вместо разбежавшихся принцев.

А вслед за этим желанием пришло другое: захватить этот мир. Он сам станет принцем. Больше чем принцем.

Вот страна, она лежит перед ним. Почему бы не стать здесь королем?

VIII
Кровь девственницы

Счастье — непривычное чувство для Иммаколаты. Однако в мире были такие места, где она и ее сестры переживали что-то очень похожее на счастье. Поля сражения в вечернюю пору, морги и склепы; там они дышали воздухом, который состоял из чьих-то последних вздохов. В присутствии смерти они чувствовали себя как дома: резвились среди трупов, устраивали пикники.

Именно поэтому сестры отправились на Заупокойные Ступени, когда им наскучило искать Шедуэлла. Это было единственное место в Фуге, связанное со смертью. Еще в детстве Иммаколата приходила сюда ежедневно, чтобы купаться в скорби других. А сейчас, когда она осталась здесь в одиночестве — сестры улетели на поиски очередного отца для новых ублюдков, — в ее голове роились столь черные мысли, что на их фоне ночное небо казалось ослепительно светлым.

Иммаколата сбросила туфли и спустилась по ступеням в черную грязь вдоль берега. Некогда здесь предавали тела воде, и рыдания делались громче, а вера в загробную жизнь съеживалась перед лицом холодных фактов.

Прошло уже очень много лет с тех пор, когда были в чести подобные ритуалы. Обычай спускать покойников на воду пришлось забыть: слишком часто тела попадались на глаза чокнутым. Мертвецов стали сжигать, к великому сожалению Иммаколаты.

Ступени же усиливали драматизм происходящего по мере спуска к воде. Стоя сейчас перед быстротекущей рекой, Иммаколата думала, как просто было бы отдаться на волю течения и уплыть навстречу смерти.

Однако она еще не успела завершить столько дел. Если Иммаколата покинет Фугу, не причинив ей вреда, а ее враги останутся в живых, это будет совершенно неразумно.

Нет, Иммаколата должна жить. Должна увидеть, что семейства унижены, что их надежды и земли обратились в прах, что их волшебство превратилось в детские игрушки. Уничтожить их слишком просто. Больно будет лишь один миг, а потом — ничего. Но увидеть ясновидцев порабощенными — ради этого стоит жить.

Шум воды успокаивал. Иммаколата ощутила ностальгию, вспоминая о том, сколько тел унесли эти волны на ее глазах.

Однако не звучит ли за шумом воды какой-то иной шум? Иммаколата оторвала взгляд от мутных волн. Наверху стояло убогое здание, крыша на четырех колоннах, где несчастные родственники собирались перед тем, как сказать покойнику последнее «прости» на берегу реки. Сейчас под колоннами происходило какое-то движение, стремительно проносились тени. Может быть, сестры? Она не ощущала их присутствия.

Иммаколата получила ответ на свой невысказанный вопрос, как только вышла из грязи и добралась до нижней ступени.

— Я знал, что ты придешь сюда.

Иммаколата замерла, шагнув одной ногой на ступеньку.

— Из множества мест ты выберешь… это.

Иммаколату охватило волнение, которое она не могла скрыть. Причиной его был не человек, появившийся из тени под колоннами, а его спутники. Они метались в тени у него за спиной, их шелковистые бока лоснились. Львы! Его сопровождали львы.

— Да, да, — сказал Ромо, заметив, как вздрогнула инкантатрикс. — Я не один, как была она. Теперь без защиты осталась ты.

Он был прав. Львы слишком бесчувственны, ее иллюзии не могут их одурачить. Да и с их хозяином, с его звериным равнодушием, справиться нелегко.

— Сестры… — выдохнула она. — Скорее ко мне!

Львы вышли в пятно лунного света. Их было шесть, три самца и три самки. Они не сводили глаз с хозяина, дожидаясь его приказа.

Иммаколата попятилась на шаг. Ноги скользили по грязи, она едва не лишилась равновесия. Где же Магдалена и Старая Карга? Она отправила на их поиски еще одну лихорадочную мысль, но страх сделал ее медлительной.

Львы были уже наверху лестницы. Иммаколата не осмеливалась отвести от них взгляд, хотя то, что она видела, ей совершенно не нравилось. Звери выглядели величественно, не прилагая для этого ни малейших усилий. Как только эта мысль поразила ее, Иммаколата поняла, что должна бежать. Менструум поднимет ее над рекой раньше, чем они до нее доберутся. Только нужно время, чтобы он разлился по ней в нынешнем заторможенном состоянии. Иммаколата попыталась задержать приближение львов.

— Тебе не стоит им доверять… — начала она.

— Это львам-то? — спросил Ромо, легко улыбнувшись.

— Ясновидцам. Они обманули Мими, так же как обманули меня. Они бросили ее в Королевстве, а сами спаслись. Они трусы и обманщики.

— А ты? Кто ты такая?

Иммаколата почувствовала, как менструум начал наполнять ее нематериальное «я». Теперь, когда она уверена, что сумеет благополучно скрыться, она может позволить себе сказать правду.

— Я ничто, — произнесла она, голос ее звучал так тихо, что его почти заглушал шум реки. — Я жива до тех пор, пока моя ненависть к ним делает меня живой.

Казалось, львы поняли смысл последней фразы, потому что они внезапно бросились к Иммаколате, спрыгивая со ступенек вниз.

Менструум пульсировал вокруг нее, она начала возноситься. Как раз в этот миг за рекой появилась Магдалена, вскрикнувшая при виде сестры.

Ее крик отвлек внимание Иммаколаты, чьи ноги зависли в нескольких дюймах над грязным берегом. Этого оказалось достаточно первому льву. Он прыгнул со ступеней и вцепился в нее лапами. Она не успела уклониться и упала обратно в грязь.

Ромо прорвался через весь львиный прайд и попытался отозвать зверя, пока Иммаколата не пустила в ход свою силу. Но он опоздал. Менструум уже завивался спиралью вокруг животного, впиваясь ему в морду и бока; теперь лев не смог бы оторваться от женщины, даже если бы захотел. Однако силы менструума были подорваны, и лев наносил

удар за ударом, оставляя на теле инкантатрикс чудовищные раны. Иммаколата кричала и извивалась в залитой кровью грязи, но зверь не собирался отпускать жертву.

Потом его лапы соскользнули с ее лица, он испустил придушенный рык, и схватка внезапно закончилась. Лев мгновение возвышался над Иммаколатой — от них обоих валил пар, — а затем отшатнулся. Его брюхо было распорото от глотки до паха. Только сделал это не менструум, а нож, который выпал сейчас из руки Иммаколаты. Зверь сделал пару неверных шагов, волоча за собой собственные кишки, и повалился в грязь.

Остальные львы рыком выражали свою ненависть, однако не двигались с места, подчиняясь приказу Ромо.

Что касается Иммаколаты, то она выплюнула какие-то презрительные слова в адрес сестер, наконец-то явившихся к ней на помощь, и сама поднялась на колени. С такими ранами, как у нее, любой человек, да и большинство ясновидцев, уже валялись бы мертвыми в грязи. Голова и верхняя часть груди были чудовищно изуродованы, мышечная ткань лентами свисала с костей. Однако она встала на ноги и подняла на Ромо страдальческие глаза, глядевшие из сплошной раны лица.

— Я уничтожу все, что ты когда-то любил… — произнесла Иммаколата срывающимся голосом. Она прижимала руку к лицу, и кровь ручьями текла между пальцами. — Я уничтожу Фугу. Ясновидцев. Уничтожу все без исключения. Сотру с лица земли! Даю тебе слово. Ты еще поплачешь!

Будь это во власти Ромо, он без колебаний добил бы инкантатрикс прямо сейчас. Однако отправить ее в мир иной не сумели бы ни львы, ни укротитель: хотя враг и ослаблен, Иммаколата и ее сестры способны уничтожить зверей раньше, чем те успеют до нее добраться. Ромо оставалось лишь радоваться тому, что их внезапное нападение не прошло даром, и надеяться, что Мими в месте своего упокоения знает: ее мучения отмщены.

Ромо подошел к умирающему льву, что-то негромко сказал ему. Иммаколата даже не попыталась напасть, а двинулась вверх по ступеням, поддерживаемая с обеих сторон сестрами.

Львы стояли, не трогаясь с места, и ждали приказа действовать. Но Ромо был охвачен горем. Он прижался щекой к щеке умирающего зверя и все еще говорил ему что-то. Затем слова утешения оборвались, и лицо Ромо приняло трагическое выражение.

Львы уловили его молчание и поняли, что оно означает. Они повернули к нему головы, и в этот миг Иммаколата, нечестивая святая из грязи и крови, взвилась в воздух. Призрачные сестры летели справа и слева от нее, словно пародия на херувимов.

Ромо смотрел, как они уходят во тьму, брызгая сверху кровавым дождем. Когда троица исчезала в ночи, Ромо заметил, что голова инкантатрикс свесилась бессильно на грудь и сестры поспешили Иммаколате на помощь. На этот раз она не отвергла их поддержку, а позволила унести себя прочь.

IX
Никогда и опять

Строитель зиккурата, стоявший на часах перед дверью Дома Капры, окликнул их с края поля, из вежливости держась на почтительном расстоянии.

— Вас зовут обратно в Дом! — крикнул он.

Когда они шли обратно под миртовыми деревьями, стало очевидно, что назревают некие события. Члены совета уже вышли из здания и нетерпеливо топтались на ступеньках. На их лицах отражалось нетерпение. Колокольчики на деревьях отчаянно звенели, хотя не было ни дуновения ветерка, а над Домом Капры носились огни, похожие на громадных светляков.

— Амаду, — пояснил Джерико.

Огни мелькали и поднимались замысловатыми узорами.

— Что это они делают? — спросила Сюзанна.

— Передают, — сказал Джерико.

— Передают что?

Он собирался ответить, когда между деревьями возникла Иоланда Дор. Она остановилась перед Сюзанной.

— Эти дураки поверили тебе, — сообщила Иоланда без энтузиазма. — Но вот что я тебе скажу: я спать не собираюсь! Слышишь? У нас есть право на жизнь! Вы, проклятые чокнутые, не хозяева этой земли! — После чего она удалилась, на ходу осыпая Сюзанну проклятиями.

— Значит, они послушались совета Ромо, — сказала Сюзанна.

— Именно об этом и говорят Амаду, — подтвердил Джерико, все еще глядя в небо.

— Сомневаюсь, что я готова к этому.

Танг появился из-за двери и окликнул их:

— Идите скорее. У нас чертовски мало времени!

Сюзанна колебалась. Менструум не добавлял ей храбрости, в животе было как в остывшей печи — зола и пустота.

— Я с тобой, — напомнил Джерико, заметив ее тревогу.

Его близость несколько успокаивала. Они вместе вошли в дом.

Когда Сюзанна вступила в комнату, ее встретили почти благоговейным молчанием. На нее устремились все глаза. На всех лицах застыла маска отчаяния. Когда она пришла сюда в первый раз, каких-то полчаса назад, она была незваным гостем. Теперь она превратилась в человека, с которым связаны их хрупкие надежды на спасение. Она старалась не выказывать страха, но она стояла перед ними, и руки ее дрожали.

— Мы приняли решение, — сообщил Танг.

— Да, — отозвалась она. — Иоланда рассказала мне.

— Нам оно не очень нравится, — произнес один из участников собрания, и Сюзанна узнала в нем сторонника Иоланды. — Но у нас нет выбора.

— На границах уже начались волнения, — сказал Танг. — Чокнутые узнали, что мы здесь.

— К тому же скоро рассвет, — вставил Мессимериз.

Так оно и было. До восхода солнца оставалось часа полтора. А через час по Фуге будут слоняться все любопытные чокнутые, живущие поблизости. Может быть, они не вполне осознают ее присутствие, но почувствуют, что здесь есть на что посмотреть и чего бояться. И сколько тогда потребуется времени, чтобы снова началось то, что недавно случилось на Лорд-стрит?

— Уже предприняты шаги для воссоздания ковра, — сказал Долфин.

— А это трудно?

— Нет, — ответил Мессимериз. — Вихрь обладает огромной силой.

— И сколько времени это займет?

— У нас, скорее всего, осталось около часа, — произнес Танг, — чтобы рассказать тебе о Сотканном мире.

Всего час. Много ли можно узнать за час?

— Расскажите мне только то, что я должна знать о вашей безопасности, — попросила Сюзанна. — И ничего больше. То, чего я не буду знать, я не смогу нечаянно выдать.

— Резонно, — согласился Танг. — Что ж, времени на соблюдение формальностей нет. Итак, начнем.

X
Призыв

Кэл неожиданно проснулся.

Воздух стал прохладным, хотя его разбудил не холод. Это был Лемюэль Ло, зовущий его по имени.

— Кэлхоун… Кэлхоун…

Кэл сел. Лемюэль стоял рядом с ним, улыбаясь из густой бороды.

— Тут за тобой кое-кто пришел, — сказал он.

— Правда?

— У нас осталось не так много времени, мой поэт, — проговорил Ло, пока Кэл с трудом поднимался на ноги. — Ковер ткут заново. Через считанные минуты все вокруг снова погрузится в сон. И я тоже.

— Это неправильно, — отозвался Кэл.

— Да, дружище. Однако я не боюсь. Ты же присмотришь за нами, правда?

Ло крепко сжал руку Кэла.

— Мне снилось кое-что… — произнес Кэл.

— Что именно?

— Мне снилось, что этот мир реален, а все остальные — нет.

Улыбка Лемюэля померкла.

— Хотел бы я, чтобы твой сон сбылся, — сказал он. — Однако Королевство все-таки слишком реально. Просто то, что слишком уверено в собственном существовании, в итоге становится разновидностью лжи. Вот это тебе и снилось — что все остальные места лгут.

Кэл кивнул. Лемюэль еще сильнее сжал ему руку, как будто они заключили некое соглашение.

— Помни об этом, Кэлхоун. Не забывай Ло, ладно? И мой сад. Не забудешь? Тогда мы с тобой еще увидимся.

Лемюэль обнял его.

— Помни, — повторил он прямо в ухо Кэлу.

Кэл ответил на медвежье объятие, обхватив Ло. Потом хозяин сада отодвинулся.

— Надо спешить, — сказал он. — Дело важное, как сказала та, что пришла за тобой.

И Ло пошел туда, где скатывали сине-желтый ковер и кто-то пел последнюю песню, полную печали.

Кэл смотрел, как он идет между деревьями, поглаживая на ходу стволы. Должно быть, желал им спокойного сна.

— Мистер Муни?

Кэл обернулся. Неподалеку стояла маленькая женщина с восточными чертами лица. Она держала фонарь в руке и подняла его, подходя к Кэлу. Взгляд женщины был пристальным и не знающим смущения.

— Что ж, — произнесла она певучим голосом, — он сказал мне, что вы красивы, и это правда. В определенном смысле.

Она чуть наклонила голову, словно пыталась высмотреть что-то особенное в физиономии Кэла.

— Сколько вам лет?

— Двадцать шесть. А что?

— Двадцать шесть, — повторила она. — Математик из него никакой.

«Как и из меня!» — собирался ответить Кэл, но его занимали более важные вопросы. Первый из них:

— Кто вы?

— Меня зовут Хлоя, — последовал ответ женщины. — Я приехала за вами. Нам нужно спешить. Он теряет терпение.

— Кто теряет?

— Даже если бы у нас было время на разговоры, мне все равно запрещено с вами общаться, — ответила Хлоя. — Но он очень хочет вас видеть, это я могу сказать. Сгорает от нетерпения.

Женщина развернулась и пошла по коридору из деревьев. Она продолжала говорить что-то, однако Кэл не мог разобрать ее слов. Он кинулся следом и уловил обрывок фразы:

— …Нет времени идти пешком…

— Что вы сказали? — переспросил он, поравнявшись с Хлоей.

— Нам придется ехать быстро, — сказала она.

Они вышли из сада. К изумлению Кэла, их ждал рикша. Привалившись к ручкам повозки и покуривая тонкую черную сигарету, стоял жилистый мужчина средних лет, одетый в ярко-голубые панталоны и потертую куртку. У него на голове красовался котелок.

— Это Флорис, — представила человека Хлоя. — Садитесь, пожалуйста.

Кэл послушался и устроился среди подушек. Он не отказался бы от этого приключения, будь оно даже смертельно опасным. Хлоя уселась рядом с ним.

— Быстрее, — сказала она вознице, и они помчались со скоростью ветра.

XI
В бельведере

1

Пообещав себе, что не станет оглядываться на сад, Кэл держал слово и держался сам до последнего мгновения, когда ночная тьма полностью поглотила все вокруг. Тогда он сдался и обернулся.

Он увидел лишь круг огней, в котором недавно стоял, читая стихи Безумного Муни, а потом рикша завернул за угол и все исчезло.

Флорис исполнял приказ Хлои буквально, и они мчались все быстрее. Экипаж раскачивался и подскакивал на камнях и ухабах, то и дело угрожая вывалить седоков. Кэл ухватился за бортик повозки и глядел, как мимо проносится Фуга. Он проклинал себя за то, что все проспал, пропустил целую ночь открытий. Когда он в первый раз увидел Сотканный мир, Фуга показалась ему такой знакомой, но теперь он ощущал себя туристом, осматривающим достопримечательности неведомой страны.

— Какое странное место, — произнес он, когда они проносились под скалой, вырезанной в форме гигантской накатывающей волны.

— А вы чего ожидали? — спросила Хлоя. — Что оно будет похоже на ваш задний двор?

— Не совсем. Но я считал, что в какой-то степени знаю его. Во всяком случае, видел во сне.

— Рай всегда оказывается более странным, чем ожидаешь. Иначе он лишился бы своей способности очаровывать. А вы очарованы.

— Верно, — согласился Кэл. — И напуган.

— Ну разумеется, напуганы, — сказала Хлоя. — Это способствует обновлению крови.

Он не вполне понял ее замечание, однако его внимание занимало другое. С каждым новым поворотом открывался новый вид. А впереди вырисовывалось самое поразительное зрелище: вечно вращающаяся стена облаков Вихря.

— Мы направляемся прямо туда? — спросил Кэл.

— Близко к нему, — ответила Хлоя.

Они внезапно въехали в березовую рощицу. Серебристая кора ярко сверкала при вспышках молний, вылетавших из облака, а затем начался небольшой подъем, на котором Флорис развил впечатляющую скорость. За рощицей характер местности резко менялся. Земля здесь была темная, почти черная, а растительность больше походила на тепличную, чем на естественную флору. Более того, когда они добрались до верхней точки подъема и поехали по гребню холма, Кэл поймал себя на том, что его одолевают странные галлюцинации. По обеим сторонам дороги он все время видел мелькающие сцены, походившие на картинки в плохо настроенном телевизоре: они то фокусировались, то расплывались. Он видел дом, похожий на обсерваторию, пасущихся вокруг лошадей, видел несколько смеющихся молодых женщин в муаровых шелках. Видел еще много всякого, но каждый сюжет занимал не более нескольких секунд.

— Вас это беспокоит? — спросила Хлоя.

— А что происходит?

— Эта земля полна противоречий. Строго говоря, вас здесь вообще не должно быть. Здесь полно опасностей.

— Каких опасностей?

Если она и ответила, то ее слова потонули в оглушительном раскате грома из Вихря, последовавшем за лиловой молнией. Теперь они были в четверти мили от облака. Волосы на шее и руках Кэла встали дыбом, мошонка заныла.

Однако Хлою это не интересовало. Она смотрела на Амаду, сновавших в небе у них над головами.

— Создание ковра началось, — сказала она. — Вихрь пребывает в постоянном движении. У нас меньше времени, чем я предполагала.

Уловив намек, Флорис ускорил бег, и комья земли у него из-под ног полетели в седоков.

— Тем лучше, — заметила Хлоя. — Так у него не останется времени на пустые сантименты.

Еще три минуты опасного путешествия, и они подъехали к небольшому каменному мосту. Там Флорис затормозил, поднимая тучи пыли.

— Выходим, — велела Хлоя.

Она повлекла Кэла к короткой лестнице со сбитыми ступеньками, ведущей на мост. Мост был переброшен через узкое, но глубокое ущелье, стены которого поросли мхами и папоротниками. Внизу журчала вода, стекавшая в пруд, где резвились рыбки.

— Идем, идем же… — поторапливала Хлоя на мосту.

Впереди виднелся дом с широко распахнутыми дверями и ставнями. На черепичной крыше было полным-полно птичьего помета; большие черные свиньи дремали под забором. Одна из свиней подняла голову, посмотрела на гостей, подходящих к порогу, и обнюхала ноги Кэла, прежде чем погрузиться обратно в свои свинские сны.

В доме не горело ни огонька, единственным источником света служили молнии, ежесекундно мелькавшие в такой близости от Вихря. В их свете Кэл рассмотрел комнату, куда его привела Хлоя. Здесь почти не было мебели, зато все мыслимые поверхности были завалены книгами и бумагами. На полу лежало несколько потертых ковров, и на одном из них — невероятно огромная и столь же немыслимо старая черепаха. Окно в глубине комнаты выходило прямо на Ореол. А перед окном на большом простом стуле сидел человек.

— Вот он, — объявила Хлоя.

Кэл так и не понял, кого и кому она представляет.

То ли стул, то ли его хозяин крякнул, когда человек поднялся. Он был стар, хотя и не так, как черепаха. Наверное, ровесник Брендана, подумал Кэл. Это лицо явно умело улыбаться, но знало и немало горя. Отметина, похожая на пятно копоти, тянулась от волос до переносицы, переходя на правую щеку. Однако она не уродовала человека, а лишь придавала его чертам властности, не свойственной ему от природы. Молнии вспыхивали и гасли, выжигая силуэт старика в мозгу Кэла, но хозяин хранил молчание. Он просто смотрел на Кэла, смотрел и смотрел. На его лице отражалось удовольствие, хотя Кэл никак не мог понять почему. И не решался спросить, во всяком случае пока старик сам не нарушит молчание. Однако это, судя по всему, не входило в его планы. Он просто смотрел.

Из-за постоянных вспышек молний ясно понять что-либо было трудно, но Кэлу показалось, что он знает этого старика. Чтобы не ждать час, прежде чем хозяин прервет молчание, Кэл озвучил вертевшийся на языке вопрос:

— Кажется, я откуда-то знаю вас?

Старик сощурил глаза, как будто хотел сделать взгляд острым, как кончик булавки, и пронзить им сердце Кэла. Однако никаких слов не последовало.

— Ему нельзя с вами разговаривать, — пояснила Хлоя. — Люди, живущие так близко к Вихрю… — Она не договорила.

— Так что же? — спросил Кэл.

— Нет времени объяснять, — ответила она. — Просто поверьте мне.

Старик не сводил с Кэла глаз, он даже не моргал. Пристальный взгляд был ласковым, почти любовным. Кэла вдруг охватило неистовое желание остаться здесь, забыть о Королевстве и уснуть в Сотканном мире. Здесь, рядом со свиньями, молниями и всем остальным.

Но Хлоя уже взяла его за руку.

— Нам пора идти.

— Так скоро? — запротестовал он.

— Мы просто воспользовались случаем, чтобы привезти вас сюда, — сказала она.

Теперь старик двинулся к ним навстречу. Поступь его была тверда, взгляд тоже. Но Хлоя вмешалась.

— Сейчас нельзя, — напомнила она.

Он нахмурился, сжал губы. Однако не сделал больше ни шагу.

— Мы должны уйти, — сказала она хозяину. — Вы знаете, что должны.

Старик кивнул. Уж не слезы ли блеснули у него на глазах? Кэл решил, что так оно и есть.

— Я скоро вернусь, — сказала Хлоя старику. — Только провожу его до границы. Ладно?

И снова лишь короткий кивок в ответ.

Кэл на всякий случай помахал старику рукой.

— Что ж, — произнес он, сбитый с толку еще сильнее, чем раньше. — Это… это… большая честь для меня.

Призрачная улыбка возникла на лице старика.

— Он знает, — заверила Хлоя. — Поверьте мне.

Она повела Кэла к двери. Молнии освещали комнату, от раскатов грома сотрясался воздух.

На пороге Кэл в последний раз оглянулся на хозяина дома К его изумлению — точнее, к его восторгу, — едва заметная улыбка старика превратилась в широкую и даже озорную ухмылку.

— Берегите себя, — сказал Кэл.

Широко улыбаясь, хотя по щекам у него бежали слезы, старик махнул им рукой на прощанье и снова отвернулся к окну.

2

Рикша ждал с другой стороны моста. Хлоя толкнула Кэла на сиденье, выбросив сбившиеся в кучу подушки, чтобы уменьшить вес экипажа.

— Поторопись, — сказала она Флорису.

Не успела она договорить, как они уже мчались.

Волосы вставали дыбом от такой езды. Теперь, когда Фуга готовилась развоплотиться и снова обратиться в узоры, суета захватила всех и вся. Небо над головой покрылось мозаикой птичьих стай, поля наводнили животные. Повсюду шли приготовления, как перед неким судьбоносным шагом.

— Вы видите сны? — спросил Кэл у Хлои во время пути. Вопрос вырвался сам собой, но вдруг показался чрезвычайно важным.

— Сны? — переспросила Хлоя.

— Когда спите в Сотканном мире?

— Может быть… — отозвалась она. Казалось, ее мысли занимает что-то другое. — Только я никогда не помню снов. Я сплю крепко… — Она замолчала, потом отвернулась от Кэла, прежде чем закончить: — Как смерть.

— Вы скоро снова проснетесь, — заверил он, понимая, как ей сейчас тоскливо. — Через какие-то несколько дней.

Он старался говорить уверенно, но сомневался, что у него получилось. Кэл знал слишком мало о том, что принесла эта ночь. Жив ли Шедуэлл? А сестры? И если да, то где они теперь?

— Я хочу помочь вам, — сказал он. — Это я знаю точно. Я теперь тоже часть этого места.

— О да, — произнесла Хлоя очень серьезно. — Так оно и есть. Но, Кэл… — Она взглянула на него, взяла за руку, и он ощутил возникшую между ними почти интимную связь. Совершенно невероятную, если вспомнить о том, как мало они знакомы. — Кэл, будущее полно опасных ловушек.

— Я не попадусь.

— Многое так легко забывается, — продолжала она. — Причем навсегда. Поверьте мне. Навсегда. Целые жизни исчезают, будто никто никогда и не жил.

— Я что-то пропустил? — спросил Кэл.

— Просто не думайте, что все будет так, как должно быть.

— Я и не думаю, — ответил он.

— Хорошо. Это хорошо. — Кажется, Хлоя немного приободрилась от его слов. — Вы хороший человек, Кэлхоун. Но вы забудете.

— Забуду что?

— Все это. Фугу.

Кэл засмеялся.

— Никогда, — сказал он.

— Но вам придется забыть. Да, придется. Или ваше сердце разорвется на части.

Он вспомнил Лемюэля и его прощальные слова. «Помни», — сказал ему Лемюэль. Неужели это настолько трудно?

Если кто-то из них и хотел продолжать разговор, то все равно не успел бы, потому что в это мгновение Флорис резко остановил повозку.

— Что случилось? — спросила у него Хлоя.

Рикша указал вперед. Всего в сотне ярдов от того места, где они затормозили, ландшафт вместе со всем, что в нем заключалось, переходил в Сотканный мир. Плотная материя превращалась в облака краски, а из них вытягивались нити будущего ковра.

— Как быстро, — произнесла Хлоя. — Выходите, Кэлхоун. Мы не сможем везти вас дальше.

Край ковра надвигался со скоростью лесного пожара, пожирая все на своем пути. От этого зрелища захватывало дух. Кэл прекрасно понимал, что происходит, и знал, что процесс не причинит ему вреда, но от этого зрелища бросало в дрожь. Мир исчезал у него на глазах.

— Дальше выбирайтесь сами, — сказала Хлоя. — Поворачивай, Флорис! И лети птицей!

Рикша развернул экипаж.

— А что будет со мной? — спросил Кэл.

— Вы же из чокнутых! — крикнула в ответ Хлоя, когда Флорис уже увозил ее прочь. — Вы просто перейдете на другую сторону!

Она добавила что-то еще, но он уже не расслышал. Только понадеялся, ради всего святого, что это была не молитва.

XII
Исчезающий вид

1

Несмотря на заверения Хлои, то, что творилось впереди, не вдохновляло. Край ковра, преображавший все на своем пути, приближался быстро. Больше всего Кэлу хотелось

убежать от него, но он понимал тщетность подобного маневра. Точно такие же жадные приливные волны надвигались со всех сторон, и бежать скоро будет некуда.

Вместо того чтобы стоять столбом и ждать, когда волна захлестнет его, Кэл решил двинуться ей навстречу и принять удар.

Воздух вокруг него дрожал, когда он делал первые неуверенные шаги. Земля колебалась и тряслась под ногами. Еще несколько ярдов, и началась настоящая буря. Гравий взлетал в воздух, листья дождем осыпались с кустов и деревьев.

«Пожалуй, будет больно», — подумал Кэл. Край находился теперь ярдах в десяти от него, и Кэл с поразительной ясностью видел, как проходит процесс: чары Станка разделяли ткани Фуги на нити, затем подбрасывали их в воздух и завязывали в узелки. Эти узелки наполняли воздух, как рой бесчисленных насекомых, пока в конце концов заклинание не затягивало их в ковер.

Кэл дивился этому зрелищу несколько секунд, а потом столкнулся с волной, и нити запрыгали вокруг него, словно радужные фонтаны. Времени на прощание не было: Фуга исчезла, пока он зачарованно наблюдал за работой Станка. От взмывающих в небо нитей у Кэла возникло ощущение падения, словно узелки устремлялись в небеса, а он оставался внизу, как проклятая душа. Только вместо неба над головой был орнамент. Калейдоскоп цветов сбивал с толку глаза и разум. Узоры складывались и изменялись, как будто отыскивали свои места в общем порядке. Кэл был уверен, что его ждет такая же метаморфоза, что его плоть и кости превратятся в символы и он будет вплетен в грандиозный узор.

Но молитва Хлои, если то была молитва, помогла. Станок отверг плоть чокнутого и пропустил его. Секунду назад Кэл находился посреди Сотканного мира. А в следующий миг все великолепие Фуги ушло в прошлое, а он остался стоять на голом поле.

2

На этом поле он был не один. Несколько десятков ясновидцев предпочли остаться в Королевстве. Некоторые молча наблюдали, как их дом превращается в Сотканный мир, другие, сбившись в небольшие группки, горячо обсуждали что-то, а третьи уже уходили в темноту, пока дети Адама не кинулись за ними в погоню.

Среди этих оставшихся вдруг мелькнуло знакомое лицо, освещенное светом Сотканного мира. Апполин Дюбуа. Кэл подошел к ней. Она заметила его, но не выказала никакой радости.

— Ты не видела Сюзанну? — спросил Кэл.

Апполин отрицательно покачала головой.

— Я занималась кремацией Фредерика, а потом улаживала свои дела, — ответила она.

Больше Апполин ничего не сказала. Рядом с ней появился элегантный мужчина с нарумяненными щеками. Всем своим видом он походил на сутенера.

— Пора идти, детка, — сказал он. — Пока эти животные на нас не накинулись.

— Знаю, — ответила ему Апполин. Затем обернулась к Кэлу: — Хотим попытать здесь счастья. Научим вас, чокнутых, что такое страсть.

Ее спутник при этих словах широко улыбнулся. Больше половины зубов у него были золотые.

— Нас ждут великие дела, — сказала Апполин, потрепав Кэла по щеке. — Так что заходи как-нибудь. Мы тебя обслужим по высшему разряду. — Она подхватила сутенера под руку. — Bon chance![1]

И парочка поспешила прочь.

Край Сотканного мира уже отодвинулся на порядочное расстояние от Кэла, а количество ясновидцев, оставшихся в Королевстве, исчислялось трехзначной цифрой. Кэл ходил между ними, высматривая Сюзанну, и на него почти не обращали внимания. У этих

1 Удачи! (фр.)

людей, перенесшихся в конец двадцатого столетия с одной лишь магией в качестве защитного средства, имелись дела поважнее. Кэл не завидовал им.

Среди беженцев он заметил и троих покупателей. Они выглядели потрясенными, их покрытые слоем пыли лица были бледными и растерянными. Интересно, какой урок они вынесут из событий этой ночи. Расскажут ли они о случившемся друзьям, рискуя вызвать недоверие и раздражение, или же сохранят все в тайне? Кэл подозревал, что второе более вероятно.

* * *

Рассвет был уже близко. Звезды поменьше уже исчезли, а самые яркие постепенно тускнели.

— Все кончено… — услышал он чьи-то слова.

Кэл оглянулся на Сотканный мир: всполохи света, сопровождавшие его создание, почти погасли.

Но внезапно ночь прорезал крик, и миг спустя Кэл увидел три огонька. Это были Амаду, на безумной скорости взлетавшие вверх над догоравшими углями Фуги. Они сближались, поднимаясь, пока не соединились в вышине над улицами и полями.

Их слияние ознаменовалось ярчайшей вспышкой, осветившей все вокруг. И в этом свете Кэл увидел ясновидцев: они разбегались во все стороны, прикрывая глаза от слепящего огня.

Затем свет погас, и по контрасту с ним предрассветный сумрак стал совершенно непроницаемым. Окружающий мир приобретал свой обычный вид, и Кэл понял, что последний фейерверк и произведенный им эффект устроены специально.

Ясновидцы исчезли. Там, где полторы минуты назад толпился народ, теперь была пустота. Под прикрытием вспышки света они совершили побег.

XIII
Предложение

1

Хобарт тоже видел яркий свет Амаду, хотя и находился в двух с половиной милях от того места. Эта ночь приносила одно несчастье за другим. Ричардсон, все еще нервно вздрагивавший после пережитого в штаб-квартире, дважды врезался в припаркованные машины, и они кружили по Уиррелу, постоянно попадая в тупики.

И наконец они увидели это: знак, что их цель близка.

— Что там такое? — спросил Ричардсон. — Похоже, что-то взорвалось.

— Кто знает, — отозвался Хобарт. — От таких типов можно ждать чего угодно. Особенно от женщины.

— Не вызвать ли нам подкрепление, сэр? Мы ведь не знаем, сколько их.

— Даже если бы это было возможно, — произнес Хобарт, отключая поток помех, поглотивших голос Дауни много часов назад, — я предпочел бы, чтобы пока никто ни о чем не знал. Выключи фары.

Водитель послушался, и они поехали дальше в сумерках, предшествовавших началу нового дня. Хобарту показалось, что он различает какие-то фигуры, движущиеся в тумане за серыми кронами деревьев вдоль дороги. Однако если чутье его не подводит и эта женщина сейчас где-то там впереди, то некогда выяснять, что к чему.

Внезапно кто-то выскочил на дорогу прямо перед ними. Выругавшись, Ричардсон крутанул руль, но это существо вроде бы подпрыгнуло и перелетело через машину.

Машина вылетела на тротуар и проехала еще несколько ярдов, прежде чем Ричардсон

овладел управлением.

— Твою мать! Вы видели, сэр?

Хобарт видел и снова ощущал болезненное напряжение, как тогда в штаб-квартире. Эти люди владеют оружием, искажающим восприятие реальности, а реальность Хобарт любил больше, чем собственный член.

— Нет, вы видели? — продолжал возмущаться Ричардсон. — Эта дрянь просто улетела.

— Нет, — ответил Хобарт твердо. — Никто никуда не улетал. Понятно?

— Да, сэр.

— Не верьте своим глазам, Ричардсон. Верьте мне.

— Да, сэр.

— И если что-то еще выскочит на дорогу, давите его ко всем чертям.

2

Свет, ослепивший Кэла, ослепил и Шедуэлла. Он свалился со спины своего скакуна и стал кататься по земле, пока мир снова не потемнел и не обрел очертания. Когда это случилось, перед Шедуэллом предстали сразу две картины. Во-первых, Норрис, лежавший на земле и рыдавший, как ребенок. И во-вторых — Сюзанна, выходящая из развалин дома Шермана в сопровождении двух ясновидцев.

Они шли не с пустыми руками. Они несли скатанный ковер. Господи, ковер! Шедуэлл озирался в поисках инкантатрикс, но рядом не было никого, кто мог бы прийти к нему на помощь. Только Норрис, не способный никому и ничем помочь.

«Не паникуй, — приказал себе Шедуэлл, — у тебя еще есть пиджак».

Он отряхнулся после катания по земле, поправил узел галстука и двинулся навстречу похитителям.

— Большое спасибо, — произнес он, приблизившись к ним, — за то, что сберегли мою собственность.

Сюзанна мельком взглянула на него и сказала носильщикам:

— Не обращайте на него внимания.

И она повела их к дороге.

Шедуэлл быстро нагнал троицу и крепко взял женщину за руку. Он решил до последнего оставаться вежливым, это всегда смущает врага.

— Что, у нас какие-то проблемы? — поинтересовался он.

— Никаких проблем, — ответила Сюзанна.

— Ковер принадлежит мне, мисс Пэрриш. И я требую, чтобы так оно и было впредь.

Сюзанна поискала взглядом Джерико. В последние минуты в Доме Капры они разделились, и Мессимериз отвел ее в сторонку, чтобы дать последние наставления. Он горячо втолковывал ей что-то, когда граница Сотканного мира уже достигла крыльца. Сюзанна так и не разобрала последних его слов.

— Послушай, — начал Шедуэлл, улыбаясь. — Конечно же мы сможем прийти к соглашению. Если пожелаешь, я даже выкуплю у тебя ковер. Какую цену ты назначишь?

Он распахнул пиджак, обращаясь уже не к Сюзанне, а к тем двоим, которые несли ковер. Хоть руки у них и сильные, все равно это легкая добыла. Носильщики уже уставились в подкладку пиджака.

— Может быть, вы видите там то, что вам нравится? — спросил он.

— Это ловушка, — предупредила Сюзанна.

— Но только погляди… — выговорил один из носильщиков.

И Сюзанна, черт возьми, инстинктивно сделала именно то, что он предложил. Если бы не крайняя усталость, она нашла бы в себе силы сразу отвернуться, но сейчас замешкалась. Что-то сверкало в перламутровой подкладке, и она не могла отвести глаз от этого сияния.

— Ты ведь видишь там что-то, — сказал ей Шедуэлл. — Что-то прекрасное для прекрасной дамы.

Она видела. Чары пиджака пленили ее за пару секунд, она не могла сопротивляться.

Какой-то голос внутри головы звал ее по имени, но она не обращала на него внимания. Голос позвал снова.

«Отвернись!» — приказал он, но Сюзанна видела, как нечто в подкладке пиджака обретает форму и манит ее.

— Нет, черт возьми! — прокричал тот же голос, и на этот раз размытая фигура встала между ней и Шедуэллом.

Наваждение исчезло. Сюзанна вырвалась из коварных объятий пиджака и увидела перед собой Кэла, осыпавшего Шедуэлла градом ударов. Враг был гораздо крупнее, но яростный наскок Кэла на мгновение обезоружил его.

— Убирайся отсюда ко всем чертям! — орал Кэл.

Шедуэлл уже успел преодолеть шок и двинулся на Кэла, которому пока удавалось увернуться. Понимая, что через секунду он окажется побежденным, Кэл нырнул под кулак противника и обхватил Коммивояжера за пояс. Они боролись всего несколько секунд; этих драгоценных секунд Сюзанне хватило, чтобы увести ковроносцев подальше от поля боя.

Они исчезли как раз вовремя. Пока их околдовывали чары пиджака, почти совсем рассвело. Скоро они станут легкой мишенью для Иммаколаты, да и для любого, кто захочет их остановить.

Например, для Хобарта. Сюзанна заметила его, когда они подошли к границе поместья Шермана: инспектор выходил из машины, припаркованной на улице. Даже в этом обманчивом свете и с большого расстояния она узнала его. Ее ненависть учуяла его. И еще она знала — это было какое-то пророческое знание, зародившееся в ней благодаря менструуму, — что, даже если удастся избежать встречи с Хобартом сейчас, на этом дело не кончится. Она нажила себе заклятого врага, который будет преследовать ее вечно.

Сюзанна недолго наблюдала за ним. Стоит ли трудиться? Она в деталях помнила каждую морщинку, каждую пору его бритого лица. А если память когда-нибудь подведет ее, нужно лишь обернуться через плечо.

Хобарт, будь он проклят, всегда окажется там.

3

Кэл вцепился в Шедуэлла мертвой хваткой терьера, но Коммивояжер принадлежал к другой весовой категории и неизбежно должен был победить. Кэл отлетел на груду кирпичей, а Шедуэлл подошел следом. Пощады ждать не приходилось. Коммивояжер пнул противника ногой и повторил это с десяток раз.

— Чертово семя! — орал он.

Шедуэлл осыпал Кэла пинками, не позволяя подняться.

— Я переломаю все твои чертовы кости! — обещал он. — Я тебя, мать твою, прикончу!

Возможно, так бы и случилось, но кто-то вдруг окликнул их:

— Эй, вы!

Шедуэлл моментально остановился, и между его ногами Кэл увидел приближавшегося человека в темных очках. Этот был полицейский с Чериот-стрит.

Шедуэлл повернулся к нему.

— А вы, черт возьми, кто такой? — спросил он.

— Инспектор Хобарт, — последовал ответ.

Кэл представил, как простодушная улыбка расплывается сейчас по лицу Шедуэлла. Он слышал эту улыбку в голосе Коммивояжера.

— Инспектор. Ну конечно. Конечно.

— А вы? — спросил в свою очередь Хобарт. — Кто вы такой?

Кэл не стал слушать их дальнейший диалог, а потихоньку начал эвакуацию своего избитого тела из развалин. Он изо всех сил надеялся, что везение, позволившее ему остаться в живых, поможет и Сюзанне.

— Где она?

— Где кто?

— Женщина, которая была здесь, — сказал Хобарт.

Он снял очки, чтобы при тусклом свете утра получше рассмотреть подозреваемого. У этого человека опасные глаза, решил Шедуэлл. У него глаза бешеной лисицы. Но он тоже ищет Сюзанну. Как интересно.

— Ее зовут Сюзанна Пэрриш, — сообщил Хобарт.

— А, — отозвался Шедуэлл.

— Вы ее знаете?

— Конечно, я ее знаю. Она воровка.

— Она гораздо хуже, чем воровка.

«Что может быть хуже воровства?» — удивился Шедуэлл. Но вслух произнес:

— Неужели?

— Я разыскиваю ее, чтобы предъявить обвинение в терроризме.

— Так вы приехали арестовать ее?

— Именно.

— Святой человек, — выдохнул Шедуэлл.

Какая удача, подумал Шедуэлл. Прямолинейный, до жути принципиальный, поклоняющийся закону деспот. Лучшего союзника и представить нельзя в эти беспокойные времена.

— Я могу дать вам, — начал он, — весьма ценные показания. Но только вам одному.

По приказу Хобарта Ричардсон отошел в сторону.

— У меня нет настроения играть в игры, — предупредил Хобарт.

— Поверьте мне, — сказал Шедуэлл, — клянусь глазами матери, это не игра.

Он распахнул пиджак. Подозрительный взгляд инспектора немедленно впился в подкладку. Он голоден, подумалось Шедуэллу. Ужасно голоден. Но чего он желает? Интересно будет посмотреть. Чего же больше всего на свете хочет заполучить наш друг Хобарт?

— Может быть… вы видите что-нибудь, что привлекает вас?

Хобарт улыбнулся, кивнул.

— В самом деле? Так возьмите это, прошу вас. Оно ваше.

Инспектор потянулся к пиджаку.

— Берите! — подбадривал его Шедуэлл.

Он никогда еще не видел такого взгляда, ни на одном человеческом лице не замечал такой чудовищной злобы в сознании своей праведности.

Пиджак полыхнул пламенем, и глаза Хобарта стали еще более дикими. Потом он протянул руку к подкладке, и Шедуэлл едва не охнул от изумления при виде того, что выбрал этот безумец. У Хобарта на ладони горел иссиня-серый огонек, выбрасывавший желтые и белые языки. Они поднимались на целый фут, желая пожрать кого-нибудь, их яркие всполохи отражались в глазах Хобарта.

— О да, — говорил инспектор. — Дай мне огонь…

— Он твой, друг мой.

— И я сожгу их дотла!

Шедуэлл улыбнулся.

— Мы сделаем это вместе, — предложил он.

Таково было начало союза, заключенного в аду.

Часть шестая
Снова среди слепых

Если человек во сне попадет в рай и там ему подарят цветок в

знак того, что душа его в самом деле побывала в раю, и если он обнаружит этот цветок у себя в руке, когда проснется, — что же тогда?

С. Т. Кольридж. Anima Poetae

I
По прошествии времени

1

Обитатели Чериот-стрит, ставшие недавно свидетелями удивительных событий, с завидной готовностью восстановили статус-кво. В восемь утра, когда Кэл вышел из автобуса и коротким путем двинулся к дому Муни, в каждом доме уже совершались привычные домашние ритуалы, какие он привык наблюдать с раннего детства. Через открытые окна и двери радиоприемники сообщали последние новости: член парламента найден мертвым в объятиях любовницы, бомбардировки на Ближнем Востоке продолжаются. Кровопролития и скандалы, скандалы и кровопролития. Не кажется ли тебе, дорогая, что сегодня чай недостаточно крепкий? А дети хорошо вымыли за ушами?

Кэл вошел в дом, снова размышляя о проблеме, что же сказать Брендану. Если открыть только часть правды, возникнут лишние вопросы, но рассказать всю историю целиком… разве это возможно? Разве существуют слова, способные воссоздать хотя бы слабое эхо того, что он видел, и передать то, что он чувствовал?

В доме было тихо, и это настораживало. Еще с тех времен, когда Брендан работал в доках, он привык вставать на рассвете и даже в самые тяжелые последние дни поднимался рано навстречу своему горю.

Кэл позвал отца. Ответа не было.

Он прошел через кухню. Сад походил на поле битвы. Кэл позвал еще раз, затем отправился на второй этаж.

Дверь отцовской спальни была закрыта. Он повернул ручку, однако дверь оказалась заперта изнутри, чего никогда не бывало раньше. Кэл легонько постучал.

— Папа? — окликнул он. — Ты у себя?

Он выждал несколько секунд, напряженно прислушиваясь, потом повторил свой вопрос. На этот раз из комнаты донеслись сдавленные рыдания.

— Слава богу! — выдохнул Кэл. — Папа! Это я, Кэл. — Рыдания затихли. — Ты меня не впустишь, па?

Последовала короткая пауза, и он услышал шаги отца, подходящего к двери. Ключ в замке повернулся, дверь неохотно приоткрылась дюймов на шесть.

Лицо за дверью больше напоминало призрака, чем человека. Судя по всему, Брендан не брился и не умывался со вчерашнего дня.

— О господи… папа!

Брендан рассматривал сына с откровенным подозрением.

— Это правда ты?

Его вопрос напомнил Кэлу о том, как выглядит он сам: весь в крови и синяках.

— Я в порядке, папа, — сказал он, выдавливая из себя улыбку. — А ты?

— У нас все двери заперты? — спросил вдруг Брендан.

— Двери? Ну да.

— А окна?

— И окна тоже.

Брендан кивнул и переспросил:

— Ты уверен?

— Я же сказал тебе, да. А что случилось, папа?

— Крысы, — произнес Брендан, вглядываясь в лестничную площадку за спиной Кэла. — Я всю ночь слышал их возню. Они даже по лестнице поднимались. Сидели тут на ступеньках. Я их слышал. Размером с кошку. Сидели и ждали, когда я выйду.

— Ну, теперь их нет.

— Пролезли через забор. С железнодорожной насыпи. Целые дюжины.

— Может быть, пойдем вниз? — предложил Кэл. — Я приготовлю тебе завтрак.

— Нет. Вниз я не пойду. Не сегодня.

— Тогда я приготовлю что-нибудь и принесу тебе сюда, хорошо?

— Если хочешь, — ответил Брендан.

Когда Кэл спускался по лестнице, он услышал, что отец снова запер дверь комнаты.

2

В разгар утра раздался стук в дверь. Это пришла миссис Вэлленс, чей дом стоял напротив дома Муни.

— Я просто проходила мимо, — сообщила она, хотя это утверждение опровергали ее домашние тапочки. — Хотела узнать, как ваш отец. Я слышала, он наговорил полиции каких-то странностей. А что случилось с вашим лицом?

— Со мной все в порядке.

— Меня допрашивал очень вежливый полицейский, — продолжала соседка. — Он спросил меня, — тут она понизила голос, — хорошо ли с головой у вашего отца.

Кэл удержался, чтобы не сказать в ответ колкость.

— Они, естественно, хотели поговорить и с вами, — продолжала соседка.

— Что ж, я дома, — ответил Кэл. — Пусть приходят.

— Мой Раймонд сказал, что видел вас на железнодорожных путях. Вы куда-то бежали, так он сказал.

— Всего хорошего, миссис Вэлленс.

— Зрение у Раймонда отличное.

— Я сказал, всего хорошего, — повторил Кэл и захлопнул дверь перед самодовольной физиономией соседки.

3

Ее визит был не последним в тот день. Еще несколько человек заглянули справиться, все ли в порядке. Судя по всему, про семейство Муни ходило немало сплетен. Возможно, кто-то сообразительный понял, что их дом находился в эпицентре вчерашней трагедии.

Каждый раз, когда раздавался стук в дверь, Кэл ожидал увидеть на пороге Шедуэлла. Но у Коммивояжера, похоже, нашлись дела поважнее, чем заканчивать то, что было начато на развалинах дома Шермана. Или же он решил дождаться благоприятного расположения звезд.

А потом, сразу после полудня, когда Кэл направился в голубятню кормить птиц, зазвонил телефон.

Он опрометью бросился в дом и схватил трубку. Он понял, что это Сюзанна, раньше, чем услышал ее голос.

— Где ты?

Она тяжело дышала и была взволнована:

— Нам нужно выбираться из города, Кэл. За нами гонятся.

— Шедуэлл?

— Не только он. Еще и полиция.

— Ковер у вас?

— Да.

— Тогда скажи, где ты. Я приду и…

— Не могу. Не по телефону.

— Господи, он же не прослушивается.

— Оттуда ты знаешь?

— Но я должен тебя увидеть. — Кэл наполовину требовал, наполовину умолял.

— Хорошо, — ответила она, голос ее потеплел. — Да, конечно…

— Где?

Последовало долгое молчание. Затем она произнесла:

— Там, где ты мне признался.

— В чем?

— Вспомни.

Кэл задумался. В чем же он ей признавался? Ну, конечно! «Я люблю тебя!» Как он мог такое забыть?

— Так что? — спросила она.

— Да. Когда?

— Через час.

— Я буду.

— У нас очень мало времени, Кэл.

Он хотел ответить, что знает, но она уже повесила трубку.

Боль в избитом теле чудесным образом утихла после этого разговора. Он легкими шагами поднимался наверх, чтобы посмотреть, как там Брендан.

— Мне нужно ненадолго уйти, па.

— А ты запрешь все двери? — спросил отец.

— Да, на все замки и засовы. Никто не сможет войти. Сделать для тебя еще что-нибудь?

Брендан на секунду задумался.

— Мне бы хотелось немного виски, — ответил он.

— А он у нас есть?

— На книжной полке, — сказал старик. — За Диккенсом.

— Я сейчас принесу.

Кэл доставал из тайника бутылку, когда в очередной раз зазвонил звонок. Он не хотел открывать, но гость оказался настойчив.

— Подожди минутку! — крикнул Кэл отцу наверх и распахнул дверь.

Человек в темных очках осведомился:

— Кэлхоун Муни?

— Да.

— Я инспектор Хобарт, а это полицейский Ричардсон. Мы пришли, чтобы задать вам несколько вопросов.

— Прямо сейчас? — спросил Кэл. — Я собираюсь уходить.

— Срочное дело? — заинтересовался Хобарт.

Лучше не говорить, рассудил Кэл.

— Да не особенно, — пожал он плечами.

— Тогда вы не будете возражать, если мы займем немного вашего времени, — заявил Хобарт, и в ту же секунду сыщики ввалились в дом. — Закройте дверь, — велел он своему подчиненному. — Вы взволнованы, Муни. Что-то скрываете?

— С чего бы? Нет.

— А у нас противоположные сведения.

Брендан спросил сверху, где его виски.

— Кто там?

— Это мой отец, — сказал Кэл. — Он хотел выпить.

Ричардсон забрал у Кэла бутылку и шагнул к лестнице.

— Не ходите, — остановил его Кэл. — Вы его напугаете.

— Какое нервное семейство, — заметил Ричардсон.

— Отец плохо себя чувствует, — пояснил Кэл.

— Мои люди кроткие, как ягнята, — заверил Хобарт. — Конечно, пока вы в ладах с

законом.

И снова раздался голос Брендана:

— Кэл? Кто там пришел?

— Да так, папа, это ко мне, — ответил Кэл.

Хотя на языке у него вертелся совсем другой ответ. Он не произнес его вслух, но это был верный ответ «Крысы, папа. Они все-таки пролезли в дом!»

4

Время уходило безвозвратно. Вопросы вертелись по кругу, как карусель. Хобарт был хорошо осведомлен, а это значило, что он подробно поговорил с Шедуэллом и отрицать что-либо неразумно. Кэлу пришлось изложить ту малую толику правды, какую он мог открыть. Да, он знаком с женщиной по имени Сюзанна Пэрриш. Нет, он не знает никаких подробностей ее биографии. Нет, он не осведомлен о ее политических взглядах. Да, он виделся с ней в последние двадцать четыре часа. Нет, он не знает, где она сейчас.

Кэл отвечал на вопросы и старался не думать о том, что Сюзанна ждет его у реки. Ждет, не дожидается и уходит. Однако чем больше он старался прогнать мысли о ней, тем упорнее они возвращались.

— Нервничаете, Муни?

— Сегодня слишком жарко, вот и все.

— У вас важная встреча, верно?

— Нет.

— Где она, Муни?

— Я не знаю.

— Нет смысла выгораживать ее. Она худшая из худших, Муни. Поверьте мне. Я видел, что она вытворяет. Вы бы глазам своим не поверили. Меня наизнанку выворачивает, как вспомню.

Он говорил с абсолютной убежденностью. Кэл нисколько не сомневался, что Хобарт верил в каждое свое слово.

— Кто вы такой, Муни?

— В каком смысле?

— Вы мой друг или враг? Середины быть не может, вот в чем дело. Никаких «вероятно». Друг или враг. Кто?

— Я не сделал ничего противозаконного.

— Это решаю я, — заявил Хобарт. — Я знаю закон. Знаю и люблю его. И я не позволю плевать на него, Муни. Ни вам, ни кому-либо еще. — Он отдышался. Затем заявил: — Вы лжец, Муни. Не знаю, как далеко вы зашли и почему, однако не сомневаюсь, что вы лжец.

Последовала пауза. А затем:

— Итак, начнем сначала, да?

— Я рассказал вам все, что знаю.

— Мы начнем с самого начала. Как вы познакомились с террористкой Сюзанной Пэрриш?

5

После двух часов и сорока пяти минут Хобарт наконец устал от этой карусели и объявил, что на сегодня он закончил. Никаких обвинений не выдвинуто, во всяком случае пока не выдвинуто, однако Кэл может считать себя подозреваемым.

— Вы нажили себе двух врагов, Муни, — сказал Хобарт. — Это я и закон. И вы будете жалеть об этом всю жизнь.

После чего крысы удалились.

Кэл посидел еще минут пять, пытаясь привести в порядок мысли, потом поднялся

наверх посмотреть, чем занимается отец. Старик спал. Оставив Брендана видеть сны, Кэл отправился на поиски своих грез.

6

Сюзанна, конечно, ушла; давно ушла.

Кэл побродил по окрестностям, всматриваясь в мастерские в надежде обнаружить весточку от нее, но так ничего и не нашел.

Измотанный событиями этого дня, он отправился домой. Когда он выходил через ворота на Док-роуд, Кэл заметил человека, наблюдавшего за ним из припаркованной машины. Должно быть, один из законолюбцев шайки Хобарта. Может быть, Сюзанна все же где-то здесь, но не осмелилась выйти из опасения быть схваченной. Болезненная мысль о том, что она близко, немного смягчила удар от ее отсутствия. Когда все успокоится, Сюзанна позвонит и назначит новое свидание.

К вечеру поднялся ветер. Он дул всю ночь и следующий день, неся с собой осеннюю прохладу. Однако никаких новостей он не принес.

II
Отчаяние

И так прошли полторы недели: никаких новостей. Кэл вернулся на работу. Он объяснил свое отсутствие недомоганием отца и взялся за то, на чем остановился, — за бланки заявлений. В обеденный перерыв он приходил домой, разогревал еду для Брендана (его удалось выманить из спальни, однако он каждый раз лихорадочно спешил вернуться туда) и кормил голубей. По вечерам пытался привести в порядок сад и даже залатал забор. Однако все эти заботы забирали лишь малую толику его внимания. Что бы он ни придумывал, отгораживаясь от снедающего беспокойства, девять из десяти его мыслей были о Сюзанне и ее бесценной ноше.

Но чем дальше, тем назойливей становилась мысль о немыслимом: Сюзанна никогда не позвонит. Либо она слишком боится рисковать, либо, что гораздо хуже, уже не может. К концу второй недели Кэл решил поискать ковер единственным доступным ему способом. Он выпустил голубей.

Они поднялись в воздух, приветствуя свободу бурным хлопаньем крыльев, и закружили над домом. Это зрелище напомнило Кэлу о том дне на Рю-стрит, и он немного взбодрился.

— Летите! — призывал он голубей. — Летите же!

Они все кружили и кружили, словно пытались сориентироваться. Сердце Кэла билось быстрее каждый раз, когда кто-то из голубей, как ему казалось, хотел отбиться от стаи и улететь. Кэл надел кроссовки и был готов следовать за птицей.

Но голуби быстро устали от свободы. Один за другим они снижались, даже Тридцать третий; одни приземлялись в саду, другие садились на карнизы. Некоторые уже полетели в голубятню. Насесты там были старые, и ночные поезда, без сомнения, тревожили птичий сон, но для большинства из птиц это был единственный родной дом.

Поднявшийся ветер искушал их, он приносил упоительные запахи, совсем не похожие на запах голубятни рядом с железной дорогой. Но птицы не спешили расправить крылья и отдаться воздушному потоку.

Кэл выругал их за отсутствие авантюризма, потом накормил, налил им воды и в тоске вернулся в дом, где Брендан снова толковал о крысах.

III
Забывчивость

1

В третью неделю сентября зарядили дожди. Не августовские ливни, что обрушивались с ярких, как театральные декорации, небес, а противная серая морось. Дни тоже сделались серыми, а вместе с ними и Брендан как-то посерел. Кэл каждый день убеждал отца сойти вниз, но тот больше не спускался. Два-три раза сын пытался поговорить с ним о том, что случилось месяц назад, но старика это совершенно не интересовало. Его глаза тускнели, как только он понимал, к чему клонится беседа. Если Кэл настаивал, Брендан раздражался.

Врачи установили, что отец страдает старческим слабоумием, что это необратимый процесс и через некоторое время Кэл не сможет сам ухаживать за ним. Будет лучше для всех, советовали врачи, подыскать место в доме престарелых, где Брендан получит надлежащий уход двадцать четыре часа в сутки.

Кэл отказался от такого предложения. Он был уверен: если отнять у отца его комнату, ту самую, где он прожил столько лет с Эйлин, уже ничто не удержит его от окончательного падения.

В борьбе за отца он был не одинок. Через два дня после его неудачной попытки выпустить голубей появилась Джеральдин. Минут десять они неловко обменивались извинениями и объяснениями, а затем речь зашла о здоровье Брендана, и здравый смысл Джеральдин восторжествовал над всем. Забудем недоразумения, сказала она, я хочу помочь. Кэл не стал отказываться. Брендан отреагировал на появление Джеральдин как голодный младенец на грудь. Его холили и лелеяли, и, когда Джеральдин заняла в доме место Эйлин, Кэл обнаружил, что жизнь возвращается в прежнюю колею. Его отношение к Джеральдин было лишено боли, что служило очевидным доказательством его несерьезности. Когда она была рядом, Кэл чувствовал себя счастливым. Однако он редко скучал по ней в ее отсутствие, если вообще скучал.

Что касается Фуги, то он делал все возможное, чтобы сохранить живые воспоминания о Сотканном мире. Но это оказалось нелегко. У Королевства имелось много способов вызвать забывчивость, и эти способы были такими ненавязчивыми и действенными, что Кэл едва ли сознавал, как сильно ему туманят мозги.

И только когда в разгар очередного безотрадного дня какая-то мелочь, какой-то запах или звук напоминали ему о том, что он бывал в ином мире, дышал его воздухом, встречался с живущими там созданиями, — тогда Кэл сознавал, насколько призрачны его воспоминания. И чем упорнее он пытался вспомнить забытое, тем увереннее оно ускользало от него.

Чудеса Фуги стали пустыми словами, реальностью, куда он больше не имел доступа. Он думал о фруктовом саде, и с каждым разом ему представлялось все более и более прозаическим место, где он ночевал (где он спал и ему снилось, что его нынешняя жизнь это всего лишь сон), с еще более прозаическими яблоневыми деревьями…

Чудеса ускользали, и Кэл чувствовал, что не в силах их удержать.

Наверное, вот так человек умирает, думал он: теряет все, что ему дорого, и не может предотвратить потерю.

Да, Кэл медленно умирал.

2

Брендан же, со своей стороны, продолжал тянуть лямку жизни. Недели шли, Джеральдин удалось уговорить его спускаться к ним вниз, однако он не интересовался ничем, кроме чая и телевизора, а его речь состояла в основном из междометий. Иногда Кэл всматривался в лицо отца, окаменевшего перед телевизором, — выражение его лица не менялось, что бы ни показывали на экране, от ученых диспутов до комедий, — и гадал, что же случилось с тем Бренданом, которого он знал. Может быть, где-то за этими потухшими глазами до сих пор скрывается прежний Брендан? Или же он всегда был иллюзией, мечтой сына о бессмертном отце, а теперь мечта развеялась, как то письмо от Эйлин? Может быть,

подумал Кэл, оно и к лучшему — то, что Брендан так надежно огражден от своей боли. Он тут же одернул себя за подобную мысль. Ведь так говорят про покойника: «Может, оно и к лучшему». Брендан еще не умер.

Время шло, и присутствие Джеральдин стало для Кэла столь же важным, как и для старика. Ее улыбка была самым светлым явлением в те отчаянно темные месяцы. Она приходила и уходила, с каждым днем делаясь все более необходимой, а в первую неделю декабря наконец сказала, что, наверное, всем будет удобнее, если она останется ночевать в доме. Это был закономерный финал.

— Я не хочу за тебя замуж, — прямо сказала она Кэлу.

Печальный опыт Терезы — прошло всего пять месяцев, а ее брак уже трещал по швам — подтвердил худшие опасения Джеральдин по поводу замужества.

— Наверное, когда-нибудь я захочу, — говорила она. — Но пока я счастлива просто быть с тобой.

Она была отличной компаньонкой, практично мыслящей, лишенной сентиментальности, в равной степени товарищ и любовница. Это она следила за тем, чтобы вовремя оплачивались счета и в доме всегда был чай. И это она предложила Кэлу продать голубей.

— Твой отец больше не интересуется птицами, — не раз говорила она. — Он даже не заметит, если их не станет.

Конечно, это была чистая правда. Но Кэл отказывался так думать. Придет весна, погода наладится, и Брендан, возможно, снова заинтересуется птицами.

— Ты же знаешь, что это неправда, — ответила Джеральдин, когда Кэл возразил ей. — Почему ты так не хочешь расставаться с ними? Они же обуза.

Она оставила этот вопрос на несколько дней, но только для того, чтобы начать заново, когда представится подходящий момент.

История движется по кругу. В этих диалогах, постепенно становившихся все более ожесточенными, Кэлу все чаще слышалось эхо перепалок матери и отца. Старые споры звучали с новой силой. И точно так же, как отец, Кэл оставался непреклонен, хотя в остальном вечно уступал. Он не будет продавать голубей.

Однако истинной причиной его упорства была вовсе не надежда на выздоровление Брендана. Птицы оставались последней ниточкой, ведущей к событиям прошедшего лета.

Несколько недель после исчезновения Сюзанны Кэл скупал газеты, просматривая страницы в поисках известий о ней, о ковре или о Шедуэлле. Но ничего не находил и постепенно, не в силах переносить ежедневное разочарование, перестал искать. Хобарт и его люди тоже больше не появлялись, что в некотором смысле было плохим признаком. Кэл остался не у дел. История, если она еще продолжалась, развивалась без его участия.

Он так боялся окончательно забыть Фугу, что рискнул записать свои воспоминания о ночи, проведенной там. Помнил он, как оказалось, отчаянно мало. Кэл записал имена: Лемюэль Ло, Апполин Дюбуа, Фредерик Каммелл… Набросал их на последних страницах записной книжки, предназначенных для телефонных номеров. Только рядом с этими именами не значилось никаких номеров, и адресов тоже не было. Лишь странные имена, которые Кэлу все труднее было соотнести с лицами.

3

Иногда ему снились сны, и тогда он просыпался в слезах.

Джеральдин утешала его, как могла, хотя он никогда не рассказывал ей свои сны. Кэл утверждал, будто не помнит их, и это до какой-то степени было правдой. В его сознании не оставалось ничего, что можно было передать словами, только болезненная тоска. Тогда Джеральдин ложилась рядом с ним, гладила его по голове и говорила, что сейчас они переживают тяжелые времена, но могло бы быть и хуже. Она, разумеется, была совершенно права. И постепенно сны перестали мучить Кэла, а потом и вовсе прекратились.

4

В последнюю неделю января, когда рождественских счетов оставалось еще много, а денег совсем мало, Кэл продал голубей. Всех, кроме Тридцать третьего и его подруги. Эту пару он сохранил, хотя с трудом вспоминал, по какой причине, а к концу следующего месяца окончательно забыл.

IV
Скитальцы

1

Конечно, для Кэла пережить долгую зиму было непросто, однако на долю Сюзанны выпали испытания куда более серьезные, чем скука и дурные сны.

Эти испытания начались сразу после ночи в Фуге, когда они с братьями Перверелли ускользнули из-под самого носа Шедуэлла. Жизнь Сюзанны и Джерико, которые встретились вновь на улице за поместьем Шермана, с тех пор постоянно подвергалась опасности.

В Доме Капры Сюзанну предупреждали и об этом, и о многом другом. Однако самое сильное впечатление на нее произвел рассказ о Биче. Члены совета бледнели, вспоминая о том, что семейства были близки к полному истреблению. И хотя Шедуэлл и Хобарт — новые враги, шедшие сейчас по пятам за ними, — были совсем иной природы, Сюзанна не могла отделаться от ощущения, что они родом из того же зловонного края. Как и Бич, хотя и по-своему, они противостояли жизни.

И они были так же неутомимы. Все время опережать на шаг Коммивояжера с его новым союзником — это очень изнуряло. В тот первый день Сюзанна и Джерико получили несколько часов форы, когда ложный след, оставленный братьями Перверелли, успешно сбил ищеек с толку. Однако к полудню Хобарт унюхал их. У Сюзанны не осталось иного выбора, кроме как сразу уехать из города в подержанном автомобиле, купленном вместо угнанной полицейской машины. Отправиться на ее машине было равносильно тому, чтобы подавать преследователям дымовые сигналы.

Одно только изумляло Сюзанну: она не чувствовала присутствия Иммаколаты ни в день восстановления ковра, ни в последующие дни. Неужели инкантатрикс вместе с сестрами предпочла остаться в ковре или была заточена в нем против воли? Наверное, это слишком смелое предположение. Хотя менструум — Сюзанна училась держать его под контролем и использовать — не улавливал ни малейшего намека на близость Иммаколаты.

Первые недели Джерико держался от нее на почтительном расстоянии. Он явно чувствовал себя неловко, пока Сюзанна училась ладить с менструумом. Здесь он ничем не мог помочь: сила, которой она обладала, была для него загадкой, мужское естество ее боялось. Постепенно Сюзанне удалось убедить Джерико, что ни менструум, ни она сама (если, конечно, их можно рассматривать по отдельности) не принесут ему ни малейшего вреда, и он стал ощущать себя свободнее. Она даже рассказала, как впервые получила менструум, а немного позже влила его в Кэла. Сюзанна была благодарна Джерико за возможность поговорить о тех событиях; она слишком долго хранила их в себе, перебирая заново. Джерико едва ли мог что-то объяснить ей, но сам разговор успокоил ее тревоги. А чем меньше тревожилась Сюзанна, тем более полезным становился менструум. Он давал ей бесценные способности: например, предвидение, благодаря которому она различала призраков будущего. Она видела физиономию Хобарта на лестнице перед номером, где они скрывались, и понимала, что очень скоро он окажется на этом самом месте. Иногда Сюзанне мерещился Шедуэлл, но чаще Хобарт: глаза отчаянные, губы шепчут ее имя. Это был сигнал, что пора бежать, неважно, день на дворе или ночь. Тогда они упаковывали вещи, брали ковер

и уезжали.

Из-за менструума у нее открылись и другие таланты. Она теперь видела огни, которые Джерико когда-то показал ей на Лорд-стрит. Поразительно быстро Сюзанна научилась не замечать их, и они сделались источником дополнительной информации — как выражение лица или интонации, — позволявшей судить о темпераменте человека. И еще один талант, связанный со зрением, нечто среднее между способностью предвидеть будущее и различать цветные ореолы: Сюзанна теперь видела весь процесс природного развития. Глядя на спящую почку, она видела не только ее, но и цветок, в который она превратится весной, а если заглядывала чуть дальше, то и плод, что появится из цветка. Эта способность различать всю цепочку развития имела несколько последствий. Во-первых, Сюзанна перестала есть яйца. Во-вторых, ей пришлось сражаться с крепнущим фатализмом, потому что иначе она угодила бы в океан неизбежностей и поплыла по его волнам туда, куда влечет ее будущее.

Именно Джерико помог ей спастись от этого опасного прилива, Джерико и его безграничная готовность жить и действовать. Цветение и увядание были неизбежностью, но люди и ясновидцы обладали правом выбора, прежде чем их настигнет смерть: они могли выбрать себе путь или отвергнуть его.

Например, они могли выбрать, остаться ли просто друзьями или сделаться любовниками. Они решили стать любовниками, хотя все произошло настолько само собой, что Сюзанна не могла бы определить миг принятия решения. Разумеется, они никогда специально не обсуждали эту тему. Возможно, все просто носилось в воздухе после того разговора в поле за Домом Капры. Им казалось естественным находить утешение друг в друге. Джерико был искушенным любовником, он реагировал на малейшие изменения настроений Сюзанны: мог беззаботно смеяться в один миг и становиться очень серьезным через секунду.

А еще, к ее огромному восторгу, он оказался отличным вором. Несмотря на все сложности жизни, они питались (и путешествовали) по-королевски благодаря ловкости его рук. Сюзанна не вполне понимала, как он добивается такого успеха: то ли с помощью чар, помогавших отводить глаза жертвы, то ли с помощью природного воровского таланта. Так или иначе, но Джерико мог похитить что угодно, большое и маленькое, в результате чего они ежедневно угощались исключительно дорогими лакомствами или удовлетворяли недавно обретенную страсть к шампанскому.

Способности Джерико упрощали путешествие и с бытовой точки зрения: они могли менять машины так часто, как это требовалось, оставляя за собой вереницу брошенных автомобилей.

Они двигались, не выбирая направления, а ехали туда, куда их вело чутье. Тщательно продуманный маршрут, считал Джерико, станет прямой дорогой в руки врагов. «Я никогда не собираюсь красть заранее, — объяснял он Сюзанне, — пока не приступаю непосредственно к делу. Никто не знает, чего я хочу, поскольку я и сам этого не знаю».

Сюзанне понравилась эта философия, она соответствовала ее чувству юмора. Если она когда-нибудь вернется в Лондон, к своей глине и гончарному кругу, она попробует выяснить, применимо ли это утверждение в эстетической, а не в криминальной сфере. Может быть, отсутствие замысла — единственный путь к настоящему мастерству. Какие вазы у нее получатся, если она не будет и пытаться заранее представить их себе?

Однако подобная уловка не помогала сбить со следа врагов, она лишь позволяла держать их на расстоянии. И уже не раз это расстояние неприятно сокращалось.

2

Они провели два дня в Ньюкасле, в маленькой гостинице на Редьярд-стрит. Дождь шел уже неделю, и они обсуждали возможность выехать из страны и отправиться в теплые края. Но этому мешали серьезные проблемы. Во-первых, Джерико не имел паспорта, а любая попытка обзавестись документом поставит их обоих под удар. Во-вторых, очень может быть,

что Хобарт передал информацию о них в аэропорты и морские порты. А в-третьих, даже если бы они сумели выехать, перевезти ковер очень непросто. Почти наверняка пришлось бы на время выпустить его из поля зрения, а Сюзанна этого очень не хотела.

Они то принимали, то отвергали эту идею, пока ели пиццу и пили шампанское, а дождь хлестал по стеклу.

А затем Сюзанна ощутила внизу живота дрожь, которую уже научилась воспринимать как знамение. Она посмотрела на дверь, и на одно тошнотворное мгновение ей показалось, что менструум слишком поздно предупредил ее: она увидела, как дверь открылась и на пороге возник Хобарт. Он пристально глядел на Сюзанну.

— Что такое? — спросил Джерико.

Его слова помогли Сюзанне осознать ошибку. Видение было более реальным, чем раньше, что, вероятно, означало близость знаменуемого им события.

— Хобарт, — пояснила Сюзанна. — И мне кажется, у нас почти не осталось времени.

Джерико болезненно сморщился, но не стал подвергать сомнению ее предчувствие. Если она говорит, что Хобарт близко, значит, так оно и есть. Она превратилась в оракула, в колдунью; она читала по воздуху и всегда получала дурные вести.

Переезжать с места на место было непросто из-за ковра. На каждой новой остановке им приходилось объяснять хозяину или управляющему гостиницы, что они обязательно должны взять ковер с собой в комнаты. А когда они уезжали, его приходилось перетаскивать обратно в машину. Эти действия привлекали ненужное внимание, но выбора у них не было. Никто и не обещал, что таскать за собой рай будет легко.

3

Через полчала Хобарт распахнул дверь гостиничного номера. В комнате до сих пор оставалось тепло ее дыхания. Но сама женщина и ее черномазый исчезли.

Опять! Сколько раз за последние месяцы он стоял, рассматривая брошенный ими мусор, вдыхая тот же воздух, каким недавно дышала она, глядя на смятую постель? И всегда он приходил слишком поздно. Всегда они опережали его, ускользали, а ему оставалась еще одна комната с призраками.

Да, у Хобарта не будет спокойных ночей и мирных дней, пока он не схватит эту женщину и не прижмет к ногтю. Это стало его навязчивой идеей: схватить ее и наказать.

Он слишком хорошо знал, что в наш испорченный век для каждого мерзкого преступления найдется оправдание и, когда Сюзанну поймают, ее возьмутся защищать красноречивые адвокаты. Вот почему он разыскивал ее лично, вместе с несколькими верными людьми: он хотел показать ей истинное лицо закона, прежде чем набегут либералы с оправданиями. Женщина поплатится за то, что сотворила с его подчиненными. Она будет умолять о пощаде, но он останется тверд и глух к ее мольбам.

В этом деле у него был союзник — Шедуэлл. Никому из соратников он не верил так, как верил Шедуэллу. Они были родственными душами. Хобарту это давало силу.

А еще, как ни странно, ему давала силу книга. Та книга с шифрами, которую он отнял у Сюзанны. Хобарт тщательно изучил обложку, бумагу, переплет, проанализировал их на предмет тайных знаков. Но не нашел ничего. Только слова и картинки. Их тоже исследовали эксперты, и книга якобы оказалась обычной книгой сказок. Иллюстрации и текст производили самое невинное впечатление.

Но Хобарта не проведешь. Книга скрывала нечто большее, чем какое-то там «жили-были», в этом он не сомневался ни на миг. Когда он наконец доберется до женщины, он каленым железом заставит ее все объяснить, и никакие слабаки его не остановят.

4

Они стали гораздо осторожнее после того случая в Ньюкасле, когда едва не попались.

Вместо мегаполисов, где полно полиции, они теперь выбирали городки поменьше. Что, конечно, тоже имело свои недостатки: приезд двух чужаков с большим ковром неизменно вызывал вопросы и пересуды.

Однако смена тактики сработала. Они не задерживались на одном месте больше чем на полтора дня, бездумно переезжая из города в город, из деревни в деревню, и их след постепенно остывал. Спокойные дни складывались в недели, недели — в месяцы, и иногда казалось, что преследователи оставили попытки схватить их.

В такие моменты мысли Сюзанны часто обращались к Кэлу. Сколько всего произошло после того вечера на берегу Мерси, когда он признался ей в любви. Она размышляла, в какой степени его чувства были вызваны менструумом, коснувшимся Кэла и проникшим в него, и много ли там было любви в обычном понимании этого слова. Иногда Сюзанну охватывало желание поднять трубку и набрать его номер, и несколько раз она даже делала это. Но что-то удерживало ее от разговора — мания преследования или, как подсказывала интуиция, чужое присутствие на линии, которую все-таки прослушивали. На четвертый и пятый раз к телефону подходил не Кэл, а какая-то женщина. Она спрашивала, кто это, а когда Сюзанна не отзывалась, угрожала сообщить в полицию. Больше она не звонила — дело не стоило такого риска.

У Джерико было собственное мнение по поводу Кэла.

— Муни из чокнутых, — сказал он, когда имя Кэла всплыло в разговоре. — Тебе лучше забыть его.

— Если ты чокнутый, ты ничего не стоишь, так получается? — спросила она. — А как же я?

— Теперь ты принадлежишь к нашему народу, — ответил он. — Ты из ясновидцев.

— Ты совсем меня не знаешь, — возразила Сюзанна. — Я столько лет была обычной девчонкой…

— Ты никогда не была обычной.

— Ну, знаешь! Поверь мне, была. И до сих пор ею остаюсь. Здесь. — Она хлопнула себя по лбу. — Иногда я просыпаюсь и не могу поверить в то, что произошло… что происходит со мной. Когда я думаю о том, какой стала.

— Нет смысла оглядываться назад, — сказал Джерико. — Нет смысла думать о том, как все могло бы быть.

— А ты и не думаешь, верно? Я заметила. Ты больше не упоминаешь о Фуге.

Джерико улыбнулся.

— А зачем? — спросил он. — Я счастлив тем, что есть. Счастлив быть с тобой. Может быть, завтра все изменится. Может быть, вчера все было иначе, я не помню. А вот сегодня, сейчас, я счастлив. Я даже полюбил Королевство.

Она помнила, каким потерянным был Джерико в толпе на Лорд-стрит. Он сильно изменился с тех пор.

— А если ты никогда больше не увидишь Фугу?

Джерико на мгновение остановился.

— Кто знает? Лучше об этом не думать.

Их роман был странным. Сюзанна училась новому видению у заключенной внутри нее силы, а Джерико с каждым днем все сильнее увлекался очарованием этого мира, тривиальность которого она различала все яснее. И вместе с новым пониманием, так не похожим на прежнюю упрощенную схему, к ней пришла уверенность, что оберегаемый ими ковер и на самом деле является последней надеждой. А Джерико, чей дом остался в Сотканном мире, постепенно становился равнодушным к судьбе Фуги. Он жил настоящим и ради настоящего, забывая мечтать о будущем и сожалеть о прошлом. Он почти не интересовался поисками безопасного места для Фуги, его куда больше привлекало другое, увиденное на улице или по телевизору.

И хотя он был рядом и говорил, что Сюзанна всегда может на него положиться, она ощущала себя абсолютно одинокой.

5

А где-то далеко Хобарт тоже был одинок, даже среди своих людей, даже с Шедуэллом. В своем одиночестве он видел сны о Сюзанне, о ее запахе, который она в насмешку оставила ему, и о наказании, которому он подвергнет ее.

В этих снах на ладонях Хобарта играло пламя, увиденное им однажды, и, когда Сюзанна сражалась с ним, пламя начинало лизать стены и расползалось по потолку, пока комната не превращалась в пылающий очаг. Он просыпался, закрывая лицо руками — по ним струился пот, а не огонь, — и радовался тому, что закон спасает его от паники. Тому, что выбрал правильную сторону баррикад.

V
Зловещая мадонна

1

Это были черные дни для Шедуэлла.

Он выбрался из Фуги на волне душевного подъема, зачарованный размахом новых устремлений, и тут же обнаружил, что мир, которым он мечтал править, стянули у него прямо из-под носа. И не только мир. Иммаколата, похоже, решила остаться в Фуге, а он надеялся получить от нее поддержку и помощь. В конце концов, она тоже из ясновидцев, пусть они и отвергли ее. Наверное, не стоит удивляться: когда Иммаколата вернулась на свою покинутую землю, она предпочла остаться там.

Какая-то компания у Шедуэлла была. Норрис, король гамбургеров, по-прежнему бросался угождать ему по первому зову, по-прежнему был счастлив служить Коммивояжеру. И конечно с ним оставался Хобарт. Инспектор был безумен, но это и к лучшему. Он был одержим одной-единственной мечтой, и Шедуэлл рассчитывал в один прекрасный день обратить это себе на пользу. Хобарт мечтал возглавить — так он сам говорил — крестовый поход во славу закона.

Однако пока что идти в поход было некуда. Прошло пять долгих месяцев, и с каждым новым днем без ковра отчаяние Шедуэлла возрастало. В отличие от всех остальных, побывавших в Фуге той ночью, он помнил пережитое до мельчайшей детали. Его пиджак, полный чар, помогал сохранять воспоминания свежими. Слишком свежими. Он почти ежечасно погружался в мечты о том мире.

Но он не просто сгорал от желания обладать Фугой. За долгие недели ожидания его одолели куда более дерзкие мечты. Когда эти земли будут принадлежать ему, он сделает то, на что не осмеливался ни один ясновидец: войдет в Вихрь. Эта мысль, единожды зародившись, постоянно терзала Шедуэлла. Возможно, за подобную дерзость он поплатится, но разве игра не стоит свеч? Укрытый завесой облака, называемого Ореолом, Вихрь представлял собой средоточие магии, не превзойденной никем за все время существования ясновидцев, а значит, за всю историю мира.

В Вихре заключалось знание о Творении. Отправиться туда и увидеть тайны мироздания своими глазами — разве это не означает стать равным богам?

2

И сегодня он услышал отголосок, вторивший музыке его мыслей, в маленькой церкви Святых мучеников Филомены и Калликста, затерянной в асфальтовых джунглях Лондона. Шедуэлл явился туда не ради спасения души, его пригласил священник, в данный момент служивший мессу для горстки конторских служащих. Незнакомый человек написал

Коммивояжеру, что хочет сообщить важную новость. Новость, из которой он сможет извлечь выгоду. Шедуэлл отправился на встречу без колебаний.

Он был воспитан в католической вере и, хотя давно уже не верил ни во что, все-таки помнил ритуалы, усвоенные в детстве. Он слушал «Санктус», и его губы шевелились, произнося знакомые слова, хотя прошло уже двадцать лет с тех пор, как он слышал их в последний раз. Затем евхаристическая молитва — нечто краткое и сладостное, чтобы не отвлекать бухгалтеров от их вычислений, — а потом Пресуществление.

«Примите и вкусите от него. Ибо это есть тело Мое…»

Старинные слова, старинные ритуалы. Однако они до сих пор обладали коммерческой привлекательностью.

Стоит заговорить о Власти и Могуществе, и аудитория обеспечена. Повелители никогда не выходят из моды.

Крепко задумавшись, он не сознавал, что месса уже закончилась, пока рядом не остановился священник.

— Мистер Шедуэлл?

Коммивояжер оторвал взгляд от своих лайковых перчаток. В церкви было пусто, остались только они двое.

— Мы вас ждали, — продолжал священник, не дожидаясь подтверждения, что говорит с нужным человеком. — Вы пришли очень кстати.

Шедуэлл поднялся со скамьи:

— А в чем дело?

— Не пройдете ли со мной? — предложил священник в ответ.

Шедуэлл не видел причин противиться. Священник провел его через неф в отделанную деревом комнату, где пахло как в борделе: смесь пота и духов. В дальнем конце комнаты — занавеска, которую священник отдернул в сторону, и еще одна дверь.

Прежде чем повернуть в замке ключ, он сказал:

— Держитесь поближе ко мне, мистер Шедуэлл, и не приближайтесь к усыпальнице…

Усыпальница? Теперь у Шедуэлла появились догадки, в чем тут дело.

— Понимаю, — сказал он.

Священник открыл дверь. Перед ними круто уходили вниз каменные ступени, освещенные тусклым светом из комнаты, откуда они вышли. Шедуэлл насчитал тридцать ступенек, потом сбился со счета. Лестница вела в почти абсолютную темноту, сгущавшуюся после первого десятка ступеней, и Шедуэлл, вытянув руки, держался за сухие и холодные стены, чтобы не потерять равновесие.

Однако внизу был свет. Священник обернулся через плечо, его лицо в сумраке походило на бледный шар.

— Идите поближе ко мне, — повторил он. — Это опасно.

Внизу священник крепко взял Шедуэлла за руку, как будто не верил, что он выполнит его указания. Казалось, что они попали в центр лабиринта, отсюда во все стороны разбегались галереи, переплетавшиеся и поворачивавшие под немыслимыми углами. В некоторых горели свечи. В других было темно.

И только когда его проводник свернул в один из таких коридоров, Шедуэлл осознал, что они здесь не одни. В стенах были вырезаны ниши, и в каждой лежал гроб. Шедуэлла передернуло. Покойники окружали их со всех сторон, Шедуэлл ощущал на языке привкус праха. Он знал: есть только одно создание, по доброй воле выбирающее подобное общество.

Пока он пытался упорядочить свои мысли, священник выпустил его руку и со всех ног кинулся бежать по проходу, на ходу бормоча молитву. Причина его бегства — фигура, с ног до головы закутанная во все черное и закрытая вуалью, — приближалась к Шедуэллу по галерее, словно заблудившаяся среди могил плакальщица. Ей не нужно было говорить, не нужно было поднимать с лица вуаль, чтобы Шедуэлл понял: это Иммаколата.

Она остановилась, немного не дойдя до него, и ничего не говорила. От ее дыхания шевелились складки вуали.

Потом она произнесла:

— Шедуэлл.

Голос ее звучал глухо, почти натужно.

— Я думал, ты осталась в Сотканном мире, — сказал он.

— Меня там едва не прикончили, — ответила Иммаколата.

— Прикончили?

За спиной Шедуэлл услышал стук подметок священника, по ступенькам удирающего из подземелья.

— Твой приятель? — поинтересовался он.

— Они мне поклоняются, — сказала она. — Называют меня богиней, Матерью Ночи. Они оскопляют себя, чтобы доказать свою преданность. Вот почему тебе приказали не подходить к усыпальнице. Они считают, что это богохульство. Если бы их богиня не заговорила, они не позволили бы тебе зайти так далеко.

— Почему ты их терпишь?

— Они помогли мне, когда я нуждалась в приюте. Чтобы залечить раны.

— Какие раны?

При этих словах вуаль поднялась, хотя Иммаколата не шевельнула и пальцем. От открывшегося зрелища Шедуэлла едва не вывернуло. Некогда идеальные черты инкантатрикс были изуродованы до неузнаваемости: сплошь раны и шрамы.

— Но как?.. — сумел выдавить он.

— Муж хранительницы, — ответила она. Рот ее был так изуродован, что она с трудом выговаривала слова.

— Это он сделал с тобой такое?

— Он пришел со львами, — сказала она. — А я проявила неосмотрительность.

Шедуэлл не хотел слушать дальше.

— Тебя это задевает, — заметила она. — Ты человек чувствительный.

Последние слова она произнесла с легкой иронией.

— Ты же можешь замаскировать это, правда? — спросил он, думая о ее способности менять внешность. Если она умеет имитировать других, почему бы не подделать собственные совершенные черты?

— Ты что, принимаешь меня за потаскуху? — спросила она. — Раскрашивать себя из тщеславия? Нет, Шедуэлл. Я не стану скрывать свои раны. В них больше чести, чем в красоте. — Иммаколата улыбнулась жуткой улыбкой. — Разве ты так не думаешь?

Несмотря на вызывающие слова, голос ее дрожал. Он чувствовал, что она была измучена и почти отчаялась. Она боялась, что безумие снова обретет над ней власть.

— Мне тебя не хватало, — произнес Шедуэлл, стараясь смотреть ей в лицо. — Мы неплохо работали вместе.

— У тебя теперь новые союзники, — отозвалась она.

— Ты уже знаешь?

— Сестры время от времени тебя навещали. — (Это известие совсем не обрадовало его.) — Ты доверяешь Хобарту?

— Он выполняет свою функцию.

— Какую же?

— Ищет ковер.

— Однако пока не нашел.

— Нет. Пока еще нет. — Шедуэлл старался смотреть прямо на нее и так, чтобы в его взгляде отражалась любовь. — Я скучал по тебе, — сказал он. — Мне нужна твоя помощь.

У Иммаколаты вырвалось негромкое шипение, но она ничего не ответила.

— Разве ты не для этого позвала меня сюда? — спросил он. — Чтобы мы начали все сначала?

— Нет, — ответила она. — Я слишком устала.

Шедуэлл очень хотел вернуться на землю Фуги, однако мысль о том, чтобы начать

заново с того места, где они прекратили поиски, и опять мотаться из города в город, как только ветер принесет какой-либо слух о Сотканном мире, не вдохновляла и его.

— Кроме того, — продолжала Иммаколата, — ты переменился.

— Нет, — возразил он. — Я по-прежнему хочу отыскать Сотканный мир.

— Но не для того, чтобы продать, — сказала она. — Ты хочешь править им.

— С чего ты взяла? — запротестовал Шедуэлл, лучезарно улыбаясь. Глядя на истерзанное существо перед собой, он не мог понять, сработал ли его обман. — Мы же заключили уговор, богиня, — напомнил он. — Мы собирались обратить их в прах.

— И ты по-прежнему этого хочешь?

Шедуэлл колебался. Он знал, что рискует лишиться всего, если солжет. Иммаколата отлично его изучила и, наверное, при желании смогла бы заглянуть в его мозг. Он лишился бы гораздо большего, чем ее общество, почувствуй она обман. Но она и сама изменилась. Инкантатрикс походила на испорченный товар. Ее красота, имевшая над ним безоговорочную власть, исчезла. Теперь она выступала в роли просительницы, хотя и пыталась притворяться, будто это не так. И Шедуэлл отважился на ложь.

— Я хочу того, чего хотел всегда, — заявил он. — Твои враги — мои враги.

— Значит, мы должны покончить с ними, — сказала она. — Раз и навсегда.

Изуродованное лицо озарилось светом, и человеческие останки в стенных нишах пустились в пляс.

VI
Хрупкий механизм

1

Утром второго февраля Кэл нашел Брендана в постели мертвым. Он умер, сказал врач, примерно за час до рассвета. Тихо скончался во сне.

Его умственные способности начали стремительно угасать за неделю до Рождества. Он мог назвать Джеральдин именем жены и принимал Кэла за своего брата. Прогнозы были самые неутешительные, однако никто не ожидал такого быстрого финала. Не было времени ни объясниться, ни попрощаться. Еще вчера он был здесь, а сегодня его уже оплакивали.

Однако, как бы сильно Кэл ни любил Брендана, ему было трудно скорбеть о нем. Джеральдин плакала и испытывала все подобающие случаю эмоции, когда соседи приходили с соболезнованиями, а Кэл лишь играл роль горюющего сына, но ничего не чувствовал. Кроме одного: смущения.

И смущение делалось все сильнее по мере приближения кремации. Кэл отстранялся от себя самого и, не веря глазам, смотрел на собственное бесчувствие. Ему вдруг стало казаться, что существуют два Кэла. Один изображает скорбь и занимается похоронными делами, как положено, а второй остроумно критикует первого, распознавая блеф в его пошлых словах и пустых жестах. Этот второй был голосом Безумного Муни, разоблачителя лжецов и лицемеров.

«Ты ненастоящий! — шептал поэт. — Взгляни на себя! Стыд и позор!»

Такое раздвоение имело странные побочные эффекты, самым главным из которых было возвращение прежних снов. Кэлу снилось, что он парит в воздухе чистом и ясном, как глаза возлюбленной; ему снились деревья, усыпанные золотистыми плодами, животные, говорящие по-человечески, и по-звериному рычащие люди. Еще ему снились голуби, по нескольку раз за ночь, и он часто просыпался в уверенности, что Тридцать третий и его подруга разговаривали с ним на птичьем языке, а он не мог уловить смысл их речей.

Мысль об этом преследовала его и днем. Кэл понимал, что это нелепо, но поймал себя на том, что беседует с птицами во время дневной кормежки. Он полушутя уговаривал их рассказать все, что им известно. Голуби в ответ моргали круглыми глазами и набивали зобы.

Подошло время похорон. Приехали родственники Эйлин из Тайнсайда и родня Брендана из Белфаста. Для братьев Брендана были закуплены виски и «Гиннесс», приготовлены сэндвичи с ветчиной на хлебе со срезанной корочкой, а когда все бутылки и тарелки опустели, родственники разъехались по домам.

2

— Нам нужно устроить себе каникулы, — предложила Джеральдин через неделю после похорон. — Ты плохо спишь.

Кэл сидел у окна столовой, глядя на сад.

— Необходимо привести в порядок дом, — отозвался он. — Эта мысль меня угнетает.

— Дом всегда можно продать, — ответила Джеральдин.

Это было самое простое решение. Оцепеневший разум не мог найти его сам.

— Чертовски хорошая мысль, — сказал Кэл. — Найдем жилье, где под забором не будет железной дороги.

Они тут же взялись за поиски нового дома, пока не началось весеннее подорожание. Джеральдин была в своей стихии, водила его смотреть варианты, засыпала бесконечными идеями и соображениями. Они нашли скромный домик с террасой в Уэйверти, приглянувшийся им обоим, и даже сговорились о цене. Однако от дома на Чериот-стрит оказалось не так-то просто избавиться. Дважды потенциальные покупатели уже собирались подписать контракт, но передумывали в последний момент. Недели шли, и даже неукротимое воодушевление Джеральдин угасало.

Дом в Уэйверти был продан в начале марта, пришлось искать что-то новое. Но теперь они утратили энтузиазм и не нашли ничего подходящего.

А Кэлу по-прежнему снились говорящие птицы. И он по-прежнему не мог понять, о чем они толкуют.

VII
Легенды города призраков

1

Через пять недель после того, как останки Брендана были развеяны на Поляне Памяти, в дверь к Кэлу постучал человек с перекошенным красным лицом. Его редеющие волосы были зачесаны поперек головы, чтобы скрыть плешь, в пальцах зажат окурок толстой сигары.

— Мистер Муни? — осведомился гость и, не дожидаясь подтверждения, продолжил: — Вы меня не знаете. Моя фамилия Глюк. — Переложив сигару из правой руки в левую, он схватил Кэла за кисть и яростно потряс ее. — Антонин Глюк.

Лицо этого человека казалось смутно знакомым, но откуда? Кэл сосредоточился, пытаясь вспомнить.

— Скажите, — произнес Глюк, — мы не могли бы с вами поговорить?

— Я голосую за лейбористов, — сообщил Кэл.

— Я не агитатор. Меня интересует ваш дом.

— О! — Кэл просиял. — Тогда входите.

И он провел Глюка в столовую. Гость тотчас же бросился к окну, из которого открывался вид на садик.

— Ах! — воскликнул он. — Так вот это место!

— В данный момент тут все вверх дном, — сказал Кэл извиняющимся тоном.

— Так вы все оставили без изменений? — осведомился Глюк.

— Без изменений?

— После событий на Чериот-стрит.

— Вы на самом деле хотите купить дом? — спросил Кэл.

— Купить? — удивился Глюк. — О, что вы, прошу прощения. Я и не знал, что дом продается.

— Вы сказали, что интересуетесь…

— Так оно и есть. Но только не покупкой. Нет, меня интересует это место, поскольку оно было центром волнений, случившихся в августе прошлого года. Разве я не прав?

Кэл сохранил лишь обрывки воспоминаний о событиях того дня. Конечно, он помнил чудовищный ураган, учинивший столько разрушений на Чериот-стрит. Ясно помнил разговор с Хобартом и как из-за него не смог увидеться с Сюзанной. Но остальное — Доходяга, смерть Лилии и все, что было связано с Фугой, — начисто испарилось. Однако живой интерес Глюка его заинтриговал.

— Все это не было вызвано естественными причинами, — заявил тот. — Ничего подобного. Это прекрасный пример того, что в нашем деле принято называть аномальными явлениями.

— В вашем деле?

— Знаете, как порой называют Ливерпуль?

— Нет.

— Город призраков.

— Город призраков?

— И на то есть причины, уж поверьте мне.

— А что вы имели в виду, когда сказали «в нашем деле»?

— Ну, это очень просто. Я записываю события, которые не имеют рационального объяснения. Они стоят за гранью понимания ученых, и люди предпочитают их не замечать. Аномальные явления.

— Но в нашем городе часто дует ветер, — заметил Кэл.

— Поверьте мне, — сказал Глюк, — то, что произошло здесь прошлым летом, было не просто сильным ветром. Один из домов на другом берегу реки за ночь превратился в руины. Потом среди бела дня начались массовые галлюцинации. В небе появились огни, разноцветные огни. Их видели сотни людей. И многое другое. Все это творилось в городе в течение двух-трех дней. Неужели вы полагаете, что это простое совпадение?

— Нет. Если вы уверены, что все…

— Что все именно так и было? О да, все именно так и было, мистер Муни. Я уже более двадцати лет собираю сведения, собираю и анализирую. Все подобные феномены происходят по определенной схеме.

— Не только у нас?

— Господи, конечно нет! Я получаю сообщения со всей Европы. Постепенно вырисовывается общая картина.

Пока Глюк говорил, Кэл вспомнил, где видел его раньше. По телевизору. Кажется, он рассказывал о том, как правительство замалчивает визиты инопланетных посланников.

— А то, что произошло на Чериот-стрит, — продолжал Глюк, — и в городе вообще, есть часть общей картины, совершенно очевидной для тех, кто изучает такие явления.

— И что же это значит?

— Это значит, что за нами наблюдают, мистер Муни. За нами пристально следят.

— Но кто?

— Существа из иного мира, технологии которых нам и не снились. Я видел лишь отдельные фрагменты их творений, оставленные легкомысленными путешественниками. Однако этого достаточно, чтобы понять: по сравнению с ними мы просто безмозглые детишки.

— В самом деле?

— Мне понятно выражение вашего лица, мистер Муни, — сказал Глюк без всякого раздражения. — Вы смеетесь надо мной. Но я видел доказательства собственными глазами.

Особенно много их было в прошлом году. Либо они становятся все беспечнее, либо уверены, что мы безнадежно отстали от них.

— И что из этого следует?

— Что их план, касающийся нас, вступил в финальную стадию. Что они готовы утвердиться на нашей планете, и мы проиграем, даже не начав защищаться.

— Вы говорите об инопланетном вторжении?

— Вы можете иронизировать…

— Я не иронизирую. Честное слово. Не скажу, что легко вам поверю, но… — Кэл впервые за много месяцев подумал о Безумном Муни. — Ваши слова мне интересны.

— Хорошо, — отозвался Глюк, и его сердитое лицо подобрело. — Приятно слышать. Меня обычно воспринимают как клоуна. Однако, должен вам сказать, в своих исследованиях я чрезвычайно скрупулезен.

— В это я верю.

— Мне нет нужды приукрашивать правду, — торжественно заявил собеседник Кэла. — Она и без того достаточно красноречива.

Он заговорил о своих последних открытиях и выводах. Британия, оказывается, вдоль и поперек набита разнообразными чудесами и странностями. Слышал ли Кэл, спрашивал Глюк, о дожде из морской рыбы, выпавшем в Галифаксе? Или о том, что в деревне в Уилтшире имеется собственное северное сияние? Или о том, что в Блэкпуле живет трехлетний ребенок, с рождения понимающий иероглифы? Все случаи, утверждал Глюк, тщательно проверены. И это еще самое малое. Остров буквально по щиколотку утопает в чудесах, которые большинство населения не желает замечать.

— Истина лежит прямо у нас перед носом, — сказал Глюк. — Нам нужно лишь увидеть. Пришельцы уже здесь. В Англии.

Было забавно представить себе, как Англию выворачивает наизнанку апокалипсис из падающих с неба рыб и мудрых детей, но какими бы нелепыми ни казались факты, энтузиазм Глюка обладал мощным убеждающим воздействием. Тем не менее в его тезисах что-то было не так.

Кэл не мог понять, что именно, и совершенно не собирался спорить с исследователем, однако внутренний голос твердил ему, что в своих изысканиях Глюк свернул не в ту сторону. Из-за этой литании чудес в голове у Кэла началось какое-то дурное кружение: попытки вспомнить некий позабытый факт, ускользающий от понимания.

— Разумеется, власти опять все скрывают, — сказал Глюк. — И в городе призраков тоже.

— Скрывают?

— Ну конечно. На самом деле пострадали не только дома. Исчезли люди. Растворились. Во всяком случае, по моим сведениям. Люди с большими деньгами и связями. Они приехали сюда, но не уехали обратно. Во всяком случае, не уехали туда, куда собирались.

— Поразительно.

— О, я могу рассказать вам такое, что исчезновение плутократов покажется сущим пустяком. — Глюк заново зажег сигару, которая гасла каждый раз, когда он принимался за новую тему. Он раскуривал ее, пока его не окутали клубы дыма. — Мы знаем очень мало, — сказал он. — Вот почему я продолжаю искать и расспрашивать. Я пришел бы к вам гораздо раньше, если бы не другие важные дела.

— Сомневаюсь, что смогу рассказать вам что-нибудь, — ответил Кэл. — То время я помню довольно смутно…

— Конечно! — воскликнул Глюк. — Так и должно быть. Это случается сплошь и рядом. Свидетели все забывают. Я уверен, что наши друзья, — он ткнул сигарой в небеса, — способны вызывать забывчивость. А кто-нибудь еще был в доме в тот день?

— Наверное, мой отец.

Кэл не был полностью уверен даже в этом.

— Не мог бы я поговорить и с ним?

— Он умер. В прошлом месяце.

— О, примите мои соболезнования. Смерть была внезапной?

— Да.

— И вот теперь вы продаете дом. Оставляете Ливерпуль на произвол судьбы.

Кэл пожал плечами.

— Вряд ли, — сказал он.

Глюк пристально вглядывался в него сквозь клубы дыма.

— Я просто никак не могу собраться с мыслями в последнее время, — признался Кэл. — Как будто живу во сне.

«Ты нашел на редкость точные слова», — произнес голос у него в голове.

— Понимаю, — кивнул Глюк. — Как я вас понимаю!

Он расстегнул пиджак и распахнул его. Сердце Кэла учащенно забилось, но гость всего лишь сунул руку во внутренний карман, выуживая визитку.

— Вот, — сказал он. — Возьмите. Прошу вас.

«А. В. Глюк», — написано было на карточке, ниже бирмингемский адрес и алые буквы: «Сегодняшняя истина прежде была лишь догадкой».

— Откуда эта цитата?

— Уильям Блейк, — ответил Глюк. — «Бракосочетание Рая и Ада».[1] Сохраните у себя карточку. Если что-нибудь с вами произойдет… что угодно… что-то выходящее из ряда вон… прошу вас, сообщите мне.

— Хорошо, — пообещал Кэл Он еще раз взглянул на карточку. — А что означает буква «В»?

— Вергилий, — признался Глюк и заключил: — Ведь у каждого из нас есть свои маленькие тайны, верно?

2

Кэл сохранил карточку скорее на память о знакомстве, чем в надежде воспользоваться ею. Ему понравился этот человек и его оригинальность, однако подобное представление доставляет удовольствие один-единственный раз. Во второй раз пропадает все эксцентрическое обаяние.

Когда пришла Джеральдин, Кэл начал рассказывать ей о посетителе, но тут же передумал и перевел разговор на другую тему. Он знал, что Джеральдин посмеется над тем, что он уделил этому человеку столько внимания. Каким бы безумным ни казался Глюк с его теорией, Кэл не хотел слышать насмешек над ним, хотя бы и в мягкой форме.

Возможно, Глюк свернул не туда, шагая вперед, но все же он пустился в свое необыкновенное путешествие. Кэл уже не помнил почему, но у него возникло подозрение, что именно это их и объединяет.

Часть седьмая
Лжепророк

Всякий путь наверх ведет по винтовой лестнице.
Сэр Фрэнсис Бэкон. Эссе

I
Посланник

1

1 Перевод А. Сергеева.

Весна в тот год наступила поздно, мартовские дни тянулись мрачные, по ночам подмораживало. Временами казалось, что зима никогда не кончится, что все в мире навсегда останется таким, как сейчас, — серое на сером, — пока пустота не поглотит последние остатки жизни.

Эти недели были тяжкими для Сюзанны и Джерико, и причиной тому был не Хобарт. Сюзанна даже подумывала, что новая опасность могла бы встряхнуть их и вывести из состояния благодушного успокоения.

Однако если Сюзанна в эти недели просто страдала от бездействия и скуки, то состояние Джерико вселяло гораздо больше опасений. Его первоначальное увлечение радостями Королевства плавно переходило в одержимость. Джерико совершенно лишился способности к созерцанию, которая когда-то привлекла к нему Сюзанну. Теперь он был полон кипучей энергии, сыпал короткими фразами, словно из реклам и песенок, которые он, истинный Бабу, впитывал как губка; его речь имитировала трескучую манеру детективов из телефильмов и ведущих телешоу. Они с Сюзанной ссорились, иногда по-крупному, и посреди перепалки Джерико все чаще просто уходил, как будто ленился возражать, и возвращался с подношением — как правило, это был алкоголь. Потом он пил в гордом одиночестве, если не мог уговорить Сюзанну присоединиться.

Она старалась вырабатывать неутомимую энергию Джерико, заставляя его двигаться вперед, однако это лишь обостряло болезнь.

Сюзанна приходила в отчаяние. Она видела, как история повторяется два поколения спустя, и теперь сама играла роль Мими.

Но вскоре, как раз вовремя, погода начала улучшаться, а вместе с ней и настроение Сюзанны. Она даже осмеливалась предположить, что погоня от них отстала, преследователи сдались и отправились по домам. Наверное, пройдет еще месяц или чуть больше, и они смогут начать поиски укромного места, чтобы распустить ковер.

А вскоре пришла радостная весть.

2

Они прибыли в маленький городок на границе Ковентри, где проходило празднование Дня сироты — чем не повод для поездки? День был яркий, солнце почти жаркое. Они рискнули оставить ковер в багажной комнате пансионата, где остановились, а сами отправились на прогулку.

Джерико только что вышел из кондитерской с карманами, набитыми белым шоколадом, его новой слабостью. И вдруг кто-то пронесся мимо Сюзанны, призывая на ходу. «Налево, налево», — и умчался, не оглядываясь.

Джерико тоже услышал призыв и побежал за незнакомцем в указанном направлении. Сюзанна окликнула его, но он не остановился, а свернул налево в первый же переулок. Она помчалась следом, проклиная его безрассудство, поскольку люди уже обращали на них внимание. Сюзанна повернула налево, еще раз налево и оказалась на узенькой улочке, куда редко заглядывало солнце. Там она обнаружила Джерико: он обнимался с незнакомцем, словно с давно потерянным братом.

Это был Нимрод.

3

— Вас было очень нелегко найти, — сказал Нимрод, когда они возвращались под крышу своего пансиона.

По пути они сделали крюк, и Джерико похитил по случаю праздника бутылку шампанского.

— Я едва не нагнал вас в Халле, а потом снова потерял. Однако кое-кто в отеле

запомнил вас. Мне сказали, что ты напился, Джерико. И тебя пришлось относить в постель. Верно?

— Может быть, — отозвался Джерико.

— Так или иначе, я здесь, и у меня потрясающие новости.

— Какие? — спросила Сюзанна.

— Мы возвращаемся домой. И очень скоро.

— Откуда ты знаешь?

— Так говорит Капра.

— Капра? — переспросил Джерико. Он даже оторвался от стакана. — Разве это возможно?

— Так говорит и пророк. Все уже решено. Капра разговаривает с ним…

— Погоди! — перебила Сюзанна. — Какой еще пророк?

— Он говорит, нам пора всех оповестить, — продолжал Нимрод с огромным энтузиазмом. — Отыскать тех, кто покинул Сотканный мир, рассказать им, что освобождение не за горами. Я где только не был, выполняя его задание. И совершенно случайно наткнулся на вас. Какая удача, верно? Никто не знал, где вы теперь…

— Но именно так и должно было быть, — сказала Сюзанна. — Я должна была появиться тогда, когда сама решу, что наши следы остыли.

— Они остыли, — заверил Нимрод. — Заледенели. Неужели вы этого не заметили?

Сюзанна ничего не ответила.

— Наши враги прекратили преследование, — настаивал он. — И пророк знает об этом. Он рассказывает нам то, что говорит Капра, а Капра говорит, наше изгнание заканчивается.

— Кто такой этот пророк?

Взволнованные излияния Нимрода стихли. Он нахмурился, глядя на Сюзанну.

— Пророк это пророк, — сказал он.

Кажется, он и правда считал, что дальнейших объяснений не требуется.

— Ты даже не знаешь его имени? — спросила Сюзанна.

— Он жил рядом с Вихрем, — ответил Нимрод. — Это все, что я знаю. Он был отшельником до создания ковра. И в ту ночь прошлым летом он услышал призыв Капры. Он покинул Сотканный мир, чтобы нести свое учение. Тирания чокнутых близится к концу…

— Я поверю, когда увижу все собственными глазами, — отозвалась Сюзанна.

— Увидишь, — пообещал Нимрод с неколебимой уверенностью ревностного служителя. — И на этот раз земля содрогнется. Так говорят в народе. Чокнутые натворили слишком много зла. Их эра подходит к концу.

— Что ж, звучит как песня.

— Ты можешь не верить… — начал Нимрод.

— Я верю.

— …но я видел пророка. Я слышал, его слова. Они исходят от Капры. — Его глаза сверкали фанатическим блеском. — Я был на самом дне, когда пророк отыскал меня. Превратился в настоящую развалину. В легкую добычу болезней чокнутых. А потом я услыхал голос пророка и пошел к нему. Посмотрите на меня теперь.

Сюзанне уже доводилось спорить с фанатиками — ее брат в двадцать три года переродился и решил посвятить жизнь Христу, — и она знала по опыту, что никакие доводы разума здесь не помогут. В глубине души ей хотелось приобщиться к восторгу верующих, подобных Нимроду, сбросить с себя тяжкий груз ответственности за ковер, позволить Фуге начать жизнь заново. Она устала бояться людских взглядов, устала вечно бежать куда-то. Всякое удовольствие от своей избранности, от обладания удивительной тайной давным-давно испарилось. Сюзанна хотела снова заняться своей глиной, снова встречаться с друзьями. Но каким бы соблазнительным это ни казалось, она не могла молча согласиться со словами Нимрода. От этого дурно пахло.

— Откуда ты знаешь, что он не действует вам во вред? — спросила Сюзанна.

— Вред? Какой вред в том, чтобы быть свободным? Ты должна вернуть Сотканный

мир, Сюзанна. Я заберу его у тебя…

Нимрод взял ее за руку и говорил таким тоном, как будто уже забирал ковер. Сюзанна вырвала у него руку.

— А что такое? — удивился он.

— Я не собираюсь просто так отдавать ковер только потому, что ты услышал какое-то слово, — ответила она гневно.

— Ты должна! — воскликнул он.

В его голосе звучали недоверие и злость.

— Когда пророк будет говорить снова? — спросил Джерико.

— Послезавтра, — ответил Нимрод, не сводя глаз с Сюзанны. — Преследователей больше нет, — сказал он ей. — Ты должна вернуть ковер.

— А если я не послушаюсь, пророк явится и отберет его? — спросила Сюзанна. — Ты на это намекаешь?

— Вы, чокнутые… — Нимрод вздохнул. — Вечно вы все чертовски усложняете. Он пришел поделиться с нами мудростью Капры. Почему ты этого не понимаешь?

Он на миг замолчал. Потом заговорил снова, более мягким тоном.

— Я понимаю твои сомнения, — произнес он. — Но и ты должна понять, что ситуация переменилась.

— Полагаю, нам надо увидеть этого пророка своими глазами, — сказал Джерико. Он посмотрел на Сюзанну: — Верно?

Она кивнула.

— Ну конечно! — Нимрод просиял. — Конечно, он все вам разъяснит.

Сюзанна очень хотела, чтобы его слова сбылись.

— Послезавтра, — повторил Нимрод, — настанет конец всем опасениям.

II
Проблеск света

1

В ту ночь, когда Нимрод ушел, а Джерико заснул после выпитого шампанского, Сюзанна сделала кое-что такое, чего никогда не делала раньше. Она призвала менструум — просто для компании. Он показал ей столько разных видений за последние недели, он спасал ее от Хобарта и его злобных козней, однако она по-прежнему не доверяла его силе. Она до сих пор не могла понять, сама ли управляет менструумом, наоборот, — менструум ею.

Но этой ночью Сюзанна решила, что это способ мышления чокнутых — вечно отделять наблюдаемого от наблюдателя, персик от вкуса персика на языке. Подобные разграничения полезны только в качестве самозащиты. На определенном этапе от них пора отказаться. Плохо это или хорошо, но она и есть менструум, а менструум — это она. Они безраздельно слиты вместе.

Купаясь в серебристом свечении, Сюзанна мысленно обратилась к Мими, прожившей свою жизнь в ожидании. Годы проходили впустую, а она все надеялась на чудо, которое пришло слишком поздно. Вспомнив об этом, Сюзанна тихо заплакала.

Но все-таки недостаточно тихо, потому что разбудила Джерико. Она услышала за дверью его шаги, а потом он постучал в дверь ванной.

— Госпожа? — позвал он.

Так он называл ее, когда хотел извиниться.

— Со мной все в порядке, — произнесла Сюзанна.

Она не позаботилась о том чтобы запереть дверь, и Джерико распахнул ее. На нем была только длинная рубаха, в которой он обычно спал. При виде Сюзанны лицо у него вытянулось.

— Откуда такая печаль? — спросил он.

— Все идет не так. — Это были единственные слова, какими она смогла выразить свое смятение.

Джерико нашел взглядом остатки менструума, скользящие по полу между ними. Их яркое свечение угасало, когда капли теряли непосредственный контакт с Сюзанной. Джерико оставался на почтительном расстоянии.

— Я пойду к пророку вместе с Нимродом, — сказал он. — А ты останешься с Сотканным миром, хорошо?

— А если они потребуют его?

— Тогда и решим. Но сначала надо посмотреть на этого пророка. Может быть, он мошенник. — Джерико замолчал, глядя не на нее, а на пол между ними. — Среди нас их много, — добавил он через минуту. — Я, например.

Сюзанна взглянула на него, стоящего в дверном проеме. Ему мешало приблизиться вовсе не умирающее свечение менструума, вдруг поняла она. Она позвала Джерико по имени, очень тихо.

— Только не ты, — сказала она.

— О, как раз я, — отозвался он.

Затем он произнес:

— Прости меня, госпожа.

— Тебе не за что просить прощения.

— Я подвел тебя, — продолжал он. — Я хотел сделать для тебя так много, и посмотри, как я тебя подвел.

Сюзанна встала и подошла к нему. Горе его было так велико, что он не мог поднять голову под его весом. Она крепко сжала его руку.

— Я не пережила бы эти месяцы без тебя, — проговорила она. — Ты был мне самым лучшим другом.

— Другом, — повторил он едва слышно. — Я никогда не хотел быть тебе другом.

Сюзанна ощутила, как задрожали его пальцы, и это ощущение напомнило ей пережитое на Лорд-стрит, когда она держалась за Джерико в толпе и видела то, что видел он, разделяя его страхи. С тех пор они разделили и постель, что доставляло удовольствие, но не более того. Сюзанна была слишком занята тварями, шедшими за ними по пятам, чтобы думать о чем-то еще. Она была одновременно и слишком близко, и слишком далеко от него, она не замечала его страданий. Теперь она видела их, и это пугало ее.

— Я люблю тебя, госпожа, — глухо произнес Джерико.

Слова затихали едва ли не раньше, чем он выдавливал их из себя. Затем он высвободил руку из ее ладоней и отошел. Сюзанна пошла за ним. В комнате было темно, но света все-таки хватало, чтобы рассмотреть его взволнованное лицо и дрожащие пальцы.

— Я не понимала, — сказала она и протянула руку, чтобы коснуться его лица.

Когда они познакомились, Сюзанна сразу же перестала воспринимать его как представителя другого мира, а его желание окунуться в тривиальную жизнь Королевства еще больше заслоняло от нее этот факт. Но сейчас она вспомнила. Увидела перед собой иное существо, иную историю. От этой мысли сердце Сюзанны учащенно забилось. Джерико почувствовал — или увидел — произошедшую в ней перемену, и все его сомнения испарились. Он склонился к ней, провел языком по ее губам. Она раскрыла рот, чтобы ощутить его вкус, обнимая его. И тайна обняла ее в ответ.

Их прежние занятия любовью приносили радость, но были ничем не примечательными. Теперь же — словно признание в любви отпустило его на свободу — Джерико вел себя совсем иначе. Он раздевал Сюзанну почти ритуально, целуя снова и снова, а между поцелуями шептал слова на незнакомом языке. Он знал, что она его не понимает, но говорил с такой убежденностью, что она, не понимая, поняла. Он говорил о любви, произносил эротические стихи и клятвы, и в эти слова было облечено его желание.

Его фаллос — слово; его семя — слово; ее лоно, куда он вливал свои стихи, — дюжина

слов или даже больше.

Сюзанна закрыла глаза и ощутила, как этот рассказ увлекает ее. Она ответила по-своему, вздохами и разными глупостями, которые нашли свое место в его магическом заклинании. Когда глаза ее снова открылись, она увидела, что от их диалога воспламенился даже воздух. Их слова — и чувства, передаваемые словами, — составили лексикон света, окутавшего обнаженные тела.

Ощущение было такое, будто комната вдруг наполнилась светильниками, сделанными из бумаги и дыма. Огни поднимались в волнах жара от тел их создателей, и в этом свете каждый уголок комнаты наполнялся собственной жизнью. Сюзанна видела, как тугие завитки кудрей Джерико на подушке вычерчивают собственный алфавит; как обычная складка простыни возносит им хвалу; как все вещи едва заметно тянутся друг к другу стены стремятся к заключенному между ними пространству, занавеска страстно льнет к окну, стул тяготеет к лежащему на нем пальто и стоящим внизу туфлям.

Но прежде всего Сюзанна видела Джерико, и он был чудом.

Она видела каждое неуловимое изменение в радужной оболочке его глаз, когда он переводил взгляд с ее волос на подушку, по которой они разметались; замечала биение пульса на его губах и на шее. Кожа его груди была почти идеально гладкой, но под ней бугрились мощные мышцы. Мускулистые руки Джерико ни на миг не отпускали Сюзанну, обнимая так же крепко, как она обнимала его. И это не было демонстрацией мужской силы, а лишь насущной необходимостью, которую испытывала и она.

За окном половину мира покрыла тьма, но они оба ярко светились.

И хотя Джерико не хватало дыхания, чтобы произносить слова, от его нежности рождались убаюкивавшие его и Сюзанну огоньки. Эти огни не тускнели, а эхом вторили любовникам: цвета менялись, сияние переливалось, пока вся комната не озарилась светом.

Они любили друг друга, засыпали, просыпались и снова любили, а слова несли вокруг них бессонную вахту, приглушив свое свечение до мягкого мерцания, когда сон сморил их во второй раз.

Когда Сюзанна проснулась на следующее утро и распахнула занавески навстречу новому суматошному дню, она помнила прошедшую ночь как исключительно духовное переживание.

2

— Я начал забывать, госпожа, — говорил он в тот день. — Ты ясно помнишь все, что нужно делать. А у меня это выпадает из головы. Королевство обладает большой силой. Оно запросто может лишить тебя разума.

— Ты не должен забывать, — отозвалась Сюзанна.

Он коснулся ее лица, провел кончиками пальцев по краю уха.

— Только не тебя.

Позже он сказал:

— Я бы хотел, чтобы ты пошла со мной посмотреть на пророка.

— Я бы тоже хотела, но это неразумно.

— Знаю.

— Я останусь здесь, Джерико.

— Это заставит меня поспешить обратно.

III
Искра божья

Нимрод ждал его на том месте, где они условились встретиться два дня назад. Как показалось Джерико, за прошедшее время энтузиазм Нимрода усилился.

— Это будет самое важное собрание из всех, — сказал он. — Число участников все

время растет. День освобождения близок. Наши люди наготове и только ждут момента.

— Я поверю, когда увижу собственными глазами.

И он увидел.

Когда наступил вечер, Нимрод повел его замысловатым маршрутом к большому разрушенному зданию, стоящему в отдалении от человеческого жилья. Изначально здесь располагался литейный цех, но героическое прошлое места позабылось, настали суровые времена. Теперь в стенах бывшего цеха пылал жар совсем иного рода.

Когда Джерико и его провожатый подошли ближе, они увидели, что внутри горят огни. Не было ни шума, ни каких-либо еще признаков огромного собрания, о котором говорил Нимрод. Несколько одиноких фигур бродили среди развалин служебных зданий. Кроме них, никого не было, место казалось пустынным.

Однако за порогом здания цеха Джерико испытал первое потрясение этой ночи сплошных потрясений: огромное помещение от стены до стены заполнили сотни представителей народа Фуги. Здесь были члены всех семейств — Бабу, Йе-ме, Ло и Айя, старики, женщины, грудные младенцы. Одних он знал лично, они с самого начала оставались в Сотканном мире, а все прошедшее лето испытывали судьбу в Королевстве. Другие, догадался Джерико, являлись потомками тех, кто отказался прятаться в ковре; в родном краю они выглядели чужаками. Многие держались в стороне от остальных посвященных, как будто опасались, что их отвергнут.

Странно было смотреть на ясновидцев, разодетых и раскрашенных a la mode,[1] в джинсах и кожаных куртках, на высоких каблуках, в платьях с набивными рисунками. Судя по виду, они вполне прижились в Королевстве и, может быть, даже процветали. Однако они пришли сюда. Ветерок свободы настиг их в укромных норах страны чокнутых, и они явились на зов вместе со своими детьми и молитвами. Те, кто знал Фугу только по слухам и домыслам, надеялись увидеть землю, о которой помнили их сердца.

Несмотря на изначально циничный настрой, Джерико невольно проникся атмосферой молчаливого ожидания, царившей в этом огромном собрании.

— Я же тебе говорил, — шепнул Нимрод, проводя Джерико через толпу. — Давай подойдем как можно ближе.

В конце просторного помещения было устроено возвышение, украшенное цветами. Сверху висели огоньки — творение Бабу, — отбрасывавшие на сцену мерцающие блики.

— Он скоро будет, — сказал Нимрод.

Джерико в этом не сомневался. Уже сейчас в дальнем конце помещения началось какое-то движение. Несколько человек в одинаковых темно-синих одеждах приказали толпе отступить на несколько ярдов от возвышения. Посвященные без возражений подчинились приказу.

— Кто это такие? — спросил Джерико, кивая на темно-синих.

— Элитный отряд пророка, — ответил Нимрод. — Они сопровождают его день и ночь. Уберегают от опасностей.

Больше Джерико не успел ни о чем спросить. В голой кирпичной стене позади возвышения открылась дверь, и по залу прошла дрожь волнения. Паства стала тесниться к помосту. Волна чувств оказалась заразительной: как Джерико ни старался сохранить здравый критицизм, он ощутил, что сердце его сильнее забилось от волнения.

Стражник элитного отряда вышел из открытой двери и вынес оттуда простой деревянный стул. Установил его на возвышении. Толпа напирала на Джерико сзади, теснила его справа и слева. Все лица обратились к сцене. У некоторых на щеках блестели слезы: напряжение ожидания было слишком сильным. Другие беззвучно шептали молитвы.

Из двери появились еще два члена элитного отряда, они расступились в обе стороны, а за ними стоял человек в светло-желтой одежде. При виде его по толпе прокатилась звуковая волна. Это был не радостный крик приветствия, какого ожидал Джерико, а резко усилившееся бормотание, начавшееся уже давно. Негромкий тоскливый звук, от которого все

---

1 По моде (фр.).

внутри переворачивалось.

Парящие над сценой огоньки вспыхнули ярче. Бормотание становилось все громче, растекалось все шире. Джерико отчаянно боролся с собой, чтобы не присоединиться к нему.

Огни уже полыхали белым пламенем, но пророк не торопился окунуться в сияние славы. Он по-прежнему стоял на краю лужи света, дразня толпу, а она надрывалась, умоляя его показаться. Он не отзывался, а они продолжали призывать его, их бессловесная мольба достигла лихорадочного накала.

Только через три-четыре минуты пророк решил откликнуться и вышел на свет. Он оказался человеком внушительных размеров — тоже Бабу, как решил Джерико, — но в его медленных шагах чувствовалась некая неуверенность. Черты его лица были мягкие, даже слегка женственные, волосы тонкие, как у ребенка, и похожие на белую гриву.

Пророк дошел до стула, сел — ему было явно больно — и оглядел собрание. Бормотание понемногу стихало. Однако он молчал и ждал, пока шум окончательно не умолкнет. А когда заговорил, голос у него оказался совсем не таким, как представлял себе Джерико, — не хриплым и страстным. Голос был негромкий, мелодичный, интонации мягкие, даже неуверенные.

— Друзья мои, — начал пророк. — Мы собрались здесь во имя Капры…

— Капра! — прокатился по залу шепот.

— Я слышал слова Капры. Из них следует, что время уже близко.

Джерико казалось, что пророк говорит неохотно, словно он был вместилищем знания, которое вовсе не радовало его.

— Если среди вас есть сомневающиеся, — произнес пророк, — приготовьтесь развеять ваши сомнения.

Нимрод бросил на Джерико взгляд, словно хотел сказать: «Это он о тебе».

— Нас становится больше с каждым днем, — продолжал пророк. — Слово Капры находит путь и к забытым, и к забывчивым. Оно будит спящих. Оно заставляет мертвых танцевать. — Он говорил очень тихо, компенсируя слабость голоса красноречием. Паства слушала его внимательно, как дети. — Очень скоро мы будем дома, — говорил пророк. — Вернемся к любимым, пройдем теми путями, какими ходили наши отцы и матери. Нам больше не нужно будет скрываться. Так говорит Капра. Мы восстанем, друзья мои. Восстанем и воссияем.

По всему помещению прокатилась волна едва сдерживаемых рыданий. Пророк услышал их и остановил снисходительной улыбкой.

— Не надо плакать, — сказал он. — Я чувствую конец слез. И конец ожидания.

— Да, — выдохнула толпа как один человек. — Да. Да.

Джерико ощутил, как его наполняет общая убежденность. Он не хотел сопротивляться. Ведь он — часть этого народа. Их трагедия — его трагедия, их устремления — его устремления.

— Да… — услышал он собственный голос. — Да… Да…

А Нимрод спросил:

— Теперь-то ты веришь? — после чего сам присоединился к этой мантре.

Пророк вскинул руки в перчатках, чтобы успокоить собравшихся. На этот раз ему потребовалось больше времени, но, когда он заговорил снова, голос его сделался тверже, словно подпитанный единодушием соплеменников.

— Друзья мои. Капра любит вас, как все мы любим Капру. Но не будем обманывать себя. У нас имеются враги. Враги среди человечества, и, да-да, среди нашего народа тоже. Многие обманывали нас. Вступали в сговор с чокнутыми, чтобы и дальше держать наши земли в сонном оцепенении. Капра видит это своими собственными глазами. Предательство и ложь, друзья мои. Они повсюду. — Пророк на мгновение поник головой, как будто усилие, потребовавшееся для произнесения этих слов, вымотало его. — Так что же нам делать? — В голосе его звучало отчаяние.

— Веди нас! — выкрикнул кто-то.

При этих словах пророк поднял голову. На лице его отразилось беспокойство.

— Я могу лишь указать вам путь, — возразил он.

Но крик уже подхватили все в зале, он разрастался.

— Веди нас! — призывали ясновидцы. — Веди!

Пророк медленно поднялся со стула и снова вскинул руки, успокаивая паству, но на это раз они не собирались успокаиваться так легко.

— Прошу вас! — воскликнул пророк, впервые вынужденный повысить голос. — Прошу вас. Выслушайте меня!

— Мы пойдем за тобой! — надрывался Нимрод. — Мы пойдем!

Непонятно, почудилось ли Джерико, или огоньки над помостом действительно загорелись ярче, а волосы пророка поднялись нимбом над его добродушным лицом? Судя по всему, раздавшийся снизу призыв к оружию потряс его: народ хотел чего-то большего, чем неопределенные обещания.

— Слушайте меня, — воззвал пророк. — Если вы хотите, чтобы я возглавил вас…

— Да! — проревело в ответ пять сотен глоток.

— Если вы этого хотите, предупреждаю вас, это будет нелегко. Вам придется отринуть всякую мягкотелость. Мы должны стать твердыми как камень. Прольется кровь!

Его предостережения ни на йоту не утихомирили толпу. Наоборот, они еще больше подогрели энтузиазм.

— Мы должны действовать хитро, — продолжал пророк, — как действуют те, кто тайно вредит нам.

Вопли толпы сотрясали крышу, и Джерико вопил вместе со всеми:

— Фуга зовет нас домой!

— Домой! Домой!

— К ее голосу нельзя не прислушаться! Мы должны выступить!

Дверь позади возвышения была немного приоткрыта, наверное, для того, чтобы приближенные пророка тоже могли слушать его речь. И теперь движение за дверью привлекло внимание Джерико. Там стоял кто-то, чье спрятанное в тени лицо вроде бы было ему знакомо…

— Мы вместе отправимся в Фугу, — говорил пророк, и его голос наконец избавился от всякой мягкости и сдержанности.

Джерико смотрел мимо него, пытаясь отделить наблюдателя за дверью от скрывавшей его темноты.

— Мы вырвем Фугу из лап врагов во имя Капры!

Человек, за которым наблюдал Джерико, подвинулся на шаг, и луч света на мгновение осветил его. Внутри у Джерико все перевернулось, и он беззвучно произнес знакомое имя. Этот человек улыбался, но не от радости, потому что он не знал радости. Не знал любви, не знал милосердия…

— Громче, громче, мой народ!

Это был Хобарт.

— Пусть спящие услышат нас в своих снах. Услышат и убоятся нашего суда!

Сомнений не осталось. Время, проведенное в обществе инспектора, навеки запечатлелось в памяти Джерико. Это был Хобарт.

Голос пророка обретал новую силу с каждым произнесенным слогом. Даже его лицо неуловимо менялось. Добродушие исчезло, теперь он пылал праведным гневом.

— Разнесите весть! — восклицал он. — Изгнанники возвращаются!

Джерико смотрел на представление и продолжал изображать энтузиазм, а в его в голове вертелось множество вопросов.

И главный из них: кто этот человек, опьяняющий ясновидцев обещаниями освобождения? Отшельник, как говорил о нем Нимрод, святой человек, которого Хобарт использует в своих целях? Это самое лучшее, на что можно надеяться. Хуже всего, если они с Хобартом единомышленники. Заговор между ясновидцами и людьми может иметь одну-

единственную цель: завоевание и уничтожение Фуги.

Крики толпы оглушали, но Джерико больше не плыл в звуковых волнах — он тонул в них. Эти люди — просто пешки, Хобарт одурачил их. От такой мысли Джерико сделалось дурно.

— Будьте наготове, — говорил теперь пророк. — Будьте наготове. Час уже близок.

После этого обещания огоньки над возвышением погасли. Когда они вспыхнули снова мгновение спустя, гласа Капры уже не было. Остались лишь пустой стул и паства, готовая следовать за вожаком, куда бы он ни повел их.

Люди стали умолять, чтобы пророк еще поговорил с ними, но дверь позади сцены была закрыта и больше не открылась. Публика поняла, что им не удастся убедить вожака выйти обратно, и толпа начала расходиться.

— Ну, что я тебе говорил? — спросил Нимрод. От него разило потом, как от всех остальных. — Разве я не говорил?

— Да, говорил.

Нимрод схватил Джерико за руку.

— Пойдем со мной! — Глаза его сияли. — Мы пойдем к пророку. Мы расскажем ему, где ковер.

— Прямо сейчас?

— Почему же нет? Зачем давать врагам лишнее время для подготовки к нашему приходу?

Джерико догадывался, что Нимрод предложит что-то подобное. И у него был наготове ответ.

— Необходимо убедить в разумности такого поступка Сюзанну, — ответил он. — Я сделаю все, что смогу. Она мне доверяет.

— Тогда я пойду с тобой.

— Нет. Мне лучше пойти одному.

Нимрод смотрел хмуро, почти подозрительно.

— Я присматривал за тобой, — напомнил ему Джерико, — когда ты был младенцем. — Это была его козырная карта. — Помнишь те времена?

Нимрод не смог сдержать улыбки.

— Какие были времена! — произнес он.

— Ты должен верить мне так же, как верил тогда, — сказал Джерико. Ему очень не хотелось идти на обман, но время было неподходящее, чтобы разбираться в этических тонкостях. — Дай мне поговорить с Сюзанной, и мы принесем сюда ковер. А потом все втроем пойдем к пророку.

— Да, — согласился Нимрод. — Кажется, это не лишено смысла.

Они вместе дошли до двери. Толпа посвященных уже растворилась в ночи. Джерико распрощался, повторив свое обещание, и зашагал прочь. Удалившись на достаточное расстояние в темноту, он по широкой дуге обошел здание и вернулся к нему обратно.

IV
Мужской разговор

Пока Джерико сидел в засаде на задворках литейного цеха, начал накрапывать дождь, но минут через двадцать его терпение было вознаграждено. Дверь отворилась, оттуда вышли два человека из элитного отряда пророка. Они так спешили укрыться от дождя в машине — рядом с цехом стояло несколько штук, — что оставили дверь приоткрытой. Джерико прятался за мокрыми кустами, пока они не отъехали, а затем устремился к двери и вошел внутрь.

Он оказался в грязном кирпичном коридоре, от которого отходило еще несколько коридоров поменьше. В конце первого прохода горела лампочка, но вокруг было темно.

Когда Джерико удалился от входной двери и шума дождя, он услышал голоса и

двинулся в их сторону. Коридор становился все темнее, чем дальше он уходил от лампочки. Слова долетали до него и стихали.

— Ну и вонища, — произнес кто-то.

Раздался смех. Под прикрытием этого смеха Джерико быстро пошел на звук. Теперь его острый взгляд заметил другой огонек, хотя и тусклый.

— Они водят тебя за нос, — сказал второй голос.

Ему ответил Хобарт:

— Мы уже близко, точно тебе говорю. Я поймаю ее.

— Забудь о бабе, — последовал ответ. Этот голос как будто принадлежал пророку, но тембр несколько изменился. — Я хочу ковер. Все армии мира не стоят выеденного яйца, когда нечего завоевывать.

Эта речь была не такой осторожной, как слова, произнесенные перед ясновидцами. Притворная скромность исчезла, пророк был готов вести войска. Джерико прижался к двери, из-за которой звучали голоса.

— Снимите наконец с меня эту дрянь, — сказал пророк. — Она душит.

На этом разговор с другой стороны двери резко оборвался. Джерико задержал дыхание, чтобы не пропустить ни одного тихого слова. Но так ничего и не расслышал.

Затем пророк заговорил снова.

— У нас не должно быть секретов, — произнес он неожиданно. — Увидеть значит поверить.

После этих слов дверь широко распахнулась. Джерико не мог отступить, ввалился в комнату, и его тотчас схватил Хобарт. Он заворачивал руку жертвы за спину, пока не захрустели кости, одновременно вцепившись в волосы Джерико, так что тот не мог шевельнуть головой.

— Ты был прав, — сказал пророк.

Он стоял совершенно голый посреди комнаты, расставив ноги и широко раскинув руки. С него ручьями стекал пот. Лампочка без абажура заливала безжалостным светом его бледное тело, от которого поднимался пар.

— У меня на них нюх, — раздался новый голос.

Джерико узнал его, и инкантатрикс Иммаколата появилась в поле его зрения. Несмотря на свое плачевное положение, Джерико ощутил удовольствие при виде ее жутко изуродованного липа. Этой твари все-таки можно причинить вред. Есть повод радоваться.

— Давно ты уже подслушиваешь? — спросил его пророк. — Услышал что-нибудь интересное? Говори.

Джерико посмотрел на него. Три охранника из элитного отряда трудились над его телом, обтирали его полотенцами. Они стирали не только пот: куски плоти — с шеи и плеч, с кистей и предплечий — тоже сходили с него. Это и была та удушающая гадость, на которую он жаловался, она покрывала всего пророка. В воздухе стояла омерзительная вонь злобного заклятия, порочной магии инкантатрикс.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, — приказал Хобарт, выкручивая Джерико руку, готовую сломаться.

— Я ничего не слышал, — выдохнул Джерико.

Дымящийся человек вырвал полотенце у одного из прислужников.

— Господи, — проговорил он, вытирая лицо. — Эта мерзость — настоящее мучение.

Куски плоти с шипеньем падали на пол. Вместе с ними пророк отшвырнул испачканное полотенце и снова посмотрел на Джерико. Остатки иллюзии кое-где еще закрывали его лицо, но актер под гримом вполне узнавался: коммивояжер Шедуэлл, голый, как в день своего появления на свет. Он сорвал с головы белый парик и тоже бросил на пол, потом щелкнул пальцами. Зажженная сигарета появилась у него в руке. Он глубоко затянулся, стер кулаком из-под глаза ошметки эктоплазмы.

— Ты был на собрании? — спросил он.

— Конечно он был, — ответила Иммаколата, но замолчала под гневным взглядом

Шедуэлла.

Коммивояжер совершенно бессознательно потянул себя за головку члена.

— Был ли я хорош? — спросил он. — Да что там! Конечно я был хорош. — Он уставился на свой член под блестящим брюхом. — Кто ты, черт побери, такой? — спросил он.

Джерико молчал.

— Я задал тебе вопрос, — произнес Шедуэлл.

Он сунул сигарету в рот и раскинул руки, чтобы прислужники могли завершить его туалет. Те сняли полотенцами все остатки эктоплазмы с его лица и тела, а затем принялись припудривать внушительную тушу.

— Я его знаю, — сказал Хобарт.

— Неужели?

— Он любовник нашей беглянки. Повсюду ездит с Сюзанной.

— Правда? — спросил Шедуэлл. — Так ты пришел, чтобы заключить сделку? Узнать, сколько мы за нее заплатим?

— Я ее не видел, — отозвался Джерико.

— Конечно, ты ее видел, — сказал Шедуэлл. — И ты сейчас скажешь нам, где ее найти.

Джерико закрыл глаза.

«О Господи, прикончи меня, — подумал он, — не позволяй мне страдать. Я слабый. Я такой слабый!»

— Долго ты не протянешь, — заметил Шедуэлл.

— Говори, — велел Хобарт.

Джерико вскрикнул, когда хрустнули его кости.

— Прекрати! — приказал Коммивояжер. Хватка инспектора немного ослабла. — Не желаю быть свидетелем твоих жестокостей. — Шедуэлл возвысил голос. — Ясно? Ты меня понял?

— Да, сэр.

Шедуэлл удовлетворенно заворчал, затем повернулся к Иммаколате. Его внезапная ярость так же внезапно испарилась.

— Думаю, твои сестрицы могут с ним позабавиться, — сказал он. — Позови их сюда.

Инкантатрикс произнесла слова призыва, слетевшие с ее изуродованных губ подобно дыханию морозного утра. Шедуэлл снова сосредоточился на Джерико. Он одевался и вразумлял пленника.

— Ты будешь страдать не только от боли, — произнес он беззаботно, — если не скажешь мне, где найти ковер.

Коммивояжер натянул брюки и застегнул «молнию», бросив мимолетный взгляд на Джерико.

— Чего же ты ждешь? — спросил он. — Мы договорились или нет?

Он повязал галстук, а прислужники тем временем завязывали ему шнурки.

— Ты слишком долго думаешь, друг мой. Я теперь не торгуюсь. Не предлагаю ничего соблазнительного. Мои дни в качестве коммерсанта сочтены.

Он взял у одного из прислужников пиджак и натянул на себя. Подкладка замерцала. Джерико по рассказам Сюзанны знал об этих чарах, однако Шедуэлл, похоже, не собирался вырывать признание таким способом.

— Или скажешь мне, где находится ковер, — сказал он, — или сестрички с детьми разберут тебя нерв за нервом. Мне кажется, выбор очевиден.

Джерико ничего не ответил. Из коридора потянуло ледяным ветром.

— А вот и дамы, — провозгласил Шедуэлл, и сама Смерть влетела в дверь.

V
Часы шли

1

А он все не возвращался.

Было почти четыре утра. Сюзанна стояла у окна с самого вечера. Она видела пьяную драку, потом две потрепанные потаскухи вышли на промысел, пока к ним не подкатила патрульная машина и их то ли арестовали, то ли наняли. Теперь улица опустела, и оставалось лишь следить, как светофор на перекрестке меняет цвета — зеленый, красный, желтый, зеленый, — хотя никто никуда не ехал. А Джерико все не возвращался.

Сюзанна перебрала огромное множество вероятных объяснений его отсутствия. Возможно, собрание затянулось и он не может ускользнуть, не вызвав подозрений. Или он встретил там друзей, и они разговорились о старых добрых временах. Может, так, а может, эдак. Однако ни одно из объяснений не убедило ее в полной мере. Что-то было не так. Сюзанна и менструум знали это.

Не составить никакого запасного плана, вот что глупо. Как они могли быть такими идиотами, спрашивала себя Сюзанна снова и снова. Она металась взад-вперед по узкой комнате, не зная, как теперь поступить. Ей не хотелось уезжать — вдруг он вернется через минуту, и они разминутся? — однако страшно было оставаться. А вдруг Джерико схватили и прямо сейчас мучают, вынуждая сказать, где она находится?

В прежние времена она сумела бы поверить в лучшее. Убедила бы себя, что Джерико вот-вот вернется, и принялась терпеливо ждать. Однако опыт заставил ее изменить взгляд на мир. Жизнь совсем другая.

В четыре пятнадцать Сюзанна стала собирать вещи. Сам факт, что она признала возможность несчастья и то, что Сотканный мир в опасности, вызвал прилив адреналина. В половине пятого она принялась стаскивать вниз ковер. Дело было долгое и утомительное, но за последние месяцы Сюзанна рассталась с последними унциями жира и теперь обнаружила у себя мышцы, о существовании которых не подозревала. Кроме того, с ней был менструум — тело, сотканное из воли и света, и оно помогало за минуты сделать то, на что без него ушли бы часы.

Тем не менее в небе уже угадывались проблески зари, когда Сюзанна закинула свои сумки (багаж Джерико она тоже упаковала) на заднее сиденье. Джерико не вернется, признала она. Что-то его задержало, и, если не поспешить, это что-то задержит и ее.

Она подавила желание расплакаться и уехала, оставив очередной неоплаченный счет.

2

Наверное, Сюзанну немного утешило бы выражение лица Хобарта, когда всего через двадцать минут после ее отъезда он явился в гостиницу, которую назвал Джерико.

Пленник много чего выдавил из себя, пока его обрабатывали твари: и крови, и слов. Но слова были неразборчивы, Хобарт с трудом улавливал их смысл. Разумеется, между рыданиями и стонами он говорил о Фуге и о Сюзанне.

— О моя госпожа, — все время повторял он, — о моя госпожа!..

А потом снова рыдания. Хобарт позволил ему поплакать, истекая кровью, пока Джерико не оказался на пороге смерти. И тогда инспектор задал простой вопрос: а где твоя госпожа? И дурак ответил. Его разум давно уже не понимал, кто задает ему вопросы и что он на них отвечает.

И вот теперь Хобарт был здесь, в том месте, которое указал пленник. Но где же женщина его мечты? Где Сюзанна? Снова ускользнула, испарилась, оставив на дверной ручке тепло своей руки, а на пороге — свою тень.

Однако на сей раз они разминулись ненадолго. Он едва не поймал ее. Много ли времени пройдет, прежде чем он набросит сети на ее тайну, раз и навсегда сожмет между пальцами ее серебряный свет? Часы. Самое большее — дни.

— Почти моя, — сказал Хобарт самому себе.

Он крепче прижал к груди книгу сказок, чтобы ни словечко не ускользнуло, и ушел из комнаты своей госпожи, чтобы продолжить погоню.

VI
Привет, незнакомец!

1

Сюзанне была ненавистна мысль об отъезде из города, потому что она покидала Джерико. Но что бы она к нему ни чувствовала — а это было сложно само по себе, — она понимала: медлить нельзя. Нужно уезжать, и уезжать быстро.

Но неужели одна? Долго ли она сумеет продержаться и выжить при таких условиях? Машина, ковер и женщина, не вполне уверенная, человек ли она вообще…

У нее остались друзья и родственники в разных городах, но ни с кем она не была достаточно близка, чтобы довериться им. Кроме того, они неизбежно станут задавать вопросы, а в этой истории нет ни одной части, которую Сюзанна осмелилась бы пересказать. Она подумала о возвращении в Лондон, в квартирку на Баттерси, где дожидается ее прежняя жизнь: Финнеган и его вечные валентинки, керамика, сырость в ванной комнате. Снова начнутся вопросы. Ей нужен тот, кто примет ее как есть, с ее нежеланием объясняться и всем остальным.

Такой человек один — это Кэл.

При мысли о нем Сюзанна почувствовала, что на душе стало легче. Она вспомнила его открытую улыбку, его мягкий взгляд и мягкий голос. Возможно, искать его еще опаснее, чем возвращаться в Лондон, но она устала вычислять степень опасности.

Она поступит так, как подсказывает чутье, а ее чутье сказало:

2

— Кэл?

На том конце телефонного провода повисло долгое молчание. Она даже подумала, что связь прервалась.

— Кэл, это ты?

Затем он отозвался:

— Сюзанна?

— Да. Это я.

— Сюзанна…

Она чувствовала, как к горлу поступили слезы, потому что он произнес ее имя.

— Я должна увидеть тебя, Кэл. Где ты?

— В центре города. Рядом с каким-то памятником. Кажется, это королева Виктория.

— Это в конце Касл-стрит.

— Наверное. Можно увидеть тебя? Это очень важно.

— Да, конечно. Я недалеко. Выйду сейчас же. Встретимся под памятником через десять минут.

* * *

Кэл был на месте через семь минут, одетый в угольно-серый деловой костюм с поднятым по причине измороси воротником. Один из сотни одинаковых молодых людей, бухгалтеров и младших управляющих, на которых она насмотрелась, дожидаясь его под властным взглядом Виктории.

Он не обнял Сюзанну, даже не коснулся ее. Просто остановился рядом, посмотрел с радостью и недоумением, а потом произнес:

— Привет.

— Привет.

Дождь к тому моменту усилился.

— Может быть, поговорим в машине? — предложила она. — Не хочу оставлять ковер.

При упоминании о ковре недоуменное выражение на его лице усилилось, но он ничего не спросил.

В мозгу Кэла сохранился смутный образ самого себя, ищущего на грязном складе какой-то ковер, может быть, даже этот самый, однако целиком история никак не складывалась.

Машина стояла на Уотер-стрит, недалеко от памятника. Дождь выбивал чечетку по крыше, когда они забирались на передние сиденья.

Драгоценный груз, который Сюзанна боялась оставить, лежал на заднем сиденье, перегнутый пополам и небрежно прикрытый простыней. Как Кэл ни старался, он так и не мог вспомнить, почему этот ковер так важен для нее и почему эта женщина — насколько он помнил, они провели вместе всего несколько часов — так важна для него. Почему, заслышав ее голос в телефонной трубке, он помчался на зов? Почему все в нем переворачивалось от одного взгляда на нее? Это абсурдно и неприятно: чувствовать так много и знать так мало.

Все прояснится, заверял он себя, как только они начнут разговор.

Но он ошибся. Чем больше они говорили, тем сильнее он недоумевал.

— Мне необходима твоя помощь, — сказала ему Сюзанна. — Я не могу рассказать всего, сейчас нет времени. В общем, появился некий пророк, и он обещает вернуть Фугу. Джерико пошел на одно из его выступлений и не вернулся…

— Погоди, — попросил Кэл и замахал руками, чтобы прервать поток информации. — Подожди минутку. Я не успеваю. Джерико?

— Ты же помнишь Джерико, — удивилась она.

Имя было необычное, не из тех, что легко забываются. Но он не мог вообразить человека с таким именем.

— А я должен его знать? — спросил он.

— Господи, Кэл…

— Честно говоря… многие события… словно в тумане.

— Но меня ты помнишь ясно.

— Да. Конечно. Конечно помню.

— И Нимрода. И Апполин. И ночь в Фуге.

Раньше чем Кэл успел пробормотать «нет», Сюзанна поняла, что он ничего не помнит.

Наверное, здесь включались естественные процессы: таким образом мозг отфильтровывал опыт, идущий вразрез со сложившимися в течение жизни представлениями о природе реального. Люди просто забывают лишнее.

— Мне снятся странные сны, — сказал Кэл.

На его лице застыло смущение.

— Какие сны?

Кэл покачал головой. Он знал, что в его словаре нет слов, способных передать увиденное.

— Описать это сложно, — проговорил он. — Кажется, будто я ребенок, понимаешь? И одновременно не ребенок. Я гуляю по каким-то местам, где никогда не был. Но я не заблудился, наоборот. О черт… — Он сдался, разозлившись на собственное косноязычие. — Не могу описать!

— Мы там были однажды, — спокойно сказала ему Сюзанна. — Мы с тобой. Были там. То, что тебе снится, существует на самом деле, Кэл.

Он долго смотрел на нее, не отрывая глаз. Его лицо по-прежнему было смущенным, но теперь это выражение смягчила едва заметная улыбка.

— Существует? — переспросил он.

— О да. Честное слово.

— Расскажи мне, — попросил он тихо. — Пожалуйста, расскажи.

— Я не знаю, с чего начать.

— Попытайся, — настаивал он. — Прошу тебя. — В глазах его светилась такая тоска, такое желание узнать.

— Ковер… — начала она.

Он обернулся.

— Это твой ковер? — спросил он.

Сюзанна невольно рассмеялась.

— Нет, — сказала она. — То место, которое ты видишь во сне… оно там. В этом ковре.

Она видела, как недоверие Кэла борется с его верой в нее.

— Здесь? — уточнил он.

Временами Сюзанна думала, что ей самой непросто осознать этот факт, а ведь у нее по сравнению с Кэлом или даже бедным Джерико имелось преимущество: менструум, краеугольный камень всех чудес. Она не могла винить Кэла за сомнения.

— Ты должен поверить мне, — сказала она. — Каким бы невероятным это ни казалось.

— Я знаю, — произнес он сдавленно. — Что-то во мне знает.

— Конечно ты знаешь. И ты все вспомнишь. Я помогу тебе вспомнить. Но пока я сама нуждаюсь в твоей помощи.

— Да. Все, что пожелаешь.

— За мной гонятся.

— Почему? Кто?

— Я расскажу тебе об этих людях, когда будет возможность. Но суть в том, что они хотят уничтожить то место, которое тебе снится, Кэл. Мир, спрятанный в ковре. Фугу.

— Ты хочешь спрятаться у меня? — спросил он.

Сюзанна отрицательно покачала головой:

— Я отважилась позвонить тебе домой, чтобы узнать твой рабочий телефон. Возможно, там меня уже ждут.

— Джеральдин ничего им не скажет.

— Я не могу рисковать.

— Мы можем поехать к Деку, это в Киркби. Никто нас там не найдет.

— Ты ему доверяешь?

— Конечно.

Она завела мотор.

— Я поведу, — сказала она. — А ты показывай дорогу.

3

Они свернули на Джеймс-стрит, дождь теперь лил как из ведра. Далеко они не уехали. Всего несколько ярдов, и на дороге образовался затор.

Кэл опустил стекло и высунулся взглянуть, что там произошло. Рассмотреть что-либо за пеленой дождя было непросто, но, кажется, случилась авария, отчего движение встало. Несколько самых нетерпеливых водителей попытались выехать из общего потока на окружную дорогу, но застряли на обочине и общая неразбериха усилилась. Гудели клаксоны, несколько человек выскочили из машин, накрыв головы от дождя пиджаками, и пытались выяснить, что случилось.

Кэл негромко рассмеялся.

— Что тут смешного? — спросила Сюзанна.

— Всего час назад я сидел в офисе, по уши зарывшись в бумаги…

— А теперь ты в компании человека, скрывающегося от полиции.

— По мне, это выгодный обмен, — усмехнулся он.

— Какого же черта мы не двигаемся?

— Я посмотрю.

И прежде чем Сюзанна успела его остановить, Кэл выскочил из машины и начал пробираться по лабиринту из машин, набросив на голову пиджак в тщетной попытке уберечься от дождя.

Сюзанна смотрела на него, а ее пальцы выбивали дробь на руле. Ей не нравилась сложившаяся ситуация. Она здесь слишком заметна, а значит, уязвима.

Когда Кэл добрался до противоположной стороны улицы, внимание Сюзанны привлекла вспышка синего света в зеркале бокового вида. Она обернулась и увидела несколько полицейских мотоциклов, двигавшихся вдоль ряда машин к месту аварии. Сердце ее дрогнуло.

Она посмотрела на Кэла в надежде, что он уже возвращается, но он все еще изучал затор.

«Уходи оттуда, черт побери, — мысленно призывала его Сюзанна, — ты нужен мне».

Появились еще полицейские, на этот раз пешие. Они шли вдоль улицы, заглядывая в каждую машину. Должно быть, объясняли обстановку на дороге, ничего страшного. Все, что от нее требуется, это мило улыбаться.

Машины впереди начали движение. Регулировщики направляли их в объезд места аварии, затормозив автомобили на встречной полосе. Сюзанна поглядела на Кэла, который по-прежнему вглядывался в дальний конец улицы. Может быть, выйти из машины и окликнуть его? Пока она оценивала варианты действий, рядом с ней появился полицейский, забарабанил в окно. Сюзанна опустила стекло.

— Дождитесь сигнала, — велел он. — А затем медленно трогайтесь с места.

Полицейский внимательно смотрел на нее, капли дождя скатывались с его каски и носа. Сюзанна улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Я буду осторожна.

Указания были даны, но полицейский не отходил от окна, а продолжал рассматривать ее.

— Мне знакомо ваше лицо, — заметил он.

— Правда? — удивилась Сюзанна.

Она решилась бросить на него кокетливый взгляд и промахнулась примерно на милю.

— Как ваша фамилия?

Не успела она солгать что-нибудь, как один из полицейских впереди окликнул ее собеседника. Тот распрямился, и она воспользовалась возможностью оглянуться на Кэла.

Он стоял на краю тротуара и глядел на нее через улицу. Сюзанна чуть заметно покачала головой, надеясь, что он сумеет правильно истолковать ее знак через залитое дождем стекло. Полицейский заметил ее жест.

— Что-то не так? — спросил он.

— Нет, — ответила она. — Все в порядке.

Второй полицейский подходил к машине, выкрикивая что-то в дождь в сторону машин с работающими вхолостую моторами.

«Чем дольше я здесь стою, — подумала Сюзанна, — тем хуже для меня».

И она крутанула руль. Полицейский, стоявший у окна, приказал ей остановиться, но выбор был уже сделан. Проносясь мимо Кэла, она поглядела в его сторону. И увидела, к своему ужасу, что он пытается пробиться между машинами. Сюзанна выкрикнула его имя, но он не услышал. Она снова окликнула его. Кэл поднял голову, но слишком поздно: полицейский, стоявший впереди, уже бежал к ее машине. Он окажется рядом с ней раньше, чем Кэл успеет добраться до середины дороги. Нет иного выбора, кроме как бежать, пока еще есть шанс.

Она нажала на газ, и полицейский отскочил, когда между ними оставались считанные дюймы. Оглядываться на Кэла не было времени. Сюзанна на большой скорости проскочила место аварии. Она очень надеялась, что Кэл понял ее указания и сумеет скрыться.

Не успела она проехать и четырехсот ярдов, как услышала за спиной завывания сирен.

4

Кэлу потребовалось секунд десять, чтобы осознать происходящее, и еще пара — чтобы обругать себя за нерасторопность. Ведь было мгновение общего смятения, когда никто из полицейских не понимал, дожидаться ли приказаний или пускаться в погоню. Как раз в этот миг Сюзанна скрывалась за углом.

Полицейский, который разговаривал с ней, направился в сторону Кэла, с каждым шагом прибавляя скорость.

Кэл сделал вид, будто не замечает его, и поспешно зашагал обратно к памятнику. Послышались окрики, затем шум погони. Он побежал не оглядываясь. Его преследователь был в тяжелом обмундировании по случаю дождя, и Кэл бежал гораздо быстрее. Он свернул налево на Касл-стрит, потом еще раз налево на Брансуик-стрит, потом направо на Друри-лейн. Вовсю завывали сирены — это мотоциклисты бросились в погоню за Сюзанной.

На Уотер-стрит Кэл отважился оглянуться. Его преследователя не было видно. Но он не стал замедлять бег, пока расстояние между ним и полицией не увеличилось до полумили. После чего взял такси и вернулся домой. Голова его пухла от вопросов, перед глазами стояло лицо Сюзанны. Она появилась и исчезла слишком быстро, он уже тосковал по ней.

Чтобы лучше сохранить в памяти ее образ, Кэл попытался повторить названные Сюзанной имена, но, черт возьми, они уже позабылись.

VII
Утерянный смысл

1

Слепящий дождь оказался союзником Сюзанны, как и ее незнание города. Она сворачивала каждый раз, когда предоставлялась возможность, избегая лишь тупиков, и отсутствие логики в ее маршруте сбило с толку преследователей. Дорога вывела ее на Парламент-стрит, и тут она прибавила скорость. Сирены за спиной затихли.

Но она знала, что это ненадолго. Петля снова затягивалась.

* * *

Когда Сюзанна выезжала из города, в дождевых тучах наметились просветы, и сквозь них пробились солнечные лучи, заливая золотым светом крыши и черное шоссе. Всего лишь на миг. Потом тучи снова сомкнулись, благословенное мгновение кончилось.

Сюзанна ехала по шоссе, день клонился к вечеру, а она снова была одна.

2

Кэл остановился в дверях кухни. Джеральдин чистила луковицу. Она подняла голову и спросила:

— Ты что, забыл зонтик?

И он подумал: она же понятия не имеет, кто он такой, что он такое, да и с чего бы?

«Ведь я и сам, как бог свят, не имею ни малейшего понятия. Я забыл себя. О господи, почему же я забыл себя?»

— Ты здоров? — спрашивала Джеральдин. Она отложила в сторону луковицу и нож и направилась к нему через кухню. — Только посмотри на себя. Ты промок до нитки.

— У меня неприятности, — произнес он без выражения.

Она замерла на полпути.

— Что случилось, Кэл?

— Не исключено, что сюда явится полиция.

— Но почему?

— Не спрашивай. Все это слишком сложно объяснить.

Ее лицо несколько омрачилось.

— Сегодня днем звонила какая-то женщина, — сказала она, — спрашивала твой рабочий телефон. Она до тебя дозвонилась?

— Да.

— И она как-то связана с твоими неприятностями?

— Да.

— Расскажи мне, Кэл.

— Я не знаю, с чего начать.

— У тебя с этой женщиной что-то было?

— Нет, — ответил он.

И подумал: «Во всяком случае, я не помню».

— Тогда расскажи мне.

— Позже. Не сейчас. Потом.

Он вышел из пропахшей луком кухни.

— Куда ты идешь? — окликнула его Джеральдин.

— Я же промок до нитки.

— Кэл!

— Мне нужно переодеться.

— Крупные неприятности?

Он остановился на середине лестницы, стягивая с себя галстук.

— Не могу вспомнить, — ответил Кэл.

Но какой-то голос у него в голове — голос, которого он давно не слышал, — произнес: «Крупнее некуда, сынок, крупнее некуда». И он знал, что голос сказал горькую правду.

Джеральдин дошла до подножия лестницы. Он зашел в спальню и стащил с себя мокрую одежду, а она тем временем продолжала засыпать его вопросами, на которые он не знал ответов, и с каждым новым вопросом, оставшимся без ответа, в ее голосе все отчетливее звенели слезы. Он знал, что завтра назовет себя за это скотиной (что такое завтра — еще один сон?), но ему нужно было как можно скорее выбраться из дома на случай, если за ним вдруг явится полиция. Разумеется, ему не в чем перед ними оправдываться. По крайней мере, он ничего не помнит. Но они знают способы заставить человека заговорить.

Кэл порылся в гардеробе, достал рубашку, джинсы и пиджак, нисколько не задумываясь о своем выборе. Натягивая потертый пиджак, он выглянул в окно. Только что зажглись фонари, потоки дождя серебрились в их свете. Скверная ночь для увеселительных прогулок, но что делать. Он сунул руку в карман рабочего костюма, вынул бумажник, переложил его к себе в карман. Пожалуй, все.

Джеральдин так и стояла у подножия лестницы, глядя на него снизу вверх. Она справилась со слезами.

— И что же мне отвечать, — спросила она, — если они придут за тобой?

— Скажи, что я пришел и снова ушел. Скажи правду.

— А если меня не будет дома… — произнесла она. — Затем, воодушевившись идеей, добавила: — Ну да. Скорее всего, меня здесь не будет.

У него не было ни времени, ни подходящих слов, чтобы утешить ее.

— Пожалуйста, поверь мне. — Вот и все, что он сумел сказать. — Я знаю обо всем происходящем не больше тебя.

— Может быть, тебе стоит сходить к врачу, Кэл, — проговорила Джеральдин, пока он спускался. — Может быть, — голос ее смягчился, — ты болен.

Он замер посреди лестницы.

— Брендан кое-что рассказывал мне… — продолжала она.

— Не вмешивай сюда отца.

— Нет, ты послушай, — настаивала Джеральдин. — Он часто разговаривал со мной, Кэл. Сообщал мне кое-что по секрету. Что-то такое, что, как ему казалось, он видел.

— Не желаю слушать.

— Он утверждал, будто видел, как у вас в саду убили женщину. Видел какое-то чудовище на железнодорожных путях. — Она слегка улыбнулась подобной глупости.

Кэл уставился на нее, внезапно ослабев. И снова подумал: «Я знаю».

— Может быть, у тебя тоже галлюцинации.

— Он рассказывал байки, чтобы тебя позабавить, — ответил ей Кэл. — Он любил выдумывать истории. Это говорила его ирландская кровь.

— И ты тоже выдумываешь, Кэл? — спросила она, мечтая услышать подтверждение. — Скажи мне, что это розыгрыш.

— Видит бог, я хотел бы так сказать.

— О Кэл…

Он спустился с лестницы и нежно погладил ее по голове.

— Если кто-нибудь придет и станет задавать вопросы…

— Я скажу правду, — ответила она. — Я ничего не знаю.

— Спасибо.

Когда он шел к двери, Джеральдин его окликнула:

— Кэл?

— Да?

— А ты, случайно, не влюблен в эту женщину? Если так, я бы предпочла знать правду.

Он открыл дверь. Дождь лупил по крыльцу.

— Не могу вспомнить, — сказал он и побежал к машине.

3

После получаса езды по шоссе на Сюзанне начали сказываться последствия ночи без сна и всех переживаний прошедшего дня. Дорога перед глазами расплывалась. Сюзанна поняла еще немного, и она уснет за рулем. Тогда она свернула с шоссе на первую же стоянку, остановила машину и отправилась на поиски кофе.

В кафетерии и вокруг него было полно народу, за что она поблагодарила судьбу. Среди такого множества людей можно затеряться. Не желая оставлять Сотканный мир без присмотра ни на миг дольше, чем необходимо, Сюзанна купила кофе в автомате вместо того, чтобы стоять в бесконечной очереди, потом в магазинчике выбрала шоколадку и печенье и вернулась в машину.

Она включила радио и принялась за еду. Когда она разворачивала шоколадку, мысли ее снова обратились к Джерико, вору-чародею, способному выкрасть что угодно из чьего угодно кармана. Где он сейчас? Сюзанна подняла стаканчик с кофе за его здоровье и пожелала ему удачи.

В восемь начались новости. Она ждала какого-то упоминания о себе, но так ничего и не услышала. После новостей зазвучала музыка, и Сюзанна оставила радио включенным. После кофе и шоколада с печеньем она обмякла на сиденье, глаза ее закрылись под убаюкивающий джаз.

Проснулась она спустя какие-то секунды от стука по стеклу. После мгновенного смятения, когда она пыталась понять, где находится, Сюзанна очнулась и с упавшим сердцем увидела за мокрым стеклом человека в форме.

— Откройте, пожалуйста дверь, — сказал полицейский.

Кажется, он был один. Может, просто завести машину и уехать? Не успела она принять решение, как дверь открыли снаружи.

— Выходите, — велел полицейский.

Сюзанна подчинилась. Она вышла из машины и услышала со всех сторон шарканье ног по гравию.

На фоне неоновых огней вырисовывался силуэт человека.

— Да.

Это было единственное слово, которое он произнес, и тотчас на нее со всех сторон двинулись люди. Она хотела призвать на помощь менструум, но тот силуэт приблизился к ней, держа что-то в руке. Ей закатали рукав, и она почувствовала, как игла вошла в кожу. Призрачное тело отозвалось, но слишком медленно. Воля угасла, поле зрения сократилось до узкого колодца. На дне его ждал Хобарт с разинутой пастью. Сюзанна падала вниз, цепляясь пальцами за стенки, а тварь на дне ревела осанну.

VIII
Свежий взгляд

Мерси высоко поднялась в ту ночь, быстро неся грязно-коричневые воды с серой пеной. Кэл опирался на парапет и глядел за бурлящую реку, в сторону заброшенных корабельных верфей на другом берегу. Когда-то эта водная артерия была запружена кораблями, разгружавшимися после похода или, наоборот, уходившими в дальние края. А теперь она опустела. Доки, верфи, ремонтные мастерские стоят заброшенные. Призрачный город, годится только для привидений.

Он чувствовал себя одним из них. Призрачный скиталец. Окоченевший так, как может окоченеть только мертвец. Кэл сунул руки в карманы, чтобы согреться, и его пальцы нащупали с полдюжины каких-то мягких шариков. Он вынул их и рассмотрел в свете ближайшего фонаря.

Они походили на сушеные сливы, только кожица была гораздо плотнее, как кожа старого башмака. Совершенно очевидно, что это какие-то фрукты, но он не знал какие. Откуда они попали к нему? Кэл понюхал один плод. Запах был кисловатый, как у молодого вина. И аппетитный, даже искушающий. Этот запах напомнил ему, что он не ел с самого обеда.

Кэл поднес плод ко рту, легко прокусил сморщенную кожицу. Запах его не обманул: мякоть и в самом деле отдавала алкоголем, сок обжигал горло, словно коньяк. Он пожевал, откусил во второй раз, не успев проглотить первую порцию, и мигом прикончил фрукт со всеми косточками.

После чего принялся пожирать плоды один за другим. На него вдруг напал волчий аппетит. Он застыл под раскачивающимся от ветра фонарем, в луже танцующего света, и ел так, словно его морили голодом целую неделю.

Он вгрызался в предпоследний фрукт, когда до него вдруг дошло, что фонарь над головой качается не в такт окружающему его пятну света. Кэл уставился на зажатый в руке плод, но не смог сфокусировать взгляд. Господи Иисусе! Неужели он отравился? Последний фрукт выпал из рук. Кэл уже был готов сунуть пальцы в рот, чтобы вызвать рвоту, но тут его охватило куда более необычное ощущение.

Он поднимался вверх. Во всяком случае, какая-то его часть.

Ноги его по-прежнему стояли на асфальте, он чувствовал под подошвами прочную основу, но в то же время плыл вверх. Фонарь горел теперь под ним, и набережная раскинулась вправо и влево, река билась о берега, темная и дикая.

Рационально мыслящий дурак внутри него сказал: «Ты отравился, опьянел от этих фруктов».

Но он не чувствовал себя больным и не потерял ориентацию в пространстве. Его взгляд был ясен. Он по-прежнему видел все обычным зрением и в то же время смотрел откуда-то из точки высоко над головой. И это было еще не все. Он словно разделился на части: одна часть его двигалась вдоль набережной, другая вышла на середину Мерси и глядела оттуда на берег.

Этот разошедшийся в стороны взгляд не смутил его. Множественные планы

встречались и смешивались в мозгу, узоры свивались и распадались; он смотрел разом вперед и назад, далеко и близко.

Он был не один, но множество.

Он Кэл, он сын своего отца, он сын своей матери, он ребенок, спрятанный во взрослом мужчине, он человек, мечтающий стать птицей.

Птица!

И в этот миг на него нахлынуло все разом. Все забытые чудеса вернулись к нему с исключительной четкостью. Тысячи мгновений, образов и слов.

Птица, погоня, двор, ковер, полет (он стал птицей, да, да!), потом враги и друзья, Шедуэлл, Иммаколата, чудовища. И Сюзанна, его прекрасная Сюзанна. Ее место в истории, которую рассказывал ему собственный разум, вдруг сделалось совершенно понятным.

Он вспомнил все. Как распускался ковер, как развалился дом, затем Фугу и чудеса той ночи.

Кэлу потребовались все его вновь обретенные чувства, чтобы удержать поток воспоминаний, но он сумел не захлебнуться в нем. Казалось, ему снится сон обо всем сразу, и задержать его на мгновение было ни с чем не сравнимым наслаждением. Результатом этого героического воспоминания стало воссоединение «я» с тайным «я».

А после воссоединения — слезы. Он в первый раз ощутил глубоко спрятанное горе от потери человека, научившего его стихам, которые он читал в саду Ло: его отца, который жил и умер и уже никогда не узнает того, что знал сейчас Кэл.

Скорбь и горькие слезы мгновенно вернули ему себя самого. Он снова видел все обычным взглядом, стоял под качающимся фонарем, охваченный горем…

Затем его душа снова воспарила вверх, выше, потом еще выше, и на этот раз сумела разогнаться и вырваться на свободу.

Кэл вдруг оказался высоко над Англией.

Свет луны заливал под ним яркие континенты облаков, чьи огромные тени скользили над холмами и окраинами городов, словно молчаливые хранители снов. И он тоже двигался, подгоняемый тем же ветром. Над дорогами, вдоль которых выстроились ряды соединенных жужжащими проводами фонарей, над городскими кварталами, в этот час безлюдными, если не считать бродяг и уличных псов.

Он поглядывал сверху, словно ленивый ястреб, звезды сияли у него за спиной, а остров раскинулся внизу, и этот полет вторил первому полету, когда он парил над ковром и над Фугой.

Как только Кэл мысленно обратился к Сотканному миру, он вроде бы учуял его, нащупал где-то там, внизу. Глаза его были недостаточно зоркими, чтобы ясно увидеть место, но он знал он сумеет отыскать ковер, если сохранит обретенное знание, когда наконец вернется в оставшееся внизу тело.

Ковер находится на северо-востоке от города, за много миль отсюда, в этом Кэл был уверен. И он продолжает удаляться. Везет ли его Сюзанна? Едет ли она в какое-то удаленное место, куда, как ей кажется, враги не доберутся? Нет, дело обстояло гораздо хуже. Сотканный мир и женщина, оберегающая его, в ужасной опасности где-то там, под ним…

И от этой мысли плоть снова захватила над ним власть. Кэл ощутил вокруг себя свое тело, его тепло, его тяжесть, пришел в восторг от его плотности. Воспарять духом, конечно, здорово, но чего стоит дух, если нет ни мышц, ни костей для осуществления его устремлений?

Еще мгновение Кэл постоял под фонарем. Река точно так же пенилась, облака, которые он только что видел под собой, двигались безмолвными флотилиями, погоняемые соленым морским ветром. Но он чувствовал другую соль, не морскую. То были слезы, пролитые по отцу, по собственной забывчивости и, может быть, по матери, потому что все потери стали единой потерей, а все позабытое — единым позабытым.

Он принес с небес новую мудрость. Он понял, что позабытое можно вспомнить, утерянное — отыскать вновь.

И это самое важное в мире: искать и находить.

Кэл посмотрел на северо-восток. Хотя способность видеть все разом покинула его, он знал, что сумеет найти ковер.

Он увидел его сердцем. И бросился в погоню.

IX
Тайное убежище

Сюзанна медленно приходила в себя после наркотического сна. Сначала сил хватало только на то, чтобы разлеплять веки на несколько секунд, после чего ее сознание снова проваливалось в темноту. Но организм постепенно очищался от той дряни, которую ввел в ее вены Хобарт. Оставалось только позволить телу справиться с этим делом.

Сюзанна осознала, что она лежит на заднем сиденье в машине Хобарта. Ее враг сидел впереди, рядом с водителем.

В какой-то миг он обернулся, увидел, что она приходит в себя, но ничего не сказал. Просто смотрел на нее какое-то время, а затем снова сосредоточился на дороге. В его взгляде сквозила какая-то неприятная ленца, как будто теперь он был совершенно уверен в своем будущем и не имел нужды торопить его.

В заторможенном состоянии Сюзанне было сложно оценить время, но они наверняка ехали уже несколько часов. В какой-то момент она открыла глаза и увидела в окне спящий город — она не знала какой, — но потом остатки наркотика снова взяли над ней верх. Когда она очнулась в следующий раз, они уже двигались по извилистой проселочной дороге, и темные холмы поднимались по обеим сторонам от машины. Только теперь Сюзанна поняла, что автомобиль Хобарта едет во главе целого конвоя: огни фар остальных машин отражались в заднем стекле. Сюзанна достаточно пришла в себя, чтобы оглянуться. За ними ехал «черный ворон» и еще несколько автомобилей.

И снова дремота сморила ее на какое-то время.

Она очнулась от притока холодного воздуха. Водитель опустил стекло, и от холода Сюзанна покрылась гусиной кожей. Она села и глубоко задышала, чтобы холод окончательно разбудил ее. Они пересекали гористую местность. Шотландия, предположила Сюзанна, ну где еще посреди весны можно увидеть покрытые снегом горные вершины? Они свернули с шоссе на каменистую колею, отчего скорость движения значительно замедлилась. Колея шла вверх и все время заворачивала. Мотор автомобиля работал с натугой, но дорога становилась все хуже, а подъем — все круче, пока они не поднялись на самую вершину холма.

— Там, — сказал Хобарт водителю. — Мы нашли нужное место. Туда!

Сюзанна посмотрела в окно. Не было ни луны, ни звезд, чтобы осветить ландшафт, но она различала черные громады гор вокруг, а далеко внизу — горящие огоньки.

Кортеж с полмили ехал по гребню холма, после чего начался плавный спуск в долину. Огоньки, которые видела Сюзанна, оказались автомобильными фарами. Машины стояли широким кольцом, образуя нечто вроде арены посередине. Прибытия отряда Хобарта явно ожидали. Когда до кольца машин оставалось ярдов пятьдесят, Сюзанна увидела, что кто-то выходит навстречу конвою.

Автомобиль остановился.

— Где мы? — глухо спросила она.

— Все, приехали, — только и ответил Хобарт. Затем приказал водителю: — Поведешь ее.

Ноги у нее стали словно резиновые, и пришлось держаться за машину, прежде чем ей удалось сдвинуться с места. Водитель крепко вцепился в нее и повел к освещенной арене. Теперь она смогла оценить масштаб собрания. Там стояли дюжины автомобилей, и столько же еще скрывалось в темноте. Сотни водителей и пассажиров оказались ясновидцами. Некоторые отличались такой анатомией и цветом кожи, что это наверняка делало их изгоями в Королевстве.

Сюзанна рассматривала лица, отыскивая знакомых, в особенности одного. Но Джерико здесь не было.

Как только Хобарт вступил в круг света, из тени на противоположной стороне арены выдвинулась фигура того самого пророка. Его появление вызвало волну приветственных возгласов. Зрители проталкивались вперед, чтобы лучше разглядеть своего спасителя, кто-то падал на колени.

Он выглядел впечатляюще, признала Сюзанна.

Глубоко посаженные глаза пророка были сосредоточены на Хобарте; когда инспектор склонил голову перед своим повелителем, на губах у того появилась легкая одобрительная улыбка. Так вот в чем дело. Хобарт служит пророку, и это само по себе говорит не в пользу последнего. Они что-то обсуждали, их дыхание вырывалось струйками пара в холодном воздухе. После чего пророк положил руку в перчатке Хобарту на плечо и развернулся, чтобы объявить собравшимся о возвращении Сотканного мира. Воздух взорвался множеством криков.

Хобарт обернулся и махнул рукой. Из машины выбрались двое его подчиненных вместе с ковром. Они вошли в круг света и положили ковер к ногам пророка. При появлении своей погруженной в сон родины толпа ясновидцев мгновенно смолкла, и пророку не пришлось напрягать голос.

— Вот, — произнес он почти будничным тоном. — Как я и обещал вам.

При этих словах он толкнул сверток ногой, и ковер развернулся перед ним. По-прежнему стояла тишина. Глаза всех присутствующих сосредоточились на узорах ковра: две сотни умов занимала единственная мысль:

«Сезам, откройся!»

Вечный призыв просителей, жаждущих войти, топчущихся перед запертыми дверьми. Откройся, покажись.

Был ли это волевой акт собрания, или пророк заранее все продумал и подготовил, Сюзанна не знала, но действо началось. Оно началось не из центра ковра, как было в доме Шермана, а с краев.

В последний раз ковер распустился в результате несчастного случая, а не по плану. Тогда он взорвался нитями и красками, Фуга пробудилась внезапно и хаотически. На этот раз процесс явно шел по определенной системе, узоры распускались в заданной последовательности. Танец нитей был не менее сложен, чем в первый раз, но в представлении чувствовались завершенность и изящество. Нити выписывали сложнейшие пируэты, они взлетали в воздух, выплескивая наружу жизнь. Контуры одевались плотью и цветом, скалы и деревья взлетали и опускались на предназначенные для них места.

Сюзанна однажды уже видела это великолепие и была до некоторой степени подготовлена к нему. Однако ясновидцы, а тем более Хобарт с его костоломами, ощутили в равной мере страх и благоговейный трепет.

Конвоир Сюзанны явно позабыл о своих обязанностях и застыл, как ребенок, впервые увидевший фейерверк и не знающий, бежать ему или смотреть дальше. Сюзанна воспользовалась этим и выскользнула из поля его зрения, из круга света, выставляющего ее напоказ. Она все время оглядывалась назад, на пророка, чьи волосы вились над головой языками белого пламени. Он стоял посреди распускающегося мира, пока Фуга возрождалась к жизни.

От такого зрелища трудно было отвести взор, но Сюзанна бежала со всех ног к темным склонам. Она удалилась от круга света на двадцать, тридцать, сорок ярдов. Никто не бросился за ней в погоню.

Особенно яркая вспышка за спиной на мгновение осветила ей дорогу, словно падающая звезда. Это была дикая, невозделанная земля, кое-где поднимались обломки скал; долину, скорее всего, выбрали из-за ее отдаленности, чтобы Фуга могла очнуться здесь от сна, не потревоженная никем. Долго ли это чудо останется в тайне, ведь приближается лето? Но может быть, они применят какое-то волшебство, чтобы отвести глаза любопытным.

Окрестности снова залил свет, и перед Сюзанной мелькнула чья-то фигура. Силуэт появился и исчез так быстро, что Сюзанна засомневалась, не подводят ли ее глаза.

Однако еще через ярд она ощутила на щеках леденящий сквозняк, который не был обычным ветром. Она догадалась о его происхождении в тот же миг, когда он коснулся ее, но уже не было времени отступить или подготовиться к встрече. Тьма расступилась, и ее повелительница преградила Сюзанне путь.

X
Роковые события

1

Лицо было изуродовано до неузнаваемости, однако голос, еще более холодный, чем ее ледяное дыхание, явно принадлежал Иммаколате. И она явилась не одна. С ней пришли сестры, темнее самой тьмы.

— Зачем ты бежишь? — спросила Иммаколата. — Здесь негде скрыться.

Сюзанна остановилась. Эту троицу просто так не обойти.

— Оглянись, — сказала Иммаколата, и очередная вспышка распускающегося Сотканного мира безжалостно высветила все раны у нее на лице. — Видишь, где стоит Шедуэлл? Там через миг будет Фуга.

— Шедуэлл? — переспросила Сюзанна.

— Их обожаемый пророк, — последовал ответ. — Под личиной святости, которую ему помогла обрести я, бьется сердце Коммивояжера.

Значит, пророк — это Шедуэлл. Какая ирония: продавец энциклопедий завершает карьеру в качестве торговца надеждой!

— Это была его идея, — продолжала инкантатрикс, — дать им мессию. Теперь они готовы к завоеванию справедливости, как это называет Хобарт. Собираются предъявить права на обещанную им землю. И уничтожить ее в процессе завоевания.

— Они на это не купятся.

— Они уже купились, сестрица. Священные войны вспыхивают легче, чем разносятся слухи, и у твоих соплеменников, и у моих. Они верят в каждое священное слово пророка, как будто от этих слов зависит их жизнь. В некотором смысле так оно и есть. Ведь против них был составлен заговор, их обманывали. Теперь ясновидцы готовы разорвать Фугу на куски, чтобы добраться до виноватых. Чудесно, правда? Фуга погибнет от рук тех, кто явился ее спасти.

— Разве Шедуэлл хочет этого?

— Он человек, он жаждет поклонения. — Иммаколата взглянула мимо Сюзанны на распускающийся мир и на Коммивояжера, по-прежнему стоявшего в самом центре ковра. — И он его получит. И будет счастлив.

— Он просто жалок, — сказала Сюзанна. — Ты все понимаешь не хуже меня. Это ты дала ему силу. Свою силу. Нашу силу.

— Для исполнения моих планов, сестра.

— Ты подарила ему пиджак.

— Да, его пиджак создала я. Бывали моменты, когда я сожалела о подарке.

Растерзанные мышцы Иммаколаты не позволяли ей контролировать выражение лица. Сейчас она не могла скрыть своей горечи.

— Почему ты не заберешь его? — спросила Сюзанна.

— Волшебные дары нельзя одалживать на время, — пояснила Иммаколата. — Их дают навсегда. Неужели твоя бабушка ничему не научила тебя? Пора учиться самой, сестра. Я могла бы тебя учить.

— И что ты захочешь взамен?

— Забыть о том, что сделал со мной Ромо. — Она коснулась своего лица. — И обо всей людской вони. — Она помолчала, ее изуродованное лицо потемнело. — Они уничтожат тебя из-за твоей силы, сестра. Людишки вроде Хобарта.

— Когда-нибудь я убью его, — сказала Сюзанна, вспомнив свою ненависть к инспектору.

— Он это знает. Потому и мечтает о тебе. Хочет предать смерти ведьму. — У нее вырвался смешок. — Они все безумны, сестра.

— Не все, — ответила Сюзанна.

— Что мне сделать, чтобы убедить тебя? — спросила инкантатрикс. — Заставить осознать, что тебя предадут? Тебя уже предали.

Казалось, она не сделала ни шага, но как-то отодвинулась от Сюзанны. Теперь между ними тянулись мерцающие нити света — это Фуга растекалась во все стороны из своего укрытия. Но Сюзанна почти не замечала ее. Глаза ее были сосредоточены на том, что до сих пор скрывалось за спиной Иммаколаты.

Там стояла Магдалена, разодетая в роскошное кружевное полотно, сотканное из эктоплазмы. Призрачная невеста. А из-под юбок этой твари выглядывала жалкая фигура, сверху вниз глядя на Сюзанну.

— Джерико…

Глаза его были затянуты мглой. Он не отводил взгляда от Сюзанны, но явно не узнавал ее.

— Вот видишь, — сказала Иммаколата. — Предали.

— Что вы с ним сделали? — спросила Сюзанна.

Он знакомого ей Джерико не осталось ничего. Он выглядел как мертвец: одежда превратилась в лохмотья, кожа в шрамах и коростах от множества глубоких ран.

— Он знать тебя не желает, — ответила инкантатрикс. — У него теперь новая жена.

Магдалена протянула руку и потрепала Джерико по голове, как собачонку.

— Он по доброй воле отдался в руки моей сестры, — сказала Иммаколата.

— Оставь его в покое! — крикнула Магдалене Сюзанна. Ослабленная наркотиком, она плохо владела своими чувствами.

— Но ведь это любовь, — поддразнила ее Иммаколата. — У них пойдут дети. Много детей. Его похоть безгранична.

Мысль о том, что Джерико совокуплялся с Магдаленой, заставила Сюзанну содрогнуться. Она снова позвала его по имени. На этот раз рот его раскрылся, он как будто пытался что-то произнести. Но нет. У него получилось лишь пустить струйку слюны.

— Видишь, как легко они обращаются к новым радостям? — продолжала Иммаколата. — Стоит отвернуться на минутку, и он уже объезжает новую кобылку.

Гнев ударил в голову Сюзанне, усиливая ее отвращение. И не только гнев. Остатки наркотика туманили взгляд, но она почувствовала, как внизу живота поднимается менструум.

Иммаколата тоже ощутила это.

— Не делай глупостей… — прошептала она прямо в ухо Сюзанне, хотя они стояли в нескольких ярдах друг от друга. — Мы с тобой слишком похожи.

Пока она шептала, Джерико оторвал руки от земли, протянул их к Сюзанне, и тогда она поняла, почему в глазах его не было узнавания. Он просто не видел ее. Магдалена ослепила своего супруга, чтобы держать на коротком поводке. Но Джерико все равно знал, что Сюзанна рядом: он слышал ее, тянулся к ней.

— Сестра, — обратилась Иммаколата к Магдалене, — приструни своего мужа.

Магдалену не нужно было упрашивать. Рука, лежавшая на голове Джерико, вытянулась, пальцы стекли на лицо, заползая в рот и ноздри. Джерико пытался сопротивляться, но Магдалена тянула его, и он снова заполз под ее чумные юбки.

Сюзанна ощутила, как менструум без всякого предупреждения выплеснулся из нее и накинулся на мучительницу Джерико. Все случилось в мгновение ока. Она успела заметить, как исказилось в крике лицо Магдалены, а затем в нее ударил поток серебристого света.

Вопль призрака рассыпался на кусочки, отголоски звука спиралями разлетелись по сторонам — жалобное рыдание, злобный вопль, — после чего саму Сюзанну подкинуло в воздух.

Как и обычно, ее разум чуть отставал от движения менструума. Не успела она осознать до конца, что именно делает, как свет уже разрывал привидение, оставляя зияющие дыры в его теле. Магдалена ответила, поток менструума вернул удар в лицо Сюзанне. Она ощутила, как кровь стекает по щеке, но сопротивление лишь подогрело ее ярость. Она рвала врага, пока привидение не превратилось в клочок смятой бумаги.

Иммаколата не осталась безучастным зрителем: она тоже пошла в атаку на Сюзанну. Земля под ногами дрогнула, потом поднялась стеной, будто собираясь похоронить ее живьем, но светящееся тело запросто отринуло земляной вал и с удвоенной яростью направило его на Магдалену. Но менструум существовал не сам по себе, это была иллюзия. Сюзанна владела своей силой, теперь она понимала это, как никогда раньше. Это ее гнев питал менструум, делая его глухим к милосердию и угрызениям совести; это она сама не желала успокаиваться, пока Магдалене не пришел конец.

Потом все разом завершилось. Крики Магдалены затихли.

«Хватит», — приказала Сюзанна.

Менструум бросил останки призрака — фрагменты эктоплазмы падали каплями на вздыбленную землю, — и его свечение исчезло в теле повелительницы. На всю атаку, контратаку и coup de grace ушло не более десятка секунд.

Сюзанна посмотрела на Иммаколату, на изувеченном лице которой застыло недоверие. Инкантатрикс дрожала всем телом, как будто была готова упасть на землю и забиться в припадке. Сюзанна воспользовалась ситуацией. Она не знала, сумеет ли пережить прямое нападение инкантатрикс, и сейчас был явно неподходящий момент, чтобы выяснять это. Когда третья сестра, Старая Карга, бросилась на останки Магдалены и принялась завывать, Сюзанна побежала со всех ног.

Фуга теперь растекалась вокруг них, и яркие вспышки света скрыли ее побег. Только преодолев ярдов десять или больше, она пришла в себя и вспомнила о Джерико. Рядом с останками Магдалены его не было. Молясь, чтобы он сумел выбраться с поля боя, Сюзанна побежала дальше, и скорбные вопли Карги громко звенели у нее в ушах.

2

Она бежала, снова и снова ощущая ледяное дыхание девы у себя на шее. Но каждый раз оказывалось, что погоня ей только мнится; она без помех пробежала целую милю, поднялась из долины наверх, перевалила через гребень холма, пока свет наступающего Сотканного мира не потускнел за спиной.

Пройдет еще немного времени, и Фуга нагонит ее. Когда это произойдет, придется решать, что делать дальше. А пока Сюзанне нужно было отдышаться.

Темнота немного успокоила ее. Она постояла, стараясь не задумываться о том, что только что сделала. Но ее все равно переполняло какое-то неуправляемое воодушевление. Она убила Магдалену, уничтожила одну из троицы, и это не пустяк. Неужели заключенная в ней сила так опасна? Или она зрела, пока Сюзанна не подозревала об этом, становилась все мудрее и смертоноснее?

Она почему-то вспомнила о книге Мими, которую до сих пор держал у себя Хобарт. Сюзанна очень надеялась, что книга сумеет объяснить ей, кем она является и как обратить это на пользу. Она обязана вернуть книгу, даже если придется снова встретиться с Хобартом лицом к лицу.

Пока она размышляла обо всем этом, кто-то позвал ее по имени; во всяком случае, так ей почудилось. Она посмотрела туда, откуда шел голос, и увидела в нескольких ярдах от себя Джерико.

Он сумел вырваться из объятий Магдалены, хотя его лицо было сплошь покрыто шрамами от эфирных когтей сестрицы. Истерзанное тело было готово рухнуть, и, когда он

второй раз позвал Сюзанну и протянул к ней искалеченные руки, его ноги подогнулись и он упал на землю лицом вниз.

Она в тот же миг оказалась рядом с ним, опустилась на колени и развернула его к себе. Джерико был легкий как перышко. Сестры высосали из него все, кроме той малой искорки, что заставляла его следовать за Сюзанной. Они смогли отнять кровь, забрать семя и физическую силу. Но любовь он сохранил.

Сюзанна притянула его к себе. Голова Джерико упала ей на грудь. Он дышал часто и неглубоко, его холодное тело содрогалось. Она погладила его по голове, и слабый свет заиграл на ее пальцах.

Однако он вовсе не хотел, чтобы его нянчили. Джерико оттолкнул ее и отодвинулся на несколько дюймов, чтобы коснуться рукой ее лица. Вены у него на шее напряглись, когда он попытался заговорить. Сюзанна успокаивала его, обещая, что они поговорят обо всем позже. Но он чуть заметно качнул головой, и она почувствовала, обнимая его, что конец уже близок. Было бы жестоко притворяться, что это не так. Пришло время умирать, и он хотел умереть в ее объятиях.

— О мой милый! — сказала она. Сердце ныло в груди. — Родной мой…

И снова Джерико попытался заговорить, но язык опять подвел его. Выходили лишь невнятные звуки, в которых Сюзанна не могла отыскать смысла.

Она склонилась ниже. Он больше не сопротивлялся, а только вцепился ей в плечо и придвинулся ближе, чтобы заговорить. На этот раз Сюзанна поняла его, хотя слова больше походили на вздохи.

— Я не боюсь, — произнес он, выделив последнее слово. Выдох коснулся ее щеки, как поцелуй.

Потом его рука обессилела и соскользнула с плеча Сюзанны, глаза закрылись и он умер.

Горькая мысль пронзила ее: последние слова Джерико были не только утверждением, но и мольбой. Ему единственному она рассказала, как менструум вырвал Кэла из бессознательного состояния. Неужели это «Я не боюсь» было попыткой сказать: «Дай мне умереть»? «Я не стану благодарить тебя за воскрешение»?

Она уже никогда не узнает, что он имел в виду.

Сюзанна осторожно опустила тело Джерико на землю. Когда-то он говорил слова любви, бросавшие вызов всем тяготам их путешествия и помогавшие жить. Знал ли он слова, способные бросить вызов смерти? Или он уже на пути в тот край, куда ушла Мими, и все связи с миром, где еще живет Сюзанна, потеряны?

Кажется, дело обстояло именно так. Сюзанна смотрела на тело, пока не заболели глаза, но не услышала больше ни звука. Джерико покинул эту землю, а вместе с ней и Сюзанну.

XI
Кэл спешит на север

1

Кэл ехал на север всю ночь, но нисколько не устал. Может быть, это фрукты помогали ему поддерживать исключительную ясность мысли, а может быть, вновь обретенная жизненная цель гнала его вперед. Он держал в узде свою способность мыслить рационально и выбирал маршрут, полагаясь только на интуицию.

Неужели голубей ведет такое же чувство направления, как и его сейчас? Чувство, похожее на сон, лежащее за пределами интеллекта или рационального суждения, — чувство дома? Именно оно управляло Кэлом. Он превратился в птицу и ориентировался не по звездам (они все равно были затянуты тучами) и по магнитным полюсам, а руководствовался простым желанием вернуться домой. В тот сад, где когда-то стоял в окружении любящих людей и читал стихи Безумного Муни.

Пока он ехал, у него в голове всплывали отрывки стихов, так что в следующий раз он сможет порадовать своих слушателей чем-то новеньким. Коротенькие стишки вернулись из детства; странные строки, которые он запомнил по ритму, а не по смыслу:

Небо голое над нами
Красит сад, шумит морями,
Тучек меряет обновы,
А потом снимает снова.

Он и сейчас, точно как в детстве, не вполне понимал их смысл, но стихи сами сорвались с губ мятным дыханием, радостные в своем ритме и рифмах.

Хотя были и горькие строчки:

Вырождение семейств
Не есть особая болезнь,
В могилу сойдут повзрослевшие детки,
Как прежде веками сходили их предки.

И еще отрывки из стихотворений, которые он либо забыл, либо никогда не знал полностью. Один такой отрывок все время приходил ему на ум:

Как же я люблю вас, пегие лошадки!
Всех на свете лучше пегие лошадки!

Это были заключительные строчки, но вот чего, он никак не мог вспомнить.

Было множество других отрывков. Кэл вел машину и повторял их снова и снова, оттачивал интонацию, находил новые оттенки и свежий ритм.

Но никакие голоса не звучали в его голове, поэт молчал как рыба. Или же Кэл и Безумный Муни заговорили наконец одним голосом?

2

Он пересек границу Шотландии около половины третьего ночи и поехал дальше на север. Местность становилась все более холмистой и все менее населенной. Его донимал голод, мышцы ныли после стольких часов непрерывной езды, но ничто, разве только конец света, не могло заставить Кэла сбавить скорость или остановиться. С каждой милей он приближался к Стране чудес, где его давно ждала отложенная на потом жизнь. Она требовала, чтобы он наконец прожил ее.

XII
Решение

Сюзанна долго сидела над телом Джерико, стараясь ни о чем не думать. Внизу под холмом еще распускался Сотканный мир, волна оживающей Фуги наступала на нее. Но она не могла любоваться чудесами, просто не могла. Когда нити начали появляться совсем рядом, Сюзанна ушла, оставив тело Джерико там, где оно лежало.

Свет зари разливался по облакам над головой. Она решила подняться выше в горы и осмотреться после рассвета. Чем выше она поднималась, тем сильнее дул ветер. Сердитый ветер, северный ветер. Но немного подрожать от холода того стоило, потому что с высоты открылся потрясающий вид. По мере того как вставало солнце, Сюзанна все лучше понимала, насколько удачно Шедуэлл выбрал эту долину. Со всех сторон ее окружали крутые скалы, на склонах не было видно никакого жилья, даже одинокой избушки. Единственным

признаком цивилизации была колея, по которой прибыли машины Хобарта, и, судя по всему, за последние сутки дорогой пользовались чаще, чем целую вечность до того.

И когда яркий свет залил холмы, как раз на этой дороге Сюзанна увидела автомобиль. Он некоторое время полз по гребню холма, затем остановился. Водитель, с высоты показавшийся Сюзанне размером с букашку, вышел из машины и оглядел долину. Должно быть, раскинувшаяся внизу Фуга была незаметна взгляду простого обывателя, потому что водитель почти сразу сел обратно в машину, словно понял, что свернул не туда. Однако он не поехал обратно, как ожидала Сюзанна. Напротив, он съехал с колеи и загнал машину в густые заросли утесника. После чего опять вышел и зашагал в сторону Сюзанны, петляя между валунами на склоне.

И тут она поняла, что знает этого человека. Она надеялась, что глаза ее не подводят и что Кэл в самом деле идет сейчас к ней.

Заметил ли он ее? Кажется, нет, потому что он стал спускаться в долину. Сюзанна пробежала немного, чтобы сократить расстояние между ними, потом забралась на скалу и замахала руками. Несколько мгновений он не замечал этих сигналов, потом по счастливой случайности взглянул в ее сторону. Остановился, приложил козырьком руку ко лбу. После чего сменил направление и начал карабкаться вверх по склону к Сюзанне. Да-да, это был Кэл! Но она все равно боялась, что это наваждение, пока до нее не донеслись звук тяжелого дыхания и шлепанье подошв по росистой траве.

Последние разделяющие их ярды Кэл преодолел едва ли не ползком, а потом Сюзанна бросилась в его раскрытые объятия и притянула его к себе.

На этот раз она сама сказала:

— Я люблю тебя, — и отвечала на его улыбки новыми и новыми поцелуями.

2

Они вкратце пересказали друг другу все, что им довелось пережить, оставив подробности до лучших времен.

— Шедуэлл больше не желает продавать Фугу, — сообщила Сюзанна. — Он сам хочет править ею.

— И вечно изображать пророка? — спросил Кэл.

— Сомневаюсь. Он перестанет притворяться, как только получит власть.

— Значит, мы должны помешать ему получить эту власть, — решил Кэл. — Вывести его на чистую воду.

— Или просто убить его, — сказала Сюзанна.

Они поднялись и посмотрели вниз на мир, который теперь занимал всю долину под ними. Мир все еще не распустился до конца, волны света пробегали по траве, рождая новую флору и фауну.

Из-под покровов Королевства и Сотканного мира сияла земля обетованная. Фуга принесла с собой собственное время года, и это была вечная весна.

Деревья светились мерцающими огнями, сияли поля и реки, но свет этот исходил не от мрачного серого неба над головой, а вырывался из каждой почки, из каждой капли. Даже самые древние камни казались обновленными. Как стихи, которые читал Кэл по пути сюда слова старые, но магия новая.

— Она ждет нас, — сказал Кэл.

И они вместе спустились с холма.

Часть восьмая
Возвращение

Ты собирался сказать мне что-то, мальчик мой, но замолк

раньше, чем успел начать.
Уильям Конгрив. Старый холостяк

I
Стратегия

Освободительная армия Шедуэлла состояла из трех батальонов.

Первый, самый многочисленный, представлял собой полчище сторонников пророка. Рвение этих обращенных он превратил в настоящий фанатизм, их вера в него и обещанное им новое будущее не знала границ. Он предупреждал их, что прольется кровь, и по большей части это будет их кровь. Но они были готовы на жертвы. Более того, самые необузданные из них — в основном Йе-ме, отчаянное семейство — просто мечтали переломать себе кости.

Их энтузиазм Шедуэлл уже использовал (разумеется, не афишируя того), когда кое-кто из паствы ставил под сомнение наставления пророка, и был готов использовать снова при малейших признаках колебаний в рядах его сторонников. Разумеется, он сделает все возможное, чтобы подчинить Фугу словами, но Шедуэлл не питал иллюзий на этот счет. Его сторонников было легко одурачить, они жили в Королевстве и настолько привыкли к его полуправдам, что верили в любую фантазию, если правильно ее подать. Однако те ясновидцы, что оставались в Фуге, не поддадутся на обман. Вот тогда и пригодятся полицейские дубинки и пистолеты.

Вторая часть армии была составлена из конфедератов Хобарта, избранных членов его бригады, тщательно подготовленной на случай так и не разразившейся революции. Шедуэлл познакомил их с прелестями своего пиджака, и все они увидели в его подкладке кое-что такое, за что было не жалко отдать душу. Теперь они стали его элитным отрядом и готовились защищать его ценой собственной жизни, если потребуется.

Третья и последняя часть его войска была не так заметна, как две первые, но от этого не менее сильна. Ее составляли ублюдки, сыновья и дочки Магдалены, бесчисленная неорганизованная толпа. Сходство этих тварей с их отцами обычно было весьма отдаленным, а поведение варьировалось от мягкого безумия до полного неистовства. Шедуэлл позаботился о том, чтобы сестры держали свой выводок подальше от посторонних глаз, поскольку он явно свидетельствовал о порочности, с которой плохо соотносилась святость пророка. Ублюдки выжидали под прикрытием вуали Иммаколаты и были готовы явиться, если кампания потребует подобного ужаса.

Шедуэлл планировал вторжение с тщательностью Наполеона.

Первым делом он на заре отправился в Дом Капры, чтобы предстать перед советом семейств раньше, чем они успеют обсудить создавшееся положение. Его приход превратился в триумфальное шествие: кортеж возглавлял автомобиль пророка с затененными стеклами, скрывающими пассажиров от любопытных взглядов, а за ним тянулась вереница других машин. На заднем сиденье расположился сам Шедуэлл, рядом с ним Иммаколата.

По пути Шедуэлл выразил сочувствие по поводу гибели Магдалены.

— Я просто потрясен, — сказал он негромко. — Мы лишились ценного союзника.

Иммаколата ничего не ответила.

Шедуэлл вынул из кармана пиджака смятую пачку сигарет и закурил. Сигарета и то, с какой жадностью он затягивался, словно опасался, что ее в любой момент могут вырвать у него изо рта, совершенно не вязалось с бесстрастной маской его лица.

— Полагаю, мы оба сознаем, как это меняет ситуацию, — сказал он бесцветным голосом.

— Почему меняет? — спросила Иммаколата.

Шедуэлла очень порадовала тревога, явственно проступившая на ее лице.

— Ты уязвима, — напомнил он. — Еще больше, чем когда-либо. Это меня беспокоит.

— Ничего со мной не случится, — заявила она.

— Но это возможно, — произнес Шедуэлл мягко. — Мы же не знаем, с каким

противоборством нам предстоит столкнуться. Наверное, было бы разумнее, если бы ты вообще исчезла из Фуги.

— Нет! Я хочу видеть, как все они сгорят.

— Я понимаю, — кивнул Шедуэлл. — Но ты станешь легкой мишенью. Если мы потеряем тебя, мы потеряем и контакт с детьми Магдалены.

Иммаколата смотрела мимо Шедуэлла.

— Так вот ты о чем? Ты хочешь получить ублюдков?

— Ну… мне кажется, они удачный тактический ход…

— Забирай, — перебила она. — Бери их, они твои. Дарю. Не хочу даже вспоминать о них. Я всегда презирала ее слабость.

Шедуэлл тонко улыбнулся.

— Благодарю, — сказал он.

— Пользуйся на здоровье. Только дай мне увидеть пожарище. Вот все, о чем я прошу.

— Ну конечно. Непременно.

— И еще я хочу, чтобы нашли эту женщину. Сюзанну. Чтобы ее нашли и привели ко мне.

— Считай, она уже твоя, — ответил Шедуэлл, как будто не было ничего проще. — Только вот еще что. Есть ли какое-то особенное слово, чтобы я мог вызывать их?

— Разумеется.

Шедуэлл затянулся сигаретой.

— Тогда я должен его знать, — сказал он. — Раз уж они мои.

— Зови их так, как она их назвала. Тогда они будут слушаться.

— И как же их зовут? — спросил он, вытаскивая из кармана ручку.

Он нацарапал названные Иммаколатой имена на сигаретной пачке, чтобы не забыть. Покончив с этим делом, они ехали дальше в молчании.

II
Погребальная церемония

Первым делом Сюзанна и Кэл отыскали тело Джерико, на что ушло около получаса. Фуга давно уже вторглась в местность, где Сюзанна оставила тело, и они наткнулись на него скорее благодаря удаче, чем методичному поиску.

Удаче и детским голосам, потому что Джерико не остался незамеченным. Две женщины и полдюжины их отпрысков от двух до семи лет стояли (и играли) рядом с телом.

— Кто он такой? — спросила одна из женщин, когда Сюзанна и Кэл подошли.

— Его зовут Джерико, — ответила Сюзанна.

— Звали, — поправил ее кто-то из детей.

— Звали.

Кэл задал неизбежный деликатный вопрос:

— А что здесь принято делать с телами? В смысле… куда нам его нести?

Женщина заулыбалась, показывая полное отсутствие зубов.

— Оставьте его здесь, — посоветовала она. — Он ведь уже не будет возражать, верно? Заройте его.

Женщина с нежностью взглянула на самого маленького мальчика, голого и грязного, с застрявшими в волосах листьями.

— А ты что скажешь? — спросила она ребенка.

Мальчик вынул изо рта большой палец и завопил:

— Похороним его!

Этот клич немедленно подхватили все остальные дети.

— Похороним! Похороним! — орали они.

Кто-то уже опустился на колени и принялся рыть землю, словно дворняга, откапывающая кость.

— Наверное, необходимо соблюсти какие-то формальности, — сказал Кэл.

— Так вы что, чокнутые? — спросила вторая мамаша.

— Да.

— А он? — Женщина указала на Джерико.

— Нет, — ответила Сюзанна. — Он был Бабу и наш добрый друг.

Все дети копали землю, смеясь и по ходу дела швыряясь друг в друга комьями.

— Похоже, он был готов к смерти, — сказала женщина Сюзанне. — Судя по его виду.

Сюзанна пробормотала в ответ:

— Пожалуй.

— Значит, вам нужно закопать его в землю, и все. Это же просто кости.

Кэл заморгал, но Сюзанна, кажется, согласилась с женщиной.

— Я понимаю, — отозвалась она. — Понимаю.

— Дети помогут вам выкопать яму. Они любят копать.

— А это правильно? — спросил Кэл.

— Да, — ответила Сюзанна неожиданно твердо. — Да, правильно.

Они с Кэлом тоже опустились на колени и принялись копать вместе с детьми.

Им пришлось нелегко. Земля была тяжелая и сырая, оба быстро испачкались. Но пропотеть и прикоснуться к земле, которой они собирались засыпать тело Джерико, оказалось здоровым и странно умиротворяющим трудом. Рытье ямы заняло довольно много времени. Женщины наблюдали и руководили детьми, передавая друг другу трубку, набитую едким табаком.

За работой Кэл размышлял о том, как часто Фуга и ее обитатели не оправдывали его ожиданий. Вот они стоят на коленях и роют могилу под болтовню детей — это совсем не та действительность, к какой его подготавливали сны. Однако в определенном смысле она оказалась еще более настоящей, чем он смел надеяться: чего стоит грязь под ногтями и сопливый ребенок, с блаженным видом поедающий дождевого червя. Это не сон, а самое настоящее пробуждение.

Когда яма достаточно углубилась, чтобы поместить туда тело Джерико, они принялись сдвигать его к краю. В этот момент Кэл не выдержал и попытался отстранить детей от участия в похоронах. Он велел им отойти, когда они захотели поднять тело.

— Пусть помогут, — обратилась к Кэлу одна из мамаш. — Им же нравится.

Кэл взглянул на ватагу детишек, с ног до головы измазанных грязью. Они явно сгорали от желания нести тело — все, кроме любителя червяков. Тот просто сидел на краю могилы, болтая ногами.

— Не детское это дело, — заявил Кэл.

Он был поражен равнодушием мамаш к некрофильским наклонностям своих отпрысков.

— Неужели? — удивилась вторая женщина, в сотый раз набивая трубку. — Так ты разбираешься в этом лучше, чем они?

Кэл угрюмо поглядел на нее.

— Ну, давай, — подзадоривала она его. — Расскажи им, что ты знаешь.

— Ничего, — неохотно признался он.

— Тогда чего ты боишься? — спросила женщина мягко. — А если бояться нечего, почему бы не позволить им поиграть?

— Наверное, она права, Кэл, — сказала Сюзанна, дотрагиваясь до его руки. — И мне кажется, ему бы это понравилось, — продолжала она. — Он был не из тех, кто мрачно смотрит на жизнь.

Кэл все-таки сомневался, но было не до споров. Он пожал плечами, детишки вцепились маленькими ручками в тело Джерико и помогли положить его в могилу. После чего вдруг стали серьезными, но не потому, что соблюдали какую-то формальность или обряд. Одна из девочек смахнула грязь с лица покойника — ее прикосновение было нежным и легким, — а кто-то из ее братьев распрямил конечности Джерико. После чего все молча отступили,

позволив Сюзанне в последний раз поцеловать губы Джерико. Только тогда, в самом конце, она негромко всхлипнула.

Кэл взял горсть земли и бросил в могилу. Дети присоединились к нему и принялись засыпать тело. Они быстро с этим справились. Даже мамаши подошли к могиле и бросили по горсти земли, прощаясь с соплеменником, который был для них лишь предметом спора.

Кэл вспомнил о похоронах Брендана: гроб уезжал за прозрачный занавес, а бледный молодой священник выпевал затасканный гимн. Конец Джерико, без сомнения, был куда лучше, а улыбки детей гораздо уместнее молитв и пошлых речей.

Когда все закончилось, Сюзанна взяла себя в руки и поблагодарила копателей и их матерей.

— Мы так хорошо его закопали, — сказала старшая девочка. — Я надеюсь, он прорастет.

— Ну конечно, — ответила ее мать без намека на снисходительность. — Они всегда прорастают.

После этого дикого комментария Кэл с Сюзанной отправились дальше, к Дому Капры. Они пока не знали о том, что скоро там будут пировать мухи.

III
Взбесившийся конь

1

Норрис, король гамбургеров и миллионер, давным-давно позабыл о человеческом обращении. Шедуэлл использовал его в ином амплуа. Во время первого пробуждения Фуги Норрис, ясное дело, был конем. Затем, когда всадник и скакун вернулись в Королевство и Шедуэлл принял обличье пророка, Норрис стал скамейкой для ног, подавальщиком и шутом, на котором Коммивояжер упражнялся в унижении ближнего. Норрис нисколько не сопротивлялся. Под воздействием чар пиджака он оставался совершенно глух к самому себе.

Но этим вечером шут наскучил Шедуэллу. У него имелись новые вассалы, и унижать бывшего плутократа было уже не смешно. Перед роспуском ковра Коммивояжер оставил Норриса своим охранникам, назначив его их лакеем. Грубость для миллионера ничего не значила, но утрата иллюзий глубоко потрясла.

Он был вовсе не глуп. Оправившись от первого потрясения, когда он очнулся и обнаружил, что с головы до ног покрыт синяками, Норрис сумел сложить вместе все фрагменты истории. Он не знал, много ли времени провел на крючке у Шедуэлла (в родном городе в Техасе его признали мертвым, а жена уже вышла замуж за его брата), и не помнил почти ничего из пережитых унижений. Но он был совершенно уверен в двух моментах. Во-первых, именно Шедуэлл довел его до нынешнего состояния, а во-вторых, этот самый Шедуэлл ответит за все.

Прежде всего надо было сбежать от новых хозяев, что он легко сделал во время представления, когда распускался ковер. Никто и не заметил, как он отошел в сторонку. Дальше нужно было отыскать Коммивояжера, а это, рассудил Норрис, лучше всего сделать с помощью полиции, которая должна существовать даже в этой странной стране. В итоге он подошел к первой же попавшейся на пути компании ясновидцев и потребовал, чтобы его проводили к представителям власти. Ясновидцев нисколько не впечатлило его требование, зато сам он вызвал у них подозрения. Они обозвали его чокнутым, а затем обвинили в незаконном вторжении на их территорию. Одна из женщин предположила, что он может оказаться шпионом, и сказала, что лучше отвести его к властям. Норрис напомнил, что именно этого он и добивался. И они его отвели.

2

Таким образом, вскоре разжалованный конь Шедуэлла оказался в Доме Капры, ставшем к тому моменту средоточием всеобщего волнения. За полчаса до Норриса сюда прибыл пророк, завершивший свое триумфальное шествие, однако совет отказался допустить его в священное место без обсуждения того, насколько это этично.

Пророк объявил, что понимает и уважает эти метафизические предосторожности (в конце концов, разве он не Глас Капры?), а посему остался сидеть за затемненными стеклами автомобиля, пока совет судил и рядил.

Собралась целая толпа. Там были и те, кто жаждал увидеть пророка во плоти, и те, кого зачаровал вид машин. Кругом царило оживление. Посыльные носили записки от членов совета в Доме к начальнику конвоя, ожидавшему на крыльце, и обратно. Наконец было объявлено, что пророк все-таки может войти в Дом Капры, если будет босым и без всякого сопровождения. Пророк согласился, и через пару минут после объявления дверца машины открылась, крупный босой мужчина вышел и приблизился к двери. Толпа рванулась вперед, чтобы лучше рассмотреть своего спасителя, приведшего их в безопасное место.

Норрис стоял дальше всех, он успел лишь мельком рассмотреть фигуру пророка и не видел его лица. Зато отлично рассмотрел пиджак и мгновенно узнал его. Тот самый пиджак, с помощью которого его дурачил Коммивояжер. Разве он сможет забыть эту переливающуюся ткань? На пророке был пиджак Шедуэлла. Значит, это и есть Шедуэлл.

Вид пиджака пробудил в памяти Норриса образы унижений, которые ему пришлось выносить. Он вспомнил пинки и проклятия, он вспомнил презрительное отношение. Клокоча от ярости, Норрис вырвался из рук сопровождавшего его человека и стал продираться сквозь толпу зевак к дверям Дома Капры.

Он видел, как промелькнул пиджак и его хозяин вошел в дом. Норрис собирался идти следом, но стражник на крыльце преградил ему путь. Его оттащили назад, толпа смеялась и аплодировала его гримасам. Какие же они идиоты.

— Я его знаю! — кричал Норрис, когда Шедуэлл исчез из виду. — Я знаю его!

Он поднялся на ноги и снова рванулся к двери, но в последний момент развернулся и побежал обратно. Стражник клюнул на приманку и кинулся в погоню, в гущу толпы. Пока Норрис был прислужником, жизнь научила его кое-каким хитростям: он увернулся от стражника, кинулся к оставшейся без охраны двери и перелетел через порог раньше, чем преследователь нагнал его.

— Шедуэлл! — заорал Норрис.

В комнате Дома Капры пророк замолк посреди тирады. Его слова были умиротворяющими, совершенно ясными, однако даже самый близорукий представитель совета не мог не увидеть вспышки гнева в глазах миротворца при звуке произнесенного имени.

— Шедуэлл!

Пророк развернулся к двери. Он слышал, как члены совета шепотом обмениваются замечаниями за его спиной.

Потом раздался шум в коридоре за дверью, дверь широко распахнулась, и в комнату ворвался Норрис, выкрикивающий его имя.

Скакун попятился назад, когда его взгляд упал на пророка. Шедуэлл видел, как в его глазах промелькнуло сомнение. Норрис ожидал увидеть другое лицо. Еще есть шанс выкрутиться.

— Шедуэлл? — переспросил Коммивояжер. — Боюсь, я не знаю никого с такой фамилией. — Он повернулся к совету. — Вам знаком этот джентльмен?

Они рассматривали его с откровенным подозрением, особенно один старик в центре собрания. Он не сводил мрачного взгляда с пророка с того самого момента, когда Шедуэлл вошел в эту лачугу. И теперь, черт возьми, подозрительность только усилилась.

— Этот пиджак… — произнес Норрис.

— Кто этот человек? — вопросил пророк. — Неужели никто не выведет его отсюда? —

Он попытался обратить все в шутку. — Мне кажется, он несколько не в себе.

Никто не двинулся с места. Никто, кроме миллионера-коня. Норрис сделал шаг в сторону пророка и снова выкрикнул его имя.

— Я знаю, что ты со мной сделал! — говорил он. — Не думай, что я не понимаю. И сейчас я надеру тебе задницу, Шедуэлл! Или кто ты там есть!

За дверью снова послышался шум. Шедуэлл обернулся и увидел, как два лучших бойца Хобарта отодвинули в сторону стражника, чтобы прийти ему на помощь. Он открыл рот и собрался сказать, что сам разберется в ситуации, но не успел произнести и звука, когда Норрис с перекошенным от ярости лицом бросился на врага.

У элитного отряда пророка имелись строжайшие инструкции, как действовать в подобной ситуации. Никто, ни один человек, не имел права касаться их обожаемого вожака. Без колебаний оба полицейских выхватили пистолеты и пристрелили Норриса на месте.

Он упал к ногам Шедуэлла. Кровь вытекала из ран яркими струйками.

— Господи Иисусе, — пробормотал Коммивояжер сквозь стиснутые зубы.

Эхо смертельных выстрелов затихло гораздо позже, чем сам Норрис. Казалось, стены дома не могли поверить в реальность этого звука, вертели его так и сяк, пока не убедились в его истинности. Толпа снаружи совершенно затихла, как и собрание у Шедуэлла за спиной. Он чувствовал на себе обвиняющие взгляды.

— Какая глупость, — пробормотал он убийцам. Затем, широко раскинув руки, развернулся к членам совета. — Я должен принести извинения за этот несчастный…

— Ты здесь нежеланный гость, — оборвал его один из ясновидцев. — Ты принес смерть в Дом Капры.

— Это недоразумение, — ответил он тихо.

— Нет.

— Я настаиваю на том, чтобы вы выслушали меня.

И снова услышал в ответ:

— Нет.

Шедуэлл выдавил из себя тонкую улыбку.

— Вы называете себя мудрыми, — сказал он. — Если это так, вы выслушаете то, что я собираюсь сказать. Я пришел сюда не один. Со мной люди, ваши люди, ясновидцы. Они любят меня, потому что я хочу видеть Фугу процветающей. И теперь я готов позволить вам разделить мой триумф, который вскоре последует, если вы того пожелаете. Поверьте мне, я освобожу Фугу, с вашей поддержкой или без нее. Я ясно изложил свои мысли?

— Убирайся отсюда, — ответил тот старик, который внимательно следил за ним.

— Осторожнее, Мессимериз, — произнес шепотом кто-то еще.

— Кажется, вы ничего не понимаете, — сказал Шедуэлл. — Я же принес вам свободу.

— Ты не ясновидец, — отозвался Мессимериз. — Ты чокнутый.

— И что с того?

— Ты обманом пробрался сюда. Ты не слышишь голоса Капры.

— О, напротив, я слышу голоса, — возразил Шедуэлл. — Я слышу их ясно и четко. И они говорят мне, что Фуга беззащитна. Что ее правители слишком долго прятались от опасности. Что они слабы и напуганы.

Он обвел взглядом лица тех, кто стоял перед ним, и вынужден был признать: на этих лицах отражается не слабость и страх, о которых он говорил, а лишь стоицизм. На его преодоление уйдет слишком много времени. Шедуэлл бросил взгляд на полицейских, застреливших Норриса.

— Судя по всему, у нас нет выбора, — сказал он. Полицейские прекрасно поняли его и вышли. Шедуэлл обратился к совету.

— Мы хотим, чтобы ты ушел, — повторил Мессимериз.

— Это ваше последнее слово?

— Именно, — сказал старик.

Шедуэлл кивнул. Секунды шли, а никто не пошевелился. Затем дверь открылась, и

вернулись вооруженные полицейские. Они привели с собой еще четырех бойцов элитного отряда. Сейчас здесь была полная шестерка стрелков.

— Я прошу вас в последний раз, — произнес Шедуэлл, пока отряд выстраивался по бокам от него, — не стоит сопротивляться.

Члены совета казались скорее ошеломленными, чем испуганными. Они прожили жизнь в мире чудес, но изумила их лишь наглость, с которой они столкнулись сейчас. Даже когда стрелки подняли оружие, никто не произнес ни слова протеста. Только Мессимериз спросил:

— Кто такой Шедуэлл?

— Мой знакомый торговец, — ответил ему человек в красивом пиджаке. — Но он давно умер и забыт.

— Нет, — возразил Мессимериз. — Шедуэлл это ты.

— Называйте меня, как вам угодно, — пожал плечами пророк. — Только склоните передо мной головы. Склоните головы, и я все прощу.

Никто не двинулся. Шедуэлл повернулся к бойцу слева и забрал у него пистолет. Он нацелил его Мессимеризу в сердце. Их разделяло не более четырех ярдов, даже слепой не промахнулся бы с такого расстояния.

— Я повторяю еще раз: склоните головы!

Наконец-то несколько участников собрания поняли серьезность положения и сделали так, как он требовал. Однако большинство стояли на своем, не желая подчиниться из гордости, глупости или простого недоверия.

Шедуэлл понимал, что только он сможет переломить ситуацию. Либо он сейчас спускает курок и завоевывает себе мир, либо он покидает зал аукциона и никогда больше не возвращается сюда. В этот миг он вспомнил, как стоял на вершине холма, а под ним расстилалась Фуга. Это воспоминание качнуло чашу весов. Он выстрелил в старика.

Пуля пробила грудь Мессимеризу, но крови не было, он не упал. Шедуэлл выстрелил еще раз, потом еще. Каждый выстрел попадал в цель, но старик все равно не падал.

Коммивояжер ощутил, как волна паники пробежала по отряду стрелков. Один и тот же вопрос готов был сорваться с губ: почему старик не умирает?

Шедуэлл выстрелил в четвертый раз. Когда пуля вошла в тело, жертва сделала шаг навстречу своему палачу. Старик поднял руку, надвигаясь на Шедуэлла, как будто хотел вырвать у него дымящийся пистолет.

Этого движения оказалось достаточно, чтобы один из шести стрелков лишился самообладания. Истерически завизжав, он открыл стрельбу по толпе. Его истерия мгновенно передалась всем остальным. Они принялись палить, опустошая обоймы, лишь бы закрыть глядевшие на них обвиняющие глаза. Через несколько секунд комната наполнилась дымом и грохотом.

Сквозь завесу дыма Шедуэлл увидел, как старик, в которого он выстрелил первым, завершил начатое движение, отдав ему честь. После чего упал замертво. С его смертью выстрелы не затихли. Несколько членов совета опустились на колени, склонив головы, как того требовал Шедуэлл, другие пытались забиться в углы комнаты. Но большинство упали мертвыми там, где стояли.

Затем стрельба прекратилась так же внезапно, как началась.

Шедуэлл отбросил пистолет в сторону и — хотя он не переносил вида крови — заставил себя оглядеть разгромленную комнату. Он чувствовал: тот, кто намерен стать богом, не имеет права отворачиваться. Сознательное нежелание видеть правду — это человеческое качество, а Шедуэлл собирался покончить с этим состоянием.

Он осмотрел поле боя и нашел это зрелище не таким уж непереносимым. Он смотрел на трупы как на груды мяса и костей, чем они, в сущности, и являлись.

Однако когда Шедуэлл повернулся к двери, кое-что все-таки заставило его вздрогнуть. Это было воспоминание о последнем жесте Мессимериза; как он шагнул вперед, протягивая руку. Шедуэлл до сих пор не понимал, что означал тот жест. Старик словно требовал платы. Шедуэлл старался отыскать иное объяснение, но не смог.

Он, бывший некогда торговцем, наконец-то стал покупателем, и предсмертный жест Мессимериза был призван напомнить ему об этом.

Нужно ускорить кампанию. Подчинить оппозицию и как можно быстрее добраться до Вихря. Когда Шедуэлл отдернет облачную завесу, он станет богом. А боги неподвластны требованиям кредиторов, живых или мертвых.

IV
Канатоходцы

1

Кэл и Сюзанна шли быстро, насколько им позволяло любопытство. Несмотря на срочность дела, очень многое по пути замедляло их ход. Мир вокруг был таким изобильным, его формы были так четко вырезаны, что от них с трудом удавалось отвести взор. В итоге они сдались и принялись рассматривать эту землю. Любые виды удивительной флоры и фауны имели аналоги в Королевстве чокнутых, но каждый из них, от булыжника до зверя и все, что было между ними, преобразила магия.

Существа, встречавшиеся им по пути, отдаленно напоминали лисиц, зайцев или кошек, но только отдаленно. Помимо прочих отличий главным в них было совершенное отсутствие страха. Они не бежали от пришельцев, а лишь смотрели им вслед, буднично признавая их существование, а затем возвращались к своим делам.

Все походило на рай — или на дурманящий сон о нем, — пока звук настраиваемого радио не разрушил иллюзию. Обрывки музыки и голосов, перемежаемые свистом и помехами, сопровождались радостными возгласами, доносившимися из-за небольшой рощи серебристых берез. Радостные возгласы, однако, быстро сменились криками и угрозами. Они делались все громче по мере того, как Сюзанна и Кэл пробирались между деревьями.

По другую сторону рощи оказался луг, поросший высокой сухой травой. А на лугу три юнца. Один из них балансировал на веревке, натянутой между двумя столбами, и глядел на двух других, затеявших драку. Источник их разногласий был очевиден: радиоприемник. Паренек пониже, чьи удивительно светлые волосы казались белыми, защищал свою собственность от нападок юноши покрупнее без особенного успеха. Обидчик выхватил радио из рук блондина и швырнул на луг. Приемник ударился об одну из изъеденных временем статуй, стоявших по пояс в высокой траве, и песенка внезапно оборвалась. Хозяин радио бросился на обидчика, визжа от ярости.

— Скотина! Ты же его сломал! Ты, черт возьми, сломал его!

— Это дерьмо сделано чокнутыми, де Боно, — ответил его противник, с легкостью отбивая удары. — Нечего тебе мараться о такую дрянь. Разве мама тебе не объясняла?

— Но это моя вещь! — закричал в ответ де Боно и отправился подбирать свою вещь. — И нечего лапать ее!

— Господи, ты хоть понимаешь, насколько ты жалок?

— Заткнись, тупица! — огрызнулся в ответ де Боно.

Он не мог отыскать радио в высокой траве, и его ярость только усилилась.

— Гэлин прав, — вмешался канатоходец.

Де Боно выудил из кармана рубашки очки в металлической оправе и опустился на корточки, высматривая приемник.

— Это порочно, — сказал юноша на канате, только что выполнивший серию сложных движений — тройных прыжков. — Старбрук оторвет тебе яйца, если узнает.

— Старбрук не узнает, — огрызнулся де Боно.

— О, напротив, он узнает, — заверил Гэлин, бросая взгляд на канатоходца. — Потому что ты ему расскажешь, верно, Толлер?

— Может быть, — последовал ответ, сопровождавшийся самодовольной улыбкой.

Де Боно отыскал приемник. Он поднял его и потряс, но музыка больше не звучала.

— У тебя дерьмо вместо мозгов, — произнес он, оборачиваясь к Гэлину. — Смотри, что ты наделал.

Наверное, он бы снова набросился на здоровяка, если бы Толлер со своего наблюдательного пункта на канате не заметил, что у них появилась публика.

— А вы еще кто такие? — спросил он.

Все трое уставились на Кэла с Сюзанной.

— Это поле Старбрука, — сообщил Гэлин угрожающим тоном. — Вас не должно здесь быть. Он не любит, когда сюда приходят женщины.

— Потому что он полный идиот, — сказал де Боно, приглаживая руками волосы и улыбаясь Сюзанне. — Можешь и это ему передать, если он когда-нибудь вернется.

— Обязательно, — угрюмо пообещал Толлер. — Не сомневайся.

— А кто такой Старбрук? — спросил Кэл.

— Кто такой Старбрук? — переспросил Гэлин. — Да кто не знает…

Он не договорил, на его лице отразилось внезапное понимание.

— Так вы чокнутые, — сказал он.

— Верно.

— Чокнутые? — повторил Толлер. Он был так потрясен, что едва не потерял равновесие. — На этом поле?

Де Боно от такого открытия заулыбался еще лучезарнее.

— Чокнутые, — произнес он. — Значит, вы сумеете починить этот прибор…

Он двинулся к ним, протягивая им радиоприемник.

— Я попытаюсь, — сказал Кэл.

— Ты не посмеешь, — прошипел Гэлин, обращаясь то ли к Кэлу, то ли к де Боно, а может быть, к обоим.

— Господи, да это же просто приемник, — возразил Кэл.

— Это дерьмо, сделанное чокнутыми, — заявил Гэлин.

— Это порочно, — снова возвестил Толлер.

— А откуда он у вас? — спросил Кэл де Боно.

— Не твое дело, — отрезал Гэлин. Он сделал шаг в сторону пришельцев. — Я уже сказал вам: вы здесь нежеланные гости.

— Мне кажется, он ясно выразился, Кэл, — заключила Сюзанна. — Пойдем отсюда.

— Извини, — сказал Кэл де Боно. — Придется тебе чинить приемник самому.

— Но я не умею, — последовал печальный ответ.

— У нас есть дела, — сказала Сюзанна, поглядывая на Гэлина. — Нам пора идти. — Она потянула Кэла за рукав. — Идем же.

— То-то же, — произнес Гэлин. — Проклятые чокнутые.

— Мне хочется сломать ему нос, — сообщил Кэл.

— Мы здесь не для того, чтобы проливать кровь. Мы пришли, чтобы прекратить кровопролитие.

— Я знаю. Знаю.

Кэл пожал плечами, извиняясь перед де Боно, и повернулся спиной к лугу. Они побрели обратно к роще. Когда они прошли ее насквозь, сзади послышался топот. Сюзанна и Кэл обернулись. За ними бежал де Боно, все еще с приемником в руках.

— Я пойду с вами, — сказал, он без предисловий. — А вы почините приемник по дороге.

— А как же Старбрук? — поинтересовался Кэл.

— Старбрук не вернется, — ответил де Боно. — Они могут ждать его, пока по уши не зарастут травой, но он не вернется. Я найду себе дело поинтереснее. — Он улыбнулся. — Я слышал, как этот прибор говорил: «День обещает быть солнечным».

Де Боно оказался весьма полезным спутником. Он был готов поддержать любую тему, а энтузиазм, с каким он поддерживал беседу, помог Сюзанне выйти из меланхолии, охватившей ее после смерти Джерико. Кэл не мешал им болтать. Ему пришлось на ходу чинить приемник. Однако он успел повторить один из первых своих вопросов: откуда де Боно раздобыл этот прибор?

— У одного из людей пророка, — пояснил де Боно. — Он дал мне его сегодня утром. У него их целые коробки.

— Надо думать, — пробормотал Кэл.

— Так это подкуп, — заметила Сюзанна.

— Думаешь, я не понимаю? — спросил де Боно. — Я знаю, что просто так ничто не дается. Но я не верю, что любые вещи чокнутых портят меня, как говорит Старбрук. Мы раньше жили среди чокнутых и не погибли… — Он замолк и повернулся к Кэлу. — Ну как, получается?

— Пока нет. Я не слишком хорошо разбираюсь в приемниках.

— Может, удастся найти мастера в Идеале, — сказал он. — Город рядом, рукой подать.

— Мы направляемся в Дом Капры, — сказала Сюзанна.

— Я пойду с вами. Но только через город.

Сюзанна стала спорить.

— Но людям нужно время от времени есть, — возразил де Боно. — А то уже живот подводит.

— Мы никуда не собираемся сворачивать, — сказала Сюзанна.

— Так и не надо сворачивать, — ответил де Боно, сияя. — Город как раз по пути. — Он искоса глянул на Сюзанну. — Не будьте так подозрительны, прямо хуже Гэлина… Я не собираюсь завести вас куда-нибудь и бросить. Доверьтесь мне.

— Нет времени на осмотр достопримечательностей. У нас срочное дело.

— К пророку?

— Да…

— К этому куску дерьма родом из чокнутых, — отозвался Кэл.

— Кто? Пророк? — изумился де Боно. — Чокнутый?

— Боюсь, это так, — сказала Сюзанна.

— Знаешь, Гэлин не во всем ошибается, — сказал Кэл. — Этот приемник — действительно порочная вещь.

— Мне все равно, — сказал де Боно. — Меня грязь не коснется.

— Неужели? — удивилась Сюзанна.

— Только не меня, — ответил де Боно, стукнув себя в грудь. — Я неуязвим.

— По-твоему, это нормально? — спросила Сюзанна со вздохом. — Ты в своем высокомерии закрыт для нас, а мы в своем — для тебя?

— Почему бы нет? — спросил де Боно. — Мы в вас не нуждаемся.

— Но ты же хочешь приемник, — заметила она.

Он засопел.

— Не настолько. Если я лишусь его, то плакать не стану. Он ничего не стоит. Дерьмо чокнутых ничего не стоит.

— Старбрук так говорит? — спросила Сюзанна.

— Очень остроумно, — отозвался он, несколько угрюмо.

— Я мечтал об этом месте… — произнес Кэл, вмешиваясь в спор. — Мне кажется, многие чокнутые мечтают.

— Вы можете мечтать о нас, — последовал безжалостный ответ, — но не мы о вас.

— Это неправда, — возразила Сюзанна. — Моя бабушка любила одного из ваших, и он любил ее. Если вы способны любить нас, то можете и мечтать о нас. Точно так же, как мы мечтаем о вас.

Она думает о Джерико, понял Кэл. Говорит отвлеченно, но думает о нем.

— Правда? — сомневался де Боно.

— Да! — воскликнула Сюзанна с неожиданной горячностью. — Это одна вечная история.

— Какая история? — спросил Кэл.

— Про нас и про них, — ответила она, глядя на де Боно. — История о рождении, о страхе смерти и о том, как нас спасает любовь.

Все это она произнесла очень убежденно, словно долго размышляла, прежде чем прийти к такому выводу, и теперь ничто не могло изменить ее мнение.

Слова Сюзанны заставили их на время умолкнуть. Минуты две или больше они шагали в молчании, пока де Боно не произнес:

— Согласен.

Она взглянула на него:

— Правда?

Он кивнул.

— Одна вечная история? — повторил он. — Да, логично. В конце концов, мы переживаем то же, что и вы, с волшебством или без. Все как ты сказала. Рождение, смерть, а между ними — любовь. — Он что-то тихо пробормотал и добавил: — Причем о последнем ты явно знаешь больше. — Он не сумел подавить смешок. — Раз уж ты взрослая женщина.

Сюзанна засмеялась, и словно в ответ ей радиоприемник вдруг ожил, к восторгу хозяина и изумлению Кэла.

— Молодец! — воскликнул де Боно. — Ты молодец!

Он забрал у Кэла приемник и принялся вертеть ручки, так что они вошли в удивительный город Идеал под музыку.

V
Идеал

1

Когда они входили в город, де Боно предупредил их, что городские здания собирали в большой спешке, так что не стоит надеяться на строгую планировку. Однако его предостережение не подготовило их к тому, что они увидели. Казалось, здесь вообще отсутствует какой-либо порядок. Дома были составлены в ряды как попало, проходы между ними — слово «улицы» было неуместно — узки и забиты народом. Фасады напоминали то античность, то барокко.

Однако здесь было светло. Камни домов и булыжники мостовой мерцали собственным светом, освещая проходы, и превращали самую обычную стену в настоящий шедевр из светлого цемента и яркого кирпича.

Этому сиянию города как нельзя более соответствовал вид его обитателей. Их наряды отличались тем смешением строгости и ослепительного блеска, которое Кэл и Сюзанна уже распознавали как особенный стиль ясновидцев. Здесь, в самом урбанизированном месте Фуги, этот самый стиль достиг новых высот. Повсюду встречались самые поразительные облачения и удивительная экипировка. Жилет от делового костюма, сплошь расшитый крошечными колокольчиками. Закрытое платье под самое горло, настолько неотличимое по цвету от человеческой кожи, что его обладательница казалась голой. У окна одного дома сидела девушка, и разноцветные ленты вились вокруг ее головы, хотя в воздухе не было ветра. Дальше по той же улице им попался мужчина в мягкой шляпе, на вид сплетенной из его собственных волос; он разговаривал со своими дочерьми, а его сосед в веревочном костюме, стоя в дверном проеме, что-то пел своему псу. Этот стиль, естественно, порождал антистиль: например, они встретили двух женщин — негритянку и белую, пробежавших мимо практически голыми, если не считать панталон на подтяжках.

Горожанам явно нравился собственный вид, но заботой о внешности они не ограничивались. Все были заняты делами и не имели времени праздно слоняться по улицам.

Однако обитателей Идеала отвлекали от дел безделушки, явно созданные в конце двадцатого столетия. Без сомнений, подарки от Элитного отряда пророка. Эти игрушки лишатся свой привлекательности через несколько дней, как и все обещания Шедуэлла. Не стоит задерживаться и объяснять местным жителям, что блеск ненужных вещиц унижает их: скоро они сами поймут, что любой подарок этого человека бесполезен.

— Я отведу вас к «Лжецам», — сказал де Боно, прокладывая путь через толпу. — Там мы поедим, а потом пойдем дальше.

Уличные звуки привлекали внимание чокнутых. Из окон и с панелей долетали обрывки разговоров, песни (порой из радиоприемников) и смех. Ребенок ревел на руках матери. Какое-то отрывистое тявканье послышались сверху, — Кэл поднял глаза и увидел павлина, важно вышагивавшего по высокому балкону.

— Куда же он подевался? — воскликнула Сюзанна, когда де Боно в третий или четвертый раз исчез в толпе. — Он чертовски суетливый.

— Мы должны верить ему. Нам нужен проводник, — сказал Кэл. Он заметил мелькнувшую в толпе белобрысую голову. — Туда…

Они завернули за угол. И в этот миг из запруженного народом переулка донесся крик такой пронзительный и горестный, будто там произошло убийство. Он не заставил толпу замолчать, но все-таки люди затихли на время. Когда эхо крика замерло, Кэл и Сюзанна сумели разобрать слова:

— Дом Капры сожгли!

— Не может быть, — произнес кто-то.

Ропот слышался со всех сторон по мере того, как распространялась весть. Но он не мог заглушить слова вестника.

— Дом сожгли! — настаивал он. — И перебили совет!

Кэл пробился вперед через толпу и увидел человека, который выглядел так, словно действительно только что пережил трагедию. Он был покрыт копотью и грязью, по его лицу текли слезы, когда он повторял свою историю, точнее, ее краткое изложение. Протестующие голоса постепенно смолкли. Никто уже не сомневался, что вестник говорит правду.

Сюзанна задала самый простой вопрос:

— Кто это сделал?

Вестник поднял на нее глаза.

— Пророк… — выдохнул он. — Это сделал пророк.

После этих слов толпа взорвалась, проклятия и ругательства сотрясли воздух.

Сюзанна повернулась к Кэлу.

— Мы слишком долго шли, — сказала она со слезами на глазах. — Господи, Кэл, мы должны были быть там!

— Мы бы не успели, — произнес кто-то рядом с ней. Это снова появился де Боно. — Не вини себя, — сказал он, а потом прибавил — Или меня.

— И что теперь? — спросил Кэл.

— Мы отыщем негодяя и убьем его, — ответила Сюзанна. Она взяла де Боно за плечо. — Ты покажешь нам дорогу?

— Конечно.

Он развернулся и повел их прочь из толпы, окружившей рыдающего гонца. Вскоре стало ясно, что новость облетела весь город. Песни и смех умолкли. Несколько человек смотрели на полоску неба между крышами, словно ожидали увидеть молнию. Выражение их лиц напомнило Кэлу лица людей с Чериот-стрит в день, когда разразился ураган: озадаченные, полные невысказанных вопросов.

Судя по обрывкам разговоров, люди спорили о случившемся. Одни утверждали, что все в Доме Капры убиты, другие настаивали на том, что есть выжившие. Но несмотря на противоречия, главное никто не оспаривал: пророк объявил войну тем, кто осмелится

бросить ему вызов, а его приспешники начали прочесывать Фугу в поисках неверующих.

— Нам надо выбираться из города, — сказала Сюзанна, — пока они не добрались сюда.

— У нас маленький мир, — заметил де Боно. — Им потребуется совсем немного времени, чтобы пройти его насквозь, если они достаточно хорошо подготовлены.

— Да, в этом нет сомнений, — сказал Кэл.

Обитатели города не впадали в панику, никто не пытался собирать вещи и бежать. Нас преследовали и раньше, было написано на помрачневших лицах горожан. Скорее всего, будут преследовать и дальше. К чему суетиться?

Через несколько минут трое путников выбрались из города и оказались в чистом поле.

— Жаль, что так быстро пришла пора расставаться, — сказала Сюзанна де Боно.

— Но с чего бы нам расставаться?

— Мы должны остановить пророка, — объяснила Сюзанна, — и мы сделаем это.

— Значит, я отведу вас туда, где он находится.

— Куда? — спросил Кэл.

— К Небесному Своду, — уверенно ответил де Боно. — Это старинный дворец. О нем и говорили на улицах. Разве вы не слышали? И это совершенно логично. Ему необходимо занять Свод, если он собирается стать правителем.

2

Не успели они отойти от Идеала, как де Боно остановился и указал на поднимавшийся с другой стороны долины столб дыма.

— Что-то горит, — сказал он.

— Будем надеяться, что это Шедуэлл, — отозвался Кэл.

— Мне кажется, я должен узнать о нем больше, — заметил де Боно. — Если уж мы собираемся прикончить негодяя.

Они рассказали ему все, что знали сами, — увы, слишком мало.

— Как странно, — сказал Кэл. — Мне кажется, что я знаю его всю жизнь. А ведь на самом деле прошло меньше года с того дня, как я впервые увидел его.

— Тень падает куда угодно, — вставил де Боно. — Я твердо в этом убежден. Старбрук часто говорил, что рядом с Вихрем есть такие места, где прошлое наслаивается на будущее.

— Кажется, я был в одном из таких мест, — сказал Кэл, — когда попал сюда в первый раз.

— И на что оно похоже?

Кэл покачал головой.

— Спроси о чем-нибудь полегче, — отозвался он.

Дорога привела их в болотистую местность. Они пробирались по грязи, перепрыгивая с камня на камень. О разговорах пришлось забыть из-за лягушек, распевавших в камышах. На середине болота до них донесся шум автомобильных моторов. Они позабыли об осторожности и ринулись напрямик, утопая по щиколотку в пропитанной водой почве, а лягушки — крошечные, с ноготь большого пальца, и алые, будто маки, — сотнями выпрыгивали у них из-под ног.

Выбравшись из болота, Кэл залез на дерево, чтобы осмотреть местность. С высоты он увидел вереницу машин, направлявшихся в сторону города. Этим автомобилям не требовалась дорога, они прокладывали себе путь с помощью мощных колес и множества лошадиных сил. Птицы взлетали с их пути, животные — те, что были попроворнее, — рассыпались в стороны.

Сюзанна спросила снизу:

— Что ты там видишь?

— Кажется, это подразделение Хобарта.

— Хобарта?

Через секунду она оказалась на дереве рядом с ним и сдвинулась на самый край толстой

ветки, чтобы листья не закрывали обзор.

— Точно, он. — Сюзанна как показалось Кэлу, обращалась к себе самой. — Господи, он!

Она обернулась. В ее глазах появился лихорадочный блеск, который Кэлу совсем не понравился.

— Дальше пойдете без меня, — сказала она.

Они спустились на землю и принялись спорить под деревом.

— У меня к Хобарту дело. Вы идите дальше. Я разыщу вас, когда разберусь с ним.

— А твое дело не может подождать? — спросил Кэл.

— Нет, — твердо отрезала она. — Нет, не может. Он забрал книгу, которую подарила мне Мими, и я хочу получить ее обратно.

Сюзанна видела, что на лице Кэла появилось озадаченное выражение, и раньше, чем он успел высказаться вслух, услышала все его возражения по поводу расставания. Их главная цель — Шедуэлл, сказал он, у них нет времени отвлекаться на что-то еще. Кроме того, с книгой — если это на самом деле книга — ничего не случится и завтра. Все это, конечно же, было совершенно верно. Но где-то в глубине души Сюзанна чувствовала, что нездоровый интерес Хобарта к книге неслучаен. Возможно, страницы содержат в себе некое знание и его можно использовать в предстоящем столкновении с врагом. Знание, зашифрованное в обычном «жили-были». Сам Хобарт явно верит в это, а враги всегда чувствуют тебя, иначе с чего бы им становиться твоими врагами?

— Я должна вернуться, — сказала она. — Это не обсуждается.

— Тогда я пойду с тобой.

— Я разберусь с ним сама, Кэл, — возразила Сюзанна. — А вы оба отправляйтесь к Небесному Своду. Я разыщу вас, когда верну книгу.

Она говорила абсолютно уверенно, и он понимал, что спорить с ней бесполезно.

— Что ж, будь осторожна, — произнес он, обнимая ее. — Береги себя.

— И ты тоже, Кэл. Ради меня.

С этими словами Сюзанна ушла.

Де Боно слушал их разговор, настраивая приемник. Он спросил:

— А разве мы не пойдем с ней?

— Нет, — ответил Кэл. — Она хочет идти одна.

Де Боно скроил насмешливую гримасу.

— У нее что, свидание? — спросил он.

— Что-то вроде того.

3

Сюзанна вернулась тем же путем, каким они вышли из города. Она ощущала прилив энергии и радости, и причины этого были ей не вполне понятны. Может быть, ей просто хотелось поскорее покончить с Хобартом? Или она искала встречи с ним, потому что он превратился в некое зеркало, глядя в которое можно лучше узнать саму себя?

Когда Сюзанна снова оказалась на улицах Идеала — опустевших, поскольку теперь горожане разошлись по домам, — она надеялась, что Хобарт чувствует ее приближение. Что от ее приближения сердце врага бьется быстрее обычного и у него потеют руки.

А если он еще ничего не чувствует, она заставит его.

VI
Плоть слаба

1

Шедуэлл потратил массу усилий, чтобы занять Небесный Свод — единственное здание Фуги, достойное того, кто претендует на звание бога. Но, оказавшись там, он обнаружил, что эта резиденция никуда не годится. Каждый правитель или правительница, обитавшие здесь на протяжении прошедших столетий, перестраивали дворец по собственному вкусу с единственной целью: еще больше усложнить загадки, оставленные предшественниками. В итоге получился наполовину лабиринт, наполовину — таинственный дом с привидениями.

Шедуэлл был не первым чокнутым, кому довелось исследовать полные чудес коридоры Свода. За долгие годы существования дворца люди порой пробирались в него и бродили по залам, не встречая препятствий со стороны хозяев, не имевших ни малейшего желания нарушать спокойствие грубыми словами. В глубине дворцовых лабиринтов эти немногочисленные счастливчики видели кое-что такое, что унесли с собой в могилу. Стены одного из залов были отделаны плитками, имевшими в два раза больше граней, чем игральный кубик; эти плитки постоянно переворачивались, причем каждая грань занимала свое место в рисунке вечно менявшейся фрески, никогда не замиравшей настолько, чтобы глаз успел ее рассмотреть. В другом зале всегда шел дождь, теплый весенний дождик, и от пола пахло остывающей мостовой. Еще одна комната казалась ничем не примечательной, однако была предназначена специально для обмана чувств: в какой-то миг человеку чудилось, что его голова заполняет помещение целиком, а в следующий момент он съеживался до размера букашки.

После часа — или целого дня — скитаний среди чудес путников направлял к выходу некий невидимый проводник, и они приходили в себя, словно просыпались от сна. Позже они пытались рассказать, что именно видели, однако память или язык подводили их, и рассказ сводился к неразборчивому бормотанию. Многие приходили в отчаяние и отправлялись обратно на поиски наваждения. Однако Небесный Свод не стоял на месте, он вечно ускользал.

Таким образом, Шедуэлл стал первым чокнутым, который бродил по этим коридорам и считал их своей собственностью. Но не ощущал никакого удовольствия. Должно быть, это и был самый изящный способ отомстить незваному гостю.

2

Ближе к вечеру, до наступления сумерек, пророк поднялся на верхнюю площадку смотровой башни Свода, чтобы окинуть взглядом свои владения. Несмотря на все волнения последних недель — изменение внешности, общие собрания, постоянные интриги, — он не ощущал усталости. Все, что он обещал своим сторонникам и себе самому, осуществилось. Словно оттого, что он изображал пророка, в нем действительно проснулся пророческий дар. Он отыскал Сотканный мир, он отобрал его у хранителей, он привел свои войска в самое сердце Фуги и необыкновенно быстро заставил умолкнуть всех, кто пытался ему противиться. Его нынешнее положение предполагало только один путь вверх, к статусу бога, и средство для достижения этой цели он видел с верхушки башни, где стоял сейчас.

Вихрь.

Ореол над ним кружился и гремел, скрывая тайны Вихря от посторонних глаз, и глаз Шедуэлла в том числе. Это не имеет значения. Завтра, когда отряд Хобарта закончит усмирение местных жителей, его бойцы проводят пророка до входа в Вихрь, в то место, которое ясновидцы именуют Коридором Света, и Шедуэлл войдет внутрь.

А потом? Ах, потом…

Холодное дуновение прервало его мечтания.

В дверях, ведущих на смотровую площадку, стояла Иммаколата. Яркий свет не щадил ее. Он показывал раны инкантатрикс во всей их чудовищной красе, высвечивал и ее слабость, и ее ненависть. Шедуэллу было противно смотреть на нее.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Пришла побыть с тобой, — ответила она. — Мне не нравится это место. Здесь разит

древней наукой.

Он пожал плечами и повернулся к ней спиной.

— Я знаю, о чем ты думаешь, Шедуэлл, — сказала она. — Поверь мне, это неразумно.

Коммивояжер давно не слышал собственного имени, и ему не понравилось даже само его звучание. Имя возвращало его назад, к той жизни, которую он перестал воспринимать как свою.

— Что именно неразумно? — спросил он.

— Попытка прорваться в Вихрь.

Он ничего не ответил.

— Ведь именно это ты замышляешь?

Иммаколата по-прежнему легко читала его мысли, слишком легко.

— Возможно, — отозвался он.

— Это будет чудовищной ошибкой.

— Да неужели? — спросил Шедуэлл, не сводя глаз с Ореола. — И почему же?

— Даже семейства не понимали, что создают, когда запускали Станок, — ответила она. — Он непознаваем.

— Не существует ничего непознаваемого, — проворчал он. — Только не для меня. Больше не существует.

— Ты по-прежнему человек, Шедуэлл, — напомнила Иммаколата. — Ты уязвим.

— Заткнись! — бросил он.

— Шедуэлл…

— Заткнись! — повторил он, оборачиваясь к ней. — Я не желаю больше слушать твои пораженческие мысли. Я уже здесь. И я завоевал Фугу.

— Мы завоевали ее.

— Ладно, пусть мы. Что ты хочешь в благодарность за услугу?

— Ты знаешь, чего я хочу, — сказала она. — Чего я всегда хотела. Медленного уничтожения.

Он улыбнулся. Он давно подготовил этот ответ и, когда настало время произнести его, не стал торопиться.

— Нет, — сказал он. — Нет, ничего не получится.

— Ради чего мы преследовали их все эти годы? — спросила она. — Ради того, чтобы ты смог получить прибыль, а я — отомстить.

— Обстоятельства переменились, — заявил он. — Ты должна это понимать.

— Ты хочешь править Фугой. Я права?

— Я хочу не только этого, — уточнил он. — Я желаю познать творение. Я хочу того, что заключено в Вихре.

— Он разорвет тебя на куски.

— Сомневаюсь, — сказал он. — Я никогда еще не был сильнее.

— В склепе, — произнесла Иммаколата, — ты сказал, что мы вместе уничтожим их.

— Я солгал, — небрежно ответил Шедуэлл. — Я сказал тебе то, что ты хотела услышать, потому что нуждался в тебе. Теперь ты вызываешь во мне отвращение. Когда я стану богом, у меня будут другие женщины.

— Так ты собрался стать богом? — Кажется, она искренне изумилась. — Да ты же торгаш, Шедуэлл. Ты жалкий коммивояжер. Это мне поклоняются!

— Ах да, — усмехнулся Шедуэлл. — Я видел твоих приверженцев. Кучи костей и горстка скопцов.

— Я не позволю себя дурачить, — сказала она, наступая на него. — И особенно тебе.

Шедуэлл давно знал, что этот момент когда-нибудь настанет и Иммаколата поймет, как ее использовали. Он готовился к возможным последствиям, спокойно и методично переманивал на свою сторону союзников инкантатрикс, увеличивая ряды собственных защитников. Однако у нее по-прежнему оставался менструум. Отнять его было невозможно, а сила его была чудовищна. Шедуэлл увидел сейчас свечение менструума в ее глазах и

невольно содрогнулся.

Но он овладел собой и шагнул к Иммаколате, провел рукой по ее лицу, касаясь коросты и шрамов.

— Надеюсь, — пробормотал он, — ты не собираешься меня убивать?

— Я не позволю себя дурачить, — повторила она.

— Но смерть есть смерть, — сказал он успокаивающим тоном. — Я всего лишь чокнутый. Ты знаешь, как мы слабы. Мы не можем воскреснуть.

Его прикосновения стали более настойчивыми. Она такое ненавидит, он знал. Иммаколата — вечная девственница, она вся состоит изо льда и сожалений. Еще недавно она запросто сожгла бы ему кожу на пальцах за подобную вольность. Но Гнойная Мамаша была мертва, Карга бесполезна по причине собственного безумия, а некогда могущественная инкантатрикс ослабела и устала. Они оба это знали.

— Все эти годы, дорогая, — проговорил Шедуэлл, — все эти годы ты держала меня в ежовых рукавицах и постоянно искушала.

— Мы договорились, — сказала она. — Мы вместе…

— Нет, — произнес он таким тоном, словно объяснял ребенку его ошибки. — Ты использовала меня, чтобы жить среди чокнутых, потому что на самом деле ты их боялась.

Иммаколата хотела возразить ему, но он схватил ее за горло.

— Не перебивай, — велел он.

Она повиновалась.

— Ты всегда презирала меня, — продолжал Шедуэлл. — Это я знаю. Но я был тебе полезен, я исполнял все твои приказы. До тех пор, пока чувствовал желание коснуться тебя.

— Так ты этого хочешь сейчас? — спросила она.

— Когда-то, — продолжал он почти скорбно, словно оплакивал потерю, — когда-то я бы убил за одно то, чтобы ощутить биение жилки у тебя на шее. Вот так. — Он немного усилил хватку. — Или за то, чтобы погладить тебя вот так…

Шедуэлл провел второй рукой по ее груди.

— Не делай этого, — сказала Иммаколата.

— Магдалена мертва, — напомнил он. — Кто же теперь будет рожать детей? Старая Карга не может, она бесплодна. Нет, любимая. Нет. Думаю, это придется делать тебе. Придется тебе наконец расстаться со своей непорочностью.

Иммаколата отшвырнула его от себя и, возможно, убила бы на месте, но отвращение, звучавшее в его голосе, насторожило ее. Она быстро взяла себя в руки. Убийственная сила сосредоточилась во взгляде инкантатрикс. Откладывать месть на потом опасно. Она держала его за дурачка, однако он заставил ее пожалеть о собственном высокомерии. Когда Иммаколата подняла голову, чтобы выплюнуть менструум ему в лицо, он произнес имена, которые несколько часов назад записал на сигаретной пачке.

— Затрещина! Бутыль! Красотка! Богиня! Потеря! Хана!

Ублюдки явились на его зов, вскарабкавшись по лестнице. Они больше не были убогими, обделенными любовью созданиями, выкормленными грудью Магдалены. Новый хозяин холил и лелеял их, откормил и сделал могучими.

Свет потух на лице Иммаколаты, едва она услышала их у себя за спиной. Она обернулась, когда они просачивались в двери.

— Ты сама отдала их мне, — напомнил Шедуэлл.

Она закричала при виде ублюдков, ставших огромными и мощными. От них несло убоиной.

— Я кормил их кровью вместо молока, — пояснил Шедуэлл. — И они полюбили меня.

Он прищелкнул языком, и твари сгрудились вокруг него. Теперь они нашли применение своим отросткам и щупальцам.

— Предупреждаю, — сказал Коммивояжер, — если попытаешься тронуть меня, они очень огорчатся.

Пока он говорил, Иммаколата успела вызвать Каргу из самой холодной части Небесного

Свода. Теперь сестра беспокойной тенью парила над плечом инкантатрикс.

— Оставь его, — услышал Шедуэлл ее шепот над ухом Иммаколаты.

Он ни на секунду не допускал, что та последует совету сестры, однако инкантатрикс согласилась. Она плюнула ему под ноги и развернулась, чтобы уйти. Шедуэлл не мог поверить, что так легко победил. Должно быть, горе и унижения деморализовали Иммаколату сильнее, чем он смел надеяться. Демонстрация силы завершилась, не успев толком начаться.

Один из ублюдков, стоявший рядом с ним, издал идущий из глубины его существа вой разочарования. Шедуэлл оторвал взгляд от сестер, посмотрел на монстра и приказал ему молчать. Это оказалось судьбоносным: в тот же миг сестра-призрак набросилась на него, широко разинув пасть. Зубы ее вдруг сделались громадными, способными вырвать и растерзать его лживое сердце.

Иммаколата обернулась в дверях, от нее полыхнуло менструумом.

Шедуэлл хотел призвать на помощь тварей, но не успел он крикнуть, как Карга уже добралась до него. Она швырнула его о стену, вцепившись когтями в грудь, и он задохнулся.

Ублюдки не собирались стоять и смотреть, как убивают их благодетеля. Они набросились на Каргу раньше, чем она успела разодрать когтями его пиджак, и с воплями оттащили ее от хозяина. Она была повитухой, она принимала этих тварей, встречала их на пороге мира безумия и темноты. Может быть, именно поэтому они не имели к ней снисхождения. Ублюдки разодрали Каргу на куски, не останавливаясь и ни слова не говоря.

— Останови их! — закричала Иммаколата.

Коммивояжер осматривал порванный Каргой пиджак. Еще миг, и когти вцепились бы ему в сердце.

— Отзови их, Шедуэлл! Прошу тебя!

— Она уже мертва, — ответил он. — Пусть детки поиграют!

Иммаколата попыталась помочь сестре, но, когда она двинулась к Карге, ублюдок с крошечными белесыми глазками глубоководной рыбы и ртом, похожим на рану, преградил ей путь. Она выплюнула сгусток менструума в его вздымавшуюся грудь, но он не обратил внимания на боль и продолжил наступать на Иммаколату.

Шедуэлл видел, как эти твари убивают друг друга ради развлечения. Он знал, что их не останавливают даже самые чудовищные раны. Например, вот этот, по кличке Бутыль, мог получить сотню подобных повреждений и не утратить бодрости. К тому же он был не глуп. Он хорошо усвоил все уроки, какие получил за свою жизнь. И вот теперь Бутыль прыгнул на инкантатрикс, вцепившись руками ей в шею, а ногами обхватив ее бедра.

Шедуэлл знал, что такая телесная близость отвлекает внимание Иммаколаты. И в самом деле, когда тварь придвинула к ней свою физиономию и поцеловала ее, насколько позволяла уродливая анатомия, Иммаколата закричала, совершенно утратив самообладание. Менструум хлынул из нее во все стороны, растрачивая драгоценную энергию на стены и потолок. Те капли, что доставались ее врагу, только сильнее распаляли его. Он не обладал никакими половыми признаками, но Шедуэлл обучил его основным движениям. И теперь ублюдок дергался над Иммаколатой, как кобель, завывая ей в лицо.

Однако он напрасно разевал рот, потому что частицы менструума затекли ему в глотку и взорвали его изнутри. Шея его разлетелась на клочки, голова запрокинулась назад, держась на последних жирных ошметках плоти.

Но он по-прежнему наседал на Иммаколату, его тело конвульсивно дергалось. Однако хватка заметно ослабела, и Иммаколата сумела освободиться, хотя и вышла из поединка окровавленной с головы до ног.

Шедуэлл созвал оставшихся ублюдков, оторвав их от злобного игрища. Они подвинулись к нему. То, что осталось от Карги, напоминало требуху на разделочной доске рыботорговца.

При виде этих останков Иммаколата, чье лицо превратилось в бессмысленную маску идиотизма, испустила утробный стон.

— Уберите ее отсюда, — приказал Шедуэлл. — Не желаю видеть эту грязную рожу.

Отнесите ее в холмы. И бросьте там.

Двое ублюдков подошли к инкантатрикс и подхватили ее. Ни искры не промелькнуло в ее глазах, она и пальцем не шевельнула в знак протеста. Она как будто не видела никого и ничего. То ли из-за убийства сестры, то ли из-за собственного поражения, то ли сразу по двум причинам, но что-то в ней надломилось. Она вдруг лишилась всей своей силы, не могла больше ни очаровывать, ни пугать. Превратилась в мешок костей, который выродки протащили в дверь и спустили с лестницы. И за все это время она ни разу не взглянула на Шедуэлла.

Он прислушивался, как затихают на лестнице шаги тварей, почти уверенный, что Иммаколата сейчас вернется и набросится на него, даст ему последний бой. Но нет. Все кончилось.

Он подошел к куче грязи, оставшейся от Карги. От нее несло гнилью.

— Забирайте, — сказал он ублюдкам, и они тотчас набросились на падаль, отпихивая друг друга.

Передернувшись от отвращения, Шедуэлл отвернулся к Вихрю.

Совсем скоро на Фугу падет ночь, опускающая занавес над событиями очередного хлопотного дня. А завтра начнется новая пьеса.

Где-то там, за облаком, на которое он смотрел, пряталось знание. Оно изменит его.

И тогда ночь не настанет, если он того пожелает. Без его разрешения не будет и зари нового дня.

VII
Открытая книга

1

Закон пришел в Идеал.

Он явился, чтобы искоренить беспорядки, и не обнаружил таковых. Он пришел с дубинками, заградительными щитами и пулями, готовый отразить вооруженное сопротивление, — и не нашел даже намека на него. Закон обнаружил лишь лабиринт темных улиц, в основном пустых, и нескольких прохожих, опустивших головы при виде людей в форме.

Хобарт немедленно приказал провести повальные обыски в домах. Его подчиненных встречали угрюмыми взглядами, но не более того. Инспектор был разочарован: он был бы рад найти что-то такое, из-за чего можно применить силу. Все это, решил он, призвано усыпить его бдительность ложным ощущением безопасности, особенно теперь, когда никаких столкновений так и не произошло. Бдительность должна теперь стать основой всего. Постоянная бдительность.

Поэтому Хобарт занял дом, с верхнего этажа которого открывался хороший обзор. Здесь он мог спокойно расположиться на ночь. Завтра предстоит большой марш-бросок к Вихрю, что, без сомнения, вызовет сопротивление местных. Правда, с этим народом нельзя быть ни в чем уверенным. Они покорны, как животные: бегут, едва завидев надвигающуюся силу.

Дом, выбранный Хобартом для своего штаба, ничем не отличался от остальных, кроме одного: оттуда открывался хороший обзор. Лабиринт комнат, коллекции выцветших фресок, которые он не удосужился рассмотреть, разрозненная скрипучая мебель. Житейские неудобства его не волновали, ему нравился спартанский образ жизни. Зато волновала здешняя атмосфера — ощущение, что изгнанные обитатели дома еще здесь, невидимо присутствуют. Если бы Хобарт верил в призраков, он сказал бы, что это дом с привидениями. Но в призраков он не верил и держал свои страхи при себе, а они благополучно множились.

Наступил вечер, улицы погрузились в темноту. Теперь из высокого окна почти ничего

не было видно, однако Хобарт слышал доносившийся снизу смех. В этот вечер он отпустил своих людей поразвлечься, напомнив им, чтобы они ни на миг не забывали: город является вражеской территорией. Смех превратился в хохот, потом затих в дальнем конце улицы. Пусть повеселятся, подумал Хобарт. Завтра судьба поведет их в поход на земли, священные для местных жителей. Если его отряд ожидает сопротивление, то именно там. Хобарт наблюдал, как это происходит во всем мире: человек и пальцем не шевельнет, когда сжигают его собственный дом, но стоит кому-то тронуть сущую ерунду, которую этот человек считает святыней, как он впадает в ярость. Завтрашний день обещает быть жарким и кровопролитным.

Ричардсон не воспользовался предоставленной возможностью скоротать вечер в городе. Он решил остаться и составить рапорт о последних событиях для собственного реестра, куда записывал мелким убористым почерком каждый свой шаг. Сейчас он трудился над этим, пока Хобарт прислушивался к удалявшемуся смеху.

Наконец Ричардсон отложил ручку.

— Сэр?

— Что, Ричардсон?

— Эти люди, сэр. Мне кажется… — Полицейский замялся, не зная, как лучше сформулировать. Этот вопрос мучил его с тех пор, как они прибыли сюда. — Мне кажется, они выглядят не совсем по-человечески.

Хобарт внимательно посмотрел на него. Волосы тщательно подстрижены, щеки тщательно выбриты, форма тщательно отутюжена.

— Возможно, ты прав, — сказал инспектор.

Тень потрясения пробежала по лицу Ричардсона.

— Я не понимаю… сэр.

— Не верь ничему, что здесь видишь.

— Ничему, сэр?

— Абсолютно, — кивнул Хобарт. Он дотронулся до оконного стекла. Стекло было холодным, и горячие пальцы оставили на нем отпечатки в туманных ореолах. — Все это место — наваждение. Уловки и обманы. Ничему нельзя верить.

— Так оно нереальное? — уточнил Ричардсон.

Хобарт вглядывался поверх крыш этого маленького «нигде», размышляя над вопросом. Раньше он не задумывался над словом «реальное». Реальным было то, что заставляло мир вертеться, что было прочным и настоящим. А нереально то, о чем в четыре утра орал из камеры какой-нибудь псих. Нереальное — это мечты о власти, не имеющие основания и веса.

Однако его точка зрения несколько изменилась после встречи с Сюзанной. Он отчаянно хотел поймать ее, погоня вела его от одного странного места к другому, он вымотался так, что с трудом отличал правое от левого. Это реально? Было ли это реальным? Может быть (такая мысль не пришла бы ему в голову до встречи с Сюзанной), реально лишь то, что он сам признает реальным. Но он был генералом, и его солдат сейчас нуждался в ответе ради спасения своего разума. Простом ответе, который поможет ему спокойно спать ночью.

И Хобарт дал такой ответ.

— Здесь реален только закон, — сказал он. — Мы должны руководствоваться этим. Все мы. Ты меня понимаешь?

Ричардсон кивнул:

— Да, сэр.

Последовала долгая пауза. Кто-то за окном принялся улюлюкать, словно пьяный чероки. Ричардсон закрыл свою тетрадь и подошел ко второму окну.

— А может быть… — произнес он.

— Да?

— Может быть, мне стоит выйти. Пройтись немного. Чтобы встретиться с этими наваждениями лицом к лицу.

— Может быть.

— Теперь, когда я знаю, что все это ложь, — продолжал он, — я в безопасности, верно?

— В полной, как никогда раньше, — заверил Хобарт.

— Тогда, если вы не возражаете…

— Ступай. Посмотри на все сам.

Ричардсон тут же вышел и двинулся вниз по лестнице. Через мгновение Хобарт увидел его темный силуэт на улице.

Инспектор потянулся. Он устал как собака. В соседней комнате был матрас, но он не собирался туда идти. Стоит положить голову на подушку, и тотчас станешь легкой добычей для местного морока.

Поэтому Хобарт сел в одно из кресел и вынул из кармана книгу сказок. Он носил ее с собой с того момента, как отнял у Сюзанны, и сбился со счету, сколько раз перелистывал ее страницы. Теперь он снова открыл книгу. Но строчки текста расплывались перед глазами, и, хотя Хобарт старался встряхнуться, веки его делались все тяжелее.

Задолго до того, как Ричардсон отыскал свою собственную иллюзию, закон, явившийся в Идеал, погрузился в сон.

2

Возвращаясь в город, Сюзанна выяснила, что избегнуть встречи с людьми Хобарта совсем не сложно. Переулки кишели ими, но тени здесь так сгущались, что она могла спрятаться в нескольких шагах от врага. Однако добраться до самого Хобарта оказалось не так просто. Сюзанна хотела покончить с делом как можно скорее, однако не было смысла рисковать и нарываться на арест. Она дважды спаслась от заключения в камеру, в третий раз может не повезти. Несмотря на нетерпение, она решила выждать, пока стемнеет. Дни стояли короткие, солнце уже садилось.

Она высмотрела заброшенный дом, подкрепилась какой-то незатейливой едой, оставленной хозяевами, и бродила по гулким комнатам, пока на улицы не опустились сумерки. Мысли ее снова и снова обращались к Джерико и обстоятельствам его смерти. Она старалась вспомнить, как он выглядел, и ей удалось представить его глаза и руки, однако увидеть лицо целиком не получалось. Неудача расстроила Сюзанну. Как быстро он покинул ее!

Она как раз решила, что стемнело достаточно и можно рискнуть и выйти, когда до нее донеслись голоса. Сюзанна подошла к лестнице и присмотрелась. На пороге вырисовывались два силуэта.

— Не здесь… — услышала она женский шепот.

— Почему бы нет? — невнятно пробубнил спутник женщины. Без сомнения, один из подчиненных Хобарта. — Почему не здесь? Здесь нисколько не хуже, чем где-то еще.

— Здесь уже кто-то есть, — ответила девушка, всматриваясь в глубину таинственного дома.

Мужчина засмеялся.

— Грязные сластолюбцы! — выкрикнул он. Затем грубо подхватил девушку под руку. — Тогда поищем другое место.

И они вышли обратно на улицу.

Сюзанна удивилась: неужели Хобарт позволяет подобные контакты? Невероятно, что он пошел на такое.

Настало время положить конец воображаемым стычкам. Пора отыскать его и разобраться раз и навсегда. Сюзанна посмотрела в окно на улицу и вышла в ночь.

Воздух был упоительный. Огней в домах горело совсем мало, да и те только от свечей, поэтому небо казалось светлым, а звезды покоились на нем, словно капли росы на бархате. Сюзанна некоторое время шла, задрав голову к небу, завороженная этим зрелищем. Однако не настолько, чтобы не ощущать близости Хобарта. Он где-то рядом. Но где именно? Она не может тратить драгоценные часы, бродя от дома к дому и выискивая его.

Если не знаешь чего-то, спроси полицейского. Это была присказка ее матери, и она вспомнилась весьма кстати: в нескольких метрах от Сюзанны стоял один из подчиненных Хобарта. Он мочился на стену и распевал под аккомпанемент журчания мочи.

Сюзанна понадеялась, что в таком состоянии он не узнает ее, и спросила, где можно найти Хобарта.

— Тебе нужен не он, — заверил ее певец. — Идем со мной. У нас сегодня вечеринка.

— Может быть, приду позже. Мне необходимо увидеть инспектора.

— Ну, если надо… — протянул полицейский. — Инспектор в большом доме с белыми стенами. — Он указал в ту сторону, откуда она пришла, заодно облив себе ботинок. — Там, справа.

Указания, несмотря на состояние полицейского, оказались верными. Справа тянулась улица с притихшими домами, и на следующем перекрестке стоял большой дом, чьи стены казались белыми в лунном свете. Часового на входе не было, охрана, должно быть, отправилась на поиски удовольствий, какие мог предложить Идеал. Сюзанна толкнула дверь и вошла в дом. Никто ее не остановил.

К стене прихожей были привалены заградительные щиты, однако ей уже не требовалось подтверждения, что это тот самый дом. Сюзанна нутром чуяла, что Хобарт в одной из комнат последнего этажа.

Она начала подниматься по лестнице, не вполне понимая, что будет делать, когда отыщет его. Он превратил ее жизнь в кошмар, и она хотела заставить его об этом пожалеть. Но убивать Хобарта Сюзанна не собиралась. Ей было достаточно тяжело после уничтожения Магдалены, а убийство человека сильно превышает то, что сможет вынести ее совесть. Лучше просто забрать у него книгу и уйти.

На верхней площадке начинался коридор, и в конце его виднелась приоткрытая дверь. Сюзанна подошла и распахнула ее. Он был здесь, ее враг: один, обмякший в кресле, с закрытыми глазами. У него на коленях лежала книга сказок. От одного ее вида Сюзанна затрепетала. Она не стала мешкать в дверях, а сразу пошла по голым половицам к спящему Хобарту.

Во сне он плыл в каком-то тумане. Бабочки кружились у него над головой, хлопали покрытыми пыльцой крыльями по глазам, а он никак не мог поднять руку, чтобы прогнать их. Где-то рядом он чувствовал опасность, но с какой стороны она придет?

Туман сдвинулся влево, затем вправо.

— Кто?.. — пробормотал он.

От этого слова Сюзанна застыла на месте. Она была в ярде от кресла, не дальше. Хобарт добавил что-то еще, слов она не разобрала. Однако он не просыпался.

Ему снилось, что в тумане мелькает чей-то неуловимый силуэт. Он боролся, стараясь освободиться от летаргии, придавившей его к земле, силился проснуться, чтобы защитить себя.

Сюзанна приблизилась к нему еще на один шаг.

Хобарт снова застонал.

Она протянула дрожащую руку к книге. Когда она дотронулась до страницы, Хобарт вдруг открыл глаза. Сюзанна не успела забрать книгу, потому он крепко сжал ее в пальцах и поднялся.

— Нет! — выкрикнул он.

Потрясенная его внезапным пробуждением, Сюзанна едва не выпустила книгу. Но она не собиралась сдаваться без боя: эта вещь по праву принадлежит ей! Завязалась борьба за право обладания томом.

А затем, без всякого предупреждения, завеса тьмы поднялась от их рук. Точнее, от книги, которую они тянули в разные стороны.

Сюзанна посмотрела Хобарту в глаза. Он был не меньше ее потрясен силой, внезапно слетевшей с их сплетенных пальцев. Тьма поднималась между ними облаком дыма, расплываясь под потолком и снова опускаясь, погружая их в ночь среди ночи.

Хобарт испуганно вскрикнул. В следующий миг из книги стали выплывать слова, белые контуры на фоне дыма. Пока они поднимались, Сюзанна и Хобарт превращались в то, что означали эти слова. Или наоборот — Сюзанна и Хобарт падали, становились символами, а книга раскрылась, чтобы вобрать их в себя. Так или иначе, все кончилось очень быстро.

Поднялись они или упали, обратились в символы или воплотились, они попали внутрь сказки.

VIII
Дракон

В том месте, куда они попали, было темно. Темно и тревожно. Сюзанна ничего не видела впереди, даже собственных пальцев, однако слышала мягкий шепот. Его приносил теплый ветер, наполненный ароматом сосен. Они оба касались ее лица, шепот и ветер, оба волновали ее. Сказочные существа из книги Мими знали о присутствии Сюзанны, потому что они с Хобартом очутились именно там, внутри книги.

Каким-то непостижимым образом во время борьбы они трансформировались — или трансформировались их мысли. И вошли в жизнь слов.

Сюзанна стояла в темноте и слушала окружавший ее со всех сторон шепот. Она решила, что все это не так уж сложно для понимания. В конце концов, автор книги обратил свои мысли в слова и при этом знал, что читатель расшифрует их и снова обратит в мысли. Даже более того: читатель воссоздаст воображаемую жизнь. Ведь Сюзанна сейчас здесь, живет этой жизнью. Потерялась среди «Geschichten der Geheimen Orte» или обрела себя в сказке.

Через некоторое время она осознала, что со всех сторон мелькают слабые огоньки. Или это она движется, бежит или летит? Здесь возможно все, это же сказочная земля. Сюзанна сосредоточилась и постаралась уяснить, что означают эти вспышки света и темнота. Она тут же поняла, что несется на большой скорости по аллее неведомых деревьев, громадных первобытных деревьев, а свет между стволами разгорается все ярче.

Где-то впереди ее поджидал Хобарт. Или он ждал не ее, а то существо, в которое она превратилась на страницах книги.

Потому что она была уже не Сюзанной; вернее, не только Сюзанной. Она не могла оставаться здесь просто Сюзанной, точно так же, как Хобарт не мог оставаться просто Хобартом. Они сделались сказочными персонажами девственного леса. Они притягивали к себе мечты, расцветавшие в этом месте, желания и верования, которые наполняли детские сказки и таким образом порождали новые желания и верования.

Можно было выбрать для себя персонаж из бесчисленного множества героев, скитавшихся по дремучему лесу. Ведь в каждой сказке происходят подобные сцены: в чаще бросают бедных сироток — на погибель или для того, чтобы они обрели себя; туда забредают невинные девы, преследуемые волками, и гонимые влюбленные. Здесь птицы умеют говорить, а лягушки становятся принцессами, в каждой рощице есть озеро или колодец, а в каждом дупле дерева — дверь в Нижний мир.

Кем же из этого множества образов является Сюзанна? Ну конечно, она дева. С самого детства она выбирала именно этот персонаж. Она ощутила, как в дремучем лесу сделалось светлее от этой мысли, как будто она воспламенила ею воздух.

— Я дева… — пробормотала она. — А Хобарт — дракон.

Да. Вот оно, именно так.

Скорость полета увеличилась, страницы все перелистывались. И вот она увидела впереди металлический блеск между деревьями: там ждал большой змей. Он обернулся сверкающими кольцами вокруг дерева, из которого Ной строил ковчег. Огромная плоская морда покоилась на ковре из кроваво-красных маков. Он был ужасно старый.

Однако каким бы совершенным до самой последней крошечной детали ни казался змей, Сюзанна видела в нем Хобарта. Инспектор был частью узора, сотканного из света и тьмы, и там же — это самое странное — было и слово «дракон». У Сюзанны в голове все три

составляющих сливались в единую форму: оживший текст из человека, слова и чудовища.

Змей Хобарт открыл зрячий глаз. Из второго торчал обломок стрелы — наверное, дело рук какого-то героя, прошедшего осиянный славой путь в надежде расправиться с чудовищем. Но уничтожить его оказалось не так просто. Дракон все еще жил, тело его не сделалось менее громадным от тех шрамов, что покрывали его, блеск его чешуи не померк. А его здоровый глаз? В нем светилось столько злости, что ее хватило бы на целое семейство драконов.

Он увидел деву и приподнял голову. Капля ядовитой слюны стекла с его губы на землю, уничтожив маки.

Полет Сюзанны оборвался. Она почувствовала, как взгляд чудовища пригвоздил ее к месту, и задрожала всем телом. Дева стала опускаться вниз, к темной земле, словно покалеченная бабочка. Почва вздымалась от слов или это обломки костей? Что бы там ни было, она упала между ними, и осколки полетели в стороны.

Сюзанна поднялась на ноги и огляделась. Вокруг было совершенно пусто: ни героя, которого можно попросить о помощи, ни мамы, которая может утешить. Она осталась один на один со змеем.

Дракон поднял голову выше, и один незаметный жест привел в движение всю гору сверкающих колец.

Без сомнения, он был прекрасен. Переливающаяся всеми цветами радуги чешуя сверкала: великолепие воплощенного зла завораживало. Глядя на него, Сюзанна испытала восторг пополам с ужасом, и это ощущение она хорошо помнила с самого детства. Словно в ответ на ее чувства, дракон заревел. Его рев был страстным и низким; казалось, звук рождается в кишках и проходит по всему телу, прежде чем вырваться из леса бесчисленных острых зубов обещанием того, что скоро будет еще жарче.

Свет между деревьями погас. Ни одна птица не верещала и не пела, замолчали и звери, если кто-то из них вообще жил рядом с драконом или осмеливался сунуться в его владения. Даже кости-слова и алые маки исчезли, оставив двух героев, деву и змея, разыгрывать свою историю.

— Все закончится здесь, — произнес Хобарт грохочущим драконьим голосом.

Каждое его слово полыхало огнем, поджигая пылинки, пролетавшие у нее над головой. Однако Сюзанна совершенно не испугалась, наоборот, пришла в полный восторг. Она столько раз наблюдала этот ритуал со стороны и вот наконец сама стала действующим лицом.

— Что, неужели тебе нечего мне сказать? — спросил дракон, выталкивая слова между стиснутыми зубами. — Ни благословения? Ни объяснения?

— Ничего, — решительно ответила она.

Какой толк в разговорах, если они видят друг друга насквозь? Они-то знают друг друга, верно? Знают, кто они друг для друга. Перед последней битвой в любой серьезной сказке герои много болтают. Когда сказать больше нечего, остается только действие: смертоубийство или женитьба.

— Что ж, хорошо, — сказал дракон и двинулся к ней, волоча свою коротконогую тушу через разделявший их пустырь.

«Он собирается убить меня, — подумала Сюзанна. — Нужно действовать быстро».

Что делала дева в подобных обстоятельствах, чтобы защитить себя? Она спасалась бегством или пела, чтобы усыпить змея.

Дракон уже возвышался над ней, но не нападал. Вместо этого он закинул назад голову, открывая светлую нежную кожу на горле.

— Не мешкай, пожалуйста, — прорычал он.

Сюзанна была сбита с толку.

— Не мешкать? — переспросила она.

— Убей меня, и дело с концом, — сказал он.

Разум ее не вполне осознал, к чему такой поворот, но телу, в котором она пребывала сейчас, все было ясно. Она ощутила, как это тело изменяется в ответ на подобное

приглашение, в нем рождалась новая зрелость. Выжить в этом мире, будучи невинной девой, не получилось. Она теперь взрослая женщина, она сильно изменилась за последние месяцы, сбросила с себя годы мертвящего сна, нашла магию внутри себя, много выстрадала. Роль девы — сплошная патока и нежные вздохи — не для нее.

Хобарт знал это лучше самой Сюзанны. Он явился на эти страницы не маленьким мальчиком, он пришел как взрослый мужчина и нашел для себя роль, отвечающую его самым тайным и запретным мечтам. Здесь нет места притворству. Сюзанна не была наивной девственницей, он не был злобным драконом. В самом сокровенном уголке души он был обессиленным и соблазненным; его самым мучительным образом приносили в жертву. Вот почему дракон открыл перед девой белое горло.

— Убей меня, и дело с концом, — сказал он, немного наклонив голову, чтобы видеть ее.

В его уцелевшем глазу Сюзанна впервые увидела, как Хобарт уязвлен собственной одержимостью. Ведь он превратился в ее раба, он вынюхивал ее, как потерявшаяся собака, и с каждым прошедшим днем все сильнее ненавидел ее за ту власть, какую она имела над ним.

В иной реальности, откуда они пришли, в той комнате посреди большого Королевства (мир внутри мира), Хобарт был бы с ней жесток. При случае он даже убил бы ее из страха перед правдой, в которой сознавался себе только в священной роще своих мечтаний. Но здесь ему нечего было сказать, кроме правды. Вот потому он и подставлял пульсирующее горло, и тяжелое веко над глазом трепетало. Это он был девой, напуганной, одинокой, готовой скорее умереть, чем пожертвовать своей вечной непорочностью.

Во что же тогда должна превратиться Сюзанна? В чудовище, разумеется. Это она чудовище.

Не успела она подумать, как уже почувствовала.

Она почувствовала, что ее тело разрастается, становится все больше и больше. В жилах струилась холодная кровь, как у акулы. Жар разливался по утробе.

А Хобарт перед ней съежился. Драконья кожа сошла с него шелковистым полотнищем, и он стоял разоблаченный, нагой и белый мужчина, покрытый ранами. Непорочный рыцарь в конце утомительного пути, лишенный сил и уверенности.

Теперь сброшенная им кожа покрыла Сюзанну. Прочная чешуя сверкала. Размеры нового тела радовали, его хозяйка пришла в восторг от ощущения угрозы, которая от нее исходит, и невероятности происходящего. Именно такой она мечтала увидеть себя на самом деле, вот это настоящая Сюзанна. Она была драконом.

Теперь, когда урок усвоен, что она должна сделать? Завершить историю так, как того хотел стоявший перед ней мужчина? Испепелить его? Проглотить?

Глядя вниз на этого бесцветного человечка с высоты своего роста, вдыхая исходящий от него запах грязи и пота, она поняла, что сумеет поступить так, как положено дракону, и сожрать его. Это совсем не сложно.

Сюзанна двинулась на Хобарта, заслоняя его своей тенью. Он рыдал и благодарно улыбался, подняв к ней лицо. Она разинула громадную пасть. От ее дыхания всколыхнулись волосы у него на голове. Она могла бы схватить и проглотить его одним быстрым движением, но замешкалась. Ее отвлек чей-то голос неподалеку. Неужели в роще есть кто-то еще? Голоса, совершенно точно, раздавались с тех страниц. Они не походили на человеческие, хотя какие-то слова пытались прорваться через гавканье и ворчание. Собака, свинья, человек, сочетание всех троих, и все трое в панике.

Рыцарь Хобарт открыл глаза, и в них появилось кое-что новое помимо слез и усталости. Он тоже услышал голоса и слушал их до тех пор, пока они не напомнили ему о мире за пределами Дремучего Леса.

Миг возможного торжества дракона остался в прошлом. Сюзанна взревела от возмущения, но было слишком поздно. Она чувствовала, как теряет чешую и возвращается от мифического к обыденному, а покрытое шрамами тело Хобарта тем временем затрепетало, как пламя свечи на ветру, и исчезло.

То мгновение промедления, без сомнения, дорого ей обойдется. Она не сумела

завершить историю, не удовлетворила желание жертвы принять смерть, а лишь дала лишний повод ненавидеть себя. Какие перемены должны были произойти в Хобарте, чтобы он захотел быть сожранным? Возмечтал укрыться в утробе дракона, пока не родится заново для этого мира?

Слишком поздно, черт побери, слишком поздно. Страницы больше не вмещали их. Оставив противостояние незавершенным, они вывалились в мир россыпью знаков препинания. Однако звериные крики не смолкли у них за спиной, а становились все громче по мере того, как рассеивалась тьма Дремучего Леса.

Единственная мысль Сюзанны была о книге. Томик сказок снова оказался у нее в руках, и она еще сильнее вцепилась в него. Но и Хобарт думал о том же. Когда комната вокруг них проявилась во всей осязаемости, Сюзанна почувствовала, что Хобарт готов содрать кожу с ее пальцев в яростном желании заполучить награду.

— Тебе нужно было убить меня, — услышала она его бормотание.

Сюзанна посмотрела ему в лицо. Он казался еще более измотанным, чем рыцарь перед драконом. Пот катился по его впалым щекам, в глазах застыло отчаяние. Через мгновение он осознал это, и взгляд его сделался арктически ледяным.

Кто-то колотил в дверь с другой стороны, откуда и доносилась болезненная какофония звериных криков.

— Подождите! — крикнул Хобарт гостям, кто бы они ни были. При этом он оторвал одну руку от книги, вытащил из кармана пистолет и наставил дуло в живот Сюзанне. — Отпусти книгу, не то я застрелю тебя.

У нее не было иного выхода, кроме как подчиниться. Менструум недостаточно скор, чтобы обогнать пулю.

Однако когда ее руки выпустили том, дверь широко распахнулась, и все мысли о книге улетучились при виде того, что появилось на пороге.

Некогда эта четверка была гордостью отряда Хобарта: самые умные, самые жестокие. Однако нынешняя ночь, до краев полная алкоголя и соблазнов, не только расстегнула на них штаны. Ночь вывела из-под контроля их разум Словно то свечение, которое Сюзанна когда-то видела на Лорд-стрит над головами людей и ясновидцев, каким-то образом забралось внутрь этих четверых. Расцарапанная кожа на их лицах и конечностях вздулась и сочилась кровью, темные пузыри шевелились под кожей, как крысы под одеялом.

В ужасе от этой напасти, они в клочья разодрали на себе одежду, их торсы блестели от пота и крови. А из глоток вырывались нестройные звуки, которые рыцарь и дракон услышали из книги. Животное состояние полицейских подтверждалось дюжиной жутких деталей: у одного лицо кривилось, обращаясь в рыло, руки другого утолщались, словно лапы.

Вот так, решила Сюзанна, ясновидцы противостоят оккупантам. Они избрали пассивное сопротивление: чарами навели морок на армию завоевателей, породив многочисленные кошмары. Сюзанна была готова ко многому, но это зрелище ее потрясло.

Один из стаи уже ввалился в комнату. Его рот и лоб кривились, готовые взорваться. Он явно пытался что-то сказать Хобарту, но его глотка могла воспроизвести лишь нечто вроде жалобы кота, схваченного за шкирку.

Хобарт не собирался вникать в его мяуканье. Он нацелил свое оружие на несчастного, приближавшегося к нему.

— Не подходи, — приказал он.

Его подчиненный что-то невнятно промычал. Из его открытого рта стекала слюна.

— Убирайся! — ответил ему Хобарт. И сделал шаг навстречу четверке.

Их вожак попятился, как и все остальные, застрявшие в дверях. Не из страха перед оружием, поняла Сюзанна, а просто потому, что Хобарт был хозяином. Новые тела подтверждали то, что в них вбили за долгие годы тренировок: они — лишенные собственного разума животные, стоящие на страже закона.

— Вон! — снова приказал Хобарт.

Они уже пятились в коридор, ярость их утихла, уступив место страху перед Хобартом.

Еще миг, и больше ничто не отвлечет его внимания, подумала Сюзанна. Он снова сосредоточится на ней, и шаткое преимущество, полученное благодаря этому вторжению, будет утеряно навсегда.

Ей нужно полагаться на собственное чутье, другого случая может не представиться.

Улучив момент, Сюзанна подбежала к Хобарту и вырвала книгу из его руки. Он вскрикнул и обернулся к ней, все еще целясь в завывающую четверку, чтобы не подпустить их ближе. Как только он отвел от них глаза, твари снова начали придвигаться.

— Отсюда нет другого выхода, — сказал Хобарт Сюзанне, — только через эту дверь. Неужели ты захочешь пойти туда?

Твари, кажется, почувствовали, как что-то назревает, и принялись завывать еще громче. Словно в зоопарке перед кормежкой. Сюзанна не пройдет и двух шагов по коридору, как они набросятся на нее. Хобарту удалось ее поймать.

При этой мысли она ощутила, как изнутри поднимается менструум, всплывает с захватывающей дух скоростью.

Хобарт тотчас догадался, что она собирается с силами. Он быстро подошел к двери и захлопнул ее перед носом воющей стаи, затем снова посмотрел на Сюзанну.

— Мы видели кое-что, верно? — проговорил он. — Только ты никому не расскажешь об этом. Ведь чтобы рассказать, надо остаться в живых.

Он нацелил пистолет ей в лицо.

Сложно сказать, что именно произошло потом. Может быть, Хобарт выстрелил и пуля чудесным образом ушла далеко в сторону, разбив окно у нее за спиной. Так или иначе, но ночной воздух хлынул в комнату, а в следующий миг менструум наполнил Сюзанну с головы до пят, развернул на месте, и она кинулась к окну, не успев осознать, куда ее влечет, пока не оказалась на подоконнике и не спрыгнула вниз.

Окно находилось на третьем этаже. Но было поздно размышлять о таких мелочах. Она уже прыгнула, или выбросилась, или… полетела!

Менструум подхватил ее, растянувшись до стены противоположного дома, и позволил соскользнуть из окна на крышу по его прохладной спине. Это был не совсем полет, но казалось именно так.

Улица промелькнула внизу, когда Сюзанна съехала по сгустившемуся воздуху к карнизу соседнего дома, чтобы взлететь и перенестись через крышу. Она слышала, как крики Хобарта затихают за спиной.

Конечно, она не может вечно отсиживаться на крыше, но во время полета ощущения были самые восхитительные. Она скатилась вверх тормашками на следующую крышу, и как раз в этот миг первый проблеск зари возник между холмами. Вскоре свет разлился над шпилями и трубами, а затем и ниже, над площадью, где уже проснулись навстречу новому дню птицы.

Когда Сюзанна спустилась на площадь, они загалдели, встревоженные поворотом эволюции, породившим подобную птицу. Ее приземление, должно быть, убедило их в том, что такая модель еще нуждается в серьезной доработке. Она прокатилась по мощеному тротуару — менструум смягчил приземление — и остановилась в нескольких дюймах от мозаичной стены.

Дрожа и ощущая тошноту, Сюзанна поднялась на ноги. Весь полет занял не более двадцати секунд, но уже слышались звуки тревоги, поднятой на соседней улице.

Сжимая в руках подарок Мими, она кинулась прочь с площади и из города. Дорога вынудила ее сделать круг и дважды чуть не привела в руки преследователей. С каждым шагом Сюзанна получала по новому синяку, но главное — после этого ночного приключения она выжила и поумнела.

Жизнь и мудрость. О чем еще можно мечтать?

IX
Пожар

За те сутки, пока Сюзанна выясняла отношения с Хобартом в Идеале и Дремучем Лесу, Кэл и де Боно посетили не менее удивительные места. Они переживали свои горести и откровения, они тоже были ближе к смерти, чем им хотелось бы.

После расставания с Сюзанной они шли в сторону Небесного Свода молча, пока де Боно вдруг не спросил:

— Ты ее любишь?

Как ни странно, та же самая мысль занимала Кэла, однако он не ответил на вопрос. Откровенно говоря, парень смутил его.

— Ну и дурак! — возмутился де Боно. — Почему вы, чокнутые, боитесь собственных чувств? Она достойна любви, даже мне это понятно. Так почему бы не сказать об этом?

Кэл пробурчал что-то. Де Боно прав, но он не собирается выслушивать поучения какого-то юнца.

— Ты ее боишься, верно? — продолжал де Боно.

Это замечание еще сильнее задело Кэла.

— Господи, конечно нет, — ответил он. — С чего мне ее бояться?

— У нее есть сила, — ответил де Боно, снимая свои очки и изучая раскинувшуюся впереди землю. — У большинства женщин она есть. Именно поэтому Старбрук не пускает их на свое поле. Это выводит его из равновесия.

— А что тогда есть у нас? — спросил Кэл, пиная ногой камешек.

— У нас есть член.

— Тоже Старбрук сказал?

— Де Боно, — последовал ответ, и мальчишка засмеялся. — Вот что я тебе скажу, — произнес он. — Я знаю одно местечко, куда можно зайти…

— Никаких заходов, — отрезал Кэл.

— Но всего на час-другой? — сказал де Боно. — Ты слышал когда-нибудь о Венериных холмах?

— Я же сказал, никаких заходов, де Боно. Если хочешь, иди один.

— Господи, какой ты зануда, — вздохнул де Боно. — А я ведь могу запросто бросить тебя здесь.

— Меня все равно не развлекают твои дурацкие вопросы, — огрызнулся Кэл. — Так что, если хочешь собирать цветочки, оставайся и собирай. Только скажи мне, куда идти.

Де Боно замолчал. Они шли дальше, и, когда снова начали разговор, де Боно стал рассказывать о Фуге. Он явно испытывал желание насладиться невежеством своего спутника, а не поделиться знаниями. Дважды Кэл затаскивал болтающего юнца в укрытие, когда на горизонте появлялись патрульные Хобарта. Во второй раз им пришлось просидеть в кустах два часа, пока патрульные методично напивались совсем рядом с ними.

Наконец они продолжили путь, но шли уже медленнее. Затекшие конечности налились свинцом, дали о себе знать голод и жажда. К тому же их раздражало общество друг друга. И, что хуже всего, сгущались сумерки.

— Далеко еще? — спросил Кэл.

В тот день, когда он смотрел на Фугу с высоты стены во дворе Мими, запутанный ландшафт обещал бесчисленные приключения. Теперь же, среди этой путаницы, он многое бы отдал за хорошую карту.

— Порядочно, — ответил де Боно.

— А ты вообще-то знаешь, куда нас черти занесли?

Де Боно поджал губы.

— Естественно.

— Тогда скажи название.

— Что?

— Как называется это место?

— Будь я проклят, если скажу! Ты должен верить мне, чокнутый!

За последние полчаса поднялся ветер. Он донес крики, из-за которых путники забыли о перепалке.

— Пахнет костром, — заметил де Боно.

Так оно и было. Ветер нес с собой не только болезненные крики, но и запах горящего дерева. Де Боно уже зашагал вперед, чтобы отыскать источник звуков. Кэл был бы счастлив бросить этого канатоходца и пойти дальше, однако — пусть он и сомневался в способностях де Боно — такой проводник все-таки лучше, чем никакого. И Кэл побрел вслед за ним сквозь сгущавшиеся сумерки вверх по пологому склону. За полем, на котором возвышалось множество арок, им открылся вид на пожар. Небольшой лесок был охвачен огнем, ветер раздувал языки пламени. На краю обширного горящего участка стояло много машин, по большей части принадлежавших бойцам освободительной армии Хобарта, и шел бой.

— Скоты, — произнес де Боно, когда люди Хобарта догнали очередную жертву и свалили на землю дубинками и пинками. — Чертовы чокнутые!

— Там не только наши… — начал Кэл.

Но не успел он закончить фразу в защиту человечества, как слова застыли у него на языке, потому что он узнал место, горящее впереди.

Это был не лес. Деревья росли не в беспорядке, а стройными рядами. Когда-то он читал под этими поразительными деревьями стихи Безумного Муни. А теперь фруктовый сад Лемюэля Ло полыхал от края до края.

Он помчался вниз по склону к горящему саду.

— Куда тебя несет? — выкрикнул ему вслед де Боно. — Кэлхоун! Какого лешего ты вытворяешь?

Он побежал за Кэлом и схватил его за руку:

— Кэлхоун! Выслушай меня!

— Отвяжись!

Кэл пытался вырваться из хватки де Боно. От резкого движения земля на склоне провалилась у него под ногами, он потерял равновесие и упал, потянув юношу за собой. Они скатились с холма, подняв тучу пыли и камней, и остановились по пояс в высокой воде, в канаве под холмом. Кэл рванулся на другую сторону канавы, но де Боно вцепился ему в рубашку.

— Ты не можешь ничего поделать, Муни, — сказал он.

— Отвяжись от меня.

— Слушай, я прошу прощения за те слова о чокнутых, ладно? Мы тоже племя вандалов.

— Забудь, — отозвался Кэл, не сводя глаз с пожара. Он сбросил с себя руку де Боно. — Я знаю это место, — сказал он. — И не могу позволить ему просто так сгореть.

Кэл выбрался из канавы и пошел на свет пожара. Он перебьет скотов, устроивших это, кем бы они ни были. Убьет, и это будет справедливо!

— Слишком поздно! — прокричал ему вслед де Боно. — Ты ничем не поможешь.

Мальчишка был прав. К утру от сада не останется ничего, кроме золы. Однако Кэл все равно не мог повернуться спиной к тому месту, где впервые вкусил чудес Фуги. Смутно сознавая, что де Боно плетется за ним, и совершенно безразличный к этому факту, он пошел дальше.

Подойдя ближе, Кэл понял, что войска пророка (это слово им льстило, они были просто шайкой бандитов) встретили сопротивление. Вокруг пылающего сада тут и там завязались рукопашные схватки. Но защитники были легкой добычей поджигателей, для которых это варварство ничего не значило. Они явились в Фугу с оружием и могли истребить всех ясновидцев за считанные часы. Кэл видел, как один ясновидец упал, сраженный пистолетным выстрелом, какая-то женщина бросилась ему на помощь и тоже погибла. Бойцы переходили от тела к телу, убеждаясь, что дело сделано. Первая жертва была еще жива. Человек воздел руки навстречу своему палачу, а тот нацелил пистолет ему в голову и выстрелил.

Приступ тошноты скрутил внутренности Кэла, когда к запаху дыма примешалась вонь горящего мяса. Он не смог сдержаться. Ноги его подкосились, и он упал на землю, пустой желудок выворачивало наизнанку. В этот миг его бессилие стало очевидным: мокрая одежда заледенела на спине, в горле стоял привкус желчи, а рядом горел райский сад. Ужасы Фуги впечатляли так же сильно, как и ее красоты. Падать дальше было некуда.

— Пойдем отсюда, Кэл.

Рука де Боно легла ему на плечо. Другой рукой юноша протянул Кэлу пучок только что сорванной травы.

— Вытри лицо, — сказал он с сочувствием. — Уже ничего не исправить.

Кэл прижал траву к носу и вдохнул прохладный сладкий запах. Тошнота прошла. Он отважился бросить еще один взгляд на горящий сад. В глазах у него стояли слезы, и сначала он подумал, что зрение его подводит. Кэл всхлипнул и утер глаза тыльной стороной ладони. Потом посмотрел снова и там, в клубах дыма, увидел Лемюэля.

Кэл произнес его имя.

— Где? — спросил де Боно.

Кэл уже поднимался на ноги, хотя коленки у него тряслись.

— Вон там, — ответил он, показывая рукой.

Хозяин сада склонился над одним из убитых, рука его потянулась к мертвому лицу. Что он там делает, закрывает покойнику глаза или благословляет его?

Кэл должен был обнаружить себя, поговорить с Лемюэлем, хотя бы просто сказать, что видел все эти ужасы и они не останутся безнаказанными. Он повернулся к де Боно. В глазах канатоходца играло пламя, мешая разглядеть их выражение, но зрелище явно не оставило его равнодушным.

— Жди здесь, — велел Кэл. — Мне нужно переговорить с Лемом.

— Ты ненормальный, Муни, — ответил де Боно.

— Может быть.

Он пошел к горящему саду, окликая Лема по имени. Бандиты, кажется, устали. Некоторые вернулись к своим машинам, кто-то мочился в огонь, остальные просто смотрели на пламя, отупев от выпивки и кровопролития.

Лемюэль уже оставил тело и теперь уходил через руины сада. Кэл снова окликнул его, но рев пламени заглушал остальные звуки. Он пошел быстрее, и тогда Лем заметил его. Видимо, он не узнал Кэла и побежал, испуганный видом приближавшегося человека. Кэл снова выкрикнул его имя, и на этот раз Ло услышал. Он остановился и обернулся, щурясь от дыма и копоти.

— Лем! Это же я! — закричал Кэл. — Я, Муни!

Скорбное лицо Лемюэля было не способно на улыбку, однако он раскинул руки, приветствуя Кэла, а тот преодолевал последние ярды между ними, пока завеса дыма снова не скрыла их друг от друга. Он успел добежать, и они по-братски обнялись.

— О мой поэт, — произнес Ло. Глаза его покраснели от слез и дыма. — Вот уж не чаял увидеть тебя здесь.

— Я же говорил, что не забуду, — сказал Кэл. — Помнишь?

— Господи, да, помню.

— Зачем они это сделали, Лем? Почему они все сожгли?

— Это не они, — ответил Лем. — Это я все сжег.

— Ты?

— Думаешь, я позволил бы этим скотам угощаться моими фруктами?

— Но, Лем… деревья… Все деревья!

Ло покопался в карманах и вынул оттуда пригоршню иудиных груш. Они были помятые и потрескавшиеся, истекавшие блестящим соком, капавшим с пальцев Ло. Аромат разлился в задымленном воздухе, возвращая воспоминания о прежних временах.

— В каждом из них есть семена, поэт, — сказал Лем. — А каждое семя заключает в себе дерево. Я найду другое место и высажу их.

Это были бодрые слова, но он говорил и плакал.

— Они не смогут нас победить, Кэлхоун, — произнес он. — Кто бы они ни были, они не поставят нас на колени.

— Ты должен выжить, — сказал Кэл. — Иначе все будет потеряно.

Тем временем взгляд Ло переместился с его лица на толпу рядом с машинами.

— Нам пора уходить. — Лемюэль засовывал плоды обратно в карман. — Ты пойдешь со мной?

— Я не могу, Лем.

— Что ж… я научил своих дочерей твоим стихам, — сказал Ло. — Я запомнил их, как ты запомнил меня…

— Это не мои стихи, — поправил Кэл. — Это стихи моего деда.

— Теперь они принадлежат всем нам, — отозвался Ло. — Семена упали в добрую почву…

Внезапно прогремел выстрел. Кэл обернулся. Трое из тех, кто наблюдал за пожаром, заметили их и теперь шагали по направлению к ним. Они были вооружены.

Ло на мгновенье задержал руку Кэла в своей и пожал ее на прощание. Это длилось недолго, потому что за первым выстрелом последовали другие. Ло устремился в темноту, прочь от вспышек выстрелов, но земля была неровная, и он упал через несколько шагов. Кэл кинулся за ним, когда автоматчики начали стрелять снова.

— Не ходи за мной! — выкрикнул Ло. — Ради бога, беги!

Он шарил по земле, собирая выпавшие у него из кармана плоды. Когда Кэл был уже рядом, одна пуля попала в цель. В Лемюэля Ло. Он вскрикнул и схватился за бок.

Автоматчики теперь подошли почти вплотную к своим мишеням. Теперь они не стреляли, а всматривались сквозь дым, чтобы лучше прицелиться. Однако не успели они пройти полдюжины ярдов, как в дыму что-то промелькнуло и свалило командира с ног. Удар пришелся по голове и нанес серьезную рану. Кровь залила глаза и ослепила человека.

Кэл успел рассмотреть снаряд, угодивший в командира, и узнал в нем радиоприемник, а затем сам де Боно вынырнул из дымовой завесы, привлекая к себе внимание автоматчиков. Они не могли не услышать его, он завывал, как сумасшедший. Кто-то выстрелил в него, но пуля ушла далеко в сторону. Де Боно промчался мимо бандитов в сторону горящего сада.

Командир держался рукой за голову и пытался встать на ноги, готовый кинуться в погоню. Выходка де Боно отвлекла внимание палачей, но она была настоящим самоубийством. Он оказался прижат к стене горящих деревьев. Кэл успел разглядеть, как он мчится сквозь дым к охваченному пламенем саду, а убийцы с воплями несутся за ним. Загремели выстрелы. Юноша увертывался от пуль с ловкостью танцора, кем он, собственно, и был. Однако избежать разверзшегося впереди огненного ада он никак не мог. Кэл увидел, как де Боно обернулся на своих преследователей, а затем — что за идиот! — кинулся в огонь. Большинство деревьев уже обратились в горящие столбы, но земля под ними идеально подходила для любителей танцевать на углях — сплошная горячая зола. Воздух дрожал от жара, искажая фигуру де Боно, пока он не скрылся между деревьями.

Времени скорбеть не было. Героический поступок юноши отвлек внимание отряда Хобарта, но это ненадолго. Кэл развернулся к Лемюэлю, однако тот исчез; осталась лишь лужица крови и несколько раскатившихся плодов на том месте, где он недавно лежал. Автоматчики вернулись к горящему саду, чтобы подстрелить де Боно, если он вдруг выбежит. У Кэла было время понаблюдать, но он никого не увидел. Тогда он побрел прочь от погребального костра, обратно на склон холма, где они с де Боно дрались. По дороге в нем зародилась робкая надежда. Он решил изменить маршрут и сделать крюк, чтобы пройти с другой стороны сада.

Воздух там был не такой задымленный, ветер относил дым в противоположную сторону. Кэл побежал вдоль границы сада; он надеялся, наперекор здравому смыслу, что де Боно все-таки уцелел в этом пекле. На середине пути его дикий от ужаса взгляд наткнулся на пару обгорелых башмаков. Кэл пнул их и поспешил дальше, высматривая хозяина обуви.

И только отвернувшись от пламени, он увидел в поле чей-то силуэт по пояс в высокой траве, в двух сотнях ярдов от сада. Даже с такого расстояния Кэл узнал эту светловолосую голову. Самоуверенную улыбку он разглядел, подойдя ближе.

Де Боно лишился бровей и ресниц, сильно опалил волосы. Но он был жив и здоров.

— Как тебе удалось? — спросил Кэл, когда подошел к нему.

Де Боно пожал плечами.

— Лучше ходить по углям, чем плясать на канате, — проговорил он.

— Если бы не ты, я бы погиб, — сказал Кэл. — Спасибо.

Де Боно явно смутился от слов благодарности. Он отмахнулся, затем повернулся спиной к горящему саду и пошел по траве. Кэлу оставалось только следовать за ним.

— Ты знаешь, куда мы идем? — спросил Кэл.

Ему показалось, что они направились не в ту сторону, в какую двигались до пожара, но судить наверняка он не мог.

Де Боно ответил что-то, но ветер унес его слова, а Кэл слишком сильно устал, чтобы повторять вопрос.

X
Неземные наслаждения

1

Скоро путешествие превратилось в пытку. События в саду лишили Кэла последнего небольшого запаса сил. Мышцы на ногах дрожали, как будто их вот-вот сведет судорогой, позвонки в нижней части спины словно лишились всех хрящей и терлись друг о друга. Он старался не думать о том, что будет, когда они доберутся до Свода. Если они доберутся. Даже в самой лучшей форме они с де Боно едва ли способны конкурировать с Шедуэллом. В нынешнем же состоянии о победе и речи быть не может.

На периодически появляющиеся в звездном свете чудеса; кольцо камней, окутанных полосами говорящего тумана; кукольное семейство с одинаковыми бледными лицами, блаженно улыбавшимися из-под молчаливого водопада, — он, в лучшем случае, бросал любопытный взгляд. Только одно могло бы сейчас вызвать его улыбку: пуховая перина.

Но и чудеса закончились, когда де Боно повел его по темным холмам, где мягкий ветер шевелил траву у них под ногами.

Луна поднималась из кучевых облаков, и в ее свете де Боно, взбиравшийся по крутому склону, выглядел призраком. Кэл шел за ним покорно, как овечка. Он был слишком измучен, чтобы спрашивать, куда они идут.

Но постепенно Кэл начал осознавать, что те вздохи, которые он слышит, производит вовсе не ветер. В них звучала некая странная музыка, мелодия приходила и улетала снова.

Потом де Боно остановился и спросил:

— Ты слышишь их, Кэл?

— Да. Слышу.

— Они знают, что у них гости.

— Это и есть Небесный Свод?

— Нет, — ответил де Боно мягко. — Небесный Свод будет завтра. Мы слишком устали, чтобы идти туда. Эту ночь проведем здесь.

— А что это за «здесь»?

— Неужели ты еще не догадался? Разве ты не чувствуешь, какой здесь запах?

В воздухе ощущался легкий аромат: жимолость и душистый жасмин.

— И не чувствуешь, какая земля?

Земля у них под ногами была теплая.

— Это, друг мой, и есть Венерины холмы.

2

Надо было как следует подумать, прежде чем доверяться де Боно: несмотря на весь свой героизм, парень он не самый надежный. И вот теперь они теряли драгоценное время.

Кэл обернулся посмотреть, сумеет ли он найти обратную дорогу, но куда там луну почти полностью скрыла завеса облаков и холмы погрузились в темноту. Пока он оглядывался, де Боно исчез. Когда неподалеку раздался смех, Кэл окликнул своего проводника. И снова услышал смех. Для де Боно он звучал слишком легко, однако Кэл не был уверен.

— Ты где? — спросил он, но ответа не получил, поэтому просто пошел на смех.

Кэл сделал шаг и попал в поток теплого воздуха. Вздрогнув от неожиданности, он отступил, но тропическое тепло последовало за ним, медовый запах заполнил все вокруг. От этого аромата у него закружилась голова, гудящие ноги подгибались от доводящего до обморока удовольствия вдыхать его.

Чуть дальше по склону Кэл заметил чей-то силуэт; наверняка это был де Боно, бредущий в сумраке. Он снова окликнул парня по имени и на этот раз удостоился ответа. Де Боно оглянулся и сказал:

— Не дрейфь, чокнутый!

Голос его звучал как-то сонно.

— У нас нет времени, чтобы… — запротестовал Кэл.

— Ничего не могу… ничего не могу больше делать… — Голос де Боно всплывал и затихал, словно слабая радиоволна. — Ничего не могу делать сегодня… только любить…

Последние слова затихли, и сам де Боно растаял в темноте.

Кэл развернулся. Он был уверен, что де Боно отвечал ему с вершины холма; следовательно, если он повернется спиной к тому месту, где стоял канатоходец, он непременно уйдет отсюда тем же путем, каким они пришли.

Тепло следовало за ним, пока он менял направление.

«Я найду нового проводника, — смутно подумал Кэл. — Найду проводника и отыщу Небесный Свод».

У него назначена встреча с кем-то. Но с кем? Мысли его следовали за голосом де Боно. Ах да с Сюзанной.

Когда он мысленно произнес ее имя, тепло охватило его ноги, и это заставило Кэла опуститься на землю. Он не вполне понимал, как это произошло — никто его не тянул, не толкал, — но через миг уже опустил голову на землю и… о, какое наслаждение. Все равно что вернуться утром с мороза в постель к любимой женщине. Он потянулся, разминая усталые члены, и сказал себе, что полежит немного и соберется с силами перед грядущими испытаниями.

Должно быть, он благополучно заснул, а потом кто-то позвал его.

Не «Кэл», даже не «Кэлхоун», а:

— Муни…

Голос принадлежал не де Боно. Голос был женский.

— Сюзанна?

Он попытался сесть, но так отяжелел и зарос грязью за время путешествия, что не мог пошевелиться. Ему хотелось сбросить с себя вес, как змея сбрасывает старую кожу, но он лежал, не способный шевельнуть пальцем, а голос звал и звал его, затихая, когда поднимался искать Кэла вверх по холму.

Он очень хотел пойти за голосом. И вдруг, без всякого перехода, его желание исполнилось: одежда упала с него, и он пополз по траве, прижимаясь животом к телу земли. Как именно он передвигался, он не вполне понимал, потому что не ощущал, что шевелит конечностями, да и дыхание не участилось от прилагаемых усилий. Он вообще ничего не чувствовал, словно оставил тело и дыхание там же, где и одежду.

Лишь одно он захватил с собой: свет. Бледный холодный свет, который заливал траву и микроскопические горные цветочки, двигался так близко к Кэлу, что вполне мог бы быть его собственным.

В нескольких ярдах он заметил де Боно, спящего в траве; рот юноши был раскрыт, как у рыбы. Кэл двинулся к нему, чтобы о чем-то спросить, но не успел добраться, поскольку его внимание привлекло нечто другое. Рядом с тем местом, где лежал де Боно, из темной почвы вырывались лучи. Кэл прополз мимо спящего спутника, едва не разбудив того своим светом, а затем двинулся к этой новой загадке.

Загадка легко разрешилась. В земле было несколько отверстий, и он подполз к краю ближайшего из них, заглянул внутрь. Холм оказался полым внутри. Прямо под Кэлом находилась обширная пещера, по которой перемещались яркие пятна света Должно быть, это и были те существа, о которых толковал де Боно.

Подозрение Кэла, что он оставил свое тело где-то по дороге, подтвердилось, потому что он скользнул в дыру — настолько узкую, что туда не прошла бы даже его голова, не говоря о плечах, — и упал в верхние слои воздуха пещеры.

Он парил там, наблюдая за разворачивавшимся внизу действом.

На первый взгляд исполнители казались шарами светящегося газа. Их было штук сорок — одни большие, другие совсем маленькие, а цвета варьировались от прохладных белых до насыщенных желтых и красных. Но когда Кэл слетел вниз из-под потолка пещеры, подгоняемый не притяжением, а лишь собственной жаждой познания, он понял, что шары вовсе не пустые. Внутри гладких сфер возникали образы, похожие на призраков. Они были совершенно эфемерны, держались не больше секунды, после чего их затягивало блеклыми облаками и на их месте возникали новые очертания. Однако образы существовали достаточно долго, чтобы уловить в них смысл.

В нескольких сферах Кэл видел контуры, сильно напоминавшие человеческие зародыши с большими головами и ниточками-конечностями, которыми они обхватывали свои тела. Не успел он разглядеть их, как они уже исчезли, и в одном шаре возникла вспышка синего света, превратившая шар в громадный глаз. Внутри второй сферы свет бесконечно делился, словно влюбленная в самое себя клетка, а в третьей клубились тучи, за которыми Кэл сумел рассмотреть лес и холм.

Он был уверен, что сферы знают о его присутствии, хотя ни одна из них не изменила своего движения, чтобы как-то приветствовать его. Кэла это нисколько не задело. Их танец был слишком замысловатым, и если бы кто-то сбился с такта, произошла бы изрядная путаница. В движении сфер сквозила какая-то особенная неумолимость, они то и дело оказывались на волосок друг от друга и не успевали разойтись в стороны раньше, чем происходило столкновение. Они двигались группами или описывали сложные узоры вокруг других групп, в то же время перемещаясь по большому кругу с центром в середине пещеры.

Однако кроме величественно-спокойного танца здесь было еще кое-что чарующее. Дважды в одной из самых больших сфер Кэл замечал некий образ, несущий в себе невероятный эротический вызов. Обнаженная женщина, чьи длинные конечности нарушали все законы анатомии, проплывала на подушке облаков, и ее поза воплощала сексуальное томление. Пока Кэл рассматривал ее, она исчезла, но этот зовущий образ запечатлелся в сознании: ее рот, ее вульва, ее ягодицы. Такое бесстыдство не содержало в себе ничего порочного: пороком был бы стыд, ему не было места в чарующем хороводе. Все эти образы слишком сильно влюблены в жизнь, чтобы думать о глупых пустяках.

Смерть они тоже любили, и совершенно недвусмысленно. Одна сфера содержала внутри себя гниющий труп, облепленный мухами, и демонстрировала его с тем же восторгом, с каким остальные показывали свои красоты.

Но смерть, в отличие от той женщины, не интересовала Кэла.

«Не могу делать ничего сегодня, — говорил де Боно, — только любить». И сейчас Кэл понимал, что так оно и есть.

Однако любовь, какой знал ее Кэл на поверхности земли, не имела ничего общего со

здешней любовью. Женщина в сфере не нуждалась в сладких речах, она предлагала себя свободно. Вопрос лишь в том, как выказать свое желание? Ведь и эрекция осталась где-то там, на поверхности Венериных холмов.

Но ему не нужно было ничего придумывать, она все знала о его желании. Когда Кэл увидел женщину в третий раз, взгляды их встретились, и она затянула его внутрь хоровода. Он понял, что совершил медленное-медленное сальто и оказался рядом со своей любовницей.

Заняв свое место, он понял, какую роль играет здесь.

Голос над холмом не зря звал его Муни,[1] имя было выбрано не просто так. Он спустился внутрь холма как свет, лунный свет, и обрел свою орбиту в танце планет и спутников.

Хотя, возможно, он просто выдумывал. Может быть, создатели этой системы имели такое же отношение к любви и снежным буранам, как к астрономии. Перед лицом чуда все предположения тщетны. Сегодня ночью главное — жить.

Сгустки света образовали новый хоровод, и Кэла — он получал чистейшее удовольствие от этого нового движения, он кувыркался и переворачивался, не сознавая, где верх и где низ, а лишь наслаждаясь движением — тут же оторвало от его женщины. Когда Кэл понесся по широкой дуге собственной орбиты, ему на глаза попалась ее планета. Женщина еще раз показалась, чтобы опять исчезнуть в облаке. Неужели в ее глазах он исполняет тот же обряд: превращается из человеческого существа в абстракцию, а потом возвращается, завернутый в молочно-белые облака? Он так мало знал о себе, этот Муни, на своей одинокой орбите.

Все, что он может понять о себе, он должен выяснить у тех сфер, на поверхности которых ложился его отраженный свет. Должно быть, это удел всех лун.

И этого довольно.

Он в тот же миг понял, как любят луны. Их любовь придает ночи на планете загадочность, управляет движением океанов, благословляет охотника и землепашца. Сотнями способов, нужно лишь выпустить на свободу свет и пространство.

Пока он думал об этом, женщина раскрылась ему навстречу, развела в стороны ноги, позволяя его свету ласкать себя.

Войдя в нее, Кэл ощутил тот же самый жар, то же самое обладание, то же самое тщеславие, которые всегда были присущи животной части его личности. Но вместо напряжения здесь была легкость, вместо ощущения неизбежной потери — прилив энергии, вместо торопливости — уверенность, будто все это может длиться вечно. Точнее, будто сотни человеческих жизней — всего лишь оборот вращения луны и его движение в этой величественной карусели делает само время бессмысленным.

От этой мысли его пронзило жуткое болезненное чувство. А вдруг все, что он оставил на поверхности холма, ветшает и умирает, пока эти созвездия неспешно движутся по своим делам?

Он посмотрел в центр системы, на ось, вокруг которой они перемещались — блуждающие и размеренные, далекие и близкие. И там, в месте, откуда он получал свой свет, Кэл увидел себя, спящего на склоне холма.

«Значит, я сплю», — подумал он и внезапно поднялся, словно пузырь воздуха в бутылке.

Не луна, а просто Муни. Потолок пещеры (Кэл смутно понял, что он напоминает свод черепа) потемнел над головой, и на миг показалось, что ему суждено умереть под этим потолком. Но в последнее мгновение вокруг снова разлился свет, и он проснулся, глядя в светлеющие небеса.

Над Венериными холмами разгоралась заря.

3

1 Moon (англ.) — Луна.

Кое-что из того, что ему снилось, оказалось правдой. Он действительно скинул с себя две кожи, словно змея. Одна из них — его одежда, разбросанная по траве. Вторая — его угрюмость, накопившаяся за время путешествия; ее смыло с него за ночь то ли росой, то ли выпавшим дождем. Но он уже успел высохнуть: тепло земли, на которой он лежал (это тоже не было сном), высушило его и оставило на коже сладкий запах. Кэл чувствовал себя сытым и сильным.

Он сел. Де Боно уже стоял на ногах, почесывая мошонку и глядя в небеса — благословенное сочетание. На его спине и ягодицах отпечатались травинки.

— Они тебя удовлетворили? — спросил он, покосившись на Кэла.

— Удовлетворили?

— Ну, Присутствия. Они подарили тебе сладкие сны?

— Да, подарили.

Де Боно бесстыдно ухмыльнулся.

— Не хочешь рассказать? — спросил он.

— Я не знаю, как…

— Да ладно, нечего стесняться.

— Нет, не в том дело. Просто… мне снилось… что я был луной.

— Чем ты был?

— Мне снилось…

— Я привожу тебя в место, более всего похожее на бордель, а тебе снится, что ты стал луной? Ну и странный ты тип, Кэлхоун!

Де Боно поднял свою куртку и надел ее, качая головой при мысли о беспросветной тупости Кэла.

— А что снилось тебе? — спросил Кэл.

— Расскажу как-нибудь потом, — ответил де Боно. — Когда немного подрастешь.

Они молча оделись, а затем пошли вниз по пологому склону холма.

XI
Свидетель

1

Хотя день начался для Сюзанны более чем удачно, с чудесного спасения от Хобарта, все быстро переменилось к худшему. Она ощущала себя окутанной ночью, но заря принесла с собой новые тревоги.

Прежде всего, она лишилась проводника. У нее имелись лишь смутные представления о том, в какой стороне находится Небесный Свод, поэтому она решила просто идти на Вихрь, который был виден отовсюду, а по дороге расспрашивать местных жителей.

Вторым источником беспокойства были очевидные признаки того, что дела в Фуге идут все хуже и хуже. Над долиной поднимался столб дыма, и, хотя ночью прошел дождь, во многих местах пылали пожары. По дороге Сюзанне попалось несколько полей произошедших битв. В одном месте обгорелая машина свисала с дерева, словно стальная птица, закинутая туда взрывом или неведомым образом взлетевшая. Сюзанна не могла знать, какие силы бушевали здесь ночью, какое оружие применялось, но бои явно велись нешуточные. Своей «пророческой» болтовней Шедуэлл разделил обитателей этой мирной земли, заставил брата пойти на брата. Такие войны всегда самые кровавые. Неудивительно, что тела брошены там, где упали, на растерзание лисам и птицам; что мертвецам отказано в элементарном уважении в виде погребения.

Из всего увиденного можно было сделать единственный утешительный вывод: вторжение Шедуэлла встретило сопротивление. Уничтожение Дома Капры стало главным его

просчетом. Если у него имелся шанс завоевать Фугу одними словами, он упустил его после этого варварского поступка. Больше нет надежды заполучить эти земли с помощью воровства и обмана. Либо подавление с помощью оружия, либо ничего.

Увидев своими глазами, на какие разрушения способны чары ясновидцев, Сюзанна питала робкую надежду, что они сумеют противостоять захватчикам. Но Фуге может быть нанесен непоправимый вред, пока ее обитатели будут отстаивать свою свободу. Эти леса и поля созданы не для насилия, их невинность есть часть их волшебства.

И именно в таком месте — некогда невинном, а теперь слишком хорошо знакомом со смертью — Сюзанна и встретила первого за этот день живого обитателя Фуги. В одной из загадочных построек, какими отличалась Фуга. На сей раз это была дюжина колонн, выстроившихся вокруг неглубокого пруда. На вершине одной из них сидел жилистый пожилой человек в поношенной одежде. С шеи у него свисал большой бинокль, и при появлении Сюзанны он оторвался от блокнота, куда что-то записывал.

— Ищешь кого-то? — поинтересовался он.

— Нет.

— Все они мертвы, — бесстрастным тоном сообщил он. — Видишь?

Плитки, которыми был выложен пол под колоннами, заливала кровь. Те, чья кровь растеклась под колоннами, лежали на дне пруда лицами вверх, раны их побледнели.

— Твоя работа? — спросила Сюзанна.

— Моя? Боже упаси! Я просто свидетель. А ты с какой армией?

— Ни с какой, — сказала она. — Я сама по себе.

Эти слова он записал.

— Я не обязан верить тебе, — сказал он. — Но хороший свидетель записывает все, что видит и слышит, даже если сомневается в правдивости сведений.

— А что ты видел? — спросила Сюзанна.

— Путаницу, — ответил он. — Повсюду люди, и никто не знает, кто есть кто. И кровопролитие, какого я никак не ожидал увидеть здесь. — Человек внимательно посмотрел на нее. — Ты не из ясновидцев, — сказал он.

— Верно.

— Зашла сюда случайно, да?

— Что-то вроде того.

— Что ж, на твоем месте я бы постарался вернуться обратно. Никто не огражден от опасности. Многие уложили вещи и бежали в Королевство, чтобы не погибнуть.

— Но кто же остался сражаться?

— Дикари. Я знаю, что не имею права высказывать личное мнение, но мне они кажутся именно такими. Варвары, яростные убийцы.

Пока он говорил, Сюзанна услышала где-то рядом крики. Как только миновало время завтрака, дикари принялись за работу.

— Что тебе видно оттуда? — спросила она.

— Множество развалин, — отозвался он. — Иногда появляются воюющие. — Он поднес бинокль к глазам и вгляделся вдаль, время от времени замирая, когда ему на глаза попадались какие-то интересные детали. — За прошедший час из Идеала вышел целый батальон, — сказал он, — с самыми серьезными намерениями. Повстанцы собрались вокруг Ступеней, еще одно формирование находится на северо-западе. Некоторое время назад пророк вышел из Свода. Не могу сказать, когда именно, мои часы встали… Перед ним движутся несколько отрядов его сторонников, расчищают ему путь.

— Путь куда?

— К Вихрю, разумеется.

— К Вихрю?

— Я предполагаю, что пророк с самого начала стремился туда.

— Он вовсе не пророк, — уточнила Сюзанна. — Его зовут Шедуэлл.

— Шедуэлл?

— Давай, записывай. Он чокнутый, к тому же торговец.

— Ты это знаешь наверняка? — спросил свидетель. — Расскажи мне все.

— Некогда, — ответила Сюзанна, к его огорчению. — Мне нужно добраться до него.

— А. Так он твой друг.

— Совсем наоборот, — сказала она, снова переводя взгляд на тела в пруду.

— Ты никогда не доберешься до него, если именно в этом состоит твоя цель, — сказал ей свидетель. — Его охраняют день и ночь.

— Я найду способ, — заверила она. — Ты даже не представляешь, на что он способен.

— Если он чокнутый, да еще и пытается попасть в Вихрь, нам всем конец, это я могу сказать наверняка. Зато я напишу последнюю главу, верно?

— Но кто будет ее читать?

2

Сюзанна оставила его сидеть на колонне и размышлять над ее последним замечанием, как одинокий кающийся грешник. После разговора она еще больше помрачнела. Несмотря на обладание менструумом, она очень мало знала о силах, создавших Сотканный мир, однако не нужно быть гением, чтобы понять: если Шедуэлл проникнет в волшебные владения Вихря, катастрофы не избежать. Коммивояжер воплощал все то, что ненавистно создателям и обитателям этого ревностно охраняемого мира. Он был самим злом. Возможно, Вихрь сумеет уничтожить себя, чтобы не допустить Шедуэлла к своим тайнам. Но если Вихрь прекратит существование, разве Фугу, чья уникальность сохранялась благодаря заключенной в Вихре силе, не затянет в него? Сюзанна опасалась, что свидетель имел в виду именно это. Если Шедуэлл войдет в Вихрь, миру придет конец.

В отдалении от пруда не было видно ни животных, ни птиц. Кусты и деревья в подлеске стояли тихо. Сюзанна призвала менструум, и он заполнил ее до краев, готовый при необходимости защитить ее. Сейчас не время для церемоний. Она убьет любого, кто попробует помешать ей в поисках Шедуэлла.

Какой-то шорох за полуразрушенной стеной привлек ее внимание. Сюзанна остановилась и потребовала, чтобы незнакомец показался. Никакого ответа не последовало.

— Я не стану просить дважды, — сказала она. — Кто там?

Посыпались обломки кирпичей, и мальчик лет четырех-пяти, на котором не было ничего, кроме носков и пыли, поднялся и перелез к ней через стену.

— О боже, — выдохнула Сюзанна, всем сердцем потянувшись к ребенку.

И в тот же миг ее защита исчезла, справа и слева началось какое-то движение, и она обнаружила, что окружена отрядом потрепанных вооруженных людей.

Трагическое выражение сошло с лица мальчика, как только один из бойцов подозвал его к себе. Солдат провел грубой рукой по волосам ребенка и угрюмо улыбнулся ему в знак одобрения.

— Назови себя, — приказал Сюзанне один из этих людей.

Она понятия не имела, на чьей стороне они воюют. Если это отряд армии Шедуэлла, назвать свое имя означает вынести себе смертный приговор. Несмотря на серьезность положения, она не могла заставить себя бросить менструум в атаку на людей — и ребенка, — чьих убеждений она не знала.

— Застрелить ее, — сказал мальчишка. — Она с ними.

— Только попробуйте, — возразил кто-то из задних рядов. — Я ее знаю.

Спаситель позвал Сюзанну по имени, и она увидела — бывает же такое! — Нимрода. Когда они виделись в последний раз, он был обеими руками за крестовый поход Шедуэлла, только и говорил, что о завтрашней славе. Время и обстоятельства умерили его пыл. Он походил на воплощение горя: одежда изодрана, лицо исполнено скорби.

— Не держи на меня зла, — произнес Нимрод, прежде чем она успела заговорить.

— Я не держу, — ответила Сюзанна. Бывали моменты, когда она проклинала его, но это

ушло в прошлое. — Честное слово, не держу.

— Помоги мне… — сказал он вдруг, подходя ближе.

Сюзанна обняла его. Он скрывал в этом объятии слезы, пока остальные не разошлись: поглядели на встречу друзей и расползлись обратно по укрытиям. Только тогда Нимрод спросил:

— Ты виделась с Джерико?

— Он погиб, — отозвалась Сюзанна. — Его убили сестры.

Нимрод отстранился и закрыл лицо руками.

— Это не твоя вина, — сказала ему Сюзанна.

— Я знаю… — проговорил он тихо. — Когда все пошло наперекосяк, я понял, что с ним случилось что-то ужасное.

— Ты не должен винить себя за то, что не разглядел правду. Шедуэлл — великолепный притворщик. К тому же он всегда продает то, что люди хотят заполучить.

— Погоди-ка. — Нимрод поднял на нее глаза. — Ты хочешь сказать, что пророк это Шедуэлл?

— Именно так.

Он чуть заметно покачал головой.

— Чокнутый… — произнес он, все еще не веря. — Чокнутый.

— Это не значит, что он недостаточно силен, — предостерегла его Сюзанна. — Он тоже владеет некими чарами.

— Тебе надо пойти в лагерь. — Нимрод вдруг заторопился. — Поговорить с нашим командиром, пока мы не пошли к Вихрю.

— Только быстро, — сказала она.

Нимрод уже вел ее между обломков скал, за которыми скрывались повстанцы.

— Из Первых Разбуженных выжили только я и Апполин, — рассказывал он на ходу. — Все остальные умерли. Моя Лилия. Потом Фредди Кэммелл. И вот теперь Джерико.

— А где сейчас Апполин?

— Она ушла в Королевство, насколько мне известно. А как там Кэл? Он с тобой?

— Мы договорились встретиться в Небесном Своде. Но Шедуэлл уже движется к Вихрю.

— В котором и сгинет, — сказал Нимрод. — Какие бы чары он ни украл, он все равно просто человек. А люди смертны.

«Как и все мы», — подумала Сюзанна, но оставила эту мысль при себе.

XII
Одним ударом

1

Бравые речи Нимрода плохо вязались с тем, что Сюзанна увидела в лагере. Он больше походил на лазарет, чем на военный лагерь. Там, под прикрытием скал, собралось человек пятьдесят мужчин и женщин, и едва ли не все были ранены. У некоторых еще остались силы сражаться дальше, но многие уже стояли на пороге смерти, внимая последним утешительным словам.

В углу лагеря, подальше от глаз умирающих, лежало с дюжину покойников, завернутых в самодельные саваны. В другом углу высились кучи захваченного и рассортированного оружия. От его вида леденела кровь: автоматы, бутылки с зажигательной смесью, гранаты. Судя по всему, сторонники Шедуэлла хорошо подготовились к уничтожению непокорных обитателей Фуги. На фоне орудий убийства и того рвения, с каким их применяли, даже самые сильные чары казались слабенькой защитой.

Если Нимрод и разделял сомнения Сюзанны, то предпочел не показывать этого. Он без

умолку болтал о победах, одержанных прошедшей ночью, словно боялся красноречивой тишины.

— Мы даже захватили пленных, — похвастался он и подвел Сюзанну к грязной канаве между камнями.

Там сидели пленники, не менее десятка, связанные по рукам и ногам. Их охраняла девушка с автоматом. Это была угрюмая толпа. Некоторые были ранены, все без исключения подавлены, все плакали и бормотали что-то себе под нос. Когда лживые речи Шедуэлла перестали их морочить, люди очнулись и осознали, что натворили. Сюзанна пожалела их в этом самоуничижении. Она слишком хорошо знала, какой способностью одурманивать обладает Шедуэлл — в свое время сама едва не поддалась на его чары. Пленники были его жертвами, а не союзниками, им всучили ложь, от которой они были не в силах отказаться. А теперь, освободившись от морока, они могли лишь предаваться тоскливым размышлениям о пролитой крови и впадать в отчаяние.

— С ними кто-нибудь разговаривал? — спросила Сюзанна Нимрода. — Может быть, им что-то известно о слабых сторонах Шедуэлла.

— Командир запретил, — ответил Нимрод. — Они нечистые.

— Не говори чепухи! — возмутилась Сюзанна и спустилась в канаву к пленным.

Люди с тревогой повернулись к ней, кто-то начал громко рыдать при виде ее сочувственного лица.

— Я пришла не для того, чтобы обвинять вас, — сказала Сюзанна. — Я просто хочу поговорить.

Мужчина со следами запекшейся крови на лице спросил:

— Они убьют нас?

— Нет, — ответила она. — Нет, если мне удастся убедить их.

— Что случилось? — спросил кто-то еще. Голос звучал невнятно и как-то сонно. — Пророк идет? — На этого человека пытались шикнуть, но он не унимался. — Он должен прийти уже скоро, да? Он должен прийти и передать нас в руки Капры.

— Он не придет, — сказала Сюзанна.

— Мы знаем, — заверил ее первый собеседник. — Во всяком случае, большинство из нас. Нас обвели вокруг пальца. Он говорил нам..

— Я знаю, что он вам говорил, — перебила его Сюзанна. — И знаю, как он одурачил вас. Но вы можете хоть как-то оправдаться, если поможете мне.

— Ты не должна недооценивать ею, — сказал пленник. — У него есть сила.

— Заткни пасть! — заявил его сосед. Он сжимал в руке четки с такой силой, что костяшки пальцев побелели. — Нельзя говорить против пророка. Он слышит.

— Ну и пусть слышит, — огрызнулся первый. — Пусть даже убьет меня, если захочет. Мне плевать. — Он снова повернулся к Сюзанне. — У него на службе демоны. Я сам их видел. Он скармливает им мертвецов.

Нимрод, стоявший за спиной Сюзанны, услышал эти слова и вмешался в разговор.

— Демоны? — переспросил он. — Вы их видели?

— Нет, — ответил человек с четками.

— А я видел, — возразил первый.

— Опишите их, — потребовал Нимрод.

Этот человек явно имеет в виду ублюдков, решила Сюзанна, которые выросли до чудовищных размеров. Пленный начал описывать их, и ее внимание привлекла одна фигура, до сих пор ничем не выделявшаяся, сидевшая на корточках в дальнем конце канавы, лицом к скале. Судя по спадавшим до пояса волосам, это была женщина; ее не связали, как остальных, а просто оставили скорбно сидеть в грязи.

Сюзанна прошла мимо остальных пленников в тот угол. Вблизи она услышала бормотание и увидела, что женщина прижимается губами к камню, обращается к нему, словно в надежде получить утешение. Поток слов прервался, когда тень Сюзанны упала на скалу, и женщина обернулась.

Сюзанне хватило одного взгляда, чтобы под коркой из засохшей крови и экскрементов узнать Иммаколату. Ее искалеченное лицо было трагическим. Глаза полны слез, волосы распущены и залеплены грязью. Груди выставлены на всеобщее обозрение, все мышцы сведены судорогой. От ее прежней властности не осталось ничего. Сумасшедшая, скорчившаяся в собственном дерьме.

Противоречивые чувства охватили Сюзанну. Перед ней сидела и дрожала женщина, убившая беспомощную Мими, повинная во всех бедствиях Фуги. Это ее сила таилась за троном Шедуэлла, это она была источником бесконечных обманов и скорби, демоном-искусителем. Однако Сюзанна не испытывала к Иммаколате той ненависти, какую питала к Шедуэллу и Хобарту. Может быть, потому что именно инкантатрикс открыла ей доступ к менструуму, пусть и невольно? Или потому что они, как всегда заверяла Иммаколата, в некотором смысле сестры? Может быть, где-то под иными небесами Сюзанну могла бы постигнуть такая же судьба: стать потерянной и безумной.

— Не смотри… не смотри… на меня, — тихо проговорила женщина. В ее налитых кровью глазах не отразилось узнавания.

— Ты помнишь, кто ты такая? — спросила у нее Сюзанна.

Выражение лица Иммаколаты не изменилось. Прошло несколько мгновений, прежде чем она ответила.

— Камень знает, — произнесла она.

— Камень?

— Скоро будет песок. Я говорю так, потому что это правда. Будет песок.

Иммаколата отвела взгляд от собеседницы и принялась гладить скалу. Сюзанна поняла, что безумная занимается этим уже довольно давно: на камне остались кровоподтеки в тех местах, где она проводила по нему ладонью, словно пытаясь стереть с кожи капиллярные линии.

— Почему будет песок? — спросила Сюзанна.

— Должен быть, — ответила Иммаколата. — Я видела. Это Бич. Он придет, и останется только песок. — Она стала гладить камень с новой силой. — Я говорю с камнем.

— А со мной поговоришь?

Иммаколата огляделась вокруг, затем снова сосредоточилась на скале. Сюзанна решила, что та забыла о ее присутствии, однако слова вдруг хлынули из Иммаколаты неукротимым потоком.

— Бич должен прийти, — сказала она. — Даже во сне он знает. — Она перестала терзать собственную руку. — Иногда он готов проснуться, — продолжала она. — А когда он проснется, будет сплошной песок…

Она прижалась щекой к окровавленной скале и негромко всхлипнула.

— А где твоя сестра? — спросила Сюзанна.

При этих словах всхлипыванья прекратились.

— Она тоже здесь?

— У меня… у меня нет сестер, — сказала Иммаколата.

В ее голосе не прозвучало ни тени сомнения.

— А что с Шедуэллом? Ты помнишь Шедуэлла?

— Мои сестры мертвы. Все ушло в песок. Все. Ушло в песок.

Она снова зарыдала, на этот раз горше прежнего.

— Какое тебе до нее дело? — удивился Нимрод. Он не так давно подошел и стоял рядом с Сюзанной. — Это сумасшедшая. Мы нашли ее среди трупов. Она выедала им глаза.

— Ты хоть знаешь, кто это? — откликнулась Сюзанна. — Нимрод, это же Иммаколата!

Лицо его вытянулось от потрясения.

— Повелительница Шедуэлла. Клянусь тебе.

— Ты, должно быть, ошибаешься, — сказал он.

— Она лишилась рассудка, но я клянусь, это она. Я столкнулась с ней лицом к лицу всего два дня назад.

— Но что же с ней произошло?

— Должно быть, Шедуэлл…

Женщина под скалой повторила это имя негромким эхом.

— Что бы ни случилось, она не должна сидеть здесь, в таком виде…

— Лучше бы тебе переговорить с командиром. Расскажешь ей обо всем сама.

2

Судя по всему, это был день встреч с прошлым. Сначала Нимрод, затем инкантатрикс, и вот теперь — командир этого растерзанного воинства, Иоланда Дор. Та, которая с яростью сопротивлялась новому погружению в сон, когда Дом Капры еще был цел и невредим.

Она тоже изменилась. Самоуверенная и высокомерная женщина исчезла. Лицо ее побледнело и осунулось, голос и манеры потеряли былую резкость. Иоланда не стала тратить время на церемонии.

— Если тебе есть что сказать мне, говори.

— Одна из ваших пленниц… — начала Сюзанна.

— У меня нет времени выслушивать прошения, — последовал ответ. — Особенно от тебя.

— Это вовсе не прошение.

— Я все равно не желаю слушать.

— Ты должна, и ты выслушаешь меня, — отрезала Сюзанна. — Забудь, что ты чувствуешь ко мне…

— Я не чувствую ничего, — отрезала Иоланда. — Совет подписал себе смертный приговор. Ты оказалась там для того, чтобы его огласить. Если бы не ты, нашелся бы кто-нибудь другой.

Эта вспышка, кажется, причинила ей боль. Иоланда сунула руку под расстегнутую куртку, где, очевидно, была рана. Когда она вынула руку, пальцы были в крови.

Сюзанна продолжала настаивать, но более мягким тоном.

— Одна из ваших пленниц, — сказала она, — Иммаколата.

Иоланда посмотрела на Нимрода:

— Это правда?

— Это правда, — настаивала Сюзанна. — Я знаю ее лучше, чем кто-либо из вас. Это она. Она… не в себе. Возможно, сошла с ума. Но если бы нам удалось подробно ее расспросить, с ее помощью мы смогли бы добраться до Шедуэлла.

— Шедуэлла?

— Пророка. Они еще недавно были союзниками, он и Иммаколата.

— Я не собираюсь иметь дело с этой грязью! — ответила Иоланда. — Мы вздернем ее, когда настанет подходящий момент.

— Ладно, но хотя бы позволь мне поговорить с ней. Может быть, я сумею выжать из нее что-нибудь.

— Если она лишилась рассудка, с чего бы нам верить ее словам? Нет. Пусть себе гниет.

— Мы упускаем такую возможность!

— Не говори мне об упущенных возможностях, — горько произнесла Иоланда. Не осталось никакой надежды переубедить ее. — Через час мы выдвигаемся в сторону Ореола, — заявила она. — Если хочешь вступить в наши ряды, идем с нами. Или отправляйся, куда шла.

И она повернулась спиной к Сюзанне и Нимроду.

— Идем, — сказал Нимрод, собираясь идти за командиром.

Но Сюзанна еще раздумывала.

— Ладно, — согласилась она. — Надеюсь, у нас будет время поговорить, когда все закончится.

Иоланда не оглянулась.

— Оставь меня в покое, — бросила она.

Именно так Сюзанна и сделала.

3

Прошло несколько минут после того, как Сюзанна ушла от пленных. Иммаколата по-прежнему пребывала в забытьи. Время от времени она рыдала. Иногда пристально всматривалась в немую скалу перед собой.

Оскорбление, которое Шедуэлл нанес ей в Небесном Своде, вместе с гибелью сестры-призрака подтолкнули ее к безумию. Но в своем безумии она была не одинока. В пустынях, где скитался ее разум, она вновь встретила призрака, так часто навещавшего ее в прежние времена. Это был Бич. Иммаколата чувствовала себя счастливой только там, где воздух наполняла вонь разложения, она делала себе ожерелья из внутренностей и дружила с покойниками; но в обществе этой твари она терзалась кошмарами, мечтая очнуться.

Он все еще спал — что немного утешало ее в этих кошмарах, — но он не будет спать вечно. У него есть незаконченное дело, неисполненная мечта. Очень скоро он поднимется со своего ложа и отправится завершать начатое.

И что тогда?

— Сплошной песок, — сказала Иммаколата камню.

На этот раз камень не ответил. Он оскорбился, потому что она проявила неосторожность, заговорив с той сероглазой женщиной.

Иммаколата качалась взад-вперед, присев на пятки. У нее в голове всплывали слова женщины, искушая ее. Она мало что запомнила из этих слов: какую-то фразу, какое-то имя. Точнее, одно-единственное имя. Оно эхом отдавалось у нее в голове.

Шедуэлл.

Оно походило на зуд внутри головы, боль в мозгу. Иммаколате хотелось пробить барабанную перепонку и вытащить из черепа это имя, растереть в порошок. Она закачалась быстрее, чтобы избавиться от него, но оно отказывалось уходить.

Шедуэлл. Шедуэлл.

И вот начали всплывать другие имена, строясь в ряды воспоминаний…

Магдалена.

Старая Карга.

Она видела их перед собой так же ясно, как скалу, даже яснее: ее сестры, ее несчастные дважды убитые сестры.

А под их мертвыми телами она видела землю — некое место, которое она так томительно долго мечтала уничтожить. Название земли пришло к ней, и Иммаколата произнесла его негромко:

— Фуга.

Вот как ее враги называли это место. Они любили его. И теперь они сражались за него и во время сражения ранили ее.

Иммаколата протянула руку к скале и ощутила, как камень дрожит под пальцами. Затем она поднялась на ноги, и имя, открывшее дорогу потоку воспоминаний, который размыл забвение, заполнило ее разум.

Шедуэлл.

Как же она могла позабыть своего обожаемого Шедуэлла? Она подарила ему чары. А что он дал ей взамен? Предал и одурачил ее. Использовал, пока это совпадало с его целями, а затем отшвырнул прочь, в безумие.

Только он отбросил ее недостаточно далеко. Сегодня она вернулась обратно и принесла с собой убийственную новость.

4

Крики раздались внезапно и становились все громче. Крики изумления, а затем вопли ужаса, каких Сюзанна никогда не слышала.

Нимрод уже мчался, обгоняя ее, к источнику шума. Сюзанна кинулась следом, и перед ними предстала картина кровавого безумия.

— На нас напали! — крикнул ей Нимрод.

Повстанцы разбегались в стороны, многие со свежими ранами. Земля была усеяна телами, и с каждым мигом их становилось больше.

Однако не успел Нимрод ринуться в схватку, как Сюзанна вцепилась ему в куртку.

— Они дерутся друг с другом! — закричала она, перекрывая шум.

— Что?

— Посмотри!

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы убедиться в ее правоте. На них никто не нападал. Повстанцы вцеплялись в глотки друг другу, не зная снисхождения, истребляли своих же товарищей, с которыми только что делились сигаретой. Раненые поднимались с носилок и колотили по головам тех, кто их выхаживал.

Нимрод кинулся в гущу побоища и оттащил одного из безумцев.

— Что, ради всего святого, вы творите? — закричал он.

Одержимый брыкался, пытаясь снова схватить противника.

— Этот гад! — выкрикивал он. — Он изнасиловал мою жену!

— О чем ты говоришь?

— Я сам видел! Прямо здесь! — Он указал пальцем в землю. — Вот она!

— Нет тут твоей жены! — заорал Нимрод, яростно встряхивая безумца. — Ее здесь нет!

Сюзанна окинула взглядом поле битвы. Наваждение охватило всех поголовно. Они дрались и плакали, выкрикивая обвинения друг другу в лицо. Они видели, как их родителей избивают, жен насилуют, детей убивают, и теперь хотели отомстить обидчикам. Сюзанна слушала их вопли и высматривала того, кто это сделал. Впереди, на высокой скале, стояла и наблюдала за побоищем Иммаколата. Ее волосы так и остались распущенными, грудь по-прежнему была обнажена. Однако теперь она явно прекрасно сознавала, кто она такая. Инкантатрикс вспомнила себя.

Сюзанна двинулась к ней, надеясь, что менструум поможет ей избежать всеобщего помешательства. Так и вышло. Она не вмешивалась в сражение, чтобы не привлекать к себе внимание дерущихся, и добралась до скалы без происшествий.

Иммаколата как будто не замечала ее. Откинув голову назад, сверкая зубами в жуткой усмешке, она полностью сосредоточилась на том безумии, которая сама вызвала к жизни.

— Оставь их! — крикнула ей Сюзанна.

При этих словах голова Иммаколаты чуть дрогнула, и Сюзанна ощутила, как взгляд инкантатрикс остановился на ней.

— Зачем ты это устроила? — спросила Сюзанна. — Они не сделали тебе ничего плохого.

— Лучше бы ты оставила меня скитаться в пустоте, — ответила инкантатрикс. — А ты заставила меня вспомнить.

— Тогда, ради меня, — попросила Сюзанна, — оставь их в покое.

Она услышала, что крики за ее спиной стихают. Они сменялись стонами умирающих и рыданиями тех, кто очнулся от наваждения и обнаружил, что всадил свой нож в сердце друга.

Прекратилось ли действие заклятия оттого, что Иммаколата исчерпала запас сил, или она вняла просьбе Сюзанны, было неважно. Главное, что кровавое побоище завершилось.

Однако затишье длилось очень недолго. Его нарушил крик, заглушивший рыдания, и пуля ударила в камень под босыми ногами Иммаколаты. Сюзанна обернулась и увидела Иоланду Дор, пробиравшуюся между мертвецами, еще недавно составлявшими ее маленькую армию. На ходу Иоланда продолжала целиться в инкантатрикс.

Иммаколата не собиралась изображать из себя мишень. Когда вторая пуля расплющилась о скалу, она поднялась в воздух и поплыла к Иоланде. Ее тень, скользившая

над полем боя, словно тень стервятника, несла смерть. Как только она наползала на раненых, те падали лицом в пропитанную кровью землю и испускали последний вздох. Иоланда не стала дожидаться, пока тень коснется ее, она снова и снова стреляла в Иммаколату. Но та же сила, что поддерживала Иммаколату в воздухе, легко отводила пули в сторону.

Сюзанна громко призывала Иоланду бежать, но та либо не слышала, либо не обращала внимания. Инкантатрикс спустилась к женщине, вцепилась в нее и подняла вверх — менструум окутал обеих своим светом, — а затем бросила на другой стороне поля. Тело Иоланды с тяжким стуком ударилось о скалу, на которой недавно стояла Иммаколата, и упало, изломанное, на землю.

Никто из оставшихся в живых не шевельнулся, чтобы прийти на помощь своему командиру. Они окаменели от ужаса, пока инкантатрикс парила в ярде над землей, а ее тень лишала жизни тех немногих, кто еще избежал смертельного прикосновения.

Сюзанна понимала, что выходка Иоланды уничтожила ту каплю сочувствия, которую она выпросила у инкантатрикс. Теперь Иммаколата не оставит в живых никого из своих захватчиков. Не думая о том, как защитить себя, Сюзанна устремила наполненный менструумом взгляд в сторону Иммаколаты. Сила этого взгляда была ничтожна по сравнению с силой Иммаколаты, однако та расслабилась после убийства Иоланды и удар застал ее врасплох. Он пришелся в спину, и инкантатрикс упала лицом вперед. Однако ей потребовались секунды, чтобы восстановить равновесие и развернуться к своей обидчице. Она все еще парила в воздухе, как нечестивая святая. На лице Иммаколаты не отразилось гнева, лишь слабое удивление.

— Ты хочешь умереть? — спросила она.

— Нет. Конечно не хочу.

— Разве я не предупреждала тебя, как все будет, сестра? Разве я не говорила тебе? Сплошное горе, сказала я. Сплошные потери.

Сюзанна кивнула, и не только из желания успокоить ее. Инкантатрикс тихо и глубоко вздохнула.

— Ты заставила меня все вспомнить, — сказала она. — За это я благодарю тебя. И взамен… — Иммаколата раскрыла ладонь, словно предлагала некий невидимый дар. — Я даю тебе жизнь. — Рука сжалась в кулак. — Итак, долг выплачен.

Потом она начала снижаться, и ноги ее коснулись твердой земли.

— Настанет время, — сказала она, глядя на мертвые тела, среди которых стояла, — когда и ты будешь обретать утешение в их обществе. Как обретаю я. Как обрету сейчас.

Она отвернулась от Сюзанны и пошла прочь. Никто не двинулся, не попытался остановить ее, когда она поднялась по склону и исчезла из виду. Выжившие молча молились своим богам о том, чтобы женщина, вернувшаяся из пустоты, прошла мимо них.

XIII
Беглый взгляд

1

Шедуэлл плохо спал, но, по его мнению, это было естественно для того, кто стремится стать богом. Ведь вместе с божественной сущностью приходит и груз великой ответственности. Стоит ли удивляться, что его сон так тревожен?

Однако с того самого мгновения, когда он стоял на башне и вглядывался в Ореол, он знал, что бояться ему нечего. Он ощущал, как заключенная в облаке сила зовет его по имени, приглашает шагнуть в ее объятия и измениться.

Незадолго до рассвета, когда он собирался покинуть Небесный Свод, ему принесли неутешительную весть: войска Хобарта в Идеале побеждены чарами, наславшими безумие на большую часть бойцов. Да и сам Хобарт не избежал их воздействия. Он появился примерно

через час после гонца, и у него было лицо человека, не доверяющего даже самому себе.

Из других областей Фуги пришли новости повеселее. Каждый раз, когда войска пророка сталкивались со здешними обитателями в открытом бою, они торжествовали победу. Но если солдатам не удавалось сразу нанести удар, ясновидцы отыскивали лазейку, чтобы применить свои чары. Когда такое случалось, повторялись события в Идеале: бойцы либо лишались рассудка, либо теряли весь свой фанатизм в отношении к пророку и переходили на сторону противника.

И вот теперь враг стягивал силы к Коридору Света. То ли чары, то ли слухи донесли до них, что пророк собирается прорваться в Вихрь, и ясновидцы решили защищать свою святыню до последней капли крови. Их собралось несколько сотен, но они едва ли могли противостоять армии Шедуэлла. По всем донесениям, они были почти безоружны — неорганизованная толпа стариков, женщин и детей. Единственная сложность заключалась в этической стороне вопроса. Но когда отряд Шедуэлла вышел из Свода и направился к Вихрю, Коммивояжер решил, что моральные тонкости не для него. Гораздо более серьезное преступление — не ответить на тот призыв, который он слышал из Ореола.

В свое время — а оно придет уже скоро — пророк призовет ублюдков и отдаст им врагов на съедение, со всеми женщинами и детьми. Он не дрогнет.

Божественность звала его, и он спешил на зов, дабы преклонить колени перед собственным алтарем.

2

Ощущение физического и душевного благополучия, охватившее Кэла после пробуждения на Венериных холмах, не исчезало, пока они с де Боно спускались по склону к Небесному Своду. Однако прекрасное настроение вскоре улетучилось из-за напряжения, каким были пронизаны все окрестности, пугающего и вместе с тем неуловимого волнения в каждом листочке, в каждой травинке. Птичье пение звучало пронзительно и немузыкально, как сирена. Воздух гудел над головой, и Кэл впервые ощутил, что этот воздух несет новости.

Несомненно, плохие новости. Хотя подтверждений этому встречалось немного. Несколько догоравших костров, не более того, да и эти следы недавних столкновений исчезли по мере приближения к Небесному Своду.

— Это и есть Свод? — спросил Кэл, когда де Боно пошел через лес к высокому, но ничем не примечательному зданию.

— Да.

Все двери были распахнуты, но внутри не было ни движения, ни звука. Они быстро осмотрели все вокруг, выискивая малейшие признаки присутствия Шедуэлла, но ничего не заметили.

Обойдя здание, де Боно высказал вслух то, о чем думал Кэл.

— Нет смысла топтаться здесь. Надо войти внутрь.

С замирающим сердцем они поднялись по лестнице и вошли в дом.

Кэлу говорили, что здесь его ждут чудеса, и он не был разочарован. В каждой комнате, куда он заглядывал, открывалось что-нибудь восхитительное — в узорах плитки, в кирпичной кладке или краске. Но ничего, кроме чудес, он не увидел.

— Здесь никого нет, — заключил де Боно, когда они полностью обшарили нижний этаж. — Шедуэлл ушел.

— Надо посмотреть наверху, — сказал Кэл.

Они прошли по лестнице и разделились, чтобы было быстрее. В конце коридора Кэл обнаружил комнату, в стены которой были хитрым образом вделаны кусочки зеркал. Вошедший отражался в них таким образом, как будто смотрел на себя с другой стороны стены, выглядывал между кирпичами из некоего места, полного теней и тумана. Это само по себе было странно, но благодаря еще одной уловке (Кэл не смог ее разгадать) казалось, что в том зазеркальном мире он не один, а в окружении разных животных: кошек, обезьян и

летучих рыб, обладавших с ним очевидным сходством, поскольку у каждого было его лицо. При виде этого Кэл рассмеялся, и они все засмеялись в ответ, даже рыбы.

Не успел смолкнуть смех, как Кэл услышал призыв де Боно. В его голосе звучало нетерпение. Кэл с неохотой вышел из комнаты и отправился на поиски канатоходца.

— Я слышу тебя, — крикнул он де Боно и двинулся вверх по лестнице.

Подъем был долгий и крутой, но в конце концов Кэл оказался на верху смотровой башни. Свет лился из расположенных по периметру окон, но даже при ярком свете чувствовалось, что это место видело настоящий ужас, причем совсем недавно. Но каков бы ни был тот ужас, де Боно собирался показать ему кое-что пострашнее.

— Я нашел Шедуэлла, — сообщил он, жестом подзывая к себе Кэла.

— Где?

— В Коридоре Света.

Кэл посмотрел в окно по соседству с тем, у которого стоял де Боно.

— Не сюда, — сказал канатоходец. — Вот здесь приближающее стекло.

В телескопическом окне открылась сцена, заставившая сердце Кэла отчаянно забиться. Декорация: бурлящий Ореол; действие: кровавая битва.

— Он хочет прорваться в Вихрь, — сказал де Боно. Юноша побледнел не столько от вида жестокого побоища, сколько от мысли о возможности подобного поступка.

— С чего бы ему стремиться туда?

— Но он же чокнутый, верно? — последовал ответ. — Какие еще причины тебе нужны?

— Значит, мы должны остановить его, — решил Кэл, отрывая взгляд от окна и направляясь к лестнице.

— Битва уже проиграна, — отозвался де Боно.

— Я не собираюсь стоять и смотреть, как он захватывает всю Фугу до последнего дюйма. Если он идет туда, я отправляюсь за ним.

Де Боно смотрел на Кэла со смешанным выражением злости и недоверия.

— Ты не сможешь, — сказал он. — Вихрь — запретная территория для всех. Там спрятаны тайны, на которые нельзя смотреть никому, даже членам семейств.

— Но Шедуэлл войдет туда.

— Вот именно, — кивнул де Боно. — Шедуэлл войдет. И знаешь, что будет потом? Вихрь взбунтуется. И уничтожит себя.

— Господи…

— И когда это произойдет, Фуга расползется по швам.

— Значит, мы должны остановить его или умереть.

— Ну почему чокнутые все сводят к простому «или — или»?

— Не знаю. Ты сам привел меня сюда. И вот тебе еще один выбор: идешь со мной или нет?

— Будь ты проклят, Муни!

— Так значит, идешь?

XIV
Коридор света

1

Из повстанцев Иоланды уцелело меньше дюжины бойцов, достаточно крепких, чтобы отправиться к Вихрю. Сюзанна пошла с ними. Об этом попросил ее Нимрод, хотя она доходчиво объяснила, что всякая надежда победить в открытом бою совершенно беспочвенна. Противников много, а их мало. Если и остается какая-то надежда, то она связана с возможностью лично добраться до Шедуэлла и убить его. Если люди Нимрода могут расчистить для нее путь к пророку, они сослужат хорошую службу; а если нет, она

советует им позаботиться о собственной безопасности. Может быть, завтра им еще будет ради чего жить.

Они находились уже в двух сотнях ярдов от поля боя — грохот выстрелов, крики, рев автомобильных моторов оглушали, — когда Сюзанна впервые заметила Шедуэлла Он нашел себе в качестве скакуна громадного гнусного монстра — наверняка это один из детей Магдалены, только выросший и повзрослевший, — и восседал у него на плечах, наблюдая за ходом битвы.

— Его хорошо охраняют, — заметил стоявший рядом с Сюзанной Нимрод. Пророка окружали и другие твари, человекоподобные и похожие на зверей. — Мы будем отвлекать их внимание, чем только сможем.

На пути к Вихрю Сюзанна вдруг на миг воспрянула духом, несмотря на все, что творилось вокруг. Или же как раз благодаря этому, потому что противостояние обещало положить конец игре. Началась война, после которой больше не будет войн, не будет снов о грядущих потерях. Но этот миг быстро прошел. Сюзанна сквозь дым разглядывала врага и ощущала только одно — подавленность.

Это чувство усиливалось с каждым ярдом, приближавшим ее к цели. Куда ни посмотри, виды открывались либо бедственные, либо тошнотворные. Сражение было проиграно. Враг превосходил защитников Вихря и по численности, и по вооружению. Множество тел павших стали пищей для чудовищ Шедуэлла. Уцелевшие, как бы ни были отважны, больше не могли сдерживать Шедуэлла.

«Я недавно была драконом», — напомнила себе Сюзанна, не сводя глаз с пророка.

Если бы ей удалось вспомнить те ощущения, она бы опять превратилась в змея. И на этот раз не осталось бы места сомнениям или замешательству. На этот раз она нанесет удар.

2

До Вихря Кэл добирался по тем местам, где он когда-то проезжал на рикше. Однако все загадочные видения либо улетучились отсюда, спасаясь от вражеской армии, либо спрятали свои нежные головки.

По дороге он думал о старике, которого встретил в конце прошлого путешествия. Что с ним стало? Пал ли он жертвой мародеров? Погиб ли он, защищая свой крошечный уголок Страны чудес? Если честно, Кэл предпочел бы не знать этого. Тысячи трагедий разыгрывались сейчас в Фуге, и судьба старика была всего лишь фрагментом куда более страшного кошмара. Мир обращался в прах и пепел.

А впереди ждал его виновник всего этого. Кэл уже видел его в самом сердце битвы: лицо Коммивояжера триумфально сияло. Кэл забыл об осторожности и, сопровождаемый не отстающим ни на шаг де Боно, ринулся в гущу сражения.

Мертвые тела лежали так тесно, что между ними с трудом удавалось поставить ногу. Чем ближе подбирался он к Шедуэллу, тем нестерпимее становился запах крови и гари. В общей свалке Кэл и де Боно разделились, но это уже не имело значения. Главной целью был Коммивояжер, все остальные заботы отпали сами собой. Наверное, именно эта целеустремленность помогла Кэлу уцелеть в кровавой бане, хотя пули жужжали в воздухе стаями мух. Безразличие к опасности стало для него благословением. То, чего он не замечал, в свою очередь, не замечало его. Он целым и невредимым добрался до центра побоища и был уже в десяти ярдах от Шедуэлла.

Кэл оглядел лежавшие вокруг мертвые тела в поисках оружия и нашел автомат. Шедуэлл уже слез со своего «коня» и повернулся спиной к полю боя. Между ним и Ореолом оставалась жалкая горстка обреченных защитников. Секунды отделяли его от входа в запретную зону. Кэл поднял автомат и прицелился в пророка.

Но не успел он нажать на гашетку, когда совсем рядом что-то чавкающее поднялось и двинулось на него. Это был один из ублюдков Магдалены с куском плоти, свисавшим из пасти. Кэл мог бы убить его, но замешкался, потому что узнал тварь. То же самое чудовище,

вырвавшее автомат у него из рук, едва не убило Кэла на складе: его собственный ребенок.

Отпрыск вырос: он был по пояс отцу, зато в ширину простирался бесконечно. Пальцы монстра метнулись с быстротой молнии, и Кэл чудом избежал прикосновения. Он пригнулся и упал на землю между трупов, куда чудовище собиралось уложить его навсегда.

В отчаянии Кэл искал упавший автомат, но не успел нашарить оружие. Отпрыск снова двинулся на него прямо по мертвым телам, и они трещали под его весом. Кэл попытался откатиться в сторону, но чудовище было слишком проворным. Монстр вцепился ему в волосы и в горло. Чтобы удержаться, Кэл хватался за покойников, но руки скользили по лицам с разинутыми ртами, и внезапно он сам превратился в ребенка, которого сжимал в объятиях его собственный чудовищный сын.

Дикий взгляд Кэла отыскал пророка. Последние защитники Ореола пали. Шедуэлл стоял в нескольких ярдах от клубящегося облака. Кэл боролся с чудовищем, пока не захрустели кости, но безрезультатно. На этот раз дитя твердо вознамерилось довести отцеубийство до конца и методично выдавливало из легких Кэла воздух.

В отчаянии Кэл впился ногтями в кривое зеркало, отражавшее его собственное лицо, и сквозь застилавший глаза туман увидел, как плоть потомка поддалась. Под кожей оказалась голубоватая субстанция, подобная той, из которой состояла его мамаша. От нее веяло холодом, и это привело Кэла в чувство. Он еще глубже вонзил пальцы в лицо монстра. Размеры твари не соответствовали ее прочности, череп был совсем тонкий. Кэл согнул пальцы крючками и потянул. Монстр завыл и выпустил его, расплескивая зловонную жижу.

Кэл поднялся на ноги и услышал, как де Боно выкрикивает его имя. Он поднял голову на крик, смутно сознавая, что земля под ногами дрожит и все, кто еще в силах, бегут с поля боя. Де Боно держал в руках топор. Он перебросил его Кэлу как раз в тот момент, когда ублюдок с дырами в голове снова двинулся на него.

Оружие отлетело немного в сторону, но Кэл мгновенно перепрыгнул через трупы и схватил его; развернулся и нанес удар, оставивший в боку чудовища зияющую рану. Из тела выплеснулась новая порция зловонной дряни, но ублюдок не упал. Кэл еще раз ударил, расширяя рану, потом еще. На этот раз руки монстра потянулись к ране, а голова опустилась, чтобы изучить полученные увечья. Кэл не стал колебаться. Он поднял топор и обрушил его на голову ублюдка. Лезвие рассекло череп пополам, и выродок повалился вперед с топором, засевшим в голове.

Кэл огляделся, высматривая де Боно, но канатоходца не было видно. Вообще никого из живых, ни чокнутых, ни ясновидцев, не было видно в дыму. Битва закончилась. Те, кто уцелел, покинули поле боя, и не без причины. Земля сотрясалась все сильнее; казалось, она вот-вот разверзнется и поглотит поле.

Кэл обернулся на Ореол. В облаке зияла дыра с неровными краями. А за ней — темнота. Шедуэлл, разумеется, исчез из виду.

Не раздумывая о возможных последствиях, Кэл ринулся через все препятствия к облаку и канул во тьму.

3

Сюзанна издалека смотрела на схватку Кэла с ублюдком. Может быть, она успела бы добраться до него и не дать ему войти в облако одному, но судороги земли, раскачивавшие Коридор Света, привели в панику армию Шедуэлла. Эти вояки поспешили отступить в безопасное место и едва не затоптали Сюзанну, когда она оказалась у них на пути. Она бежала против общего движения, прорываясь сквозь дым и панику. Когда дым рассеялся и она сориентировалась, Шедуэлл уже спешился и исчез в Вихре, а Кэл последовал за ним.

Сюзанна звала его, но земля все еще содрогалась, и ее голос тонул в общем шуме. Она оглянулась на прощание и увидела, что Нимрод уводит от Коридора какого-то раненого. Потом она двинулась к облачной стене, в которой уже исчез Кэл.

Кожу на голове покалывало: сила этого места была неизмерима. Возможно, оно уже

испепелило упрямцев, имевших глупость проникнуть внутрь. Но Сюзанна не могла знать этого наверняка, а пока остается хотя бы малейшая надежда, надо действовать. Кэл сейчас там, мертвый или живой, и она обязана пойти за ним.

Шепча его имя как заклинание или молитву, Сюзанна шагнула в живое сердце Страны чудес.

Часть девятая
В Вихре

Так нас теснит иное совершенство.
Джон Китс. Гиперион[1]

I
Незваные гости

1

Как всегда, мир внутри мира.

В Королевстве чокнутых — ковер, в ковре — Фуга, в Фуге — мир книги Мими, а вот теперь — Вихрь.

Но ничто из увиденного на страницах книги или в других местах, где успела побывать Сюзанна, не подготовило ее к встрече с тем, что скрывалось за Ореолом.

Вступая за завесу облаков, она думала, что с другой стороны ее ждет вечная ночь. Однако тьма оказалась иллюзией.

Все пространство внутри Вихря было залито янтарным свечением, поднимавшимся прямо от земли. Это явление окончательно вывело Сюзанну из равновесия, как будто мир перевернулся вверх ногами и она идет по небу. А что с настоящим небом? Оно являло собой новое чудо. Облака висели совсем низко, а внутри них все пребывало в вечном движении, словно они готовились обрушить на ее беззащитную голову поток молний.

Сюзанна прошла несколько ярдов и обернулась, желая удостовериться, что сумеет найти обратную дорогу. Однако проход и поле битвы у Коридора Света уже исчезли, облако больше не походило на занавес, а превратилось в стену. Страх сжал сердце, но Сюзанна успокоила себя мыслью, что она здесь не одна. Где-то там впереди — Кэл.

Но где? Света от земли хватало, чтобы двигаться вперед, но этот свет и совершенно голое пространство лишали путника всякого представления о расстоянии. Сюзанна не понимала, видит она на двадцать ярдов перед собой или на двести. Так или иначе, но на том расстоянии, куда доставал ее взгляд, не было ни одного человека. Оставалось положиться на чутье и понадеяться, что бог поможет ей найти нужное направление.

И вот новое чудо. У нее под ногами появилась тропинка; точнее, даже две переплетающиеся тропинки. Хотя земля была плотная и сухая — настолько, что ни Шедуэлл, ни Кэл не оставили на ней следов, — но там, где прошли незваные гости, почва слегка вибрировала. Во всяком случае, таково было первое впечатление. Однако по дороге Сюзанна поняла, в чем дело: там, где прошли преследуемый и преследователь, почва прорастала.

Сюзанна остановилась и опустилась на корточки, чтобы посмотреть внимательнее. Глаза ее не подвели. Земля трескалась, и из трещин выскакивали желто-зеленые ростки, мощь которых не соответствовала их малым размерам. Они росли с такой скоростью, что можно было наблюдать процесс невооруженным глазом. Неужели это какой-то замысловатый защитный механизм, запущенный Вихрем? Или же те, кто идет впереди, занесли в этот стерильный мир семена, а местная магия немедленно пробудила их к жизни? Сюзанна

1 Перевод Г. Кружкова.

обернулась. Ее собственный путь тоже был отмечен едва проклюнувшимися ростками, тогда как тропы Кэла и Шедуэлла — опередивших ее всего-то на минуту — уже покрылись шестидюймовой зеленью. Некоторые растения были кудрявыми, как папоротники, другие покрыты стручками, третьи — в колючках. При такой скорости роста через час они вымахают в деревья.

Но как бы ни поражало это зрелище, у Сюзанны не было времени для наблюдений. Она двинулась дальше по полосе буйной растительности.

2

Она перешла на бег, но по-прежнему не видела тех, кого преследовала. Только зеленеющая тропа указывала на их присутствие.

Вскоре ей пришлось сойти с зеленой дороги, потому что растения, развивавшиеся с чудовищной скоростью, разрастались не только вверх, но и в стороны. Постепенно становилось ясно, насколько они не похожи на обычную флору Королевства. Даже если они зародились от семян, занесенных сюда на подметках людей, здешняя магия произвела в них глубочайшие перемены.

Заросли походили не столько на джунгли, сколько на какой-то морской риф, и не только потому, что от чудесной скорости развития растения колыхались, словно в волнах прилива. Их цвета и формы бесконечно варьировались, ни один росток не походил на соседа. Единственное, что их объединяло, — буйный рост и плодовитость. Облака ароматной пыльцы вырывались живым дыханием, пульсирующие цветки тянули венчики к облакам, словно их питали молнии Вихря, корни под ногами расползались с такой скоростью, что дрожала земля.

Однако в этой буйной жизни не было ничего зловещего. Лишь жажда жизни, жажда нового рождения. Они росли исключительно ради радости произрастания.

Затем справа донесся крик или что-то похожее на крик. Это Кэл? Нет, зеленая дорога никуда не сворачивала. Звук прилетел снова что-то среднее между рыданием и вздохом. Не откликнуться на него было невозможно, хотя Сюзанну ждали дела. Пообещав себе сразу же вернуться, Сюзанна двинулась на звук.

Здешние расстояния обманчивы. Она отошла от дорожки всего на две дюжины ярдов, когда обнаружился источник звука.

Это оказалось растение. Первое живое существо, встреченное Сюзанной за пределами зеленой дороги, но наделенное таким же разнообразием форм и яркостью расцветки. Оно было размером с небольшое деревцо, в центре его сплетался такой тугой узел ветвей, что Сюзанна подумала: должно быть, это несколько деревьев, растущих из одного корня. Она слышала шорохи в тяжелых цветущих ветвях и между змеившихся корней, однако не видела существа, чей крик привел ее сюда.

Хотя кое-что стало ясно. Ствол дерева, туго сплетенный из ветвей и густо покрытый листвой, представлял собой человеческое тело. Если требовались дополнительные доказательства, они были перед глазами: обрывки дорогого костюма свисали с ветвей, как сброшенные змеиные шкуры, ботинок ощетинился ростками. Одежда была разорвана, и растительность добралась до мертвого тела. Зеленая жизнь расцвела там, где не выжила плоть. Ноги трупа одеревенели и выпустили узловатые корешки, побеги вырывались из кишок.

Не было времени, чтобы задержаться и рассмотреть все внимательнее. Сюзанна обошла дерево по кругу и уже хотела вернуться на тропу, когда заметила пару живых глаз, глядящих на нее из ветвей. Она ахнула. Глаза заморгали. Поддавшись искушению, Сюзанна протянула руки и раздвинула ветки.

Голова человека, которого она приняла за мертвеца, была почти вывернута задом наперед, в черепе зияла широкая трещина. Но из ран вырывалась буйная жизнь. Густая борода, как молодая травка, росла под покрытыми мхом губами, изо рта бежали соки,

зеленые веточки торчали из щек.

Глаза пристально смотрели на Сюзанну. Она ощутила, как влажные усики потянулись к ней, чтобы ощупать лицо и волосы.

Потом лепестки цветов затряслись от его дыхания, и гибрид заговорил. Произнес долгое мягкое слово:

— Аящежив.

Может быть, это его имя? Очнувшись от изумления, Сюзанна ответила, что не понимает его.

Он, кажется, нахмурился. Лепестки посыпались с цветущей кроны. Горло задергалось, затем из него вырвались слова, на этот раз членораздельные:

— Я еще жив?

— Жив ли ты? — переспросила Сюзанна. — Ну конечно. Конечно, ты жив.

— Мне казалось, я сплю, — сказал он, ненадолго отвел взгляд, а затем снова посмотрел на Сюзанну. — Умер или сплю. Или и то и другое. В какой-то миг… кирпичи взлетели в воздух, проломили мне голову…

— В доме Шермана? — уточнила она.

— Ага. Ты тоже там была?

— Аукцион. Ты был на аукционе.

Гибрид рассмеялся, и его выдох коснулся щек Сюзанны.

— Мне всегда хотелось… оказаться внутри… — сказал он. — Внутри…

Теперь она поняла, что к чему. Как ни странно — странно? да это просто невероятно! — но это существо было участником аукциона Шедуэлла. Раненый или даже убитый при разрушении дома, он каким-то образом угодил в Вихрь, а тот использовал его изломанное тело для дальнейшего расцвета.

Должно быть, на лице Сюзанны отразилось потрясение, потому что ростки сочувственно вытянулись и задрожали.

— Значит, мне это не приснилось, — произнес гибрид.

— Нет.

— Странно, — ответил он. — А я думал, что сплю. Это так похоже на рай.

Сюзанна усомнилась, верно ли расслышала.

— Рай? — переспросила она.

— Я и надеяться не смел, что жизнь может быть такой радостной.

Она улыбнулась. Ростки успокоились.

— Это же Страна чудес, — сообщил гибрид.

— Правда?

— Ну да. Мы рядом с тем местом, откуда начался Сотканный мир, рядом с храмом Станка. Здесь все трансформируется, все воплощается. А я? Я был потерян. Зато посмотри на меня теперь. Каким я стал, а!

Слушая его хвастливые слова, Сюзанна мысленно вернулась к приключению, пережитому в книге Мими. Там, на нейтральной территории между словом и миром, все трансформировалось и воплощалось, и ее разум, повенчанный ненавистью с разумом Хобарта, стал движущей силой нового состояния. Она стала основой для его утка. Мысли из разных источников пересекались и создавали материальную почву для нематериального конфликта.

Все это части одного действа.

Понимание промелькнуло быстро, а Сюзанне хотелось бы немного поразмыслить, чтобы лучше усвоить урок и извлечь из него пользу. Однако у нее имелись дела поважнее высшей математики воображения.

— Я должна идти, — сказала она.

— Конечно должна.

— Здесь есть кое-кто еще.

— Я видел, — сказал гибрид. — Они прошли туда.

— Куда?
— В сторону Станка.

3

В сторону Станка.

Она вернулась по собственным следам к зеленой дороге, полная энтузиазма. Тот факт, что неудачливый покупатель выжил здесь и его приняли местные силы — причем с распростертыми объятиями, — давал надежду, что одного присутствия чужака недостаточно, чтобы заставить Вихрь вывернуться наизнанку. Его уязвимость явно переоценили. Он достаточно силен, чтобы по-своему разобраться с незваным гостем.

Кожу Сюзанны стало покалывать, в животе что-то неприятно сжалось. Она старалась не слишком задумываться, что это значит, однако раздражение нарастало по мере того, как она шла вдоль зеленой дороги. Воздух как-то сгустился, мир вокруг потемнел. Но это была не ночная тьма, приглашающая ко сну. Сумрак гудел от заключенной в нем жизни. Сюзанна могла попробовать ее на вкус: кисло-сладкая. Видела ее мелькание перед глазами.

Очень скоро что-то пробежало у нее под ногами. Сюзанна посмотрела вниз и увидела животное: невероятная помесь белки и многоножки, блестящие глазки, бесчисленные лапки, — затаившееся между корней. И это существо, поняла вдруг Сюзанна, не единственное. Лес был густо населен. Животные, не менее разнообразные и красочные, чем растения, выскакивали из-под земли и меняли форму даже во время прыжка или поворота, еще более жадные до жизни.

Откуда они взялись? Из растений. Флора породила собственную фауну, почки полопались, выпуская на волю насекомых, плоды покрылись шерстью и чешуей. Одно растение треснуло, и из него трепещущим облаком поднялись бабочки; шипы обратились в стаю птиц; из ствола, словно потеки густого сока, выскользнули змеи.

Воздух сделался таким плотным, что Сюзанна могла бы резать его ножом. Новые существа на каждом шагу пересекали ее дорогу и исчезали в сумраке. Нечто, отдаленно напоминающее броненосца, проковыляло впереди. Три вариации на тему человекообразной обезьяны мелькнули и пропали. Золотистая собака появилась между цветами. И так далее. И тому подобное.

Теперь она точно знала, отчего покалывает кожу. Тело стремилось принять участие в этой игре переодеваний, желало броситься в плавильный тигель и отыскать для себя новый вид. И разум был готов приобщиться к новому знанию. Среди столь радостного многообразия казалось просто неприличным сохранять приверженность одной-единственной анатомии.

Сюзанна могла бы поддаться искушению и измениться, но тут из тумана проступило здание. Простой кирпичный дом; она успела разглядеть его, прежде чем воздух снова сгустился. Несмотря на внешнюю простоту, этот дом мог быть только храмом Станка.

Гигантский попугай пролетел мимо, болтая на разных языках, и исчез. Она бросилась бежать. Золотистая собака решила присоединиться к ней, она следовала за Сюзанной по пятам.

Затем пришла ударная волна. Она явилась со стороны дома — сила, потрясшая живую мембрану воздуха и раскачавшая землю. Сюзанна упала среди извивавшихся корней, которые тотчас же попытались вплести ее в свой узор. Она отодвинула их от себя и встала на ноги. То ли контакт с землей, то ли волна энергии, исходящей от храма, привели ее в буйный восторг. Хотя она стояла неподвижно, все тело ее танцевало. Другого слова Сюзанна не могла подобрать. Каждая частица ее существа, от ресниц до спинного мозга, пульсировала в ритме здешней силы. Эта сила меняла ритм сердца: кровь ускорила ток, потом замедлила, ее разум воспарил, затем тяжело упал обратно.

Но все это касалось только плоти. Другая часть ее существа — призрачное тело, оживляемое менструумом, — не подчинялась здешним силам или же настолько

гармонировала с ними, что могла и дальше заниматься собственным делом.

Сюзанна укрылась в своем призрачном теле, приказав ему спасти ее от укоренения в почве или от того, чтобы отрастить крылья и улететь. И менструум успокоил ее. Она ведь была драконом и вернулась обратно. Здесь совершенно то же самое.

«Вовсе не то же самое, — возразили ее страхи. — Здесь речь идет о плоти и крови, а дракон был в моем воображении».

«Разве ты до сих пор не поняла? — последовал ответ. — Это все одно».

Пока ответ звенел у нее в голове, прокатилась вторая ударная волна, и на этот раз не petit mal,[1] а как следует.

Земля заревела под ногами. Сюзанна снова побежала к храму, а шум нарастал. Не успела она преодолеть и пяти ярдов, как он перешел в оглушительный грохот каменного обвала. Справа от нее пробежала извилистая трещина, слева еще одна, потом еще.

Вихрь разрывал себя на куски.

II
Храм Станка

1

Шедуэлл порядочно опередил Кэла, но сгустившийся воздух Вихря мешал ему двигаться дальше. Пиджак Коммивояжера маячил перед глазами, и Кэл шел на его зов настолько быстро, насколько позволяли истерзанные ноги. После поединка с ублюдком он ослабел, однако по-прежнему был исполнен решимости и методично сокращал расстояние, отделявшее его от Шедуэлла. Несколько раз он замечал, как преследуемый оборачивается и на лице его отражается беспокойство.

После всех погонь и завоеваний, чудовищ и армий наконец-то остались только они двое. Оба стремились к цели, которую ни один не мог описать словами. Наконец-то они стали равны.

Во всяком случае, так казалось Кэлу. Однако, когда впереди показался храм, Коммивояжер развернулся и встал, поджидая его. Грим сполз с его лица — то ли местный воздух так подействовал, то ли Шедуэлл содрал маску пальцами. Он больше не был пророком. Остатки личины еще сохранялись на подбородке и на лбу под волосами, но под ними прекрасно узнавался тот человек, с которым Кэл впервые столкнулся в доме на Рю-стрит.

— Ни шагу дальше, Муни, — приказал Коммивояжер.

Он настолько запыхался, что слова прозвучали еле слышно. В свете, исходящем от земли, Шедуэлл выглядел болезненно.

— Я не хочу проливать кровь, — произнес он. — Только не здесь. Нас окружают силы, которым это может не понравиться.

Кэл уже не бежал. Слушая слова Шедуэлла, он ощущал, что земля под ним подрагивает. Посмотрел вниз и увидел, как из-под ног появляются ростки.

— Иди назад, Муни, — сказал Шедуэлл. — Моя судьба никак не связана с твоей.

Кэл слушал Коммивояжера вполуха, его зачаровала лезущая из земли растительность. Теперь он видел, что зеленая дорога протянулась за Шедуэллом вплоть до того места, где он остановился. Голая почва внезапно породила всевозможные виды растений, развивавшихся с феноменальной скоростью. Шедуэлл тоже заметил это. Голос его упал до шепота:

— Творение. Ты видишь это, Муни? Квинтэссенция Творения!

— Нас не должно быть здесь, — отозвался Кэл.

На лице Шедуэлла возникла безумная ухмылка.

— Это тебя не должно здесь быть, — уточнил он. — Без сомнений. А вот я ждал этого

1 Малый эпилептический припадок (фр., мед.).

мига всю свою жизнь.

Какое-то бодрое растение пробило землю под ногами Кэла, и он шагнул в сторону, давая ему место. Шедуэлл воспринял это движение как угрозу. Он распахнул пиджак. На миг Кэлу почудилось, что тот собирается прибегнуть к старому трюку, но все оказалось гораздо проще. Коммивояжер вынул из внутреннего кармана пистолет и нацелил его на Кэла:

— Я уже говорил, что не хочу проливать кровь. Уходи, Муни. Иди обратно! Убирайся! Возвращайся туда, откуда пришел, а не то, поверь, я вышибу тебе мозги!

Он говорил совершенно серьезно, в этом Кэл нисколько не сомневался. Прижав руки к груди, он ответил:

— Я понял тебя. Я ухожу.

Однако не успел он двинуться с места, как три события произошли почти одновременно. Сначала что-то пролетело над головой, почти скрытое тучами, клубившимися над крышей храма. Шедуэлл поднял голову, и Кэл воспользовался моментом, чтобы кинуться на Коммивояжера, стараясь выбить у него из рук пистолет.

Третьим событием стал выстрел.

Кэл видел, как пуля вылетает из дула в пороховом облаке, как она преодолевает расстояние от пистолета до его тела. Все происходило медленно, словно в кошмаре о собственной казни. Однако сам он двигался еще медленнее.

Пуля ударила его в плечо. Кэла отбросило назад, и он упал в цветы, которых здесь не было каких-то тридцать секунд назад. Он увидел, как капли его крови взлетели над головой, устремляясь к небесам. Кэл не стал размышлять над этой странностью. Сил сейчас хватало на решение лишь одной задачи: нужно спасать свою жизнь.

Он зажал рукой раздробленную ключицу, закрыл ладонью рану, чтобы остановить кровотечение. Боль уже охватывала все тело.

У него над головой клубились облака и раздавались раскаты грома. Или этот грохот звучал у него в голове? Он застонал и перекатился на бок, чтобы посмотреть, что предпримет теперь Шедуэлл. От боли Кэл почти ничего не видел, но все же сумел собраться и сосредоточиться на здании впереди.

Шедуэлл входил в храм. На пороге не было никаких стражников, лишь проем в кирпичной кладке, в котором он и исчез. Кэл дернулся, встал на колени и оперся о землю одной рукой — другой он по-прежнему зажимал рану, — потом поднялся на ноги и заковылял к входу в храм. Он собирался оспорить победу Коммивояжера.

2

Шедуэлл сказал Муни чистую правду: он не хотел проливать кровь рядом с Вихрем. Ведь здесь хранились тайны Творения и Разрушения. Если требовалось подтверждение этого факта, то оно было прямо под ногами: баснословная плодовитость, заключавшая в себе обещание героического распада. Такова природа любого обмена: что-то обретаешь, что-то теряешь. Он, торговец, отлично усвоил это. И сейчас Шедуэлл хотел оставаться в стороне от этого процесса, не вступать в сделку. Оставаться в положении бога. Боги обладают постоянством, их цели никогда не меняются, они пребывают в божественной первозданности, их нельзя опорочить, им нельзя показать чудо только для того, чтобы тут же отнять его. Они вечны, неизменны, и здесь, внутри этой пустой голой крепости, он присоединится к пантеону.

За порогом было темно. Ничего похожего на светящуюся землю снаружи. Темный коридор, пол, стены и потолок выложены из обычных кирпичей без всякого цемента между ними. Шедуэлл продвинулся на несколько ярдов, ощупывая пальцами стены. Это, конечно, просто иллюзия, однако его не покидало странное чувство, будто кирпичи скрежещут друг о друга. Так его первая любовница скрежетала зубами во сне. Он убрал пальцы со стены, когда коридор в первый раз сделал поворот.

На углу его ожидало радостное открытие: где-то вверху был источник света. Значит, не

придется спотыкаться в темноте. Коридор тянулся еще ярдов на сорок пять и опять поворачивал под прямым углом.

За поворотом тоже оказалась лишенная индивидуальности кирпичная кладка, однако примерно посередине стены была пробита вторая арка. Когда Шедуэлл вошел в нее, там оказался точно такой же коридор, только раза в два короче первого. Шедуэлл пошел по нему, завернул за угол, прошел по новому голому коридору, свернул в следующий, в стене которого также оказалась арка. Свет делался все ярче. Теперь он уловил замысел архитектора. Храм состоял не из одного здания, а из нескольких, заключенных друг в друга: коробочка, внутри нее помещается еще одна коробочка, во второй — третья и так далее.

Это встревожило его. Получалось что-то вроде лабиринта, пусть и простого, но все-таки созданного для того, чтобы помешать или задержать. Он снова услышал, как скрежещут стены, и ему представилось, что все строение смыкается вокруг него, он не может найти выход, а стены растирают его в кровавую кашу.

Но теперь он не мог повернуть назад, яркий свет призывал его не останавливаться. Кроме того, из внешнего мира доносились звуки, странные незнакомые голоса, словно обитатели некоего забытого бестиария собрались вокруг храма, царапали стены и разгуливали по крыше.

Не оставалось ничего другого, кроме как идти дальше. Шедуэлл продал свою жизнь за проблеск божественности, и ему некуда возвращаться, разве что к горькому поражению.

Значит, вперед, и черт с ними, с последствиями.

3

В ярде от входа в храм силы покинули Кэла.

Он больше не мог заставить себя идти вперед. Кэл пошатнулся, выставил перед собой правую руку, чтобы как-то смягчить падение, и рухнул на землю.

Забытье навалилось на него, и он был благодарен за это. Однако длилось оно всего лишь секунды, а потом темнота рассеялась, Кэл снова ощутил тошноту и боль. Только теперь — уже не в первый раз за время пребывания в Фуге — его измученный разум перестал понимать, видит он сны или же сам снится кому-то.

Он помнил, что впервые почувствовал это наваждение в саду Лемюэля Ло, когда очнулся от сна своей прежней жизни и обнаружил себя в раю, что считал возможным только во сне. Затем, на Венериных холмах или под ними, он жил жизнью планеты и провел тысячелетия, вращаясь по орбите, чтобы очнуться через какие-то шесть часов.

И вот снова парадокс, уже на смертном одре. Он очнулся, чтобы умереть? Или же умирание на самом деле было пробуждением? Мысли ходили по кругу, в центре которого была темнота, и он кружился в этой темноте, слабея с каждым мигом.

Голова его лежала на земле, и, когда земля задрожала, Кэл открыл глаза и посмотрел вверх, на храм. Он увидел его вверх ногами: крыша стояла на фундаменте из облаков, а вокруг сияла яркая земля.

Парадокс внутри парадокса, подумал он, и глаза его снова стали слипаться.

— Кэл.

Кто-то зовет его.

— Кэл.

Раздраженный этим призывом, он с большой неохотой открыл глаза.

Над ним склонялась Сюзанна, зовущая его по имени. Еще она задавала какие-то вопросы, но его обленившийся разум был не в силах уловить их суть.

Вместо ответа Кэл произнес:

— Внутри. Шедуэлл…

— Держись, — сказала Сюзанна. — Ты меня понимаешь?

Она прижала его ладонь к своей щеке. Щека была прохладная. Затем Сюзанна наклонилась и поцеловала его, и откуда-то из глубины памяти пришла такая же сцена,

случившаяся раньше: он лежит на земле, а она дарит ему свою любовь.

— Я буду здесь, — ответил он.

Сюзанна кивнула.

— Никуда не уходи, — сказала она и направилась к храму.

На этот раз он не позволил глазам слипаться. Какие бы сны ни ждали его за чертой жизни, он отложит встречу с ними до тех пор, пока снова не увидит ее лицо.

III
Чудо Станка

Перед храмом дрожание земли усиливалось, но внутри царило напряженное спокойствие. Сюзанна двинулась вперед по темному коридору; покалывание в теле прекратилось, и здесь, в центре циклона, она чувствовала себя совершенно спокойно.

Впереди был свет. Она завернула за угол, потом еще за один, нашла дверь в стене и попала через нее во второй коридор, такой же простой, как и первый, откуда она пришла. Свет по-прежнему манил, оставаясь вне досягаемости. За следующим поворотом, обещал свет; еще чуть-чуть, еще шаг вперед.

Менструум внутри нее молчал, словно боялся обнаружить себя. Может быть, это дань уважения, которую одно чудо отдает другому, более значительному? Если так, то местное волшебство чрезвычайно ловко скрывается: в этих коридорах не было ни намека на откровение или силу, только голый кирпич. За исключением света. Он по-прежнему манил — через новую арку, по новому коридору. Здание, поняла вдруг Сюзанна, выстроено по принципу русской матрешки: одно вложено в другое. Миры внутри миров. Но не могут же они уменьшаться бесконечно. Или все-таки могут?

И за следующим поворотом она получила ответ или, во всяком случае, часть его. На стену упала чья-то тень, и она услышала крик:

— Господи, как это?

В первый раз после входа внутрь Вихря Сюзанна ощутила дрожь под ногами. С потолка посыпалась кирпичная крошка.

— Шедуэлл, — произнесла она.

Когда она говорила, она словно видела перед собой эти три слога — Ше-ду-элл, несущиеся по коридору к очередной дверной арке. Промелькнуло воспоминание: так Джерико говорил ей о любви, и его слова оживали.

Тень на стене сдвинулась, и внезапно Коммивояжер оказался перед ней. Все черты пророка исчезли. Лицо, прятавшееся под маской, было обрюзгшим и бледным, как выброшенная на берег рыба.

— Исчезло, — произнес он.

Он дрожал всем телом. Капли пота жемчужинами повисли на лице.

— Все исчезло.

Страх, внушаемый Сюзанне этим человеком, испарился. Шедуэлл стоял перед ней разоблаченный, он вызывал смех. Однако его слова заинтересовали ее. Что именно исчезло? Сюзанна шагнула к двери, из которой вышел Шедуэлл.

— Это все ты! — заявил он и задрожал еще сильнее. — Это ты сделала!

— Я ничего не делала.

— Нет, делала…

Сюзанна была в ярде от него, когда он протянул руки и вдруг вцепился холодными липкими пальцами ей в шею.

— Там ничего нет! — заревел он, притягивая ее к себе.

Хватка делалась все сильнее, однако менструум не спешил на помощь. Сюзанна боролась с ним, полагаясь на свои физические силы, а их явно было недостаточно.

— Хочешь посмотреть? — крикнул Коммивояжер в лицо Сюзанне. — Хочешь увидеть, как меня надули? Я тебе покажу!

Он подтащил ее к двери и втолкнул через арку в самый центр храма, во внутреннее святилище, где зарождались чудеса Вихря.

Этот генератор своей энергией связывал воедино многочисленные миры Фуги. Он представлял собой высокий зал пятнадцати футов в длину, сложенный из того же самого кирпича, что и весь храм. Сюзанна подняла голову и увидела небо вместо крыши — никакого потолка здесь не было. Облака, клубившиеся над крышей храма, отражали молочно-белый яркий свет, как будто молнии Вихря зарождались в утробе этого бурлящего воздуха. Однако над головой двигались не только облака. Сюзанна заметила какой-то силуэт на краю крыши. Не успела она как следует рассмотреть его, как к ней подошел Шедуэлл.

— Где? — спросил он. — Где Станок?

Она оглядела святилище и на этот раз заметила, что во всех четырех углах сидят люди и не отрывают глаз от центра зала. У Сюзанны поползли по спине мурашки. Хотя эти люди сидели прямо, на стульях с высокими спинками, вся четверка давно уже была мертва, кожа, присохшая к костям, походила на старый пергамент, одежда превратилась в гниющие лохмотья.

Неужели хранителей убили прямо вот так, на их местах, чтобы воры смогли беспрепятственно унести Станок? Очень похоже. Однако в позах мертвецов не было ничего, что свидетельствовало бы о мучительной смерти. К тому же Сюзанна не верила, что это зачарованное место допустило бы кровопролитие. Нет, здесь произошло что-то другое — может быть, все еще происходит, — и сути событий ни она, ни Шедуэлл пока не в силах уловить.

Шедуэлл продолжал бормотать себе под нос и сыпать жалобами. Сюзанна слушала его вполуха; ее гораздо больше интересовало то, что она заметила сейчас на полу посреди зала. Там лежал кухонный нож, который Кэл много месяцев назад принес в комнату, где проходил аукцион. Заурядный бытовой предмет, неведомым образом вплетенный в Сотканный мир, в самое сердце Фуги.

Когда Сюзанна увидела нож, разрозненная мозаика начала складываться. В том месте, где перекрещивались взгляды мертвых стражей, лежал нож, получивший силу от других скрестившихся взглядов — Кэла и Сюзанны. Нож оказался в этой комнате, перерезал последнюю нить, созданную Станком, и Сотканный мир явил свои тайны. И все было бы хорошо и правильно, если бы стражи не были мертвы, а Станок, как непрестанно повторял Шедуэлл, не исчез.

— Это ты во всем виновата, — бурчал Коммивояжер. — Ты с самого начала знала.

Сюзанна не обращала внимания на его обвинения, у нее в голове зародилась новая мысль. Если магия ушла из этого места, почему же менструум продолжает прятаться?

Пока она формулировала вопрос, Шедуэлл совсем разбушевался и перешел в наступление.

— Я прикончу тебя! — заревел он.

Атака застала Сюзанну врасплох, отбросила к противоположной стене. Она задохнулась и не успела приготовиться к защите, а пальцы Шедуэлла уже сжимали ей горло, тяжелая туша не давала двинуться.

— Воровка, мерзавка, — бормотал он. — Ты меня одурачила!

Сюзанна подняла руки, отбиваясь от него, но силы покидали ее. Она сражалась за право дышать, за глоток воздуха, пусть даже он был кислым от его несвежего дыхания, но хватка Шедуэлла не оставляла ей надежды.

«Я умираю, — подумала она, — я умираю, глядя на эту мерзкую рожу».

И затем ее устремленные в небо глаза уловили какое-то движение на крыше, и чей-то голос произнес:

— Станок здесь.

Пальцы Шедуэлла разжались. Он развернулся и уставился вверх.

Иммаколата раскинула руки, как парашютист в свободном падении, и зависла над ними.

— Помнишь меня? — спросила она Шедуэлла.

— Господи Иисусе!

— Я скучала по тебе, Шедуэлл. Хотя ты так нехорошо со мной обошелся.

— Где Станок? — спросил Шедуэлл. — Скажи мне.

— Станка здесь нет, — ответила она.

— Но ты только что говорила…

— Станок здесь.

— Тогда где? Где он?

— Станка здесь нет.

— Да ты рехнулась! — заорал он. — Либо он здесь есть, либо его нет!

— Это ты дурак, — ответила она спокойно. — Ты ведь ничего не понимаешь, верно?

Шедуэлл перешел на миролюбивый тон.

— Может быть, спустишься? — предложил он. — А то у меня шея затекла.

Она отрицательно покачала головой. Ей было нелегко парить в воздухе, Сюзанна ясно видела это: приходилось своими чарами противостоять святости храма. Но она пошла против законов, твердо намереваясь напомнить Шедуэллу, какое он низменное существо.

— Ты что, боишься? — спросил Шедуэлл.

Улыбка Иммаколаты ничуть не померкла.

— Я не боюсь, — ответила она и стала медленно спускаться к ним.

«Не приближайся», — мысленно умоляла ее Сюзанна.

Инкантатрикс наделала немало бед, но Сюзанна вовсе не хотела, чтобы она погибла от подлой руки Шедуэлла. Однако Коммивояжер стоял перед Иммаколатой, не делая никаких движений. Он просто произнес:

— Ты добралась сюда раньше меня.

— Я почти забыла тебя, — отозвалась Иммаколата. Голос ее лишился всякой звучности, он состоял из вздохов. — Но она мне напомнила. — Иммаколата взглянула на Сюзанну. — Ты оказала мне неоценимую услугу, сестра. Заставила вспомнить врага. — И снова перевела взгляд на Шедуэлла. — Ты довел меня до сумасшествия, и я забыла тебя, — повторила она. — Но теперь вспомнила. — Внезапно улыбка и вздохи исчезли. Остались лишь ненависть и ярость. — Я отлично тебя вспомнила.

— Где же Станок? — продолжал допытываться Шедуэлл.

— Ты всегда все понимал буквально, — ответила Иммаколата с презрением в голосе. — Неужели ты действительно ожидал увидеть здесь механизм? Очередной объект, которым можно обладать? Для тебя быть богом — значит владеть?

— Где, черт возьми, Станок?

И тут она засмеялась, хотя звуки, что вылетали из ее горла, никак не походили на выражение радости.

Это окончательно вывело из себя Шедуэлла, и он бросился на нее. Однако Иммаколата не собиралась позволять ему трогать себя. Когда Коммивояжер вцепился в нее, Сюзанне показалось, что изуродованное лицо Иммаколаты треснуло и выплеснуло ту силу, которая, должно быть, когда-то была менструумом — холодной сверкающей рекой, куда некогда погрузилась Сюзанна, — но теперь превратилась в проклятый и осквернённый поток, гноем выползающий из ран. Тем не менее этот поток обладал силой. Шедуэлла отшвырнуло на пол.

Из туч над крышей вырывались молнии, заливая всю сцену безжалостным ярким светом. До смертельного удара оставались считанные секунды.

Однако его не последовало. Инкантатрикс замешкалась, ее покалеченное лицо истекало умирающей силой, и Шедуэлл нащупал лежавший рядом с ним нож.

Сюзанна предостерегающе вскрикнула, но Иммаколата либо не услышала, либо предпочла не обращать внимания. А потом Шедуэлл поднялся на ноги. Пока он неуклюже вставал, у его противницы еще была возможность нанести последний удар, но она не воспользовалась шансом и Коммивояжер всадил лезвие ей в живот. Мясницкий удар, оставивший смертельную рану.

Наконец-то Иммаколата поняла, что он действительно хочет ее убить, и ответила. Лицо

ее снова залил свет, но, прежде чем этот свет обернулся огнем, лезвие Шедуэлла распороло ее до самой груди. Из раны полезли внутренности. Инкантатрикс закричала, закинула назад голову и выпустила на свободу силу, впустую разбившуюся о священные стены храма.

В тот же миг зал наполнился гулом. Казалось, этот гул шел и от кирпичных стен, и изнутри Иммаколаты. Шедуэлл выронил испачканный кровью нож и попытался сбежать с места преступления, однако его жертва простерла руки и притянула его к себе.

Свечение ее лица погасло. Она умирала, и все происходило быстро. Но даже в момент гибели хватка у нее была цепкая. Под нарастающий гул Иммаколата открыла Шедуэллу объятия, о которых он когда-то мечтал, а она постоянно отказывала ему. Кровь из раны заливала его пиджак. Он закричал от отвращения, однако она не позволила ему отстраниться. Он боролся и в конце концов сумел высвободиться из ее хватки; грудь и живот его обагрились кровью. Он бросил на умирающую последний взгляд и ринулся к двери, постанывая от ужаса. Уже в дверях он оглянулся на Сюзанну.

— Я не… — начал Шедуэлл. Он поднял руки, между его пальцами текла кровь. — Это не я…

В словах его была и мольба, и недоверие.

— Это все магия! — произнес он.

Слезы покатились у него из глаз. Не от раскаяния, поняла Сюзанна, а от внезапного приступа праведного гнева.

— Грязная магия! — завизжал он.

Земля содрогнулась, услышав, как он отзывается о ее великолепии.

Он не стал ждать, пока небо рухнет ему на голову, и выскочил из дверей. А гул все нарастал. Сюзанна посмотрела на Иммаколату.

Несмотря на чудовищные раны, она пока была жива. Инкантатрикс стояла, привалившись к стене, одной рукой она цеплялась за кирпичи, а другой удерживала вываливающиеся внутренности.

— Кровь пролита, — возвестила Иммаколата, когда очередная судорога, мощнее всех предыдущих, потрясла фундамент здания. — Кровь пролита в храме Станка! — И улыбнулась жуткой кривой улыбкой. — С Фугой покончено, сестра… — сказала она.

— Что ты говоришь?

— Я пришла сюда, чтобы пустить кровь ему, чтобы погубить Вихрь. Но пролилась моя кровь. Теперь это уже неважно.

Голос ее ослаб. Сюзанна подошла ближе, чтобы лучше слышать.

— В конце концов, это не имеет значения. Фуге пришел конец. Все обратится в пыль. Одна пыль…

Она оттолкнулась от стены. Сюзанна бросилась поддержать ее. Он прикосновения ладонь закололо.

— Теперь они изгнаны навечно. — Голос Иммаколаты звучал едва слышно, но в нем угадывалось торжество. — Здесь кончается Фуга. Уходит в никуда, словно ее и не было.

В этот момент ноги инкантатрикс подогнулись. Оттолкнув от себя Сюзанну, она привалилась к стене. Рука соскользнула с живота, кишки выползли наружу.

— Мне часто снилась… — выговорила она. — Ужасающая пустота..

Она замолчала, сползая по стене, пряди ее волос цеплялись за кирпичи.

— Песок и пустота, — продолжала Иммаколата. — Вот что мне снилось. Песок и пустота. И теперь они здесь.

Словно подтверждая ее мысль, гул перешел в грохот катастрофы.

Удовлетворенная плодами своих трудов, Иммаколата упала на пол.

Сюзанна кинулась искать путь к спасению, потому что кирпичи храма заскрежетали друг о друга с новой силой. Да и что ей здесь делать? Тайны Станка оказались сильнее ее. Если она задержится, то окажется погребенной под руинами. Надо выбираться отсюда, пока еще есть возможность.

Когда она добралась до выхода, два тонких лучика света прорезали угрюмый воздух и

упали ей на руку. Их яркость поразила Сюзанну. Однако еще больше ее поразил источник этого света: лучи исходили из глазниц одного стражника. Сюзанна отступила с пути света, и когда лучи упали на мертвое тело напротив, из его глаз тоже хлынул свет. Потом появились лучи из глазниц третьего часового и, наконец, четвертого.

Иммаколата тоже заметила их.

— Станок… — прошептала она, задыхаясь.

Перекрещивающиеся лучи делались все ярче. Опасный гул несколько заглушили звуки голосов, негромкое бормотание; слова были неуловимы, они казались музыкой.

— Уже поздно, — сказала инкантатрикс, обращаясь не к Сюзанне, а к четверке покойников. — Вам уже не спасти ее.

Голова ее упала на грудь.

— Слишком поздно… — повторила она.

Потом по телу ее прошла дрожь. Иммаколата испустила дух и рухнула на пол, в лужу собственной крови.

Вопреки ее последним словам, здесь еще жила созидающая сила. Сюзанна попятилась к двери, чтобы не мешать движению лучей. Как только помеха исчезла, они немедленно засияли ярче, и в тех точках, где они пересекались, вверх под разными углами разошлись новые лучи. Шепот, наполнивший комнату, внезапно обрел новый ритм; слова, по-прежнему непонятные, текли мелодичной поэмой. Каким-то образом и они, и свет сделались частью системы: чары четырех семейств — Айя, Ло, Йе-ме и Бабу — работали вместе, музыка слов аккомпанировала танцу света, ткущего мир.

Конечно же, это и был Станок. Это же и есть Станок!

Неудивительно, что Иммаколата насмехалась над тупостью Шедуэлла. Магия может помещаться в физических объектах, однако она не воплощается в них. Она воплощается в слове, порожденном разумом, в движении, которое есть проявление разума, в систематичности Сотканного мира и рождении мелодии, ибо все это разум.

Но, черт побери, одного осознания этого недостаточно. В конце концов, Сюзанна — всего лишь одна из чокнутых, и никакие загадки-разгадки не помогут ей смирить гнев этого осквернённого места. Она может лишь наблюдать, как конвульсии Станка сотрясают Фугу, раздирая ее на куски вместе со всем содержимым.

В отчаянии Сюзанна мысленно обратилась к Мими. Ведь бабушка ввела ее в этот мир чудес, но умерла слишком рано, не успев подготовить преемницу. Хотя, разумеется, даже она не могла бы предсказать такое: гибель Фуги и то, что Сюзанна окажется в самом сердце Сотканного мира, не в силах поддержать его биение.

Лучи света пересекались и множились. Теперь они стали такими прочными, что Сюзанна могла бы пройтись по ним. Это представление завораживало ее. Она чувствовала, что может смотреть на работу Станка вечно и неустанно. А лучи по-прежнему все ветвились и утолщались, пока Сюзанне не стало ясно, что они не останутся в стенах святилища, а вырвутся за его пределы…

…Прямо в Фугу, куда надо и ей. Там лежит Кэл, и она должна сделать все, чтобы помочь ему среди бушующего урагана.

За этой мыслью пришла другая. Может быть, Мими как раз знала или опасалась, что в конце останутся лишь Сюзанна и магия? И может быть, бабушка все-таки оставила указания?

Она сунула руку в карман и вынула том сказок. «Истории о таинственных местах». Ей не было нужды открывать книгу, чтоб вспомнить эпиграф, напечатанный на странице с посвящением.

«То, что можно вообразить, никогда не умрет».

Время от времени Сюзанна размышляла над значением этой фразы, но ее разум никак не мог уловить суть. Сейчас она отказалась от логических рассуждений и позволила странным ощущениям захватить себя.

Свет Станка был таким ярким, что от него болели глаза. Она вышла из святилища и обнаружила, что лучи уже пробили — или же прогрызли — отверстия в кирпичной кладке и вырвались наружу. Тоненькие полосы света прорезали коридор.

Думая не только о зажатой в руке книге, но и о собственной безопасности, она возвращалась тем же путем, каким пришла: дверь и коридор, дверь и коридор. Даже стена внешнего коридора не устояла перед напором света Станка. Лучи пробились через три прочных кирпичных кладки и с каждым мигом делались шире. Сюзанна прошла сквозь них и в первый раз с тех пор, как вступила в Вихрь, ощутила движение менструума. Он поднимался, но не к лицу, а к рукам, к ладоням, сжимавшим книгу, словно заряжал ее энергией.

«То, что можно вообразить…»

Ритмичные слова звучали громче, лучи множились.

«…никогда не умрет».

Книга тяжелела и теплела, словно у нее на руках сидело живое существо. Еще бы, ведь в этом томе заключено столько мечтаний. Вещь, созданная из бумаги и чернил, а в ней затаился иной мир, готовый обрасти плотью. И даже не один мир, а множество: ведь каждый, кто приходил туда, перестраивал сказочный мир под себя. Так случилось с Сюзанной и Хобартом. И Дремучих Лесов было ровно столько, сколько читателей скиталось по ним.

Сюзанна уже вошла в третий коридор. Храм был весь наполнен звуком и светом. Здесь собралось столько энергии, ожидающей мига освобождения. О, если бы Сюзанна могла стать катализатором, способным отвлечь силу от разрушения на что-нибудь лучшее!

Голова ее была полна образов и фрагментов.

Вот они с Хобартом в лесу из их сказки обмениваются ролями и кожей.

Вот они с Кэлом на аукционе: их взгляды наполняют энергией нож, поднимая его над Сотканным миром.

И наконец, стражники в зале Станка. Восемь глаз, обладающие такой силой, что даже после смерти они могут разрушить Сотканный мир. И… воссоздать его?

Сюзанна уже не шла, а бежала. Не из страха, что стены обрушатся ей на голову, а потому что последние кусочки мозаики встали на свои места, все прояснилось и у нее осталось совсем мало времени.

Воссоздать Фугу невозможно в одиночку. Конечно же невозможно. Ни одно заклятие не работает само по себе. Эти чары по сути своей общие. Именно так семейства пели, танцевали и ткали: их магия расцветала при взаимодействии между артистом и зрителем, творцом и поклонником.

Разве не та же самая магия рождалась от сочетания сознания Сюзанны и сознания, заключенного в книге Мими, когда ее глаза скользили по страницам, погружаясь в грезы чужой души? Это похоже на любовь. Точнее, любовь является высшим воплощением сознание преображает другое сознание, видения танцуют на ниточках, протянутых между любовниками.

— Кэл!

Она подбежала к последней двери и бросилась в царящий за ней хаос.

Свет, исходивший от земли, сделался синюшным, черным и пурпурным. Небо над головой клубилось, готовое выплеснуть все свое содержимое. После музыки и совершенной геометрии света внутри храма она внезапно оказалась в настоящем бедламе.

Кэл лежал под стеной храма. Лицо его было белым, но он был жив.

Сюзанна подошла к нему и опустилась на колени.

— Что происходит? — спросил он в изнеможении, еле выговаривая слова.

— Нет времени объяснять, — сказала она, поглаживая его по лицу. Менструум заиграл

у него на щеке. — Ты должен довериться мне.

— Да, — отозвался Кэл.

— Отлично. Ты должен кое-что представить ради меня. Думай обо всем, что можешь вспомнить.

— Вспомнить?..

Пока он соображал, в земле появилась трещина в добрый фут шириной, пробежавшая от порога храма, словно гонец. Новости, которые нес вестник, были мрачными, и Сюзанна засомневалась. Как можно требовать чего-то в этом хаосе? В небе грохочет гром, пыль и земля взлетают вверх, повсюду разверзаются пропасти.

Сюзанна старалась не потерять ощущение, охватившее ее в покинутом коридоре. Пыталась сохранить в сознании образ Станка. Перекрещивающиеся лучи. Мысли, лежащие над и под другими мыслями. Сознание, заполняющее пропасть общими воспоминаниями и общими мечтами.

— Думай обо всем, что можешь вспомнить о Фуге, — велела она Кэлу.

— Обо всем?

— Обо всем. Обо всех местах, какие видел.

— Но зачем?

— Доверься мне! — призвала она. — Ради бога, Кэл, доверься мне. Что ты помнишь?

— Только обрывки и фрагменты.

— Все, что сумеешь вспомнить. До малейшего обрывка!

Она прижала ладонь к его щеке. Кэл пылал жаром, но книга, зажатая в другой руке Сюзанны, была горячее.

Совсем недавно она делилась самими сокровенными переживаниями со своим главным врагом — Хобартом. Конечно же, она сумеет передать свое сознание человеку, которого успела полюбить.

— Прошу тебя… — произнесла Сюзанна.

— Ради тебя… — отозвался Кэл. Кажется, он наконец понял, что она чувствует к нему. — Все, что угодно.

И мысли хлынули. Сюзанна чувствовала, как они вливаются в нее и протекают насквозь, она стала передаточным звеном, а менструум — потоком, переносящим воспоминания. Мысленным взором она видела лишь отблески того, что видел и чувствовал Кэл во время пребывания в Фуге, но все это было прекрасно и удивительно.

Фруктовый сад, плоды, танцующие люди, певцы. Дорога, поле, де Боно и канатоходцы. Небесный Свод (комнаты, полные чудес), рикша, дом и стоящий на пороге старик. Холм и планеты. Большинство картинок мелькали слишком быстро, чтобы рассмотреть их, но ей не требовалось понимать все, что он видел. Она была частью цикла, точно так же, как в аукционном зале.

Она ощущала, что лучи за спиной пронзают последнюю стену, словно Станок двигался ей навстречу и его способность к преображению скоро окажется в ее распоряжении. Но ненадолго. Если она пропустит эту возможность, другой уже не будет.

— Продолжай, — попросила она Кэла.

Теперь он закрыл глаза, а видения по-прежнему шли от него потоком Он вспомнил больше, чем Сюзанна осмеливалась ожидать. Она, в свою очередь, добавляла картинки и звуки к его потоку…

Озеро, Дом Капры, лес, улицы Идеала…

Образы возвращались, пронзительно ясные, и она чувствовала, как лучи света подхватывают и поспешно отправляют их дальше.

Она опасалась, что Станок отвергнет ее вмешательство, но этого не случилось. Он добавил свою силу к менструуму, видоизменяя все, что вспомнили они с Кэлом.

Сюзанна не управляла процессом, это было за пределом ее возможностей. Она превратилась в передаточное звено между знанием и магией и лишь надеялась, что действующие здесь силы лучше ее понимают, чего она хочет.

Сила у нее за спиной стала огромной, и Сюзанна уже не могла служить каналом для подобной энергии. Книга обжигала руки, а Кэл дрожал у нее под ладонью.

— Хватит! — сказала она.

Глаза Кэла распахнулись.

— Я еще не закончил.

— Я сказала, хватит.

Храм содрогнулся.

Кэл произнес:

— О боже.

— Пора уходить, — решила Сюзанна. — Ты можешь двигаться?

— Конечно могу.

Она помогла ему подняться на ноги. Все заревело, когда стены храма одна за другой начали складываться под напором ярости Станка.

Они не стали дожидаться последнего аккорда и пошли прочь от храма, а обломки кирпичей со свистом проносились у них над головами.

Кэл сказал правду: он действительно мог идти, хотя и очень медленно. Однако бежать по пустыне, которую им предстояло пересечь, было просто невозможно. Так же как Творение знаменовало их приближение к храму, уход сопровождался тотальным Разрушением. Флору и фауну, зародившихся от шагов пришельцев, охватил болезненный распад. Цветы и деревья погибали, буйные ветры разносили по всему Вихрю запахи разложения.

Теперь свет от земли померк и стало сумрачно. Тьма усиливалась из-за висящей в воздухе пыли и поднятых в воздух предметов. Из сумрака донеслись крики животных — это земля разверзлась и поглотила тех самых существ, которых произвела на свет несколько минут назад. Тех же, кто не канул в породившую их бездну, ждала еще более страшная участь: силы, их воплотившие, начали распускать по ниточкам своих детей. Вместо ярких и живых созданий землю усеивали блеклые умирающие скелеты. Некоторые поднимали глаза в надежде получить помощь, но Кэлу и Сюзанне нечего было им предложить.

Они делали все возможное, чтобы не свалиться в трещины земли. Они держались за руки и нагибали головы, потому что Ореол осыпал их диким градом, словно стремился продемонстрировать ничтожество незваных гостей.

— Далеко еще? — спросил Кэл.

Они остановились, и Сюзанна посмотрела вперед; она понимала, что они запросто могут бродить по кругу. К этому времени свет, исходивший от земли, совершенно погас. Время от времени он вспыхивал, но только для того, чтобы озарить очередное плачевное зрелище: последние мгновения жизни того великолепия, которое они погубили своим вторжением сюда.

И вот…

— Туда! — Сюзанна указала рукой сквозь град и пыль. — Я вижу свет.

Они устремились вперед настолько быстро, насколько позволяла им встающая дыбом почва. С каждым шагом их ноги все глубже зарывались в слой перегноя, где до сих пор шевелились остатки жизни: наследники Эдема, черви и жуки.

Однако в конце тоннеля уже ясно различался свет. Сюзанна снова увидела его проблеск сквозь мглу.

— Смотри, Кэл, — сказала она.

Он посмотрел, хотя и с усилием.

— Уже близко. Всего несколько шагов.

Кэл с каждым мгновением наваливался на нее все тяжелее, но взрыв в Ореоле заставил их проделать последние ярды по предательской почве едва ли не бегом.

И наконец они вышли на свет. Вихрь почти выплюнул их из себя, прежде чем забиться в последних конвульсиях.

Они заковыляли прочь, но не успели уйти далеко, когда Кэл произнес:

— Не могу…

И упал на землю.

Сюзанна опустилась на колени рядом с ним, приподняла его голову и стала озираться в поисках помощи. И только тогда она увидела, к чему привели события в Вихре.

Страна чудес исчезла.

Все великолепие Фуги было сломано и разрушено, последние клочки испарялись на глазах. Вода, дерево и камень, живые ткани зверей и мертвые тела ясновидцев — все исчезло, как будто никогда и не существовало. Несколько обрывков еще оставалось, но и они скоро растворились.

Пока Вихрь грохотал и сотрясался, последние участки Фуги обращались в дым и нитки, а затем испарялись в воздухе. Это произошло с чудовищной быстротой.

Сюзанна оглянулась. Ореол тоже сокращался на глазах и теперь, когда нечего было скрывать, обнажил пустынную местность: голую землю и раздробленные скалы. Даже раскаты грома сделались тише.

— Сюзанна!

Она снова повернулась и увидела, что к ним идет де Боно.

— Что там произошло? — спросил он.

— Потом расскажу, — ответила Сюзанна. — Сначала мы должны помочь Кэлу. Он ранен.

— Я подгоню машину.

Веки Кэла задрожали, глаза открылись.

— Все исчезло? — пробормотал он.

— Не думай об этом пока, — отозвалась Сюзанна.

— Я хочу знать, — запротестовал он с неожиданной силой и попытался сесть.

Понимая, что не стоит противоречить, Сюзанна поддержала его.

Кэл застонал, увидев за спиной пустыню.

Ясновидцы и кое-кто из затесавшихся к ним людей Хобарта стояли посреди долины и на склонах окрестных холмов. Никто не произносил ни слова и не двигался. Их было немного, и только они и остались.

— А что с Шедуэллом? — спросил Кэл.

Сюзанна пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она. — Он удрал из храма раньше меня.

Рев автомобильного мотора сделал дальнейший разговор невозможным. Де Боно взял одну из машин завоевателей, подъехал по вытоптанной траве и остановился в нескольких футах от места, где лежал Кэл.

— Я поведу, — сказала Сюзанна, когда Кэла уложили на заднее сиденье.

— А что мы скажем врачам? — спросил Кэл слабеющим голосом. — Ведь это пулевое ранение.

— Будем решать проблемы по мере их поступления, — решила Сюзанна.

Когда она уселась на место водителя, откуда неохотно сполз де Боно, кто-то окликнул ее. К машине бежал Нимрод.

— Куда вы едете? — спросил он.

Сюзанна указала на своего пассажира.

— Друг мой, — воскликнул Нимрод, увидев Кэла, — вид у тебя неважнецкий. — Он попытался ободряюще улыбнуться, но вместо этого заплакал. — Все кончено, — произнес он, рыдая. — Уничтожено. Наша милая родина… — Он утер глаза и нос тыльной стороной ладони. — Что нам теперь делать? — спросил он у Сюзанны.

— Убираться отсюда, — ответила она. — И как можно скорее. У нас еще есть враги..

— Это уже не имеет значения, — покачал он головой. — Фуга погибла. Все, чем мы владели, потеряно.

— Но мы же живы, — возразила Сюзанна. — А до тех пор, пока мы живы…

— Куда нам идти?

— Мы отыщем подходящее место.

— Тогда веди нас, — сказал Нимрод. — Больше некому.

— Позже. Сначала надо помочь Кэлу…

— Да, — согласился он, — разумеется. — Потом взял Сюзанну за руку, не желая отпускать. — Но ты вернешься обратно?

— Конечно вернусь.

— Я поведу тех, кто выжил, на север. Через две долины от этой. Мы будем ждать тебя там.

— Тогда идите, — сказала она. — Не тратьте зря время.

— Ты не забудешь? — снова спросил он.

Сюзанна не стала смеяться над его сомнениями: память теперь стала для них крайне важна. Вместо ответа она коснулась мокрого лица Нимрода, позволяя ему ощутить струящийся внутри ее пальцев менструум.

И только когда машина отъехала, Сюзанна поняла: она только что благословила его.

IV
Шедуэлл

Коммивояжер выскочил из Вихря, когда Фуга уже начала разрушаться. Поэтому его не только не останавливали, но даже не заметили бегства. Когда ткань их обожаемой родины стала расползаться на клочки, никто из ясновидцев не обратил внимания на потрепанного окровавленного человека, ковылявшего прочь сквозь хаос.

Только раз беглецу пришлось остановиться и отыскать среди этого хаоса место, чтобы опорожнить желудок. Рвотные массы испачкали некогда прекрасные ботинки, и он принялся отчищать их пригоршней листьев, которые испарялись прямо у него в руках.

Магия! Как она бесила его теперь! Фуга соблазнила его обещаниями волшебства. Она разложила перед ним свои так называемые «чудеса», пока он, несчастный чокнутый, во всех смыслах не ослеп от них. Чары завлекли его в хоровод. Заставили рядиться в чужие перья, заставили обманывать и манипулировать людьми, и все из любви к здешнему обману. А это был обман, теперь-то он понял. Он протянул руку, чтобы взять обещанную награду, а награда испарилась, отреклась от его власти и выставила его главным виновником.

Однако он очень долго не понимал, что его используют, и это было доказательством его невиновности. Он не собирался никому причинять вред, он лишь хотел принести истину и мир в страну, печальным образом лишенную и того и другого. Но его в очередной раз надули и подставили. Единственное, в чем можно обвинить Шедуэлла после случившегося, так это в наивности. А наивность — простительный грех. Нет, настоящие негодяи — это ясновидцы, носители магии и безумия. Именно из-за них его мечты вышли за разумные пределы и навлекли на Фугу все эти ужасы. Привели к мрачным событиям и, в итоге, к распаду Вихря, а его — несчастную жертву обстоятельств — толкнули на убийство.

Шедуэлл выбрался из разлагавшейся Фуги и начал подниматься по склону холма, прочь из долины. Воздух на склонах был чище, что выставляло Коммивояжера в постыдном свете. От него воняло страхом и отчаянием, а ветер нес с собой запах моря. Вдыхая его, Шедуэлл решил, что в этой чистоте заключена единственная надежда на спасение.

Испытывая отвращение к самому себе, он стянул залитый кровью пиджак. Вот оно, дерьмо, запятнанное и пятнающее. Приняв подарок от инкантатрикс, он совершил первую ошибку: с пиджака началась цепочка неверных решений. В приступе праведного гнева он попытался оторвать подкладку, но ткань не поддалась, поэтому он просто скомкал пиджак и зашвырнул высоко в воздух. Пиджак немного пролетел вверх, затем упал обратно, покатился по каменистому склону, вызвал по дороге небольшой обвал и замер, раскинув рукава, словно безногий самоубийца. Наконец-то этот предмет оказался там, где ему полагалось быть с самого начала, — в грязи.

В ней же должны быть и ясновидцы, подумал Шедуэлл. Однако они уцелели. Обман у них в крови. Земли их уничтожены, но он уверен, что у них еще отыщется в запасе пара

трюков. Пока живы эти паскудники, он не сможет спать спокойно. Они превратили его в дурака и убийцу, и теперь он не угомонится, пока не сотрет их всех до единого с лица земли.

Стоя на холме и глядя вниз, в долину, Шедуэлл ощущал, как жизнь его обретает новый смысл. Его обманули и унизили, но он хотя бы остался жив. Значит, сражение пока не проиграно.

У них, у этих чудовищ, есть один враг. Иммаколата часто видела его во сне и рассказывала о пустыне, где он обитает.

Бич, так она называла его.

Для уничтожения ясновидцев ему потребуется союзник, а что может быть лучше безымянной силы, от которой они скрываются уже целую вечность?

Теперь им негде скрыться. У них больше нет Сотканного мира, куда они могли бы спрятаться. Если Шедуэлл сможет отыскать Бича и пробудить его от сна в той пустыне, с помощью монстра он сумеет нанести решающий удар.

Бич. Шедуэллу чрезвычайно нравилось само звучание этого слова.

Однако еще больше ему понравится тишина, которая воцарится, когда его враги обратятся в прах.

V
Недолгое затишье

1

Кэл был счастлив немного поспать, понежиться в объятиях ласковых рук и ласковых слов. Медсестры приходили и уходили, появлялся доктор, улыбался ему сверху вниз и обещал, что все будет хорошо. Де Боно стоял рядом с врачом, тоже улыбался и кивал.

Ближе к ночи Кэл очнулся и увидел рядом с собой Сюзанну. Она произносила слова, которых он не мог понять, потому что слишком устал. Он заснул счастливый, оттого что она рядом, но, когда проснулся, ее уже не было. Он спросил, где Сюзанна и где де Боно, и ему ответили, что они вернутся, а ему нельзя переутомляться. Поспите, говорила сестра. Поспите, а когда проснетесь, все будет хорошо. Он смутно сознавал, что если последует этому совету, то предаст тех, кого знает и любит, но его замутненный разум не мог вспомнить, кого именно. Поэтому он сделал так, как говорила сестра.

Его сон был полон видений, и в этих снах он чаще всего исполнял главную роль, хотя не всегда являлся в своем привычном виде. Иногда он становился птицей, иногда деревом, и ветви его тяжело склонялись от множества плодов, в каждом из которых был заключен маленький мир. Иногда он был ветром или чем-то похожим на ветер. Он мчался, невидимый и могучий, над землей, составленной из обращенных к небу лиц — лица-скалы, лица-цветы — и потоков, в которых он знал по имени каждую серебристую рыбку.

А иногда ему снилось, что он умер; он плыл по бескрайнему океану из черного молока, пока кто-то невидимый и могущественный срывал звезды у него над головой, кидал вниз, а они падали по широкой дуге и пели на лету.

Какой бы умиротворяющей ни казалась эта смерть, Кэл сознавал, что она ему всего лишь снится из-за ужасной усталости. И что снова придется проснуться.

Когда это случилось, у его постели сидел Нимрод.

— Тебе не о чем беспокоиться, — заверил он Кэла. — Никто не будет задавать тебе вопросы.

Язык плохо слушался, но Кэл все-таки сумел выговорить:

— Как тебе это удалось?

— Маленькое волшебство, — сказал Нимрод, даже не улыбнувшись. — Время от времени мне еще удаются небольшие обманы.

— Как вообще дела?

— Скверно, — последовал ответ. — Все в трауре. Лично я не выставляю свое горе напоказ, поэтому на меня косо посматривают.

— А Сюзанна?

Он посмотрел уклончиво.

— Мне лично она нравится, — сказал он. — Но ей никак не договориться с семействами. Когда они не скорбят, они спорят друг с другом. До чертиков надоели их свары. Иногда я даже подумываю, не отыскать ли мне снова Маргарет. Позабыть о том, что я ясновидец.

— Ты не сможешь.

— Да ты сам подумай. Нет смысла обманывать себя, Кэл. Фуга погибла окончательно и бесповоротно. Надо как-то устраиваться. Пора воссоединяться с чокнутыми, и пусть мертвые хоронят своих мертвецов. Господи боже, да нас никто даже не заметит! Сейчас в Королевстве и без нас есть чему удивляться. — Он махнул рукой на телевизор в углу. — Каждый раз, когда его включаю, там показывают что-нибудь новенькое. То одно, то другое. Может быть, я даже отправлюсь в Америку. — Он снял солнечные очки. Кэл уже успел позабыть, какие необычные у него глаза. — В Голливуде человек с моими данными пришелся бы кстати, — сказал он.

Несмотря на тихое отчаяние Нимрода, Кэл не смог сдержать улыбки. А может быть, он прав? Может быть, у ясновидцев нет иного выбора, кроме как расселиться по Королевству и по возможности примириться с новой жизнью.

— Мне пора идти, — говорил между тем Нимрод. — Сегодня большое собрание. У всех будет право высказаться. Скорее всего, на это уйдет целая ночь.

Он пошел к двери.

— Я не уеду в Калифорнию, не попрощавшись, — заверил он напоследок и оставил больного в одиночестве.

2

Два дня миновало, а никто не приходил. Кэл быстро шел на поправку. Наложенное Нимродом заклятие, судя по всему, подействовало на персонал клиники: никто не сообщил в полицию о пациенте с огнестрельным ранением.

К вечеру третьего дня Кэл понял, что совершенно выздоровел, поскольку он начал скучать. По телевизору — новой любви Нимрода — шли только «мыльные оперы» и второсортные фильмы. Как раз второе, меньшее из двух зол, и передавали, когда открылась дверь палаты и вошла женщина в черном. Кэл не сразу сумел узнать в посетительнице Апполин.

Не успел он поздороваться, как она произнесла:

— Времени на разговоры нет, Кэлхоун…

Затем подошла к крови и протянула Кэлу сверток.

— Бери! — сказала она.

Он послушался.

— Мне уже пора бежать, — продолжала Апполин. Ее лицо смягчилось, когда она взглянула на него. — У тебя усталый вид, мальчик мой, — заметила она. — Отдохни как следует! — И с этими словами направилась к двери.

— Стой! — воскликнул Кэл.

— Нет времени! Совершенно нет времени! — отозвалась Апполин и исчезла.

Он снял веревку и оберточную бумагу со свертка и обнаружил внутри книгу сказок, которую Сюзанна нашла на Рю-стрит. К книге прилагалась наспех нацарапанная записка.

> Кэл!
>
> Сохрани для меня эту вещь, ты ведь сможешь? Ни при каких обстоятельствах не упускай ее из виду. Наши враги все еще охотятся за нами. Когда опасность минует, я разыщу тебя.

Сделай это ради всех нас.
Целую.
Сюзанна.

Он перечитывал записку снова и снова, тронутый сверх всякой меры прощальными словами: «Целую. Сюзанна».

Однако он был сбит с толку указаниями: книга показалась ему ничем не примечательным изданием, обложка оторвана, страницы пожелтели. Текст на немецком языке, с которым он совершенно незнаком. Даже иллюстрации какие-то темные, полные теней, словно мало ему теней, отравляющих жизнь. Но если Сюзанна хочет, чтобы он сохранил книгу, он так и сделает. Она мудра, и не следует относиться к ее просьбам легкомысленно.

3

После визита Апполин больше никто не приходил. Хотя Кэл нисколько этому не удивлялся. Апполин очень спешила, и еще большая поспешность ощущалась в записке Сюзанны. «Наши враги все еще охотятся за нами». Если она так сказала, значит, это правда.

*** * ***

Его выписали через неделю, и он отправился обратно в Ливерпуль. Дома почти ничего не изменилось. Трава по-прежнему не желала расти на клочке выжженной земли, где погибла Лилия Пеллиция, поезда по-прежнему ходили на север и на юг, фарфоровые собачки на окне столовой по-прежнему глядели на своего хозяина, но наградой за преданность им был лишь слой пыли.

Та же пыль покрывала записку, которую оставила на кухонном столе Джеральдин. В этом коротеньком письме говорилось, что, пока Кэл не начнет вести себя как разумный человек, он может не рассчитывать на ее общество.

Его дожидались еще несколько писем. Одно было от начальника отдела его фирмы: он спрашивал, куда запропастился Кэл, и сообщал, что если тот желает сохранить свое место, ему необходимо как можно скорее предоставить объяснения. Письмо датировалось одиннадцатым числом, а сегодня было двадцать пятое. Кэл решил, что его уже уволили.

Он не чувствовал никакого огорчения по поводу того, что стал безработным, и по поводу отсутствия Джеральдин тоже. Ему хотелось остаться одному и неспешно подумать обо всем случившемся. Хуже того, он обнаружил, что ему вообще сложно что-либо чувствовать. Шли дни, он пытался как-то упорядочить свою жизнь и быстро понял, что пребывание в Вихре оставило на нем болезненные отпечатки. Как будто силы, вырвавшиеся из храма, отыскали дорогу внутрь его души и превратили в пустыню ту ее часть, где некогда было место для слез и сожалений.

Даже поэт молчал. Хотя Кэл до сих пор помнил стихи Безумного Муни наизусть, теперь они стали пустыми словами и нисколько не трогали его.

Во всем этом имелся один утешительный момент: похоже, новообретенный стоицизм не помешает хранителю одной-единственной книги. Он будет бдителен, однако постарается ничего не ждать — ни катастрофы, ни откровения.

Но нельзя сказать, будто он совсем ничего не ждал от будущего. Ведь он был обычным чокнутым: испуганным, усталым и одиноким. В конце концов, таковы его соплеменники, но это вовсе не значит, что все потеряно. Пока их до слез трогает минорный аккорд, пока они радуются при виде счастливого воссоединения любовников, пока в их осторожных душах есть место для игры случая и они смеются в лицо Богу, в итоге они обязательно спасутся.

А если нет, то ни для одного живого существа нет надежды.

Книга третья
Возвращение из Пустой четверти

Часть десятая
В поисках Бича

Если долго смотреть в бездну,
бездна посмотрит на тебя.
Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла

I
Никакой передышки злодеям

1

До того как сюда пришли люди, Руб аль-Хали была пустым местом на карте мира. После того как они пришли, она осталась таким же пустым местом.

Само ее название, придуманное кочевниками-бедуинами, на протяжении бесконечных веков обитавшими в пустынях Аравийского полуострова, означает «пустая четверть». И если они, знакомые с пустотой, способной свести с ума большинство людей, назвали это место пустым — вот наилучшее доказательство его невообразимой пустоты.

Однако среди европейцев, для которых название ничего не доказывало и которые с начала девятнадцатого столетия искали новые края, где можно испытать себя на прочность, Руб аль-Хали быстро стала легендой. Возможно, потому, что это самое большое испытание, какое земля может предложить любителям приключений, и пустынность этой пустыни не сравнится ни с одной другой, экваториальной или арктической.

Никто там не жил и не мог жить. В этой обширной пустоте, на двухстах пятидесяти тысячах квадратных миль запустения, барханы кое-где достигали высоты небольших гор, сменяясь время от времени залежами растрескавшихся от жары камней, достаточно больших, чтобы между ними затерялось целое племя. Не было дорог, воды и смены ландшафтов. Большинство смельчаков, отправившихся туда, были поглощены пустыней и добавили к ее пескам свои превратившиеся в пыль кости.

Однако для определенной породы людей — наполовину безумцев, наполовину искателей, мечтавших затеряться в песках, она была просто приключением. Бесчисленные экспедиции отступали, поглядев в лицо доводящей до исступления пустоте Пустой четверти, или же канули в ней.

Одни бросали ей вызов во славу картографии, намереваясь нанести ее на карту для тех, кто придет вслед за ними, однако быстро обнаруживали, что здесь нечего наносить на карту, кроме собственной отрезвевшей души. Другие приходили в поисках затерянных гробниц и городов, где несметные сокровища только и ждали смельчака, способного забраться в этот ад и взять их. Были еще и такие — методичные, скрытные, — которые во имя науки хотели проверить какие-то геологические или исторические теории. А некоторые искали здесь ковчег или затерянный Эдем.

Однако всех их объединяло одно: когда они возвращались из Пустой четверти — даже если путешествие вглубь песков занимало какой-нибудь день, — они менялись. Никто не в силах взглянуть в глаза такой пустоте и возвратиться к родному очагу, не оставив навеки частицу себя в этих песках. Многие, кто однажды выжил среди барханов, возвращались сюда снова и снова. Они словно ждали, чтобы пустыня испытала их по-настоящему, и не успокаивались, пока это не случалось. А те немногие несчастные, кому было суждено умереть в своей постели, со смертного одра видели не лица родных людей, не цветущую

вишню за окном, а пустоту, взывавшую к ним так, как может взывать только бездна, обещающая душе блаженное забвение.

2

Много лет Шедуэлл слушал речи Иммаколаты о пустоте, в которой обитает Бич. Чаще всего она толковала об этом абстрактно, как о некоем месте из песка и страха. Шедуэлл успокаивал ее как мог, но быстро перестал вслушиваться в ее бормотание.

Однако когда он, с окровавленными руками и ненавистью в сердце, стоял на холме и глядел на долину, где недавно лежала Фуга, Шедуэлл припомнил слова Иммаколаты. Следующие месяцы он посвятил поиску этой пустыни.

Уже в самом начале исследований он наткнулся на картинки, изображавшие Руб аль-Хали, и пришел к выводу, что это та самая пустыня из пророческих видений инкантатрикс. Даже сейчас, в конце столетия, это место оставалось загадкой. Маршруты чартерных рейсов до сих пор прокладывали в обход, и хотя теперь через пески была проложена дорога, пустыня по-прежнему сводила на нет все попытки исследовать ее территорию. Поэтому Шедуэлл столкнулся с проблемой: если Бич действительно обитает в Пустой четверти, как отыскать его в бескрайней пустоте?

Он начал консультироваться со специалистами, в особенности с одним исследователем по фамилии Эмерсон, дважды пересекавшим Пустую четверть на верблюде. Теперь это был прикованный к постели старик, который поначалу презрительно отнесся к Шедуэллу из-за скудости его познаний. Однако после нескольких минут разговора старик увидел одержимость своего гостя, оттаял и дал немало дельных советов. Он говорил о пустыне как о любовнице, оставившей у него на спине шрамы от плетки, чью жестокость он мечтает испытать снова и снова. Когда они расставались, Эмерсон воскликнул:

— Завидую вам, Шедуэлл. Видит бог, я завидую вам!

3

Эмерсон сказал, что пустыня всегда ценила одиночек, но Шедуэлл не поехал в Руб аль-Хали один. Он взял с собой Хобарта.

Хобарт больше не стоял на защите закона, как раньше. В ходе расследования событий, погубивших почти всю его бригаду, он был признан ответственным за содеянное. Его могли бы посадить в тюрьму, однако отцы города решили, что он не в себе (на самом деле он изначально был не в себе) и если в суде выйдет на всеобщее обозрение дело о том, что власти нанимают на службу сумасшедших, это вряд ли прибавит им популярности. Вместо этого было сфабриковано целое новое дело. Все, кто отправился с Хобартом в Фугу и погиб там, были признаны героями, а те, кто вернулся, повредившись в уме, получили приличные пенсии. Несколько безутешных вдов предпринимали попытки разоблачить обман, однако настоящие объяснения оказались куда более невероятными, чем ложь. К тому же никто из выживших не мог связно описать, что они пережили. Те скупые подробности, которые они смогли выдавить из себя, служили лишним доказательством их ненормальности.

Хобарт, однако, не считал безумие поводом для отставки, поскольку пребывал в его объятиях долгие годы. Видение живого огня, из-за которого он и примкнул к походу на Фугу, до сих пор не отпускало инспектора, хотя пиджак Коммивояжера пропал. Понимая, что тот не станет смеяться над его одержимостью, Хобарт предпочел остаться с Шедуэллом. С таким хозяином его мечта едва не осуществилась, и, хотя их общие амбиции не были удовлетворены, Коммивояжер до сих пор говорил на языке, который был понятен Хобарту в его помешательстве. Когда Шедуэлл заговорил о Биче, инспектор тотчас понял, что это дракон из его грез, названный иным именем. Он смутно помнил, что искал чудовище в каком-то лесу, но нашел лишь смятение. Тот дракон был просто позором, а не настоящим чудовищем, которое он все еще мечтал повстречать. Теперь он знал, где ждет его сказка не в

лесу, а в пустыне. Там дыхание монстра обращает в прах и песок все живое.

Поэтому они вместе отправились в селение на южной границе Пустой четверти, место столь ничтожное, что оно даже не имело названия.

Здесь им пришлось оставить джип и с помощью водителя, служившего еще и переводчиком, нанять проводников и верблюдов. Шедуэлл, однако, сменил колеса на копыта не потому, что пересечь пустыню на машине было сложно. Им двигало подогретое Эмерсоном желание как можно сильнее слиться с пустыней. Войти в эту пустоту не завоевателями, а кающимися грешниками.

На поиски двух проводников для экспедиции ушло не меньше часа, настолько мало нашлось желающих и физически способных предпринять подобное путешествие. Оба проводника были из племени аль-мюрра — единственного племени, претендующего на родство с духами Пустой четверти. Первого, парня по имени Мирак ибн-Талак, Шедуэлл взял, поскольку тот похвалялся, что уже четыре раза водил белых в Руб аль-Хали (и выводил обратно). Однако он отказывался отправляться без юнца по имени Джабир, которого называл то двоюродным, то троюродным братом, то шурином. Этому второму на вид было лет пятнадцать, но он отличался жилистостью и многоопытным взглядом сорокалетнего мужчины.

Торговаться с ними предоставили Хобарту, и обсуждение подробностей экспедиции заняло немало времени, поскольку перед началом путешествия инспектор освоил лишь начатки арабского, а арабы почти не говорили по-английски. Зато они прекрасно знали свое дело. На покупку верблюдов ушла вторая половина дня, запасы закупили наутро.

В общем и целом приготовления к походу длились двое суток.

Но в день отправления Шедуэлл, несмотря на спешку не забывавший ублажать свой желудок, вдруг заболел какой-то кишечной болезнью и его пробрал страшный понос. Взбунтовавшиеся внутренности отказывались удерживать какую-либо пищу, и он быстро ослабел. Обессиленный лихорадкой и имевший под рукой только самые элементарные медикаменты, он лежал в снятой ими лачуге, в уголке, куда не проникало солнце, и потел, дожидаясь, пока из него не выйдет вся зараза.

* * *

Прошло два дня, а улучшения не наблюдалось. Шедуэлл не привык болеть; в тех немногих случаях, когда действительно заболевал, он обычно запирался и страдал в уединении. Однако в этом месте уединение было невозможно. Весь день напролет он слышал какие-то шорохи за дверью и под окнами. Местные жители использовали любую возможность подглядеть в щелку, как неверный стенает, лежа на грязных простынях. А когда им наскучивал спектакль, с больным оставались мухи, жадные до гнойной жидкости, выделявшейся у него изо рта и глаз. Он давно уже убедился в безнадежности попыток отогнать их, поэтому просто лежал, потея, и позволял им пить, пока его снедаемый лихорадкой мозг блуждал в более прохладных местах.

На третий день Хобарт предложил отложить путешествие, заплатить ибн-Талаку и Джабиру и вернуться в цивилизацию. Там Шедуэлл сможет набраться сил для следующей попытки. Но Коммивояжер не согласился, хотя та же самая мысль неоднократно приходила ему на ум. Когда в конце концов инфекция покинула его тело, он был не в том состоянии, чтобы бросить вызов Пустой четверти.

* * *

Однако все переменилось за одну ночь. Сначала подул ветер. Он не налетал порывами, а дул сплошным ураганом, и песок, который он приносил с собой, сыпался под дверь и в щели окна.

За прошедшие сутки Шедуэлл спал очень мало и теперь хотел отоспаться, однако ветер

мешал ему. Внутренности тоже пришли в волнение, вынудив больного провести полночи, сидя над ведром, специально приготовленным для него.

Именно здесь — скорчившись над поганым ведром в облаке собственных миазмов — он впервые услышал голос. Голос доносился из пустыни, он усиливался и затихал, словно вой некой потусторонней вдовы. Шедуэлл никогда не слышал ничего подобного.

Он поднялся, марая ноги экскрементами. Его била дрожь.

Он только что слышал голос Бича, в том нет сомнения. Звук был отдаленный, но узнавался безошибочно. Голос был полон горя, но и силы тоже, и еще он призывал. Он подавал им знак. Им не придется вслепую скитаться по пустыне, ожидая, пока случай приведет их к цели. Они пойдут тем путем, каким пришел ветер. Ведь он рано или поздно приведет их к тому созданию, чьим вестником служит.

Шедуэлл натянул штаны и распахнул дверь. Ветер бесновался в крошечном селении, осыпая его песком и завывая между домами, как бешеный пес. Шедуэлл прислушивался, мечтая снова услышать голос Бича, моля, чтобы это не оказалось галлюцинацией, порожденной его страстным желанием. И он услышал. Голос раздался снова, тот же самый тоскливый вой.

Один из местных жителей пробегал мимо лачуги, у которой стоял Шедуэлл. Коммивояжер оттолкнулся от двери и схватил араба за руку.

— Ты слышал? — спросил он.

Тот обратил к Шедуэллу покрытое шрамами лицо. У араба не было одного глаза.

— Слышал? — допытывался Шедуэлл, кивнув головой в направлении звука, когда он раздался снова.

Араб стряхнул с себя его руку.

— Аль хайяль, — произнес он, почти выплюнув это слово в лицо Коммивояжеру.

— Что?

— Аль хайяль… — повторил араб, отступая от Шедуэлла, как от буйного сумасшедшего, и хватаясь рукой за нож на поясе.

Шедуэлл не собирался драться с ним. Он поднял руки, заулыбался и оставил араба в покое.

Странная веселость охватила его, заставив истерзанный разум запеть. Завтра они отправятся в Пустую четверть, и пошли эти кишки ко всем чертям! Пока он может держаться в седле, он будет ехать вперед.

Коммивояжер стоял посреди пустой улицы, сердце его билось, словно тяжелый молот, ноги дрожали.

— Я слышал тебя, — проговорил он.

Ветер сорвал слова с его губ, словно некий чудовищный посланник пустыни, способный вернуться тем же путем, каким пришел, и донести слова до той силы, что дожидалась его в пустоте.

II
Забвение

1

Ни книги, которые он прочитал, ни легенды, которые он услышал, ни даже измученный голос, который донес до него накануне ветер, — ничто не могло подготовить его к невыразимой пустоте Руб аль-Хали. В книгах эти просторы описывались самыми сильными словами, но слова не передавали жуткой пустынности места. Даже Эмерсон, чья речь, полная недомолвок и страсти, производила неизгладимое впечатление, не сумел и приблизительно передать неприкрытую правду.

Часы пути неумолимо следовали один за другим, а они все ехали в той же жаре, глядя

на тот же пустой горизонт, под тем же доводящим до исступления небом, и тот же мертвый песок шуршал под копытами верблюдов.

У Шедуэлла не было сил, чтобы вести беседу, а Хобарт никогда не отличался разговорчивостью. Что же до ибн-Талака с Джабиром, они ехали впереди неверных, время от времени перешептываясь, но в основном помалкивая. Когда ничто не отвлекало внимания, разум невольно переключался на изучение тела, быстро проникаясь его ощущениями. Ритмичное трение штанов о седло, привкус крови на губах и деснах — вот и вся пища для ума.

Даже строить предположения о том, что ждет их в конце путешествия, не хотелось в этом слепящем свете.

Трое суток прошли без происшествий: все та же изнуряющая жара, тот же звук копыт по песку, шагающих в том направлении, откуда ветер донес голос Бича. Ни один из арабов не спрашивал неверных о цели их путешествия, не требовал никаких объяснений. Они просто ехали, и пустыня давила на них со всех сторон.

Гораздо хуже было, когда они останавливались, чтобы дать отдых верблюдам или смочить нагревшейся водой забитые песком глотки. Вот тогда царящая в пустыне тишина наваливалась на них во всей своей бесконечности.

Находиться здесь было иррациональным поступком, идущим наперекор физическим возможностям. В такие моменты Шедуэлл задумывался, что за создание избрало это место своим домом, какой силой воли оно должно обладать, чтобы противостоять пустоте? Если только само оно — эта мысль приходила на ум все чаще и чаще — не порождено этой пустотой, не является частью пространства и молчания. От такого предположения внутри все обрывалось: вдруг сила, которую он ищет, принадлежит этому месту и сама избрала пески своей постелью, а камни — подушкой. Он наконец-то начал понимать, почему Иммаколату бросало в дрожь от видений Бича. В тех кошмарах она чувствовала вкус этой чудовищной чистоты, затмевавшей ее собственную непорочность.

Но Шедуэлл не боялся ничего, кроме неудачи. Пока он не окажется рядом с этим существом, пока не узнает об источнике его чистоты, он не сможет очиститься сам. А этого он хотел больше всего на свете.

Когда наступила их четвертая ночь в Пустой четверти, его желание было готово осуществиться.

* * *

Джабир сидел у костра, когда зазвучал голос. Этой ночью ветра почти не было, однако голос разнесся с той же непререкаемой властностью, наполнив воздух той же тоской.

Ибн-Талак, в это время чистивший винтовку, вскочил на ноги: глаза широко раскрыты от испуга, губы шепчут то ли клятвы, то ли молитвы. Хобарт тоже вскочил, а Джабир кинулся успокаивать верблюдов — их напугал голос, и они рвались с привязи. Один только Шедуэлл остался сидеть у костра, глядя в огонь, пока вой — непрерывный, словно идущий на одном исполинском выдохе, — заполнял собой ночь.

Прошло немало минут, прежде чем он наконец затих. Когда это случилось, животные все еще всхрапывали, а люди молчали. Ибн-Талак первым вернулся к огню и снова принялся начищать винтовку, за ним пошел его родственник. И последним — Хобарт.

— Мы здесь не одни, — сказал Шедуэлл через некоторое время, по-прежнему не сводя глаз с костра.

— Что это было? — спросил Джабир.

— Аль хайяль, — ответил ибн-Талак.

Джабир скривился.

— Что такое аль хайяль? — спросил Шедуэлл.

— Они имеют в виду звук, который издают пески, — пояснил Хобарт.

— Пески? — переспросил Шедуэлл. — Ты думаешь, что это был песок?

Подросток отрицательно помотал головой.

— Ну конечно же нет, — сказал Шедуэлл. — Это голос того, с кем мы ищем встречи.

Джабир подбросил в костер вязанку выбеленных солнцем веток. Огонь немедленно пожрал их.

— Так вы знаете? — спросил Шедуэлл.

Ибн-Талак оторвался от работы и внимательно поглядел на него.

— Они знают, — подтвердил Хобарт.

— Я подумал, вдруг они испугаются.

Ибн-Талак, кажется, уловил смысл его последнего замечания.

— Руб аль-Хали, — произнес он, — мы знаем. Знаем все. Знаем.

Шедуэлл понял его мысль. Они ведь мюрра. Их племя считает эти земли своими собственными. Отступить раньше, чем будут разгаданы тайны Пустой четверти, равносильно отказу от наследия предков.

— Далеко еще? — спросил Хобарт.

— Не знаю, — ответил Шедуэлл. — Ты слышал то же, что и я. Может быть, совсем близко.

— Как ты думаешь, он знает, что мы здесь? — спросил Хобарт.

— Может быть, — сказал Шедуэлл. — А какая разница?

— Наверное, никакой.

— Если не знает сейчас, узнает завтра.

2

На следующий день они тронулись в путь на заре, чтобы уехать как можно дальше, прежде чем поднимется солнце. Они двигались в том же направлении, какого придерживались в предыдущие четыре дня.

Первый раз за все время окружающий пейзаж стал немного другим, размеренные падения и подъемы барханов сменились гораздо более высокими и нерегулярными песчаными холмами.

Песок на этих холмах был мягкий, он осыпался шуршащими лавинами под ногами людей и животных. Ехать верхом было невозможно. Путники увещевали верблюдов, все еще напуганных после вчерашнего происшествия, перед каждым новым крутым подъемом осыпали их проклятиями и льстивыми словами. И все это только ради того, чтобы подняться на вершину и обнаружить впереди еще более высокий бархан.

Не было отдано никаких распоряжений, но ибн-Талак почему-то больше не возглавлял четверку, его место занял Шедуэлл. Он вел теперь отряд по пескам вверх-вниз. Между барханами дул легкий ветерок, но его вкрадчивость выводила из себя посильнее урагана. Казалось, он шепчет что-то, пробегая по песку, однако уловить смысл послания было невозможно.

Но Шедуэлл знал, о чем нашептывает ветер.

«Иди, — говорил он, — иди, если смеешь. Еще один холм, и ты получишь все, о чем когда-либо мечтал».

Шедуэлл поддавался на его уговоры и поднимался на следующий склон, выходил из прохладной тени под слепящее солнце.

Они уже близко, он знал это, совсем близко. В начале дня Джабир принялся жаловаться и требовать, чтобы они остановились и дали верблюдам отдохнуть, но Шедуэлл не согласился. Он ускорил шаг, его разум уже не обращал внимания на физические неудобства, едва ли не парил над телом. Пот — ерунда, боль — ерунда. Все это можно перетерпеть.

И вот, на вершине бархана, куда они поднимались едва ли не час, обещания ветра подтвердились.

Пески остались позади. Впереди расстилалась терраса, совершенно плоская на всем обозримом пространстве. Правда, это обозримое пространство простиралось всего на

несколько миль, поскольку ветер нес с собой песок, закрывающий горизонт, как дымовая завеса. В Руб аль-Хали эта плоскость казалась еще более изысканным запустением: пустота для настоящего ценителя.

— Господь Всемогущий, — выдохнул Хобарт, поднимаясь туда, где стоял Шедуэлл.

Коммивояжер вцепился ему в руку. Он дышал часто и сипло, с обгоревшего под солнцем лица градом катился пот.

— Не дай мне упасть, — пробормотал он. — Мы уже у цели.

— Почему бы не передохнуть, прежде чем идти дальше? — предложил Хобарт. — Может, остановиться до завтра?

— Неужели ты не хочешь поскорее увидеть своего дракона? — спросил Шедуэлл.

На это Хобарт ничего не ответил.

— Тогда я пойду один, — только и сказал Шедуэлл.

Он выронил поводья верблюда и заковылял вниз по склону на равнину.

Хобарт оглядел стерильную плоскость. Шедуэлл говорил правду: они уже очень близко, он чувствует. И эта мысль, всего несколько дней назад воодушевлявшая его, теперь нагоняла страх. Он достаточно насмотрелся на Пустую четверть, чтобы понять: обитающий здесь дракон вовсе не тот переливающийся красками монстр из его снов. У Хобарта не хватало воображения, чтобы представить ужас, угнездившийся в подобном месте.

Но одно он знал наверняка: этому существу наплевать на закон и его защитников.

Если проявить решимость, еще можно повернуть назад, подумал Хобарт. Можно убедить проводников, что Шедуэлл загонит их насмерть, что разумнее оставить Коммивояжера наедине с его безумием. А тот был уже у подножия бархана и продолжал удаляться, даже не удосужившись посмотреть, идут ли за ним остальные.

«Пусть себе идет, — сказала какая-то часть Хобарта, — пусть найдет свой Бич, если уж так хочет, а заодно и смерть».

Но как бы он ни был напуган, Хобарт не мог заставить себя повернуться к равнине спиной. Воображение, сузившееся до размеров узкого тоннеля, снова показывало ему его собственные руки, оживленные неистребимым огнем. В тот исключительный миг видения он ощущал вкус силы, для описания которой не существовало слов, и никакие последующие события — ни поражение, ни унижения — не могли затмить это воспоминание.

Где-то там, далеко отсюда, еще живут те, кто нанес ему поражение, кто попрал закон, реальный и праведный. Вернуться к ним со стекающим по пальцам огнем и заставить их низко склонить головы — вот мечта, ради которой стоит сносить жар пустыни.

Мечтая о пламени, Хобарт взял поводья верблюда Шедуэлла и пошел по следам Коммивояжера вниз по ослепительному песку.

III
Стена

Оценить расстояние было невозможно и на равнине, по которой они шли теперь. Барханы у них за спиной скоро затянула пелена песка, а впереди такая же пелена затягивала горизонт. Дул настойчивый ветер, но он нисколько не освежал, а просто затруднял и без того нелегкий путь, норовил сбить с ног, отчего каждый шаг давался мучительно трудно. Но ничто не могло остановить Шедуэлла. Он шагал, словно одержимый, пока — после часа ходьбы через это пекло — не встал как вкопанный и не указал на что-то в жарком мареве.

— Вот оно, — сказал он.

Хобарт поравнялся с ним, сощурил воспаленные глаза и проследил за указующим пальцем. Но песчаная пелена застилала ему глаза.

— Ничего не вижу, — ответил он.

Шедуэлл вцепился ему в руку:

— Да смотри же, черт побери!

И на этот раз Хобарт понял, что Шедуэлл не ошибся. Недалеко от того места, где они

остановились, вроде бы начинался новый подъем.

— Что это такое? — Хобарт кричал, стараясь заглушить ветер.

— Стена, — прокричал в ответ Шедуэлл.

Хобарту показалось, что она больше похожа на гряду холмов, чем на стену, поскольку тянулась до самого горизонта. Но кое-где в ней виднелись бреши, а прямизна доказывала, что Шедуэлл прав. Это действительно была стена.

Не говоря больше ни слова, они пошли к ней.

За стеной не было заметно никакой постройки, однако строители стены явно дорого ценили то, что она призвана хранить и защищать, потому что с каждым шагом очевиднее проявлялась грандиозность сооружения. Стена поднималась над пустыней футов на пятьдесят или выше, однако каменщики были настолько искусны, что было совершенно непонятно, как именно она возведена.

Отряд остановился ярдах в двадцати от стены, предоставив Шедуэллу самому приблизиться к ней. Он протянул руку, чтобы коснуться камня; камень был горячий и такой гладкий, что на ощупь казался почти шелковым. Создавалось впечатление, будто стена сделана из оплавленной скалы, что ее создали умельцы, способные лепить из расплавленной лавы, как из обычной глины. Очевидно, нет способа повредить эту поверхность, лишенную каверн и царапин, даже если бы у кого-то из них еще остались силы ковырять кладку.

— В ней должны быть ворота, — заявил Шедуэлл. — Будем двигаться, пока не найдем их.

Солнце уже садилось, воздух начал остывать. Однако ветер не давал путникам ни секунды передышки. Казалось, он охраняет стену, сечет их по ногам, словно желает опрокинуть на песок. Но они уже без ущерба для себя забрались так далеко, и теперь все их страхи сменились любопытством, желанием узнать, что же находится по другую сторону постройки. Арабы снова заговорили; они явно предвкушали, как будут похваляться своей удачей, вернувшись домой.

Они шли целых полчаса, но стена нигде не прерывалась. Время от времени в ней встречались бреши, но все они располагались слишком высоко, так что невозможно было даже подтянуться на руках. Кое-где осыпались края, но не было ни двери, ни ворот, хотя бы совсем маленьких.

— Кто ее построил? — спросил Хобарт, пока они шли.

Шедуэлл наблюдал за их тенями, движущимися по стене вместе с ними.

— Древние, — ответил он.

— Чтобы защититься от пустыни?

— Чтобы удержать внутри Бича.

За последние несколько минут дуновение ветра несколько изменилось. Он перестал хватать их за ноги и отправился по каким-то более важным делам. Первым перемену заметил ибн-Талак.

— Сюда! Сюда! — закричал он, указывая на стену.

В нескольких сотнях ярдов от того места, где они остановились, струйки песка со свистом вырывались из-за стены. Когда они подошли ближе, стало ясно, что это не ворота, а просто дыра. Камень обрушился горой обломков. Шедуэлл первым достиг горы камней, многие из которых были размером с небольшой дом, и полез по ним, чтобы взглянуть наконец на то, что охраняла стена.

Хобарт у него за спиной спросил:

— Что ты видишь?

Шедуэлл не ответил. Он недоверчиво изучал пространство за стеной, пока ветер, с ревом вырывавшийся из пролома, едва не свалил его с наблюдательной вышки.

С другой стороны стены не оказалось ни дворца, ни гробницы. Там вообще не было ни единого признака, что это место обитаемо: ни обелиска, ни колоннады. Только песок и снова песок, бесконечный песок. Еще одна пустыня раскинулась перед ними, такая же безжизненная, как равнина у них за спиной.

— Ничего.

Это сказал не Шедуэлл, а Хобарт. Он просто прошел через пролом на другую сторону и остановился в тени стены. Похоже, это правда: здесь ничего нет. Но почему же у него появилось чувство, что здесь какое-то священное место?

Шедуэлл пробрался через песчаный завал, наметенный ветром в проломе, и оглядел барханы. Может быть, это песок скрывает тайну, за которой они явились сюда? Может быть, Бич засыпан песком, а его крик был воплем погребенного заживо? Если так, есть ли надежда отыскать его?

Шедуэлл развернулся и задрал голову, рассматривая стену. Затем поддался порыву и начал карабкаться по обрушенной стене. Это было нелегко. Руки и ноги у него ослабели, а ветер за бесчисленные годы отполировал камень, но он все-таки добрался до верха.

Сначала он думал, что его усилия пропали впустую. Все, что он получил в награду за старания, это вид на стену, уходящую в бесконечность по обе стороны от него.

Но когда Шедуэлл поглядел вниз, он понял, что в песке проступает узор. Не обычный волнистый орнамент, созданный ветром, а нечто более замысловатое: гигантские геометрические фигуры, выложенные на песке, с широкими проходами и дорожками между ними. Собирая информацию о пустынных землях, Шедуэлл прочитал о рисунках, созданных каким-то древним народом на равнинах Южной Америки. Изображения птиц и богов, которые не видны с земли, зато поражают взоры наблюдателей, глядящих на них сверху. Может быть, здесь то же самое? Неужели песок украшен бороздами и валами, чтобы передать какое-то сообщение небесам? Если так, какая сила создала эти узоры? Чтобы сдвинуть столько песка, нужны усилия небольшого народа, а ветер уничтожит назавтра все, что было создано сегодня. Так чья же это работа?

Может быть, ночь даст ответ.

Он слез со стены и вернулся к Хобарту и арабам, дожидавшимся его среди камней.

— Этой ночью мы разобьем лагерь здесь, — объявил он.

— Перед стеной или за ней? — уточнил Хобарт.

— За стеной.

IV
Уриэль

Ночь опустилась как занавес. Джабир развел костер под прикрытием стены, подальше от неумолимо дующего ветра. Они ели хлеб и пили кофе. Все молчали. От усталости никто не мог выговорить ни слова. Они просто сидели сгорбившись и смотрели на огонь.

Хотя у него ныли все кости, уснуть Шедуэлл не мог. Костер уже догорал, а всех спутников одного за другим сморил сон, но он продолжал бодрствовать. С наступлением ночи ветер немного утих, его рев превратился в стон. Этот ветер убаюкивал, как колыбельная, и веки Шедуэлла наконец сомкнулись. Перед внутренним взором замелькали картинки. А потом — пустота.

* * *

Во сне он услышал голос мальчишки Джабира. Тот звал из темноты, но идти Шедуэллу не хотелось. Сон был таким сладким. Однако крик прозвучал снова: жуткий вопль. На этот раз Шедуэлл открыл глаза.

Ветер окончательно затих. Над головой в величественном небе ярко сияли звезды, мерцали в вышине. Костер погас, но и при свете звезд было видно, что ни ибн-Талака, ни Джабира нет. Шедуэлл поднялся, подошел к Хобарту и встряхнул его, чтобы разбудить.

В этот момент его внимание привлекло что-то впереди над головой Хобарта. Он присмотрелся, не веря собственным глазам.

Там были цветы; во всяком случае, так ему показалось. Целые охапки цветов среди

пышной листвы. Он оторвал взгляд от земли, и из его пересохшего горла вырвался возглас изумления.

Барханы исчезли. Вместо них выросли джунгли, неукротимая растительность достигала высоты стены: раскидистые цветущие деревья, листья на которых были размером с человека. Под их пологом начиналось буйство лиан, кустарников и трав.

Шедуэлл на мгновение усомнился, не сошел ли он с ума, но тут же услышал рядом с собой возглас Хобарта:

— О господи!

— Ты тоже видишь? — спросил Шедуэлл.

— Вижу… — проговорил Хобарт. — Вижу сад.

— Сад?

На первый взгляд это слово совершенно не подходило к увиденному хаосу. Однако, если присмотреться, там, где сначала наблюдателям почудилась анархия, царила упорядоченность. Под цветущими деревьями были проложены широкие дорожки и устроены лужайки с террасами. Да, это был настоящий сад, хотя прогулка по нему вряд ли доставила бы удовольствие: несмотря на разнообразие видов — всюду росли деревья и кусты всех размеров и форм, — здесь не было ни одного растения, окрашенного в какой-то цвет. Ни цветка, ни веточки, ни листика, ни плода; все, до самой малой тычинки, было одинаково бесцветным.

Шедуэлл задумался над этой загадкой, когда из глубины сада донесся крик. На этот раз голос принадлежал ибн-Талаку, и он быстро перешел в жуткий вопль. Шедуэлл побежал на звук. Почва мягко проваливалась под ногами, что замедляло движение, но крик все звучал, прерываемый рыдающими вздохами. Шедуэлл на бегу звал араба по имени. Он совершенно не ощущал страха, только всепоглощающее желание встретиться с автором этой загадки лицом к лицу.

Когда он мчался по одной из тенистых аллей с той же бесцветной растительностью, крик ибн-Талака оборвался. Шедуэлл мгновенно потерял ориентацию. Он остановился и вгляделся в листву в надежде заметить какое-либо движение. Ничего. Ни одна ветка не дрожала от ветра, и от множества цветов не исходило — еще одна загадка — никакого аромата, даже самого слабого.

У него за спиной Хобарт что-то предостерегающе пробормотал. Шедуэлл обернулся, готовый обругать его за полное отсутствие любознательности, но тут же заметил, что они наделали. Если в Вихре от его шагов зарождалась разнообразная жизнь, то здесь шаги убивали ее. Там, где они с Хобартом прошли, растения рассыпались в прах.

Он уставился на голую землю, которая только что была покрыта травами и цветами, и вдруг разгадал загадку чудесного сада. Не обращая внимания на слова Хобарта, Шедуэлл приблизился к ближайшему кусту, увешанному гроздьями цветов. Поддавшись соблазну, он дотронулся до одного цветка. Цветок распался даже от такого осторожного прикосновения, посыпался с ветки струйками песка. Шедуэлл провел большим пальцем по соседнему цветку, и он тоже рассыпался, а вместе с ним и ветка с поразительными листьями. От прикосновения все возвращалось в песок.

Барханы не исчезли на ночь, чтобы уступить место саду. Они сами стали садом: поднялись по чьему-то невероятному приказу, чтобы создать эту бесплодную иллюзию. То, что на первый взгляд казалось чудом плодородия, было надувательством. Песок. Без запаха, без цвета, без жизни: мертвый сад.

Внезапное отвращение охватило Шедуэлла. Трюк слишком походил на работу ясновидцев, на вводящее в заблуждение заклятие. Он бросился в «заросли», в ярости нанося удары налево и направо, превращая фальшивые кусты в колючие клубы песка. Деревья, сметенные его рукой, резко осели, как отключенный фонтан. Самые замысловатые цветы рассыпались. Но Шедуэлл все еще не был удовлетворен. Он бесновался, пока не уничтожил небольшую рощицу этих джунглей.

— Колдовство! — без умолку выкрикивал он, атакуя песок. — Колдовство!

Он, наверное, перешел бы к более масштабным разрушениям, но тут, точно так же, как в первый раз, когда Шедуэлл сидел над поганым ведром, завыл Бич. Этот голос вел его через пустоту и одиночество, и куда он привел? К еще большей пустоте и одиночеству. Разрушения не утолили гнева Шедуэлла, и он обернулся к Хобарту:

— Откуда доносится звук?

— Не знаю, — сказал Хобарт и попятился. — Отовсюду.

— Где же ты?!! — потребовал ответа Шедуэлл, обращаясь к наваждению. — Покажись!

— Не надо… — начал Хобарт; его голос был полон ужаса.

— Это же твой дракон, — напомнил Шедуэлл. — Мы должны увидеть его.

Хобарт замотал головой. Это место создала не та сила, с какой он хотел бы встретиться. Однако прежде чем он успел ретироваться, Шедуэлл вцепился в него.

— Мы посмотрим на него вместе, — сказал он. — Ведь он одурачил нас обоих.

Хобарт в панике дергался, пытаясь высвободиться, но замер, когда его взгляд упал на силуэт, возникший в дальнем конце аллеи.

Не менее двадцати пяти футов в высоту, он заслонял собой небо. Вытянутая голова из выбеленной кости задевала ветви деревьев, и с них осыпались песчаные лепестки.

Он по-прежнему завывал, но рта у него не было; на его лице вообще не было ничего, кроме глаз. Зато этих глаз было до жути много, по бокам головы тянулись ряды щелок без век и ресниц. Возможно, их было не больше сотни, но, чтобы узнать это наверняка, не хватило бы вечности, потому что существо, несмотря на его массивность, казалось текучим. Неужели в его чреве вращаются колеса, связанные лентами жидкого огня с сотнями меняющихся геометрических форм? А бесчисленные крылья хлопают где-то в вышине, и свет перетекает по внутренностям, как будто он наглотался звезд?

Не было ничего определенного. Он то являлся в коконе беснующегося света, словно ствол, пораженный молнией, то превращался в огненное конфетти, зависавшее по контурам тела, пока его не уносило прочь. В одно мгновение — эфир, в другое — безжалостная сила.

А затем его вой оборвался так же внезапно, как начался.

Бич замер.

Шедуэлл отпустил Хобарта, когда от того пахнуло дерьмом. Хобарт упал на песок, негромко всхлипывая. Шедуэлл оставил его лежать, а голова Бича выпуталась из паутины огней и развернулась к незваным гостям.

Шедуэлл не пытался бежать. Какой смысл? Вокруг тысячи миль пустыни. Отсюда некуда бежать. Все, что ему остается, — остановиться и сообщить этому кошмару, с какой целью они явились сюда.

Но не успел он выговорить и слова, как песок под ногами зашевелился. Сначала ему показалось, что Бич хочет похоронить его заживо. Но вместо этого песок откинулся, как простыня, и под ним — в нескольких Фугах от Шедуэлла — открылось мертвое тело ибн-Талака. Голый труп араба был чудовищно изуродован. Кисти рук сожжены, остались лишь почерневшие обрубки с торчащими костями. Гениталии уничтожены таким же способом, глаза выжжены в глазницах. Не приходилось надеяться на то, что эти увечья нанесены после смерти: рот проводника был искажен предсмертным криком.

Шедуэлл в ужасе отводил глаза, но Бич показал еще не все. Песок снова зашевелился, теперь справа, и показалось второе тело — Джабир, лежащий на животе. Ягодицы выжжены до кости, шея сломана, голова вывернута так, что он смотрел в небеса. Рот его тоже был выжжен.

— За что? — только и сумел сказать Шедуэлл. От взгляда Бича внутренности болезненно сжались, желудок расстался со своим содержимым, но он все-таки сумел выговорить вопрос. — За что? Мы же не хотели ничего дурного!

Бич никак не показал, что услышал его слова. Может быть, после вечности в пустоте он потерял способность общаться? Может быть, единственным ответом на боль бытия был его вой?

Затем из легиона глаз полыхнул свет, пылающие колеса и огненные ленты подхватили

его и выплеснули на Шедуэлла. За миг до того, как свет ударил в него, Коммивояжер успел подумать, что смерть будет быстрой; затем свет попал в цель. Боль ослепила Шедуэлла, тело его обмякло. Он ударился о землю, голова готова была расколоться пополам. Однако смерть не пришла. Наоборот, боль внезапно утихла и перед его мысленным взором возникло горящее колесо. Бич был теперь у него в голове, его сила клокотала в черепе Шедуэлла.

Потом колесо исчезло, уступив место видению, внушенному Бичом.

Он проплывал над садом, высоко над деревьями. Это мир с точки зрения Бича, догадался Шедуэлл, он смотрит сейчас его глазами. Этими общими глазами он заметил на земле внизу какое-то движение и спустился туда.

На песке стоял Джабир — на четвереньках, голый, — а ибн-Талак держал его сзади, со стонами входя в его плоть. Шедуэллу зрелище показалось неприятным, но довольно безобидным. Он в свое время видел и творил кое-что похуже. Однако он разделял с Бичом не только взгляд, но и мысли: это существо сочло происходящее внизу действо преступным и вынесло за него смертный приговор.

Шедуэлл уже посмотрел на последствия экзекуции и не имел ни малейшего желания наблюдать сам процесс. Но у него не осталось выбора. Бич завладел его мысленным взором, и ему пришлось увидеть все, во всех ужасающих подробностях.

Яркий свет обрушился вниз и оторвал любовников друг от друга, после чего вцепился в провинившиеся части тела — рот, глаза, гениталии и ягодицы — и охватил их огнем. Это произошло не сразу, они успели помучиться (Шедуэлл снова услышал вопли, привлекшие его в сад), они молили о пощаде. Но огонь не ведал милости. К тому моменту, когда он завершил свое дело, Шедуэлл сам рыдал и умолял все поскорее закончить. Наконец казнь завершилась и тела прикрыл песчаный саван. Только после этого Бич вернул ему его собственное зрение. Шедуэлл снова увидел землю, на которой лежал; от нее разило блевотиной.

Он лежал там, где упал, содрогаясь всем телом. Потом немного пришел в себя, поднял голову и взглянул на Бича.

Очертания этого существа изменились. Оно уменьшилось, село на горку песка и устремило все глаза на звезды. Бич оставил роль судьи и палача и предался созерцанию.

Хотя наполнявшие сознание образы померкли, Шедуэлл был уверен, что Бич все еще присутствует у него в голове. Он чувствовал колючки в своем мозгу. Он стал рыбой в человеческом обличье, попавшей на крючок.

Бич отвернулся от неба и уставился на Шедуэлла.

«Шедуэлл…»

Он услышал свое имя, хотя у Бича по-прежнему не было рта. Да он и не нуждался в этом органе, поскольку запросто мог проникнуть в человеческий мозг.

«Я тебя вижу».

Так он сказал. Точнее, такая мысль возникла в голове Шедуэлла, и он облек ее в слова.

«Я тебя вижу. И знаю, кто ты».

— Именно этого я и хотел, — ответил Шедуэлл. — Чтобы ты узнал меня. Поверил мне. Доверился мне.

Подобные речи Коммивояжер повторял большую часть жизни, и привычные слова добавили ему уверенности.

«Ты не первый, кто пришел сюда, — сообщил Бич. — До тебя приходили другие. И уходили».

Шедуэлл слишком хорошо знал, куда они уходили. Он успел мельком увидеть — то ли Бич так хотел, то ли он сам подглядел — тела, погребенные под песком, гниющие под мертвым садом. Это зрелище должно было напугать его, но он растратил весь страх, глядя на казнь. Теперь он будет просто говорить и надеяться, что правда спасет его от смерти.

— Я пришел сюда не просто так, — сказал он.

«А для чего?»

Вот он, нужный момент. Клиент задал вопрос, а у него есть ответ. Нет нужды нахваливать и приукрашивать, чтобы набить цену. Голая правда есть то, с чем ему предстоит

торговаться. И сделка либо состоится, либо нет. Лучше выложить все.

— Ясновидцы, — произнес он.

Он ощутил, как колючки у него в мозгу дернулись при этом слове, но никакой реакции не последовало. Бич хранил молчание. Огненные колеса потускнели, словно весь механизм мог заглохнуть в любой момент.

Затем в мозгу Шедуэлла очень тихо и спокойно оформилось слово:

«Ясно…видцы».

Вместе со словом явился сгусток энергии, напоминающий молнию. Он разорвался в черепе Шедуэлла, и все существо Бича превратилось в эту молнию. Свет заметался по его телу, вспыхивал в его глазах и вылетал из них.

«Ясновидцы».

— Ты же знаешь, кто они такие?

Песок зашипел под ногами Шедуэлла.

«Я все позабыл».

— Прошло немало времени.

«И ты пришел, чтобы рассказать мне?»

— Чтобы напомнить.

«Ради чего?»

Колючки снова дернулись.

«Он может прикончить меня в любой момент, — подумал Шедуэлл. — Он волнуется и от этого становится опасным. Я должен проявлять осторожность, разыграть все с умом. Как полагается коммивояжеру».

— Они спрятались от тебя, — произнес он.

«Именно».

— Прятались все эти годы. Сидели тише воды, ниже травы, чтобы ты не смог их отыскать.

«А теперь?»

— А теперь они снова проснулись. В мире людей.

«Я все позабыл. Но теперь я начинаю вспоминать. Да-да. Добрый Шедуэлл».

Колючки отпустили его, и накатила волна чистейшей радости. Шедуэлл задохнулся от счастья. Значит, этот Бич умеет дарить и радость! Есть ли хоть что-то, что ему не под силу?

— Могу ли я задать вопрос? — спросил он.

«Спрашивай».

— Кто ты такой?

Бич поднялся с песчаного трона и внезапно сделался ослепительно ярким.

Шедуэлл прикрыл глаза, но свет проникал сквозь плоть и кости, вливался в мозг, где Бич произносил свое вечное имя.

«Меня зовут Уриэль, — так он сказал. — Уриэль, один из начал».[1]

Шедуэлл знал его имя, как знал наизусть требник церкви Святой Филомены — из одного и того же источника. В детстве он выучил все имена ангелов и архангелов, а могущественный Уриэль был самым сильным из них — архангел спасения, иногда именуемый Огнем Небесным. Шедуэлл вспомнил тела казненных, выжженные этим неумолимым огнем, ангельским огнем. Что он наделал, появившись перед лицом такой силы? Ведь это Уриэль, один из начал…

Он вспомнил еще кое-что и испытал внезапное потрясение. Уриэль был тем самым ангелом, которого поставили стражником у врат Эдема.

«Эдем».

При этом слове существо вспыхнуло. Прошедшие века оставили ему только горе и забвение, но он все еще оставался ангелом, огонь его не угас. Колеса внутри тела завертелись, наглядно показывая процесс возвращения к своей сути и подготовки новых ужасов.

---

1 Начала — один из девяти ангельских чинов.

«Те, кто приходил сюда раньше, — возвестил серафим, — называли это место Эдемом. Но я никогда не называл его так».

— А как? — спросил Шедуэлл.

«Рай», — ответил ангел.

Новая картина возникла в мозгу Шедуэлла. Тот же сад, но в иную эпоху. Никаких деревьев из песка. Буйная растительность заставляет вспомнить о флоре Вихря: то же неукротимое плодородие, те же неведомые виды, словно испытывающие себя на многообразие. Цветы, готовые распуститься и задышать, плоды, готовые упасть. Однако здесь не было и следа той торопливости, что царила в Вихре. Все возрастало в атмосфере неизбежного развития и без спешки доходило до высшего состояния. Этим состоянием был свет, потому что повсюду между деревьями мелькали всполохи, похожие на оживших духов.

«Здесь было место созидания, — сказал ангел. — Вечного и бесконечного. Где все становится самим собой».

— Самим собой?

«Обретает форму и входит в мир».

— А Адам и Ева?

«Таких я не помню», — последовал ответ Уриэля.

— Они прародители человечества.

«Человечество возникало из грязи в тысяче различных мест, но только не здесь. Это место было предназначено для высших сущностей».

— Для ясновидцев? — уточнил Шедуэлл. — Они высшие сущности?

Ангел раздраженно вскрикнул. Образ райского сада дрогнул, и Шедуэлл увидел бегущие фигурки, пробирающиеся между деревьями, словно воры в ночи.

«Они возникли здесь, — сказал ангел. Шедуэлл мысленно увидел, как земля разверзлась, из нее вырвались растения с человеческими лицами и их затянуло туманом… — Но они всего лишь побочное явление. Обломки величайшего творения, ожившего здесь. Мы их не замечали — мы, духи. Мы занимались более возвышенными делами».

— А они росли?

«Росли. И выросли любопытными».

Наконец-то Шедуэлл начал понимать.

— Они почуяли мир за стеной, — предположил он.

Ангел передернулся, и Шедуэлла снова засыпало ворохом картинок. Он увидел прародителей ясновидцев. Целая толпа причудливых нагих силуэтов всевозможных форм и расцветок: с хвостами, золотистыми глазами и петушиными гребнями, у одного пятнистая кожа леопарда, у другого рудиментарные крылья. Шедуэлл увидел, как они штурмуют стену, желая выбраться из сада…

— Так они сбежали.

«От меня никто не может сбежать, — заявил Уриэль. — Когда духи ушли, я остался здесь, на часах, дожидаться их возвращения».

Хотя бы в этом Книга Бытия права: у ворот стоит стражник. Но кажется, это и все, в чем она права. Сочинители взяли образ, знакомый человечеству наизусть, и вплели его в повествование, подогнав под собственное понимание духовности. Какое место в этом процессе занимал Бог, если занимал вообще, зависит от точки зрения, как и все остальное. Признал бы Ватикан это создание ангелом, появись оно перед его вратами? Шедуэлл сильно сомневался.

— А как же духи? — спросил он. — Те, другие, что были здесь?

«Я ждал», — сказал ангел.

Ждал и ждал бесконечно, подумал Шедуэлл. Пока одиночество не свело его с ума. Один в пустоте, ангел глядел на вянущий и гниющий сад, на песок, преодолевающий ограду…

— Но на этот раз ты пойдешь со мной? — спросил Шедуэлл. — Я могу отвести тебя к ясновидцам.

Ангел снова устремил взгляд на Шедуэлла.

«Я ненавижу мир, — сказал он. — Я уже был там однажды».

— Но если я приведу тебя к ним, — уговаривал Шедуэлл, — ты исполнишь свой долг и завершишь это дело.

Ненависть Уриэля к Королевству ощущалась физически: от нее у Шедуэлла замерзла голова. Однако ангел не отказывался от предложения, он явно тянул время, обдумывая возможности. Ему хотелось покончить с ожиданием, и поскорее. Но его высшая сущность содрогалась при мысли о контакте с миром людей. Как все чистые создания, он был тщеславен и легко поддавался порокам.

«Может быть», — отозвался он.

Он перевел взгляд на ограду. Шедуэлл посмотрел туда же и обнаружил под стеной Хобарта. Тот воспользовался возможностью удрать, пока Коммивояжер беседовал с Уриэлем, однако не ушел далеко.

«Теперь, — проговорил ангел, и вспышки света промелькнули во всех его глазах, — я пойду… — Огненные колеса подхватили свет и выплеснули его на Хобарта. — В ином обличье».

На этот раз весь его сложный механизм распался на части, и не одна, а бесчисленное множество огненных стрел полетели в Хобарта. Взгляд Уриэля пригвоздил его к месту так, что он не мог уклониться. Стрелы облепили его с головы до пят, их свет проникал в тело, не повреждая кожи.

В мгновение ока исчезли с песчаного холма все следы пребывания ангела; его переход в плоть сопровождался новым представлением. В том месте, где стоял Хобарт, земля содрогнулась, и эта дрожь разошлась по саду. Песочные творения стали осыпаться, бесчисленные растения обратились в прах, тенистые аллеи рассыпались, как каменные арки при землетрясении. Наблюдая за нарастающим разрушением, Шедуэлл снова вспомнил о том, как впервые увидел начертанный на барханах узор. Может быть, его тогдашняя догадка была верна и это действительно какой-то знак звездам. Отчаянная попытка воссоздать былое величие в надежде на то, что какой-нибудь пролетающий мимо дух откликнется на призыв и напомнит Уриэлю, кто он такой.

Тут разрушение достигло такого уровня, что Шедуэлл побежал, чтобы песчаная буря не похоронила и его.

Хобарта уже не было по эту сторону стены. Он вскарабкался на валуны и оттуда оглядывал бескрайние просторы пустыни.

Захвативший его тело Уриэль никак не проявлял себя внешне. На взгляд постороннего, это был прежний Хобарт.

Его худая физиономия оставалась такой же бесстрастной, как и раньше, а когда он заговорил, зазвучал тот же бесцветный голос. Но заданный им вопрос исходил от совсем иной сущности.

— Я стал драконом? — спросил он.

Шедуэлл посмотрел на него. В глубоко посаженных глазах Хобарта горел свет, какого в них не было со времен его первого искушения обещанием живого огня.

— Да, — ответил Шедуэлл. — Ты стал драконом.

* * *

Не задерживаясь, они тут же отправились в обратный путь, оставив Пустую четверть еще более пустой, чем прежде.

Часть одиннадцатая
Время снов

Небо темно, как позора пятно,

Что-то, как ливень, низвергнется, но
Это не будут цветы.
У. Х. Оден. Двое[1]

I
Портрет героя в образе молодого психопата

1

«Что приключилось с Кэлом Муни? — гадали соседи. — До чего же странным он стал, все время улыбается и смотрит куда-то вбок. Да что там, их семейство всегда было не от мира сего. Старик в родстве с поэтом, а знаете, как говорят о поэтах? Все они несколько не в себе. Вот и сынок туда же. Как это печально. Удивительно, как меняются люди!»

В сплетнях, конечно, содержалась доля правды. Кэл и сам знал, что изменился. И да, возможно, он несколько не в себе. Когда он смотрел в зеркало по утрам, у него во взгляде порой проступало что-то дикое. Это, видимо, и производило впечатление на кассиршу в супермаркете или на тетку, которая пыталась выведать что-нибудь скандальное, пока стояла рядом с ним в очереди в банк.

— Так вы живете один?

— Да, — отвечал Кэл.

— Такой дом для одного слишком велик. Должно быть, вам тяжело его убирать.

— Нет, вовсе не тяжело.

Он поймал на себе озадаченный взгляд любопытной тетки, а потом ответил:

— Мне нравится пыль.

Кэл понимал, что подобный ответ еще сильнее подогреет слухи и сплетни, но был не в силах лгать. И он видел, как люди прячут улыбки и запоминают его ответ, чтобы потом перемыть ему косточки.

Что ж, он действительно превратился в Безумного Муни.

2

На этот раз он ничего не забыл. Потерянная Страна чудес все-таки стала частью его разума и не могла теперь просто так ускользнуть. Фуга была с ним весь день, каждый день, а иногда и по ночам.

Однако в воспоминаниях было мало радости. Все затмевала боль потери от осознания того, что мир, о котором он мечтал всю жизнь, потерян навсегда. Никогда больше ему не ступить на зачарованную землю.

Как и почему все пропало, Кэл помнил плохо; особенно это касалось событий в Вихре. Он помнил некоторые подробности битвы в Коридоре Света и то, как вошел в Вихрь. Но последующее превратилось в серию не связанных друг с другом образов. Что-то росло, что-то умирало, его кровь ручьем сбегала по руке, кирпичная кладка, дрожь…

И все. Остальное было так размыто, что Кэл не мог ни на чем сосредоточиться.

3

Кэл понимал, что ему необходимо как-то отвлечься от своего горя, иначе он погрузится в такую меланхолию, откуда не будет исхода. Поэтому он начал искать новую работу и в начале июля нашел: должность пекаря в булочной. Платили мало, а работать приходилось помногу, но Кэлу там понравилось — это было полной противоположностью его деятельности в страховой компании. Не нужно много разговаривать, не нужно вникать в

1 Перевод А. Ситницкого.

тонкости офисной политики, нет никакого продвижения по службе — только тесто и печи. Он был счастлив. Эта работа дала ему стальные мускулы и теплый хлеб на завтрак.

Но отвлечься надолго не удалось. Разум слишком часто обращался к источнику страданий, заставляя его страдать снова и снова. Возможно, такой мазохизм присущ человеку от природы. Это предположение подтвердилось и тем, что в середине июля вернулась Джеральдин. В один прекрасный день она возникла на пороге, как будто между ними ничего не произошло. Кэл был рад ей.

Однако на этот раз Джеральдин не стала переезжать к нему. Они оба решили, что возвращать прежний уклад было бы шагом назад в их отношениях. Вместо этого она все лето почти ежедневно приходила к нему, иногда ночевала на Чериот-стрит, но чаще уходила.

Целых пять недель Джеральдин не задавала ни единого вопроса о событиях прошлой весны, а Кэл ничего не рассказывал. Когда она все-таки заговорила на эту тему, то подошла к ней с совершенно неожиданной стороны.

— Дек болтал, что у тебя были проблемы с полицией… — начала она. — Но я сказала ему: только не у моего Кэла.

Он сидел у окна в кресле Брендана, глядя на ночное летнее небо. Джеральдин расположилась на кушетке, обложившись журналами.

— Я сказала, что ты не преступник. Я знаю. Что бы с тобой ни случилось, речь идет не о преступлении. Все гораздо сложнее, верно?

Она посмотрела на Кэла. Ждала ли она ответа? Кажется, не ждала, потому что не успел он раскрыть рот, как Джеральдин продолжила:

— Я так и не поняла, что тогда произошло, Кэл. Может быть, мне лучше не знать. Но… — Она поглядела на раскрытый журнал, лежавший у нее на коленях, потом снова на него. — Раньше ты никогда не разговаривал во сне.

— А теперь разговариваю?

— Постоянно. Ты говоришь с какими-то людьми. Ты что-то кричишь. Или просто улыбаешься. — Джеральдин несколько смущалась: ведь она наблюдала за ним, спящим, и подслушивала его. — Ты побывал где-то, правда? Ты видел что-то такое, чего не видел никто.

— И я говорю об этом?

— Вроде того. Но не это заставило меня понять, что ты что-то видел. Дело в тебе самом, Кэл. Иногда у тебя такой вид…

Теперь она добралась до того, что не выразить словами, и сосредоточилась на страницах журнала, принялась перелистывать страницы, даже не глядя на них.

Кэл вздохнул. Она была так добра к нему, так защищала его, что он обязан объяснить ей все, как бы трудно это ни было.

— Так ты хочешь, чтобы я рассказал? — спросил он.

— Да. Да, я хочу.

— Ты мне не поверишь, — предупредил он.

— Все равно расскажи.

Он кивнул и стал излагать ту историю, которую едва не рассказал прошлой весной, после возвращения с Рю-стрит.

— Я видел Страну чудес… — начал он.

4

Потребовался почти час, чтобы в общих чертах описать все, что случилось после бегства птицы из голубятни. Еще час ушел на разные тонкости и детали. Как только Кэл приступил к рассказу, ему захотелось выложить и объяснить все до конца, насколько он мог, — и ради Джеральдин, и ради самого себя.

Она внимательно слушала, время от времени поднимала на него глаза, но чаще поглядывала в окно. И ни разу не перебила его.

Когда он закончил, разбередив затянувшиеся раны воспоминаний, Джеральдин долго

молчала. После паузы он произнес:

— Ты мне не веришь. Я говорил, что ты не поверишь.

И снова повисла тишина. Потом она спросила:

— А разве имеет значение, верю я тебе или нет?

— Да. Конечно же, имеет.

— Почему, Кэл?

— Потому что если бы ты поверила, я был бы не один.

Она улыбнулась ему, встала и подошла к его креслу.

— Ты не один, — сказала она и ничего больше не добавила.

* * *

Позже, когда они засыпали, Джеральдин спросила:

— Ты ее любишь?.. Сюзанну. Любишь ее?

Он ожидал этого вопроса, рано или поздно.

— Да, — ответил он негромко. — Не могу объяснить, как именно, но люблю.

— Я рада, — произнесла она в темноте.

Кэл пожалел, что не видит сейчас выражения ее лица и не знает, правду ли она говорит, однако оставил свои вопросы невысказанными.

* * *

Они больше не говорили об этом. Джеральдин относилась к нему точно так же, как и до его рассказа, как будто просто выбросила эту историю из головы. Она приходила и уходила в той же ad hoc[1] манере. Иногда они занимались любовью. Иногда они были счастливы — или почти счастливы.

Лето пришло и ушло, не особенно сильно накалив термометры. На щеках Джеральдин не успели веснушки выскочить, как уже наступил сентябрь.

5

Англии к лицу осень; а эта осень, предвещающая самую суровую зиму с конца сороковых, явилась во всей красе. Ветры несли с собой теплые дожди, сменявшиеся ярким солнцем. Город обрел утерянное великолепие. Сине-серые тучи громоздились над залитыми солнцем домами. Вместе с ветром прилетали запахи моря и чайки, парившие над крышами.

И Кэл воспрянул духом при виде того, как сияет Королевство чокнутых, а в небесах над головой появляются тайные знаки. Ему мерещились лица в облаках, он слышал тайные коды в стуке дождя по карнизу. Что-то назревало.

И еще он вспомнил Глюка. Антонин Вергилий Глюк, коллекционер аномальных явлений. Кэл даже подумывал, не связаться ли с ним, и нашел визитную карточку Глюка в кармане старых брюк. Но так и не позвонил, потому что понимал: он готов поверить в любое красочное суеверие, если оно обещает чудеса, а это неразумно.

Вместо этого Кэл продолжал смотреть на небо. Днем и ночью. Он даже купил себе небольшой телескоп, чтобы изучать созвездия. Оказалось, это весьма вдохновляющее занятие. Было приятно глядеть в дневное небо и сознавать, что звезды по-прежнему светят у нас над головой, даже если мы их не видим. Без сомнения, то же самое можно сказать и о других бесчисленных загадках. Они сияют, однако окружающий мир сверкает ярче и мешает их заметить.

* * *

1 Специально, применимо только для этого, для специальной цели (лат.).

А затем, в середине октября (восемнадцатого числа, а если совсем точно, то рано утром девятнадцатого), Кэлу приснился первый кошмар.

II
Статуэтки

1

Прошло восемь дней после гибели Фуги и всего, что в ней заключалось, когда остатки четырех семейств — числом не больше сотни — собрались, чтобы обсудить свое будущее. Они выжили, но праздновать было нечего. Вместе с Сотканным миром они лишились своих домов, своего имущества и, во многих случаях, своих близких. На память о прежнем счастье им остались лишь заклинания, как правило, утратившие силу после распада Фуги. Утешения в них было мало. Заклятиями не оживить мертвеца, не отгородиться от порочности Королевства.

Итак, что же им теперь делать? Горластая толпа, возглавляемая Бальзамом де Боно, настаивала на том, чтобы сделать их историю достоянием общественности. То есть создать прецедент из самих себя. Эта мысль была не лишена смысла. Возможно, самое безопасное для них — просто явиться в мир людей. Однако у этой идеи нашлись серьезные противники. Их подогревало единственное достояние, которое у них не отнимут ни при каких обстоятельствах, — гордость. Они упрямо повторяли, что лучше умрут, чем станут просить милости у чокнутых.

Сюзанна предвидела и иные трудности, сопряженные с этой идеей. Ее соплеменников можно было бы убедить, заставить поверить в рассказ ясновидцев и вызвать их сочувствие, однако надолго ли хватит этого сочувствия? На месяц? Самое большее, на год. А потом общее внимание переключится на какую-нибудь новую трагедию. Ясновидцы превратятся во вчерашних жертв, овеянных славой, которая едва ли их спасет.

Ее доводов и всеобщего ужаса от перспективы унижаться перед чокнутыми оказалось довольно, чтобы подавить оппозицию. Де Боно согласился, вынужденный цивилизованно принять свое поражение.

В этом вопросе этикет спора был соблюден, а дальше страсти накалились. Все началось с выкрика суетливого человека с серым лицом: он призывал прекратить делать вид, будто они могут смягчить свой жребий, и сосредоточиться на поисках Шедуэлла, чтобы отомстить ему.

— Мы потеряли все, — заявил он. — Осталась последняя радость — увидеть, как этот негодяй умрет.

Раздались протесты против такой пораженческой позиции, но серолицый настоял на своем праве высказаться до конца.

— В этом мире нас ждет неминуемая гибель, — сказал он, сморщившись. — У нас осталось мало времени, чтобы уничтожить тех, кто сделал с нами такое.

— Мне кажется, сейчас нам не до вендетты, — возразил Нимрод. — Необходимо мыслить конструктивно. Думать о будущем.

Кое-кто из собравшихся разразился ироническим смехом, на фоне которого прозвучал голос серолицего мстителя.

— О каком еще будущем? — спросил он почти торжествующе. — Посмотри на нас! — При этих словах многие потупились, поскольку слишком хорошо сознавали, какое жалкое зрелище они являют. — Мы последние из выживших. После нас не будет никого, и все мы это знаем. — Он развернулся к Нимроду. — Не желаю говорить о будущем. Такие разговоры приведут к новым несчастьям.

— Но это не так… — вмешалась Сюзанна.

— Тебе легко говорить! — возмутился он.

— Заткни пасть, Хэмел! — закричал Нимрод.

— И не подумаю!

— Она здесь, чтобы помочь нам.

— Она уже помогла убить нас! — заорал в ответ Хэмел.

У этого пессимиста нашлось много сторонников.

— Она же из чокнутых! — надрывался один из них. — Пусть возвращается туда, где ей самое место!

Сюзанна была почти готова сделать это, не имея ни малейшего желания служить мишенью для насмешек и обвинений. Их слова ранили. Хуже того, их слова порождали новые страхи: вдруг она сделала не все, что могла, вдруг она действовала неправильно? Но ей пришлось остаться ради де Боно, ради Нимрода и ради всех тех, кто ожидал, что она защитит их от Королевства. Беда была в том, что Сюзанна разделяла многие доводы Хэмела. Она понимала, как легко черпать силу из ненависти к Шедуэллу, отвлекаясь от понесенных потерь. Потери ясновидцев, конечно, были куда больше, чем ее личные утраты, она постоянно напоминала себе об этом. Сюзанна лишилась мечты, куда успела погрузиться на недолгие мгновения. А они потеряли мир.

Теперь в общем шуме зазвучал новый голос. Она не ожидала его услышать — это был голос Апполин. Сюзанна даже не подозревала о ее присутствии, пока Апполин не выступила вперед из облака табачного дыма и не обратилась к собранию.

— Я не собираюсь просто так ложиться и умирать ради кого бы то ни было, — сказала она. — Особенно ради тебя, Хэмел.

Ее выступление эхом вторило речам Иоланды Дор тогда, в Доме Капры. Женщины всегда яростно ратовали за жизнь.

— А как же Шедуэлл? — произнес кто-то.

— А что Шедуэлл? — спросила Апполин. — Хочешь прикончить его, Хэмел? Я куплю тебе лук и стрелы!

Это замечание вызвало громогласный хохот, однако противники Апполин еще сильнее распалились.

— Мы практически истреблены, сестра, — сказал Хэмел, расплываясь в ухмылке. — И ты тоже не слишком плодовита.

Апполин ответила на насмешку, не моргнув глазом.

— Не хочешь ли проверить? — спросила она.

Хэмел от такого предложения поджал губы.

— У меня есть жена… — сказал он.

Апполин, всегда готовая сбить кого-нибудь с пути истинного, повела бедром, а Хэмел сплюнул в ее сторону. Ему следовало бы хорошенько подумать. Она плюнула в ответ, но куда более метко. Хотя подобный выпад был безвредным, Хэмел отреагировал так, словно его пырнули ножом. Он бросился на Апполин, завывая от ярости. Кто-то встал у него на пути, прежде чем он успел нанести удар, и вместо Апполин он ударил миротворца. Его поступок положил конец цивилизованным дебатам: все разразились криками возмущения, а Хэмел с миротворцем покатились между перевернутыми стульями. В конце концов их разнял сутенер Апполин. Драка длилась не больше минуты, но обе стороны успели пострадать, кровь текла из разбитых носов и ртов.

Сюзанна с тоской наблюдала, как Нимрод пытается успокоить собравшихся. Она о многом хотела поговорить с ясновидцами: о трудностях, требовавших их совета, о тайнах, хрупких и сложных. Но в такой буре страстей она опасалась заговорить, чтобы не распалить их еще сильнее.

Хэмел покинул собрание, проклиная Сюзанну, Апполин и всех, как он сам их назвал, «кто марается в дерьме». Он ушел не один. К нему присоединились две дюжины ясновидцев.

После их отбытия никто и не пытался вернуться к обсуждению, собрание закрылось само собой. Принять взвешенное решение в данный момент было нельзя, требовалось время, чтобы успокоиться. В итоге решили, что выжившие должны рассредоточиться и затаиться в безопасном месте, которое каждый сам отыщет для себя. Их осталось так мало, что

раствориться среди людей будет несложно. Они перезимуют и дождутся, пока страсти улягутся.

2

После собрания Сюзанна рассталась с Нимродом, оставив ему свой лондонский адрес и указания, как ее отыскать. Она была измотана до предела, ее голове требовался отдых.

Однако после двух недель сидения дома она поняла, что восстанавливать силы путем полного безделья — прямой путь к помешательству, и в итоге вернулась к работе в студии. Это решение оказалось мудрым. Трудности возвращения к прежнему ритму жизни отвлекали от лишних мыслей о потерях и поражениях последнего времени; а сам процесс созидания — хотя бы обычных ваз и тарелок — как нельзя лучше соответствовал ее потребностям. Сюзанна раньше не сознавала, какой это мистический материал — глина. Ведь именно из глины, по преданию, были созданы народы, населяющие мир. Ее умения хватало лишь на горшки, а не на людей, но должен же мир с чего-то начинаться. Она посвящала работе долгие часы в компании радио и запаха глины; меланхолия не прошла до конца, но Сюзанне стало легче, чем она смела надеяться.

Ее навестил Финнеган. Он услышал, что она вернулась в город, и однажды днем появился у нее на пороге. Как всегда элегантный, он пригласил Сюзанну на обед. То, что он дожидался ее все прошедшее время, показалось ей странным и трогательным. Она приняла приглашение, и его общество показалось ей куда более приятным, чем раньше. Финнеган со своей обычной прямолинейностью сказал, что они созданы друг для друга и должны немедленно пожениться. Сюзанна ответила, что взяла за правило никогда не выходить замуж за банкиров. На следующий день он прислал цветы и записку, где говорилось, что он подумывает бросить работу. С тех пор они стали видеться регулярно. Его душевная теплота и легкость в общении прекрасно отвлекали от мрачных мыслей, которые все еще угрожали затопить ее, если она погружалась в размышления.

На протяжении всего лета и ранней осени Сюзанна иногда встречалась с кем-то из ясновидцев. Встречи были очень редкими и краткими из соображений безопасности. Новости вроде бы были хорошие. Многие из выживших вернулись в дома своих предков и нашли для себя занятия.

Но самой хорошей новостью было полное отсутствие следов Шедуэлла и Хобарта. Ходили слухи, будто Хэмел пытался разыскать Коммивояжера, но вскоре оставил затею: он не нашел ни одной зацепки, ведущей к нынешнему месту обитания врага. А остатки его армии — те ясновидцы, что поддерживали пророка, — наказали себя сами, когда очнулись от кошмарного наваждения и обнаружили, что способствовали гибели всего, чем дорожили.

Одни получили прощение соотечественников, явившись на общее собрание пристыженными и отчаявшимися. Другие, по подтвердившимся сведениям, были настолько охвачены раскаянием, что бежали куда глаза глядят. Кто-то даже лишил себя жизни. Однако, как слышала Сюзанна, среди них оказались и прирожденные убийцы. Они покинули поле боя, не жалея ни о чем, и отправились в Королевство искать новых диких забав. Долго искать им не придется.

Но если оставить в стороне слухи и домыслы, особых новостей не было. Сюзанна пыталась отыскать смысл в прежней жизни, а народ погибшей Фуги пытался начать новую. Что касается Кэла, то она знала о его выздоровлении от ясновидцев, поселившихся в Ливерпуле, но не искала личной встречи. Отчасти из практических соображений: разумнее держаться подальше друг от друга, пока они не уверятся, что враг исчез. Эмоции тоже играли не последнюю роль в этом решении. Они слишком много пережили вместе, и в Фуге, и за ее пределами. Слишком много, чтобы становиться любовниками. Сотканный мир лег между ними, и так было с самого начала. Этот факт делал нелепой всякую мысль о совместном хозяйстве или романтической связи. Они вместе видели ад и рай, а после такого все остальное будет шагом назад.

Наверное, Кэл испытывал схожие чувства, потому что не делал попыток связаться с ней. Да в этом и не было необходимости. Они не разговаривали и не видели друг друга, но Сюзанна постоянно ощущала его присутствие. Она сама убила в зародыше всякую возможность физической близости между ними и порой жалела об этом. Однако то, что объединяло их, было выше любви: между ними лежал целый мир.

3

В середине октября работа Сюзанны обрела новое и совершенно неожиданное направление. По неведомой причине она забросила горшки и тарелки, чтобы заняться скульптурой. Ее творения нашли себе почитателей, но главное другое: они стали ответом на некое веление, идущее из глубины души, противиться которому было невозможно.

Финнеган между тем продолжал засыпать ее приглашениями и букетами, удваивая усилия, если она вежливо отказывалась. Сюзанна уже начала думать, что по натуре он настоящий мазохист. Он возвращался каждый раз, когда она гнала его прочь.

Из всех невероятных приключений, пережитых после приобщения к истории Фуги, самым невероятным было то, что происходило теперь: воспоминания о Сотканном мире и ее нынешняя жизнь сражались внутри нее за право называться реальностью. Она понимала, что так мыслят чокнутые; что реально и то и другое. Но ее разум отказывался повенчать два мира и отказывался отыскать в них место для себя. Какое отношение вот эта женщина, которой Финнеган объяснялся в любви, вот эта улыбающаяся Сюзанна с запачканными глиной пальцами, имеет к той, которая стояла перед драконом? Она поняла, что не может отказаться от мифических воспоминаний, потому что не вынесет собственной тривиальности.

По той же самой причине она продолжала управлять менструумом, что теперь было несложно. Некогда непредсказуемый, он стал совсем ручным; Сюзанна решила, что это следствие гибели Фуги. Менструум уже не мог заполнить ее целиком. Иногда он поднимался и проявлял себя, обычно (она не сразу поняла это) в ответ на призыв какого-то места. В Королевстве существовали места, вызывавшие его к жизни, и там Сюзанна ощущала заключенную под землей силу, болезненно желавшую освобождения. Менструум чувствовал такие места. Порой их чувствовали даже чокнутые и, насколько им позволяла врожденная близорукость, отмечали часовнями или монументами. Но в большинстве случаев эти территории оставались незамеченными, и Сюзанна, ощутив внезапный спазм в животе на ничем не примечательной улице, понимала, что здесь погребена сила.

Большую часть своей жизни она связывала силу с политикой или деньгами, однако ее тайное «я» разбиралось в этом лучше. Воображение — вот настоящая сила; благодаря ему возникает то, чего не может породить ни богатство, ни власть. Она видела, что воображение влияет даже на Финнегана. Время от времени Сюзанна заводила с ним разговоры о прошлом, особенно о детстве, и наблюдала, как краски вокруг его головы сгущаются и расцветают, словно через воображение он воссоединяется с самим собой и становится цельным. Тогда она вспоминала строки из книги Мими: «То, что можно представить, никогда не умрет».

В такие дни она была почти счастлива.

4

Затем, в третью неделю декабря, хрупкая надежда на мирную жизнь внезапно разбилась.

В ту неделю сильно похолодало. Стоял не просто холод, а арктический мороз. Однако снега не было, только холод — столь пронзительный, что нервные окончания не отличали его от кипятка. Сюзанна по-прежнему работала в студии, не желая бросать свои статуэтки. Парафиновый обогреватель едва поддерживал в помещении нулевую температуру, и ей приходилось надевать два свитера и три пары носков. Но Сюзанна не обращала на это внимания. Она никогда еще не была так поглощена работой, как теперь, когда воплощала в

глине образы, стоявшие у нее перед глазами.

* * *

И вот семнадцатого числа к ней без предупреждения пришла Апполин. Вечная вдова, с головы до ног облаченная в черное.

— Нам надо поговорить, — сказала она, как только Сюзанна закрыла за ней дверь.

Сюзанна провела ее через студию, расчистила место, чтобы усадить гостью. Однако та не пожелала садиться. Апполин прошлась по комнате, потом остановилась перед окном, затянутым морозными узорами, и принялась вглядываться в стекло, пока Сюзанна смывала с рук: глину.

— За тобой кто-то гонится? — поинтересовалась Сюзанна.

— Не знаю, — услышала она в ответ. — Может быть.

— Кофе будешь?

— Мне бы чего покрепче. Что у тебя есть?

— Только бренди.

— Только бренди сойдет.

Она села Сюзанна отыскала бутылку, которую держала для случающихся время от времени «девичников», и плеснула в стакан щедрую порцию. Апполин осушила все залпом, снова налила, затем спросила:

— Тебе снятся сны?

— Какие еще сны?

— Нам всем снятся сны, — сказала Апполин.

Вид у нее был такой — лицо бледное, несмотря на мороз, под глазами черные круги, — что Сюзанна подумала: а спит ли она вообще в последнее время?

— Кошмарные сны, — продолжала вдова, — похожие на конец света.

— Кому еще они снятся?

— Да кому они только не снятся! — воскликнула Апполин. — Всем, всем снится одно и то же. Один и тот же кошмар.

Она во второй раз осушила стакан и взяла со скамьи бутылку, чтобы налить еще.

— Вот-вот произойдет что-то ужасное. Мы все это чувствуем. Поэтому я и пришла.

Сюзанна смотрела, как Апполин наливает бренди, и ее мозг одновременно терзали два вопроса. Первый: являются ли эти кошмары закономерным следствием ужаса, пережитого ясновидцами, или же чем-то иным? И второй, хотя и не последний: почему она сама их не видит?

Апполин перебила ее мысли. Она заговорила, и ее язык слегка заплетался от выпитого алкоголя.

— Народ поговаривает, что это Бич. Что он снова явился за нами, хотя прошло столько времени. Именно так он заявил о своем приближении в прошлый раз. В снах.

— И ты думаешь, это правда?

Апполин поморщилась, глотая новую порцию бренди.

— Чем бы там ни было, мы должны защищаться.

— Так ты полагаешь, это… опасно?

Апполин пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она. — Может быть. Все они такие вялые. Меня мутит от того, как они валятся на спину, готовые принять все, что за этим последует. Хуже шлюх!

Она помолчала и тяжело вздохнула. Затем продолжила:

— Кое-кто из молодежи вбил себе в голову, будто можно возродить древнюю науку.

— Ради чего?

— Чтобы уничтожить Бича, естественно! — отрезала она. — Пока он не уничтожил нас.

— И каковы шансы?

— Чуть выше нуля, — буркнула Апполин. — Господи, да не знаю я! На этот раз мы хотя бы умнее. Это уже кое-что. Некоторые отправляются туда, где еще сохранилась сила, чтобы попробовать извлечь из нее пользу.

— Через столько лет?

— Да кто их считает! — возмутилась она. — У магии нет срока давности.

— Так что же мы ищем?

— Знаки. Пророчества. Бог знает что.

Она поставила стакан и вернулась к окну, пальцем в перчатке стала оттаивать глазок среди морозных узоров. Посмотрела в него на улицу и тяжело вздохнула, прежде чем снова глянуть прищуренными глазами на Сюзанну.

— Знаешь, что я думаю? — спросила она.

— Что?

— Что ты от нас что-то скрываешь.

Сюзанна ничего не ответила, и Апполин снова тяжело вздохнула.

— Вот что я думаю, — сказала она. — Ты считаешь, мы сами себе злейшие враги. Нам нельзя доверять тайны. — Взгляд ее помрачнел и засверкал. — Может быть, ты права. Мы ведь купились на представление Шедуэлла. Во всяком случае, некоторые из нас.

— А ты нет?

— У меня были другие дела, — ответила Апполин. — Дела в Королевстве. Если на то пошло, они есть до сих пор… — Она помолчала. — Мне казалось, я могу повернуться спиной ко всем остальным. Не замечать их и жить счастливо. Но я не смогла. И в конце… мне кажется, я должна быть с ними, Господи, помоги нам!

— Мы едва не потеряли все, — сказала Сюзанна.

— Мы потеряли все, — поправила Апполин.

— Не совсем.

Ее буравящий взгляд сделался еще острее, и Сюзанне очень хотелось рассказать, что случилось с ней и Кэлом в Вихре. Но Апполин была совершенно права: она не доверяла ясновидцам со всеми их чудесами. Интуиция подсказывала, что пока лучше оставить историю о Станке при себе. И вместо того чтобы выложить все, Сюзанна произнесла:

— Мы, по крайней мере, остались живы.

Ее собеседница, конечно же, почувствовала, что Сюзанна чуть не пустилась в откровения, но затормозила в последний момент. Апполин раздраженно плюнула на пол.

— Небольшое утешение, — бросила она. — Мы докатились до того, что бродим по Королевству, вынюхивая магию. Мы стали жалкими.

— Так чем же я могу помочь?

Апполин смотрела на нее почти обвиняюще. Ничто не доставит ей большей радости, догадалась Сюзанна, чем уличить в обмане эту чокнутую.

— Мы не враги, — сказала Сюзанна.

— Неужели?

— Ты же знаешь, что не враги. Я хочу помочь вам всем, что в моих силах.

— Это пустые слова, — отозвалась Апполин, но без особой уверенности. Она снова отвернулась к окну, задумчиво подпирая языком щеку и подыскивая вежливые слова. — Ты ведь хорошо знаешь этот чертов город? — спросила она.

— Лучше некуда.

— Значит, ты могла бы отправиться на поиски, верно? Прогуляться кое-где.

— Могу. И отправлюсь.

Апполин выудила из кармана листок бумаги, вырванный из блокнота.

— Вот кое-какие адреса, — сказала она.

— А ты куда?

— В Солсбери. Незадолго до появления Сотканного мира там была настоящая бойня. Одна из самых жестоких, погибли сотни детей. Может быть, удастся что-нибудь выведать.

Внезапно Апполин обратила внимание на полки, куда Сюзанна помещала свои

последние работы. Подошла поближе, поднимая юбками керамическую пыль.

— Кажется, ты сказала, будто не видишь снов? — уточнила она.

Сюзанна посмотрела на ряд статуэток. Она была так поглощена их созданием, что не сознавала, какое впечатление они производят, какая одержимость за ними стоит. Теперь она увидела собственные работы новыми глазами. Это были человеческие фигурки, однако неестественно вывернутые, как будто (от этой мысли засвербило в мозгу) охваченные неким всепожирающим пламенем; пойманные за мгновение до того, как огонь должен был коснуться их лиц. Как и все ее последние работы, они не были покрыты глазурью и выполнены в грубоватой манере. Может быть, потому что их трагедия еще не дописана до конца: они лишь идея, возникшая в сознании будущего?

Апполин взяла одну статуэтку и провела пальцем по ее искаженным чертам.

— Да ты просто спишь с открытыми глазами, — заметила она.

Сюзанна тотчас поняла, что так оно и есть.

— До чего похожи, — сказала вдова.

— На кого?

Апполин поставила трагическую фигуру обратно на полку.

— На всех нас.

III
Никаких колыбельных

1

В ту ночь, когда Кэл увидел первый кошмар, он спал один.

Все началось с Венериных холмов; он бродил по ним, готовый упасть от усталости. Однако его мучило предчувствие ужасного несчастья, которое обещал сон, и он понимал, что закрывать глаза и засыпать сейчас неразумно. Поэтому он просто стоял на теплой земле, а вокруг двигались фигуры, освещенные уже опустившимся за горы солнцем. Какой-то человек танцевал рядом с ним, его одежда походила на живую ткань; пролетела девушка, оставив по себе запах соблазна; пара занималась любовью в высокой траве. Кто-то из них вскрикнул, Кэл не понял, от счастья или от испуга, и в следующий миг он уже бежал по склону холма, а за ним гналось что-то огромное и безжалостное.

Он кричал на бегу, чтобы предупредить любовников, девушку-птицу и танцора о надвигавшемся ужасе. Но голос его сделался жалостно тонким — мышиный писк, а не голос, — и в следующий миг трава вокруг задымилась. У него на глазах парочка любовников вспыхнула огнем; через мгновение девушка-птица упала с неба, и ее тело пожрал тот же чудовищный огонь. Кэл снова закричал, на сей раз от ужаса, попытался перепрыгнуть через огонь, который полз по земле в его сторону. Но оказался недостаточно проворен. Подошвы его загорелись, он ощутил, как жар поднимается по ногам, и побежал.

Почти завывая, он прибавил скорость, и внезапно Венерины холмы исчезли. Он бежал босиком по знакомым с детства улицам. Стояла ночь, но уличные фонари были разбиты, а камни мостовой горбились под ногами и мешали двигаться.

Преследователь не отставал, он шел на запах обугленных пяток Кэла.

Понимая, что в любое мгновение его могут настигнуть, Кэл выискивал на бегу какое-нибудь укрытие. Но двери всех домов, даже домов его закадычных друзей, были наглухо заколочены, окна забиты досками.

Помощи ждать было неоткуда. Ему оставалось одно: бежать дальше в тщетной надежде, что чудовище по пути отвлечется на более соблазнительную жертву.

Один переулок привлек внимание Кэла, и он свернул туда. Повернул, потом еще раз. Впереди была кирпичная стена, в стене — калитка. Он прыгнул в нее и только тогда осознал, куда привел его этот неизбежный маршрут.

Он узнал двор с первого взгляда, хотя стена выросла вдвое с тех пор, как он видел ее в последний раз. Ворота, через которые он только что вошел, захлопнулись у него за спиной. Это был двор за домом Мими Лащенски. Когда-то, в другой жизни, он стоял на этой стене, оступился и упал в рай.

Но сейчас во дворе не было ковра. Там не было вообще ничего и никого, ни птицы, ни человека, способных хоть как-то его утешить. Только сам Кэл и четыре темных угла, а еще топот преследователя, приближающегося к его укрытию.

Кэл метнулся в один из темных углов и затаился, присев на корточки. Ноги у него были истерзаны до предела, но сил для паники еще хватало: его едва не тошнило от страха.

Чудовище надвигалось. Кэл ощущал его жар из своего укрытия. Это было не тепло жизни, не пот, не кровь, а сухой мертвящий огонь — древний, не ведающий жалости; печь, в которой можно сжечь все добро, какое есть в мире. И монстр был уже близко. Прямо за стеной.

Кэл задержал дыхание. Мочевой пузырь пронзила судорога. Он сунул руку между ног, сжал мошонку и член, трясясь от ужаса.

«Пусть он уйдет, — беззвучно молил он темноту, — пусть оставит меня в покое, и отныне и на веки веков я буду хорошим, клянусь, буду».

Хотя он с трудом верил в такую удачу, его мольба была услышана, потому что существо с той стороны стены прекратило преследование и ушло. Кэл немного приободрился, но все-таки сидел в углу, пока интуиция не подсказала ему, что враг далеко. Только тогда он осмелился подняться на ноги, хрустя суставами.

Давление в мочевом пузыре сделалось невыносимым. Повернувшись к стене, он расстегнул «молнию» на штанах. Кирпичи раскалились от недавнего присутствия монстра, и его моча зашипела, коснувшись стены.

Посреди процесса внезапно взошло солнце, заливая светом двор. Нет, это вовсе не солнце. Это его преследователь поднялся над стеной: голова горячее сотни лун, пышущая жаром пасть широко разинута.

Кэл не удержался и взглянул ему в лицо, хотя запросто мог ослепнуть. Он увидел столько глаз, что их хватило бы на целый народ. Они были прижаты друг к другу и насажены на огромные колеса, нервы тянулись от них яркими нитями и завязывались в узлы в утробе чудовища. Там было еще очень много разного, но Кэл успел бросить лишь короткий взгляд, прежде чем жар затопил его с головы до ног.

Он закричал.

От этого крика двор исчез, а Кэл снова пошел по Венериным холмам, только на этот раз у него под ногами были не земля и камень, а плоть и кости. Он пролетел над собственным телом, его сущность сделалась целым миром, который пылал, горел неугасимым огнем. Его крик был криком самой земли, он поднимался и поднимался, пока звук и сам Кэл не слились в единое целое.

Невыносимо!

Кэл проснулся, как от толчка. Оказалось, что он сжался в комок в центре кровати, тугой узел ночной агонии. С него ручьями лился пот, запросто способный погасить любой огонь.

Но нет. Огонь горел перед его мысленным взором, по-прежнему яркий.

2

Кэл знал: это не просто страшный сон, это видение что-то предвещает. После первого кошмара была ночь без сновидений, затем кошмар пришел снова, потом еще. Декорации немного менялись (другие улицы, другие слова мольбы), но в снах содержалось то же самое предостережение, пророчество.

Потом настала передышка в несколько ночей, и когда кошмар пришел в четвертый раз, рядом с Кэлом была Джеральдин. Она изо всех сил старалась разбудить его — он завывал, как она сказала потом, — но Кэл не смог проснуться, пока сон не кончился. Только тогда он

открыл глаза и увидел ее, рыдающую от страха.

— Мне показалось, ты сейчас умрешь, — сказала Джеральдин, и он был готов поверить, что она права, что сердце не сможет долго выносить подобные ужасы и просто разорвется.

Причем видения предвещали не только смерть Кэла, но и смерть людей на Венериных холмах, обитателей его истинной сущности. Надвигается катастрофа, и она прикончит последних выживших ясновидцев, тех, кто был ему ближе, чем собственная плоть. Вот что предвещал сон.

* * *

Он пережил ноябрь в страхе перед сном и тем, что он может принести. Ночи делались все длиннее, светлые часы — все короче. Казалось, сам год засыпает и в мозгу надвигавшейся ночи его грезы обретают форму. В одну из недель декабря кошмар наваливался на него каждый раз, стоило лишь закрыть глаза, и тогда Кэл понял, что ему необходимо поговорить с Сюзанной. Разыскать ее, рассказать обо всем, что он видит.

Но как? Ее письмо было совершенно недвусмысленным: она сама разыщет его, как только пройдут опасные времена. У него не было ни ее адреса, ни телефонного номера.

В отчаянии Кэл обратился к единственному источнику, из которого мог почерпнуть сведения о чудесах. Он разыскал визитную карточку Вергилия Глюка и набрал его номер.

Трубку никто не взял.

IV
Усыпальница

1

На следующий день после визита Апполин — вся страна была объята полярным холодом, температура падала с каждым часом, — Сюзанна отправилась по адресам из списка. В первом же месте ее ожидало разочарование: тот дом, который она хотела осмотреть, как и примыкающее к нему здание, как раз сносили. Она достала карту, чтобы проверить адрес, и тут один из строителей отошел от костра, где пылали стропила, и приблизился к ней.

— Нечего тут смотреть, — сказал он.

Сюзанна не могла понять, почему на его лице застыло отвращение.

— Здесь стоял дом номер семьдесят два? — спросила она.

— Хотя по виду вы не похожи, — отозвался рабочий.

— Простите, я не…

— Не похожи на тех, кто ходит поглазеть.

Она покачала головой. Он, кажется, понял, что допустил какую-то ошибку, и выражение его лица смягчилось.

— Вы пришли не для того, чтобы посмотреть на дом, где произошло убийство? — спросил он.

— Убийство?

— Один негодяй убил здесь троих детей. Всю неделю ходят какие-то люди, берут на память кирпичи…

— Я не знала.

Она смутно помнила мрачные заголовки в газетах: предположительно сумасшедший — при этом любящий отец — убил всех своих детей, пока они спали, потом убил себя.

— Простите, ошибся, — признал рабочий. — Просто не могу поверить, что люди гоняются за такими сувенирами. Они ненормальные.

Он хмуро поглядел на нее, развернулся и пошел обратно к костру.

Ненормальные. Именно таким словом охарактеризовала Виолетта Памфри дом Мими на Рю-стрит. Сюзанна не забыла это выражение. «Некоторые дома, — сказала Виолетта, — они как бы не совсем нормальные». Она была права. Наверное, здешние дети стали жертвами того же самого беспричинного страха, а убийца хотел раз и навсегда оградить их от тех сил, которые, как он чувствовал, живут рядом с ними, либо утопить в их крови собственные страхи. В любом случае, раз она не умеет читать знамения по дыму пожарища или кучам мусора, нет смысла тут задерживаться.

2

Второй адрес в центре города оказался не домом и не кучей развалин, а церковью во имя святой Филомены и святого Калликста. Сюзанне никогда прежде не встречались эти святые. Наверное, какие-то малоизвестные мученики. Церковь представляла собой простую постройку из красного кирпича, облицованную камнем и со всех сторон осажденную новыми офисными кварталами. Небольшое кладбище при ней было заросшим и заброшенным. В некотором смысле церковь выглядела такой же безнадежной, как развалины дома убийцы.

Но не успела Сюзанна перешагнуть порог, как менструум подсказал ей, что это как раз нужное место. Внутри все подтвердилось: она зашла с холодной улицы в настоящий рай для тайн. Не нужно было веровать, чтобы счесть свет свечей и запах ладана вдохновляющими, а вид Мадонны с Младенцем — умиротворяющим. Реальность они или миф, пусть разбираются ученые мужи; этому научила Сюзанну Фуга. Значение имели только говорящие образы, и сегодня Сюзанна нашла в них надежду на возрождение и перевоплощение, которой так не хватало ее душе.

На скамьях сидело с полдюжины прихожан, они молились или просто отдыхали. Сюзанна с уважением отнеслась к их медитациям и как можно тише прошла по гулкому каменному полу к алтарю. Когда она приближалась к алтарному ограждению, ощущение здешней силы стало настойчивее. У Сюзанны появилось такое чувство, будто на нее кто-то смотрит. Она огляделась. Никто из прихожан не глядел в ее сторону. Но когда она снова повернулась к алтарю, пол под ногами вдруг истончился, затем исчез совсем, и она повисла в воздухе, глядя на лабиринт в недрах Святой Филомены. Там, внизу, были катакомбы; источник силы тоже помещался там.

Видение длилось две-три секунды. Потом оно пропало, и Сюзанна схватилась за ограждение, дожидаясь, пока пройдет головокружение. Затем она огляделась в поисках двери, ведущей в крипту.

Единственная дверь, которую она сочла подходящей, располагалась слева от алтаря. Сюзанна поднялась по ступенькам и направилась туда, когда дверь открылась и навстречу ей вышел священник.

— Могу ли я чем-то помочь вам? — спросил он, выдавив из себя тонкую, как облатка, улыбку.

— Мне хотелось бы осмотреть крипту, — сказала она.

Улыбка исчезла.

— В храме нет крипты, — ответил он.

— Но я ее видела, — возразила Сюзанна несколько грубо; менструум, поднявшийся внутри, пока она стояла под взглядом Христа, пугал ее своей живостью.

— Что ж, вниз все равно нельзя. Крипта закрыта.

— Но мне необходимо, — настаивала она.

Священник как будто понял ее горячечное упрямство. Когда он снова заговорил, голос его упал до взволнованного шепота.

— У меня нет никаких прав, — произнес он.

— У меня есть, — сказала она, и этот ответ пришел не из головы, а из живота.

— А подождать никак нельзя? — пробормотал священник.

Это была последняя попытка возразить. Когда Сюзанна не ответила, он отступил в

сторону и пропустил ее в комнату за дверью.

— Хотите, чтобы я вас проводил? — предложил он, и голос его звучал еле слышно.

— Да.

Священник отодвинул в сторону занавеску. В замочной скважине торчал ключ. Он повернул его и открыл дверь. Воздух, поднимавшийся из крипты, был сухим и затхлым, лестница крутая, но Сюзанна не испугалась. Снизу доносился призыв, он манил ее, чей-то голос шептал ободряющие слова. Это место не было могилой. А если и было, значит, смерть это не только гниение плоти.

3

Короткое видение лабиринта под полом церкви не подготовило Сюзанну к тому, насколько глубоко располагалась крипта. Свет из баптистерия[1] быстро померк, а лестница все уходила вниз. Через две дюжины ступеней Сюзанна совершенно перестала видеть своего проводника.

— Далеко еще? — спросила она.

В этот момент он чиркнул спичкой и зажег свечу. Пламя неохотно разгорелось в спертом воздухе, но в этом неверном свете Сюзанна увидела, как священник повернул к ней сморщенное лицо. У него за спиной начинались коридоры, которые она видела сверху, прорезанные рядами ниш.

— Здесь ничего нет, — произнес он с тоской. — Больше нет.

— Все равно покажите мне.

Священник слабо кивнул, как будто совершенно утратил волю и не мог противиться ей. Он повел Сюзанну по одному из коридоров, подняв перед собой свечу. Теперь она видела, что все ниши были заняты, в них от пола до потолка громоздились гробы. Весьма приятный способ разложения, решила Сюзанна; головой к голове товарища. Это усилило впечатление от зрелища, представшего перед ней, когда в конце коридора священник открыл дверь и произнес, пропуская ее вперед:

— Вы ведь хотели увидеть это?

Сюзанна вошла внутрь, он следом. Комната, где они оказались, была так велика, что осветить ее жалким пламенем единственной свечи не представлялось возможным. Однако гробов здесь точно не было. Здесь были только кости. Тысячи костей, забившие каждую нишу до самого потолка.

Священник перекрестил комнату и поднес свою свечу к дюжине других, вставленных в канделябр из берцовой кости и черепа. Когда свечи разгорелись, костяное убранство помещения предстало во всей красе. Останки сотен человеческих существ пошли на создание огромных симметричных орнаментов: барочные узоры из голеней и ребер с горками черепов в центре; поразительные мозаики из ступней и костяшек пальцев с вкраплениями зубов и ногтей. Все это казалось особенно жутким из-за методичности, с какой были выложены узоры: труд некоего зловещего гения.

— Что это за место? — спросила Сюзанна.

Священник нахмурился, сбитый с толку.

— Вы знаете, что это. Усыпальница.

— Усыпальница?..

Он придвинулся к ней:

— Так вы ничего не знаете?

— Нет.

Гнев и страх внезапно исказили его лицо.

— Вы мне солгали! — воскликнул он, и от его голоса пламя свечей покачнулось. — Вы сказали, что знаете… — Он схватил Сюзанну за руку. — Убирайтесь отсюда, — потребовал он и потащил ее обратно к двери. — Вы не имеете права находиться здесь!

---

1 Баптистерий — один из церковных приделов.

Его пальцы больно впивались в руку. Сюзанна пыталась не позволить менструуму напасть на обидчика, однако сдерживать его не требовалось, потому что священник внезапно отвернулся от нее и уставился на свечи. Пламя разгорелось ярче, затрепетало. Рука священника отпустила руку Сюзанны, он поспешил к двери усыпальницы, пока свечи трепетали все сильнее. Его коротко остриженные волосы буквально встали дыбом; язык дрожал в разинутом рту, не в силах вымолвить ни звука.

Сюзанна не разделяла его страхов. Что бы ни происходило в комнате, ей это шло на пользу: она купалась в энергии, высвободившейся из воздуха у нее над головой. Священник добрался до двери и кинулся бежать по коридору к лестнице. Когда он побежал, гробы загромыхали в кирпичных нишах, словно их обитатели желали выбраться навстречу новому дню, разгоравшемуся в усыпальнице. Под эту дробь происходящее в крипте стало еще более волнующим. В центре комнаты начала вырисовываться фигура, ее контуры рождались из висящей в воздухе пыли, из осколков костей, валявшихся на полу. Сюзанне казалось, что с ее лица и рук слетели веснушки, чтобы присоединиться к прочим частицам, которые наполнили воздух. Теперь она видела, что формируется не один силуэт, а три. Центральная фигура возвышалась прямо над ней. Здравый смысл советовал уносить ноги, но, несмотря на окружавшую ее со всех сторон смерть, Сюзанна чувствовала себя в абсолютной безопасности.

И ощущение легкости ее не подвело. Прах кружил перед ней в медленном танце, он не пугал, а успокаивал. Две боковые тени отказались от воплощения раньше, чем успели до конца проявиться: они шагнули в центральную фигуру, добавляя ей прочности. Однако и теперь это был лишь призрак из праха, едва ли способный долго сохранять форму. Черты лица, проступавшие под взглядом Сюзанны, явно принадлежали Иммаколате.

Инкантатрикс не могла бы найти для себя место лучше собственной усыпальницы. Она всегда испытывала страсть к смерти.

Священник горячо молился в коридоре за дверью, однако серая взвесь, поблескивающая в воздухе перед Сюзанной, не двигалась. В лице привидения были видны черты не одной, а всех трех сестер. Зрелость Старой Карги, чувственность Магдалены, поразительная чистота Иммаколаты. Невероятно, но синтез осуществился. Слияние противоположностей было одновременно естественным и хрупким из-за непрочности всей конструкции. Сюзанне казалось, что стоит ей дохнуть посильнее, и силуэт распадется.

А затем зазвучал голос. Он, без сомнений, принадлежал Иммаколате, однако теперь в нем угадывалась не свойственная ей прежде мягкость. Или даже мягкий юмор?

— Мы рады, что ты пришла, — сказала инкантатрикс. — Ты не попросишь этого сына Адама уйти? У нас к тебе дело.

— Какое дело?

— Оно не для его ушей, — ответил костяной призрак. — Пожалуйста. Помоги ему подняться на ноги, ладно? И скажи, что ничего страшного не произошло. Они такие суеверные, эти люди…

Сюзанна выполнила просьбу Иммаколаты: прошла между грохочущими гробами туда, где прятался священник, и помогла ему подняться.

— Мне кажется, вам лучше уйти, — сказала она. — Так хочет Госпожа.

Священник поднял на нее больные глаза.

— До сих пор, — пробормотал он, — я не верил по-настоящему…

— Все в порядке, — заверила Сюзанна. — Ничего страшного.

— А вы тоже идете?

— Нет.

— Я не смогу вернуться за вами, — признался он; слезы катились по его щекам.

— Я понимаю, — кивнула она. — Идите. Я в полной безопасности.

Его не надо было упрашивать, он пулей взлетел по ступенькам. Сюзанна прошла по коридору обратно — гробы по-прежнему громыхали, — чтобы поговорить с Иммаколатой.

— Я думала, ты погибла, — сказала она.

— Но что есть смерть? — отозвалась Иммаколата. — Слово, которым пользуются чокнутые, когда гибнет плоть. Смерть — ничто, Сюзанна, ты это знаешь.

— Тогда почему ты здесь?

— Я вернулась, чтобы отдать тебе долг. Тогда в храме ты поддержала меня, не дала упасть. Неужели ты забыла?

— Нет.

— Я тоже не забыла. Подобные услуги нельзя оставлять без награды. Теперь я это понимаю. Я теперь многое понимаю. Ты видишь, что мы с сестрами объединились? Вместе навсегда, никогда не расстанемся. Один разум, три в одном. Я есть мы, и мы сознаем сотворенное нами зло и сожалеем о нем.

Сюзанна могла бы усомниться в столь неуместном признании, однако менструум, пульсировавший у нее в глазах и в горле, подтверждал: это правда. Призрак перед ней — и стоящая за ним сила — не испытывал ненависти. Зачем же он явился? Вот вопрос. Но задавать его не пришлось, призрак ответил сам.

— Я здесь, чтобы предостеречь, — сказало привидение.

— О чем? О Шедуэлле?

— Он лишь часть того, с чем вы теперь столкнулись, сестра.

— Так это Бич?

Фантом вздрогнул при этом имени, хотя в своем нынешнем состоянии Иммаколата явно была защищена от опасностей. Сюзанна не стала ждать подтверждения. Сейчас не было причин не верить в худшее.

— Шедуэлл имеет отношение к Бичу? — спросила она.

— Он разбудил его.

— Зачем?

— Он считает, что магия замарала его, — ответил прах. — Опорочила невинную душу торгаша. И теперь ему не будет покоя, пока все до единого творцы чар не погибнут.

— И Бич является его оружием?

— Так он думает. Однако истина может оказаться более… замысловатой.

Сюзанна провела рукой по лицу, подыскивая слова. И один простой вопрос возник сам собой:

— Что за существо этот Бич?

— Он думает, что его зовут Уриэль, — ответили сестры.

— Уриэль?

— Ангел.

Сюзанна чуть не засмеялась от абсурдности подобного утверждения.

— Он верит в это с тех пор, как прочитал Библию.

— Ничего не понимаю.

— Большая часть этой истории лежит за пределами нашего понимания, но мы расскажем все, что знаем. Он дух. И некогда он стоял на страже места, где жила магия. На страже сада, как утверждают некоторые, хотя это тоже может оказаться выдумкой.

— Но почему он хочет истребить ясновидцев?

— Они были созданы в том саду, вдали от людских глаз, потому что им была дана магия. Однако они сбежали оттуда.

— А Уриэль…

— Остался один охранять пустое место. На долгие века.

Сюзанна сама не знала, верит ли она, но хотела выслушать историю до конца.

— Что же случилось?

— Он сошел с ума, как и полагается заложнику долга, не получившему нового приказа. Он забыл самого себя, забыл свои цели. Все, что он помнил, — песок, звезды и пустота.

— Пойми меня… — сказала Сюзанна. — Мне трудно поверить во все это, я ведь не христианка.

— Как и нам, — ответили три в одном.

— Но вы все-таки считаете эту историю правдивой?

— Мы считаем, что в ее основе лежит правда.

Их ответ снова заставил Сюзанну вспомнить о книге Мими. Пока она сама не попала на ее страницы, царство сказок казалось ей ребячьей игрой. Однако после встречи с Хобартом в лесу их общих мечтаний она стала думать иначе. Если та история оказалась возможной, почему бы и этой не быть таковой? Разница только в одном: Бич находится в том же физическом мире, что и она. Это не метафора, не греза. Это реальность.

— Итак, он забыл себя, — обратилась Сюзанна к фантому. — Но как же тогда он вспомнил?

— Может, он бы и не вспомнил, — ответила Иммаколата. — Но его обиталище разыскали сотню лет назад те люди, которые пытались найти Эдем. У них в головах он прочел историю о райском саде и, не задумываясь, счел ее своей собственной. Имя для себя он тоже нашел: Уриэль, Огонь Господа. Дух, что стоял у ворот потерянного рая…

— Так это был рай? То место, которое он охранял?

— Ты веришь в это не больше, чем я. Но Уриэль верит. Каким бы ни было — если вообще было — его настоящее имя, оно позабылось. Он верит, что он ангел. Плохо это или хорошо, но так и есть.

Сюзанна улавливала во всем этом смысл. Если в мире книги она верила, что является драконом, почему бы затерявшемуся в безумии существу не счесть себя ангелом?

— Он, разумеется, убил тех, кто его нашел, — продолжала Иммаколата. — А потом отправился на поиски беглецов.

— Семейств.

— Или их потомков. И он почти истребил их. Однако они были умны. Они не понимали природы силы, преследовавшей их, но умели прятаться. Остальное ты знаешь сама.

— А Уриэль? Что он сделал, когда ясновидцы исчезли?

— Вернулся к своей ограде.

— Пока Шедуэлл…

— Пока Шедуэлл…

Сюзанна подумала и задала еще один вопрос, возникавший сам собой:

— А как же Бог?

Три в одном засмеялись. Пылинки, составлявшие их тело, закружились.

— Нам не нужен Бог, чтобы отыскать во всем этом смысл, — сказала Иммаколата.

Сюзанна не поняла, говорит она за троих сестер или и за нее тоже.

— Если и есть некая Первопричина, сила, частицей которой является Уриэль, то она забыла о своем стражнике.

— Так что же нам делать? — спросила Сюзанна. — Ходят слухи о возрождении древней науки.

— Да, я тоже слышала…

— Поможет ли это одолеть его?

— Не знаю. Разумеется, я в свое время умела творить кое-какие чары, способные ранить его.

— Тогда помоги нам.

— Это за пределами моих возможностей, Сюзанна. Ты сама видишь, в каком мы состоянии. Все, что осталось, — прах и сила воли. Мы бродим по усыпальнице, где нам некогда поклонялись, пока не явится Бич, чтобы нас уничтожить.

— Ты уверена, что он придет сюда?

— Эта усыпальница — святыня магии. Шедуэлл приведет сюда его и уничтожит это место при первой же возможности. Мы здесь бессильны. Мы можем лишь предостеречь тебя.

— Спасибо тебе.

Призрак закачался, словно удерживавшая его сила истощилась.

— Знаешь, были времена, — произнесла Иммаколата, — когда у нас имелись заклятия.

Пылинки по контуру разлетелись, осколки костей упали на пол.

— Когда каждый вздох был магическим и мы не боялись ничего.

— Эти времена могут вернуться.

За считанные секунды все три стали такими прозрачными, что почти пропали из виду. Однако голос задержался, чтобы сказать:

— Все в твоих руках, сестра…

И они исчезли.

V
Обнаженное пламя

Дом, в котором Мими Лащенски прожила более полувека, был продан через два месяца после ее смерти. Новые владельцы купили его за бесценок, поскольку постройка находилась в плачевном состоянии, но им потребовалось несколько недель напряженного труда, чтобы привести дом в порядок. Однако они не стали жить в нем, несмотря на потраченные деньги и время, и в спешке съехали через неделю. Они уверяли, что в доме водятся привидения. Эти излишне чувствительные люди рассказывали о каком-то вое в пустых комнатах, об огромных невидимых существах, задевавших их в темных коридорах, и, что самое неприятное, о резком запахе кошачьей мочи, который расползался по всему зданию, как бы усердно они ни скребли полы.

Опустевший дом номер восемнадцать так и остался без хозяев. Недвижимость в этом конце города продавалась плохо, и дурные слухи отпугнули последних покупателей. В итоге дом захватили сквоттеры, самовольные поселенцы, которые за шесть дней разорили все, что отремонтировали предыдущие владельцы. Однако устроенная ими оргия — как подозревали соседи — внезапно оборвалась посреди шестой ночи, и сквоттеры разбежались к утру. Они покидали дом в такой спешке, что бросили свои пожитки на лестнице.

После них в доме номер восемнадцать уже никто не жил, на законных основаниях или нет, а вскоре и сплетни о нем затихли, вытесненные новыми скандалами и происшествиями. Дом превратился в непригодную для продажи развалину: окна заколочены, краска облезла.

Так было до одной декабрьской ночи. События той ночи навсегда изменили облик Рю-стрит и гарантировали, что дом, в котором Мими Лащенски провела одинокую старость, никогда никто не захватит вновь.

2

Если бы Кэл увидел пять человек, входящих в дом номер восемнадцать той ночью, он с трудом узнал бы в их вожаке Бальзама де Боно. Волосы канатоходца были так коротко острижены, что голова казалась лысой; лицо вытянулось и осунулось. Еще сильнее изменился Толлер, которого Кэл в последний раз видел на канате над полем Старбрука. Мечты Толлера о карьере канатоходца оборвались вскоре после их встречи, когда на него напали люди пророка. Ему переломали ноги, разбили голову и бросили умирать. Но он все-таки выжил. Гэлин, третий ученик Старбрука, тогда же погиб, тщетно стараясь уберечь поле учителя от осквернения.

Де Боно убедил их отправиться в дом Мими Лащенски, где так долго хранилась Фуга. Они искали эхо древней науки, которая помогла бы им спастись от надвигавшейся катастрофы. Кроме Толлера, у де Боно было еще трое последователей: Баптиста Долфин, потерявшая отца в Доме Капры, ее любовник Отис Бо и девушка, впервые представшая перед Кэлом в Идеале, когда она сидела на подоконнике с бумажными крыльями за спиной. Потом он встретил ее на Венериных холмах среди прочих грез, навеянных хозяевами той местности: она показала ему мир из бумаги и света. Позже воспоминания о нем удерживали Кэла от впадения в черную меланхолию. Девушку звали Лея.

Из всей пятерки она была самой способной к магии и самой чувствительной к ее присутствию. Именно Лея вела их через дом Лащенски в поисках комнаты, где лежал

Сотканный мир. Они поднялись по лестнице на второй этаж и вошли в спальню.

— В доме полно отголосков, — сказала Лея. — Одни остались от хранительницы, другие оставлены животными. Необходимо время, чтобы разобраться… — Она опустилась на колени посреди комнаты и дотронулась ладонями до пола. — Но Сотканный мир лежал здесь, в этом я уверена.

Отис подошел к ней. Он тоже присел и дотронулся руками до пола.

— Я ничего не чувствую, — заявил он.

— Поверь мне, — сказала Лея. — Он лежал именно здесь.

— Может быть, убрать все с пола? — предложил Толлер. — Тогда это будет слышнее.

Пол в комнате был застелен плюшевым пушистым ковром, который основательно затоптали и испачкали сквоттеры. Молодые люди отодвинули сохранившуюся мебель, скатали ковер. От этих занятий они устали: де Боно тренировал их по системе Старбрука, требовавшей свести к минимуму сон и пищу в последние дни курса. Но они были вознаграждены, когда положили ладони на голые доски. Их обостренные чувства мгновенно уловили все, и даже Отис почувствовал эхо.

— Я почти вижу Сотканный мир, — сказала Баптиста.

И это видение разделяли с ней все.

— И что нам делать теперь? — спросил Отис у Леи, но она была слишком занята отголосками, чтобы услышать его вопрос. Он повернулся к де Боно. — Ну, что?

Де Боно ничего не ответил. Он был готов бесконечно убеждать тех, кто сомневался в успехе его затеи, но факт оставался фактом: они брели на ощупь в темноте. Не было верного способа заполучить чары, память о которых они разбудили. Де Боно втайне надеялся, что призраки здешних сил просто войдут в них, ощутив важность миссии. Если же трепещущая под пальцами сила не осознает серьезность положения, убедить ее они не смогут. Придется встретить кошмар без защиты, а значит — де Боно нисколько в этом не сомневался — подписать себе смертный приговор.

3

Без десяти три ночи Кэл очнулся от сна. Сегодняшний кошмар походил на все предыдущие, но имел несколько важных отличий. Во-первых, в этом сне Кэл был на Венериных холмах не один, он пришел туда в компании де Боно. Они вместе бежали от твари, преследовавшей их по лабиринту переулков. Если бы сон развивался как обычно, дорога привела бы их во двор за домом Лащенски. Но сегодня сон изменился. Посреди переулка они с де Боно потеряли друг друга, и Кэл, совершенно сбитый с толку, свернул на другую улицу.

Здесь ощущение погони исчезло, его сменили новые тревоги. Кэл больше не был преследуемым, это точно знало его спящее «я». Тварь переключилась на де Боно, а Кэлу досталась роль беспомощного наблюдателя. На улице впереди он видел много укромных уголков, дверных проемов и садовых стен, где можно затаиться, укрывшись от огня. Но он в очередной раз просчитался, и прятаться не было нужды. Погоня была уже здесь, у перекрестка на углу улицы. Причем на этот раз преследователей оказалось двое. Один — человек, сгорбленный туманный силуэт. А второй — гигант высотой с дом, туча с ревущим огнем внутри. Кэл стал пятиться к переулку, откуда выскочил. Он двигался медленно, чтобы не привлекать внимания чудовища и его спутника. Нелепая надежда. Место, где он хотел укрыться, оказалось запертым, и, когда его пальцы заскребли по кирпичам, тварь посмотрела в его сторону.

Чудовище уже сожрало де Боно. Кэл видел его пепел в туче, надвигавшейся на него огнем.

— Я не хочу сгореть! — закричал он, но пламя уже катилось в его сторону…

«Прошу тебя, Господи!»

Прежде чем огонь охватил его, Кэл заставил себя очнуться.

В ту ночь Джеральдин рядом с ним не было. Кэл лежал на кровати, содрогаясь с головы до ног. Когда он уверился, что его не вывернет наизнанку от малейшего движения, он поднялся, подошел к окну и отдернул занавеску.

На Чериот-стрит было тихо. Царило то же ледяное спокойствие, что и во всем городе в этот час. Начался снегопад, медленное падение снежинок завораживало. Однако ни снег, ни улица, ни свет фонарей не успокоили Кэла. Нынешний кошмар изменился не без причины; а причина состояла в том, что это не просто сон. Кэл признал это без малейшего колебания. Где-то рядом, на точно такой же улице, мирной и залитой светом фонарей, его кошмары воплощались.

4

В комнате на верхнем этаже дома Мими Лащенски царило сдержанное, но явственное волнение: на их призыв отвечали. Все происходило медленно, огоньки двигались взад-вперед сквозь отголоски Сотканного мира, а древняя наука поднималась из укромных мест в ковре и двигалась навстречу тем, кто жаждал ее. Долгий процесс требовал предельного внимания, нельзя было отвлекаться, чтобы не разрушить связи. Но молодые люди были готовы преодолевать трудности, и по мере того, как сила под их ладонями разрасталась, они выражали свой восторг негромкими радостными восклицаниями. Прошлое возвращалось к ним.

Внимание де Боно привлек шум этажом ниже. Чтобы не отрывать остальных от работы, он на цыпочках прошел к двери и выбрался на лестничную площадку.

Там он не обнаружил источника встревожившего его звука. Де Боно приблизился к лестнице и вгляделся в темноту внизу. Никакого движения не было. Он уже решил, что ему почудилось, что мозг выкидывает шутки от недостатка белковой пищи. Но он все-таки решил удостовериться, зашел в одну из спален второго этажа и посмотрел во двор. Падал снег, пушистые хлопья легко опускались на стекло. Больше ничего.

Де Боно снял очки и помассировал пальцами глаза. Прилив энергии, пришедший вместе с первым успехом, иссяк. Теперь ему хотелось только спать. Но им предстоит многое сделать. Вызвать древнюю науку — это только начало, ее еще надо приручить.

Де Боно отвернулся от окна и собирался пойти обратно к товарищам. В этот миг заметил два силуэта: они направлялись в комнату, где хранился Сотканный мир. Может быть, кто-то вышел за ним? Де Боно снова нацепил очки, чтобы лучше рассмотреть силуэты.

От этого зрелища крик вырвался у него из груди, но было уже поздно, его заглушили крики остальных. Все произошло слишком быстро. Только что он пытался понять, что именно видит, а в следующий миг все уже кончилось.

Прежде чем он успел добежать до площадки, убийцы вошли в комнату, где когда-то находился ковер, и дверь сорвало с петель от разорвавшейся внутри силы. Чье-то тело вынесло в потоке текучего огня, и оно зависло в центре площадки, пожираемое языками пламени. Де Боно ясно видел жертву. Это был Толлер, бедняга Толлер, он завязывался в кровавый узел, пока огонь терзал его.

Тот де Боно, который был с Кэлом в саду Лемюэля Ло, бросился бы сейчас в драку, не задумываясь о последствиях. Однако тяжелые времена научили его осторожности. Самоубийство не принесет никакой пользы. Если он бросит вызов силе, разгромившей сейчас комнату Сотканного мира, он погибнет точно так же, как гибнут остальные, и никто не сможет рассказать об этом кошмаре. Де Боно знал, что это за сила. Сбывались худшие предсказания его соплеменников. Явился Бич.

В комнате, где когда-то лежал ковер, раздался новый взрыв, и новый сгусток пламени вылетел на площадку. Потолок и пол уже занялись, горели перила и ступеньки. Очень скоро все пути к отступлению будут отрезаны и де Боно погибнет в ловушке. Придется рискнуть и пересечь лестничную площадку, рассчитывая на то, что дым скроет его от убийственного взгляда. Времени на обдумывание маршрута бегства через пламя не было. Де Боно закрыл

руками лицо и кинулся напрямик к лестнице.

Он почти успел, но в каком-то шаге от верхней ступеньки споткнулся. Выставил перед собой руку, чтобы смягчить падение, и ладони попали на горящие перила. Де Боно закричал, когда его руки охватил огонь, но в следующий миг поднялся и заковылял вниз по лестнице к выходу.

Бич последовал за ним. От его первого удара расплавились кирпичи в двух шагах от того места, где только что стоял его противник. Не сводя глаз с двери, де Боно бежал по лестнице и в пяти шагах от прихожей услышал у себя за спиной звук, похожий на титанический вдох. Ну зачем он обернулся? Глупец! Но он хотел посмотреть на Бича, прежде чем тот испепелит его.

Однако на верхней площадке лестницы стоял не носитель пламени, а его прислужник. Де Боно никогда не встречал Коммивояжера в его истинном обличье, поэтому не знал его имени. Он увидел измученное вспотевшее лицо, глядевшее на него скорее с отчаянием, чем со злобой. Де Боно замешкался, и в эту секунду чокнутый отступил в сторону, а из-за его спины вышел Бич.

Он состоял из бесчисленных глаз, костей, на которых никогда не было плоти, и пустоты. Де Боно, конечно же, увидел его огонь: испепеляющее пламя из недр солнца. Еще он увидел боль.

Все это обрушилось бы на него — и огонь, и боль, — если бы потолок над лестницей не рухнул внезапно, образовав стену огня между ним и его мучителями. Де Боно не избежал прикосновения пламени, горящие обломки задели его, он почувствовал запах собственной паленой кожи. Но пока огонь прикрывал его отступление, юноша преодолел последние ступеньки и в три стремительных прыжка выскочил на уличный морозный воздух.

В дренажной канаве догорало чье-то тело, выпавшее из окна верхнего этажа, съежившееся в пламени до размеров ребенка. Опознать его было совершенно невозможно.

В приступе бешенства де Боно повернулся к дому и крикнул тварям, оставшимся внутри:

— Сволочи! Проклятая нечисть!

Затем побежал оттуда, пока огонь не последовал за ним. На улице загорались окна и открывались двери, чокнутые выходили посмотреть на то, что потревожило их сон. Вечные зеваки с разинутыми ртами и недоверчивым взглядом. Неужели они не понимают, что в центре их города свободно гуляет сила, способная покончить с ними в мгновение ока? Но чокнутые все равно глазели, готовые приветствовать пустоту, если она развлечет их. В ярости и отчаянии де Боно невольно подумал: пусть, пусть приходит Бич. Тогда не останется мест, где можно спрятаться, не останется сил, чтобы защитить слабых.

Если худшее неизбежно, пусть оно случится. Пусть придет пустота и покончит с тиранией надежды.

VI
Смерть приходит на дом

В мертвые часы между полуночью и рассветом снегопад все усиливался. Кэл сидел в отцовском кресле у дальнего окна и смотрел, как кружатся снежные хлопья. Он знал по опыту, что не сможет заснуть. Он посидит здесь, глядя в ночь, пока не загромыхает первый утренний поезд. Рассвет начнется через час или около того, хотя при таких снеговых тучах заря будет тусклее обычного. Кэл подождет до половины восьмого, а потом поднимет трубку и наберет номер Глюка. В последние дни он проделывал это регулярно, звонил из дома и из пекарни с одним и тем же результатом: Глюк не отвечал, Глюка не было дома. Кэл даже просил, чтобы проверили исправность телефонной линии. Но никаких технических проблем не было: просто на другом конце никто не поднимал трубку. Возможно, пришельцы, за которыми Глюк так долго охотился, наконец-то раскрыли ему свои объятия.

Стук в дверь заставил его подняться на ноги. Он взглянул на часы: чуть больше

половины четвертого. Кого принесло в такую рань?

Кэл вышел в прихожую. С той стороны двери раздался такой звук, будто там что-то сползло. Кто-то хочет вломиться в дом?

— Кто там? — спросил он.

Не услышав ответа, Кэл подошел к двери поближе. За ней больше ничего не скользило, однако стук — уже совсем слабый — повторился. Он отодвинул засов и снял цепочку. Шум затих. Поддавшись любопытству, Кэл отбросил предосторожности и открыл дверь. Она широко распахнулась от веса привалившегося к ней тела. Снег и Бальзам де Боно упали на коврик с надписью «Добро пожаловать!».

Только когда Кэл опустился на корточки, чтобы помочь упавшему человеку, он узнал это искаженное болью лицо. Один раз де Боно перехитрил огонь, но на этот раз огонь добрался до него и отомстил за прошлое поражение.

Кэл дотронулся до щеки канатоходца. От его прикосновения веки де Боно затрепетали и глаза открылись.

— Кэл…

— Я вызову «скорую».

— Нет, — возразил де Боно. — Здесь опасно оставаться.

У него было такое выражение лица, что Кэл сразу оставил эту мысль.

— Схожу за ключами от машины, — сказал он.

Когда Кэл возвращался к входной двери с ключами в руках, по его телу прошла судорога и внутренности завязались в узел. Он знал это ощущение по своим снам. Оно означало, что монстр где-то рядом.

Кэл выглянул на заснеженную улицу. На улице, насколько он мог заметить, никого не было. Стояла такая тишина, что было слышно, как гудят на морозе засыпанные снегом фонари. Однако сердцу передались судороги внутренностей и оно бешено билось.

Когда он снова опустился на колени рядом с де Боно, тот вроде бы на время справился с болью. Лицо его было отрешенным, голос тоже, что придавало его словам особенный вес.

— Он приближается… — произнес де Боно. — Он преследует меня…

Собака залаяла в конце улицы. Лай звучал не жалобно, как у забытого на морозе пса, а тревожно.

— Кто преследует? — спросил Кэл, снова оглядывая улицу.

— Бич.

— О боже…

Лай подхватили дворовые собаки по всему ряду домов. Наяву, как и во сне, чудовище было близко.

— Надо бежать, — решил Кэл.

— Вряд ли у меня получится.

Кэл подсунул руку под спину де Боно и осторожно усадил его. Раны были глубокими, но не кровоточили, поскольку кровь запеклась от огня. Кожа на руках, на плече, на боку почернела. Лицо де Боно стало белее снега, жар выходил из него волнами, через пот и дыхание.

— Я попробую довести тебя до машины, — сказал Кэл, поднимая де Боно на ноги.

У раненого еще остались силы, чтобы помочь ему. Однако он уронил голову Кэлу на плечо, пока они преодолевали дорожку.

— Меня коснулся огонь… — прошептал де Боно.

— Ты выживешь.

— Он пожирает меня…

— Кончай болтать и иди.

Автомобиль стоял в нескольких метрах от дома. Кэл привалил де Боно к машине с пассажирской стороны, чтобы отпереть дверцу, и продолжал оглядываться, пока неловкие пальцы возились с ключами. Снег валил все гуще, и концы улицы плохо просматривались.

Дверца открылась. Кэл обошел машину, чтобы помочь де Боно сесть, затем вернулся к

водительской двери.

Когда он уже собирался сесть, собачий лай вдруг смолк. Де Боно охнул. Собаки выполнили свой сторожевой долг и умолкли, озаботившись собственным спасением. Кэл сел в машину и захлопнул дверцу. На лобовом стекле лежал снег, но не было времени счищать его; об этом позаботятся «дворники». Кэл включил зажигание. Мотор зашумел, но почему-то не завелся.

Де Боно рядом с ним произнес:

— Он уже близко…

Кэла не нужно было подгонять. Он снова повернул ключ, но мотор отказывался заводиться.

— Ну, давай, — уговаривал он, — прошу тебя.

Его мольбы были услышаны, с третьей попытки мотор заработал.

Интуиция подсказывала ему, что надо нажать на газ и убраться с Чериот-стрит как можно скорее, однако снег, густо падающий на многодневную ледяную корку, затруднил бегство. Колеса то и дело прокручивались, машину бросало из стороны в сторону. Ярд за ярдом они ползли по белой дороге, а снег шел такой сильный, что видимость снизилась почти до нуля. И только когда они добрались до конца Чериот-стрит, открылась печальная правда. Им мешала не только снежная пелена — в воздухе сгущался туман. Он уже был таким плотным, что огни фар не могли прорезать его.

Чериот-стрит вдруг перестала быть частью Королевства. Кэл знал это место с детства, но теперь оно превратилось в неизведанную землю: все детали ландшафта исчезли, город стал пустыней. Пустыня была владениями Бича, и они потерялись в ней. Не видя дороги, Кэл доверился интуиции и свернул направо. Но де Боно вдруг подскочил на сиденье.

— Назад! — завопил он.

— Что?

— Назад! Господи! Давай назад!

Он вцепился обожженными руками в приборную панель, вглядываясь в туман.

— Он там! Там!

Кэл поднял голову, когда что-то огромное двинулось в тумане впереди, загораживая им дорогу. Оно проявилось и исчезло слишком быстро, чтобы разглядеть его целиком, но и того, что заметил Кэл, было достаточно. В своих снах он недооценил его. Монстр был еще огромнее и темнее, он был бездонно пуст.

Кэл пытался дать задний ход, но паника обратила его попытки в фарс. Справа туман закручивался воронкой. С какой стороны эта тварь появится в следующий раз? Или же она каким-то образом все время остается вокруг них, расстилаясь туманом?

— Кэлхоун.

Кэл покосился на своего пассажира, потом сквозь лобовое стекло посмотрел на то, что заставило де Боно замереть на сиденье. Туман перед ними разошелся в стороны. Из его глубины выступил Бич.

Это зрелище смутило Кэла: из мрака вышла не одна фигура, а две, нелепым образом соединенные воедино.

Одним из двоих был Хобарт, однако сильно измененный тем кошмаром, который завладел им. Кожа его побелела, кровь стекала струйками из множества ран, через которые в его тело входили и вырывались наружу линии силы, соединенные колесами и арками огня. Эти колеса вращались внутри Хобарта и протягивались ко второму телу: чудовищному монстру, возвышавшемуся над ним.

Этот второй, на взгляд Кэла, был сплошным парадоксом. Белесый, но черный; пустой, но сияющий; совершенный в своей красоте, однако прогнивший гораздо сильнее, чем способна сгнить плоть. Живая цитадель из глаз и света, испорченная сверх всякой меры и поднимающая смрад до самых небес.

Де Боно рванулся к дверце и принялся дергать ручку. Дверца открылась, но Кэл вцепился в де Боно и нажал ногой на педаль газа. В этот миг пелена белого огня расползлась

перед машиной, закрывая собой Бича.

Передышка оказалась короткой. Машина отъехала всего на пять футов, и Бич снова оказался перед ней.

Пока он приближался, Хобарт невероятно широко открыл рот, и из его горла вырвался чужой голос.

— Я вас вижу, — сообщил он.

В следующее мгновение земля под машиной как будто взорвалась, и автомобиль завалился набок, на сторону водителя.

Внутри все смешалось, лавина мелких вещиц обрушилась из «бардачка» и с приборной панели. А потом де Боно снова подергал дверцу и открыл ее. Несмотря на его раны, сказывались подготовка и проворство канатоходца, позволившие ему запросто выбраться из опрокинутой машины.

— Убегай! — крикнул он Кэлу.

Тот все еще раздумывал, что ему делать. Когда же Кэл выбрался из машины, первое, что он увидел, это то, как де Боно исчезал в тумане, наступавшем со всех сторон со своей империей глаз. Второе, что он увидел: кто-то смотрел на него из этого тумана. Похоже, сегодня ночь встреч со старыми знакомыми, изменившимися под давлением обстоятельств. Сначала де Боно, затем Хобарт, и вот теперь — Кэл не сразу в это поверил — Шедуэлл.

Он видел множество ролей, которые играл Коммивояжер. Благодушный торговец, даривший улыбки и обещания; мучитель и искуситель; пророк освобождения. Теперь Шедуэлл сорвал все маски, и живущий в нем актер остался без ангажемента. Безжизненные черты его лица прилипли к костям черепа, как грязное белье. Лишь глаза — они всегда были маленькими, но теперь казались всепоглощающими — все еще хранили отсвет былого огня.

Шедуэлл смотрел, как Кэл выбирается из опрокинутой машины на обледенелую улицу.

— Бежать больше некуда, — произнес Коммивояжер. Голос его звучал заторможенно, словно он давно не спал. — Он отыщет тебя, где бы ты ни прятался. Он ведь ангел, Муни. У него глаза бога.

— Ангел? Этот?

Туман слева и справа дрожал как живой. В любой миг монстр мог вернуться. Однако вид Шедуэлла и его загадки удерживали Кэла на месте. Еще одна странность: что-то во внешности Коммивояжера изменилось, но он никак не мог уяснить, что именно.

— Его зовут Уриэль, — сказал Шедуэлл. — Огонь Небесный. И он пришел, чтобы покончить с магией. Это его единственная цель. Покончить с волшебством. Раз и навсегда.

Туман снова задрожал, но Кэл не отрываясь смотрел на Шедуэлла, слишком заинтригованный, чтобы уйти. Неразумно стоять и выслушивать банальности, если могущественный ангел находится на расстоянии плевка отсюда. Но Муни никогда не отличались практичностью.

— Это мой подарок миру, — возвестил Шедуэлл. — Я уничтожу магов. Всех до единого. Как видишь, я больше ничем не торгую. Я делаю это из любви.

При упоминании о торговле Кэл понял, какое изменение произошло в этом человеке. Пиджак Шедуэлла — волшебный пиджак, полный иллюзий, разбивший сердце Брендана и, без сомнения, многих, — исчез. Его заменило пальто, безукоризненно скроенное, но не содержавшее в себе никаких чар.

— Мы покончим с наваждениями и обманами. Покончим со всем этим…

Пока он говорил, туман задрожал и из него донесся крик, затем резко оборвавшийся. Де Боно. Умирающий, но пока живой.

— Ты скотина, — произнес Кэл.

— Меня обманули, — ответил Шедуэлл, нисколько не задетый тоном Кэла. — Ужасным образом обманули. Соблазнили волшебством, заставили проливать кровь, чтобы я смог получить то, чем меня соблазняли…

— А что ты делаешь сейчас? — выплюнул Кэл. — Опять проливаешь кровь.

Шедуэлл развел руками:

— Смотри, у меня ничего нет, Кэлхоун. Вот он, мой дар. Пустота.

— Мне не нужны твои проклятые подарки.

— Нет, нужны. В глубине души ты хочешь этого. Они ведь и тебя одурачили своим цирком. Но теперь их выходкам придет конец.

В его голосе звучала искренность политикана, убеждающего соратников в разумности бомбового удара. Эта бездушная искренность ужасала сильнее, чем истерика или прямое зло.

Кэл осознал, что его первое впечатление было ошибочным. Шедуэлл-актер никуда не исчез. Он лишь отказался от привычной манеры игры, от гипербол, и теперь обходился минимальными средствами, так что его игра почти не воспринималась как представление. Но это все-таки был спектакль. Это был его триумф: Шедуэлл как он есть.

Туман начал клубиться с прежней энергией. Уриэль возвращался.

Кэл еще раз взглянул на Шедуэлла, чтобы раз и навсегда запомнить эту маску, развернулся и побежал.

Он не видел, как Бич вышел из тумана, зато услышал, как взорвалась у него за спиной машина, почувствовал, как полыхнуло жаром и падающий снег превратился в теплую жижу. Он услышал голос Шедуэлла — трескучий на трескучем морозе:

— Я тебя вижу. Так он сказал.

Шедуэлл лгал. Он не видел, не мог увидеть. На сей раз туман стал союзником Кэла. Он мчался сквозь него, не выбирая направления, лишь бы обогнать компаньона этого любителя делать подарки.

Из тумана проступил какой-то дом. Кэл не узнал его, но все равно бежал по мостовой, пока не достиг первого перекрестка. Перекресток он узнал и вернулся на Чериот-стрит сложным маршрутом, который должен был сбить со следа его врагов.

Он не сомневался, что Шедуэлл догадается, куда он стремится, а живой туман, прикрывающий Бича, прошел уже почти половину Чериот-стрит. Эта мысль придала Кэлу сил. Он должен добраться до дома раньше пламени. Ведь там осталась книга Сюзанны, сохранить которую она доверила ему.

Дважды он поскальзывался на предательском льду, дважды поднимался — ноги, руки и легкие болели — и снова бежал. На железнодорожном мосту он перелез через заграждение и вскарабкался по насыпи. Туман здесь редел, и обычный снег падал на безмолвные рельсы. Кэл уже явственно видел задние дворы домов. Он мчался, пока не достиг забора на задворках отцовского дома. Перелез через забор и, пробегая мимо голубятни, понял, что у него есть еще одна обязанность и он должен выполнить ее перед побегом. Но сначала книга.

Через сугробы в саду он добрался до черного хода и ввалился в дом. Сердце бешено колотилось о ребра. В любой миг Бич мог появиться здесь, и тогда это место, его родной дом, постигнет участь Фуги. Нет времени собирать сентиментальные безделушки. Осталось несколько секунд, чтобы взять с собой самое необходимое, и это в лучшем случае. Кэл схватил книгу, свое пальто и кинулся на поиски бумажника. Взглянул в окно и увидел, что улица за стеклом исчезла, туман прижался холодным лицом к стеклу. Кэл сунул в карман бумажник, снова промчался через дом и вышел тем же прем, каким пришел: через заднюю дверь и заросли кустов, которые его мать посадила много весен назад.

У голубятни он остановился. Он не мог забрать с собой Тридцать третьего и его подругу, но он мог дать им свободу, если они захотят. Птицы хотели. Они метались по промерзшей клетке, которую Кэл сам построил для них, и прекрасно чувствовали висевшую в воздухе опасность. Как только он открыл дверцу, они выпорхнули и взметнулись в небо, полетели сквозь снег вверх, к спасительным облакам.

Когда Кэл бежал вдоль насыпи — не обратно к мосту, а в противоположном направлении, — он осознал, что может никогда больше не увидеть свой дом, оставшийся за спиной. От этой мысли его пронзила боль, заставившая забыть о морозе. Он остановился и попытался запечатлеть в памяти все, что видит: крышу, окна родительской спальни, сад, пустую голубятню. В этом доме он родился и вырос, стал таким, какой есть, плохо это или хорошо; здесь жили его воспоминания об Эйлин и Брендане. Но все-таки это просто кирпич

и цемент; что ж, пускай зло поглотит его, как поглотило Фугу.

Удостоверившись, что хорошо запомнил эту картину, Кэл побежал дальше в снежную пелену. Не успел он преодолеть и двадцати ярдов, как грохот взрыва возвестил о том, что он стал бездомным.

Часть двенадцатая
Осажденный Рай

Ветер западный, приди к нам,
Напои поля дождем.
Светлый Боже, помоги мне
Отыскать родимый дом!
Аноним, XVI век

I
Череда несчастий

1

Если в событиях следующего дня и была какая-то последовательность, то она заключалась в невозможности ожидаемых встреч и неизбежности неожиданных.

Сюзанна накануне вечером решила, что съездит в Ливерпуль и разыщет Кэла. Теперь не было смысла осторожничать. События явно приближались к развязке. Необходимо предупредить его и разработать план (такие планы составляют только при личном участии), как наилучшим образом защитить книгу Мими и их собственные жизни от надвигавшейся бури. Сюзанна пыталась дозвониться Кэлу около полуночи, но никто не ответил.

Утром она позвонила Апполин, только что приехавшей из Солсбери, чтобы рассказать о том, что видела и слышала в усыпальнице. Она была готова к тому, что Апполин откажется верить в искренность духа Иммаколаты, однако с этим не возникло никаких проблем.

— А почему бы нам не поверить ей? — отозвалась Апполин. — Если мертвые не говорят правды, кто вообще ее говорит? Кроме того, она лишь подтвердила то, что мы уже знаем.

Сюзанна сообщила, что собирается ехать в Ливерпуль и поговорить с Кэлом.

— Что ж, ты будешь там не одна, — ответила Апполин. — Кое-кто отправился на поиски магии в дом твоей бабушки. Выясни, получилось ли у них что-нибудь.

— Я разыщу их. И позвоню, когда встречусь с ними.

— Только не надейся застать меня трезвой.

Прежде чем отправиться в путь, Сюзанна снова попыталась дозвониться до Кэла. На этот раз она услышала в трубке короткие гудки, и оператор не сумел объяснить ей, в чем причина. Если бы Сюзанна включила радио, она узнала бы ответ из выпуска утренних новостей, а по телевизору даже увидела бы кадры с пятном выгоревшей земли на том месте, где стоял дом Муни. Но она включила новости слишком поздно, застав только прогноз погоды, обещавший снег, снег и еще раз снег.

Поездка на машине, поняла Сюзанна, обернется катастрофой. Поэтому она доехала на такси до Юстона и села на утренний поезд, идущий на север. Когда она отправлялась в четырехчасовую поездку до Ливерпуля, Лайм-стрит (на деле это заняло шесть часов), Кэл уже был на полпути в Бирмингем. Он сел на поезд, отходящий в 8.20, через Ранкорн и Уолвергемптон.

2

Кэл позвонил Глюку из телефонной будки на Пир-Хэд, где он прятался от тумана. Никакого плана у него не было, он просто почувствовал необходимость перебраться на другой берег реки и оказался там, успев на последний ночной автобус. Он ускользнул от Бича, по крайней мере на время; он даже тешил себя мыслью, что чудовище успокоится после учиненного разгрома. Однако в глубине души понимал, что все совсем не так. Этот Огонь Небесный обладал неуемной тягой к истреблению. Он не успокоится, пока не испепелит их всех. В том числе и Шедуэлла, как надеялся Кэл. Единственным его утешением после ужасов прошедшей ночи было чувство, что он видел прощальное представление Коммивояжера.

С реки дул пронизывающий ветер со снегом, коловшим кожу острыми иголками. Но Кэл все стоял, облокотившись на перила, и смотрел на воду, пока у него не заледенели руки и лицо. Потом, когда часы в городе пробили шесть, отправился искать заведение, где можно было чем-нибудь подкрепиться. Ему повезло. Одно маленькое кафе было открыто, там подавали еду для водителей автобусов. Кэл заказал себе плотный завтрак, отогрелся и, пока ел яичницу с тостами, пытался понять, как же ему лучше поступить. Затем, около половины седьмого, снова попробовал дозвониться до Глюка. Он не рассчитывал на успех, но в этот раз удача была на его стороне: когда он уже хотел повесить трубку, на другом конце провода ответили.

— Алло! — произнес заспанный голос.

Кэл едва знал Глюка, но обрадовался ему как родному.

— Мистер Глюк? Это Кэл Муни. Наверное, вы меня не помните, но…

— Ну конечно же я помню! Как там дела на берегах Мерси?

— Я должен переговорить с вами. Это срочно.

— Я весь внимание.

— Только не по телефону.

— Что ж, тогда приезжайте ко мне. У вас есть мой адрес?

— Да. У меня сохранилась ваша визитка.

— Так приезжайте! Я буду рад видеть вас.

После всех ночных кошмаров эти приветливые слова произвели на Кэла слишком сильное впечатление: он почувствовал, как защипало глаза.

— Я выезжаю первым же поездом, — сказал он.

— Жду.

Кэл вышел из телефонной будки под порывы колючего ветра. Дневной свет не спешил разгораться, и занесенные снегом улицы, по которым он добирался до станции, были почти пусты. Из сумрака вынырнул грузовик, разбрасывавший песок по обледенелой дороге; продавец газет раскладывал свежие утренние газеты под сомнительной защитой дверного проема; и больше никого. Сложно было представить, что в этот город призраков когда-нибудь снова придет весна.

3

Сюзанна стояла в конце Чериот-стрит и смотрела на открывавшееся перед ней зрелище. Вокруг толкалось слишком много народу, и она не стала пробираться ближе, поскольку по-прежнему опасалась скопления полицейских и чокнутых; но и отсюда было прекрасно видно, что дома Муни больше не существует. Его буквально стерли с лица земли. Огонь, пожравший его, затем распространился по всей улице. Прошлой ночью Бич заходил сюда в гости.

Сюзанну пробрала дрожь. Она ушла от дома и направилась на Рю-стрит, опасаясь самого худшего. Именно это ее и ожидало: дом Мими сгорел.

Что же ей теперь делать? Вернуться в Лондон и бросить на произвол судьбы Кэла? Если ему вообще удалось выжить. Она не знала, где его искать; могла лишь надеяться, что он сам как-нибудь сумеет разыскать ее. Все чертовски сложно. Ясновидцы разъехались по стране,

Кэл пропал. А книга? Она не осмеливалась думать об этом. Сюзанна просто повернулась спиной к развалинам дома Мими и пошла по Рю-стрит, ощущая, что от всего увиденного испарилась последняя капля ее оптимизма.

Когда она завернула за угол, какой-то хлыщ — круглолицый, в солнечных очках — подкатил к тротуару и высунулся из окна машины.

— Вы замерзнете насмерть, — сказал он.

— Отвали, — огрызнулась Сюзанна и ускорила шаг.

Он поехал за ней вдоль тротуара.

— Я же сказала тебе, отвали! — гневно бросила она, оборачиваясь к нему.

Он опустил очки на кончик носа и уставился на Сюзанну. Глаза под очками были яркого золотистого цвета.

— Нимрод?

— Кто же еще?

Если бы не эти глаза, она ни за что не узнала бы его. Он располнел, и от прежней красоты не осталось почти ничего.

— Я бы не отказался подкрепиться, — сказал он. — А ты?

4

Аппетит Нимрода возрастал прямо пропорционально их несчастьям. Сюзанна сидела напротив него за столиком китайского ресторана, который он выбрал, и наблюдала, как он поглощает еду — не только свой заказ, но и большую часть ее порции.

Им не потребовалось много времени, чтобы рассказать друг другу о своих последних открытиях. Во многом новости устарели: Бич уже бродил среди них. Однако у Нимрода имелись и свежие сведения, выуженные из подслушанных разговоров и расспросов. Он узнал, что на Чериот-стрит не обнаружили мертвых тел, поэтому логично было предположить, что Кэлу удалось уцелеть. Однако на Рю-стрит останки были найдены.

— Я никого из них не знал лично, — сказал Нимрод. — А вот ты, боюсь, знала.

— Кого?

— Бальзама де Боно.

— Де Боно?..

— Он был на Рю-стрит прошлой ночью.

Сюзанна молчала, вспоминая короткий отрезок времени, проведенный в обществе де Боно, разговоры с ним. И вот его больше нет. Скоро ли за ним последуют остальные?

— Что нам делать, Нимрод? — едва слышно произнесла она. — Может, снова спрятаться? В новый Сотканный мир?

— Нас слишком мало, чтобы заполнить пространство, — траурным голосом ответил Нимрод. — К тому же у нас не осталось магии. У нас почти нет силы.

— Так что же, сидеть и ждать, пока Бич прикончит нас? Ты это предлагаешь?

Нимрод провел рукой по лицу.

— Я сражался, пока были силы… — сказал он. — Полагаю, мы все сражались.

Он вынул из кармана табакерку и принялся скатывать самокрутку.

— Я совершил столько ошибок, — продолжал он. — Поддался на обман Шедуэлла… Я даже влюбиться успел.

— Правда?

Он чуть заметно улыбнулся, и эта улыбка напомнила о его прежней неугомонной личности.

— О да… — произнес он. — У меня в Королевстве были приключения. Но длились они недолго. Какая-то часть меня никогда не покидала Фугу. И не покинула до сих пор. — Он закурил тонкую папироску, которую только что скрутил. — Наверное, это просто смешно, — сказал он, — если учесть, что такого места больше не существует.

Он снял темные очки, как только официант отошел от их столика. Теперь его глаза

чистого золотого цвета были устремлены на Сюзанну, выискивая в ее взгляде хотя бы тень надежды.

— Но ты ведь помнишь ее? — спросила она.

— Фугу? Разумеется.

— И я помню. Во всяком случае, мне кажется, что помню. Может быть, еще не все потеряно.

Нимрод покачал головой.

— К чему эти сантименты, — усмехнулся он. — Одних воспоминаний недостаточно.

Было бы глупо оспаривать это утверждение. Нимрод ясно дал понять, что ему больно, и не хотел никаких метафизических утешений.

Сюзанна задумалась, стоит ли рассказывать ему о том, что у нее появилась надежда на возрождение Фуги. Она понимала, что эта надежда призрачная, но Нимроду необходимо было за что-то держаться, какой бы эфемерной ни была ниточка.

— Это еще не конец, — сказала она.

— Не обманывай себя, — отозвался он. — Все кончено.

— Говорю тебе, Фуга не умерла.

Он оторвал взгляд от своей сигареты.

— Что ты имеешь в виду?

— В Вихре… я использовала Станок.

— Использовала Станок? Да что ты такое говоришь?

— Ну, или он использовал меня. Может быть, то и другое.

— Но как? Для чего?

— Чтобы спасти все от исчезновения.

Нимрод перегнулся к ней через стол.

— Ничего не понимаю, — сказал он.

— Я и сама не понимаю всего до конца, — призналась Сюзанна. — Но что-то произошло. Какая-то сила…

Она вздохнула, не находя слов, чтобы описать те мгновения. Какая-то часть Сюзанны вообще сомневалась, что все происходило на самом деле. Но в одном она была уверена твердо:

— Я знаю, что не все потеряно, Нимрод. И мне плевать, кто такой этот чертов Бич. Я не собираюсь покорно опустить руки и умереть из-за него.

— Тебе и не нужно, — ответил он. — Ты же из чокнутых. Ты можешь пойти другим путем.

— Ты прекрасно понимаешь, что это не так, — резко возразила она. — Фуга принадлежит всем, кто готов умереть за нее. Мне… Кэлу…

Нимрод выглядел пристыженным.

— Я понимаю, — кивнул он. — Прости.

— Фуга нужна не только тебе одному, Нимрод. Она нужна всем нам.

Сюзанна посмотрела в окно. Сквозь бамбуковые жалюзи было видно, что снег на улице повалил с удвоенной силой.

— Я никогда не верила в рай, — произнесла она негромко. — Такой, как описано в Библии. С первородным грехом и прочим. Но может быть, в нашей истории есть некий отголосок.

— Отголосок чего?

— Того, как все случилось на самом деле. Было некое чудесное место, где зародилась магия. И Бич поверил в историю об Эдеме, потому что там содержится одна из версий правды.

— Какое это имеет значение? — Нимрод вздохнул. — Ангел Бич или кто-то еще, из Эдема он пришел или нет, как это меняет ситуацию? Главное, что он считает себя Уриэлем. А это значит, что он истребит нас.

Спорить с этим было сложно. Когда вот-вот настанет конец света, имеют ли значение

имена?

— Мне кажется, нам надо держаться вместе, — сказал Нимрод после паузы, — а не метаться по стране. Может быть, нам удастся что-то предпринять, когда мы соберемся в одном месте.

— Да, кажется, это разумно.

— Не стоит дожидаться, пока Бич переловит нас поодиночке!

— Но где?

— Было одно место, — ответил он, — куда он так и не добрался. Я смутно его помню. Апполин должна знать.

— А что это за место?

— Кажется, какой-то холм… — Нимрод уставился немигающим взглядом в скатерть между ними. — Что-то вроде холма.

— Значит, пойдем туда?

— Это место не хуже любого другого, чтобы умереть там.

II
Прах и пепел

Лица святых на фасаде церкви Святой Филомены давно стерлись от дождей. У них не было глаз, чтобы увидеть гостей, явившихся к дверям храма вечером двадцать первого декабря; не было ушей, чтобы услышать их спор на ступенях. Но даже если бы святые услышали и увидели, даже если бы сошли с пьедесталов и поспешили предупредить Англию о том, что в страну явился ангел, на их тревожные крики никто бы не ответил. Этой ночью, как и во все прочие ночи, Англия не нуждалась в святых, с нее хватало и мучеников.

Хобарт стоял на пороге. Огонь Бича пробивался сквозь кожу на его шее, просачивался в уголках рта. Он держал Шедуэлла за руку, не давая тому пройти внутрь и укрыться от снегопада.

— Это же церковь… — говорил он не голосом Уриэля, а своим собственным.

Иногда ангел на время возвращал ему свободу, чтобы потом сильнее пришпорить, если вмещающее его тело проявляло строптивость.

— Да, это церковь, — согласился Шедуэлл. — И мы пришли разрушить ее.

Хобарт покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Я не стану этого делать.

Шедуэлл ужасно устал от споров. Они ходили с места на место уже не первый день. После Чериот-стрит ангел провел их по всей стране, по тем местам, где, как он помнил, ясновидцы скрывались в прошлый раз. Но это оказалось напрасной тратой времени: там не было ни магии, ни ее творцов. Погода ухудшалась с каждым часом. Снег укрывал землю толстым одеялом, и Шедуэлл устал от дороги и от холода. И еще его терзало беспокойство, потому что поиски ни к чему не приводили. Он боялся, что Уриэль потеряет терпение и тогда его власть над этим существом ослабеет. Вот почему Коммивояжер привел ангела сюда: он знал, что здесь наверняка есть магия или хотя бы ее отголоски. Именно здесь, в этой наполовину гробнице, наполовину утробе, Иммаколата создала Доходягу. Здесь жажда разрушения Уриэля будет удовлетворена. По крайней мере, на эту ночь.

— У нас дело в этой церкви, — обратился он к вместилищу Уриэля. — У Бича там дело.

Но Хобарт все равно отказывался переступать порог.

— Мы не можем уничтожить церковь, — настаивал он, — Божий дом.

Какая убийственная ирония: он, католик Шедуэлл, и Небесный Огонь Уриэль готовы сровнять с землей этот жалкий храм, а вот Хобарт, чьей единственной религией был закон, отказывается. И это человек, хранивший у сердца не Библию, а книгу со сказками. Почему он вдруг засомневался? Или он чувствует, что смерть приближается и пора замаливать грехи? Даже если так, Шедуэлл был непоколебим.

— Ты же дракон, Хобарт, — сказал он. — Ты можешь делать все, что тебе

заблагорассудится.

Полицейский опять покачал головой, и от этого отказа свет у него в горле разгорелся ярче.

— Ты же хотел огонь, и ты его получил, — продолжал Шедуэлл.

— Я не хочу его, — произнес Хобарт придушенным голосом. — Забери… его… назад…

Последнее слово он выдавил сквозь сжатые зубы. Потом прямо у него из живота повалил дым. А после этого раздался голос Уриэля.

— Хватит спорить, — приказал ангел.

Он снова взялся за поводья Хобартова тела, хотя тот все еще боролся, пытаясь сохранить власть над собой. В результате противостояния тело инспектора сотрясла дикая дрожь, и это представление могло привлечь к ним ненужное внимание, если они как можно скорее не уйдут с крыльца храма.

— Там внутри ясновидцы, — сказал он. — Твои враги.

Его увещеваний не услышали ни Хобарт, ни Уриэль. Ангел ли постепенно терял власть над своим вместилищем, или Хобарт отыскал в себе новые силы для сопротивления, но Уриэлю пришлось по-настоящему сражаться, чтобы восстановить порядок. Кто-то из них принялся молотить кулаками по стене, возможно, чтобы отвлечь внимание противника. Плоть, которую делили человек и ангел, получала синяки и кровоточила.

Шедуэлл старался вывернуться, чтобы его не забрызгало кровью, однако хватка инспектора становилась сильнее. Истерзанное лицо обратилось к Шедуэллу. Из дымящейся каверны горла раздался едва слышный голос Хобарта.

— Забери… его… от меня, — умолял он.

— Я ничего не могу сделать, — сказал Шедуэлл, стирая свободной рукой кровь над верхней губой. — Слишком поздно.

— Он знает, — последовал ответ. На этот раз звучал голос Уриэля, а не Хобарта. — Он останется драконом навсегда.

Хобарт зарыдал, но его слезы испарялись, достигая пышущего жаром, как топка, рта.

— Не бойся, — произнес Уриэль, пародируя манеру Шедуэлла. — Ты меня слышишь, Хобарт?

Голова бессильно повисла, как будто подрезали жилы на шее.

— Так что, зайдем внутрь? — предложил Шедуэлл.

И снова безвольный кивок. Тело больше не дергалось, лицо ничего не выражало. Доказывая окончательное торжество ангела над Хобартом, инспектор выпустил руку Шедуэлла, затем развернулся и вошел в церковь перед Коммивояжером.

В церкви было пусто, свечи не горели, в воздухе веял запах ладана.

— Здесь есть магия, — произнес Уриэль.

— Конечно есть, — подтвердил Шедуэлл, шагая вслед за чудовищем по проходу.

Он ожидал, что распятие над алтарем вызовет у Уриэля какую-то реакцию, но ангел прошел мимо, не взглянув на алтарь, и сразу двинулся к двери баптистерия. Коснулся сломанной Хобартовой рукой двери. Доски задымились, дверь распахнулась. То же самое произошло со второй дверью. Они спустились в крипту. Впереди шагал Уриэль-в-Хобарте.

Они были здесь не одни. В дальнем конце того коридора, из которого выходила навстречу Шедуэллу Иммаколата, горел свет: должно быть, из усыпальницы. Не тратя лишних слов, Уриэль пошел по коридору. Лучи его спрятанной сущности вырывались из груди Хобарта и гладили гробы, сложенные вдоль стен, наслаждаясь их неподвижностью, их молчанием. Они прошли уже половину при до усыпальницы, когда навстречу им из смежного коридора вышел священник и преградил дорогу. Лицо его было бледным, словно покрытое слоем пудры, а в центре лба красовался мазок синей глины — какой-то ритуальный знак.

— Кто вы такие? — спросил он.

— Отойди, — велел Шедуэлл.

— Вы вторглись сюда незаконно, — возмутился священник, — убирайтесь!

Уриэль стоял в паре ярдов от святого отца. Он вдруг протянул руку, вырвал доску из одного гроба, а второй рукой взял себя за волосы и притянул лицо к стене, словно собирался разбить об нее голову инспектора. Однако это сделал не ангел, догадался Шедуэлл, а сам Хобарт. Воспользовавшись тем, что появившийся священник отвлек на себя внимание, он снова попытался вернуть власть над собственной плотью. Тело, бывшее предметом раздоров, тут же забилось в эпилептическом припадке, из горла вырвался сиплый крик — должно быть, предостережение священнику. Но священник его не понял. Он оставался на прежнем месте, пока Уриэль снова разворачивал к нему голову Хобарта — хрящи и кости громко скрежетали в процессе. Момент был упущен, ангел и священник уже смотрели друг другу в лицо. А потом пламя Уриэля вырвалось изо рта Хобарта.

Эффект, учитывая ограниченное пространство коридора, был куда более ошеломляющий, чем на Рю-стрит. От ударной волны Шедуэлл отлетел назад. Но он слишком сильно хотел увидеть все своими глазами, поэтому быстро поднялся, чтобы посмотреть, как Уриэль доказывает жертве свою способность нести смерть. Тело священника взлетело под потолок и зависло там, пока пламя не пожрало его.

Все это заняло несколько секунд. Шедуэлл вгляделся сквозь дым и увидел, что Уриэль идет к усыпальнице, а Хобарт рыдает и подвывает от ужаса, только что сотворенного им. Шедуэлл побежал следом, отмахиваясь от оседавших хлопьев пепла. Огонь уничтожил не только священника: он оплавил кирпичи в коридоре, заполз в ниши и в гробы. Расплавленный свинец внутренних гробов каплями сочился сквозь доски, выставляя напоказ тела и окутывая выбеленные кости пылающими саванами.

Шедуэлл замедлил шаг, приближаясь к усыпальнице. Начинались владения Иммаколаты. Здесь она была полновластной хозяйкой, здесь ей поклонялись лишившие себя признаков пола мужчины, чье служение Христу и его Матери было издевкой — они сделали своей богиней Иммаколату. Сам Коммивояжер никогда не верил в ее божественность. Но отчего же его вдруг пробрал страх? Это ужас осквернителя святыни?

Шедуэлл вступил в усыпальницу и там получил ответ на свой вопрос. Пока он шел вдоль убранных костями стен, он почувствовал — как чувствует любовник — присутствие существа, которого он вожделел и в итоге предал. Смерть не имела над ней власти. Иммаколата жила в этих стенах или в этом воздухе, где-то рядом.

— Богиня… — услышал он собственный голос.

Он не успел предупредить Уриэля. Второй священник, моложе своего погибшего собрата, выдвинулся из тени и кинулся на ангела с ножом в руке. Рыдания Хобарта оборвались. Он попытался предотвратить второе убийство, поднеся искалеченные руки к лицу, чтобы сдержать рвущийся наружу огонь. У нападавшего появилось время нанести удар, и нож вошел в бок Хобарта. Но когда священник выдернул его, собираясь ударить второй раз, благословение Уриэля потекло между пальцами Хобарта и слетело с них, прихватив с собой кожу и кости. Пламя охватило голову священника и швырнуло его через всю усыпальницу. Он метался между костей, пытаясь сбить огонь, пока не сгорел дотла, как и первый.

Он успел нанести Хобарту серьезную рану, но Уриэль остановил кровь одним взглядом, на что ушло меньше времени, чем на удар ножом. Покончив с этим, он посмотрел на Шедуэлла. На какой-то жуткий миг Коммивояжеру показалось, что ангел сейчас спалит и его. Но нет.

— Не бойся, — сказал Уриэль.

Точно так же несколько минут назад он успокаивал Хобарта. Тогда его утешение казалось лживым, а теперь тем более, учитывая то, как он изуродовал вместилище своего духа. Руки Хобарта, и без того опаленные праведным огнем, превратились в обгорелые обрубки, едва он попытался помешать пламени сделать свое дело. Хобарт — или же это сделал ангел? — вытянул перед собой культи, чтобы рассмотреть раны, и снова разразился рыданиями. Неужели Уриэль не защищает его от боли? Или он рыдает оттого, что его тело обратилось в столь чудовищный инструмент?

Руки полицейского опустились, и Уриэль сосредоточился на стенах.

— Мне нравятся эти кости, — сказал он и подошел к самому изысканному узору.

Тонкие, как мулине, горящие ярким светом отростки вырвались из присвоенного торса и лица и проползли по черепам и ребрам.

Это был момент передышки. Огонь ревел в нишах за стенами усыпальницы, пепел второго сгоревшего священника по-прежнему летал в воздухе. И в этот миг Шедуэлл услышал голос Иммаколаты. Это был задушевный шепот — шепот любовницы.

— Что же ты натворил? — спросила она.

Коммивояжер кинул быстрый взгляд на Уриэля, все еще завороженного симметричным орнаментом смерти. Он не подал виду, что услышал инкантатрикс. И она повторила:

— Что же ты наделал? Он не знает жалости.

Шедуэллу не было нужды озвучивать свой ответ, она ловила мысли.

— А ты знала? — ответил он вопросом на вопрос.

— Я не знала себя, — сказала ему Иммаколата. — Думаю, Бич тоже не знает.

— Его зовут Уриэль, — напомнил ей Шедуэлл. — И он ангел.

— Кем бы он ни был, у тебя нет власти над ним.

— Я его освободил, — возразил Шедуэлл. — Он повинуется мне.

— К чему лгать? — спросила Иммаколата. — Я же вижу, когда ты боишься.

Грохот разрушения прервал их диалог. Шедуэлл отвлекся от своих мыслей и посмотрел на Уриэля: огненные отростки, исследовавшие стену, смели со своих мест все кости, словно посуду с захламленного стола. Они упали, как пыльный мусор, — останки полусотни людей.

Уриэль засмеялся; еще один прием, которому он научился от Шедуэлла. Звук получался особенно жуткий от своей неестественности. Кажется, он нашел игру себе по нраву. Он двинулся к следующей стене и так же варварски разрушил ее, а затем и третью.

— Останови его… — прошептал призрак Иммаколаты, когда большие и мелкие кости свалились в одну общую кучу. — Если ты не боишься его, прикажи ему прекратить.

Но Шедуэлл только смотрел, как ангел одним ударом очищает четвертую стену, а затем переходит к потолку.

— Ты будешь следующим, — пообещала Иммаколата.

Шедуэлл привалился к стене, оголившейся после того, как останки упали на пол.

— Нет, — пробормотал он.

Все кости осыпались со стен и потолка. Прах стал медленно оседать. Уриэль повернулся к Шедуэллу.

— Что ты шепчешь за моей спиной? — спросил он беззаботно.

Шедуэлл покосился на дверь. Далеко ли он уйдет, если сейчас сбежит? На ярд-другой, не дальше. Бежать невозможно. Он знает, он слышал.

— Где она? — спросил Уриэль. Разгромленная комната притихла от стены до стены. — Пусть покажется.

— Она использовала меня, — начал Шедуэлл. — Она будет лгать тебе. Скажет, что мне нравилось волшебство. Но мне не нравилось. Ты должен верить мне. Мне не нравилось!

Бесчисленные глаза ангела впились в него, и от этого взгляда он умолк.

— Ты ничего не скроешь от меня, — произнес Уриэль. — Я знаю все твои желания, всю их банальность. Тебе нечего меня бояться.

— Правда?

— Правда. Меня забавляет твоя тленность, Шедуэлл. Забавляет твое тщеславие, твои презренные желания. Но эту женщину, чью магию я чую здесь, — ее я хочу убить. Вели ей показаться, и покончим с этим делом.

— Она уже мертва.

— Тогда почему она прячется?

— Я не прячусь, — прозвучал голос Иммаколаты.

Кости с пола поднялись приливной волной, когда над ними восстал призрак. И не просто над ними, но и из них. Посрамляя Уриэля, она своей волей создала себе новое

обличье из обломков. Появились не только ее очертания: она была, как видел Шедуэлл, не одна, здесь присутствовали все три сестры, точнее, проекция их общего духа.

— С чего бы мне прятаться от тебя? — спросило изваяние. Костяные крошки пребывали в постоянном вращении, пока Иммаколата говорила. — Ну что, теперь ты доволен?

— Что значит «доволен»? — хотел знать Уриэль.

— Не трудись избавляться от собственного невежества, — сказал фантом. — Ты сам знаешь, что ты чужой в этом мире.

— Я уже приходил сюда раньше.

— И ушел. Уйди еще раз.

— Когда покончу с делом, — ответил Уриэль. — Когда все творцы чар будут истреблены. Это мой долг.

— Долг? — повторила Иммаколата, и все ее кости засмеялись.

— Чем это я тебя развеселил? — спросил Уриэль.

— Ты сам себя обманываешь. Думаешь, будто ты сам по себе…

— Я и есть сам по себе.

— Нет. Ты просто забыл себя и то, что о тебе забыли.

— Я Уриэль. Я страж ворот.

— Ты не один такой. Никто и ничто не может быть само по себе. Ты часть чего-то большего.

— Я Уриэль. Я страж ворот.

— Там уже нечего сторожить, — сказала Иммаколата. — Кроме твоего долга.

— Я Уриэль. Я…

— Посмотри на себя. Если посмеешь. Выброси шкуру этого человечка, которую ты на себя напялил, и посмотри на себя.

Уриэль не сказал, а выкрикнул свой ответ:

— НИ ЗА ЧТО!

И с этими словами он выплеснул всю свою ярость на костяное тело. Статуя распалась, когда пламя коснулось ее, горящие осколки разлетелись в стороны. Шедуэлл закрыл лицо, а пламя Уриэля металось по всей комнате, уничтожая последние следы пребывания инкантатрикс. Он долго еще не мог успокоиться, проверяя каждый угол усыпальницы, пока последний оскорбивший его обломок не был испепелен.

И только тогда пришло внезапное умиротворение, о котором так мечтал Шедуэлл. Ангел усадил искореженное тело Хобарта на кучу костей и его почерневшими руками поднял череп.

— А разве мир не станет лучше, — произнес ангел, взвешивая каждое слово, — если очистить его от всех живых существ?

Предложение было высказано так осторожно, а тон настолько хорошо копировал интонации Шедуэлла, когда тот изображал рассудительного человека, что до Коммивояжера не сразу дошел смысл слов Уриэля.

— А? — спросил ангел. — Разве я не прав?

И посмотрел на Шедуэлла. Хотя черты его лица по-прежнему принадлежали Хобарту, в них не осталось ничего человеческого. Сияние Уриэля вырывалось из каждой поры.

— Я задал вопрос, — настаивал он. — Разве это не будет прекрасно?

Шедуэлл пробормотал, что будет.

— Значит, нам надо разжечь огонь, — продолжал ангел, поднимаясь с костяной кучи.

Он подошел к двери и выглянул в коридор, где все еще горели гробы.

— О, — произнес он с восторгом, — какой огонь!

И, не желая откладывать осуществление мечты ни на минуту, пошел по коридору обратно в спящее Королевство.

III

Остров тайн

1

Поезд пришел в Бирмингем с опозданием на час. Когда он наконец прибыл, по-прежнему валил снег и поймать такси не было ни малейшей возможности. Кэл спросил, как добраться до Харборна, а затем полчаса мерз в очереди, чтобы сесть в автобус, который еле-еле тащился от остановки до остановки, подбирая озябших пассажиров, пока не был забит битком. Ехали медленно. Центр города был запружен машинами, двигавшимися с черепашьей скоростью. По выезде из центра прибавлять скорость было опасно — мгла и снег сводили видимость почти к нулю, — и водитель так и не отважился ехать быстрее десяти миль в час. Все сидели, внешне бодрые, избегая смотреть соседям в глаза из страха, что кто-нибудь заведет разговор. У женщины рядом с Кэлом был на руках маленький терьер в попонке из шотландской ткани, выглядевший как воплощенное страдание. Кэл несколько раз ловил на себе его тоскливый взгляд и каждый раз отвечал утешительной улыбкой.

Он поел в поезде, но головокружение не проходило, а только усиливалось из-за мрачных видов, мелькавших за окном. Однако ветер привел его в чувство, когда он выгрузился из автобуса на Харборн-хилл. Женщина с терьером в шотландке рассказала ему, как добраться до Ватерлоо-роуд, и заверила, что это в трех минутах ходьбы. На самом деле Кэл искал нужное место почти полчаса, и за это время холод успел заползти под одежду и пробрать до костей.

У Глюка оказался большой дом с двойным фронтоном, перед которым росла большая араукария, поднимавшаяся до самой крыши. Приплясывая от холода, Кэл позвонил в дверь. Из дома не доносилось ни звука, поэтому он громко постучал, потом еще громче. В прихожей загорелся свет, и спустя целую вечность дверь открылась. За ней стоял Глюк с остатками изжеванной сигары в руке. Он улыбался и приглашал гостя скорее заходить в дом, пока он не отморозил себе все на свете. Того не нужно было упрашивать. Глюк закрыл за ним дверь, набросил на нее снизу кусок ковра, чтобы защититься от сквозняка, и повел Кэла через прихожую. Там было тесно: проход загораживали картонные коробки, громоздившиеся башнями в человеческий рост.

— Вы переезжаете? — спросил Кэл, когда Глюк пригласил его в благословенно теплую кухню, тоже заставленную коробками, сумками и кипами бумаг.

— Да упаси господь! — ответил Глюк. — Снимайте все мокрое. Я принесу вам полотенце.

Кэл сбросил насквозь промокшую куртку и мокрую рубаху и как раз стягивал влажные, как губка, ботинки, когда Глюк вернулся не только с полотенцем, но и со свитером и парой вытертых вельветовых штанов.

— Примерьте, — велел он, отдавая Кэлу одежду. — Я заварю чай. Вы любите чай? — Он не стал дожидаться ответа. — Я прямо-таки живу на чае. На сладком чае и сигарах.

Он наполнил водой чайник и поставил на древнюю газовую плиту. Потом снял с батареи пару спортивных носков и отдал их Кэлу.

— Ну как, стало теплее? — спросил он.

— Значительно.

— Я бы предложил вам что-нибудь покрепче, — сказал Глюк, доставая из буфета заварочный чайник, сахарницу и щербатую кружку. — Но сам я не прикасаюсь к алкоголю. Мой отец умер от пьянства. — Он положил в чайник несколько полновесных ложек заварки. — Должен признаться, — произнес он из клубов пара, — я и не надеялся снова увидеть вас. Сахар?

— Да, спасибо.

— Захватите молоко, ладно? Мы пойдем в кабинет.

Взяв с собой заварочный чайник, сахар и кружку, он повел Кэла из кухни вверх по

лестнице на второй этаж. Там все было точно так же, как и на первом: обои ободраны, лампочки без абажуров, и те же чудовищные кипы бумаг, словно какой-то обезумевший бюрократ завещал Глюку труды всей своей жизни.

Он широко распахнул одну из дверей, и Кэл вошел вслед за ним в большую неприбранную комнату — снова коробки и кипы макулатуры, — где все пропахло сигарным дымом и было так жарко, что можно выращивать орхидеи. Глюк поставил чай на один из полудюжины столиков, нашел свою кружку, стоявшую рядом с кипой бумаг, затем подвинул два кресла к электрическому камину.

— Садитесь. Садитесь, — позвал он Кэла, чье внимание привлекло содержимое двух коробок: они были до краев заполнены сушеными лягушками.

— А, — протянул Глюк. — Очевидно, вам интересно…

— Да, — признался Кэл. — Мне интересно. Зачем лягушки?

— Действительно, зачем? — воскликнул Глюк. — Это один из бесчисленных вопросов, на которые мы пытаемся найти ответ. Но конечно, не только лягушки. У нас есть и кошки, и собаки, много рыбы. У нас есть черепахи. Эсхил был убит черепахой. Это одно из первых падений, зафиксированных в летописях.

— Падений?

— С неба, — пояснил Глюк. — Сколько сахара?

— Лягушки? С неба?

— Самое обычное дело. Сахару?

— Два кусочка.

Кэл снова заглянул в коробку и вынул оттуда лягушачье трио. На каждой лягушке висела бирка с указанием места и даты падения. Одна лягушка была из Юты, вторая — из Дрездена, третья — из графства Корк.

— Они погибают при падении? — спросил Кэл.

— Не всегда, — ответил Глюк, передавая ему чай. — Иногда приземляются вполне благополучно. Иногда оказываются разорванными на куски. Здесь нет никакой закономерности. Точнее, она есть, но мы пока не можем ее понять. — Он шумно отхлебнул из кружки. — Но вы ведь, — сказал он, — приехали не для того, чтобы говорить о лягушках.

— Нет, не о них.

— Тогда о чем же вы хотите говорить?

— Я не знаю, с чего начать.

— Так начинаются самые стоящие истории, — заявил Глюк с довольным лицом. — Начните с наиболее неправдоподобного.

Кэл улыбнулся: перед ним сидел человек, готовый слушать.

— Что ж… — Он глубоко вздохнул.

И заговорил.

Он собирался вкратце изложить события, но уже минут через десять Глюк начал перебивать его взволнованными вопросами. В итоге на пересказ ушло несколько часов, и Глюк все время дымил чудовищно огромной сигарой. Наконец повествование добралось до порога его дома и превратилось в общие воспоминания. Минуты две-три Глюк молчал. Он даже не глядел на собеседника, а изучал окурки и обгорелые спички в пепельнице. Первым нарушил молчание Кэл.

— Вы верите мне? — спросил он.

Глюк заморгал, нахмурился, как будто его отвлекли от размышлений о чем-то очень сложном.

— Может быть, нам заварить еще чаю? — предложил он и попытался встать, но Кэл крепко схватил его за руку.

— Вы верите мне? — настойчиво повторил он.

— Конечно, — сказал Глюк с грустью в голосе, — думаю, у меня нет иного выбора. Вы в своем уме. Вы в состоянии изложить все словами. Вы чертовски внимательны к подробностям. Да, я вам верю. Но вы должны сознавать, Кэл, что это наносит смертельный

удар по нескольким моим глубочайшим убеждениям. Вы видите перед собой человека, оплакивающего собственные теории. — Глюк поднялся. — Что ж… — Он взял со стола чайник, потом поставил его обратно. — Пойдемте в соседнюю комнату.

На окне соседней комнаты не было занавесок. Кэл увидел, что за время их разговора снегопад за окном превратился в настоящий буран. Сад за домом и здания на другой стороне улицы канули в белую пустоту.

Но Глюк привел его сюда не для того, чтобы рассматривать виды. Он указал Кэлу на стены, сплошь завешанные картами. Большинство карт выглядели так, будто они висят здесь с начала времен. Их покрывали закопченные пятна сигарного дыма и бесчисленные цветные булавки, каждая из которых обозначала место, где произошло аномальное явление. А по краям карт были приколоты фотографии с мест — огромное количество: крошечные картинки с ноготок, увеличенные крупные планы, целые серии кадров из домашнего видео. Во множестве из них Кэл не мог уловить никакого смысла, а другие казались откровенной подделкой. Но на каждую смазанную или поддельную карточку приходилось по паре по-настоящему поразительных изображений. Вот возмущенная женщина стоит посреди своего садика по щиколотку в глубоководной морской рыбе; вот полицейский охраняет место падения трехэтажного дома, завалившегося на собственный фасад, хотя все до единого кирпичи остались на местах; вот капот автомобиля с проступившими на нем отпечатками двух человеческих лиц. Некоторые изображения своей нелепостью вызывали смех, от других же веяло таким мрачным правдоподобием — запечатленные на них люди либо казались совершенно растерянными, либо закрывали лица руками, — что любое веселье исчезало. Но все они, и забавные и тревожные, служили подтверждением одного-единственного тезиса: мир более странное место, чем считает большинство людей.

— Это лишь вершина айсберга, — сказал Глюк. — У меня тысячи таких фотографий. Десятки тысяч свидетельств.

Некоторые фотографии, заметил Кэл, были привязаны нитями разных цветов к булавкам на карте.

— Вам кажется, здесь есть какая-то закономерность? — просил Кэл.

— Я в этом уверен. Но теперь, после вашей истории, я начинаю думать, что смотрел не в ту сторону. Дело в том, что многие из моих свидетельств пересекаются с тем, о чем вы рассказали. Последние три недели, когда вы пытались до меня дозвониться, мы с Максом были в Шотландии. Ездили посмотреть на одно место, только что обнаруженное в Хайлэнде. И нашли там очень странные предметы. Я предположил, что это посадочная площадка пришельцев. Теперь я понимаю, что ошибся. Должно быть, это та самая долина, где распускался ваш ковер.

— И что же вы нашли?

— Обычный мусор. Монеты, одежду, какие-то странные мелочи. Мы собрали все в коробки и привезли в город, чтобы изучить в спокойной обстановке. Можно было бы запросто привязать это к нашей излюбленной теории, как вы понимаете… но теперь, я полагаю, она полностью опровергнута.

— Мне бы хотелось взглянуть на ваши находки, — сказал Кэл.

— Я распакую коробки специально для вас, — ответил Глюк.

С тех пор как Кэл поведал ему свою историю, у него на лице застыло выражение глубочайшего недоумения. Вот и теперь он смотрел на карты с каким-то отчаянием. В последние часы его представления о мире рушились, обращаясь в прах.

— Простите меня, — произнес Кэл.

— За что? — воскликнул Глюк. — За рассказ о чудесах? Прошу вас, не говорите так. Я буду счастлив верить в вашу загадку, как верил в свою. Мне просто необходимо время, чтобы привыкнуть. Я хочу одного: чтобы тайны были рядом с нами.

— Так и есть, — заверил Кэл. — Поверьте мне, они рядом. Только я не знаю где.

Он перевел взгляд с лица Глюка на окно и белую стену за ним. Он все больше и больше беспокоился о своих любимых изгнанниках. Ночная тьма, Бич и снег как будто сговорились

стереть их с лица земли.

Кэл прошел через комнату к окну и еще больше помрачнел, приблизившись к морозному стеклу.

— Я должен разыскать их, — сказал он. — Я должен быть с ними.

До сего момента ему успешно удавалось сдерживать чувства, но тут к его глазам вдруг подступили слезы. Он слышал, как к нему подходит Глюк, но все-таки не сумел совладать с собой и сдержать слезы. Глюк успокаивающе сжал его плечо.

— Приятно видеть человека, так жаждущего чуда, — проговорил он. — Мы отыщем ваших ясновидцев, Муни. Поверьте мне. Если есть хоть какая-то зацепка, мы найдем, где они скрываются.

— Нам надо торопиться, — тихо произнес Кэл.

— Знаю. Но мы непременно найдем их. Не только ради вас, но и ради меня. Я хочу взглянуть на ваш потерянный народ.

— Он не мой.

— В какой-то степени он ваш. А вы — их. Я вижу это по вашему лицу. Поэтому и поверил вам.

2

— С чего же начать? — первым делом спросил Кэл.

Дом был набит информацией от подвала до чердака.

Может быть, среди этих бумаг, как сказал Глюк, найдется какая-нибудь зацепка — строчка в отчете, фотография, — указывающая на место, где скрылись ясновидцы. Но как ее найти? Сколько бумажных кип придется перерыть, прежде чем они отыщут указание? Само собой подразумевалось, что в эти опасные времена народ Фуги держится вместе. А если нет, если ясновидцы рассеялись по всему острову, то дело можно считать заранее проигранным.

Кэл выругал себя за подобную мысль. Нельзя предаваться отчаянию. Он должен верить, что шанс на успех еще есть, должен убедить себя, что они работают, а не отгораживаются деятельностью от грядущей катастрофы. Он должен брать пример с Глюка. Глюк всю жизнь преследовал то, чего никогда не видел, и ни на миг не усомнился в осмысленности преследования. Он даже теперь заваривал чай и копался в папках с таким видом, будто твердо верил, что решение проблемы лежит на поверхности.

Они обосновались в кабинете. Глюк расчистил самый большой стол и разложил на нем карту Британии, такую огромную, что она свисала по краям, словно скатерть.

— Вот вам Зачарованный остров, — сказал он Кэлу. — Смотрите пока. Если увидите что-нибудь в тех местах, что мы столько лет изучали, звоните в колокольчик.

— Ладно.

— Я пойду просмотрю отчеты и открою коробки, которые мы привезли из Шотландии.

Он ушел, а Кэл принялся изучать карту, испещренную заметками еще гуще, чем карты в соседней комнате. Многие значки, крестики и многочисленные точки сопровождались загадочными аббревиатурами. Что такое НЛО, объяснять не требовалось, но что значит «подозревается ТМД»? Или «облако ВС»? Кэл решил не обращать на это внимания, чтобы не отвлекаться, и систематически, дюйм за дюймом, рассмотреть всю карту от Лэндс-Энда и через всю страну. Слава богу, что его интересовала только суша, поскольку в морях вокруг Британии (названия этих мест всегда зачаровывали его в прогнозах погоды: Фастнет, Вайкинг, Тайри, Сороковые) тоже происходили разные чудеса Оно и понятно. Если на жителей городов вываливалось содержимое морской утробы, то в Северном море, возможно, шли дожди из покрышек и печных труб. Он успел с полдюжины раз проехаться вправо-влево по карте, когда снова появился Глюк.

— Есть успехи? — спросил он.

— Пока нет, — ответил Кэл.

Глюк положил на стул стопку отчетов высотой в фут.

— Может быть, удастся что-нибудь отыскать здесь, — сказал он. — Я начал с событий в окрестностях города призраков. Оттуда двинемся в стороны.

— Звучит логично.

— Вы смотрите. Все, что покажется хотя бы отдаленно знакомым, откладывайте в сторону. Пока вы читаете, я поищу что-нибудь еще.

Глюк приколол карту к стене над столом и оставил своего гостя в одиночестве просматривать первую подборку отчетов.

Эта работа требовала внимания, а Кэлу было сложно сосредоточиться. Было уже пол-одиннадцатого, его клонило в сон. Но едва он начал листать этот каталог незамеченных чудес, как позабыл о слипающихся глазах и усталом мозге, вдохновленный лежащим перед ним списком поразительных событий.

Многие описания были вариациями на уже знакомые темы: события, нарушающие законы географии, хронологии и метрологии. Перемещение предметов; делегации с далеких звезд; дома, чьи внутренние размеры оказываются гораздо больше, чем выглядят снаружи; приемники, улавливающие голоса мертвецов; изморось на деревьях в разгар лета; ульи, жужжащие молитвы к Господу. И все это происходило не где-нибудь, а в Престоне или Хили-Бридже, Скантorпе или Уиндермире — в приличных местах, населенных практическими людьми, не склонными к истерии. Эта страна, которую Глюк назвал Зачарованным островом, была от края и до края пронизана жизнью, полна чарующими видениями. Она тоже оказалась Страной чудес.

Глюк приходил и уходил, приносил новые стопки бумаг и свежий чай, но в остальном старался как можно меньше отвлекать Кэла. Сложно было не отвлекаться на бесчисленные занятные отчеты, однако Кэл держал себя в ежовых рукавицах и тщательно выбирал один из доброй сотни листков, где содержались какие-либо подробности, предположительно связанные с событиями в Фуге и судьбой ее обитателей. Кое-что он знал и сам о разрушении дома Шермана, например. Другие явления — слова, написанные в воздухе, или человек с ручной обезьянкой, читавшей псалмы, — происходили в совершенно неизвестных ему местах. Может быть, ясновидцы сейчас там.

Только когда Кэл решил сделать небольшой перерыв и передохнуть от трудов, Глюк сообщил, что распаковал коробки из Шотландии. Он спросил, не хочет ли Кэл взглянуть на их содержимое. Тот снова пошел за хозяином в комнату с картами и увидел то, что осталось в долине после гибели Фуги. Каждая вещь была методично описана и промаркирована. Их было немного: то ли выжившие заметали следы, то ли все погибло. Однако жалкие свидетели катастрофы сохранились — личные вещи, не представлявшие особого интереса, и кое-какое оружие. И вот среди этих личных вещей и оружия обнаружилось то, при виде чего по коже Кэла побежали мурашки. Поверх коробки лежал пиджак Шедуэлла. Кэл со страхом поглядел на него.

— Вы что-то узнали? — спросил Глюк.

Кэл объяснил ему, что это и откуда.

— Господи! — воскликнул Глюк. — Тот самый пиджак?

Его недоверие было понятно: в этой одежде, освещенной голой лампочкой, не было ничего примечательного. Тем не менее Кэлу потребовалась целая минута, чтобы набраться храбрости и поднять пиджак. Подкладка, соблазнившая за свою жизнь сотни людей, казалась самой обыкновенной. Ткань еще сохраняла еле заметный блеск, не исчезнувший до конца, но больше не было ни малейших признаков былой силы. Возможно, сила ушла из пиджака, когда владелец отказался от него, но Кэл не хотел испытывать судьбу. Он положил пиджак обратно, свернув подкладкой внутрь.

— Надо будет взять его с собой, — заметил Глюк. — Когда поедем.

— Куда поедем?

— На встречу с ясновидцами.

— Нет. Пожалуй, не стоит.

— Но это же их вещь, — сказал Глюк.

— Ну ладно, — ответил Кэл без всякой убежденности. — Только для начала надо их разыскать.

— Тогда вернемся к работе.

И Кэл снова засел за отчеты. Устроенная передышка не пошла на пользу — теперь было сложнее вернуться к рабочему ритму. Но он погонял себя, как хлыстом, мыслями о печальных останках Фуги, лежавших в соседней комнате. Он говорил себе, что в скором времени они могут оказаться последними напоминаниями о ясновидцах.

Без четверти четыре утра Кэл закончил с отчетами. Глюк уже спал, устроившись в одном из кресел. Кэл растолкал его и выложил перед ним девять документов, отобранных в качестве зацепок.

— Это все? — уточнил Глюк.

— Есть и еще, но в тех я не настолько уверен. Боюсь, они могут направить нас по ложному следу.

— Тоже верно, — сказал Глюк.

Он подошел к карте и воткнул булавки в девять точек. Затем отступил назад и посмотрел, что получилось. Никакого осмысленного узора точки не образовывали, они были разбросаны по стране без всякой системы. Друг от друга их отделяло расстояние не меньшее, чем пятьдесят миль.

— Ничего, — произнес Кэл.

— Не делайте поспешных выводов, — подбодрил его Глюк. — Иногда требуется время, чтобы уловить связь.

— Но именно времени у нас нет, — устало напомнил Кэл.

Долгие часы без сна уже сказывались на нем. Плечо, куда Шедуэлл всадил пулю, разболелось, да и все тело тоже.

— Все бессмысленно, — заключил он.

— Дайте-ка я подумаю, — предложил Глюк. — Может быть, мне удастся проследить закономерность.

Кэл в отчаянии развел руками.

— Но здесь нет никакой системы, — сказал он. — Остается только объехать все эти места одно за другим…

(«В такую погоду? — услышал он свой внутренний голос. — Тебе повезет, если завтра утром ты найдешь силы открыть дверь дома».)

— Почему бы вам не поспать несколько часов? Я постелил вам в свободной комнате. Наверху, вторая дверь слева.

— Я чувствую себя таким бесполезным!

— Вы станете еще более бесполезны, если не отдохнете немного. Идите.

— Да, кажется, мне надо поспать. Это сейчас главное…

Кэл поднялся по лестнице. На площадке было холодно, вился пар от дыхания. Он не стал раздеваться, а просто лег и накрылся одеялом с головой.

На покрытом морозными узорами окне не было занавесок, и падающий снаружи снег заливал комнату голубоватым сиянием — таким ярким, что при нем можно было читать. Но даже такой свет не мог помешать, и через полминуты Кэл уже спал.

IV
Последняя надежда

1

Они явились на зов, все до единого; они приходили по одному и по двое, иногда семьями или компаниями друзей; они не взяли почти никаких пожитков (разве нажитое в Королевстве стоит того, чтобы обременять им себя?), кроме спасенных из Фуги вещей,

которые можно унести на себе. Сувениры на память о потерянном мире: камешки, семена, ключи от домов.

И конечно же, они взяли с собой чары. То, что от них осталось. Несли их в то место, о котором рассказывал Сюзанне Нимрод. Он забыл название того места, зато его вспомнила Апполин. Там они скрывались перед созданием Сотканного мира, и Бич не сумел отыскать их.

Место называлось Лучезарный холм.

* * *

Сюзанна боялась, что чокнутые сделали с ним что-то необратимое: распахали или сровняли с землей. Но нет. Холм стоял нетронутый, а рощица под ним, где семейства провели то далекое лето, разрослась и превратилась в настоящий лес.

Еще ее тревожило, разумно ли покидать дома в такую кошмарную погоду — ученые объявили эту зиму самой холодной за всю историю наблюдений, — но ее заверили, что и в нынешнем плачевном состоянии ясновидцы в силах справиться со столь незначительной проблемой.

Когда-то они укрылись на Лучезарном холме от опасности. Может быть, им удастся спастись и на этот раз.

Общая радость от воссоединения была почти осязаемой. Большинство уцелевших неплохо устроились в Королевстве, но им приходилось скрывать свою скорбь. Теперь, снова очутившись среди своих, они могли предаваться воспоминаниям о прежнем мире, что само по себе было утешительно. К тому же они были здесь не совсем беззащитны. Хотя их силы заметно уменьшились теперь, когда их больше не питала Фуга, они все-таки могли наложить парочку сбивающих с толку заклятий. Едва ли они смогут долго удерживать ту силу, что уничтожила Чериот-стрит, однако нищим выбирать не приходится.

И когда они наконец-то собрались в лесу между деревьями — от их присутствия кусты и деревья чуть-чуть изменились, — Сюзанна поняла, что это единственно верное решение. Если Бичу суждено их отыскать, они, по крайней мере, встретят смерть вместе.

Заметных «прогульщиков» было лишь двое. Первый, разумеется, Кэл. А второй — том сказок, который она оставила ему на хранение, книга с живыми страницами, где прятались отголоски этого зимнего леса. Сюзанна молилась, чтобы оба они были сейчас в безопасности, и книга, и ее хранитель. Чтобы они спали сейчас в безопасности.

2

Должно быть, Кэл обдумывал эту мысль (о том, что при ярком отсвете снега можно читать), когда его сморил сон, и именно поэтому ему приснилось то, что приснилось.

Ему приснилось, что он проснулся, протянул руку к карману куртки, оказавшемуся невероятно глубоким, и достал книгу, спасенную от гибели на Чериот-стрит. Он попытался раскрыть ее, но пальцы онемели и он никак не мог подцепить обложку. Когда наконец он справился с задачей, его ждало потрясение: страницы оказались пусты, все до единой. Белые, как мир за окном. Все сказки и иллюстрации исчезли.

А снег продолжал падать на море Викингов, и на Доггер-Бэнк, и на землю. Он падал на Хили-Бридж и на Блэкпул, на Бат и Девизес, засыпал дома и улицы, заводы и соборы, заметал долины, уравнивая их с холмами, укрывал реки, облеплял деревья, пока наконец весь Зачарованный остров не сделался белым, как страницы в книге Сюзанны.

И все это показалось очень осмысленным его спящему «я»: разве они не части одной и той же истории, книга и мир за окном? Основа и уток. Один неделимый мир.

Зрелище напугало его. Пустота была и внутри, и снаружи, и он не знал средства избавиться от нее.

— Сюзанна… — пробормотал он во сне, сгорая от желания обнять ее, крепко прижать к

груди.

Но ее не было. Даже во сне он не мог притвориться, будто она рядом, не мог заставить ее оказаться здесь. Он мог лишь надеяться, что она сейчас в безопасности и знает лучше его, как спастись от надвигающейся пустоты.

— Не помню, чтобы я чувствовала себя счастливой, — прошептал ему на ухо голос из прошлого.

Он не мог назвать имени говорившей, но знал, что ее давно нет среди живых. Он перемотал сон назад, чтобы узнать, кому принадлежит голос. Слова прозвучали снова, уже громче:

— Не помню, чтобы я чувствовала себя счастливой.

На этот раз память назвала ему имя и показала лицо.

Это Лилия Пеллиция стояла в ногах его кровати, только это была уже не та кровать, в которую он ложился, и комната другая.

Кэл огляделся. Он увидел и других людей, пришедших из прошлого. Фредди Каммелл рассматривал свое отражение в зеркале, Апполин восседала верхом на стуле, поднося ко рту бутылку. Рядом с ней остановился Джерико с золотоглазым младенцем на руках. Теперь Кэл понял, где он и когда. Это его комната на Чериот-стрит в ночь, когда обрывок ковра распустился.

Лилия заговорила снова, никем не понуждаемая. Она повторила ту фразу, которая привела сюда Кэла:

— Не помню, чтобы я чувствовала себя счастливой.

Почему же из всех невероятных зрелищ, какие он наблюдал, из всех необычных разговоров, какие слышал с той ночи, память решила показать ему именно этот отрывок?

Лилия посмотрела на него. Она была заметно опечалена, как будто мысленным взором уже видела ту снежную ночь, когда Кэлу снился этот сон; знала уже тогда, что все погибнет. Он захотел утешить ее, захотел сказать, что счастье еще возможно, но ему не хватило ни убежденности, ни силы воли, чтобы отрицать очевидное.

Теперь заговорила Апполин.

— А как же тот холм? — спросила она.

«Какой тот холм?» — подумал он. Если Кэл и знал когда-то, о чем она говорит, то успел позабыть.

— Как он назывался? — спросила она. — Холм, где мы провели…

Ее слова начали затихать.

«Продолжай!» — понукал ее Кэл Но тепло комнаты, которое он тоже вспомнил, угасало. Холод настоящего охватывал его, прогоняя августовскую ночь обратно в небытие. Он прислушивался, сердце колотилось все быстрее. Его разум припомнил именно этот разговор не случайно, он преследовал какую-то цель. Он узнает из этого разговора какую-то тайну, только если сумеет дослушать до конца.

— Как он назывался? — повторил хриплый голос Апполин. — Холм, где мы провели последнее лето? Я помню, словно это было вчера…

Она посмотрела на Лилию, ожидая ответа. Кэл тоже смотрел на нее.

«Ответь же», — мысленно просил он.

Но холод все усиливался, пытаясь вернуть его из прошлого в мрачное настоящее. Он отчаянно пытался захватить с собой ответ, который должны были произнести губы Лилии.

— Я помню его, — снова сказала Апполин, чей хриплый голос ослабевал с каждым последующим слогом, — как будто это было вчера.

Кэл внимательно смотрел на Лилию в ожидании ответа. Она уже сделалась прозрачной, словно сигаретный дым.

«Умоляю, ради бога, ответь!» — просил он.

И когда ее образ уже растворялся, она открыла рот, чтобы заговорить. На мгновение Кэлу показалось, что все потеряно, но ее ответ прозвучал так тихо, что пришлось до боли напрячь слух.

— Лучезарный холм… — сказала она.

А потом исчезла.

— Лучезарный холм!

Он проснулся, повторяя эти слова. Одеяло сползло с него во сне, и он так замерз, что едва шевелил пальцами. Но он побывал в прошлом. Именно в этом он и нуждался.

Кэл сел. В окно лился дневной свет. Снегопад продолжался.

— Глюк! — позвал он. — Где вы?

В спешке спихнув с лестницы коробку с бумагами, он помчался на поиски хозяина и обнаружил его дремлющим в том самом кресле, где накануне он выслушивал рассказ гостя.

Кэл потряс Глюка за руку, но тот ушел куда-то далеко в мир грез и выбрался обратно, только когда он произнес:

— Вергилий!

Тут глаза Глюка раскрылись, словно от пощечины.

— Что? — спросил он и посмотрел на Кэла. — О, так это вы. А мне показалось, я слышу… голос отца… — Глюк потер руками заспанное лицо. — Который теперь час?

— Не знаю. Вроде бы утро.

— Хотите чаю?

— Глюк, кажется, я знаю, где они.

От этих слов хозяин пробудился окончательно. Он поднялся с кресла:

— Муни! Неужели? Где же?

— Что вам известно о месте под названием Лучезарный холм?

— Никогда о таком не слышал.

— Все равно они находятся именно там!

Часть тринадцатая
Волшебная ночь

Лес чуден, темен и глубок.
Но должен я вернуться в срок.
И до ночлега путь далек.

Роберт Фрост. Остановившись на опушке в снежных сумерках[1]

I
Снежный буран

1

Мороз сковал стрелки часов Англии.

Хотя метеорологи больше чем за неделю предсказали наступление сибирской зимы, к внезапному похолоданию страна, как всегда, оказалась не готова. Поезда остановились; самолеты не могли взлететь. Были повреждены телефонные кабели и линии электропередач в Йоркшире и Линкольншире; снежные заносы отрезали от остального мира деревни и даже небольшие города южных графств. Средства массовой информации умоляли граждан сидеть дома, и этому совету следовали повсеместно; производство и торговля снизили обороты, а в некоторых районах совсем замерли. Никто никуда не двигался, и не без причины.

Большие отрезки автомагистралей были заблокированы либо снегом, либо застрявшими там машинами; главные магистрали страны превратились в сущий кошмар, дороги поменьше просто замело. Жизнь на Зачарованном острове замерла.

1 Перевод Г. Кружкова.

2

Кэл не сразу разыскал Лучезарный холм на карте из замечательной коллекции Глюка, но в итоге все-таки нашел: холм располагался в Сомерсете, к югу от Гластонбери. В обычных условиях туда можно было бы доехать по шоссе M5, наверное, за час. Однако в такой день, как сегодня, одному богу известно, сколько времени займет дорога.

Глюк, конечно, тоже хотел ехать, но Кэл рассудил, что если ясновидцы действительно скрываются на холме, они едва ли обрадуются чужаку в своем тайном убежище. Он как можно деликатнее изложил Глюку эти соображения. Глюк не мог скрыть разочарование, но ответил, что прекрасно понимает, какой это деликатный момент; что он всю жизнь готовился к подобной встрече; что он не будет настаивать. Разумеется, Кэл может взять любую из его машин, хотя ни на одну из них нельзя положиться.

Когда Кэл уже собирался отъезжать, собрав всю теплую одежду, какую они сумели найти, Глюк протянул ему сверток, наспех перетянутый бечевкой.

— Что это? — спросил он.

— Пиджак, — ответил Глюк. — И некоторые другие вещи, которые я подобрал.

— Я не хочу везти их с собой. Особенно пиджак.

— Но ведь это их магия, — возразил Глюк. — Берите же, черт возьми! Не делайте из меня вора.

— Подчиняюсь насилию.

— Я положил туда немного сигар. Небольшое подношение от друга. — Он улыбнулся. — Как я завидую вам, Кэл. Завидую каждой ледяной миле вашего пути.

* * *

По дороге Кэл успел засомневаться в своих действиях; успел назвать себя дураком за то, что снова надеялся и даже осмелился поверить, будто вынутое из глубин памяти воспоминание приведет его к изгнанникам. Однако его сон — или хотя бы часть сна — оказался совершенно в руку. Англия действительно превратилась в чистый лист, снег замел все. Где-то под снежным саваном жили люди, но признаков этой жизни было немного. Двери были заперты, занавески опущены, поскольку день превратился в ночь около полудня. Немногие храбрецы, отважившиеся выйти в буран, передвигались по улицам бегом, насколько позволял лед под ногами, и мечтали поскорее вернуться обратно к своим каминам и телевизорам, обещавшим сентиментальное Рождество с искусственным снегом.

Машин на шоссе почти не было, поэтому Кэл позволял себе нарушать правила: проезжал перекрестки на красный свет и плевал на одностороннее движение при выезде из города. Глюк помог ему спланировать маршрут, а в новостях по радио заблаговременно объявляли о заблокированных дорогах, так что сначала он ехал вперед довольно быстро по трассе M5 на юг от Бирмингема, выжимая стабильные сорок миль в час. Потом, севернее Уорчестерской развязки, радио сообщило, что из-за серьезной аварии участок между восьмой и девятой развязками закрыт. Ругаясь, он свернул на шоссе A38, идущее через Грейт-Малверн, Тьюксбери и Глочестер. Теперь пришлось сильно снизить скорость. Эту дорогу даже не пытались расчистить, и некоторые водители просто-напросто бросили здесь свои автомобили, рассудив, что пробиваться дальше — настоящее самоубийство.

На подъезде к Бристолю погода ухудшилась, и Кэл перешел на совсем черепашью скорость. Ослепленный снегопадом, он пропустил поворот на шоссе A37, и ему пришлось возвращаться обратно. Небо почернело, хотя по часам был самый разгар дня. За милю до Шэптон-Маллет он остановился заправиться и купить шоколадок, и хозяин заправки сказал ему, что большинство дорог к югу от города непроходимы. Кэл снова начал думать, что весь мир ополчился против него. Казалось, эта погода специально подстроена Бичом, который знает о приближении противника и ставит препоны на его пути, желая посмотреть, насколько

упорно тот стремится к месту последнего противостояния.

Но если все действительно так, значит, он на верном пути; где-то там, в буране, его ждут те, кого он любит.

3

Слова хозяина заправки подтвердились со всей очевидностью, когда Кэл повернул на шоссе Лидфорд-Фосс, а затем выехал на следующую дорогу, которая теоретически должна была привести его куда-то западнее Лучезарного холма. Он заранее знал, что здесь будет самая сложная часть пути, однако иного выбора не было. Ни одна главная магистраль не вела в нужном направлении, оставались только узкие проселочные колеи, погребенные под слоем снега.

Кэл проехал около двух миль по белой дороге, пока колеса не начали прокручиваться на льду, потеряв сцепление с асфальтом. Автомобиль остановился, колеса вращались вхолостую, выплевывая из-под колес комья снега. Кэл нажал на газ, попытался свернуть в сторону, однако машина не могла двигаться дальше без посторонней помощи. С большой неохотой он вышел и тут же по щиколотку утонул в сугробе. Глюк дал ему пару спортивных ботинок и толстые носки, но стужа мгновенно заползла под одежду. Кэл натянул капюшон анорака — тоже подарок Глюка — и обошел машину сзади. Поскольку лопаты не было, пришлось отгребать снег руками, но все старания не помогли. После двадцати минут трудов машина так и не сдвинулась ни назад ни вперед.

Он бросил копать, пока не отморозил пальцы, и забрался обратно в машину. Мотор работал вхолостую, чтобы не выключать обогреватель, а Кэл сидел и размышлял о доступных ему возможностях. Последние признаки человеческого жилья он видел в двух милях позади, у поворота на это шоссе. Значит, придется две мили брести туда под снегопадом в сумраке, который скоро сгустится до полной тьмы. Предположим, после этой прогулки он сумеет найти кого-то достаточно глупого или мягкосердечного, кто согласится ему помочь, но будут потеряны часы.

Было еще два варианта. Первый: остаться в машине и переждать ночь. Этот вариант он отверг не задумываясь. Второй: добраться до Лучезарного холма пешком. Судя по не слишком подробной карте, дорога впереди раздваивалась. Если повернуть налево, то она, в принципе, приведет его в окрестности холма. Однако придется идти, полагаясь исключительно на инстинкт, потому что абсолютно все отличительные признаки ландшафта: рвы, живые изгороди, сама дорога — исчезли под снегом. Но что еще остается? Лучше путешествовать вслепую, чем вообще никак.

Когда Кэл принял решение, настроение его улучшилось и он сосредоточился на проблеме защиты от непогоды. Сзади, между сиденьями, он обнаружил коробку с драгоценными документами Глюка. Понадеявшись, что ему простят подобное святотатство, он перелез назад и принялся подкладывать бумаги и фотографии под одежду, на голое тело, облепляя себя байками о падающих с неба лягушках и говорящих пчелах. Когда содержимое коробки иссякло, он разодрал саму коробку и проложил двумя слоями картона штаны, на которые придется основной удар стужи. Под конец он взял два куска замши, обнаруженные над задним сиденьем, обмотал ими голову и сверху надел капюшон, который постарался затянуть как можно плотнее. Еще одним слоем бумаги он утеплил перчатки и ощутил, что готов к испытаниям, как никогда прежде. Подхватив сверток, который дал ему Глюк, Кэл заглушил мотор и вышел навстречу урагану.

Это безумный поступок, подумал он, захлопнул дверцу и зашагал прочь от машины.

«Я, Безумный Муни, идущий навстречу смерти».

Снаружи оказалось не так темно, как он опасался. Пока он готовился к походу, буран немного утих. Кругом расстилалась яркая молочная белизна: снежное покрывало давало больше света, чем свинцовое небо над головой. В разрывах туч поблескивали звезды. Кэл начал склоняться к мысли, что у него все-таки есть шанс.

Первая четверть мили не уменьшила его оптимизм, однако в следующую четверть самодельные утеплители стали сдавать. Сырость постепенно пропитывала картон, засунутый под штаны, и от этого коченели ноги. Она пробиралась через бумажную подкладку в перчатки, замораживала до боли пальцы. Но хуже всего было то, что Кэл не видел никаких признаков развилки, указанной на дорожной карте, и с каждым новым шагом все более убеждался, что пропустил ее и теперь удаляется от холма, вместо того чтобы идти к нему.

Он решил рискнуть и срезать путь напрямик через поле. Слева наметился небольшой подъем. Может быть, сверху он лучше сумеет понять местность? Кэл обернулся назад на машину, но уже не увидел ее. Какая разница, он все равно уже вышел. Кэл двинулся к белому склону и начал карабкаться вверх.

Разрыв в тучах сделался шире, над ним протянулась полоса сверкающего неба, усеянного звездами. Кэл выучил названия самых крупных созвездий, когда купил телескоп, и легко узнавал их теперь, — он же обладал феноменальной памятью. Конечно, они ничего не значили, эти названия; просто ярлыки, придуманные каким-нибудь звездочетом, разглядевшим некий порядок в скоплениях огоньков над головой: лук и стрела, медведь, плуг. С точки зрения космоса они не имели смысла. Но в этом было утешение: видеть созвездия и называть их по именам, словно друзей. Если бы не эта милость, их вид мог бы разбить человеческое сердце.

Боль, начавшаяся в руках и ногах, оказалась заразительной. Вскоре она распространилась на плечи и торс, потом опустилась до живота и поднялась до ушей. Кажется, не осталось ни единого дюйма тела, не испытывавшего боль. Но пути назад не было. Еще тридцать ярдов, прикинул Кэл, и он окажется на вершине; он принялся отсчитывать ярды. На восемнадцатом пришлось остановиться, чтобы передохнуть перед оставшимися двенадцатью. Борьба с холодом и подъем отнимали все его силы. Пока он стоял, хватая ртом воздух, словно астматик, он посмотрел на свои следы в снегу. Он считал, что идет прямо, но на самом деле он петлял туда и сюда.

Не желая задумываться о том, что это может значить, Кэл снова двинулся по склону. Каждый шаг теперь был настоящим подвигом. Ему приходилось высоко поднимать колени, чтобы переступать через сугробы, а не пробиваться сквозь них. Его замерзшие мышцы сопротивлялись, но в конце концов он все-таки добрался до вершины и был вознагражден расстилавшейся во все стороны чистой белоснежной панорамой. Словно жильцы покинули дом под названием «Англия», закрыв простынями всю мебель до возвращения хозяев. Если хозяева вообще вернутся. Стоя на вершине и глядя вниз на белое пространство в давящей на уши тишине, легко было поверить, что никто и никогда не вернется в это забытое богом место.

Но холм он нашел, и это мог быть только тот самый холм, потому что другого не было. Однако между холмом и тем местом, где остановился Кэл, простирались покрытые снегом поля. Когда он прикинул расстояние, которое предстояло преодолеть, его сердце дрогнуло. Но он понимал, что задерживаться здесь нельзя, иначе мышцы окончательно окоченеют, поэтому начал потихоньку спускаться по склону, с трудом контролируя собственное тело.

Ближе к подножию снег делался все глубже, пока не дошел Кэлу до пояса. Он уже не столько шел, сколько плыл в нем. Зато когда он двинулся через поле к холму, ноющая боль от мороза начала утихать, ее сменило благословенное онемение. Где-то на середине пути из пальцев выскользнул врученный Глюком пакет, и этот факт был едва отмечен его сузившимся сознанием. Мысли блуждали и сводились к одной: как уютен этот снег, через который он продирается. Может быть, стоит на время остановиться и прилечь на эту девственно чистую перину. Голова тяжелела с каждым мигом, а снег манил, он был такой уютный… Ну что тут плохого, если он ляжет и немного отдохнет, наберется сил? Но какими бы ленивыми ни сделались мысли, Кэл не настолько потерялся, чтобы не понимать: сон на снегу убьет его. Если он остановится сейчас, он остановится навсегда.

Он добрался до подножия Лучезарного холма, валясь с ног, но собрался и заставил себя подняться по склону, шаг за шагом. Склон был длиннее, чем у предыдущего холма, зато не

такой крутой. Кэл уже не мог думать о том, что ждет его на другой стороне холма; все усилия уходили на то, чтобы заставлять себя двигаться. В нескольких ярдах от вершины он поднял голову в смутной надежде увидеть звезды. Но их закрыли тучи, и небеса снова готовились разразиться снегом.

Еще два шага, и Кэл достиг вершины, оглядел местность вокруг холма. И ничего не увидел. В поле зрения не было ни единого признака, напоминающего какое-то укрытие, пусть самое примитивное. Только заметенные снегом поля и снова поля до самого горизонта, пустые и молчаливые. Он был совершенно один.

Если бы у Кэла оставались силы, он бы заплакал. Но вместо этого он позволил усталости взять над собой верх и упал на снег. Он все равно не сумел бы проделать обратный путь до машины, даже если бы знал, куда идти. Тот самый убийственный сон, который он гнал от себя, навалился на него.

Но когда его веки уже слипались, он заметил движение у основания холма — там что-то пронеслось по снегу. Кэл попытался сосредоточиться, не смог, потер руками лицо и посмотрел еще раз. Глаза не подвели его. На белом поле действительно что-то двигалось, какое-то животное.

Неужели это… обезьяна?

Он встал на четвереньки, потом поднялся на ноги, но тут же потерял равновесие и покатился вниз. Земля и небо замелькали перед глазами, сливаясь в одно, пока он катился с холма. Когда он остановился, с головы до ног облепленный снегом, он не сразу понял, где верх, а где низ.

Но когда понял, то увидел, что животное — да-да, это была обезьяна! — удирает от него.

Больше похожий на снеговика, чем на человека, Кэл распрямился и заковылял следом за ней. Куда, ради всего святого, она бежит? Ведь впереди голое поле.

Внезапно обезьяна исчезла. Только что она была перед ним и он преследовал ее, а в следующий миг животное растаяло среди поля, словно забежало в открытую дверь и захлопнуло ее за собой. Кэл остановился, не веря своим несчастным глазам Может быть, обезьяна была каким-то миражом? Или же он просто тронулся умом от холода.

Кэл взглянул на снег. Там остались четкие отпечатки — следы лап на том месте, где резвилась обезьянка. Кэл пошел по следу, и то, о чем говорили его глаза, подтвердилось. Следы резко обрывались в нескольких футах от того места, где он стоял. Дальше лежал чистый нетронутый снег, целые акры снега.

— Ну хорошо, — обратился он к голому полю. — И где же вы?

Он шагнул к той точке, где обезьяна устроила фокус с исчезновением, и снова задал вопрос.

— Пожалуйста, — произнес он, и голос его сорвался, — скажите, где вы?

Конечно, ответа не последовало. Миражи не умеют говорить.

Он уставился на следы и ощутил, что надежда покидает его.

А затем чей-то голос сказал:

— Не стой на морозе.

Он поднял голову. Ни справа, ни слева от него никого не было. Но он услышал дальнейшие указания:

— Два шага вперед. И давай быстрее!

Поддавшись искушению, он сделал, один шаг вперед. А когда собирался сделать второй, из воздуха высунулась рука, крепко схватила его за анорак и втащила его внутрь.

II
Укрытие от непогоды

1

По другую сторону занавеса, за который втащили Кэла, оказался лес. Деревья росли так густо, что на земле не было ни снежинки, под ногами лежали мох и лиственная подстилка. Здесь было темно, но неподалеку горел костер, приветливым светом обещая тепло и даже больше. Человек, затянувший его сюда, исчез бесследно. Во всяком случае, Кэл никого не замечал, пока чей-то голос не произнес:

— Ну и кошмарная погода.

Тогда Кэл обернулся и увидел обезьянку Новелло, а также ее спутника, неподвижно стоявшего в паре ярдов от него.

— Это все Смит сделал, — сообщила обезьянка, прислоняясь к Кэлу. — Он протащил тебя сюда. И не позволил им меня ругать.

Человек искоса глянул на обезьяну.

— Он со мной не разговаривает, — сказал Новелло, — потому что я гулял снаружи. Ну, что сделано, то сделано, верно? Может, подойдешь к огню? Тебе бы прилечь, пока совсем не свалился.

— Да, — согласился Кэл, — пожалуй.

Смит пошел вперед, Кэл за ним. Его отупевший мозг до сих пор не мог понять, что с ним сейчас случилось. Хотя семейства загнаны в угол, у них в запасе все-таки остается пара трюков, и благодаря иллюзии этот лес остается невидимым даже с близкого расстояния. Кэла поджидал еще один сюрприз: время года. Ветви деревьев над головой были голыми, под ногами лежал осенний мох, но в воздухе стоял запах весны. Пусть лед сковывает Зачарованный остров от края до края, здесь у него нет власти. Соки растений бурлили, почки набухали, каждая живая клетка готовилась к сладостным трудам. Нежданное тепло вызвало легкую эйфорию, но озябшие конечности не улавливали сигналов мозга. В нескольких шагах от костра его тело потеряло способность поддерживать себя в вертикальном положении. Кэл протянул руки к ближайшему дереву, но дерево отшатнулось от него — или так ему показалось — и он упал вперед.

Но о землю он не ударился. Его подхватили чьи-то руки, и он сдался на их милость. Руки донесли его до благодатного огня и осторожно опустили. Кто-то коснулся его щеки, он отвернулся от костра и увидел, что рядом с ним стоит на коленях Сюзанна, а свет падает на ее лицо.

Он произнес ее имя — во всяком случае, подумал, что произнес. А потом потерял сознание.

2

Однажды он так же закрыл глаза, глядя на нее, а когда пришел в себя, она исчезла. На этот раз ничего подобного не произошло. На этот раз она дожидалась, пока он вынырнет из сна. И не просто дожидалась, а обнимала его, укачивала. Всю одежду, все бумажные поддевки и фотографии с него сняли, а обнаженное тело укрыли одеялом.

— Я нашел дорогу домой, — сказал он Сюзанне, едва язык начал снова ему повиноваться.

— Я заезжала за тобой на Чериот-стрит, — ответила она, — но дома уже не было.

— Я знаю…

— И на Рю-стрит тоже.

Он кивнул.

— Де Боно пришел тогда ко мне…

Кэл замолчал, охваченный воспоминаниями. Даже тепло от костра и объятия Сюзанны не могли унять дрожь: он снова стоял среди тумана и смотрел на то, что мелькает в нем.

— За нами гнался Бич, — произнес он.

— И Шедуэлл, — добавила она.

— Да. Откуда ты знаешь?

Она рассказала ему об усыпальнице.

— И что же происходит теперь? — спросил он.

— Мы ждем. Поддерживаем чары и ждем. Теперь собрались все. Не хватало только тебя.

— Вот я и нашелся, — сказал он негромко.

Сюзанна крепче обняла его.

— И больше мы не расстанемся, — пообещала она. — Будем молиться, чтобы все это миновало нас.

— Пожалуйста, никаких молитв, — раздался рядом с Сюзанной чей-то голос. — Мы не хотим, чтобы нас услышали ангелы.

Кэл вытянул шею, чтобы рассмотреть нового собеседника. Морщины на его лице стали глубже, чем раньше, борода еще сильнее поседела, но все равно это было лицо Лемюэля, улыбка Лемюэля.

— Поэт… — проговорил Ло и наклонился, чтобы провести рукой по волосам Кэла. — Мы едва не потеряли тебя.

— Вот еще, — отозвался Кэл, слабо улыбаясь. — А ты сохранил фрукты?

Ло похлопал себя по нагрудному карману пальто современного покроя, которое очень ему шло.

— Они здесь. Кстати о фруктах, уж не голоден ли ты?

— Я всегда готов перекусить, — сказал Кэл.

— Так ведь еда только и ждет, когда ты ее захочешь.

— Спасибо.

Лем уже собирался уходить, но вдруг обернулся и очень серьезно спросил:

— А ты поможешь мне посадить их, Кэлхоун? Когда придет время?

— Конечно! Ты же знаешь, что помогу!

Лем кивнул.

— Увидимся позже. — И он вышел из круга света.

— А моя одежда высохла? — спросил Кэл. — Не могу же я ходить в таком виде.

— Пойду попробую найти для тебя что-нибудь, — сказала Сюзанна.

Он приподнялся и сел, позволяя ей встать, и она поцеловала его в губы. Это был не просто дежурный поцелуй, его тепло согрело Кэла сильнее дюжины костров. Когда Сюзанна отошла, Кэл завернулся в одеяло, чтобы скрыть тот факт, что в эту ночь бурлила кровь не только у растений.

Теперь он мог подумать в одиночестве. Только что он был на волосок от смерти, но теперь недавняя боль почти забылась; ему уже казалось, что за пределами зачарованного леса нет ничего, можно остаться здесь навсегда и творить магию. Однако, несмотря на все очарование этой мысли, поверить в нее даже на миг было опасно. Если ясновидцам суждена жизнь после этой ночи — если Уриэль и его компаньон каким-то чудом пройдут мимо них, — то им нужно стать частью той Страны чудес, какую он обнаружил в бюро чудес Глюка. Два мира должны соединиться.

Кэла уже клонило в сон, когда Сюзанна принесла ему ворох одежды.

— Сейчас мне пора на дежурство, — сказала она. — Увидимся позже.

Он поблагодарил ее и принялся одеваться. Второй раз за сутки он облачался в чужую одежду, и эта была куда более странной, чем куртки и штаны Глюка. Неудивительно, если учесть, откуда она взялась. Кэлу понравилось смешение стилей: жилет от делового костюма и потертая кожаная куртка, странного вида носки и ботинки из свиной кожи.

— Вот так и должен одеваться поэт, — объявил Лемюэль, подходя к Кэлу. — Как слепой вор.

— Меня обзывали и похуже, — ответил Кэл. — Кажется, кое-кто говорил о еде?

— Точно, — сказал Лем и повел его от костра.

Когда после света костра глаза привыкли к темноте, Кэл увидел, что представители семейств были здесь повсюду. Они сидели на ветках деревьев или прямо на земле,

обложившись со всех сторон пожитками. Несмотря на то что они умели творить чудеса, сегодня ночью ясновидцы походили на обычную толпу беженцев: угрюмые, настороженные взгляды, крепко сжатые рты. Правда, некоторые из них решили в эту последнюю ночь на земле взять от жизни все, что только возможно. Влюбленные лежали в объятиях друг друга, целуясь и перешептываясь; одинокий певец что-то напевал, и три женщины танцевали под его музыку, надолго замирая в промежутках между движениями, так что сливались с деревьями. Однако большинство ясновидцев оставались неподвижны, сдерживая свой страх перед будущим смертельным представлением.

Запах кофе встретил Кэла на поляне, куда привел его Лем. Там тоже горел костер, хотя и не такой большой. У огня сидело полдюжины ясновидцев, и никого из них Кэл не знал.

— Это Кэлхоун Муни, — представил Лем. — Поэт. Один из присутствующих — он сидел на стуле, пока какая-то женщина осторожно брила его, — сказал Кэлу:

— Я помню тебя по саду. Ты же из чокнутых.

— Верно.

— Так ты пришел умереть вместе с нами? — спросила девушка, присевшая на корточки возле костра, чтобы налить себе кофе.

Это замечание, которое должно было бы показаться бестактным, вызвало у компании смех.

— Если потребуется, — ответил Кэл.

— Что ж, не стоит умирать на пустой желудок, — отозвался тот, которого брили.

Когда женщина вытерла полотенцем остатки мыльной пены с его головы, Кэл понял: этот человек отрастил шевелюру, чтобы скрыть от жителей Королевства замысловатый цветной узор на черепе. Теперь же он снова мог с гордостью демонстрировать его.

— У нас только хлеб и кофе, — сказал Лем.

— Годится, — заверил его Кэл.

— Ты видел Бича, — произнес кто-то из компании.

— Да, — подтвердил Кэл.

— Нам обязательно об этом говорить, Хэмел? — спросила девушка у костра.

Тот не обратил на нее внимания.

— И на что же он похож? — продолжал он.

Кэл пожал плечами:

— Он огромный.

Он надеялся, что на этом сможет закрыть тему. Но не только Хэмел интересовался Бичом. Все ясновидцы, даже та девушка, что возражала, ждали дальнейших подробностей.

— У него сотни глаз… — продолжал Кэл. — Вообще-то больше я ничего не разглядел.

— Может быть, нам удастся его ослепить, — предположил Хэмел, вытаскивая сигарету.

— Как? — спросил Лем.

— Древней наукой.

— Нам едва хватает энергии, чтобы поддерживать защитный экран, — заметила женщина с бритвой. — Откуда же мы возьмем силы для противостояния Бичу?

— Я не понимаю этих разговоров о древней науке, — сказал Кэл, глотая кофе, поданный Лемом.

— Она уже в прошлом, — сказал бритый.

— Ею владели наши враги, — напомнил Хэмел. — Эта дрянь Иммаколата и ее дружок.

— И те, кто создал Станок, — вставила девушка.

— Они давно умерли, — сказал Лем.

— Все равно, — проговорил Кэл. — Вам не удастся ослепить Бича.

— Почему же? — спросил Хэмел.

— У него слишком много глаз.

Хэмел подошел к огню и кинул в середину костра окурок своей сигареты.

— Это для того, чтобы лучше нас видеть, — сказал он.

Окурок в костре загорелся синим пламенем, и Кэл заинтересовался, что же такое курил

этот человек. Хэмел отвернулся от костра и ушел, исчез между деревьями. После его рода повисла тишина.

— Прошу прощения, мой поэт, — произнес Лем. — Мне надо отыскать дочерей.

— Ну конечно.

Кэл доедал свой хлеб, привалившись спиной к дереву, и наблюдал, как люди приходят и уходят. Он проспал не так долго, чтобы окончательно избавиться от усталости, и из-за еды его снова клонило в дрему. Он запросто уснул бы тут же под деревом, но выпитый кофе вызвал непреодолимое желание опорожнить мочевой пузырь. Он отправился на поиски подходящего куста и быстро заблудился среди деревьев.

В одном месте он увидел пару, танцевавшую в ночи под музыку из маленького транзистора — так влюбленные танцуют после закрытия дискотеки, слишком поглощенные друг другом, чтобы расстаться. Потом ему попался мальчик, которого учили считать, а счетами служила линия живых огоньков, созданных чарами матери. Наконец он отыскал укромное местечко и как раз застегивал пуговицы на одолженных штанах, когда кто-то схватил его за руку. Он повернулся и увидел Апполин Дюбуа. Она была, как обычно, в черном, но с накрашенными губами и подведенными глазами, что вовсе ее не украшало. Если бы он не заметил в руке Апполин пустую водочную бутылку, то понял бы и по запаху, что она порядком набралась.

— Я бы и тебе предложила, — сказала она, — да у меня ничего не осталось.

— Не беспокойся, — ответил Кэл.

— Чтобы я беспокоилась? — удивилась Апполин. — Я никогда не беспокоюсь. Все кончится плохо, буду я беспокоиться или нет.

Придвинувшись ближе, она уставилась на него.

— Ты плохо выглядишь, — сообщила она. — Когда в последний раз брился?

Едва Кэл раскрыл рот, чтобы ответить, как в воздухе что-то пронеслось, какая-то дрожь вместе с темнотой. Апполин тут же отпустила Кэла, выронив бутылку. Бутылка ударила его по ноге, но он сумел удержаться от проклятия и был этому рад. Все звуки под деревьями, будь то музыка или уроки арифметики, затихли. Точно так же и между деревьями, и на ветвях. Лес внезапно погрузился в мертвящую тишину, тени сгустились. Кэл вытянул перед собой руку и коснулся ствола дерева, опасаясь потеряться в темноте. Апполин попятилась, ее напудренное лицо белело в сумраке. Потом она отвернулась и исчезла.

Справа от Кэла кто-то поспешно засыпал землей маленький костерок, возле которого мать учила ребенка считать. Они так и сидели там: мать зажимала рукой рот сыну, а мальчик смотрел на нее круглыми от страха глазами. В последних отблесках костра Кэл рассмотрел, что ее губы движутся — она о чем-то спрашивала мужчину, гасившего огонь. Тот в ответ указал большим пальцем себе за плечо. После чего настала кромешная тьма.

Некоторое время Кэл стоял неподвижно, смутно сознавая, что мимо него проходят люди. Они двигались целенаправленно, словно шли к заранее условленному месту. Кэл решил, что бессмысленно цепляться за дерево, как влекомая потоком жертва наводнения, а лучше пойти туда, куда указывал загасивший костер человек. Надо разузнать, что же происходит. Он вытянул перед собой руки, чтобы отыскивать путь в темноте. Каждое его движение производило ненужный шум: ботинки из свиной кожи скрипели, руки натыкались на стволы и отрывали от них куски коры. Но теперь он понял, куда идти: деревья впереди поредели, и между ними показался ярко сияющий снег. Его отблески осветили путь, и Кэл остановился в десяти ярдах от края леса. Теперь он понял, где находится. Впереди раскинулось то самое поле, где он увидел резвящегося Новелло, последовал за ним и скатился по белому склону Лучезарного холма.

Когда он захотел подойти ближе, чья-то рука уперлась ему в грудь, останавливая. Кивком головы ему указали в ту сторону, откуда он пришел. Но другой человек, притаившийся в кустах у самого выхода из леса, увидел Кэла и подал знак, чтобы его пропустили. Только подойдя вплотную к тем кустам, он понял, что это Сюзанна. Сияние снега в двух шагах отсюда почти ослепляло, но рассмотреть ее оказалось непросто: она, как

шалью, была окутана заклятием, действие которого усиливалось с каждым выдохом и слабело на вдохе. Сюзанна внимательно следила за полем и холмом. Снегопад не прекращался, он замел все следы Кэла — возможно, не без посторонней помощи.

— Он здесь, — прошептала Сюзанна, не глядя на Кэла.

Тот оглядел раскинувшееся перед ними поле. Там не было ничего, кроме холма и снега.

— Я не вижу… — начал он.

Она жестом велела ему молчать и кивнула на молодой подлесок, растущий у самой кромки леса.

— Зато она видит, — шепотом сказала Сюзанна.

Кэл всмотрелся в молодую поросль и понял, что одно деревце было из плоти и крови. На самом краю леса стояла молодая девушка. Раскинув руки, она держалась за прутики деревьев слева и справа от себя.

Кто-то выдвинулся из сумрака и остановился рядом с Сюзанной.

— Уже близко? — спросил он.

Кэл узнал голос, хотя его обладатель сильно изменился.

— Нимрод?

Золотистые глаза скользнули по нему, не выразив никаких чувств. Нимрод уже отводил взгляд, когда в этих глазах наконец мелькнуло узнавание. Апполин права, подумал Кэл, я выгляжу неважно. Нимрод крепко пожал ему руку, и тут девушка у кромки леса тоненько ахнула. Это стало ответом на вопрос, близко ли враги.

Шедуэлл и Хобарт появились на вершине Лучезарного холма. Хотя небо у них за спиной было темным, а их контуры еще темнее, эти растерзанные силуэты узнавались безошибочно.

— Они нашли нас, — выдохнул Нимрод.

— Пока нет, — возразила Сюзанна.

Она очень медленно поднялась, и от ее движения новый сигнал тревоги — подобный тому, который чуть раньше заставил замолчать весь лес, — пронесся между деревьями. Темнота сгущалась.

— Они усиливают защиту, — шепотом произнес Нимрод.

Кэл мечтал хоть чем-то помочь ясновидцам, но мог лишь смотреть на холм в ожидании того, что враг развернется и отправится искать их в какое-то другое место. Однако он слишком хорошо изучил Шедуэлла, чтобы надеяться на это, и не удивился, когда Коммивояжер пошел вниз по склону в поле. Враг был настойчив. Он принес дары Смерти, так он говорил на Чериот-стрит, и не успокоится, пока не вручит свой подарок.

Хобарт — точнее, заключенная в нем сила — медлил на вершине холма, откуда открывался хороший обзор. Даже с такого расстояния было видно, что его лицо темнеет и вспыхивает, как раздуваемые ветром угли.

Кэл обернулся. Ясновидцы стояли между деревьями через равные промежутки, сосредоточившись на заклятиях, что отделяли их от гибели. От их удвоенных усилий эффект получился настолько мощный, что обманул даже его, хотя он находился внутри защитного экрана. На мгновение тьма в лесу истончилась, и Кэлу показалось, что он видит сквозь нее снег на другой стороне.

Он снова оглянулся на Шедуэлла, который уже спустился со склона и вглядывался в расстилавшееся перед ним поле. И только теперь, при виде Коммивояжера, он вдруг вспомнил о пиджаке. Шедуэлл либо потерял его, либо выкинул, а сам Кэл тоже потерял его во время пути сюда. Это случилось в поле с той стороны Лучезарного холма, когда застывшие пальцы выронили свою ношу. И как только Шедуэлл двинулся в сторону леса, Кэл выпрямился и прошептал:

— Пиджак…

Сюзанна стояла рядом с ним, ее голос звучал едва слышно.

— А что с ним?

Шедуэлл снова замер и вгляделся в снег под ногами. Неужели там сохранились следы

Новелло и Кэла?

— Ты знаешь, где пиджак? — спросила Сюзанна.

— Да, — ответил Кэл. — Где-то с той стороны холма.

Коммивояжер снова поднял голову и уставился перед собой. Даже с такого расстояния было заметно, что на его лице отразилось недоумение, даже подозрение. Иллюзия явно действовала, но долго ли она протянет? Уриэль на холме заговорил, его слова разнесла метель.

— Я чую их, — сообщил он.

Шедуэлл кивнул и вынул из кармана пачку сигарет, раскурил одну, прикрываясь полой пальто. Затем вернулся к созерцанию снежного пейзажа. Отчего он щурится, из-за ветра? Или же он видит что-то в сияющем снегу?

— Мы скоро ослабеем, — сказала Сюзанна, — если не получим помощь.

— От пиджака? — удивился Кэл.

— Если в нем есть сила, — ответила она. — Может быть, еще осталась. Ты сумеешь его найти?

— Не знаю.

— Это не тот ответ, который сейчас нужен.

— Да, я найду его.

Она посмотрела на холм. Шедуэлл решил присоединиться к Уриэлю и теперь карабкался вверх по склону. Ангел усадил тело Хобарта на снег и вглядывался в тучи.

— Я пойду с тобой, — сказал Нимрод.

— Они увидят нас.

— А мы пойдем в обход. Обойдем холм сбоку. — Нимрод посмотрел на Сюзанну. — Да?

— Да, — согласилась она. — Идите, пока есть возможность.

Нимрод ринулся вперед, Кэл за ним, лавируя между деревьями и притаившимися ясновидцами. Чтобы скрыться от взгляда человека и ангела, требовалось напряжение, и оно уже сказывалось на них: несколько заклинателей лишились чувств, другие держались из последних сил.

У Нимрода было безошибочное чувство направления. Они с Кэлом вышли с другой стороны леса и мгновенно упали лицом в снег. Высокие сугробы оказались им на руку: под их прикрытием можно было отойти от леса незамеченными. Однако предстояло преодолеть и участки голой земли, если они не собирались ходить кругами до рассвета. Ветер вздымал поземку, заслоняя Лучезарный холм, но между вихрями Кэл и Нимрод ясно видели и сам холм, и тех, кто стоит на нем. Если бы стоящие на холме взглянули вниз, они запросто разглядели бы их. Но Кэл с Нимродом приноровились к порывам ветра. Они замирали, когда замирал он, и перебегали с места на место, когда снова поднималась поземка. Так они прошли ярдов тридцать, огибая холм, и уже казалось, что самая опасная часть пути позади, как вдруг ветер внезапно стих, и в тишине Кэл услышал торжествующий голос Шедуэлла.

— Ты! — провозгласил он, глядя вниз с холма. — Я тебя вижу!

Он спустился на несколько ярдов, потом вернулся наверх поторопить Уриэля, все еще созерцавшего небеса.

— Беги! — крикнул Кэл Нимроду, и они оба открыто рванули вперед по сугробам.

Кэл теперь бежал впереди. Один взгляд наверх дал знать, что Шедуэлл привлек внимание Уриэля и тот уже встал. Ангел был совершенно голый, он не чувствовал холода; тело его почернело от огня и дыма. В любую секунду, чувствовал Кэл, этот огонь может настигнуть их с Нимродом.

Он снова побежал, почти готовый к этому огню. Три неуклюжих прыжка, а пламени все не было. Четвертый, потом пятый, шестой, седьмой. И опять никакого чудовищного огня.

В недоумении Кэл поднял глаза на вершину холма. Шедуэлл по-прежнему стоял там, уговаривая ангела обрушиться на проклятых. Но в паузах между порывами ветра Кэл рассмотрел, что Уриэль был поглощен другим делом, отвлекшим его от роли палача.

Кэл снова бросился бежать. Он понимал, что им с Нимродом дарован драгоценный шанс на спасение, но не мог сдержать стон при виде Сюзанны, поднимавшейся на холм, чтобы встретиться лицом к лицу с ангелом.

III
На холме

1

У Сюзанны не было никакого плана. Но пока она смотрела, как Нимрод и Кэл подползают к холму, ей стало совершенно ясно: их заметят и уничтожат, если не отвлечь внимание врага. Она не стала искать добровольцев. Кому отвлекать внимание ангела, как не ей самой? В конце концов, однажды они с Хобартом уже играли в драконов.

Чтобы не наводить Шедуэлла на цель, она проскользнула между деревьями и вышла сбоку от холма, перебегая от сугроба к сугробу, пока не удалилась от леса. Только тогда она предстала перед драконом.

Если бы она действовала быстрее, Шедуэлл вообще не успел бы заметить Кэла с Нимродом. Но она услышала его торжествующий крик за миг до того, как вышла из укрытия. Помедли она еще секунд двадцать, и Шедуэллу удалось бы поднять Хобарта с места, а вместе с ним и смерть. Но когда Коммивояжер забрался на холм, глаза ангела уже смотрели на нее, и оторвать его от созерцания Сюзанны было невозможно.

Прежде чем предстать перед ангелом, Сюзанна внимательно наблюдала за двумя фигурами на вершине холма, стараясь понять их отношения. Однако их поведение — особенно поведение Уриэля — сбило ее с толку. Бич, конечно же, был поглощен погоней не меньше Шедуэлла, но в данный момент он как будто отвлекся от своей цели и, как зачарованный, глядел в небеса. Лишь раз он дернулся и показал свое пламя: тело вмещавшего его человека вдруг вспыхнуло без видимой причины, огонь охватил Хобарта и успокоился лишь тогда, когда спалил его одежду и обжег кожу. Пока пламя делало свое дело, он просто стоял в огненном столбе, словно мученик, и озирал пустынную местность.

Приблизившись к ним, Сюзанна увидела, как ужасно изуродовано это тело. Не только этот огонь терзал плоть Хобарта. Бывший полицейский был изранен, раны его были опалены, руки чудовищно изувечены, волосы и брови начисто сгорели, лицо узнавалось с трудом. Однако глаза на этом обожженном лице заставляли думать о том, что он и заключенная в нем сила были чем-то заворожены. Казалось, он не чувствовал ни боли от ран, ни смущения, хотя стоял перед ней голый и нелепый — не сияющая жертва, каким он представал в своих грезах, а истерзанный болван, пропахший смертью и паленой плотью.

При виде его пустого взгляда у Сюзанны затеплилась робкая надежда: может быть, она сумеет воспользоваться этим трансом и достучаться до того Хобарта, с которым она играла в деву, рыцаря и дракона? Тогда, возможно, она уцелеет или хотя бы отвлечет врага, чтобы ясновидцы успели подготовиться к новому этапу обороны.

Шедуэлл теперь тоже заметил ее. По сравнению с Хобартом он выглядел вполне благополучно, но выражение лица выдавало его. Это лицо, прежде с легкостью надевавшее любую маску, теперь не слушалось хозяина, и в его напускной любезности сквозила жалоба, а не насмешка.

— Ну-ну, — произнес он. — И откуда же ты взялась?

Он держал руки в карманах, чтобы согреть их, и не делал попыток схватить Сюзанну, даже не старался подойти ближе. Он знал, что ей не уйти с этого холма живой.

— Я пришла к Хобарту, — сказала она.

— Боюсь, его здесь нет, — ответил Шедуэлл.

— Ты лжешь.

Хобарт не сводил с нее глаз. Неужели в них мелькнуло узнавание?

— Я говорю правду, — настаивал Шедуэлл. — Хобарта нет. Это существо — лишь оболочка. Ты сама знаешь, что там внутри. И это вовсе не Хобарт.

— Какая жалость, — произнесла Сюзанна, поддерживая его фальшивый вежливый тон. Так она могла потянуть время и подумать.

— Невелика потеря, — заметил Шедуэлл.

— Но у нас осталось одно незавершенное дело.

— У тебя с Хобартом?

— О да. — При этих словах она посмотрела прямо на обгорелого человека. — Я надеялась, что он вспомнит меня.

Голова Хобарта упала вперед, потом он поднял ее в подобии кивка.

— Так ты действительно помнишь, — сказала Сюзанна.

Его глаза не отпускали ее ни на мгновение.

— Ты сейчас дракон? — спросила она.

— Заткнись, — приказал Шедуэлл.

— Или же рыцарь?

— Я велел тебе заткнуться!

Шедуэлл двинулся было к ней, но Хобарт поднял руку и уперся обугленным обрубком в его грудь. Коммивояжер сделал шаг назад.

«Он боится», — подумала Сюзанна.

Темный нимб страха вокруг его головы подтверждал то, что скрывало выражение лица. Шедуэлл не мог совладать с силой, которую привел, он боялся ее. Однако он был не настолько труслив, чтобы умолкнуть.

— Сожги ее, — приказал он Хобарту. — Заставь ее сказать, где они прячутся.

Сюзанна содрогнулась. Она не приняла в расчет подобную возможность: они могут подвергнуть ее пыткам, чтобы узнать правду. Но отступать все равно поздно. Кроме того, Хобарт не выказывал намерения слушаться приказов Шедуэлла. Он смотрел на нее, как рыцарь из книги; раненый рыцарь в конце своей истории. А она чувствовала себя такой же, как в сказке, страшной и сильной. Тело Хобарта находилось в услужении у жуткой силы, но если Сюзанна сумеет — осторожно и мягко — пройти мимо этой силы и поговорить с человеком, чьи тайные желания она знала, есть шанс, совсем небольшой шанс, что она убедит его перейти на ее сторону и выступить против Бича. Раз у драконов есть слабости, они могут быть и у ангелов. Как убедить его подставить горло?

— Я… помню тебя, — проговорил Хобарт.

Голос срывался, в нем звучала боль, но он явно принадлежал Хобарту, а не его «жильцу». Сюзанна бросила взгляд на Шедуэлла, с недоумением следившего за их разговором, затем снова посмотрела на Хобарта. Поворачивая голову, она заметила, как что-то промелькнуло в его открытых ранах. Сюзанна инстинктивно хотела шагнуть назад, но он остановил ее.

— Не надо, — произнес он. — Не… уходи от меня. Я не желаю тебе зла.

— Ты говоришь о драконе?

— Да, — сказал он. — Снег отвлекает его внимание. Ему кажется, что он среди песков. Один.

Теперь инертность Бича получила объяснение. Глядя с холма на заснеженные просторы, он потерял связь с настоящим. Он снова оказался в пустыне, где провел тысячелетия, дожидаясь новых приказов своего создателя. И этим создателем был не Шедуэлл. Шедуэлл — это прах, человеческий прах. Бич больше не слышал его.

Но он узнавал запах ясновидцев, исходивший от их укрытия. И когда чары падут — долго они не продержатся, — созерцание снежной пустыни не помешает ему выполнить долг. Он увидит их и сделает то, ради чего пришел. Не для Шедуэлла, а ради самого себя. Сюзанна должна достучаться до него как можно скорее.

— Ты помнишь книгу? — спросила она Хобарта.

Он ответил не сразу. В наступившей тишине внутри тела снова полыхнул огонь.

Сюзанна начала опасаться, что его успокаивающие слова были обманом, что стражники закона слишком тесно сплелись в единое целое и ей не удастся позвать одного, не привлекая внимания второго.

— Ответь мне, — попросила она. — Книга…

— О да, — сказал он, и от воспоминаний свет в ранах загорелся еще ярче. — Мы были там, — говорил он, — среди деревьев. Ты, я и…

Он замолчал, и его спокойное лицо изменилось. На нем отразилась паника, когда огонь поднялся до самых краев ран. Сюзанна заметила, что Шедуэлл медленно отступает назад, словно от тикающей бомбы. Она принялась лихорадочно придумывать, как отсрочить взрыв, но на ум ничего не шло.

Хобарт поднимал к лицу искалеченные руки, и это движение объяснило Сюзанне, почему они обгорели. Он и раньше пытался сдерживать огонь Бича, однако плоть не выдержала такого удара.

— Сожги ее, — послышалось бормотание Шедуэлла.

И огонь пришел в движение. Он появился не вдруг, как она ожидала, а медленно просочился из порезов, покрывавших тело Хобарта, из ноздрей, изо рта, из члена, из пор. Он побежал сверкающими ручейками, а вместе с ним неслись и желания ангела, пока смутные, но крепнущие. Сюзанна проиграла это состязание.

Однако Хобарт еще не был сломлен до конца. Он сделал последнюю отважную попытку заговорить от своего имени. Но всякая надежда на разговор умерла, едва он открыл рот. Не успел он произнести слово, как Уриэль выступил вперед. Языки пламени лизнули лицо, искажая его до неузнаваемости. Сквозь огонь Сюзанна видела глаза Хобарта, и, когда их взгляды встретились, он закинул голову назад.

Она узнала этот жест из прошлого. Он подставлял ей горло.

«Убей меня, и дело с концом», — сказал тогда дракон. Сейчас Хобарт просил о той же самой милости единственным доступным ему способом. «Убей меня, и дело с концом».

В книге Сюзанна заколебалась и упустила момент. На этот раз она сумеет.

В качестве оружия у нее имелся менструум — как обычно, он знал о ее намерениях раньше, чем она сама. Сюзанну смущала мысль об убийстве, но менструум вырвался из нее, одним серебристым всплеском преодолел разделявшее их расстояние и вцепился в Хобарта.

Хобарт подставлял горло, но менструум искал не его, он целился прямо в сердце. Сюзанна ощутила жар его тела, вернувшийся по серебристому потоку в ее разум, а вместе с ним — биение его жизни. Сердце Хобарта билось у нее в руке, она крепко держала его, и чувство вины не отравляло ее мысли. Он хотел смерти, и она должна ее даровать — это справедливый обмен.

Он дрожал. Однако его сердце, несмотря на все свои грехи, было смелым и продолжало биться.

Огонь выходил из его тела. Хобарт плакал огнем, испражнялся им, потел им. Сюзанна ощутила запах собственных опаленных волос. Между ней и Хобартом поднимался пар, снег вокруг растаял и закипел. Пламя обрело форму, теперь его направляли, ему приказывали. В любое мгновение оно набросится на нее.

Сюзанна сильнее сжимала сердце Хобарта, пульсировавшее в ее кулаке. Оно все еще билось, все еще билось.

Как только эта мысль проявилась, мышцы поддались и замерли.

Где-то внутри Хобарта возник звук, который не могли воспроизвести его легкие и не мог исторгнуть его рот. Но Сюзанна явственно слышала этот звук, как и Шедуэлл: наполовину рыдание, наполовину вздох. Это было последнее слово. Тело, внутрь которого вошли ее ментальные пальцы, умерло раньше, чем звук успел затихнуть.

Сюзанна позвала менструум обратно, но Бич ухватил его за хвост, и вместе с потоком к ней пришло эхо бездны. Она ощутила вкус безумия и боли, а потом до нее дошла его смертоносная сила.

На миг установилась тишина, пока поднимался пар и таял снег. А затем рыцарь и

дракон Хобарт упал мертвым к ее ногам.

— Что ты сделала? — спросил Шедуэлл.

Она сама не знала. Конечно, она убила Хобарта. Но что еще? Тело, лежавшее у ног Сюзанны, не выказывало никаких признаков присутствия его «жильца». Мелькавший в ранах огонь внезапно угас. Неужели смерть Хобарта вынудила Уриэля уйти, или же он просто тянет время?

— Ты убила его, — сказал Шедуэлл.

— Да.

— Как? Господи… как?

Она была готова отразить его нападение, но во взгляде Коммивояжера сквозила не жажда убийства, а отвращение.

— Так ты одна из этих чародеев? — сказал он. — Ты вместе с ними.

— Была, — ответила она. — Но они ушли, Шедуэлл. Ты упустил свой шанс.

— Меня ты можешь дурачить сколько угодно. — Его голос его был полон притворного смирения. — Я всего лишь человек. Но ты не сможешь укрыться от ангела.

— Ты прав, — сказала Сюзанна. — Я боюсь. Как и ты.

— Боишься?

— Он пока еще никуда не ушел, — напомнила она, бросая взгляд на тело Хобарта. — Ведь ему нужно новое тело? Здесь только мы с тобой, а я испорчена магией. Ты же чист.

Лицо Шедуэлла мгновенно изменилось, и Сюзанна получила подтверждение своим словам. Он не просто боялся, он был в ужасе.

— Он не тронет меня, — возразил Коммивояжер сдавленным голосом. — Я же его разбудил. Он обязан мне жизнью.

— Думаешь, его это волнует? — спросила она. — Разве все мы не прах под ногами подобного создания?

Он оставил попытки притвориться равнодушным и стал нервно облизывать губы: сначала верхнюю, потом нижнюю, потом еще и еще раз.

— Не хочешь умирать, верно? — продолжала Сюзанна. — Во всяком случае, вот таким образом.

Шедуэлл взглянул на тело Хобарта.

— Он не посмеет, — сказал он, но понизил голос, чтобы Бич не услышал.

— Помоги мне, — предложила Сюзанна. — Вместе мы, может быть, сумеем удержать его в узде.

— Это невозможно.

Пока он говорил, лежавшее в теплой грязи тело охватил огонь. Для пламени Уриэля в нем остались одни мышцы и кости, поскольку Хобарт лишился всего, чего только можно лишить плоть человека. Кожа треснула, кровь закипела. Сюзанна отступила, чтобы ее не задело огнем, и оказалась рядом с Шедуэллом. Он вцепился в нее, загородившись от огня.

Но Бич уже покинул Хобарта и ушел в глубь холма. Земля начала содрогаться, снизу донесся грохот камней и проваливающейся земли.

Чем бы ни занимался под землей Уриэль, Сюзанна хотела бежать отсюда, пока еще есть время, но Шедуэлл по-прежнему цеплялся за нее. Ей очень хотелось напустить на него менструум, но она не собиралась убивать единственного возможного союзника. Ведь это он пробудил тварь и был ее компаньоном. Если кто-то знал слабости Бича, то именно Шедуэлл.

Рев из-под земли достиг наивысшей точки, и в этот момент холм осел. Шедуэлл закричал и упал, увлекая за собой Сюзанну. Его хватка, возможно, спасла ее от смерти, потому что они покатились по склону, когда вершина Лучезарного холма взорвалась.

Скалистая порода и мерзлая земля взлетели к небесам, затем обрушились им на головы. Сюзанна не успела закрыться, ей пришлось выплевывать изо рта талый снег, когда что-то ударило ее сзади по шее. Она старалась сохранить ясность сознания, но голова ее закружилась и она провалилась в ночь.

2

Когда она очнулась, Шедуэлл все еще был рядом. Он вцепился в нее с такой силой, что рука от локтя до кончиков пальцев онемела. Сначала Сюзанна подумала, что полученный удар повредил ее глаза, но на самом деле мир вокруг них был затянут туманом. Холодный липкий туман окутал весь холм. Шедуэлл смотрел на нее сквозь мглу, и глаза его превратились в узкие щелки на грязном лице.

— Так ты жива… — произнес он.

— Сколько мы уже здесь?

— Минуту или две.

— А где Бич? — спросила она.

Шедуэлл покачал головой.

— Он потерял рассудок, — сказал он. — Хобарт был прав. Бич не понимает, где он находится. Тебе придется помочь мне…

— Так ты ради этого остался.

— Или ни один из нас не выберется отсюда живым.

— И как же? — спросила она.

Он улыбнулся неверной кривоватой улыбкой.

— Утихомирь его, — сказал он.

— Но как именно?

— Отдай ему то, чего он хочет. Отдай ему чародеев.

Она засмеялась ему в лицо:

— Не вышло, попробуй еще раз.

— Это единственный выход. Если он получит их, он успокоится. Оставит нас в покое.

— Я не собираюсь никого ему отдавать.

Хватка Шедуэлла усилилась. Он подполз ближе, как краб.

— Он все равно отыщет их, рано или поздно. — Шедуэлл готов был расплакаться, как ребенок. — Им не выжить, а мы еще можем спастись. Надо просто заставить этих негодяев показаться ему. Он уже не захочет нас, когда получит их. Он будет удовлетворен.

Его лицо приблизилось к лицу Сюзанны, так что она видела каждую пору и морщинку.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь, — говорил он. — Я заслужил. Так сделай это не ради меня, а ради себя самой. Я заставлю его отблагодарить тебя.

Сюзанна смотрела на него почти с благоговением, пораженная тем, что даже сейчас он способен торговаться.

— Ты получишь состояние. Цену назовешь сама. Все теперь в твоих руках. Все, что пожелаешь. Свобода, благодарность и…

Шедуэлл замолчал.

— О господи! — воскликнул он.

Где-то в тумане раздался знакомый вой. Голос, который Шедуэлл знал и которого боялся, поднимался до самого неба. Коммивояжер пришел к выводу, что нет надежды заставить Сюзанну помочь, поэтому выпустил ее и поднялся на ноги. Туман сгустился со всех сторон, и Шедуэллу потребовалось несколько секунд, чтобы найти путь к отступлению. Он выбрал направление и сразу же побежал, прихрамывая на ходу, пока вой — его мог издавать только Уриэль — сотрясал холм.

Сюзанна встала, испытывая головокружение из-за тумана и боли в голове. Земля была так искорежена, что определить, где склон холма, было невозможно. Она никак не могла понять, в какой стороне лес. Все, что ей оставалось, — бежать отсюда как можно скорее, прочь от этого воя. Кровь струйками стекала по ее шее. Дважды она спотыкалась и оказывалась на земле, готовой разверзнуться и поглотить ее.

Сюзанна уже буквально падала с ног, когда из тумана выступил чей-то силуэт и человек позвал ее по имени. Это оказался Хэмел.

— Я здесь! — ответила она, пытаясь перекричать вой Бича.

Хэмел мгновенно нашел ее, поддержал на этой предательской неровной почве и увел обратно в лес.

3

Удача была на стороне Шедуэлла. В удалении от холма туман поредел, и он понял, что либо интуитивно, либо по счастливой случайности выбрал верное направление. Дорога совсем рядом, он доберется до нее раньше, чем ангел покончит с холмом, и успеет скрыться в каком-нибудь безопасном месте на другой стороне планеты, где сможет зализать раны и выкинуть из головы этот ужас.

Он отважился оглянуться. Благословенное расстояние между ним и разоренным холмом увеличивалось. Единственным признаком присутствия ангела был туман, который по-прежнему расстилался над холмом. Значит, Шедуэлл в безопасности.

Он сбавил ход, подходя к живой изгороди вдоль дороги. Все, что ему нужно теперь, — идти вдоль изгороди, пока в ней не встретится дыра. Снег продолжал падать, однако после пробежки Шедуэллу стало жарко, пот катился у него по спине и груди. Он расстегнул пуговицы пальто и вдруг понял, что жар исходит не только от его тела. Снег под ногами превращался в слякоть, от земли поднимался пар; эта нежданная весна выманила из земли ростки и заставила их подниматься, как змеи, к его лицу. Когда они покрылись цветами, Шедуэлл осознал всю глубину своей ошибки. Вместо соков по этим стеблям струился огонь, а из сердцевин цветов смотрели глаза — бесчисленные глаза Уриэля.

Шедуэлл не мог двинуться ни вперед, ни назад; глаза были повсюду. Он с ужасом слышал голос ангела в своей голове, как слышал его в Руб аль-Хали.

«Я не посмею?» — спросил Уриэль, высмеивая хвастовство Шедуэлла перед Сюзанной.

«Я НЕ ПОСМЕЮ?»

И тут же оказался внутри Шедуэлла.

Только что Шедуэлл был самим собой. Человек со своей историей.

А в следующий миг оказался прижатым к стенке собственного черепа, потому что все остальное место занял ангел из Эдема.

Последним человеческим проявлением тела, которое он недавно считал своим, стал пронзительный крик.

4

— Шедуэлл, — сказала Сюзанна.

— Нет времени радоваться, — мрачно заметил Хэмел. — Нам необходимо вернуться, пока они не начали выходить.

— Выходить? — переспросила она. — Нет, этого нельзя делать. Бич все еще здесь. Он в холме.

— Выбора нет, — ответил Хэмел. — Заклятие почти не действует. Видишь?

Они были в нескольких ярдах от рощи, и в воздухе уже угадывалось какое-то смутное присутствие, намек на то, что скрывается по другую сторону завесы.

— Сил больше не осталось, — сказал Хэмел.

— Кэл не вернулся? — спросила Сюзанна. — Или Нимрод?

Он коротко мотнул головой. Они пропали, говорило выражение его лица, нет смысла оглядываться на них.

Сюзанна посмотрела на холм, надеясь увидеть хоть какое-то опровержение его слов, но не заметила ничего. Туман по-прежнему укрывал вершину, вокруг лежала та же вздыбленная земля.

— Ты идешь? — спросил ее Хэмел.

Сюзанна последовала за ним с гудящей от боли головой. Первый шаг она сделала по снегу, второй — по лесной подстилке. Где-то в глубине леса плакал ребенок, безутешно

рыдал.

— Попробуй успокоить его, Хэмел, — сказала Сюзанна. — Только нежно.

— Так мы идем или нет? — спросил он.

— Да, — решила она. — Нам придется. Но я хочу дождаться Кэла.

— Времени нет, — настаивал он.

— Ладно, — согласилась она. — Я понимаю. Мы уходим.

Он пробурчал что-то и отвернулся.

— Хэмел? — окликнула она.

— Что?

— Спасибо, что пришел за мной.

— Мне просто хотелось выйти отсюда, — ответил он и отправился на поиски рыдающего ребенка.

Сюзанна же пошла на наблюдательный пост, откуда открывался самый лучший вид на холм.

Несколько чародеев стояли здесь на часах.

— Что там такое? — спросила она одного из них.

Ответа не потребовалось. Приглушенное бормотание ясновидцев заставило Сюзанну посмотреть на холм.

Туманное облако пришло в движение. Что-то в его центре сделало огромный вдох, и облако вдруг стало таять, уменьшаясь и уменьшаясь, пока втянувшая его сила не оказалась на виду.

Уриэль нашел Шедуэлла. В грязи на Лучезарном холме стояло тело Коммивояжера, но глаза его горели небесным огнем. По сосредоточенному взгляду, каким он оглядывал окрестности, было совершенно ясно, что замедливший его продвижение приступ рассеянности прошел. Ангел больше не блуждал в бездне воспоминаний. Он знал, что он такое и ради чего он здесь.

— Нам пора уходить! — сказала Сюзанна. — Сначала дети.

Решение было принято вовремя. Как только под деревьями пронесся приказ уходить и беглецы предприняли последнюю попытку спастись, Уриэль устремил свой убийственный взгляд на поле под Лучезарным холмом, и снег загорелся.

IV
Отражение

1

Когда Кэл и Нимрод добрались до поля за холмом, Кэл никак не мог отыскать своих следов, заметенных бураном. Пришлось разгребать снег наугад в отчаянной надежде наткнуться на потерянный сверток. Однако затея была почти безнадежная. Кэл шел к холму вовсе не прямым путем, от усталости он петлял и мотался из стороны в сторону, словно пьяница, а ветер с тех пор намел сугробы в человеческий рост.

Падающий снег большую часть времени скрывал от взглядов вершину холма, поэтому Кэлу оставалось только гадать, что там происходит. Каковы шансы выстоять против Бича с Шедуэллом? Должно быть, небольшие, если они вообще есть. Но ведь Сюзанна вывела его из Вихря живым. Наперекор всему. Мысль о том, что она сейчас отвлекает на себя смертоносный взгляд Уриэля, заставила Кэла удвоить рвение, хотя он ни на секунду не верил, что сумеет отыскать пиджак.

Разгребая снег, они с Нимродом все дальше уходили друг от друга, и в итоге Кэл потерял своего приятеля за снежной завесой. Но вскоре он услышал тревожный крик Нимрода, обернулся и увидел ослепительную вспышку среди белой пустоты. На холме что-то горело. Кэл рванулся туда, но здравый смысл взял верх над героизмом. Если Сюзанна жива,

то она жива. Если она погибла, то он обязан искать дальше, чтобы ее смерть не была напрасной.

И он вернулся к своему делу, бросив притворяться, будто в этой работе имеется хоть какая-то система. На холме что-то заревело, шум сопровождался грохотом и извержением земли. На этот раз Кэл не стал оглядываться и не пытался рассмотреть, что творится за снежной завесой; он просто копал и копал, обращая свое горе в трудовое рвение.

В спешке он едва не потерял сокровище, как только нашел: руки попытались отбросить лист бумаги раньше, чем мозг осознал, что это. Но когда разум это осознал, Кэл перестал рыть снег, как терьер, отбрасывая комья за спину.

Он боялся поверить, что действительно отыскал сверток. Во время работы ветер доносил до него чей-то голос и уносил обратно: это был крик о помощи из снежной пустыни. Голос принадлежал не Нимроду, поэтому Кэл продолжал разгребать снег. Крик раздался снова. Кэл поднял голову, прищурился сквозь метель. Неужели кто-то бродит по сугробам рядом с ним? Эта картина промелькнула в сознании и ушла, как тот крик.

Сверток оказался столь же неуловимым. Кэл уже готов был признать, что ошибся и трудится впустую, когда замерзшие пальцы нашарили что-то в снегу. Кэл потянул находку из сугроба, размокшая бумага порвалась, и содержимое свертка высыпалось в снег. Коробка сигар, какие-то мелочи, пиджак. Кэл схватил его. Если в доме Глюка он казался самым обычным предметом одежды, то сейчас и подавно. Кэл надеялся, что в лесу сумеют пробудить силу этой вещи, потому что сам он явно этого не мог.

Кэл обернулся к Нимроду, чтобы сообщить ему о находке, и увидел два силуэта. Они пробирались к нему, причем один поддерживал другого. Первый оказался Нимродом, а тот, кого он вел, — именно его крик слышал Кэл, но оставил без внимания, — был так закутан в теплую одежду, что рассмотреть его было невозможно. Нимрод уже заметил пиджак — Кэл поднял его вверх, чтобы показать, — и принялся поторапливать своего спутника. Он прокричал что-то Кэлу, но ветер унес слова в сторону. Нимрод повторил их, подойдя ближе:

— Это твой друг?

Человек задрал вверх покрытое ледяной коркой лицо и стащил шарф, закрывавший подбородок. Он не успел размотать шарф до конца, как Кэл воскликнул:

— Вергилий?

Шарф был снят, и Глюк взглянул на Кэла одновременно смущенно и торжествующе.

— Простите меня, — сказал он. — Я должен был оказаться здесь. Я должен увидеть.

— Если еще осталось, на что смотреть, — прокричал сквозь свист ветра Нимрод.

Кэл обернулся на Лучезарный холм. В просветах между порывами метели было видно, что верхушка холма почти полностью исчезла. Над ней поднимались столбы пара, а внизу горел огонь.

— Лес!.. — воскликнул Кэл.

Позабыв о Нимроде и Глюке, он бросился сквозь сугробы к холму и тому, что ожидало его за ним.

2

Бич действовал без спешки. Он методично уничтожал поле и окрестности, рассчитывая на то, что рано или поздно его глаза отыщут тех созданий, чью близость он чуял. В лесу было организовано отступление: дети в сопровождении воспитателей и родителей выходили с другой стороны убежища. Все оставшиеся в лесу застыли на своих местах, удерживая завесу. Сюзанна не вполне понимала, что это, демонстрация силы духа или фатализм. Может быть, и то и другое. Ведь как бы они ни старались, запас магии подходил к концу. Речь шла даже не о минутах, а о секундах: они промелькнут, и взгляд Уриэля-в-Шедуэлле упадет на деревья. И тогда они сгорят, невидимые или видимые.

Хэмел стоял рядом с Сюзанной, наблюдая за приближением ангела.

— Ты идешь? — спросил он.

— Через секунду.

— Либо сейчас, либо никогда.

Что ж, наверное, никогда. Сюзанну так заворожила невероятная сила, бушевавшая перед ней, что она не могла отвести от нее изумленного взгляда. Ее поражало, что подобное могущество растрачивается на пустое дело мщения; что-то не так с реальностью, которая делает это возможным, не предлагая ни исцеления, ни даже надежды на исцеление.

— Нам пора, — сказал Хэмел.

— Так идите, — ответила Сюзанна.

Слезы стояли у нее в глазах. Она не позволяла им пролиться, и они туманили взор. Вместе с ними она чувствовала поднимающийся менструум — он пришел не для того, чтобы ее защитить, а чтобы быть с ней до конца, немного порадовать ее напоследок.

Ангел поднял глаза. Она услышала крик Хэмела. Затем деревья справа от того места, где она стояла, охватило пламя.

Из глубины леса донеслись вопли, когда лопнул защитный экран.

— Врассыпную! — выкрикнул кто-то.

Услышав этот голос, Бич заставил лицо Шедуэлла растянуться в улыбке, и эта улыбка означала конец мира. Затем свет, исходящий от Шедуэлла, разгорелся ярче: Уриэль готовился к последнему удару, призванному навсегда уничтожить чародеев.

За мгновение до этого последнего удара кто-то позвал:

— Шедуэлл!

Прозвучало имя Коммивояжера, однако развернулся Уриэль, и смертоносный взгляд на время отвлекся.

Сюзанна смотрела теперь не на Бича, а на призвавшего его.

Это был Кэл. Он шагал по дымящейся земле, в которую превратилось заметенное снегом поле у подножия холма. Он двигался прямо на врага.

При виде Кэла Сюзанна, нисколько не колеблясь, покинула свое укрытие. Она вышла из-под защиты деревьев на открытое место. И не только она одна. Хотя Сюзанна не отводила взгляда от Кэла, она слышала рядом перешептывания и шаги: это ясновидцы выходили из укрытия. Такая солидарность перед лицом неумолимого истребления тронула ее до глубины души. Теперь, в самом конце, их присутствие подтверждало: мы все-таки вместе, чокнутые и ясновидцы, мы часть одной истории.

Раздался испуганный голос Апполин, и никто не стал заглушать ее слова:

— Да он рехнулся!

Потому что Кэл продолжал идти к Уриэлю по искореженной земле.

Треск пламени за спиной Сюзанны становился все громче. Пожар, раздуваемый ветром, распространялся по лесу. Его свет заливал землю, и тени ясновидцев падали на две фигуры в поле. Прекрасная одежда Шедуэлла была разорвана и опалена, лицо побледнело, как у покойника. Кэл был в своих ботинках из свиной кожи, и отблески пламени играли на нитях его пиджака.

Нет, это не его пиджак. Это пиджак Шедуэлла. Пиджак, полный чар.

Как же Сюзанна не заметила и не поняла этого с самого начала? Может быть, потому что пиджак так хорошо сидел на Кэле, хотя был сшит на человека в полтора раза крупнее его? Или же потому, что все ее внимание было сосредоточено на его лице. Она видела целеустремленность во взгляде Кэла, которую успела полюбить.

В десяти ярдах от Бича Кэл остановился.

Уриэль-в-Шедуэлле ничего не говорил, но во всем теле Коммивояжера угадывалось беспокойство, готовое в любой момент взорваться.

Кэл принялся расстегивать пуговицы пиджака. Он хмурился, потому что пальцы плохо слушались, но в итоге ему все-таки удалось проделать этот фокус, и пиджак расстегнулся.

Потом Кэл заговорил. Голос его звучал тихо, но не дрожал.

— Я хочу кое-что тебе показать, — начал он.

Сначала Уриэль-в-Шедуэлле ничего не ответил. А когда ответил, то это был голос не

духа, а занятого им тела.

— У тебя нет ничего из того, что я хочу, — произнес Коммивояжер.

— А это не для тебя, — возразил Кэл, и голос его зазвучал громче. — Это для ангела из Эдема. Для Уриэля.

На этот раз не ответили ни Бич, ни Коммивояжер. Кэл взялся за лацканы пиджака и распахнул его, показывая подкладку.

— Не хочешь взглянуть? — спросил он.

Ответом ему было молчание.

— Все, что ты увидишь там, — продолжал Кэл, — твое.

Кто-то рядом с Сюзанной спросил шепотом:

— Что он такое вытворяет?

Она знала ответ, но не стала тратить драгоценные силы на объяснения. Кэл нуждался во всей ее силе, всей ее надежде, всей ее любви.

А он снова обратился к Бичу.

— Что ты там видишь? — спросил Кэл.

На этот раз он получил ответ:

— Ничего.

Это сказал Шедуэлл.

— Я. Ничего. Не вижу.

— О Кэл, — выдохнула Сюзанна, уловив тень отчаяния на его лице.

Она прекрасно знала, о чем он сейчас думает, и разделяла его сомнения. Неужели чары пиджака умерли? Может быть, они выветрились, когда исчезли питавшие их жертвы, и Кэл вышел к Уриэлю совершенно безоружным?

Время тянулось бесконечно. Затем из утробы ангела раздался низкий стон. Когда он прозвучал, Шедуэлл снова открыл рот и заговорил. Только на этот раз негромко, как будто обращался к самому себе или же к тому, кто жил внутри него.

— Не смотри, — сказал он.

Сюзанна задержала дыхание, не решаясь поверить, что его слова были предостережением. Но как еще их можно истолковать?

— Ты ведь видишь там что-то, — настаивал Кэл.

— Нет, — ответил Шедуэлл.

— Смотри, — сказал Кэл, распахивая пиджак во всю ширь. — Смотри и выбирай.

И вдруг Шедуэлл взвыл.

— Он лжет! — причитал он, а тело его содрогалось. — Все это ложь!

Но стон, рвавшийся изнутри его существа, затопил все вопли. Это был не тот вой, какой Сюзанна слышала на вершине Лучезарного холма, не безумный вопль ненависти. Этот звук был полон бесконечной тоски. И словно отвечая на звук светом, пиджак засверкал. Его ткань не утратила силы, как Сюзанна того опасалась.

И тут же Шедуэлл снова закричал, срываясь на истерический визг.

— Нет! — вопил он. — Нет, будь ты проклят!

Однако Бич был глух к мольбам занятого тела. Он устремил все свои бесчисленные глаза на подкладку, выуживая из нее видение, доступное лишь ему одному.

Для Кэла это был миг ужаса и радости, так тесно сплетенных друг с другом, что он сам не мог отличить одно от другого. Но это уже не имело значения — события вышли из-под его контроля. Ему оставалось одно: стоять на месте, пока пиджак демонстрировал свои обманы.

Кэл не собирался его надевать, это вовсе не входило в его планы. У него и не было никаких планов, он просто брел через сугробы и надеялся, что не опоздал. Но события опережали его. Взгляд Уриэля отыскал убежище ясновидцев и начал уничтожать его. Найденный пиджак оказался бессильным, защита ясновидцев рушилась. Но при виде Коммивояжера Кэлу пришла в голову мысль: чары пиджака действовали, когда его надевал Шедуэлл, и, значит, нет иного выхода, кроме как сделать то же самое.

Кэл сунул руки в рукава, и тут же пиджак обхватил его, как медицинская перчатка. Кэл

чувствовал его объятия, когда приступил к торгу. Пиджак стал частью Кэла, а Кэл — частью пиджака.

Даже сейчас, перед Уриэлем, Кэл чувствовал, как пиджак пробивается к нему, выискивая человеческую сущность, чтобы сдобрить ею созданную иллюзию. Взгляд ангела завороженно сосредоточился на подкладке, заемное лицо искажалось с каждым вздохом, который Шедуэлл растрачивал впустую на мольбы и предостережения.

— Он обманет тебя! — ревел он. — Это же магия! Ты слышишь меня?

Если ангел и сознавал его панику, он не понимал ее. А если понимал, ему было наплевать на Шедуэлла. Искусительные способности пиджака достигли своего апогея. До сих пор ему доводилось соблазнять только чокнутых, чьи сердца мелочны и сентиментальны, а желания редко поднимаются выше банальностей. Однако существо, которое сейчас вглядывалось в его глубины, мечтало о чем-то совершенно ином. У Уриэля не было безмятежного детства, о котором он мог тосковать, не было возлюбленных, по которым он мог скорбеть. Его умственные возможности, хотя и пребывавшие долгое время в стерильной обстановке, были безграничны. Пришлось вычерпать чары пиджака до дна, чтобы воплотить самый желанный для ангела образ.

Пиджак начал коробиться и морщиться на спине Кэла. Швы потрескивали, как будто пиджак с трудом выдерживал то, о чем его просили, и был готов разлететься в клочья. Кэл ощущал, что и с ним может произойти то же самое, если в ближайшее время все не закончится. Притязания пиджака на него самого сделались невыносимыми: эта одежда все глубже вгрызалась в своего хозяина и вынимала из него душу, чтобы сделать видение под стать запросам ангела. Руки и торс Кэла онемели, пальцы не находили сил удерживать пиджак распахнутым. Силы, заключенные в подкладке, теперь сами держали его нараспашку, а Кэл просто стоял, окутанный нитями силы, и в его мозгу мелькали обрывки грез Уриэля. Он с трудом улавливал смысл в этих видениях.

Он видел планету света, вращавшуюся вокруг своей оси прямо у него перед носом. Эта громадина задевала его по губам. Там было море пламени, накатывающее на пляж: из камня и облаков. Там были образы, на которые он не смел взглянуть даже мысленным взором. Они окутывали себя тайной собственного дыхания.

Но все это были краткие видения, и когда они промелькнули, Кэл снова стоял на истерзанной земле, а его тело было измучено жаждой Уриэля. Пиджак исчерпал свои возможности. Он начал распадаться. Нити расплетались из утка и основы, сгорая на глазах.

Однако Уриэль не желал, чтобы его дурачили. Его глаза впились в ткань, требуя исполнить то, что обещал Кэл. Под его напором пиджак окончательно сдался, но, когда он погибал, Уриэль получил обещанное. Подкладка взорвалась, и из нее возник образ желания Уриэля. Яркость этого образа ослепила Кэла.

Он услышал рев Шедуэлла, потом закричал и сам, перекрывая шум и умоляя ангела прижать видение к груди.

Уриэль не стал медлить. Он желал обладать этим видением так же страстно, как Кэл желал избавиться от него. Сквозь туманную дымку Кэл видел, как вспыхнуло тело Шедуэлла, когда ангел внутри него приготовился явить себя. Коммивояжер мог лишь закричать от отчаяния, когда его подбросило в воздух и Уриэль начал выступать наружу. Кожа Шедуэлла натянулась, как на барабане, до крайних пределов, рот раскрылся широким «О». Кожа треснула, и наружу полезли внутренности. Коммивояжер лопнул, тело его взорвалось, чтобы выпустить захватчика; ошметки плоти сгорели в тот же миг, когда разлетелись в стороны и выпустили разрушителя во всей красе.

Кэл ясно увидел перед собой воплощение того, что лишь краем глаза успел заметить на Чериот-стрит: глаза Уриэля, контуры Уриэля, жажду Уриэля.

А затем магнетический взгляд ангела потянул к себе иллюзию, которую его воля выдернула из обрывков пиджака, и сам двинулся ей навстречу.

Видение предстало перед ним: такое же яркое, как Уриэль, такое же огромное, как он. Этот образ, порожденный чарами пиджака, и был еще одним Уриэлем. Он был точной копией

серафима. Когда он поднялся, остатки пиджака упали со спины Кэла, но гибель одежды никак не отразилась на рожденном ею существе. Отражение Уриэля стояло перед силой, вызвавшей его из небытия.

Когда Кэл потерял и силы, и видения, мелькавшие перед ним, он ощутил чудовищную банальность происходящего. У него не осталось энергии, чтобы поднять голову и посмотреть на возвышавшееся над ним чудо. Его глаза были обращены внутрь себя, и он видел там пустоту. В этой пустыне его прах летел по ветру вместе с прахом всего, что он когда-то любил и потерял; летел вечно, до скончания времен, не ведая ни отдыха, ни смысла.

Тело Кэла не выдержало, он упал, как подстреленный, а песок в голове уносил его прочь, в бездну. Он не видел, что было дальше.

Сюзанна заметила, как он упал. Не глядя на гигантов, возвышавшихся над горящим лесом, она кинулась ему на помощь. Ангелы над головой полыхали, как двойное солнце, воздух от их удвоенных энергий вонзался в кожу невидимыми иголками. Сюзанна не обращала на это внимание и тащила Кэла прочь, подальше от места свидания духов. У нее не осталось ни страха, ни надежды. Важно и необходимо только одно: отнести Кэла в безопасное место. Чему суждено быть, то будет. Ее это не касается.

К ней на помощь бросились остальные: Апполин, Хэмел и Нимрод с дальнего конца поля. Они подняли Кэла, вынесли его из облака невидимых иголок и осторожно положили туда, где земля была мягче.

А у них над головами противостояние перешло в новую стадию. Контуры Уриэля невообразимо усложнились, его строение менялось со скоростью мысли: отчасти механизм, отчасти крепость из всепроникающего огня. Товарищ Уриэля менялся точно так же. Между ними пролетали стрелы, похожие на иглы с нитями огня, и эти нити притягивали их все ближе друг к другу, пока ангелы не слились, как любовники.

Если Уриэль настоящий и Уриэль воображаемый были двумя разными существами, то теперь различия между ними стерлись. Подобного рода разграничения свойственны чокнутым, которые считают, будто существуют и внутри своей головы, и снаружи. Для них мысль это лишь тень бытия, а не истина сама по себе.

Уриэль знал об этом лучше. Правда, потребовалась древняя наука, чтобы он признал свое сокровенное желание: просто-напросто заглянуть в свое собственное лицо и увидеть, каким он был до того, как его свело с ума одиночество.

Теперь он обнимал позабытую часть себя, мгновенно усвоив урок. Бездна его безумия была так же глубока, как высоки звезды, откуда он спустился. Он позабыл о своей природе и отдался навязчивой идее, исполнению никому не нужного долга. Но теперь он посмотрел на себя, увидел себя во всем своем величии и освободился от наваждения. Отринул его и обратил взгляд на звезды.

Его место на небесах. Там вечность, которую здесь он провел впустую, становилась единым днем, а его горе, как и любое горе, было больше ему неведомо.

С этой мыслью ангел взлетел — он и его второе «я», слитые в одно сияющее существо.

По небу плыли тучи. Он мгновенно скрылся над ними, оставив дождь из мерцающих огней падать на лица тех, кто наблюдал за его исчезновением.

* * *

— Исчез, — произнес Ло.

Огни погасли, и только снежные хлопья падали с небес.

— И что же, все закончилось? — желала знать Апполин.

— Думаю, да, — ответил Хэмел.

По его щекам катились слезы.

Порыв свежего ветра оживил пламя, пожиравшее лес. Однако это уже не имело значения. Им больше не нужно скрываться. Кажется, сегодня ночью изгнание закончилось.

Сюзанна посмотрела на Кэла, обняв его, как когда-то обнимала Джерико. Но Джерико

умер у нее на руках, а Кэл будет жить. Она поклялась себе, что он не умрет. Он все-таки пострадал во время гибели пиджака: кожа на лице и груди была обожжена и покрыта копотью. Но это лишь видимые повреждения.

— Как он? — спросил незнакомый голос.

Сюзанна подняла голову и встретилась взглядом со взглядом чокнутого. Человек был закутан в многослойные одежды и так же обеспокоен, как она сама.

— Сюзанна? — произнес он. — Моя фамилия Глюк. Я друг Кэлхоуна.

— Добро пожаловать, — произнес кто-то.

Глюк засветился от счастья.

— Он не умрет, — сказала Сюзанна, поглаживая лицо Кэла. — Ему просто нужно немного поспать.

— У него была трудная ночь, — заметил Нимрод, и по его стоическому лицу тоже покатились слезы.

V
Лунатик

1

Вокруг была пустыня, и Кэл был песком в этой пустыне, и его надежды и мечты были песком в этой пустыне, и все они неслись под неумолимым ветром.

Он приобщился к состоянию Уриэля до его исцеления. Он разделил с духом одиночество и отчаяние, его хрупкий разум занесло в пустоту, и он остался там умирать. Он не знал исхода. В конечном счете вся его жизнь была пустыней: из огня, снега, песка. Везде сплошная пустыня, и он будет скитаться по ней, пока его держат ноги.

2

Тем, кто ухаживал за Кэлом, казалось, что он просто спит. Во всяком случае, сначала. И его оставили отсыпаться, понадеявшись, что он проснется здоровым. Пульс у него был ровным, кости не повреждены. Все, что ему требовалось, это время для восстановления сил.

Но когда на следующий день он проснулся в доме Глюка, тотчас же стало ясно, что не хватает чего-то важного. Глаза его открылись, но Кэла не было. Взгляд его никого не узнавал и был лишен проблесков разума. Глаза Кэла были пусты, как чистый лист бумаги.

Сюзанна не знала — никто из них не знал, — что он разделил с Уриэлем во время столкновения, но она могла догадываться, основываясь на собственном опыте. Менструум научил ее, что любой обмен — дорога с двусторонним движением. Кэл облачился в пиджак Иммаколаты и дал Уриэлю его видение. Но чем безумный дух наградил его взамен?

Когда через два дня в его состоянии не произошло никаких перемен, на помощь позвали квалифицированных специалистов. Врачи провели множество исследований, но так и не смогли найти физических отклонений. Это не кома, постановили они, а скорее какой-то транс; они не могли припомнить ничего похожего, кроме разве что лунатизма. Один из врачей даже предположил, что Кэл сам вызвал у себя это состояние, и Сюзанна не отрицала такой возможности.

В итоге медики признались, что не видят ни одной причины, по которой пациент не приходит в себя и не может жить нормальной жизнью. Причин великое множество, сказала про себя Сюзанна, но она не станет ничего им объяснять. Возможно, он увидел слишком много и пережитое сделало его равнодушным к бытию.

3

А песок все кружил.

Иногда ему казалось, что он слышит в ветре голоса, ужасно далекие голоса. Но они сразу же затихали и оставляли его в одиночестве. Это к лучшему, понимал Кэл, потому что если за пределами этой пустыни есть какое-то иное место и голоса пытаются зазвать его туда, это причинит ему боль. Лучше остаться одному. Кроме того, рано или поздно обитатели того, другого, места придут к нему сюда. Они состарятся, умрут и станут песком в его пустыне. Так все и бывает, всегда было и всегда будет.

Все всегда обращается в песок.

4

Каждый день Сюзанна по нескольку часов разговаривала с ним. Она рассказывала ему, как прошел день, кого она видела, называла имена людей, которых он знал, и места, где он бывал, в надежде, что это выведет его из инертного состояния. Но ответа не было. Не было даже намека на ответ.

Иногда его полное равнодушие приводило ее в тихое бешенство, и она бросала в его бесстрастное лицо обвинения. Она говорила, что с его стороны это эгоизм. Она же любит его, неужели он не чувствует? Она любит его и хочет, чтобы он узнавал ее, был с ней. Порой она была близка к отчаянию и, как бы сильно ни старалась, не могла сдержать слез тоски и печали. Тогда она уходила от его постели, чтобы взять себя в руки. Она опасалась, что где-то в глубине своего замкнутого разума он может услышать, как она горюет, и уйдет в себя еще глубже.

Сюзанна пыталась пробиться к нему даже с помощью менструума, но Кэл был настоящей крепостью. Ее призрачное тело могло наблюдать за ним, но не могло войти внутрь. То, что она видела, не внушало оптимизма. Создавалось впечатление, что эта крепость необитаема.

5

За окнами дома Глюка ничего не менялось: не было заметно никаких признаков жизни. Это была самая суровая зима с начала века. Снегопад следовал за снегопадом, слой льда намерзал на слой льда.

Когда январь подходил к своему печальному завершению, никто уже не спрашивал о здоровье Кэла. У всех в это мрачное время имелись собственные проблемы, и было не так уж сложно выбросить мысли о Кэле из головы: ведь он не испытывал боли, во всяком случае никак не показывал, что испытывает боль. Даже Глюк тактично заметил Сюзанне, что не стоит тратить на него столько времени. Ей нужно приходить в себя, как-то обустраивать жизнь, думать о будущем. Она сделала все, что может сделать преданный друг, и даже больше, убеждал ее Глюк. Нужно поделить обязанности с другими.

— Не могу, — сказала она.

— Почему же? — спросил он.

— Я люблю его, — отвечала она, — и хочу быть с ним.

Хотя, конечно, это была половина правды. Вторая половина заключалась в книге.

Книга лежала в комнате Кэла. Сюзанна оставила ее там в тот день, когда они вернулись с Лучезарного холма. Хотя Мими сделала подарок именно ей, нынешняя магия книги предполагала, что Сюзанна не имеет права открывать том в одиночестве. Ей снова требовалась помощь Кэла, как тогда в храме, когда они использовали силу Станка и наполнили книгу общими воспоминаниями. Теперь без него нельзя было запустить обратный процесс. Магия висела в пространстве между ними. Сюзанна не могла назвать своим то, что создано их совместным воображением.

Пока Кэл не очнется, никто не расскажет «Истории о таинственных местах». А если он не очнется, никто не расскажет их никогда.

6

В середине февраля, когда в воздухе угадывался фальшивый намек на близкую весну, Глюк отправился в Ливерпуль. После неких таинственных расспросов на Чериот-стрит он разыскал Джеральдин Келлуэй. Она приехала вместе с ним в Харборн, чтобы навестить Кэла. Его состояние повергло ее в шок, это было очевидно. Но прагматизм Джеральдин был таков, что она первой решилась бы заварить чайку после Армагеддона, поэтому через час она уже освоилась с Кэлом.

Джеральдин уехала обратно в Ливерпуль через два дня. Она вернулась к той жизни, которая сложилась в отсутствие Кэла, и обещала скоро приехать еще.

Если Глюк надеялся, что ее присутствие поможет вывести Кэла из ступора, его надежды не оправдались. Лунатик пребывал в том же состоянии весь февраль и начало марта, а приход весны откладывался и откладывался.

Днем они поднимали его с постели, усаживали у окна, и он сидел там, глядя на скованную морозом землю за домом Глюка. Его вкусно кормили, но он жевал и глотал с механической старательностью животного. Его каждый день брили и мыли, ему массировали ноги, чтобы не атрофировались мышцы, но всем, кто заходил его навестить, а в особенности Сюзанне и Глюку, было ясно, что он собирается умереть.

7

А песок все кружил.

VI
Волшебство

1

Если бы Финнеган не позвонил, она ни за что не поехала бы в Лондон. Но он позвонил, и Сюзанна поехала, скорее по настоянию Глюка, чем по собственному желанию.

Однако как только она вышла из дома и села в поезд, она ощутила, что груз последних недель немного отпустил ее. Разве она сама не говорила когда-то Апполин: они еще живы, и это уже решение? Так и есть. Нужно получить от жизни все ее радости, и никакие печальные обстоятельства не заставят отказаться от этого.

Финнеган был в необычном для него подавленном состоянии. Его дела в банке в последнее время шли неважно, и ему требовалась дружеская поддержка. Сюзанна охотно оказала ему эту поддержку и едва ли не с удовольствием выслушала поток его жалоб, поскольку они отвлекали ее от собственных проблем. Финнеган закончил плакаться, улыбнулся и напомнил Сюзанне, как она однажды заявила, что никогда не выйдет замуж за банкира. Если он в скором времени окажется не у дел, не подумает ли она еще раз над его предложением? По тону было ясно, что он не ждет положительного ответа, и он его не получил. Однако Сюзанна выразила надежду, что они останутся друзьями.

— Какая ты все-таки странная женщина, — произнес он, когда они прощались, вроде бы без связи с тем, что было сказано раньше.

Сюзанна восприняла это замечание как комплимент.

2

День уже клонился к вечеру, когда она вернулась в Харборн. Начиналась очередная морозная ночь, украсившая жемчугами улицы и крыши домов.

Когда она поднялась наверх, она обнаружила, что их лунатик сидит не возле окна на стуле, а на кровати с горой подушек, подложенных под спину, и взгляд у него такой же пустой, как и раньше. Кэл казался больным. Следы, оставленные на его лице откровениями Уриэля, выделялись на бледной коже. Этим утром Сюзанна ушла слишком рано и не побрила больного, а теперь с огорчением наблюдала, как эта мелочь сказалась на его внешнем виде. Тихонько рассказывая, где она побывала, Сюзанна перевела его с кровати на стул у окна, где было светлее. Потом принесла из ванной электрическую бритву и принялась сбривать щетину.

Поначалу ей было нелегко вертеть его, словно куклу, и она огорчалась. Но время закалило Сюзанну, и теперь забота о внешнем виде Кэла стала выражением ее чувств к нему.

Однако в тот вечер, едва сумерки поглотили дневной свет, Сюзанна ощутила, что в ней поднимаются прежние тревоги. Может быть, причиной тому был день вне дома, далеко от Кэла, заставивший ее взглянуть на него по-новому. Или же ощущение, что события постепенно подходят к завершению и осталось не так много дней, когда она может брить и купать его. Все вот-вот закончится.

Ночь опустилась на дом слишком быстро, и в комнате стало совсем темно. Сюзанна подошла к двери и включила свет.

В оконном стекле появилось отражение Кэла, повисшее на фоне заоконной тьмы. Сюзанна оставила его глазеть на собственное лицо, а сама пошла за расческой.

* * *

В пустоте перед ним появилось нечто, но он не мог понять, что именно. Ветер был слишком сильный, а он, как и прежде, был песком.

Однако тень, или что это было, настаивала, и по временам — когда ветер чуть затихал — ему казалось, что она изучает его. Он оглянулся на нее, и взгляд тени зацепил его. Поэтому ветер не сдул и не унес песок, из которого он был сделан, и он на мгновение замер.

Когда он, в свою очередь, заглянул тени в глаза, лицо перед ним прояснилось. Он смутно узнавал это лицо, оно было из некоего места, которое он обрел, а потом потерял. Эти глаза и пятно, протянувшееся со лба на щеку, принадлежали кому-то, кого он давно знал. И он раздражался, оттого что он не мог вспомнить, кто это и где он видел этого человека раньше.

И в итоге не лицо оживило воспоминание, а та темнота, что его окружала.

Когда он видел этого человека в последний раз — возможно, единственный раз, — тот стоял на фоне другой темноты. Кажется, на фоне тучи, освещаемой молниями. И у тучи тоже имелось название, только он не мог его вспомнить. И место как-то называлось, но этого он не мог вспомнить и подавно. Зато он помнил миг их встречи и некоторые детали путешествия, завершившегося их встречей. Он ехал на рикше по местности, где время каким-то образом вышло из-под контроля. Где сегодняшний день купался и во вчерашнем, и в завтрашнем воздухе.

Из любопытства ему хотелось узнать имя незнакомца, пока ветер не подхватил его и не погнал снова вперед. Но он был песком и не мог спросить. Вместо этого он прижался всеми песчинками к темноте, на фоне которой вырисовывалось таинственное лицо, и протянул руку, чтобы коснуться его кожи.

Но коснулся он не теплой плоти, а холодного стекла. Пальцы скользнули по окну, оставив на стекле туманные отпечатки.

Перед ним стекло, смутно подумал он. Если так, значит, он смотрит на самого себя. И тот человек, с кем он встречался, кто стоял на фоне безымянного облака, был он сам.

* * *

Когда Сюзанна вернулась в комнату, ее ждал сюрприз. Она была почти уверена, что

руки Кэла лежали на коленях, когда она уходила, а теперь его правая рука свисала вдоль тела. Неужели он пытался двигаться? Если так, то это первое движение, сделанное им по своей воле с тех пор, как он впал в транс.

Она заговорила с ним. Тихо спросила, слышит ли он ее, и если слышит, помнит ли ее имя. Но, как и раньше, это был монолог. Либо его рука просто соскользнула с колена, либо она ошиблась и рука свисала так с самого начала.

Вздохнув, Сюзанна принялась расчесывать ему волосы.

* * *

Он все еще был песком в пустыне, но теперь у песка была память.

И ее хватило, чтобы придать ему вес. Ветер дергал его, собираясь гнать дальше, но на этот раз он отказался двигаться. Ветер яростно завывал вокруг него. Он не обращал внимания, оставался на месте посреди пустоты, тем временем пытаясь собрать в одно целое разрозненные клочки мыслей.

Он однажды встречался с самим собой, в доме рядом с облаком. Его привез туда рикша, а мир вокруг них сворачивался.

Как так могло получиться, как он мог встретить самого себя в старости? Что же это значит?

Ответить на этот вопрос было не так уж сложно, даже песку. Это значит, что в некоем будущем ему предстоит войти в мир и жить в нем.

И что же следует из этого? Что из этого следует?

Что это место не потеряно.

Да! Господи, ну конечно! Вот оно. Он снова окажется там. Может быть, не завтра и не послезавтра, но когда-нибудь, в один прекрасный день, он обязательно будет там.

Мир не потерян. Фуга не потеряна.

Ему требовалось только это знание, только эта уверенность, чтобы проснуться.

* * *

— Сюзанна, — позвал он.

3

— Где она? — Это был единственный вопрос, который задал Кэл, когда они закончили обниматься. — Где она спрятана?

Сюзанна дошла до стола и дала ему книгу Мими.

— Здесь, — сказала она.

Он погладил ладонью переплет, но не осмелился открыть книгу.

— Как мы это сделали? — спросил он.

Он говорил со всей серьезностью, словно ребенок.

— В Вихре, — ответила она. — Мы с тобой. С помощью Станка.

— Все-все? — спросил он. — Все собрано здесь?

— Не знаю, — честно призналась она. — Посмотрим.

— Прямо сейчас.

— Нет, Кэл. Ты еще слишком слаб.

— Я стану сильным, — просто сказал он, — как только мы откроем книгу.

Ей было нечего возразить, поэтому она подошла и положила ладони на подарок Мими. Когда ее пальцы сплелись с пальцами Кэла, лампочка у них над головой мигнула и погасла. Погруженные в темноту, они держали между собой книгу, как когда-то ее держали Сюзанна и Хобарт. Однако сейчас силы, заключенные в страницах, пробуждала не ненависть; сейчас там была радость.

Они чувствовали, как книга задрожала от их прикосновения и сделалась теплее. А потом выскользнула из их рук к окну. Заледенелое стекло разбилось, и книга исчезла, провалившись в ночь.

Кэл вскочил на ноги и заковылял к окну, но, прежде чем он успел подойти, страницы распались и взлетели, птицами мелькнули в ночи, пронеслись, словно голуби. Мысли, которые Станок записал между строк, светились и обретали жизнь. Затем страницы снова метнулись вниз и исчезли из виду.

Кэл отвернулся от окна.

— В сад, — сказал он.

Ему казалось, что его ноги сделаны из ваты, и Сюзанне пришлось поддерживать его, пока они шли к двери. Вместе они вышли на лестницу.

Глюк слышал звон разбитого стекла и уже поднимался по лестнице с кружкой чаю в руке, чтобы узнать, в чем дело. Он за свою жизнь повидал немало чудес, однако при виде Кэла, призывающего его идти на улицу, скорее идти на улицу, так и застыл с разинутым ртом. Когда он сумел сформулировать вопрос, Кэл и Сюзанна уже преодолели половину второго лестничного пролета. Глюк кинулся за ними в прихожую, через кухню к задней двери. Сюзанна уже отпирала засовы снизу и сверху.

Хотя за окном только что была зима, на пороге их встретила весна.

А прямо в саду, разрастаясь у них на глазах, открылся источник этого чуда: дом вечной радости, место, за которое они сражались и едва не погибли, спасая его.

Фуга!

Она стекала с разрозненных страниц книги во всем своем неповторимом великолепии, прогоняя лед и тьму, как прогоняла их и прежде. Время, проведенное среди сказок, не прошло для нее даром. Она явилась с новыми загадками и новым очарованием.

В свое время Сюзанна откроет здесь древнюю науку и с ее помощью залечит старые раны. И здесь же, в каком-то будущем немыслимом году, Кэл переедет жить в дом на границе с Вихрем, куда однажды придет некий молодой мужчина, чья история ему известна. Все это было впереди, все, о чем они вместе мечтали. Все ожидало своего часа, чтобы родиться.

И в этот самый миг во всех сонных городах, разбросанных по острову, изгнанники пробуждались и поднимали головы с подушек. Несмотря на мороз, они широко распахивали окна и двери, чтобы встретить новость, которую несла им ночь: то, что можно вообразить, никогда не умрет. И даже здесь, в Королевстве, волшебство отыщет для себя дом.

Начиная с этой ночи мир един для жизни и для мечтаний, Страна чудес всегда будет на расстоянии одного шага, одной мысли.

* * *

Сюзанна, Кэл и Глюк вместе вышли из дома и направились в эту волшебную ночь.

Перед ними разворачивались удивительные картины: друзья и места, исчезнувшие, как они боялись, навсегда, возвращались, чтобы приветствовать их и поделиться своим волшебством.

Настало время для чудес. Для призраков и превращений, для страстей и двусмысленностей, для полуденных видений и полуночного торжества. И этого времени было в избытке.

Потому что ничто никогда не начинается.

И эта история, не имеющая начала, не имеет и конца.